

Jacqueline SUSANNE * The LOVE MACHINE

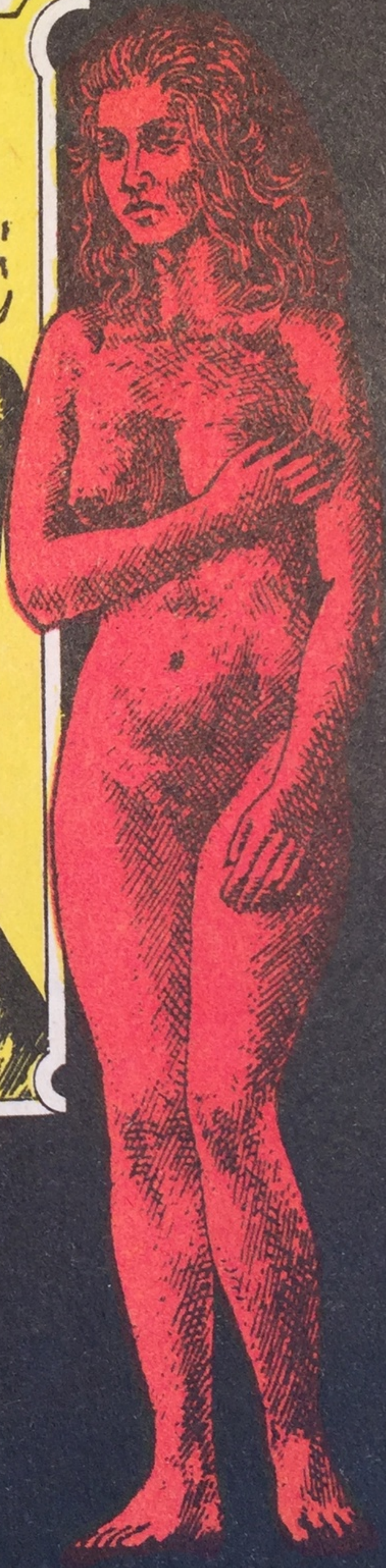
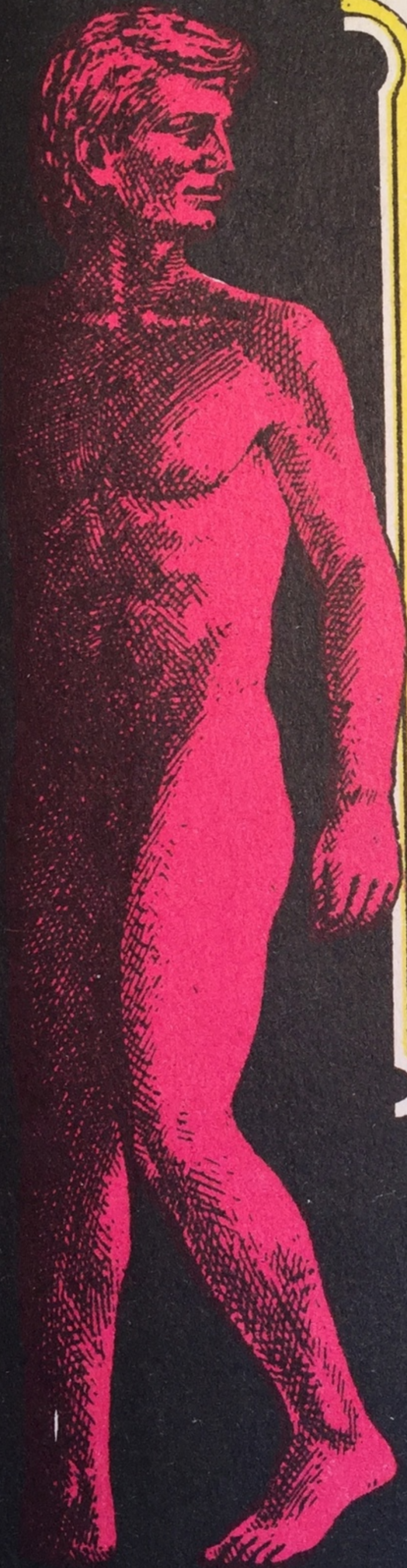
МАШИНА ЛЮБВИ

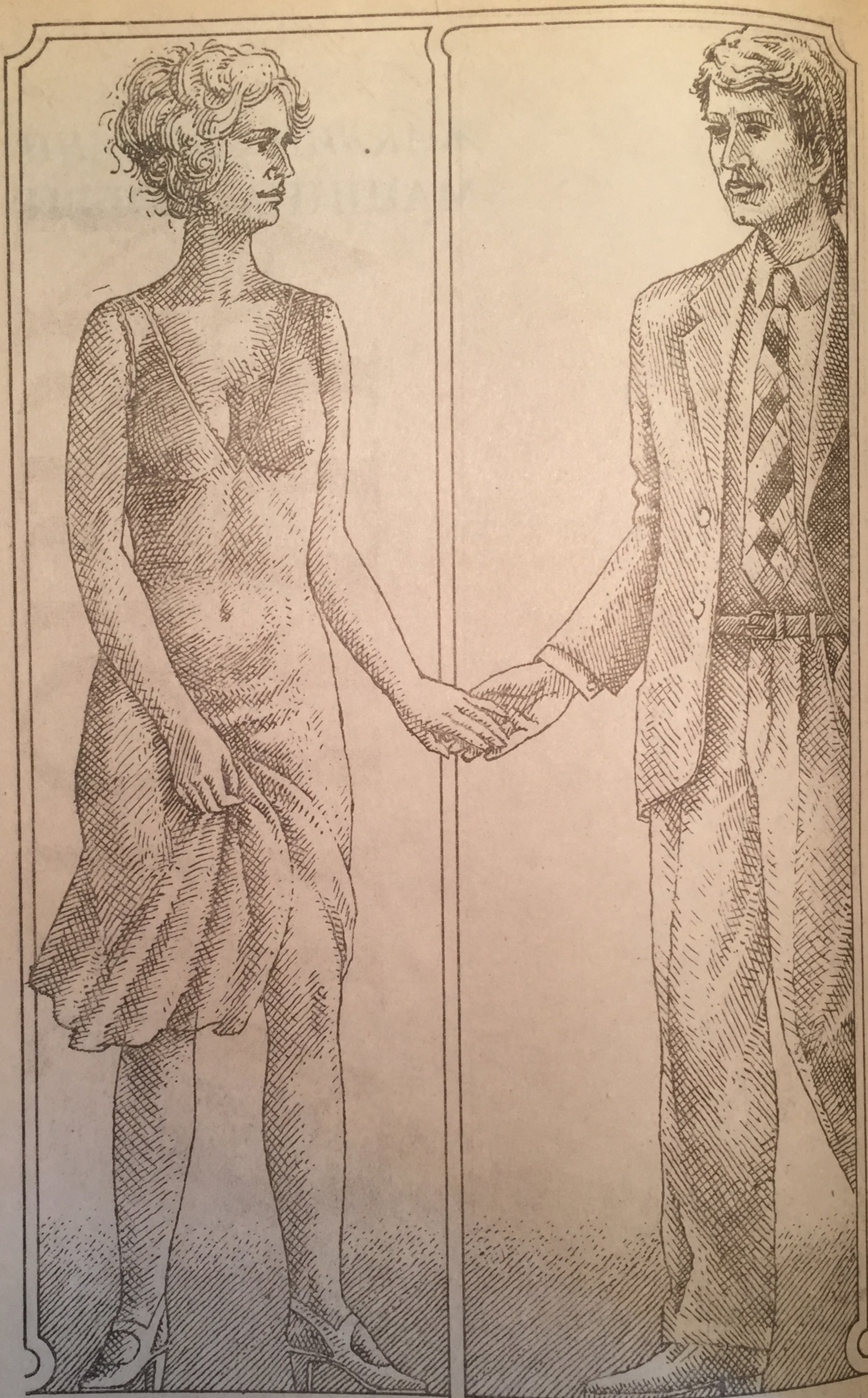
— ၄၃ —

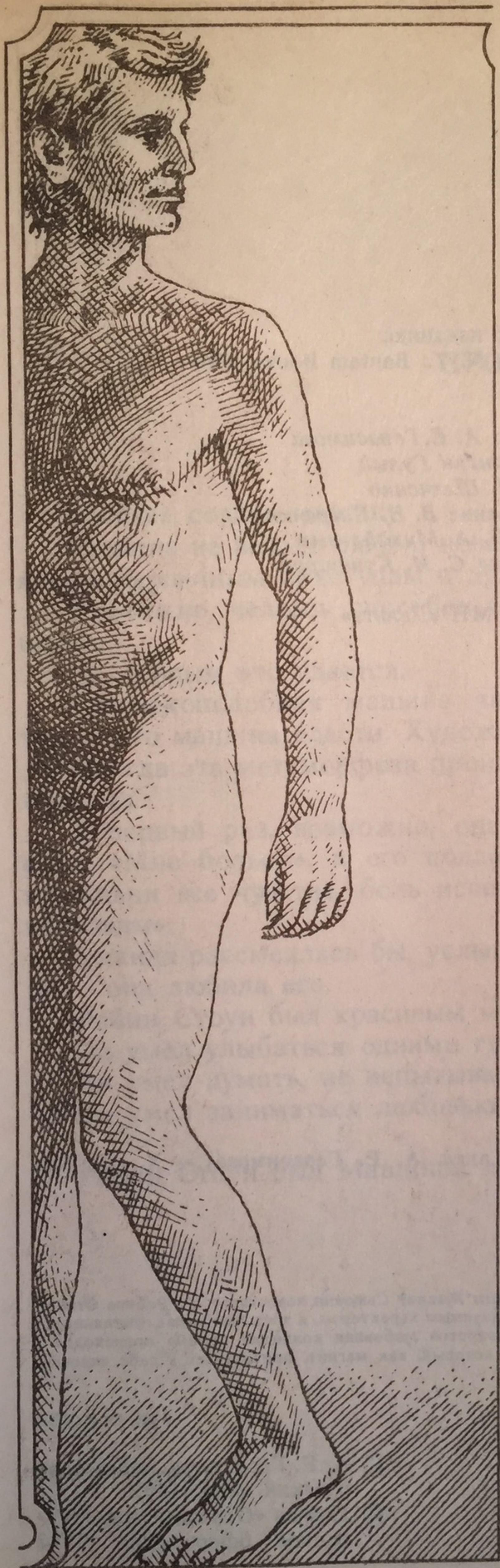

— ၄၃ —

ЖАКЛИН СЬЮЗАНН МАШИНА ЛЮБВИ

М.А.К.М.У.Н.
С.С.Н.З.А.Н.Н.

МАТЮШЕНА ЛЮБОВИ

Харьков
«Основа»
1992

ББК 84.4 США
С96

Переведено по изданию:
Susanne J. The Love Machine.— N.-Y.: Bantam Books, 1969.

Перевод с английского А. Е. Герасимова
Редактор Константин Гулый
Художник В. Я. Шевченко
Художественное оформление В. Е. Петренко
Слайды изготовлены Б. А. Михайловым
Ответственный за выпуск С. И. Кушнирук

Издано по заказу МП «Дельта»

С96 Сьюзанн Ж.
Машина любви: Роман / [Пер. с англ. А. Е. Герасимова].— Х.: Основа,
1992.— 400 с.; ил.

ISBN 5-11-001010-2

В книге известной американской писательницы Жаклин Сьюзанн повествуется о Робине Стоуне, великолепном и талантливом мужчине с непредсказуемым характером, и трех женщинах, пытающихся завоевать его сердце. Полная неожиданных поворотов любовная коллизия романа происходит в мире политиков и артистической богемы, мире, который, как магнит, притягивает к себе человека и вместе с тем жестоко ранит его.

С 4703040100-117 Без объявл.
226-92

ББК 84.4 США

ISBN 5-11-001010-2

© А. Е. Герасимов, перевод на
русский язык, 1992
© Изд-во «Основа», художест-
венное оформление, 1992

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ.	5
Часть первая. АМАНДА	6
Часть вторая. МЭГГИ	173
Часть третья. ДЖУДИТ	281

Кэрол Бьеркман посвящается

ПРОЛОГ

Человек создал машину.

Машина не ведает любви, ненависти и страха; она не подвержена язвам, сердечным приступам и душевным волнениям.

Возможно, человек способен выжить, лишь превратившись в машину.

Некоторым это удастся.

Человекоподобная машина часто управляет обществом: диктатор — это машина власти. Художник может стать машиной таланта.

Иногда эта метаморфоза происходит незаметно для самого индивидуума.

В первый раз, возможно, она случается, когда человек говорит себе: «Мне больно», а его подсознание отвечает: «Если выбросить из жизни все чувства, боль исчезнет вместе с ними, и ты станешь неуязвим».

Аманда рассмеялась бы, услышав нечто подобное о Робине Стоуне — она любила его.

Робин Стоун был красивым мужчиной.

Он умел улыбаться одними губами.

Он умел думать, не испытывая эмоций.

Он умел заниматься любовью с Амандой.

Робин Стоун был Машиной любви.

Часть
первая

АМАНДА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Понедельник, март 1960

В девять часов утра она стояла в льняном платье на ступенях перед «Плазой», дрожа от холода. Костюмерша подошла к Аманде, чтобы поправить складки платья. Фотограф воспользовался паузой, чтобы перезарядить камеру. Парикмахер зафиксировал лаком выбившуюся прядь волос, и съемки возобновились. Толпа любопытных была счастлива — ей удалось увидеть известную фотомоделю замерзающей в легком летнем платье на холодном мартовском ветру. Заснеженные холмы Сентрал-парка, напоминавшие о недавней метели, делали зрелище еще более привлекательным. Зеваки в теплой зимней одежде не испытывали обычной зависти к продрогшей девушке, которая за одно утро зарабатывала больше, чем любой из них получал за неделю.

Аманда не замечала зрителей. Она думала о Робине Стоуне. Иногда это помогало ей, особенно после чудесной ночи, проведенной с ним.

Сегодня мысли Аманды не утешали ее. Ночью она спала одна. От Робина не было вестей. В субботу он должен был прочитать лекцию в Балтиморе, а в воскресенье — произнести речь на обеде в Филадельфии. «Я начну в семь часов, а к десяти вернусь в Нью-Йорк, — обещал он. — Мы пойдем в «Улан» и съедим по гамбургеру». Она просидела до двух часов ночи, не снимая макияжа. Он даже не позвонил.

Фотограф закончил съемку. Администратор группы поспешил к Аманде с шубой и термосом. Она зашла в отель и опустилась в глубокое кресло, стоявшее в вестибюле. Отпила кофе. Лыдинки в ее венах начали оттаивать. Слава Богу, остальные снимки предстояло сделать в помещении.

Она допила кофе и поднялась в «люкс», снятый для съемок. Одежда висела в шкафу. С помощью костюмерши Аманда сняла льняное платье и надела «домашние» джинсы. Подложила в лифчик подкладки, увеличивающие грудь, проверила макияж. Когда Аманда провела гребнем по своим мягким, густым, каштановым волосам, послышался треск электрических разрядов. Вчера она помыла волосы и распустила их — Робину это нравилось. Днем ее ждали трехчасовые съемки для «Олвисо Косметикс». Парикмахер, вероятно, изменит прическу. Джерри Мосс настаивал на том, чтобы Аманда собирала волосы на затылке — по его мнению, тогда фотографии получались более эффектными.

В одиннадцать часов Аманда удалилась в ванную, чтобы надеть

свою собственную одежду. Она вынула из сумки футляр с зубной щеткой и пастой. Тщательно почистила зубы. Сегодня она снималась для рекламы летней губной помады «Олвисо». Спасибо господу за идеальные зубы. Спасибо господу за волосы. И за лицо. У Аманды были прекрасные длинные ноги, узкие бедра, хороший рост. Только в одном господь сплеховал. Аманда с горечью посмотрела на подкладки, лежавшие в лифчике. Подумала о женщинах, которые будут рассматривать фотографии — о секретаршах, домохозяйках, толстоногих «пышках». Все они имели груди и принимали это как должное. Аманда была плоскогрудой, как юноша.

Для фотомодели это оказалось достоинством. Только не в личной жизни. Аманда помнила смятение, охватившее ее, когда у двенадцатилетних подруг стали появляться «выпуклости». Она прибежала к тете Розе. Та засмеялась: «Погоди, милая, они у тебя еще вырастут, только бы они не были такими большими, как у меня!»

Но они так и не появились. Когда Аманде исполнилось четырнадцать лет, тетя Роза сказала: «Милая, господь дал тебе красивое лицо и светлую голову. Важно, чтобы мужчины любили тебя самую, а не твою внешность».

Эти рассуждения казались Аманде разумными, когда она слушала на кухне тетю Розу. Никто из них двоих не предполагал, что Аманда окажется в Нью-Йорке и встретит там тех людей, среди которых протекала теперь ее жизнь.

К их числу относился Певец — мысленно Аманда всегда называла Билли только этим именем. Когда они познакомились, ей было восемнадцать, она недавно начала сниматься. Учась в школе, Аманда слушала его пластинки. В двенадцать лет простояла два часа в очереди, чтобы попасть на концерт, который Билли давал в местном кино-театре. Аманда была потрясена, увидев его на вечеринке. Еще более невероятным показалось ей то, что он выделил ее среди прочих девушек. «Это была любовь с первого взгляда!» — сказал позже Билли одному репортеру. С этого вечера она стала его постоянной спутницей. Аманда еще не была знакома с таким стилем жизни — премьеры в ночных клубах, лимузин с шофером, свита поклонников, поэты, менеджеры, пресс-секретари. Все эти люди тотчас приняли ее в свою семью. Эффектное ухаживание Билли и внезапное внимание прессы удивили Аманду. Фотографы снимали их, когда Билли держал ее за руку или целовал в щеку. На пятый день после знакомства они оказались в его «люксе».

Аманда никогда не видела «люкса» в «Уолдорф Тауэрс» — она все еще жила в женской гостинице «Барбизон». Она замерла в центре комнаты, уставясь на цветы и бутылки со спиртным. Билли поцеловал ее, ослабил галстук и кивнул в сторону спальни. Она послушно пошла за ним следом. Он снял рубашку и расстегнул брюки.

— Ну, детка, раздевайся, — сказал Билли.

Когда Аманда осталась в одних трусиках и лифчике, ее охватила паника. Билли подошел к девушке и начал целовать ее в губы, шею, плечи, одновременно расстегивая лифчик. Он упал на пол. Билли, не скрывая своего разочарования, отступил на шаг назад.

— Господи, детка, надень его обратно.

Он опустил глаза и засмеялся.

— Мой приятель сморщился от изумления.

Она надела лифчик, потом — все остальное и убежала из отеля. На следующий день Билли прислал Аманде цветы; он постоянно звонил девушке, преследовал ее. Она сдалась; они провели вместе три чудесные недели. Она спала с ним, но лифчика не снимала.

Потом Певец улетел на Западное побережье и больше не звонил Аманде. Напоследок он подарил ей для очистки совести норковую шубу. Аманда запомнила, как изумился Билли, когда обнаружил, что ему досталась девственница.

Фотографии Аманды, появившиеся в прессе, сделали свое дело — ей позвонили из агентства Ника Лонгворта. Она подписала контракт. Так началась ее карьера фотомодели. Сначала она зарабатывала двадцать долларов в час. Сейчас, по прошествии пяти лет, Аманда входила в десятку ведущих американских фотомоделей. Ей платили шестьдесят долларов в час. Ник Лонгворт заставлял ее изучать журналы мод, учиться искусству красиво одеваться, совершенствовать походку. Она перебралась из «Барбизона» в красивую квартиру, расположенную в престижном Ист-Сайде, где проводила вечера — чаще всего одна. Аманда купила себе телевизор и завела сиамского кота. Она была поглощена работой и изучением журналов...

Робин Стоун ворвался в ее жизнь на благотворительном балу. Аманду с пятью манекенщицами пригласили туда продемонстрировать модели одежды. Входной билет стоил сто долларов. Публика танцевала и развлекалась в Большом зале «Уолдорфа». Там собрались сливки нью-йоркского общества. Одно обстоятельство выделяло это благотворительное мероприятие из череды ему подобных: возглавляла оргкомитет миссис Грегори Остин. Бал миссис Остин освещался не только прессой, но и местной телекомпанией «Ай-Би-Си». Удивляться этому не приходилось: «Ай-Би-Си» принадлежала мистеру Остину.

Большой зал «Уолдорфа» был переполнен. Аманда и пять манекенщиц присутствовали на балу в качестве «платных гостей». Они сидели за столом со своими кавалерами, приглашенными телекомпанией — молодыми сотрудниками «Ай-Би-Си». Мужчины были хороши собой и обладали прекрасными манерами. Сначала они поддерживали светскую беседу, но скоро перешли на обсуждение телепередач. Аманда едва прислушивалась к их беседе. Она тайком поглядывала на столик, за которым сидела со своими друзьями миссис Остин. Аманда узнала Джудит Остин по газетным фотографиям. Девушка обрадовалась, заметив, что ее волосы были того же оттенка, что и у миссис Остин. Аманда решила, что миссис Остин около сорока лет. Изящная, элегантная, сдержанная жена хозяина «Ай-Би-Си» была очень красива. Когда Аманда осваивала искусство красиво одеваться, она подражала таким женщинам, как миссис Остин. Конечно, она еще не имела возможности покупать платья, которые носила Джудит, но их копии были ей доступны.

После обеда Аманда отправилась в гардеробную, чтобы подготовиться к показу мод. Возле подиума появились операторы «Ай-Би-Си». Шоу должно было пойти в прямой эфир. Когда Аманда сидела с манекенщицами в комнате, в дверь постучали. Она увидела Робина Стоуна.

Девушки представились ему. Когда Аманда назвала свое имя, он записал его и вопросительно посмотрел на нее. Она улыбнулась:

— Просто Аманда, и все.

Их глаза встретились, и он улыбнулся. Робин шагнул к следующей девушке, чтобы записать, как ее зовут. Аманда не отводила от него взгляда. Он был очень высок. Аманде понравилось, как он двигается. Она несколько раз видела его на телеэкране. Аманда вспомнила, что недавно ему присудили Пулитцеровскую премию по журналистике. В жизни он выглядел лучше, чем на телеэкране. У него были густые темные волосы с красивой серебристой проседью. Но сильнее всего Аманду потрясли его глаза. В какой-то миг он оценивающе посмотрел на нее. Затем Робин непринужденно улыбнулся, сверкнув зубами, и покинул гардеробную.

Аманда решила, что он, вероятно, женат на женщине вроде миссис Остин. К окончанию шоу Аманда уже представила себе двух детей Робина, похожих на него.

Когда она переоделась, Робин постучал в дверь гардеробной.

— Привет, мисс Без Фамилии, — усмехнулся он. — Вас ждет мистер Без Фамилии или вы свободны и можете выпить со мной пива?

Она отправилась с Робинем в «Пи. Джи.» Потягивая кока-колу, Аманда изумленно наблюдала за ним: Робин оставался абсолютно трезвым после пяти бокалов водки. Она отправилась домой к Робину без единого намека или приглашения с его стороны. Все было сказано пожатием рук.

Она была точно загипнотизирована. Аманда перешагнула порог его квартиры, встала перед ним и начала раздеваться, ни о чем себя не спрашивая. Когда Аманда замерла, не решаясь снять лифчик, Робин шагнул к ней и сам снял его.

— Ты разочарован? — спросила она.

Он швырнул лифчик в дальний угол комнаты. Обнял Аманду, потом, наклонившись, стал целовать ее соски. Впервые мужчина делал с ней это. Дрожа, Аманда обхватила его голову своими руками...

В эту первую ночь Робин овладел ею с нежностью. Потом прижал Аманду к своему влажному телу и спросил:

— Хочешь быть моей девушкой?

Вместо ответа она прильнула к нему еще сильнее. Он немного отстранился; его ясные голубые глаза изучали ее лицо. Робин улыбнулся одними губами. Глаза его оставались серьезными.

— Никаких обязательств, обещаний, вопросов — с обеих сторон. Договорились?

Она кивнула. Затем он снова начал любить ее одновременно нежно и неистово. Потом, обессиленные и счастливые, они оба лежали

на спинах. Аманда бросила взгляд на часы, стоявшие на тумбочке. Три часа! Она поднялась с кровати. Робин схватил ее за руку.

— Ты куда?

— Домой...

Он сжал ее запястье. Аманда вскрикнула от боли.

— Когда ты спишь со мной, ты остаешься у меня до утра. Ты не уходишь!

— Но я должна уйти. У меня с собой только вечернее платье. Он отпустил руку Аманды, встал и начал одеваться.

— Тогда я буду спать у тебя.

— Боишься спать один? — улыбнулась она.

Его глаза потемнели.

— Не говори этого! Я сплю один. Но если я ложусь в постель с девушкой, я сплю с ней!

Они отправились в ее квартиру. Робин снова любил там Аманду. Засыпая в его объятиях, она была так счастлива, что жалела всех женщин, которые никогда не узнают Робина.

С той ночи прошло три месяца, и теперь даже Слаггер, сиамский кот Аманды, признал Робина и ночью лежал у него в ногах.

Робин зарабатывал не очень много и часто уезжал на уикэнды читать лекции, чтобы увеличить свои доходы. Аманда не переживала по поводу того, что они не ходят в «Колони» и «21». Ей нравилось в «Пи. Джи.», «Улане», «Маленькой Италии». Она любила ходить с ним в кино. Безуспешно пыталась понять различие между демократами и республиканцами. Иногда она сидела в «Улане» несколько часов, пока Робин разговаривал о политике с Джерри Моссом. Джерри жил в Гринвиче. Его агентство обслуживало «Олвисо Косметикс». Благодаря дружбе Робина и Джерри эта фирма предложила Аманде участвовать в рекламе ее продукции.

Стоя перед зеркалом в ванной, она надела шерстяное платье. Потом вышла в гостиную «люкса».

Разборный обеденный стол уже убрали из номера. Фотограф укладывал свои принадлежности в сумку. Его звали Иван Гринберг, он был другом Аманды. Она помахала на прощанье рукой ему и людям, убиравшим платье. Потом девушка с длинными золотистыми волосами покинула номер и побежала по коридору.

В вестибюле она нашла телефон и позвонила на коммутатор. Робин ей не звонил. Она набрала его номер и услышала длинные гудки. Аманда повесила трубку. Господи, да где же он?

ГЛАВА ВТОРАЯ

Он был в Филадельфии, в «люксе» отеля «Беллвью Стрэтфорд».

Он медленно просыпался, чувствуя, что утро уже кончилось. За окном ворковали голуби. Робин открыл глаза и тотчас вспомнил, где он находился. Иногда, проснувшись в каком-нибудь мотеле, он не

мог это сделать сразу. Комнаты во всех мотелях выглядели одинаково. Ему приходилось напрягаться, чтобы вспомнить название города, имя девушки, с которой он спал. Но сегодня он был один, и это был не мотель. Старая добрая Филадельфия, обед в честь «Мужчины года». Его поместили в настоящий «люкс».

Робин протянул руку к сигаретам, лежавшим на тумбочке. Пачка оказалась пустой. В пепельнице не было ни одного длинного окурка. Робин увидел пепельницу, стоявшую на тумбочке с другой стороны кровати. Там лежали недокуренные сигареты со следами оранжевой помады на фильтре.

Сняв трубку с телефона, он заказал концентрированный апельсиновый сок, кофе и две пачки сигарет. Отыскал в пепельнице самый большой «бычок», стряхнул пепел и закурил. В дальней пепельнице лежали более длинные окурки с оранжевой помадой. Он не коснулся их. Поднявшись с кровати, он выбросил содержимое этой пепельницы в унитаз. Глядя, как вода уносит окурки, Робин почувствовал, что этим актом он вычеркивает девушку из своей жизни. Кажется, она замужем. Он почти всегда мог понять это по тайной радости, которую испытывала женщина. Эта крошка провела его, возможно, потому что была весьма высокого класса. Все равно это вариант на одну ночь. Пусть у их мужей болит голова. Усмехнувшись, он посмотрел на часы. Скоро полдень. Он успеет сесть на двухчасовой нью-йоркский поезд.

Сегодня они с Амандой выпьют за здоровье Грегори Остина, человека, избавляющего его от всех этих поездок. Робину было так же трудно поверить в это, как и в то, что Остин сам позвонил ему в субботу, в девять утра. Сначала Робин решил, что его кто-то разыгрывает — председатель правления «Ай-Би-Си» звонит какому-то репортеру! Грегори рассмеялся и предложил Робину набрать номер «Ай-Би-Си». Робин сделал это. Грегори снял трубку после первого гудка. Не может ли Робин прямо сейчас приехать к нему в офис? Спустя десять минут Стоун уже появился в кабинете Остина. В полдень Робин должен был уехать на поезде в Балтимор.

Остин сидел один в своем просторном кабинете. Он предложил Робину стать шефом обзора новостей. Он также ждал от Робина свежих идей относительно расширения этого отдела. Робин сможет сам сформировать команду для освещения летних партийных съездов. Эта идея понравилась Робину. Но стать шефом обзора новостей? Название должности показалось ему загадочным. Морган Уайт был президентом редакции новостей. Рэндольф Лестер — вице-президентом. «Что означает этот титул?» — спросил Робин. «Пятьдесят тысяч долларов в год», — ответил Остин. Сейчас Робин получал вдвое меньше. Относительно названия должности Остин высказался следующим образом: «Пусть для начала оно звучит так, а там посмотрим, ладно?»

Начало было впечатляющим. Когда Остин узнал о том, что по контракту Робину предстоит читать лекции в течение года, он тут же позвонил в агентство, организующее лекции, а потом дал своему юристу указание заплатить неустойку и аннулировать договор. Остин мгновенно решил эту проблему Робин должен не

появляться на «Ай-Би-Си» в течение недели и не говорить никому о своем назначении. Он приступит к работе со следующего понедельника. Грегори Остин сам известит штат о новом назначении...

Робин налил себе кофе и закурил сигарету. Неяркое зимнее солнце светило сквозь окно гостиницы. Через неделю он начнет работать в «Ай-Би-Си». Робин сделал глубокую затяжку. Выдохнув дым, он почувствовал, что его хорошее настроение улетучивается. Он погасил сигарету. Как зовут эту девушку с оранжевой помадой? Пегги? Бетси? Нет. Билли? Молли? Лилли? Черт с ней! Какое это имеет значение? Он отодвинул от себя чашку с кофе и откинулся на спинку кресла. Однажды, еще учась в Гарварде, он приехал на уикэнд в Нью-Йорк и посмотрел там спектакль какой-то песни «Леди в черном». Героиня постоянно напевала первые строчки какой-то песни и никак не могла вспомнить продолжение. То же самое иногда происходило с ним. Только это были не слова песни, а воспоминание, видение... Он ощущал его, хотя полностью зрительный образ ускользал от Робина. Он был близок к тому, чтобы вспомнить нечто важное, какой-то период счастья со страшным финалом. Это случалось редко. Ночью он испытал подобные мгновения дважды! Первый раз — когда девушка легла с ним в постель. У нее была нежная кожа и потрясающие груди. Он редко обращал внимание на груди. Сосать грудь — это проявление чего-то детского в мужчине. При чем тут секс? Это просто тоска по матери. Мужчина, прильнувший головой к большой женской груди, казался Робину слабым. Он любил ярких светлокожих блондинок — стройных, с упругим телом. Такие девушки его возбуждали.

Но девушка, которая спала с ним этой ночью, была брюнеткой с прекрасными большими грудями. Теперь он это вспомнил. При оргазме он что-то кричал. Но что именно? Обычно, занимаясь любовью с Аmandой или какой-то другой девушкой, он не кричал. Робин точно знал, что в этот раз что-то вырвалось из его уст.

Он закурил сигарету и заставил себя подумать о новой работе, которая ждала его. Он получил целую свободную неделю. Ему есть что отметить.

Он взял в руки филадельфийскую газету, которую принесли вместе с завтраком. Увидел на третьей странице себя самого и лысого судью. Прочитал фразу, набранную крупными жирными буквами: «Робин Стоун, лауреат Пулитцеровской премии по журналистике, телерепортер и лектор, прибыл в Филадельфию, чтобы поздравить судью Оукса, избранного «Мужчиной года», и произнести речь на торжественном обеде».

Усмехнувшись, Робин налил себе еще кофе. Он приехал сюда вовсе не потому, что испытывал страстное желание почтить вниманием судью Оукса, о котором прежде и не слышал. Просто организаторы обеда заплатили лекционному агентству пятьсот долларов.

Робин отпил кофе, радуясь тому, что больше он не будет читать лекции. Сначала все выглядело заманчиво. Он в течение года готовил выпуски новостей на местной телестудии «Ай-Би-Си». Неожиданно его пригласил к себе Клайд Уотсон, глава лекционного агентства. Эта контора занимала целый этаж в новом здании на Лексингтон-авеню. Клайд Уотсон, восседавший за столом из орехового дерева, напоминал биржевика. Он делал все, чтобы жертва чувствовала себя комфортно.

— Мистер Стоун, почему лауреат Пулитцеровской премии занимается новостями на местном телевидении? — с покровительственной улыбкой спросил Уотсон.

— Потому что я ушел из «Новерн Пресс Ассошиэйшн».

— Почему вы это сделали? Из-за того, что ваши материалы не публиковались в Нью-Йорке?

— Нет. Я не стремился к сотрудничеству с нью-йоркскими газетами. Мне не нужны бесплатные билеты в театры и оплаченные столики в ресторанах. Это не моя среда обитания. Я — писатель. Во всяком случае считаю себя писателем. Но «НПА» позволяла любому редактору провинциальной газеты кромсать мои статьи. Иногда от них оставались лишь три строчки. Три строчки от колонки, на которую я потратил шесть часов. Писание дается мне нелегко. Эта работа отнимает у меня много сил. Какой-то тип мог отправить в корзину для мусора плод моих шестичасовых трудов...

Робин покачал головой. Казалось, он испытывает сейчас физическую боль.

— На «Ай-Би-Си» я занимаюсь анализом новостей, меня никто не редактирует. Я обладаю полной свободой действий.

Теперь Уотсон сопровождал свою улыбку кивком одобрения. Затем сочувственно вздохнул.

— Но за эту работу мало платят.

— Мне хватает на жизнь. Мои потребности весьма скромны — гостиничный номер, бумага для машинки, — Робин лукаво улыбнулся. — Я ворую ее и копирку у «Ай-Би-Си».

— Пишете шедевр?

— Каждый автор так считает.

— Как вам удастся выкраивать время для книги?

— Я работаю во время уикэндов, иногда по ночам.

Сейчас на лице Уотсона не было улыбки. Он решил пустить в ход козыри.

— Вам, наверно, нелегко работать урывками. Нарушается течение мыслей. Не лучше ли оставить на год службу и полностью сосредоточиться на книге?

Робин закурил сигарету. Его взгляд, устремленный на Клайда Уотсона, выражал лишь легкое любопытство. Уотсон подался вперед.

— Вы могли бы читать лекции во время уикэндов. Я уверен, мы можем запросить за одно выступление пятьсот или даже семьсот пятьдесят долларов.

— О чем я буду говорить?

— Тему выберете сами. Я читал ваши колонки.

Уотсон коснулся рукой папки с вырезками.

— Можете рассказывать о забавных происшествиях, которые случались с вами, когда вы были корреспондентом. Добавьте что-нибудь злободневное. Пошутите. Обещаю, на вас будет большой спрос.

— Кто пойдет меня слушать?

— Посмотрите на себя в зеркало, мистер Стоун. Сейчас женские клубы приглашают артистов. Там уже насмотрелись на лысых профессоров и бесполох комиков. Своим появлением вы украсите жизнь провинциальных дам. Военный журналист, лауреат Пулитцеровской премии. Вас завалят приглашениями в колледжи и на званые обеды.

— Но тогда у меня не останется времени на книгу.

— Отложите ее пока на полку. Забудьте о ней. Все равно при ваших нынешних темпах пройдут годы, прежде чем вы закончите эту работу. Почитав лекции в течение пары лет, вы скопите достаточно денег, чтобы год писать, не думая о зарплате. А там — кто знает? — может быть, вас ожидает еще одна Пулитцеровская премия, только уже по литературе. Вы ведь не намерены всю жизнь готовить обзоры новостей на телевидении?

Это звучало заманчиво. Несмотря на тридцать пять процентов комиссионных, удерживаемых агентством из гонораров. Робин охотно подписал контракт. Первая лекция состоялась в Хьюстоне. Пятьсот долларов. Сто семьдесят пять — агентству, триста двадцать пять — Робину. Он прочитал примечание к контракту, отпечатанное мелким шрифтом: расходы на транспорт и гостиницу — за счет лектора. Чистый доход от первой лекции составил тридцать три доллара. Когда Робин попытался расторгнуть договор, Уотсон невозмутимо улыбнулся. Платите неустойку. В течение года Робин летал в самолетах туристическим классом, с трудом втискивая свое тело в узкие кресла и проводя ночи в воздухе среди толстых теток и орущих младенцев. Жил в кошмарных мотелях. Филадельфийский «люкс» был редким исключением.

Робин обвел взглядом спальню. Прекрасное место для прощального выступления. Слава Богу, что все кончено. Больше не будет ни перелетов в туристическом классе, ни пустой болтовни с гостями... Он мог забыть свою лекцию, так крепко засевшую в голове Робина, что он, наверно, прочитал бы ее, даже будучи сильно пьяным. Аудитория смеялась в одних местах, хлопала в других — всегда в одних и тех же. В конце концов даже города стали казаться ему одинаковыми. Встречавшая Робина хорошенькая белозубая девушка из оргкомитета по окончании лекции оставалась в клубе, чтобы обсудить с Робинотворчество Беллоу, Мейлера и двух современных писателей. После первого мартини он уже знал, что собеседница намерена забраться к нему в постель.

Робин побывал в сорока шести штатах. И вот теперь он — шеф обзора новостей.

Получив в агентстве несколько гонораров, Робин снял недорогую квартиру. Однако он проводил в ней мало времени. Там стоял письменный стол с большой пачкой бумаги и новой электрической пишущей машинкой, которую он купил вместо крошечной портативной. Работа в «Ай-Би-Си» занимала все дневное время, вечера и ночи он проводил с девушками, во время уикэндов выступал в разных городах с лекциями. Теперь этой жизни пришел конец. Он будет работать на «Ай-Би-Си», не жалея своих сил и экономя каждый цент зарплаты. И в конце концов напишет свою книгу.

Иногда Робин сомневался в своих литературных способностях. Пулитцеровская премия еще ни о чем не говорила. Не каждый журналист несет в себе книгу. А он хотел написать книгу. Исследовать влияние войны на карьеры общественных деятелей — взлет Черчилля, появление на политической арене генералов — Эйзенхауэра, де Голля. После этого он создаст политический роман. Робин мечтал о том дне, когда белые листы превратятся в завершенную рукопись, а книга станет осязаемой реальностью.

Материальный мир мало значил для Робина. Порой, видя, как радуется Аманда из-за новой пары туфель, он удивлялся отсутствию у него самого тяги к обладанию вещами. Наверно, причина заключалась в том, что он никогда не знал нужды. Его отец умер, оставив Китти процентный доход с четырехмиллионного состояния. После ее смерти этот капитал будет поделен между Робинем и его сестрой Лайзой. Очаровательная Китти получала в месяц двенадцать тысяч долларов и жила в свое удовольствие. Почему-то мысленно он всегда называл мать «очаровательной Китти». Она была красивой изящной блондинкой — черт возьми, сейчас волосы у Китти, возможно, уже рыжие. Два года назад, когда Китти уезжала в Рим, на голове у нее были светлые «перья». Робин усмехнулся. Для своих пятидесяти-девяти лет она выглядела очень хорошо.

Годы детства, а также учебы в колледже были для Робина счастливыми. Его отец дожил до бракосочетания дочери, которое стало в Бостоне крупнейшим событием подобного рода. Лайза переехала в Сан-Франциско. Ее муж, носивший прическу «ежик», был одним из крупнейших на Западном побережье торговцев недвижимостью. Лайза воспитывала двух очаровательных малышей — господи, за пять лет он ни разу не повидал их. Лайзе было... она родилась, когда Робину исполнилось семь лет... значит, сейчас ей тридцать. Благополучная мать. А он по-прежнему холостяк. Ему это нравилось. Может быть, тут сыграл свою роль отец. Однажды он привел двенадцатилетнего Робина на площадку для гольфа.

— Относись к этой игре как к школьному предмету, скажем, как к алгебре, которую тебе надо освоить. Ты должен стать хорошим игроком, сын. На площадках для гольфа заключено много важных сделок.

— Разве все, чему учится человек, должно помогать ему зарабатывать деньги?

— Да, конечно, если ты хочешь иметь жену и детей, — ответил отец. — В юности я мечтал стать вторым Кларенсом Дэрроу. Но

влюбившись в твою мать, решил заняться корпоративным правом. Я не могу пожаловаться на судьбу. Я стал очень богатым человеком.

— Но ведь тебе нравилось уголовное право, папа.

— Человек, имеющий семью, не всегда волен заниматься тем, чем хочет. На первом месте у него стоит долг перед женой и детьми.

Робин научился играть в гольф. В Гарварде он уже был одним из сильнейших игроков колледжа. Он хотел изучать искусство, а затем пройти курс журналистики. Отец восстал против выбора Робина. Он рассердился, узнав, что Робин читает Толстого и Ницше.

— Это не поможет тебе стать юристом, — заявил он.

— Я не хочу быть юристом.

Отец сердито посмотрел на Робина и вышел из комнаты. На следующий день Китти мягко объяснила сыну, что он должен дать отцу право гордиться им. Робину казалось, что «должен» — это единственное слово, которое он слышит от родителей. Он должен стать хорошим футболистом — это полезно для имиджа будущего адвоката. Он приложил максимум усилий, чтобы стать лучшим защитником гарвардской команды. В тысяча девятьсот сорок четвертом году Робин мог заняться изучением корпоративного права, но шла война, и он записался в ВВС, обещав отцу по возвращении домой завершить юридическое образование. Но все сложилось иначе. Он участвовал во многих боевых действиях, получил звание капитана. Когда Робина ранили, его фото попало на страницы двух бостонских газет — его отец наконец-то мог им гордиться! Ранение было незначительным, но оно усугубило последствия старой футбольной травмы, и Робин надолго застрял в госпитале. Спасаясь от скуки, он начинал писать о том, что видел на войне. Потом послал свой очерк другу, работавшему в «Новерн Пресс Ассошиэйшн». Так началась его карьера журналиста.

После победы его взяли в «НПА» штатным корреспондентом. Конечно, отец и Китти спорили с Робинем. Его долг перед отцом — изучать юриспруденцию. К счастью, Лайза познакомилась с «Ежиком», и вся семья сосредоточилась на приготовлениях к свадьбе. Спустя пять дней отец умер, играя в сквош. Что ж, такой уход из жизни пришелся бы отцу по вкусу, подумал Робин. Все обязательства перед семьей исполнены, плоть еще крепка.

Робин встал и подвинул сервировочный столик. Он принадлежал самому себе и не имел ни перед кем никаких обязательств. Робин был полон решимости сохранить это положение.

Он прошел в ванную и включил душ. Холодная вода быстро избавила его от легкого похмелья. Черт возьми, он пропустил занятие в гимнастическом зале. Забыл позвонить Джерри Моссу в Нью-Йорк и отменить встречу. Робин усмехнулся. Бедняга Джерри, вероятно, отправился в спортзал один. Джерри ходил туда только потому, что Робин заставлял его делать это. Тридцатилетний Джерри не заботился о своей физической форме.

Робин начал напевать. Вернувшись в Нью-Йорк, он сразу же позвонил Джерри и Аманде. Они встретятся в «Улане» и отметят

начало его новой работы. Но он не назовет им свою должность — Грегори Остин сам преподнесет новость сотрудникам телекомпании.

Робин начал наносить на щеки крем для бритья. Господи, подумал он, я бы все отдал, чтобы узнать, что произойдет сейчас в «Ай-Би-Си».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Для всего штата «Ай-Би-Си» понедельник начался, как обычно. На столе каждого руководителя появились «цифры» — так здесь называли индексы популярности разных телепередач, определяемые по методу Нильсена. Первый сигнал тревоги поступил в десять часов. Им стало сообщение: «Грегори Остин просит Дентона Миллера прибыть в его кабинет в десять тридцать».

Личная секретарша мистера Остина передала это известие Сьюзи Морган, секретарше Дентона Миллера. Сьюзи записала его на листке бумаги, который поместила на столе шефа рядом с индексами Нильсена. Потом она через машинописное бюро отправилась в дамскую комнату. Девушки сосредоточенно печатали; их машинки стучали с половины десятого. Но «верхний эшелон», секретарши начальников, появлялись на работе лишь к десяти часам в темных очках, без косметики. Показавшись на глаза шефу, они спешили в дамскую комнату, чтобы привести себя в порядок. Спустя двадцать минут они выходили оттуда, напоминая своим видом фотомодели или манекенщиц. Одна предприимчивая секретарша даже повесила там большое увеличивающее изображение зеркала.

Дамская комната уже была переполнена, когда туда вошла Сьюзи. Поплевав в тушь для ресниц, она внесла свой вклад в обмен слухами и сплетнями. Грегори Остин вызывает к себе Дентона Миллера! Девушка, вышедшая из дамской комнаты первой, поделилась новостью с подругой из юридического отдела. За шесть минут известие стало достоянием всех сотрудников телекомпании.

Этель Эванс печатала анонс новой передачи, когда весть добралась до отдела рекламы. Она захотела немедленно узнать подробности и не стала ждать лифта. Одолев одним махом четыре лестничных пролета, задыхаясь Этель ворвалась в дамскую комнату, расположенную на шестнадцатом этаже. Она застала там одну Сьюзи, накладывающую на губы «блеск».

— Я слышала, твоего босса собираются выбросить на улицу, — сказала Этель.

Сьюзи убрала тюбик с «блеском». Она взяла расческу и подправила локоны, чувствуя, что Этель ждет ответа. Стараясь говорить скучающим тоном, она наконец произнесла:

— Разве не каждый понедельник начинается с подобного слуха? Глаза Этель сузились.

— На сей раз, похоже, это правда. Грегори собирает руководителей по четвергам. А он вызвал Дена сегодня. Каждому ясно, что это означает.

Сьюзи внезапно встревожилась.

— Так считают наверху?

Этель почувствовала себя лучше. Она добилась нужной ей реакции. Прислонившись к стене, закурила сигарету.

— Все сходится. Ты видела последние цифры?

Сьюзи еще раз провела расческой по волосам, хотя они в этом уже не нуждались. Она терпеть не могла Этель Эванс. Если Дентон Миллер уйдет, я тоже потеряю свое место, подумала Сьюзи. Она понимала, что положение Дена зависит от взлетов и падений индексов Нильсена. Ей, однако, не приходило в голову, что вызов к Остину может быть зловещим симптомом. Она разнесла эту новость, считая ее подтверждением высокого статуса Дена. Внезапно ее охватила паника. Но она тотчас взяла себя в руки — Этель Эванс была всего лишь сотрудницей отдела, занимавшегося рекламой и связями с общественностью. А она, Сьюзи — личная секретарша Дентона Миллера!

— Да, Этель, — бесстрастным тоном произнесла она, — я видела цифры. Рейтинг «Новостей» упал. Но это должно волновать Морган Уайта. Президент редакции — он, а не Дентон Миллер.

Этель засмеялась.

— Морган Уайт связан с Остинами родственными отношениями. Он не пострадает. Попал в беду твой дружок.

Сьюзи слегка покраснела. Она действительно встречалась с Деном, но их отношения ограничивались эпизодическими обедами в «21» и совместными просмотрами бродвейских шоу. Втайне она надеялась, что эти встречи получат какое-то развитие, но до сих пор все заканчивалось прощальным поцелуем в лоб. Сьюзи знала, что ее считают девушкой Дена. Один репортер даже намекнул на это в светской хронике. Мнимая связь Сьюзи с шефом способствовала росту ее престижа.

Этель пожала плечами.

— Мое дело — предупредить тебя. Готовься к тяжелому вечеру с великим Дентоном. Если Грегори сообщит ему об увольнении, Миллер здорово напьется.

Сьюзи знала, что Дентона считают любителем спиртного, но с ней он никогда не выпивал больше двух martinis за вечер. Она ни разу не видела его взволнованным. Сьюзи посмотрела на Этель и улыбнулась.

— Не беспокойся о Дене. Если Миллер потеряет это место, он получит массу других предложений.

— Тебя не было здесь, когда уволили Колина Чейза. Его спросили о планах на будущее. Вот что он ответил: «Если вы — капитан дирижабля, который потерпел аварию, вам не спастись. Рядом с вами не окажется другого дирижабля, в который можно перебраться».

Этель подождала, пока ее слова проникнут в сознание Сьюзи, и добавила:

— Пока появится другой дирижабль, можно погибнуть в одиночестве. Колин Чеиз до сих пор сидит каждый день в «21» или в «Колони», растягивая ленч на три часа, а затем отправляется потягивать коктейли в «Луи и Арман»; он еще надеется попасть кому-то на глаза.

Сьюзи посмотрела в зеркало на свою прическу. Этель наконец сдалась.

— О'кей, можешь делать вид, будто не веришь мне, но я готова поспорить с тобой на ленч, что Ден уйдет. Он действительно крепко влип.

Сьюзи осталась одна в дамской комнате. Судьба Дена ее беспокоила. Но еще больше девушку волновала собственная судьба. Новый человек приведет свою секретаршу. Сьюзи не хотелось возвращаться в машбюро. Надо искать работу...

Господи, она потратила недельный заработок на платье, в котором собиралась пойти с Деном в следующем месяце на торжественный обед, где состоится вручение «Эмми». Сьюзи запаниковала. Она видела индексы. Рейтинг «Новостей» упал. Этель права: Морган — родственник Остинов. Козлом отпущения станет Дентон. Утром, когда она положила ему на стол записку с приглашением к Остину, он казался спокойным, но Ден никогда не выдавал своих чувств. Он всегда производил впечатление человека, полностью владеющего собой.

На самом деле Ден испытывал тревогу. Увидев индексы, он тотчас почувствовал опасность. А когда Ден узнал о том, что Остин вызывает его к себе, у президента телекомпании екнуло сердце. Он любил свою работу. Она поднимала ему тонус, бодрила. Страх перед неудачей рос одновременно с усилением личной власти Дентона. Нельзя рисковать, когда на карту поставлена карьера. Президенты других телекомпаний не работали на такого маньяка, каким был Грегори Остин. Что он пытается доказать?

В десять часов двадцать семь минут Ден покинул свой кабинет и направился к лифту. Прошел по коридору мимо массивной двери с табличкой, на которой золочеными буквами было выведено: «Морган Уайт». За ней, похоже, царил покой. Да, Морган вне опасности. Грегори Остин, видно, выбрал на роль жертвы Дентона Миллера.

Он кивнул мальчишке-лифтеру. Кабина помчалась вверх, к пентхаусу. Ден невозмутимо улыбнулся секретарше. Девушка ответила ему улыбкой и жестом пригласила его зайти к шефу. Он позавидовал ее защищенности и безмятежности.

Ден шагнул в просторную комнату, где Грегори обычно принимал важных посетителей — крупных спонсоров и президентов рекламных агентств, тративших многомиллионные суммы на приобретение эфирного времени «Ай-Би-Си». За ней находились зал для совещаний и роскошный личный кабинет Грегори.

Если Грегори решил уволить его, Дена, он бы сейчас стоял здесь, спеша закончить все поскорее. Но Грегори отсутствовал. Это могло быть хорошим признаком. А вдруг Остин хочет помучать его подольше?

Ден сел на один из кожаных диванов и принялся разглядывать красивую мебель в стиле эпохи колонистов. Потом посмотрел на безукоризненные складки своих брюк от «Данхилла». Сейчас он, Дентон Миллер, — президент телекомпании. Через пять минут он может оказаться безработным.

Ден вытащил из кармана сигаретницу. Язва желудка иногда напоминала ему о себе, но он все же взял сигарету и постучал ею о коробочку. Надо было заранее принять транквилизатор! Зря онпил вчера вечером. Всего не предусмотритишь! Он принялся разглядывать сигаретницу. Ден выбирал ее весьма тщательно. Она обошлась ему в триста долларов. Черная крокодиловая кожа с золотой окантовкой. За эти деньги он мог приобрести золотую сигаретницу, но она бы выпадала из того сдержанно элегантного стиля, которого он придерживался — черный костюм, черный галстук, белая сорочка. У него было двенадцать одинаковых черных костюмов и пятьдесят черных галстуков. На изнанке каждого галстука стоял номер — Ден менял их ежедневно. Черный костюм упрощал жизнь: он годился как для работы, так и для важных деловых обедов. Сигаретница играла существенную роль: если Дену приходилось быстро принимать решение, он мог взять сигаретницу, вынуть из нее сигарету, постучать ею о коробочку, используя время для обдумывания вопроса. Эта процедура заменяла покусывание ногтей и другие проявления тревоги.

Его руки были влажными. Он не хотел терять эту работу! Она давала ему власть! В случае увольнения его ждут ежедневные четырехчасовые ленчи в «21».

Он посмотрел в окно. Лучи солнца пытались пробиться сквозь облака. Скоро весна. Этот диван останется здесь. И секретарша Грегори — тоже. Но его, Дена, тут не будет. Внезапно он понял, что испытывает смертник, идущий к электрическому стулу и глядящий на свидетелей его скорой гибели. Он стал дышать глубже, словно впитывая в себя последние мгновения жизни, которой он скоро лишится. Прекрасный кабинет, командировки на побережье, отель «Беверли Хиллз», девушки... Он не верил в бога, но все же обратился к нему с краткой мольбой-обещанием. Если сегодня его не уволят, он изменит ситуацию. Заставит индексы подняться. Пусть даже для этого ему придется украсть передачи у другой компании! Он будет вкалывать по двадцать четыре часа в сутки. Завяжет со спиртным и девками. Разве он не перестал пить за ленчем? Он принял это решение, увидев, как распадается личность Лестера Марка. Лестер возглавлял крупное рекламное агентство. На глазах у Дена он, начав с двух martinis, вскоре стал выпивать за ленчем четыре, потом пять коктейлей. Мартини делает человека самоуверенным и болтливым. Спустя некоторое время Лестер стал вице-президентом небольшого рекламного агентства, затем вовсе потерял работу и превратился в законченного алкоголика.

Ден считал употребление martinis во время ленча одной из главных профессиональных опасностей телевизионщика. Поэтому до вечера не брал в рот ни капли спиртного. Что он делает по окончании

рабочего дня, никого не касается. Весь последний год он злоупотреблял алкоголем. Возможно, именно поэтому он стал проводить вечера в обществе Сьюзи Морган, нарушив еще одно свое правило — не соединять светскую жизнь с работой. Сьюзи была для него слишком молода, он не приставал к ней и не напивался, посещая рестораны и бары со своей секретаршей. Он не хотел связываться с двадцатитрехлетней девушкой, несомненно, как и все ее сверстницы, думающей только о замужестве. Безопаснее пользоваться услугами проституток или мастурбировать. Сьюзи служила для него красивой ширмой, с ней не стыдно было показаться на людях. Если его не уволят, он перестанет ходить к проституткам. Будет несколько вечеров в неделю проводить дома перед этим чертовым ящиком и выяснит, почему конкуренты обошли «Ай-Би-Си». Поймет, чего на самом деле хочет публика. Хотя она сама, верно, этого не знает.

Массивная дверь открылась, и в комнату вошел Грегори Остин. Ден вскочил. Грегори держал в руках лист с индексами. Он протянул его Дену и жестом предложил ему сесть. Ден уставился на цифры так, словно видел их впервые. Уголком глаза он наблюдал за Грегори, который шагал по комнате. Откуда в этом человеке столько энергии? Ден, будучи на десять лет моложе Остина, не обладал такой упругой, пружинящей походкой. Остин не отличался высоким ростом. Ден при росте сто семьдесят восемь сантиметров был заметно выше Грегори. Даже Джудит в туфлях на высоком каблуке казалась более рослой, чем Грегори. Однако от этого человека исходило ощущение силы и мужественности. Он обладал каким-то магнетизмом: рыжие волосы, веснушки на сильных загорелых руках, плоский живот, стремительность в движениях, внезапная обезоруживающая улыбка. Ходили слухи, что до встречи с Джудит он вел активную любовную жизнь среди голливудских «звездочек». С появлением Джудит другие женщины перестали существовать для Грегори.

— Что вы думаете о цифрах? — спросил Остин.

Ден неуверенно улыбнулся.

— Заметили что-нибудь любопытное? — произнес Грегори.

Ден вытащил сигаретницу. Извлек из нее сигарету. Постучал ею о коробочку.

Грегори, протянув руку, тоже взял сигарету, но отказался от огонька, предложенного Деном.

— Уже неделя, как бросил, — заявил Остин. — Только держу во рту. Помогает. Вам следует попробовать, Ден.

Миллер зажег свою сигарету и медленно выпустил струйку дыма. Снова мысленно обратился к богу, который покровительствует президентам телекомпаний. Сохраню сегодня свое место — брошу курить, пообещал ему Ден.

Грегори снова подался вперед. Сильная рука с золотисто-рыжими волосками указала на последние индексы в таблице.

— Мы в самом низу, — сказал Ден, словно он только что сделал это открытие.

— Что-нибудь еще заметили?

В желудке у Дена заныло. Его взгляд упал на названия двух

эстрадных шоу, попавших в последнюю десятку. Эти передачи рекомендовал пустить в эфир он, Дентон Миллер. Ден заставил себя невинно посмотреть на Грегори.

Остин ткнул пальцем в листок.

— Обратите внимание на наши местные новости. Они не только остались на прежнем месте, но и обошли в некоторые вечера аналогичные передачи «Си-Би-Эс», «Си-Би-Си» и «Эн-Би-Си». Знаете, почему? Их готовит человек, которого зовут Робин Стоун!

— Я не раз видел его, он великолепен, — солгал Ден.

Он никогда не видел Робина на экране и даже не смотрел одиннадцатичасовые новости «Ай-Би-Си». К этому времени Ден успевал напиться и заснуть. Если же он был трезв, то переключал телевизор на канал «Эн-Би-Си» и ждал начала передачи «Сегодня вечером».

— Я в течение месяца наблюдаю за ним, — заявил Грегори. — Миссис Остин восхищена Робинем Стоуном. Известно, что именно женщины решают, по какому каналу их мужья будут смотреть обзор новостей. Когда речь идет о других передачах, последнее слово может остаться за мужчиной, но когда дело доходит до новостей, канал выбирает жена. Потому что все телекомпании дают примерно одну и ту же информацию. Различие только в том, кто ее читает. Поэтому я снимаю Робина Стоуна с местных новостей. Хочу, чтобы он появился в семичасовом выпуске вместе с Джимом Болтом.

— Зачем тогда оставлять Джима?

— У него не истек срок контракта. К тому же я не хочу, чтобы Робин увяз по уши в этой передаче. У меня для него другие планы. Он способен стать новым Кронкайтом. Мы создадим его. А он, в свою очередь, поднимет рейтинг семичасового выпуска. К концу лета его будет знать вся страна. Мы должны поднять престиж нашей редакции новостей. Сделать это можно только с помощью личности. Робин Стоун — именно тот человек, который нам нужен.

— Возможно, — медленно произнес Ден. Что последует дальше? — подумал он. Это — территория Моргана Уайта.

Словно прочитав его мысли, Грегори сказал:

— Моргану Уайту придется уйти.

Он произнес эти слова спокойно, без эмоций в голосе.

Ден молчал. Такой поворот событий удивил его. Почему Грегори считал нужным сказать ему об этом? Остин всех держал на расстоянии.

— Кто займет место Моргана?

Грегори посмотрел на Дена.

— А я о чем вам толкую? Неужели все надо разжевывать? Я не хочу, чтобы Робин Стоун оставался всего лишь ведущим. Он должен возглавить редакцию.

— По-моему, это превосходная идея.

Ден был безумно рад тому, что избежал экзекуции.

— Но я не могу уволить Моргана, он должен уйти сам.

Ден кивнул, боясь совершить какую-нибудь ошибку.

— Морган лишен таланта. Зато ему не занимать гордости. Это семейная черта. Его мать и мать миссис Остин были сестрами. Аристократическое происхождение — отсутствие деловых способностей — непомерная гордыня. Но именно на нее я и делаю ставку. Выйдя от меня, отправьте Моргану записку с информацией о том, что вы взяли Робина на должность заведующего редакцией новостей.

— Заведующего редакцией новостей?

— Такой должности в штатном расписании нет. Я временно введу ее. Морган удивится и придет к вам. Вы скажете, что придумали этот пост, чтобы Робин, заняв его, поднял наш рейтинг. Что Робин обладает полной свободой действий и отчитывается только перед вами. Понятно?

Ден задумчиво кивнул.

— Морган заявит, что я вторгаюсь на его территорию.

— Вы как президент телекомпании имеете право вносить предложения, касающиеся работы всех отделов и редакций.

— Вносить предложения, но не осуществлять их без согласования с ним.

— Это уже детали. Морган примчится ко мне. Я разыграю удивление, но скажу, что нанимать новых сотрудников — ваше право.

— А если Морган не уйдет?

— Уйдет, — сказал Грегори. — Я готов поспорить.

Остин положил на стол свою незажженную сигарету и встал. Беседа закончилась. Ден спасся. Он покинул офис Грегори с ощущением того, что опасность миновала. Его работе какое-то время ничто не будет угрожать. Грегори хотел сделать его палачом Моргана. У Дена закружилась голова — это событие вознесет его на новую высоту. Все знают о родстве Моргана и Остина. А теперь он, Дентон Миллер, объявит о назначении Робина Стоуна заведующим редакцией новостей. Люди решат, что Миллер способен свалить Моргана Уайта вопреки воле Грегори Остина! Весь город скажет: «Дентон Миллер забрал всю власть в «Ай-Би-Си» в свои руки».

Дрожащими пальцами он принялся писать записку Моргану Уайту. Сочинив несколько вариантов, он продиктовал последний Сьюзи. Интересно, за какое время новость облетит все здание? — подумал Ден. Откинувшись на спинку кресла, он взял сигарету, затем, вспомнив обещание, данное им богу, бросил ее в корзину для мусора.

Он встал и посмотрел в окно. Солнце сияло, небо было яркосиним. Весна приближается. Теперь он сможет встретить и поприветствовать ее.

Ден резко обернулся. В кабинет ворвался Морган Уайт.

— В чем дело? — спросил Морган.

— Присядьте, Морган... — Ден потянулся к сигаретнице. Поколебавшись, открыл ее. Черт возьми, если бог действительно существует, он поймет, что в такой момент мужчине необходима сигарета!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

На следующий день после того, как сотрудники «Ай-Би-Си» узнали новость, фотография Робина появилась в «Нью-Йорк таймс». В короткой заметке сообщалось, что он заменит на посту президента редакции новостей ушедшего в отставку Моргана Уайта. Вся редакция ждала появления Робина. Он всегда держался особняком, и теперь все спрашивали друг друга: «Что представляет из себя этот Робин Стоун?» Единственным человеком, уже общавшимся с Робинсом, был оператор Билл Кеттнер. Он дважды ходил с ним в бар после одиннадцатичасового выпуска новостей. В обоих случаях они смотрели там бейсбольный матч. Робин Стоун интересовался бейсболом. Он мог выпить три мартини с водкой так, словно это был апельсиновый сок. Другой информацией о нем никто не располагал.

Девушки видели его несколько раз в «Пи. Джи.» с хорошенькими спутницами. Иногда Робина сопровождал Джерри Мосс. Похоже, Джерри был его единственным приятелем. Они ежедневно встречались в «Улане».

— Где находится этот бар?

Джим Болт заявил, что «Улан» расположен на Сорок восьмой Западной улице.

Сэм Джексон был уверен, что на Первой авеню.

Они заглянули в телефонный справочник.

«Улан» находился на Пятьдесят четвертой Восточной улице.

В среду днем половина редакции отправилась в «Улан».

Робин Стоун не появился в баре.

В четверг один из сотрудников увидел там Робина.

Он был с Джерри Моссом и необыкновенно красивой девушкой.

Им осталось лишь ждать того момента, когда Робин Стоун сделает первый шаг. Это случилось в пятницу. На столе у каждого сотрудника появилась записка:

«В понедельник, в десять тридцать, в конференц-зале на восемнадцатом этаже состоится совещание. Робин Стоун».

В десять часов двадцать минут люди начали заходить в конференц-зал. В двадцать пять минут одиннадцатого туда вошла Этель Эванс. Джим Болт с любопытством посмотрел на нее. Ее сюда не звали. Но Джим был слишком поглощен своими проблемами. Появление нового президента сулит большую перетряску. Джим отдавал должное Этель — чтобы ввалиться сюда без приглашения, требовалось мужество и нахальство.

Но Этель вовсе не чувствовала себя столь уверенно, как могло показаться. Она заметила, что все, похоже, знали свои места и рассаживались по ним без раздумий. В зале стоял длинный стол. Возле стен также были стулья. Все входили в зал из коридора. Вторая дверь была закрыта. Вскоре свободным остался лишь один

стул во главе стола. Этель, поколебавшись, подтащила стул от стены к столу и втиснулась между редактором и спортивным обозревателем.

В половине одиннадцатого Рэндольф Лестер, вице-президент редакции при Моргане, вошел в зал. Этель заметила, что держался он весьма уверенно. Возможно, Робин уже дал ему понять, что он вне опасности. На Рэндольфе был черный костюм. Стил, насаждавшийся Дентоном Миллером. Рэндольф покровительственно улыбнулся собравшимся.

— Доброе утро, леди и джентльмены, — сказал он. — Я знаю, что все вы заинтригованы назначением Робина Стоуна на пост президента редакции. Кое-кому уже довелось поработать с ним. Остальные познакомятся с мистером Стоуном сегодня. Мистер Грегори Остин и мистер Дентон Миллер рады возможности доверить подготовку выпусков новостей мистеру Робину Стоуну. У нас произойдут некоторые изменения, и даже весьма многозначительные. Надеюсь, вы поймете, что они не связаны с недоверием к вашим талантам и достижениям. Перемены должны способствовать увеличению объема освещаемых нами новостей и совершенствованию нашей работы.

— Почему он не скажет прямо — росту рейтинга? — прошептал кто-то возле Этель.

Другой человек пробормотал:

— Встретимся в очереди за пособием по безработице.

— Политика «Ай-Би-Си» всегда была... — продолжил Рэндольф Лестер.

Он замолчал — дверь открылась, и в зале появился Робин Стоун.

Раздались аплодисменты, но во взгляде Робина было нечто, заставившее людей замереть. Он усмехнулся. Все почувствовали себя детьми, совершившими нечто неразумное, но тотчас прощенными.

Робин Стоун быстро обвел стол взглядом, не задержавшись ни на ком конкретно. Он словно оценивал число людей, зал, обстановку. Затем Робин непринужденно усмехнулся. Этель заметила, что настороженность людей стала исчезать. Эта усмешка таила в себе магнетизм, сопротивляться которому было невозможно. Внезапно Этель ощутила, что Робин для нее более желанен, чем любая знаменитость. Проникнуть за эту стальную броню... заставить его дрожать в ее объятиях... подчинить его себе... хотя бы на секунду! Она сидела достаточно далеко от Робина и могла рассматривать его, не рискуя привлечь к себе внимание. Она увидела, что он улыбается одними губами. Глаза его оставались холодными.

— Я изучил работу редакции новостей, — спокойно произнес он. — Все вы — профессионалы высокого класса. Но рейтинг «Ай-Би-Си» снизился. Мы должны прибавить обороты. Помните, я в первую очередь — репортер. Всегда и везде. Это мой первый административный пост. Но я останусь журналистом. Когда мне присвоили в ВВС звание капитана, я остался летчиком-истребителем.

Этель внимательно следила за Робинем. Он был красив и сдержан, даже холоден. Похоже, его рост был не менее ста девяноста

сантиметров. Ни единого лишнего килограмма. Она должна сесть на диету. Он снова усмехнулся. Он мог бы выиграть войну одной своей улыбкой.

— Я намерен остаться действующим журналистом. К этому лету надо сформировать сильную команду для освещения партийных съездов,— продолжил Робин.— К нашей работе подключится Энди Парино, который сейчас находится в Майами. Он войдет в состав этой группы. Я никого не собираюсь увольнять.

Он повернулся к Рэндольфу Лестеру.

— А теперь познакомьте меня с сотрудниками редакции.

Мужчины двинулись вдоль стола. Робин пожимал всем руки. С его лица не сходила улыбка, но взгляд Робина был устремлен куда-то далеко. Казалось, он впервые видит этих людей.

Когда Лестер обнаружил перед собой Этель, он удивился; колебавшись, Лестер шагнул дальше. Наконец мужчины вернулись к концу стола. Но Робин не сел. Он обвел взглядом присутствующих и уставился на Этель.

— Кажется, нас не познакомили.

Она встала.

— Меня зовут Этель Эванс.

— Ваши функции?

Она почувствовала, как кровь приливает к щекам.

— Я работаю в отделе по связям с общественностью...

— Тогда что вы делаете здесь?

Робин по-прежнему улыбался, его голос звучал дружелюбно, но глаза Стоуна заставили Этель похолодеть.

— Я... думала... ну, кто-то должен обслуживать редакцию новостей. Освещать в прессе новые начинания. Я решила, что понадобится вам.

Она села.

— Когда мне кто-то понадобится, я извещу ваш отдел,— сказал Робин с полуулыбкой на губах.— А теперь возвращайтесь-ка туда, откуда пришли.

На глазах у всех собравшихся Этель покинула зал.

Оказавшись в коридоре, Этель оперлась о стену. Она почувствовала себя больной. Ей хотелось убежать как можно дальше от конференц-зала, из которого доносился голос Робина, но она стояла здесь. Она не могла двигаться... Этель находилась в состоянии шока.

Наконец она услышала, как Лестер спросил Робина, собирается ли он сделать понедельник днем регулярных совещаний.

— Ежедневных совещаний не будет,— ответил Робин.— Я буду собирать вас по мере необходимости. Но кое-что я попрошу изменить.

На секунду в зале воцарилась тишина. Этель поняла, что все замерли в напряженном ожидании. Затем прозвучал голос Робина:

— Уберите этот стол и поставьте вместо него круглый.

— Круглый? — удивился Лестер.

— Да. Большой круглый стол. Я не хочу стоять или сидеть во главе стола. Не хочу, чтобы за каждым было закреплено постоянное место. Мы будем работать и сидеть, как единая команда. Достаньте большой круглый стол.

После непродолжительной паузы все заговорили разом. Этель догадалась, что Робин покинул зал. Люди испытали облегчение и оживились. Через секунду они появятся в коридоре! Она побежала вперед. Этель не стала ждать лифта — она не хотела видеть свидетелей ее унижения. Сбежав по лестнице на семнадцатый этаж, она скрылась в дамской комнате. Слава Богу, там никого не оказалось. Она сжала раковину пальцами так сильно, что их костяшки побелели. Слезы текли по ее лицу.

— Сукин сын, я ненавижу тебя!

Этель, поплавав, вымыла глаза и посмотрела в зеркало. Слезы хлынули вновь.

— Господи, почему ты не создал меня красивой?

ГЛАВА ПЯТАЯ

После постыдного изгнания с совещания, которое проводил Робин, Этель спряталась до конца рабочего дня в своем отделе. Она не хотела ни с кем встречаться в коридорах — ибо была уверена, что все смеются над ней.

Она решила с пользой употребить это время и перепечатала все рекламные анонсы, скопившиеся на ее столе. К половине седьмого весь этаж опустел. Напряженная работа помогала забыть перенесенное унижение. К концу дня Этель обессилела.

Она вытащила зеркало и попыталась подправить макияж. Потом в отчаянии уставилась на свое отражение. Она выглядела отвратительно. Этель накрыла машинку чехлом и встала. На юбке образовалась масса складок. Она была слишком узкой. Этель вздохнула. Все, что она съедала, тотчас попадало в бедра. Ей действительно необходимо сесть на строгую диету.

Она спустилась на лифте в вестибюль. Он успел обезлюдеть, но кафе еще работало. Идти в «Луи и Арман» было поздно. Все ее знакомые уже ушли оттуда. Она заказала черный кофе. Обычно она пила его со сливками и двумя кусочками сахара. Диета началась! Официантка налила кофе в чашку. Руки девушки покраснели и покрылись морщинками от мытья посуды. Этель подумала об официантке. Были ли у нее мечты? Надеялась ли она выбраться отсюда? Она была стройной и хорошенькой. И все же мирилась с тем, что весь день проводит на ногах, протирает стойку, убирает грязную посуду и улыбается, получая чаевые размером в десять центов. Этель Эванс зарабатывала сто пятьдесят долларов в неделю.

Этель раскрыла косметичку и подкрасила губы. Она не блистала красотой, но и страшной ее нельзя было назвать. Как замечательно иметь привлекательную внешность! Будь проклят этот промежу-

ток между зубами. Чертов дантист запросил триста долларов за коронки. Она предложила ему переспать с ней и сделать коронки бесплатно. Он посмеялся, решив, что она шутит. Когда она объяснила ему, что говорит серьезно, он притворился, будто не верит ей. Наконец она поняла, что он просто не хочет ее! Доктор Ирвинг Стейн, жалкий маленький дантист, не хотел Этель Эванс, которая спала только со знаменитостями! В «Ай-Би-Си» ее звали «Трахальщица звезд».

Она вышла из кафе и в нерешительности остановилась в вестибюле. Ей не хотелось идти домой. Соседка по квартире собралась сегодня красить волосы, поэтому там будет ужасный беспорядок. Но вообще-то Этель нравилось жить с Лиллиан, служившей в агентстве Бенсона — Риана. Часы их работы совпадали, девушки принадлежали к одному кругу. Они познакомились на Файр-Айленде. Это было чудесное лето. Шесть девушек сняли в складчину коттедж. Они назвали его «Домом шести распутниц». Завели грифельную доску с мелом и стали вести счет. Каждый раз, когда кто-то из них одерживал очередную победу, остальные девушки клали в копилку доллар. В конце лета девушка, переспавшая с наибольшим числом мужчин, должна была забрать все деньги. Лиллиан одержала на дюжину побед больше, чем Этель. Лиллиан была доброй, веселой девушкой, но не отличалась разборчивостью. Она переспала даже с помощником режиссера. По меркам Этель помощник режиссера годился лишь для того, чтобы скоротать одинокий вечер в «Луи и Армане», но не более того.

Этель вдруг заметила, что швейцар смотрит на нее. Она покинула здание и зашагала по тротуару. Может быть, она заглянет в «Пи. Джи. Кларк».

Этель под села там к мужчинам из рекламного агентства. Провела в «Пи. Джи.» больше часа, потягивая пиво, обмениваясь грубыми шутками. Она постоянно наблюдала за входом, следя, не появится ли там кто-нибудь, представляющий для нее интерес. Человек, который может угостить Этель обедом...

В половине восьмого она увидела Дентона Миллера. Он пришел в «Пи. Джи.» один. А где же Сьюзи? — удивилась Этель. Ден скользнул по ней взглядом, даже не кивнув, и присоединился к мужчинам, сидевшим у дальнего конца стойки.

Прошел еще один час, и люди из агентства, точно по команде, допили свои коктейли и заторопились на последний пригородный поезд. Ни один из этих негодяев не оплатил ее счет. Если она зайдет в ресторан и съест гамбургер, Лиллиан к ее возвращению докрасит волосы и наведет порядок в квартире.

Этель сидела в одиночестве за столиком и ела гамбургер. Она была голодна, но все же оставила половину булочки на тарелке. Боже, зачем она выпила пива? Этель весила сейчас шестьдесят четыре килограмма. Однако у нее была тонкая талия и потрясающие груди тридцать восьмого размера — крепкие, высокие. Хуже обстояли дела с бедрами и задом. Надо срочно худеть! В следующем месяце ей стукнет тридцать. А она до сих пор не замужем!

Она могла выйти замуж, если бы ее устроил обычный человек — скажем, оператор из «Си-Би-Эс» или хозяин бара из Гринвич-виллидж. Но Этель мечтала о какой-нибудь знаменитости. Одна ночь со звездой — это лучше, чем тусклая жизнь с посредственностью. Момент, когда она сжимала в своих объятиях известного киноактера, шепчущего при оргазме «Детка, детка», стоил всего на свете. Тогда она была красивой, что-то из себя представляла. Могла забыть о том, кто она на самом деле...

Толстая маленькая Этель Эвански из детройтского Хэмтрэмка всегда хотела быть красивой — даже в детстве, когда она ела картофельное пюре с жареным луком, слушала говорящих по-польски соседей, читала журналы, посвященные кино, заказывала по почте фотографии Геди Ламарр, Джоан Кроуфорд, Кларка Гейбла. Когда, сидя на крыльце, играла со своей ровесницей полькой Хельгой Селански. Игра заключалась в том, что девочки делились друг с другом своими мечтами и делали вид, будто они сбылись. В их квартале Хэмтрэмка обитали одни поляки. Второе поколение эмигрантов жило замкнуто; браки заключались только среди соотечественников. Они ходили в кино, видели другой мир, но им никогда не приходило в голову, что они могут стать его частью. Но для Этель фильмы не были только двухчасовым бегством от реальности. Нью-Йорк, Бродвей, Голливуд действительно существовали. Вечерами Этель слушала радио, и когда диктор сообщал, что музыка транслируется из голливудского концертного зала, она обхватывала себя руками от восторга — сейчас она как бы находилась рядом с сидевшими там знаменитостями.

Этель знала, что когда-нибудь она покинет Хэмтрэмк. Сначала она отправится в Нью-Йорк. Однажды вечером, слушая оркестр, игравший в нью-йоркском ресторане «Парадиз», Этель принялась думать о том, что она наденет на себя, когда вырастет и отправится в это заведение, какой киноактер будет сопровождать ее. Обычно Хельга подыгрывала подруге. Но в этот раз Хельга внезапно выставила вперед нижнюю челюсть и заявила: «Хватит. Надоело. Я уже не ребенок». Этель удивилась. Хельга всегда подчинялась ей, но сейчас подруга Этель заупрямилась. «Моя мама сказала, что нам пора поменьше фантазировать».

— Это не фантазии, — отозвалась Этель. — Когда-нибудь я поеду туда и познакомлюсь с кинозвездами. Они будут водить меня в рестораны и целовать.

Хельга засмеялась.

— Целовать тебя? Как бы не так! Этель, умоляю тебя — не говори такие вещи нашим соседям по кварталу. Никуда ты не уедешь. Как и все мы, останешься здесь, выйдешь замуж за поляка и заведешь детей.

Глаза Этель сузились.

— Я познакомлюсь со звездами... буду ходить с ними в ресторан... возможно, даже выйду замуж за кого-то из них.

Хельга засмеялась.

— Моя мама права. Она сказала, что можно говорить о Голливуде, но нельзя забывать, что это лишь мечты. Ты сумасшедшая. Никуда ты не будешь ходить со звездами. Ты — толстая некрасивая Этель Эвански, которая живет в Хэмтрэмке. На кой черт ты нужна звездам?

Этель сильно ударила Хельгу. Но она испугалась — вдруг Хельга права? Она, Этель, не останется здесь и не выйдет за поляка. Не будет готовить картофельное пюре с жареным луком. Зачем ее родители уехали из Польши? Чтобы жить в маленькой детройтской Польше?

Инцидент, после которого Этель перешла от фантазирования к действиям, был связан с Петером Чиночком — пареньком с торчащими ушами и большими красными руками. Он пришел в гости к шестнадцатилетней Этель. Петер, наполовину чех, наполовину поляк, был сыном подруги тети Лотты. Мать и отец едва не обезумели от радости. Этель помнила, как тщательно убиралась в доме мать перед визитом Петера. Квартира сверкала. А какими были родители в тот вечер! Мать — волнуемая, в только что отглаженном платье. Отец — худой, лысый, старый, с усталыми бесцветными глазами. Боже, ему было только тридцать восемь.

Вечер, когда к ним пришел Петер Чиночек, навсегда остался в памяти Этель. Прежде всего она увидела большие уши, потом прыщи на шее вокруг еще не созревшего красного чирея. Но мать, вынесшая на веранду кувшин с лимонадом и деликатно удалившаяся на кухню, сияла так, словно к ним домой пожаловал сам Кларк Гейбл.

Весь квартал ждал. Обитатели соседних домов знали, что к Этель пришел «претендент». Этель и Петер молча сидели на крыльце, прислушиваясь к скрипу ступеней и шепоту, доносившемуся с веранды соседей. Она хорошо помнила маленький дом, зажатый между рядами подобных строений с маленькими тускло освещенными столовыми, тесными гостинными и кухоньками, где люди проводили большую часть дня. Возле домов находились мусорные кучи со шнырявшими возле них кошками. У Этель в ушах до сих пор звучали вопли, которые они издавали при совокуплении. Иногда кто-то из соседей окатывал их холодной водой, заставляя умолкнуть. То ли они промахивались, то ли коты были исключительно страстными, но спустя некоторое время стоны возобновлялись.

Этель вновь вспомнила тот вечер, когда она сидела на скрипучем крыльце и слушала Петера Чиночека. Он рассказывал ей о своей работе, потом взял за руку. Его ладони были влажными и липкими. Петер признался, что мечтает о таком же домике и детях. Этель вскочила со ступеньки и убежала! Конечно, она вернулась назад, но лишь после того, как Петер ушел. Ее родные смеялись: «Маленькая Этель испугалась мальчика. Она просто создана для того, чтобы рожать детей — у нее отличные широкие бедра, она не будет мучиться».

Этель молчала. Она стала заниматься в школе с удвоенным усердием, а летом устроилась на работу в центре Детройта. Стала

весьма толковой секретаршей. Она не встречалась с юношами. Она ждала. Копила деньги и ждала.

В двадцать лет она отправилась в Нью-Йорк, имея при себе пятьсот долларов. Последнее время она работала в отделе по связям с общественностью одного детройтского рекламного агентства. В Нью-Йорке Этель нашла себе место секретарши в крупном рекламном агентстве. Фортуна улыбнулась ей, когда в агентство зашел известный пьяный киноактер, участник одного из рекламных шоу. Она вызвалась проводить его до гостиницы. Обнаружив, что ему досталась девственница, актер мгновенно протрезвел. Однако он все же принял изрядную дозу алкоголя и не помнил, что эта девственница практически изнасиловала его. Он испугался возможных осложнений. Предложил ей деньги. Этель возмущенно отказалась. Это любовь, заявила она. Его страх усилился. Он был женат и обожал свою жену. Актер спросил Этель, что он может для нее сделать. Она объяснила, что не в восторге от своей теперешней работы... С помощью своего агента он устроил Этель в одну нью-йоркскую кинокомпанию — в отдел по связям с общественностью.

Это был шведский стол для Этель. Она познакомилась со многими пьяными актерами и даже с некоторыми трезвыми. Ею всегда руководила любовь. Так началась карьера Этель. Когда образовалась вакансия в «Ай-Би-Си», она перешла туда. К этому времени она успела переспать со всеми ведущими актерами кинокомпании. В «Ай-Би-Си» ее ждала более высокая заработная плата и новые охотничьи угодья. Она хорошо справлялась со служебными обязанностями и преуспевала в своем хобби.

Она знала, что ее репутация облетела всю страну. Этель нравилась обретенная известность, даже присвоенный ей титул. Одна из «распутниц» с Файр-Айленда устроилась на работу в Лос-Анджелесе. Она стала сотрудницей отдела по связям с общественностью компании «Сенчери Пикчерс». Они с Этель обменивались длинными письмами. Этель описывала подробности своих связей, давала оценку партнерам и даже размерам их «оснащения». У Этель был забавный слог; Ивонна размножала ее послания и распространяла их среди своих коллег. Этель, узнав об этом, стала описывать свои похождения еще более красочно и детально. Это служило для нее бесплатной рекламой. Многие известные личности, приезжая в Нью-Йорк, звонили ей. Знаменитости... красивые мужчины...

Часто ей хотелось, чтобы Хельга увидела ее во время свидания с какой-нибудь импозантной звездой. Хельгу, должно быть, уже доканывали дети. Она вышла замуж за Петера Чиночека.

Внезапно Этель подняла голову. У ее стола стоял Дентон Миллер. Он был сильно пьян.

— Привет, крошка, — сказал он с улыбкой чеширского кота на лице.

Этель небрежно улыбнулась.

— Привет. Это как в «Огнях большого города».

— Что ты имеешь в виду?

— Есть такая картина. Вы узнаете меня, лишь когда выпьете.

Ден подвинул стул. Он рассмеялся.

— Ты — забавная девушка.

Он махнул рукой, прося официанта принести очередной бокал. Затем с усмешкой посмотрел на Этель.

— Говорят, ты лучше всех. Как ты думаешь — мне стоит с тобой переспать?

— Я сама выбираю партнеров, мистер президент. Но не огорчайтесь — я внесу вас в список претендентов, и как-нибудь в свободный вечер...

— Сегодня ты свободна?

— Кажется, да...

Он обнял ее.

— Ты не блещешь красотой. Я бы назвал тебя страшенькой. Но, по слухам, в постели тебе нет равных. Хочешь пойти ко мне?

— Ваши слова звучат так романтично.

Он прищурился.

— Еще я слышал, что у тебя длинный язык. Что ты любишь трепаться, присваиваешь каждому мужчине рейтинг.

Она пожала плечами.

— Что в этом дурного? Мои оценки избавляют подруг от напрасных затрат времени.

Ден злобно улыбнулся.

— Кто ты такая, чтобы выставять оценки мужчинам?

— Скажем так — у меня есть богатый материал для сравнения.

— Хочешь выпить? — спросил он, когда официант принес ему виски.

Она, покачивая головой, посмотрела на Дена, который опустошил бокал. Он уставился на нее.

— С каждой минутой ты становишься все более хорошенькой, Гаргантюа. А мое любопытство — все более сильным.

— А вы — все более пьяным, — отозвалась она.

— Да, пора идти домой. Возможно, я приглашу тебя к себе.

— Вы забываете, мистер президент, что решения принимаю я.

Он посмотрел на нее почти смущенно.

— Ну что, пойдешь со мной?

Этель, почувствовав свою власть над ним, испытала восторг. Он умолял ее.

— Если я соглашусь, вам придется отправить меня домой в лимузине.

— Если ты оправдаешь свою репутацию хотя бы наполовину, я вызову для тебя «роллс-ройс».

Он с трудом встал и жестом попросил принести счет. Этель с облегчением увидела, что он взял и ее счет тоже.

— Вы уверены, что сможете получить удовольствие в таком состоянии? — спросила она.

— Ты сделаешь так, чтобы это произошло, — с вызовом произнес Ден. — Настала пора и тебе получить оценку.

Выйдя на улицу, она посмотрела на Дена.

— Забудьте наш разговор. Я слишком хороша, чтобы тратить время на пьяного.

Он сжал ее руку.

— Испугалась? Наверно, твоя репутация — липовая. Да, конечно. Чем ты можешь отличаться от любой другой женщины — разве что ты способна просвистеть своей пипиской «Звездно-полосатый флаг»?

— Думаю, ты сам все поймешь, парень.

Она остановила такси.

Он жил в отличной квартире, расположенной в районе Восточных Семидесятых улиц. Она казалась типичным жилищем делового холостяка. Ден сразу же отвел Этель в спальню и сбросил с себя одежду. Раздевшись, Этель заметила на его лице удивление. Ее идеальные груди всегда вызывали у мужчин такую реакцию.

— Эй, крошка, ты неплохо оснащена.

Он протянул вперед руки.

Она шагнула к нему.

— Лучше, чем Сьюзи Морган?

— Понятия не имею, — пробормотал он. Потом швырнул ее на кровать. Целуя Этель, облизывая ей губы. Забрался на нее, но его член остался мягким.

— Не торопись, малыш, — сказала она. — Ты хоть и президент телекомпании, но для меня ты просто самец. Ложись на спину. Этель покажет тебе, что такое любовь.

Она взялась за дело. Когда возбужденный Ден зашептал: «Боже, боже...», Этель забыла о том, что завтра он пройдет по коридору мимо нее, даже не кивнув ей. Сейчас она занималась любовью с президентом «Ай-Би-Си». Она чувствовала себя красивой...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Дентон Миллер отбросил газету в сторону. Ему не удавалось сосредоточиться. Повернувшись вместе с креслом, он посмотрел в окно. Через час он встретится за ленчем с Грегори Остином. Он не догадывался, чем вызвано приглашение. Неожиданный звонок секретарши Грегори застал его врасплох.

Пока рейтинги держались на прежнем уровне. Последнюю неделю Энди Парино увеличил объем информации, поступавшей из Майами. Ден признавал, что это делало обзоры более интересными. Ладно, это их дела. У него свои проблемы. Эстрадный концерт был отменен. Ден считал, что вестерн, вставленный в программу Грегори Остином, с треском провалится. Ден был убежден в том, что в середине сезона им требуется нечто ударное. Поэтому последние вечера он проводил в обществе двух сценаристов и певца, которого звали Кристи Лейн.

Неделю назад Ден зашел в «Копу», чтобы посмотреть на известного комика — Кристи всего лишь дополнял программу. Сначала Ден не обратил внимание на второразрядного сорокалетнего артиста, напоминавшего поющего официанта с Кони-Айленд. Прежде Ден никогда о нем не слышал. Но когда он увидел Кристи, у него в голове зародилась идея. Внезапно он повернулся к Сигу Хаймену и Гоуи Харрис, сопровождавшим его сценаристам, и сказал:

— Он — то, что мне надо!

Ден понял, что они сочли его слова пьяным бредом. Но утром он вызвал их к себе и заявил, что хочет сделать пробную запись Кристи Лейна. Сценаристы недоверчиво уставились на Дена.

— Кристи Лейн! Он уже немолод, к тому же поддает, — заявил Сиг Хаймен.

— Его ни разу не приглашали петь в «Конкорде». Читали рецензию в «Эстраде» на шоу, идущее в «Копе»? О Кристи там нет ни слова. Им заполняют промежутки между выступлениями звезд. Эти его ирландские баллады... — Гоуи закатил глаза.

А Сиг добавил:

— К тому же он похож на моего дядюшку Чарли, который живет в «Астории».

— Это именно то, что мне требуется! — настаивал Ден. — У каждого человека есть любимый дядюшка Чарли.

Сиг покачал головой.

— Я ненавижу моего дядюшку Чарли.

— Прибереги шутки для сценария, — сказал Ден.

Сиг точно охарактеризовал внешний вид Чарли. Он выглядел как Среднестатистический Обыватель. Идеальный персонаж для шоу семейного типа. Постепенно Сиг и Хоуи прониклись этой идеей. Они были известными сценаристами и работали только со звездами. Три месяца тому назад Ден вручил им годовые контракты. Они должны были помочь ему в создании новых передач.

— Сделаем Кристи ведущим, — пояснил Ден. — Сформируем костяк группы, найдем певицу. Придумаем оценки. Воспользуемся голосом Кристи. Если закрыть глаза, можно подумать, что слушаешь Керри Коно.

— А по-моему — Кейта Смита, — сказал Сиг.

Ден улыбнулся.

— Момент сейчас благоприятный. У телевидения есть свои циклы. После «Неприкасаемых», насыщенных насилием, и серии подражаний, хорошо пойдут шоу, которые можно смотреть всей семьей. Кристи Лейн — далеко не звезда. Но его никто не знает, он будет новым лицом на экране. Чтобы поднять рейтинг, мы будем каждую неделю приглашать какую-нибудь знаменитость. Говорю вам — это сработает!

Как и многие исполнители, Кристи Лейн начинал в бурлеске. Он умел танцевать, петь, рассказывать анекдоты, разыгрывать скетчи. Он работал с Деном и сценаристами, не жалея сил. Ден полагал, что ему около сорока лет. У него были редкие светлые волосы, широкое простое лицо; при среднем телосложении у Кристи намечался

животик. Он носил чересчур яркие галстуки, пиджаки с широчеными лацканами, кольцо с непомерно крупным бриллиантом и запонки размером с пятидесятицентовик, однако Ден чувствовал, что из Кристи можно создать симпатичный персонаж. Лейн обладал исключительным трудолюбием. Гастролируя в каком-нибудь городе, он успевал организовать себе дополнительные выступления в ночном клубе. Весь его гардероб умещался в двух чемоданах. Находясь в Нью-Йорке, он жил в «Астории».

К концу первой недели в голове у Дена стали вырисовываться очертания шоу. Даже сценаристы соглашались с ним. Они не возражали против безвкусных галстуков и широченных лацканов. Это — ключ к его образу, заявил Ден. Они найдут для Кристи несколько хороших песен и в то же время позволят ему спеть что-нибудь забористое из его прежнего репертуара.

Дентон послал запись кусков будущего шоу Грегори Остину. Возможно, приглашение на ленч было связано с этим. Но вряд ли Грегори потратит время лишь на то, чтобы одобрить пробную запись. Он мог по телефону дать команду продолжать работу... или остановить ее. Ден надеялся, что Грегори даст зеленый свет. Было бы обидно выбросить все в мусорную корзину. У него заболела голова при одном только воспоминании о вечерах, проведенных в прокуренном «люксе» «Астории». Ох уж эти дешевые сигары Кристи! В номере всегда торчала молчаливая молоденькая статистка из «Копы»; она терпеливо ждала, когда Кристи освободится. Кристи повсюду возил с собой двух «авторов». Считалось, что Эдди Флинн и Кенни Дитто сочиняют для Кристи шутки и репризы. Дену они показались обыкновенными «шестерками». «Эй, Эдди, свари кофе». «Кенни, ты сходил в химчистку?» Кристи пришел на сцену из того мира, где положение человека определялось количеством прислуживающих ему «шестерок». Иногда он платил Эдди и Кенни всего пятьдесят долларов в неделю. Когда дела шли хорошо, он давал им больше. Они всегда находились при нем. Он брал их с собой на клубные премьеры, скачки, гастроли. Сейчас Кристи заявил: «Мои ребята будут сценаристами шоу. Они должны получать по две сотни в неделю на брата».

Ден скрыл свое удивление. Он облегченно вздохнул. Четыреста долларов в неделю — пустяк по сравнению с остальными затратами на телепередачу. Кристи будет чувствовать себя должником. Основная работа выпадет на долю Сига и Гоуи. Всегда можно вставить в шоу несколько дополнительных фраз. До окончательного варианта передачи было еще далеко. Если Грегори даст «добро», шоу будет готово к августу. Ден хотел пустить его в эфир «живьем» и одновременно записать на пленку для повтора. Режим прямого эфира позволит сэкономить средства. Если все пройдет гладко, Ден станет героем.

Какое-то время он чувствовал себя превосходно. Затем вспомнил о ленче. Чем вызвано это приглашение?

В двенадцать двадцать пять он вошел в кабину лифта. Лифтер нажал кнопку пентхауса. Сотрудники «Ай-Би-Си» называли офис Грегори «Башней власти». Там решались судьбы людей. Что ж, он

готов ко всему. После телефонного звонка Ден принял две таблетки транквилизатора.

Он сразу прошел в личную столовую Грегори. Стол был накрыт на троих. Ден вытаскивал сигарету, когда в комнате появился Робин Стоун. Грегори вошел в столовую и жестом предложил мужчинам сесть.

Грегори был непредсказуем. Его шеф-повар когда-то работал в парижском ресторане «Максим». В пентхаусе можно было отведать суфле из сыра, румяные французские оладьи, восхитительные соусы «смерть язвенникам». Пиршества начинались, когда кто-то из ровесников Грегори погибал в авиакатастрофе, умирал от рака или другой неизлечимой болезни. Грегори курил, наслаждался изысканными блюдами и заявлял: «Завтра меня может постичь такая же участь». Эти гастрономические оргии продолжались до тех пор, пока сердечный приступ не свалил другого сверстника Грегори. Тогда Остин возвращался к спартанскому режиму. Сейчас, после очередного несварения желудка, Грегори сидел на диете.

Сначала беседа носила общий характер. Они обсуждали шансы различных команд выиграть у «Янки», влияние погодных условий на результаты матчей по гольфу. Апрель выдался скверным. Теплые дни сменялись холодными, ненастными.

Ден съел язык молодого барашка с фасолью, нарезанные ломтиками помидоры, грейпфрут и приступил к фруктовому желе. Искусство повара приводило Дена в восхищение.

За кофе Грегори принялся рассказывать историю своей жизни. Поведал Робину о том, как он создал «Ай-Би-Си». Робин слушал внимательно, время от времени задавая толковые вопросы. Когда Грегори сделал Робину комплимент по поводу полученной журналистом Пулитцеровской премии и даже процитировал одну из его старых публикаций, Ден понял, что старик, столь основательно подготовившийся к ленчу, испытывает большое уважение к Стоуну.

Наконец Грегори взял сигарету, но не стал зажигать ее. Ден почувствовал, что скоро прояснится основная цель этого ленча.

— У Робина есть несколько превосходных идей. Они затрагивают вопросы формирования программы. Поэтому я пригласил сюда вас, Ден.

Грегори почти покровительственно поглядел на Стоуна.

Робин подался вперед. Они с Деном посмотрели друг другу в глаза. Его голос прозвучал твердо, решительно.

— Я хочу сделать передачу, которая будет называться «Взгляд».

Ден потянулся к сигаретнице. Робин, судя по его тону, ни о чем не просил. Он сделал заявление. Ден постучал сигаретой о коробочку. Вот оно что. Грегори уже одобрил замысел Робина. Он лишь соблюдал протокол, делая вид, будто окончательное решение остается за Деном. От президента телекомпании ждали, что он послушно кивнет головой. Черта с два — он не пойдет у них на поводу с такой легкостью. Ден закурил сигарету и с невозмутимой улыбкой на лице медленно выдохнул дым.

— Хорошее название, — сказал он. — Что это будет? Пятнадцатиминутный обзор новостей?

— Получасовой. Он будет выходить в эфир по понедельникам, в десять вечера.

Эти негодяи уже выбрали время!

— Кажется, на этот час запланирован новый вестерн, — невозмутимо заметил Ден.

Он посмотрел на Грегори.

— Мистер Остин считает, что это время подходит для моей передачи, — с металлом в голосе произнес Робин. — Новый обзор событий в пиковое время поднимет престиж «Ай-Би-Си». Для вестерна можно найти другое «окно».

— Вы понимаете, какую сумму мы потеряем? После вестерна мы можем дать дешевую телеигру, а после вашей передачи время пропадет.

Ден говорил, глядя на Робина, но слова его в первую очередь адресовались Грегори.

— Если «Взгляд» пойдет в эфир, стоимость пикового времени не упадет, — отозвался Робин.

— Ничего подобного, — сухо возразил Ден. — Мы не сможем найти спонсора для получасового обзора новостей.

Почему Грегори молчит, позволяя ему в одиночку отбиваться от бредовой идеи этого наглеца?

Робин, казалось, потерял интерес к разговору.

— Я не разбираюсь в телевизионной коммерции. Вы можете посоветоваться с вашим отделом рекламы. Моя задача — увеличить объем новостей и сделать обзоры более живыми и интересными. По-моему, «Взгляд» будет способствовать решению этих задач. Я намерен много ездить и брать интервью для моей передачи. Возможно, буду давать «прямой эфир» из Нью-Йорка или Лос-Анджелеса. Обещаю, мои обзоры будут не только информативными, но и увлекательными.

Ден не верил в реальность происходящего. Он посмотрел на Грегори, надеясь получить поддержку. Остин уклончиво улыбнулся.

— Когда будет готова первая передача? — спросил Ден.

— В октябре, — ответил Робин.

— До этого времени вы не появитесь на телеэкране? — спросил Ден.

— Этим летом я собираюсь освещать ход партийных съездов.

— Полагаю, вы будете заниматься этим вместе с Джимом Болтом. Его лицо знакомо телезрителям. В пятьдесят шестом он прекрасно проявил себя.

— Я так не считаю, — бесстрастно заявил Робин. — Джим хорош для семичасового выпуска новостей. Но его обзоры партийных съездов скучны. Я сформирую собственную команду.

— У вас уже есть какие-то идеи? Собираетесь преподнести нам сюрприз? — спросил Ден.

— Я все продумал.

Робин повернулся к Грегори Остину.

— Моя группа будет состоять из четырех человек. Я включу в нее Скотта Гендерсона, Энди Парино и Джона Стивенса из Вашингтона.

— Зачем вам Энди Парино? — спросил Грегори. — Политика — не его профиль. Я не возражаю против перевода Парино из Майами в Нью-Йорк, но для партийных съездов...

— Именно для освещения партийных съездов, — отозвался Робин. — Энди учился в колледже с Бобом Кеннеди.

— Какое это имеет значение? — спросил Ден.

— По моему мнению, Джек Кеннеди станет кандидатом от демократов. Знакомство Энди с семьей Кеннеди откроет нам многие двери.

Ден рассмеялся.

— Я полагаю, у Кеннеди нет шансов. Он выдвигал свою кандидатуру на должность вице-президента в пятьдесят шестом году и потерпел неудачу. Кандидатом от демократов станет Стивенсон.

Робин посмотрел на Дена.

— Вы — специалист по стоимости эфирного времени и рейтингу. Занимайтесь этими вопросами. Политику и новости оставьте мне. Стивенсон — серьезная фигура, но на этом съезде он будет шафером.

— Ден, я за то, чтобы дать мистеру Стоуну шанс. Рейтинг — вещь важная, но и дополнительный престиж нам не помешает. Если Робин сделает себе имя, освещая партийные съезды, то и «Взгляд» будет иметь коммерческий успех.

— Вы полагаете, что сможете летом заткнуть за пояс таких обозревателей, как Кронкайт, Хантли и Бринкли? — насмешливым тоном спросил Ден.

— Я сделаю все, что от меня зависит. Возможно, благодаря Энди Парино нам удастся взять интервью у Джека Кеннеди. Если он победит на выборах, мы откроем этой записью «Взгляд». Тогда и мистер Никсон не откажется от интервью.

— О'кей, — буркнул Ден. — Два кандидата — две передачи. Что еще вы планируете сделать?

Робин непринужденно улыбнулся.

— Я полечу в Лондон и возьму интервью у какой-нибудь английской звезды первой величины вроде Пола Скофилда или Лоренса Оливье. Затем побеседую с американским актером подобного ранга. Сравню их позиции. В мае принцесса Маргарет выходит замуж за Тони Армстронга-Джоунса. Мой приятель из «Юнайтед Пресс Интернешнл» — близкий друг Тони. Я возьму интервью у мистера Армстронга-Джоунса. В ближайшие дни отправлюсь в тюрьму Сан-Квентин и запишу там интервью с Кэрилом Чесменом. Его казнь назначена на второе мая.

— Ее отменят, — заявил Ден.

— Не думаю, — возразил Робин. — Однако общественность настроена против смертной казни, поэтому важно сделать передачу, посвященную этому вопросу.

— Он весьма неоднозначен, — заметил Ден. — Все выбранные вами темы далеки от повседневной жизни и интересов простых зрителей.

Робин усмехнулся; Ден заметил, что глаза собеседника холодны.

— По-моему, вы недооцениваете публику.

Ден едва сдерживал свое раздражение. Его рука потянулась к сигаретнице. Закурив, он произнес бесстрастным тоном:

— Ваши идеи великолепны, но пока вы сражаетесь с ветряными мельницами, я борюсь со спонсорами, жонглирую передачами и волнуюсь о рейтинге. Прежде чем вы отправитесь на ваше сафари, нам следует поискать спонсоров. Наша работа на телевидении носит коллективный характер. Одному футболисту без помощи товарищей по команде не забить гол. Мне нравится ваш энтузиазм, но знакомы ли вы с программами «Эн-Би-Си», «Си-Би-Эс» и «Эй-Би-Си»? Чтобы одолеть конкурентов, нам нужны эстрадные шоу.

— Я не намерен идти у вас на поводу, — ледяным тоном заявил Робин. — Моя задача — сделать обзор новостей яркими и живыми. Возможно, вы предпочитаете копировать передачи, выпускаемые в эфир другими телекомпаниями. Это ваше дело. Но у меня другой стиль!

У Грегори Остина заблестели глаза. Поднявшись с кресла, он хлопнул Робина по плечу.

— В вашем возрасте я говорил точно так же, как и вы. С тем же энтузиазмом взялся за создание четвертой телекомпании. Ломал традиции, работал локтями, не слушал оппонентов. Действуйте, Робин. Я дам команду административному отделу покрыть все расходы. Привезите ваши интервью. Мы с Деном вас поддержим.

Робин, усмехнувшись, шагнул к двери.

— Я приступаю к работе. Буду держать вас в курсе, мистер Остин.

Он покинул комнату.

Ден неуверенно поднялся из-за стола. Грегори Остин глядел на дверь, не скрывая своего восхищения.

— Сильный человек, — сказал он.

— Посмотрим, что у него получится, — отозвался Ден.

— Я уверен в успехе. В любом случае, он сам по себе — колоритная фигура. По-моему, я купил самую яркую личность, которая когда-либо появлялась на телеэкране.

Ден покинул пентхаус и направился к себе в кабинет. На его столе лежал краткий план шоу Кристи Лейна. Внезапно эта идея показалась ему несостоятельной. Ледяное высокомерие Робина Стоуна деморализовало Дена. Однако он взял лист бумаги и попросил секретаршу пригласить к четырем часам Сига и Гоуи. Черт возьми, он сделает это шоу. «Взгляд» провалится. В этом Ден не сомневался. Остин ждет от него каких-то действий. Он сделает коммерческое шоу и поднимет рейтинг без помощи Тони Армстронга-Джоунса и Кеннеди. В конце концов рейтинг важнее всего. Престиж не приносит дивидендов.

Он продержал Сига и Гоуи в своем кабинете до семи часов. Отпуская их, дал им десять дней на подготовку первой редакции сценария.

Когда Сиг и Гоуи покинули кабинет Дена, он внезапно решил напиться. Он испытывал в этом потребность. Добравшись до «21», он подошел к стойке бара. Там сидели завсегдатаи. Ден заказал двойную порцию виски. Его что-то тревожило помимо столкновения с Робинсом. Он задумался. Дена не очень задевало то, что Остин откровенно восхищался Робинсом. Грегори способен быстро изменить свое мнение. Если рейтинг будет низким в течение нескольких недель, Грегори разочаруется в Робине Стоуне... Дена, похоже, беспокоило нечто, происшедшее в личной столовой Остина, но он не мог понять, что именно лишило его покоя. Он мысленно прокрутил в голове всю беседу. Безрезультатно. Заказал вторую двойную порцию виски. Снова повторил про себя каждое слово их разговора. Даже биографию Грегори. Если он отыщет причину своей тревоги, то поймет, где его подстерегает опасность и как с ней бороться. Война с Робинсом уже началась. Он, Ден, выйдет из нее победителем и укрепит свои позиции.

Миллер вспомнил Этель. Возможно, ему следует пригласить ее к себе домой. Находясь в постели с этой женщиной, можно было не думать о том, как удовлетворить партнершу. Ему даже показалось, что она предпочитает заниматься сексом, не раздеваясь полностью. Настроение Дена улучшилось. Но его продолжало угнетать нечто, связанное с Робинсом. Перед уходом Стоун произнес: «Я приступаю к работе». Ден поставил бокал на стойку с такой силой, что едва не разбил его. Бармен тотчас забрал бокал и поставил перед Деном новую двойную порцию виски. Господи, ну конечно! «Буду держать вас в курсе, мистер Остин».

Держать вас в курсе, мистер Остин!

Робин Стоун должен был отчитываться перед ним, Дентоном Миллером. А он, Дентон, — докладывать Грегори Остину. Этот сукин сын перешагнул через него. А Грегори не одернул Робина. Дентон Миллер укрепился в своем решении сделать из шоу Кристи Лейна нечто сногшибательное.

Выйдя из ресторана, он позвонил Этель Эванс.

— Хочешь приехать ко мне?

— Я не проститутка, которую вызывают по телефону.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я еще не ела.

— О'кей, встретимся в «Пи. Джи.»

— Это что, единственный ресторан в городе?

— Милая моя, — елевым тоном заговорил Ден, — уже половина девятого. Я должен лечь спать пораньше. На следующей неделе я поведу тебя туда, куда ты захочешь пойти.

— Обещаешь?

— Клянусь индексами Нильсена.

Этель засмеялась.

— Хорошо, я надену джинсы.

— Зачем переодеваться?

— Когда элегантно одетая девушка заходит в «Пи. Жи.» в девять часов вечера, всем кажется, что она испытала разочарование. Рассчитывала на приглашение в «Буазин» или «Колони». Но если на ней джинсы, всем ясно, что она сама выбрала это место.

— Ты всегда все просчитываешь наперед, да?

— Да, даже твои поступки, великий любовник.

Ден рассмеялся. Ему не хотелось с ней спорить.

— О'кей, Этель, встречаемся через полчаса.

Он вернулся к стойке и допил виски. Потом посмотрел на часы. Плохо, что его увидят в обществе Этель. И уж вовсе нельзя допустить, чтобы ему пришлось ждать ее. Ден жестом заказал еще одну двойную порцию спиртного.

Кто-то похлопал Миллера по плечу. Он увидел Сьюзи Морган. Свежая, хорошенькая, она выглядела превосходно.

— Ден, вы знакомы с Томом Мэтью?

Миллер пожал руку белокурого гиганта. Ден уже где-то слышал эту фамилию. Кажется, Мэтью недавно возглавил юридический отдел «Си-Би-Эс». А может быть, «Эн-Би-Си».

Гигант едва не раздавил кисть Дена. Господи, какой он молодой и жизнерадостный!

— Ден, взгляните!

Сьюзи протянула ему руку. Миллер увидел на ее безымянном пальце кольцо с маленьким бриллиантом.

— О господи, когда это произошло?

— Сегодня! — сказала Сьюзи. — Я получила его сегодня. Мы в течение года встречались время от времени, а последние три недели постоянно вместе. Правда, красивое, Ден?

— Потрясающее. Позвольте мне угостить вас.

— Нет, спасибо, мы обедаем наверху с родными Тома. Мне сказали, что вы здесь, и я решила сообщить вам новость первому.

— Когда я тебя потеряю? — спросил Ден.

— Я остаюсь у вас. Мы поженимся в июне, а на медовый месяц я возьму отпуск. Ден, я хотела бы работать до того радостного дня, когда родится ребенок.

Она зарделась и с любовью посмотрела на гиганта.

Ден кивнул.

— Прекрасно. Сообщи мне, какой подарок ты хочешь получить к свадьбе.

Сью и Том покинули бар. Ден проводил их взглядом. Неприлично быть такими счастливыми. Он сам никогда не испытывал подобного состояния...

Однако он обладал властью. Она заменяла ему счастье. Шоу Кристи Лейна будет пользоваться успехом, даже если для этого ему, Дену, придется расшибиться в лепешку. К тому времени Робин Стоун сядет в лужу со своим «Взглядом» и будет уволен.

Ден посмотрел на часы. Господи, уже десять. Он подписал счет и внезапно понял, что сильно пьян. Ден сел в такси и поехал домой.

Пусть Этель ждет его в «Пи. Джи.» Сейчас ему хотелось лишь одного — лечь в постель. Он не обязан что-либо объяснять этой шлюхе. Он — большой человек, а она — никчемная тварь!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Этель ждала. В половине одиннадцатого она позвонила Дену. После нескольких гудков он снял трубку.

— Кто это?

— Слушай, негодяй, я сижу в «Пи. Джи.» и жду тебя.

Этель услышала щелчок. Она посмотрела на трубку, потом в ярости бросила ее на аппарат. Боже! Зачем она согласилась встретиться с ним? Дентон не был кинозвездой. Такого хамства она не простила бы и знаменитости. Этель вернулась к своему столику, оплатила счет и напоследок обвела комнату взглядом. Она заметила, что все усталились на красавицу, которая вошла в «Пи. Джи.» с двумя мужчинами. Незнакомка выглядела потрясающе. Она и ее спутники сели за столик, расположенный возле двери. Этель вспомнила — она видела фотографию этой девушки на обложке последнего номера «Моды». Этель посмотрела на мужчин. Это были Робин Стоун и Джерри Мосс. Она уже встречалась с Джерри на нескольких вечеринках, которые устраивало агентство.

Этель подошла к их столу.

— Привет, Джерри, — улыбувшись, произнесла она.

Мосс посмотрел на нее, не вставая со стула.

— О, здравствуй, — небрежным тоном обронил он.

Она улыбулась Робину.

— Я — Этель Эванс... Мы уже встречались. Я работаю в рекламном отделе «Ай-Би-Си».

Робин посмотрел на нее. Его рот медленно растянулся в улыбке.

— Садитесь, Этель. Нам пригодится еще одна девушка. Это Аманда.

Этель улыбулась девушке. Аманда не ответила на ее улыбку. Лицо Аманды было непроницаемым, но Этель почувствовала, что девушка смотрит на нее с неприязнью. Как она может испытывать ревность? Если бы я обладала ее внешностью, подумала Этель, мне бы принадлежал весь мир.

Этель достала сигарету. Робин, подавшись вперед, дал ей прикурить. Она посмотрела на него сквозь дым. Он переключил свое внимание на бокал со спиртным.

Молчание, воцарившееся за столом, смутило Этель. Она чувствовала недовольство Аманды, растерянность Джерри.

— Я недавно кончила работать, — сказала Этель и добавила после паузы: — Зашла сюда перекусить.

— К чему эти объяснения, — с непринужденной улыбкой произнес Робин. — Коли вы здесь, расслабьтесь и отдыхайте.

Она перехватила взгляд официанта.

— Что вы хотите, Этель?

Она посмотрела на пустой бокал Робина. Этель всегда пила то же, что и мужчина, с которым она была. Это создавало хоть какую-то общность вкусов.

— Пиво,— сказала Этель.

— Принесите даме пиво,— попросил Робин.— А мне — бокал воды со льдом. Как обычно.

Официант поставил на стол бокалы. Робин сделал большой глоток. Аманда протянула руку к его бокалу и тоже отпила жидкость. Потом поморщилась и опустила бокал.

— Робин!

Глаза Аманды были сердитыми.

Робин усмехнулся.

— Тебе не нравится моя вода?

— Это неразбавленная водка.

Этель наблюдала за ними с волнением и любопытством.

Робин сделал еще один большой глоток.

— Да, верно. Похоже, Майк перепутал.

— Ты с ним договорился,— сухо произнесла она.— Робин,— Аманда приблизилась к нему,— ты обещал провести этот вечер со мной.

Он обнял ее.

— Я с тобой, детка!

— Я имела в виду...

Ее голос звучал тихо, умоляюще.

— Вдвоем. Без Джерри и другой девушки. Я не считаю, что сейчас ты со мной.

Он взъерошил ее волосы.

— Я пригласил Этель для Джерри.

— Робин, утром у меня съемка. Я должна была остаться дома, вымыть волосы и рано лечь спать. Но я пошла с тобой. А теперь ты напиваешься.

— Разве ты плохо проводишь время? — спросил он.

— Дома я бы чувствовала себя лучше. Зачем я тебе здесь? Чтобы сидеть и смотреть, как ты пьешь?

Робин поглядел на нее. Затем на его лице появилась усмешка. Он повернулся к Этель.

— А вам когда завтра вставать?

— Сколько бы я ни спала, красивей я не стану,— сказала Этель.

Робин усмехнулся.

— Джерри, меняемся девушками.

Аманда взяла свою сумочку и встала.

— Робин, я хочу поехать домой.

— Хорошо, детка.

— Мы идем?

Если бы ее глаза не помутнели от спиртного, они бы сейчас сердито сверкнули.

— Сядь,— мягко произнес он.— Мне здесь нравится. Я хочу посидеть тут немного.

Аманда неохотно села.

Джерри Мосс смущенно поерзал на стуле.

— Этель, нам, наверно, следует оставить их одних. У моего друга сегодня вечеринка, это в двух шагах отсюда...

— Я не хочу, чтобы вы уходили, — тихо, но властно произнес Робин.

Он осушил свой бокал и заказал новую порцию спиртного. Повернувшись к Аманде, посмотрел на нее с ласковой улыбкой.

— Правда, она очень красива? Ей действительно необходимо выспаться. Я просто подлый эгоист. Ты правда хочешь уйти, детка?

Она кивнула, словно не доверяя своему голосу.

Робин поцеловал ее в лоб.

— Посади Аманду в такси, Джерри, и возвращайся сюда. Мы не можем допустить, чтобы лучшая нью-йоркская фотомодель не выпалась из-за того, что мы решили напиться.

Аманда встала и направилась к выходу. Джерри неуверенно последовал за ней. Выйдя на улицу, она едва не заплакала.

— Джерри, я что-то сделала не так? Я безумно люблю его. В чем моя ошибка?

— Ни в чем, милая. Просто сегодня он не в духе. Сейчас с ним невозможно поладить. Завтра Робин будет другим человеком.

Он засвистел, потом махнул рукой, пытаясь остановить такси.

— Заставь Робина понять, что я люблю его, Джерри. Не дай этой корове добраться до Робина. Она ведь пытается сделать это, правда?

— Милая, Этель Эванс — девушка на одну ночь. Робин весьма разборчив. Спи спокойно.

Возле них остановилось такси. Джерри открыл дверь машины.

— Джерри, я хочу вернуться. Я не могу допустить, чтобы...

Он заставил ее сесть в такси.

— Аманда, ты знакома с Робинем несколько месяцев. Я знаю его несколько лет. Никто не может ничего запретить ему. Хочешь знать, в чем твоя ошибка? Возможно, я ошибаюсь, но ты иногда ведешь себя, как жена. Не разрешаешь ему пить. Не дави на него. Ему необходима свобода. Он всегда был таким. Даже в колледже. А теперь поезжай домой, выпишись, и к завтрашнему утру ты обо всем этом забудешь.

— Джерри, позвони мне, когда вы расстанетесь. В любое время. Я не смогу заснуть. Пожалуйста, я должна знать — даже если он скажет тебе, что решил бросить меня — или пойдет с этой девушкой...

— Он мне ничего не скажет. Тебе следовало бы знать это.

Джерри внезапно заметил, что таксист с удовольствием слушает их под щелканье счетчика. Он сообщил водителю адрес Аманды.

Она опустила стекло.

— Позвони мне, Джерри.

Аманда схватила его за руку.

— Пожалуйста...

Он дал ей обещание позвонить. Такси уехало. Джерри сочувствовал Аманде. Робин непреднамеренно проявил жестокость. Просто сегодня он как бы отключился от внешнего мира. Джерри знал, что с Робинсом иногда происходит такое. Возможно, это составляло часть его обаяния. Робин был непредсказуем. Кто мог предположить, что он пригласит Этель Эванс сесть за их столик?

— Как насчет гамбургеров? — спросил Джерри, вернувшись к столу.

— Тебе следует пропустить одну еду, — сказал Робин. — На прошлой неделе ты дважды прогулял занятия в спортзале.

— Я живу здесь неподалеку, — сообщила Этель. — Почему бы вам не зайти ко мне? Я приготовлю яичницу.

Посмотрев на Джерри, она добавила:

— Моя соседка по квартире — очень симпатичная блондинка. Возможно, она встретит нас с полотенцем на голове, но если мы предупредим ее, она за пять минут сварит нам кофе.

Робин поднялся из-за стола.

— Я не голоден. Мы с Джерри проводим вас. А потом Джерри проводит меня.

Он взял счет и вручил его Джерри.

— Завтра спишешь по статье «Представительские расходы».

Этель жила там, где пересекаются Пятьдесят седьмая улица и Первая авеню. Она едва поспевала за Робинсом.

— Вы живете где-то рядом? — спросила Этель.

— Возле реки.

— Вероятно, мы — соседи.

— Река длинная.

Остальную часть пути они прошли молча. Этель ощущала сопротивление со стороны Робина. Отвечая на ее вопросы, он как бы обрывал нить беседы. Наконец они остановились перед ее домиком.

— Вы точно не хотите выпить по последнему бокалу? — спросила она. — У меня есть отличная водка.

— Нет. На сегодня с меня хватит.

— Мы еще увидимся. Я уверена, вам будет хорошо в «Ай-Би-Си». Если я чем-то могу вам...

Он медленно улыбнулся.

— Мне везде хорошо, детка. До свидания.

Робин ушел, увлекая за собой спотыкающегося Джерри.

Этель провожала их взглядом до тех пор, пока они не скрылись за углом. Она безумно, до физической боли, хотела Робина. Почему она не наделена красотой Аманды? Как замечательно было бы, если бы мужчины звонили ей, хотели ее, смотрели на нее с восхищением, как на самую желанную женщину в мире. Она спустилась к реке. Этель знала, что по ее щекам текут слезы. Господи, это жестоко! Нельзя давать женщине с телом крестьянки сердце и душу красавицы. Почему ее эмоциональные запросы не столь грубы, как тело? Почему она не способна довольствоваться Петером Чиночком, быть счастливой с ним?

— О, господи,— произнесла вслух Этель,— я всего лишь хочу стать кем-то, найти мужчину с приличным положением в обществе, который будет заботиться обо мне. Неужели это так много?

Внезапно чувство безмерного одиночества охватило Этель. Мечты и встречи на одну ночь — вот и все, что было в ее жизни. Она жила в хорошей трехкомнатной квартире, роскошной по сравнению с Хэмтрэмком; правда, Этель снимала ее вместе с другой девушкой, которая также довольствовалась случайными связями. Конечно, здорово держать в своих объятиях известного киноактера, но к следующей ночи он успевал исчезнуть.

Она подошла к своему дому. Робин, конечно, уже в объятиях Аманды. Этель постаралась отогнать от себя эту мысль. Что толку жалеть себя? Впереди еще много ночей.

Когда Робин и Джерри расстались с Этель, они какое-то время шли молча. Поравнявшись с баром, Робин сказал:

— Заглянем сюда. Выпьем по бокалу.

Джерри последовал за ним.

— И как в тебя столько входит? — произнес он.

— Я слишком долго обходился без спиртного. Теперь наверстываю упущенное. В моей семье все очень заботилось о здоровье. Мой отец вовсе не пил.

Джерри рассмеялся.

— А я-то считал, что ты уже в колледже был гулякой.

Робин посмотрел на Джерри так, словно увидел его впервые.

— Ты учился в Гарварде в те же годы, что и я?

— Я поступил туда на год раньше тебя.

Джерри обрадовался тому, что сейчас они были одни. Все считали, что они с Робинком дружат со студенческой скамьи. У Робина была такая черта — он всегда казался внимательным собеседником, но никогда не удавалось понять, что он запоминает, а что пропускает мимо ушей. Внезапно Джерри рассердился на себя за свою кроткость. Он повернулся к Робину, не скрывая своего раздражения. Такое случалось с ним крайне редко.

— А где, по-твоему, мы познакомились?

Робин задумчиво потер подбородок.

— Я никогда об этом не задумывался, Джерри. Мимо меня проходит много людей. Наверно, как-то вечером я заглянул в «Улан», а ты оказался там.

Робин жестом попросил бармена дать счет. Они молча вышли на улицу. Джерри проводил Робина до большого дома, стоящего возле реки. Внезапно он подумал о том, что никогда не был в квартире Робина. Он обычно провожал Робина до подъезда или они встречались в баре.

Робин небрежным тоном сказал:

— Выпьем еще по бокалу у меня?

Джерри смутился. Робин словно прочитал его мысли.

— Уже поздно,— пробормотал Джерри.

Робин усмехнулся.

— Боишься жены?

— Нет. Мне долго ехать домой, а утром у меня деловое свидание.

— Смотри сам, — отозвался Робин.

— Хорошо. Выпьем быстро по бокалу пива, — согласился Джерри.

Он вслед за Робинем зашел в лифт. Поговорю с ним насчет Аманды, сказал себе Джерри.

Робин жил в красивой квартире. Прекрасно обставленной и тщательно убранной.

— Это дело рук одной девушки, которую я знал до Аманды, — пояснил Робин.

— Почему ты сегодня так обошелся с Амандой? Она тебя любит. Ты не испытываешь к ней никаких чувств?

— Да.

Джерри посмотрел на Робина.

— Скажи мне — ты вообще способен на какие-то чувства?

— Вероятно, да, только я не умею их демонстрировать.

Робин улыбнулся.

— Мне бы жилось гораздо легче, если бы я был на это способен. Я — точно индеец. Заболев, поворачиваюсь лицом к стене и лежу так до тех пор, пока не поправлюсь.

Джерри вышел.

— Робин, тебе никто не нужен. Однако я — твой друг. Сам не знаю почему.

— Ты дружишь со мной, потому что тебе это нравится. Ты сам так говорил. Мне никто не нужен.

— Тебе неведомо чувство долга по отношению к кому-то?

Джерри чувствовал, что затронул опасную тему, но не мог остановиться.

— Да. Это было на войне. Один парень, даже не знавший меня, спас мою жизнь. Он управлял другим самолетом. Вдруг он сказал мне по радио: «Справа «Мессершмидт»! Я сбросил высоту и ушел от немца. Через две минуты тот парень погиб. Я навеки в долгу перед ним. Обязан ему своим спасением. Я пытался узнать, кто он, но в тот день фашисты сбили семь наших машин. Я бы сделал ради него что угодно — даже женился бы на вдове этого летчика, если бы она согласилась выйти за меня. Но я так и не узнал, как его звали.

— Ты испытываешь подобное чувство к хирургу?

— Нет. Спасти меня было его работой. Я мог бы заплатить ему. Но тот летчик даже не знал меня. Он не был обязан спасти мне жизнь.

Джерри помолчал.

— Какие обязательства, по-твоему, налагает на человека дружба?

Робин натянуто улыбнулся.

— Не знаю. У меня никогда не было друзей.

Джерри направился к двери.

— Я не брошусь ради тебя на нож, но я — твой друг. Позволь мне дать тебе один совет. Дорожи Амандой. Я не слишком хорошо ее знаю, но в ней есть нечто особенное. Она — стоящая девушка.

Робин поставил на стол свой бокал и зашагал по комнате.

— Господи, я совсем забыл про птичку.

Он ушел на кухню и включил там свет. Джерри последовал за ним. На полу стояла большая красивая клетка с маленьким воробьем, который смотрел на мужчин.

— Забыл накормить Сэма,— сказал Робин, доставая кусочек хлеба.

— Это воробей, верно? — спросил Джерри.

Робин подошел к клетке с кусочком хлеба, стаканом воды и пипеткой. Бережно вынул оттуда птенца. Он без страха уселся на руку Робина.

— Малыш слишком рано собрался полететь. Он выпал из гнезда на мой балкон и сломал себе крыло. Аманда это увидела. Она тотчас побежала в магазин и купила там клетку. Теперь я этой крохе вместо матери. Аманда не может взять птенца к себе: у нее живет сиамский кот. Этот зверь буквально бегаёт по стенам.

Он осторожно взял воробья в руку. Птенец открыл рот. Робин положил туда несколько хлебных крошек. Взял пипетку и накапал воду в клюв птахе. Потом смущенно улыбнулся.

— Только так его и можно напоить.

Он поместил птенца обратно в клетку и закрыл дверцу. Воробей благодарно смотрел на Робина своими маленькими блестящими глазками.

— О'кей, Сэм, пора спать,— сказал Робин.

Он погасил свет и вернулся к бару.

— Думаю, он поправляется. У него отличный аппетит. Если бы ему было плохо, он бы так не ел, верно?

— Я мало знаю о птицах,— отозвался Джерри.— Однако вольная птаха не может жить в клетке.

— Как только он окрепнет, я отпущу его. Эта птаха весьма умна. Ты заметил — проглотив несколько крошек, он закрыл клюв и попросил воды?

Джерри сильно устал. Его изумляло, что Робин был столь заботлив по отношению к воробью и безжалостен с женщиной.

— Почему тебе не позвонить Аманде и не сказать ей, что птенец поправляется? — предложил он.

— Она, вероятно, уже два часа спит,— отозвался Робин.— Карьера для нее важнее всего. Слушай, не беспокойся об Аманде. Она — тертый калач, знает правила игры.

Робин снова налил себе спиртное. Джерри покинул квартиру. Он решил дойти до гаража пешком, чтобы прояснилась голова. Поддавшись внезапному порыву, Джерри заглянул в аптеку и позвонил Аманде.

— Джерри, я так рада твоему звонку. Он с этой коровой, да?

— К твоему сведению — мы расстались с ней возле ее дома через двадцать минут после твоего ухода.

— Но сейчас очень поздно — что вы делали все это время? Почему ты не позвонил мне раньше? Я не могла заснуть.

— Мы прошлись пешком, затем посидели в баре. После этого поднялись к нему домой и выпили еще. Он покормил воро-

бья. Когда я уходил, Робин восхищался сообразительностью птенца.

Аманда вздохнула с облегчением.

— О, Джерри! Я могу позвонить ему?

— Нет, Аманда, возьми себя в руки. Подожди некоторое время.

— Ты прав. Я постараюсь. Легко вести себя подобающим образом, когда сердце холодно. Другое дело, когда любишь. Я никогда прежде не любила. Я влюблена в него, Джерри.

— Он не должен это знать.

Она засмеялась через силу.

— Как странно. Любить кого-то и быть вынужденной скрывать это. Ты мужчина, Джерри. Твоя жена не выдавала своих чувств? Так она добилась тебя?

Он засмеялся.

— Мэри не была известной фотомodelью, а я — не Робин Стоун. И если я не вернусь сегодня домой, я могу остаться без жены. Спокойной ночи, милая.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Робин проснулся в семь часов утра. Он чувствовал себя прекрасно. Благодаря каким-то загадочным особенностям своего организма Робин вообще не знал, что такое похмелье. Он боялся, что когда-нибудь это чудо кончится, и он проснется утром в ужасном состоянии. Робин подошел к холодильнику и налил себе апельсинового сока. Затем взял кусочек хлеба и открыл дверцу клетки. Воробей лежал на боку с открытыми глазами. Он был мертв. Робин взял птичку и положил ее на свою ладонь.

— Ты ни на что не жаловался, бедняга, — сказал Робин. — Ты мне нравишься.

Он надел джинсы и футболку. Положил птичку в целлофановый пакет, вышел из дома и направился к реке.

— Океан — это все, что я могу тебе предложить, Сэм.

По реке медленно плыла старая серая баржа. Робин бросил пакет в воду. Он закачался на волнах, расхोлившихся от баржи.

— Мне жаль, что ты умер. Зато по тебе искренне скорбит хотя бы один человек. Такое выпадает на долю далеко не каждого усопшего.

Робин подождал, пока пакет не скрылся из виду. Затем зашагал обратно.

Дома он встал под холодный душ. Когда Робин завернул кран, он услышал телефонный звонок. Обмотав бедра полотенцем, мокрый Робин подошел к аппарату и снял трубку.

— Я тебя разбудила?

Это была Аманда.

— У меня сегодня утром съемки. Я хотела услышать твой голос до ухода.

Он поискал сигареты.

— Робин, ты меня слышишь?

— Да.

Он посмотрел на стол. Спички валялись на полу.

— Извини меня за вчерашний вечер.

— А что вчера случилось?

— Ну, я ушла. Просто эта девушка мне ужасно не понравилась, и я очень устала...

— Это было вчера. Забудь все.

— Как насчет сегодняшнего вечера? — спросила Аманда.

— Хочешь приготовить мне обед?

— С удовольствием.

— Договорились. Пожарь бифштекс и сделай салат.

— Робин, как себя чувствует птенец?

— Он умер.

— Но еще вчера вечером воробей был жив!

— Откуда это тебе известно?

Она растерялась.

— Я решила, что он жив, раз ты мне ничего не сказал.

— Ты права. Он сдох где-то между двумя часами ночи и пятью утра. Я увидел уже холодный труп.

— Что ты с ним сделал?

— Бросил в реку.

— Не может быть!

— А как я должен был поступить? Похоронить его на кладбище «Кемпбелл»?

— Нет, но ты сообщил об этом так небрежно. Робин, неужели ты никогда не испытываешь никаких чувств?

— Конечно, испытываю. Я только что вышел из ванной, мне холодно.

— Знаешь, кто ты? Бездушный сукин сын.

Аманда произнесла эти слова без эмоций, просто констатируя факт.

Он рассмеялся. Аманда поняла, что Робин сделал затяжку.

После паузы она произнесла:

— Робин, что ты хочешь от жизни?

— Сейчас я хочу яичницу.

— Ты невыносим.

Она засмеялась, чтобы не впасть в хандру.

— Значит, ты будешь у меня в семь часов. Бифштекс и салат.

Что еще?

— Ты.

Она снова рассмеялась и воспряла духом.

— Да, Робин, забыла тебе сказать. Меня пригласили в «Апрель» на премьеру «Парижского бала». Прислали мне бесплатно два билета. Каждый стоит сотню долларов. Ты пойдешь со мной? Это на следующей неделе.

— Ни за что на свете.

— Но мне обязательно надо там быть...

— Детка, на следующей неделе меня может не быть в городе.

— Куда ты собираешься?

— Возможно, в Майами. Надо сформировать рабочую группу для освещения партийных съездов. Встречусь там с Энди Парино. Он работает в нашей местной телестудии. Хочешь поехать со мной? Была когда-нибудь в Майами?

— Робин, у меня не бывает отпусков. Я работаю круглый год — летом и зимой.

— Ты мне напомнила — меня тоже ждет работа. До вечера, детка. Ради бога, запри своего кота в ванной. Прошлый раз он весь обед просидел у меня на коленях.

Она рассмеялась.

— Он тебя обожает. Робин, я люблю тебя.

Но он уже опустил трубку.

Аманда поймала такси и отправилась в «Улан». Съемки продолжались на тридцать пять минут дольше, чем должны были. Конечно, она получит за это большую сумму, но теперь у нее не оставалось времени заехать домой и переодеться. Она хотела надеть нежно-голубое шелковое платье. Робин возвращался сегодня из Майами. Это был их последний вечер перед его отлетом в Лос-Анджелес на съезд демократической партии.

Будь проклят этот Ник Лонгворт! Она хотела полететь с Робинком в Лос-Анджелес. Это была бы чудесная поездка. Конечно, Робин не смог бы уделять ей много внимания в течение этих пяти дней. Но после съезда он собирался несколько дней поиграть с Энди Парино в гольф в Палм-Спрингс. Робин пригласил ее поехать с ним весьма небрежным тоном. Но он все же сделал это!

Ник был непреклонен. Она становилась одной из самых известных фотомоделей города. Осенью он обещал увеличить ее ставку. В июле Аманду ждала большая работа. Сообщая об этом Робину, она надеялась, что он скажет: «Пошли работу к черту. Я — твоё будущее». Но он произнес другие слова: «Конечно, детка, я забыл, что твой тряпичный бизнес приносит массу денег». Он не шутил.

Ник прав. Ее нынешнее положение завоевано ценой большого труда. Пропустив несколько съемок, она не просто теряла деньги — она давала шанс другой девушке! Аманда поднималась все выше и выше.

Аманда посмотрела на часы. Она опаздывала на десять минут; такси попало в пробку. Аманда откинулась на спинку сиденья и закурила сигарету. Она решила, что волноваться все равно бессмысленно. Энди Парино наверняка уже с Робинком. Приехав из Майами, он все вечера проводил с ними. Энди нравился Аманде. Возможно, он был даже красивее Робина. Но она относилась к его привлекательности с тем же равнодушием, как и к красоте фотомоделей-мужчин, с которыми она работала. Красивый, ну и что? Однако стоило ей подумать о Робине, как у нее начинала кружиться голова. Сейчас ей хотелось выскочить из медленно ползущего такси и по-

бежать. Но воздух в городе был горячий и влажный, он мог испортить прическу.

Последняя ночь, которую они проведут вместе. Нет, она должна отогнать от себя эти мысли. Он уезжает только на десять дней. Возглавив редакцию новостей, Робин стал часто покидать Нью-Йорк. Дважды был в Европе. Проведет ли Энди с ними весь вечер? Последние три вечера они встречались в «Улане», затем отправлялись в итальянский ресторан, и лишь к полночи Аманда оставалась наедине с Робинсом. Он много пил эти дни, но это совсем не отражалось на его потенции. Однако Аманда предпочитала заниматься любовью с трезвым Робинсом — тогда она знала, что не водка заставляет его шептать нежные слова.

Войдя в тускло освещенный бар, она услышала голос Робина: — Мы здесь, детка!

Аманда направилась к столику, находившемуся в глубине зала. Мужчины встали. Энди радостно улыбнулся. В то короткое мгновение, когда глаза Аманды встретились с насмешливыми глазами Робина, она перестала видеть Энди, бар, посетителей — они как бы расплылись, в этот восхитительный момент она испытывала удивительное чувство близости с ним; у нее даже екнуло сердце. Затем она села рядом с Робинсом, и он снова заговорил с Энди о политике. Комната и посетители снова обрели четкие очертания. Аманда посмотрела на Робина. Ей хотелось прикоснуться к нему, но она откинулась на спинку стула, придав лицу выражение в стиле Ника Лонгворта: легкая улыбка, застывшие черты.

Официант поставил перед ней martini.

— Это я заказал, — пояснил Робин. — Уверен, тебе не помешает выпить. Представляю, что значит провести такой день под лучами прожекторов.

Она не любила спиртное. Раньше, до Робина, она бы попросила принести ей кока-колу и невозмутимо заявила: «Я не пью». Но интуиция подсказывала Аманде, что непьющей девушке не удалось бы удержать Робина. Чаще всего она лишь делала вид, что пьет. Иногда выливали половину своей порции в его бокал. Но сегодня прохладный martini нравился ей. Возможно, у нее уже выработался вкус к спиртному.

Робин обсуждал с Энди шансы кандидатов на предстоящих выборах. Беседуя, он взял Аманду за руку, этим жестом как бы делая ее участницей дискуссии, содержание которой было ей недоступно.

— Стивенсону не удастся победить, несмотря на поддержку со стороны Элеоноры Рузвельт. Это свидетельствует не в пользу его партии. Он — великий человек.

— Тебе не нравится Кеннеди? — спросила Аманда.

Она решила, что ей следует проявить какой-то интерес к их разговору.

— Я с ним встречался. Он обладает большим магнетизмом. Я собираюсь голосовать за него. И хочу сказать следующее: обидно, что Стивенсон, очевидно, потерпит поражение. Очень редко на политической сцене одновременно появляются два незаурядных человека.

Так случилось с Уиллки, соперником которого стал Рузвельт. Кто знает, что могло произойти, если бы Уиллки родился на десять лет позже?

Затем они принялись сравнивать кандидатов на пост вице-президента. Аманда слышала фамилии Симингтона, Хэмфри, Мейнера... Потягивая martini, она наблюдала за Робинот.

К девяти часам они перебрались в итальянский ресторан. Когда они отобедали, Энди предложил выпить в «Пи. Джи.» по последнему бокалу. К радости Аманды, Робин покачал головой: «Малыш, я провел с тобой десять дней. Сегодня у нас с Амандой последний вечер».

В эту ночь он был особенно нежен. Проведя пальцами по волосам Аманды, он ласково посмотрел на нее.

— Ты — просто чудо, моя прелестная Аманда.

Он обнял девушку, коснулся рукой ее шеи. Они начали заниматься любовью. Потом обессиленный и счастливый Робин поднялся с кровати и увлек за собой Аманду.

— Примем душ вместе.

Они встали под теплый душ. Аманда не думала о намокших волосах, о том, что в десять утра ее ждала работа. Она обняла его мокрое тело — сейчас для нее был важен лишь настоящий момент. Когда Робин протянул руку и пустил холодную воду, Аманда завизжала, но он засмеялся и прижал ее к себе еще сильнее. Спустя несколько секунд кожа девушки привыкла к холодной воде. Аманда почувствовала себя прекрасно. Робин поцеловал ее сквозь заливавший их лица поток. Она заглянула ему в глаза.

— Я люблю тебя, Робин.

Он снова наклонился и стал целовать ее губы, шею, маленькие почти плоские груди. Поднял голову.

— Я люблю твое тело, Аманда. Оно красивое, сильное, чистое.

Он отнес ее в спальню, и они снова предались любви. Затем заснули в объятиях друг друга.

Ночью Аманда проснулась из-за того, что Робин лежал на ее затекшей руке. Девушка освободила руку. Робин пошевелился во сне. Аманда увидела горящие в темноте глаза сиамского кота. Господи, ему удалось открыть дверь. Он прыгнул на кровать. Аманда прижала его к себе и погладила. Кот довольно заурчал.

— Возвращайся-ка в гостиную, Слаг,— прошептала она,— Робину не понравится, если утром он обнаружит тебя лежащим у него на шее.

Она выскользнула из постели, держа в руках кота. Робин снова пошевелился и ударил рукой по подушке Аманды.

— Не оставляй меня! — закричал он.— Пожалуйста, не оставляй меня!

Она бросила испуганного кота и поспешила к кровати.

— Я здесь, Робин.

Аманда обняла его. Он дрожал, уставясь в темноту.

— Робин,— пальцы Аманды коснулись его холодного влажного лба,— я здесь, я люблю тебя.

Он тряхнул головой, как человек, только что вылезший из воды. Затем посмотрел на Аманду, растерянно моргая. Усмехнувшись, прижал к себе девушку.

Она не сводила с него взгляда.

— Что случилось?

— Я встала, чтобы унести кота и попить воды, и вдруг ты закричал.

— Я закричал?

— Ты сказал: «Не оставляй меня!»

Внезапно в его глазах появилось нечто похожее на страх. Потом он улыбнулся.

— Тогда больше не убегай от меня.

Она прильнула к нему. Впервые Робин показался ей уязвимым.

— Я никогда не покину тебя, Робин. Ты — моя любовь.

Чуть отстранившись от нее, он засмеялся. Снова стал прежним Робин.

— Можешь уйти от меня, когда захочешь, детка, но только не посреди ночи.

Она удивленно посмотрела на него.

— Почему ты так говоришь?

Он уставился в темноту.

— Не знаю. Я, правда, не знаю.

Затем он непринужденно усмехнулся.

— Ты подала мне мысль. Я тоже хочу пить.

Он шлепнул ее по ягодице и добавил:

— Пойдем на кухню, возьмем там пива.

Они выпили пива, и Робин снова овладел Амандой.

Для Аманды одно время года незаметно сменялось другим. Ранней весной в ее жизнь вошел Робин. К лету их отношения стали для нее источником бурной, неиссякаемой радости. Робин побывал на партийных съездах в Лос-Анджелесе и Чикаго. После каждого возвращения Робина Аманде казалось, что она хочет его еще сильнее, чем прежде. Она не могла сдерживать свою любовь к Робину, которая росла с каждым днем, превращаясь в неуправляемую страсть. Это пугало Аманду — она видела, что Робин не испытывает к ней подобных чувств. Известность, приобретенная им после серии репортажей о съездах, также не прибавляла Аманде спокойствия. Его новое положение воспринималось ею как источник опасности — все, что могло отнять у нее Робина, внушало девушке тревогу. Без него жизнь потеряла бы для Аманды смысл. Она хотела, чтобы Робин снова занялся местными новостями.

В октябре, сидя дома у Робина, они вместе смотрели премьеру «Взгляда». Грегори Остин поздравил Робина по телефону. Потом из Майами позвонил Энди Парино. Он тоже поздравил Робина и сообщил, что недавно познакомился с молодой разведенной женщиной и влюбился в нее.

Робин рассмеялся.

— Вот это да! В Майами столько красоток, а тебя, истового католика, угораздило втрескаться в разведенную!

— Мэгги Стюарт — просто прелесть! — заявил Энди.

Конечно, признался он, различие вероисповеданий создает некоторые барьеры, но главная проблема заключается в том, что эта леди не хочет снова выходить замуж. Энди пригласил ее готовить на местном телевидении пятиминутные обзоры новостей. Они, как он выразился, хоть работали вместе.

Аманда смотрела передачу молча. Возможно, именно тогда в ее голове начал зарождаться смутный план. Он обрел четкие очертания спустя несколько дней, когда она увидела в «Шоу для полуночников» рекламную вставку. Девушка, снимавшаяся там, играла бездарно, невыразительно.

— Не всякий может сохранять естественность перед камерой, — заметил Робин.

— А в чем, по-твоему, заключается моя работа? — спросила Аманда.

Он привлек ее к себе и сказал:

— Тебя, моя прелесть, снимают пятьдесят раз, пока не получится снимок, на котором ты выглядишь, как ангел. К тому же фотографию можно ретушировать.

Аманда задумалась над словами Робина. Если она сделает хороший рекламный ролик для телевидения, Робин, возможно, будет по-настоящему уважать ее. Она обсудила эту идею с Ником Лонгвортом. Он рассмеялся.

— Дорогая моя, это прекрасная мысль. Правда, тут есть ряд проблем. Первая: ты не умеешь говорить. Это — особый талант. Второе: ты не можешь участвовать в групповой сцене. Там используются только начинающие фотомодели. Я заключил контракты с тремя девушками. Они будут рекламировать пиво. Ты могла бы сняться лишь в большом, серьезном ролике, а такие заказы поступают редко. Обычно к их созданию привлекаются девушки с голливудской внешностью, которые имеют опыт дикторской работы, обаятельны и способны продавать товар.

В канун рождества они украсили елку дома у Аманды. Робин подарил ей маленькие наручные часы. Без бриллиантов. Она скрыла свое разочарование. Аманда вручила Робину золотой портсигар с его личной подписью, выгравированной на крышке. Джерри, спешивший к себе в Гринвич, заглянул в гости, чтобы выпить по случаю приближающегося рождества. Он привез шампанское и резиновую игрушку для Слаггера.

Когда они легли в постель этой ночью, Слаггер забрался на кровать с новой игрушкой. Аманда собралась унести кота в гостиную.

— Пусть остается, — сказал Робин, — сегодня — рождество. Да, чуть не забыл.

Он взял свой пиджак, висевший на стуле, и вытащил из кармана плоскую коробочку.

— С рождеством, Слаггер.

Робин бросил коробочку на кровать. Аманда раскрыла ее и увидела мягкий кожаный ошейник. На глазах девушки выступили слезы. На ошейнике висели серебряные колокольчики и жетон с выгравированным именем кота.

Аманда крепко обняла Робина.

— Значит, ты все-таки любишь Слаггера.

Он рассмеялся.

— Ну, конечно. Просто мне не нравится, когда он залезает на меня. Эти колокольчики будут возвещать о его приближении.

Затем Робин обнял и поцеловал Аманду. Когда возмущенный Слаггер спрыгнул с кровати и убежал в гостиную, они не услышали звона.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В январе «Нью-Йорк Таймс» уделила внимание новым февральским передачам. Ден радостно улыбнулся, увидев, что «Шоу Кристи Лейна» упоминалось в самом начале обзора. Все лето он трудился не покладая рук и заставлял Кристи сделать хороший пилот — пробную запись. Когда Грегори одобрил ее, Ден перестал глотать транквилизаторы.

Сегодня он решил устроить себе праздник. Невольно вспомнил об Этель. Вероятно, он совершил ошибку, поручив ей рекламировать шоу. Но ему следовало как-то отблагодарить эту даму. По части секса ей не было равных. Она с радостью приняла его приглашение. Дело было не в лишних двадцати пяти долларах. Шоу позволяло ей каждую неделю знакомиться с новой голливудской звездой — гостем передачи. Она была обыкновенной нимфоманкой, а Ден не мог трахать ее чаще, чем два раза в неделю. Если она хочет в свободное время развлечься со знаменитостью — что ж, пожалуйста, он предоставит ей такую возможность. Тогда, вероятно, она перестанет требовать, чтобы он водил ее в «21». Как ни странно, Этель не проявляла сексуального интереса к Кристи Лейну. Она как-то сказала, что от его вида у нее мурашки по спине ползут. Его молочно-белая кожа напоминала ей по цвету брюшко цыпленка.

Ден откинулся на спинку кресла. Его улыбающееся лицо выражало удовлетворение. Теперь ему оставалось лишь ждать февраля. Тогда он представит зрителям передачу, которую ждет большой успех. «Олвисо» согласилась стать спонсором. В дополнение к Кристи — «обыкновенному человеку» — он подыскал певицу с простенькой внешностью и такого же конференсье. Еженедельно передачу будет украшать новая телезвезда. Он нанял Арти Райлендера — известного продюсера, сделавшего себе имя в пятидесятых годах на эстрадных шоу, шедших в эфир «живьем». «Олвисо» готовила рекламные вставки. Ден снова порадовался своему везению. Эффектная девушка прекрасно оттенит домашний, семейный характер «Шоу Кристи Лейна».

Офис Джерри сейчас, вероятно, заполнен лучшими фотомodelями города. Джерри собирался дать мужской «голос за кадром». Демонстрировать продукцию будет девушка. Он заявил, что им следует выбрать одну фотомodel и работать с ней постоянно. Это само по себе было непростой задачей.

Ден улыбнулся. Несколько месяцев он не расставался с Кристи Лейном, Сигом, Гоуи и Арти Райлендером. А Джерри отбивался от красоток. Ден покачал головой. Ему бы такие проблемы.

Но у Джерри были свои трудности. Аманда с ее строгими нордическими чертами лица, высокими скулами и густыми светлыми волосами идеально подходила для рекламной вставки. В прошлом году она уже снималась для «Олвисо». Джерри хотел использовать ее в шоу. Но как к этому отнесется Робин?

Не скажет ли он: «Ты что, пытаешься сделать мне одолжение?» Или: «Очень мило с твоей стороны. Я тебе ужасно благодарен».

Внезапно Джерри испытал презрение к себе. Черт возьми, он должен выбрать девушку, которая лучше всего подходит для этой работы, и не думать о Робине! Он посмотрел на фотографию Мэри с детьми. Было ли в его отношении к Робину нечто патологическое? Ерунда! Он не испытывал к нему физического влечения. Это была обыкновенная симпатия, ему нравилось общество Робина, который иногда держался с Джерри столь же небрежно-приветливо, как и с барменом «Улана». Затем наступали дни, когда Робин не вспоминал о Джерри. После чего охотно, почти радостно встречался с ним: «Не пора ли нам выпить?» Джерри втайне подозревал, что если он вдруг перестанет звонить Робину и заходить в «Улан» в пять часов, тот не заметит его исчезновения.

Он нажал кнопку и попросил секретаршу пригласить к нему Аманду. Через несколько секунд девушка вошла в кабинет. Господи, даже походкой она напоминала своего кота. На ней была шуба из леопарда. Светлые волосы свободно падали на плечи Аманды. Джерри помнил, что еще у нее есть норковая шуба. У его жены была лишь шуба из выдры.

Она села на стул напротив Джерри, не боясь яркого солнечного света, падавшего на ее лицо. Он замечал, что фотомodelи постарше избегают этого места. Лицо Аманды было безукоризненным, и она знала это.

— Ты действительно хочешь получить эту работу?

— Очень.

Он посмотрел на нее. Господи, она даже говорит, как Робин. Кратко, лаконично.

Он заметил, что она украдкой поглядела на часы. Да, ее время стоило дорого. Затем Джерри обратил внимание на ее часы. Господи, да это же «Вейкрон» — самые крохотные часики, какие ему доводилось видеть. Мэри любовалась ими, стоя у витрины «Картье». Они стоили более двух тысяч долларов.

— Изумительные часы, — сказал он.

Она улыбнулась.

— Спасибо... Это рождественский подарок Робина.

Джерри промолчал. Перед праздником он отправил Робину ящик водки. Робин не прислал ему даже поздравительной открытки.

Внезапно она подалась вперед. В ее глазах застыла мольба.

— Я хочу получить эту работу, Джерри. Хочу, чтобы Робин гордился мной. Джерри, я люблю его. Не могу без него жить. Ты — лучший друг Робина. Скажи, у меня есть шанс? Мы встречаемся с ним уже почти год. Иногда я чувствую, что не стала ему ближе, чем в первый день нашего знакомства. Он непредсказуем. Что ты об этом думаешь, Джерри? Мужчины делятся такими вещами друг с другом.

Его настроение изменилось. Внезапно он посочувствовал ей. Господи, какое это несчастье для девушки — влюбиться в такого человека, как Робин. Слава Богу, что он, Джерри, — мужчина. И Робин ему всего лишь друг.

— Джерри, я хочу выйти за него замуж, — сказала Аманда. — Хочу родить ему ребенка. Знаешь, чем я занималась по вечерам, когда он уезжал? Я дочитала «Записки Пиквикского клуба», затем взялась за Чосера. Когда я попыталась обсудить эти книги с Робинем, он засмеялся и сказал, что роль профессора Хиггинса его не прельщает. Знаешь, Джерри, иногда мне хочется, чтобы моя любовь к нему не была такой сильной. Проведя с ним ночь, утром после его ухода я прижимаю к себе полотенце, которым он пользовался. Иногда сворачиваю его, кладу в сумочку и ношу с собой весь день. Время от времени касаюсь его рукой. Мне кажется, что оно источает запах Робина... я схожу с ума. Понимаю, что веду себя, как дура, но продолжаю желать этого даже в те дни, когда вечером меня ждет встреча с Робинем в «Улане». Каждый раз, заходя в этот бар, я чувствую, что у меня обмирает сердце — а вдруг он не придет? Иногда, когда я сижу возле него и он улыбается мне, я думаю: «Господи, останови это мгновение, пусть оно длится вечно». Наверно, подсознательно я жду того дня, когда я потеряю Робина.

Она закрыла глаза руками, как бы пытаясь прогнать от себя подобные мысли.

Джерри почувствовал, что его глаза увлажнились.

— Аманда, ты не потеряешь его. Все будет хорошо. Он с тобой почти целый год. Это — рекорд.

Он протянул ей контракт.

— По-моему, ты идеально подходишь для нашей рекламы. Нам крупно повезло.

Аманда с трудом сдерживала слезы. Она взяла ручку и поставила свою подпись на контракте. Когда Аманда подняла руку над столом, она уже полностью владела собой.

Она покинула кабинет. Джерри проводил ее взглядом. Кому бы пришло в голову, что эта сногшибательная красотка, воплощение совершенства, переживает мучительный роман? Должно быть, любить Робина — тяжелое испытание. Каждая женщина, вероятно, чувствует, что он не принадлежит ей целиком. Что когда-нибудь она потеряет его. Аманды приходят и уходят, а он, Джерри, всегда сможет выпить с Робинем в «Улане».

Спустя две недели Джерри впервые отправился к психиатру. Он заметил, что все реже занимается любовью с Мэри. Она заговорила об этом шутливым тоном: «Кажется, ты слишком много сил отдаешь работе и гольфу. Еще не забыл о том, что у тебя есть любимая женщина?»

Он растерялся. Почувствовал себя виноватым.

— Ни разу за все лето, — беззлобно заметила она. — А сейчас уже середина сентября. Мне надо подождать, когда площадку для гольфа занесет снегом?

Он действительно избегал близости с Мэри, ссылаясь на то, что в начале сезона всегда масса работы. Сентябрь выдался напряженным.

В ноябре он отыскивал другую причину. Ездить на автомобиле стало опасно, а электричка здорово выматывала Джерри. Нет, сегодня он не засиделся допоздна в «Улане» с Робинсом. Он работал!

После рождества появились новые оправдания. Запарка в конторе. В январе на него навалилась работа с «Олвисо». Сочинялись сценарии клипов; он обдумывал, какой товар выбрать для первой рекламной паузы — лак для волос или флуоресцирующий лак для ногтей. Если эти объяснения и удовлетворяли Мэри, то в голову самого Джерри стали закрадываться сомнения в их состоятельности. Да, он действительно уставал, погода была отвратительной, у него затянулась простуда. Иногда ему казалось, что дело в больших розовых бигуди, которыми пользовалась Мэри. О какой страсти может идти речь, когда жена ложится в постель с толстыми розовыми бигуди на голове и питательным кремом на лице! Чтобы избежать ссоры, он помалкивал. Атмосфера накалялась. И однажды произошел взрыв.

Это случилось во вторник, через неделю после того, как Аманда подписала контракт. Он весь день просматривал рекламные ролики. Работа шла по графику. Джерри чувствовал себя прекрасно. Это был один из тех редких дней, когда все складывалось удачно. Даже погода стояла отличная. Он сел на пятичасовую электричку. Подходя к дому, внезапно испытал чувство благополучия. Днем раньше выпал снег. В Нью-Йорке он уже успел превратиться в противную серую грязь. Но девственно чистый Гринвич напоминал вид с рождественской открытки. Свет в окнах сулил тепло и уют. Джерри вошел в дом; на душе у него было светло. Дети с неподдельной радостью закричали: «Папа! Папа!» Он охотно поиграл с ними, потом няня увела их спать. Он приготовил мартини и дождался Мэри. Наконец она появилась в гостиной. Он сделал жене комплимент по поводу прически. Мэри взяла бокал, не улыбнувшись.

— Я ношу ее уже целый год.

Он не позволил своему настроению испортиться из-за сухого тона жены.

— Сегодня ты выглядишь особенно хорошо, — сказал Джерри, поднимая бокал.

Она настороженно посмотрела на мужа.

— Ты вернулся домой рано. Что случилось? Робин Стоун тебя бросил?

Обидевшись,
в том, что он ст
тило чувство ви
Ну, не совсем
офисе у Джерри
сославшись на
втайне обрадова
Аманда покинул
— Ну что, Р
Робин рассм
— Джерри,
в бар. Пообед
Его лицо в
остыл. Подума
удивить Мэри
Конечно, он
мартини вмест
бигуди и крема
Раньше с ним
мались сексом
отвернулась от
подавить свой
самом, в алко
Кристи Лейна
сказал, что ем
объяснил, в ч
титься к докто
Джерри ви
бы Робин узн
тотчас перест
презрение, по
Мало ли ч
что многие зд
психологическ
не сделает!
Но его со
чала его улы
заметил, что
жималась к
он стал испы
творялся, бу
а Мэри тем
Он слышал
Доктор А
увидеть муж
щего с нем
и симпатиче
встречи. Дж
«У меня нич

Обидевшись, Джерри поперхнулся мартини. Мэри обвинила его в том, что он стал много пить. Джерри ушел из гостиной. Его охватило чувство вины. Сегодня Робин действительно бросил Джерри. Ну, не совсем бросил — дело было так: Аманда, находившаяся в офисе у Джерри, в четыре тридцать попросила разрешения уйти, сославшись на то, что в пять часов у нее начинаются съемки. Джерри втайне обрадовался — значит, Робин будет в «Улане» один. Когда Аманда покинула его кабинет, он тотчас позвонил Робину и сказал:

— Ну что, в пять в «Улане»?

Робин рассмеялся.

— Джерри, я только сегодня вернулся в город. Я не приду в бар. Пообедаю у Аманды. Увидимся завтра.

Его лицо вспыхнуло от обиды. Но спустя несколько минут он остыл. Подумаешь, велика беда! Он увидит Робина завтра. Пора удивить Мэри ранним возвращением домой.

Конечно, он помирился с Мэри. Она пришла в спальню с бокалом мартини вместо белого флага. В этот вечер Мэри легла спать без бигуди и крема на лице, но у Джерри все равно ничего не получилось. Раньше с ним такого не бывало. Последние годы они редко занимались сексом, но каждый акт проходил вполне полноценно. Она отвернулась от мужа. Джерри понял, что она плачет. Он постарался подавить свой страх и извинился перед Мэри. Сказал, что все в нем самом, в алкоголе, в напряжении, связанном с подготовкой «Шоу Кристи Лейна». Затем он отправился к врачу. Доктор Андерсон сказал, что ему не нужен витамин В-12. Когда Джерри смущенно объяснил, в чем заключается его проблема, врач посоветовал обратиться к доктору Арчи Голду.

Джерри выбежал из кабинета. Ему не нужен психиатр! Если бы Робин узнал о том, что его друг допускает такую мысль, он бы тотчас перестал тратить на него время. Робин испытал бы к нему презрение, посчитал слабым человеком.

Мало ли что скажет доктор Андерсон! Джерри не интересовало, что многие здоровые, нормальные мужчины, столкнувшись с каким-то психологическим блоком, идут к психоаналитику. Он никогда этого не сделает!

Но его сопротивление сломила Мэри. Каждый вечер она встречала его улыбкой. Больше не пользовалась бигуди при муже. Он заметил, что она по-новому накладывает макияж. Ночью Мэри прижималась к Джерри, но он снова дважды потерпел фиаско. Теперь он стал испытывать страх перед неудачей. Ложился в постель и притворялся, будто тотчас заснул. Лежал без сна, уставясь в темноту, а Мэри тем временем уходила в ванную, чтобы вынуть диафрагму. Он слышал ее сдавленные всхлипывания.

Доктор Арчи Голд оказался на удивление молод. Джерри ожидал увидеть мужчину в очках с толстыми линзами, бородатого, говорящего с немецким акцентом. Но доктор Голд был гладко выбрит и симпатичен. Он почти ничего не добился во время их первой встречи. Джерри сразу четко и ясно изложил ему суть проблемы: «У меня ничего не получается с женой, хотя я люблю ее и у меня нет

другой женщины. Чем вы можете мне помочь?» Не успел он и глазом моргнуть, как оказалось, что прошло уже пятьдесят минут. Джерри изумился, когда доктор Голд заговорил о трех визитах в неделю. Джерри полагал, что проблема, каковы бы ни были ее корни, может быть разрешена за час. Три визита в неделю — это смешно! Потом он подумал о Мэри, вспомнил ее приглушенные всхлипывания в ванной и согласился. Понедельник, среда, пятница.

Во время третьего посещения он заговорил о Робине Стоуне. Потом начал упоминать Аманду.

К концу второй недели Джерри почувствовал себя лучше. В ходе сеансов интенсивного психоанализа по Фрейду он узнал о себе много нового. У него есть проблемы психического свойства, но он — не гомосексуалист! Джерри освободился от этой пугавшей его мысли, в которой он не отдавал себе полностью отчета. Они говорили об его отце, крупном, атлетически сложенном мужчине, который почти не замечал маленького Джерри. Однажды, когда Джерри учился в колледже, он пошел с отцом смотреть футбольный матч. Отец «болел» за Робина Стоуна, не жалея горла.

— Великолепный парень! — громко восхищался он Робинем. — Настоящий мужчина!

Джерри вспомнил один эпизод. Робину удалось прорваться через мощную защиту и забить гол.

— Какой парень, сынок!

Отец даже вскочил на ноги.

С помощью доктора Голда Джерри вспомнил другие случаи, когда отец подрывал его уверенность в себе. Поняв, что рост сына уже не превысит ста семидесяти пяти сантиметров, отец фыркнул:

— И как у меня мог появиться такой коротышка? Мой рост — сто восемьдесят пять сантиметров. Ты, вероятно, пошел в материнскую родню. Все Болдуины невысокие.

О'кей. Теперь он кое-что понимал. Стремясь к дружбе с Робинем, он пытался обрести одобрение отца. Джерри обрадовался своему открытию.

— Мой вывод верен, доктор? — спросил он врача.

Арчи Голд сдержанно улыбнулся.

— Вы сами должны ответить на ваши вопросы.

— За что тогда я плачу вам? — спросил Джерри.

— Я не должен давать ответы на ваши вопросы, — спокойно объяснил доктор. — Я лишь помогаю вам находить их.

За неделю до премьеры шоу он стал приходить к врачу ежедневно. Джерри использовал для этого перерыв на ленч. Доктор Голд предпочел бы видеть его между пятью и шестью часами вечера, но Джерри говорил, что несколько бокалов, которые он выпивал там с Робинем, помогают ему снять с себя напряжение. Но если он опаздывал на поезд, то испытывал чувство вины перед Мэри, ждавшей его к обеду.

В таких случаях Джерри допытывался у доктора Голда, почему его так сильно мучает ощущение вины. Почему он испытывает потреб-

ность каждый день сидеть с Робинем в «Улане», зная, что потом его будет терзать чувство вины перед Мэри.

— Это не может продолжаться бесконечно. Я боюсь огорчить Мэри, и в то же время хочу жить в свое удовольствие. Почему я не могу быть таким, как Робин? Свободным, не ведающим угрызений совести.

— Судя по тому, что вы говорили о Робине, он далеко не свободен.

— Во всяком случае, он сам себе хозяин. Даже Аманда чувствует, что он совершенно неподвластен ей.

Затем Джерри рассказал доктору Голду о том, что Аманда носит в своей сумочке полотенце Робина. Врач с интересом посмотрел на Джерри и покачал головой.

— Она действительно нуждается в помощи.

— Помилуйте, просто она очень сентиментальная девушка.

Доктор Голд нахмурился.

— Это не любовь, это психологическая зависимость. Если эта Аманда действительно обладает теми достоинствами, о которых вы говорили, ее отношения с Робинем Стоуном должны приносить ей чувство удовлетворения. Не дай Бог, когда-нибудь она восстанет против него. И тогда...

Доктор Голд снова покачал головой.

— Нельзя с такой легкостью делать выводы о людях, которых вы не знаете! — сказал Джерри.

— Когда Робин Стоун вернется в город? — спросил доктор Голд.

— Завтра. Почему вы спрашиваете об этом?

— Допустим, мы встретимся с вами в «Улане». Вы познакомите меня с Робинем и Амандой.

Джерри посмотрел на потолок.

— Но как это осуществить? Не могу же я сказать ему: «Робин, мой психоаналитик хочет обследовать тебя».

Доктор Голд рассмеялся.

— Назовите меня вашим другом. В это можно поверить, мы примерно одного возраста.

— Я скажу, что вы просто врач, не психоаналитик, ладно?

— У меня много друзей, далеких от медицины. Почему бы вам не иметь одного друга-психиатра?

Джерри занервничал, увидев входящего в бар доктора Голда. Робин потягивал третий martini. Аманда еще работала. Позже Робин собирался пообедать с ней в итальянском ресторане.

— Забыл тебе сказать, — обратился Джерри к другу. — Я договорился встретиться здесь с моим школьным приятелем.

Джерри обнял подошедшего к ним Голда.

— Арчи, — он с трудом выдавил из себя имя врача, — это Робин Стоун. Робин, познакомься с доктором Арчи Голдом.

Робин бросил на врача равнодушный взгляд. Сегодня он был молчалив. Робин сосредоточил свое внимание на martini. Голд

также не спешил начать беседу. Его холодные серые глаза оценивали Робина. Джерри что-то неуверенно забормотал. Кто-то же должен говорить!

Внезапно Робин подался вперед и спросил:

— Арчи, вы — хирург?

— В некотором смысле, — отозвался врач.

— Он удаляет комплексы.

Джерри попытался придать своему голосу легкомысленное звучание.

— Представляешь, Робин, Арчи — психоаналитик. Мы недавно встретились на вечеринке и возобновили старое знакомство. Он сказал мне, что...

— Вы — фрейдист? — перебил его Робин, обращаясь к Голду. Врач кивнул.

— Психиатр или психоаналитик?

— И то, и другое.

— Вы, должно быть, прошли длительный курс обучения, затем два года практиковались в личностном анализе, верно?

Доктор Голд кивнул.

— Вы — мужественный человек, — заявил Робин. — Думаю, такое длинное и редкое имя — Арчибальд — способно доставить в школе массу неприятностей его обладателю. Вероятно, вы были весьма уверены в себе.

Доктор Голд рассмеялся.

— Вовсе нет. Поэтому я сократил его до Арчи.

— Вас заинтересовала эта чепуха? — спросил Робин.

— Сначала я хотел стать нейрохирургом. Но нейрохирург часто оказывается неспособным исцелить больного. Он лишь снимает на время симптомы. Однако с помощью психоанализа, — внезапно глаза доктора Голда оживились, — часто удается вылечить человека. Это огромная радость — видеть пациента выздоровевшим, вернувшимся в общество и полноценно функционирующим. Психоанализ всегда дает надежду.

Робин усмехнулся.

— Я вас раскусил, доктор.

— Раскусили?

Робин кивнул.

— Вы любите людей.

Он бросил на стойку купюру.

— Эй! Кармен!

Барменша тотчас подошла к нему.

— Я ухожу. Налейте моим друзьям еще по бокалу, а сдачу оставьте себе.

Робин протянул руку доктору Голду.

— Извините, но мне пора уходить. У меня свидание с моей девушкой.

И покинул бар.

Джерри посмотрел ему вслед. Кармен поставила перед ними бокалы.

— Мистер
Джерри по
— Ну?
Врач улыба
— Я согл
Джерри не
— А я чт
— Конечн
ветствующим
— По-ва
ские проблем
— Не мог
полностью вл
— Почему
— Перед
кой». Подчер
«с девушкой»
многих.
— А меня
— Нет.
— Нет?
Доктор Г
— Вы дл

Аппаратна
свободный с
дет в эфир
далось общес
лончик с лак
«Олвисо».
Кристи Л
людьми, не г
шутками, Кр
бутербродам
тиций.
Зрители э
шоу дома. О
ной вставке.
к этому отн
Появился
ный в черно
режиссер аг
— Все г
Я велел ей
она переоде
Джерри
Ден поц
шел на сце
ками.
3 ж. Сюзанн

— Мистер Стоун — потрясающий мужчина, правда?
Джерри повернулся к доктору Голду.

— Ну?

Врач улыбнулся.

— Я согласен с нашей барменшей. Великолепный экземпляр.
Джерри не мог скрыть своей гордости за друга.

— А я что вам говорил? Он произвел на вас впечатление?

— Конечно. Я хотел, чтобы это произошло. Настроил себя соответствующим образом.

— По-вашему, у него есть какие-то комплексы или психические проблемы?

— Не могу сказать. На первый взгляд он производит впечатление полностью владеющего собой человека; похоже, он любит Аманду.

— Почему вы так решили? Он не сказал о ней ни слова.

— Перед уходом он произнес: «У меня свидание с моей девушкой». Подчеркнул, что она принадлежит ему. Не сказал просто «с девушкой». Это бы означало, что Аманда для него — одна из многих.

— А меня он любит?

— Нет.

— Нет? — испуганно воскликнул Джерри. — Я ему неприятен?
Доктор Голд покачал головой.

— Вы для него не существуете.

Аппаратная была заполнена людьми. Джерри нашел в углу комнаты свободный стул. Через четверть часа «Шоу Кристи Лейна» выйдет в эфир живьем! День выдался тяжелым. Даже Аманде передалось общее напряжение. На последней репетиции она взяла баллончик с лаком для волос не в ту руку и закрыла фирменный знак «Олвисо».

Кристи Лейн и его «шестерки» были, похоже, единственными людьми, не поддавшимися всеобщей нервозности. Они обменивались шутками, Кристи пародировал артистов, «шестерки» отправились за бутербродами. Им, видно, была по душе суетливая атмосфера репетиций.

Зрители заполнили зал. Аманда сказала, что Робин будет смотреть шоу дома. Он ничего не сказал по поводу участия Аманды в рекламной вставке. Джерри несколько раз хотел спросить друга, как он к этому относится, но его удерживала гордость.

Появился Дентон Миллер, как всегда, безукоризненно элегантный в черном костюме. За ним в аппаратную вошел Харви Филлипс, режиссер агентства.

— Все готово, мистер Мосс. Аманда поправляет наверху грим. Я велел ей надеть платье для рекламы лака, а для второй вставки она переоденется в зеленое.

Джерри кивнул. Теперь им оставалось только ждать.

Ден попросил режиссера включить микрофоны. Конферансье вышел на сцену. Сейчас ему предстояло «подогреть» публику шутками.

— Есть здесь кто-нибудь из Нью-Джерси? — спросил он, обращаясь к залу.

Несколько человек подняли руки.

— Вас ждет автобус.

Аудитория добродушно засмеялась. Джерри посмотрел на часы. Пять минут до выхода в эфир.

Будет ли шоу иметь успех? — внезапно заволновался Джерри. Реакция зала еще ни о чем не говорит. Студийной аудитории нравится любое шоу. Завтра в газетах появятся рецензии, но и они не важны для телевидения. Только проклятые индексы имеют значение. Придется потерпеть две недели. Конечно, предварительный рейтинг он узнает завтра, но решающую роль играют итоги второй недели.

Три минуты до эфира. Дверь открылась, и в аппаратную зашла Этель. Ден сухо кивнул ей. Один лишь Сиг встал и предложил Этель свой стул, но она отмахнулась.

— Я привела фотографа. Сейчас он снимает Кристи. Для газет. Она повернулась к Джерри.

— После шоу я попрошу его снять Кристи вместе с Аmandой. Этель отправилась за кулисы.

Одна минута до начала шоу.

В аппаратной внезапно воцарилась полная тишина. Арти Райлендер замер, сжимая пальцами секундомер. Он махнул рукой, оркестр заиграл главную тему, конференсье закричал:

— Шоу Кристи Лейна!

Передача пошла в эфир.

Джерри решил отправиться за кулисы. В аппаратной ему сейчас было нечего делать. Его место — возле Аманды. Вдруг в последний момент она занервничает?

Девушка сидела в тесной гримерной, поправляя прическу. Ее невозмутимая улыбка успокоила Джерри.

— Не волнуйся, Джерри. Я буду держать аэрозоль так, что все увидят фирменный знак. Сядь, отдохни, ты похож на мать, которая дрожит за своего ребенка.

— За тебя я не беспокоюсь, милая. А вот за все шоу... Не забывай, это я рекомендовал его спонсору. Ты смотрела репетиции?

Она наморщила носик.

— Минут десять — до того момента, когда Кристи Лейн начал издавать идиотские звуки, будто он совокупляется.

Она передернула плечами. Увидев лицо Джерри, добавила:

— Не суди по мне. Как мужчина он мне неприятен, но аудитории Кристи, вероятно, понравится.

Открылась дверь гримерной и в комнату вошла Этель. Аманда посмотрела на нее, не узнавая. Этель обвела взглядом комнату. Казалось, она была удивлена, застав здесь Аманду и Джерри. Затем она улыбнулась и протянула руку девушке.

— Удачи тебе, Аманда.

Аманда с любопытством посмотрела на Этель. Кажется, она ее где-то видела.

— Меня зовут
Ты была тогда с
— О да.
Аманда, отверн
Этель села на
широкими бедрами
— Похоже, су
Аманда отодви
— Этель, вы
время возобновля
Дружелюбно у
— Ты порази
тебя.
Она сняла па
крючок.
— Мне надо
удачи и попроси
Лейном.
Аманда посмо
спросила:
— Хорошо, н
— Ты потеря
Этель шагнула
— Я пойду см
Господи, с твоей
Аманда почув
в ее глазах была
— Моя тетя
носит счастья,—
— Моя мама
ерунда. Мой инт
бы половину мо
твой умный друг
— Робин? З
Аманда расс
сидящим в зале.
— Нет, он см
Сдержанности
гримерную. Она
— Надеюсь,
тебе?
— А тебе? —
— Он только
лишняя головна
Она посмотре
— Мне пора
— у тебя ес
— Я знаю.

— Меня зовут Этель Эванс. Мы когда-то встречались в «Пи. Джи.» Ты была тогда с Джерри и Робинот Стоуном.

— О да.

Аманда, отвернувшись, закрепила волосы лаком.

Этель села на край гримерного стола, едва не потеснив своими широкими бедрами Аманду.

— Похоже, судьба снова сводит нас.

Аманда отодвинулась, и Джерри коснулся плеча Этель.

— Этель, вы загораживаете Аманде свет. К тому же сейчас не время возобновлять старое знакомство.

Дружелюбно улыбнувшись, Этель слезла с гримерного стола.

— Ты поразишь всех, Аманда. Публика охрипнет, приветствуя тебя.

Она сняла пальто и, не спросив разрешения, повесила его на крючок.

— Мне надо его где-то оставить. Я заглянула сюда пожелать удачи и попросить тебя сфотографироваться после шоу с Кристи Лейном.

Аманда посмотрела на Джерри. Он еле заметно кивнул. Затем она спросила:

— Хорошо, но это не займет много времени?

— Ты потеряешь всего несколько мгновений.

Этель шагнула к двери.

— Я пойду посмотреть шоу из зала. Аманда, ты станешь сенсацией. Господи, с твоей внешностью я бы владела миром!

Аманда почувствовала, что оттаивает. Этель говорила без иронии, в ее глазах была зависть.

— Моя тетя всегда утверждала, что одна лишь красота не приносит счастья, — сказала Аманда.

— Моя мама тоже так считает, — отозвалась Этель. — Но это ерунда. Мой интеллектуальный коэффициент равен 136. Я обменяла бы половину моих мозгов на хорошенькое личико. Готова спорить, твой умный друг со мной согласится. Кстати, он здесь?

— Робин? Здесь?

Аманда рассмеялась. Она не могла представить себе Робина сидящим в зале.

— Нет, он смотрит шоу по телевизору.

Сдержанность Аманды мигот улетучилась, стоило Этель покинуть гримерную. Она вцепилась в руку Джерри.

— Надеюсь, он сможет гордиться мною. Он что-нибудь сказал тебе?

— А тебе? — спросил Джерри.

— Он только засмеялся и заявил, что эти крысиные гонки — лишняя головная боль.

Она посмотрела на большие часы, висевшие на стене.

— Мне пора спускаться, шоу идет уже десять минут.

— У тебя есть в запасе пять минут, может быть, больше.

— Я знаю. Хочу позвонить Робину и напомнить ему про шоу.

Ты его знаешь — он мог приготовить себе несколько мартини, вытянуться на кровати и заснуть.

Телефон находился возле двери, ведущей на сцену. Джерри нервно прохаживался взад и вперед, пока Аманда, стоя в продуваемом сквозняком коридоре, набирала номер. Рядом грохотала музыка, гремели аплодисменты — похоже, шоу шло хорошо. Аманда повесила трубку, монета выскочила из автомата.

— Занято, Джерри. А мой выход через несколько минут.

— Тебе пора пройти за сценой к твоим декорациям.

— Подожди — я наберу номер еще раз.

— Хватит, — почти резко сказал он. — Ты должна быть на месте, когда камера повернется к тебе. Иди, проверь реквизит. Я позвоню ему сам.

Аманда исчезла за сценой и появилась на маленьком подиуме. Увидев ее там, Джерри набрал номер Робина. Услышал короткие гудки. Он продолжал звонить до самого начала рекламной вставки. «Черт бы побрал этого Робина, — сказал себе Джерри, — он ведь знает, что сейчас ее выход».

Он встал за кулисами и успел ободряюще улыбнуться Аманде. Ее лицо засветилось. Джерри понял: она интерпретировала его улыбку как знак того, что он дозвонился до Робина. Когда камера повернулась к Аманде, девушка выглядела собранной и раскованной.

Он следил за ней через монитор. Аманда выглядела на экране великолепно. Неудивительно, что она зарабатывала так много денег. Когда рекламная пауза закончилась, девушка от напряжения едва могла говорить.

— Ну, как?

— Превосходно. Изумительно. Теперь отдохни пять минут и переоденься. После вставки с губной помадой ты свободна.

— Что сказал Робин?

— Я до него не дозвонился. Все время занято.

Она рассерженно сверкнула глазами.

Джерри взял ее за плечо и повел к лестнице.

— Иди переоденься. И не вздумай плакать — испортишь грим.

— Но, Джерри...

— Что «но»? Он дома, это, во всяком случае, тебе известно. И, наверное, смотрит телевизор, разговаривая по телефону. Возможно, что-то случилось. Могла начаться война. Кто-то мог бросить атомную бомбу. Поверь мне, «Шоу Кристи Лейна» — не самое важное событие на земном шаре. Мы только держимся так, словно ищем средство от рака.

К ним неторопливо подвалил Кристи Лейн. Сейчас публику развлекал Боб Диксон.

— Вы слышали аплодисменты? Это все мне одному! Я — самый великий!

Кристи положил руку на плечо Аманды.

— А ты — самая красивая. Будешь хорошо себя вести, дядюшка Кристи угостит тебя после шоу сэндвичем.

— Успокойтесь,— сказал Джерри, снимая его руку с плеча девушки.— Вы пока что не лишили работы Берля и Глисона. С каких пор вы ей дядюшка?

— А вы не слышали, что твердит старина Ден последние месяцы? Я — семейный образ. Напоминаю всем дядю или мужа.

Он посмотрел своими бледно-голубыми глазами на Аманду.

— Куколка, я напоминаю тебе какого-нибудь родственника? Надеюсь, что нет, иначе дело пахнет инцестом. При моих-то мыслях.

Не успела Аманда ответить Кристи, как он добавил:

— Ну, киноактеришка уже отстрелялся. А теперь смотрите, как настоящий профи выйдет на сцену и сразит всех наповал.

Он выбежал к зрителям. Аманда стояла, не двигаясь; ее словно парализовало. Затем, повернувшись, она направилась к телефону.

Джерри остановил ее.

— Постой. Тебе надо за шесть минут переодеться и подправить грим. Позвонишь после шоу. Спорю на обед в «21», что он видел тебя. Я поведу вас туда отпраздновать твой дебют.

— Нет, Джерри — сегодня я хочу побыть с ним наедине. Я отнесу ему несколько гамбургеров.

Она посмотрела на Кристи Лейна, стоявшего на сцене, и пожала плечами.

— Возможно, я сумасшедшая, но он, похоже, им нравится.

Она побежала по лестнице в гримерную.

Аманда выступила во второй рекламной вставке так же неприужденно, как и в первой. Когда шоу закончилось, за сценой стало тесно. Все похлопывали друг друга по плечу. Спонсоры, Дентон Миллер и сценаристы обступили Кристи, они пожимали ему руку. Фотограф делал снимки. Этель подошла к Аманде и обняла ее.

— Я хочу, чтобы ты сфотографировалась с Кристи.

Аманда, вырвавшись, бросилась к автомату. Этель побежала за ней.

— Постой, это очень важно.

Аманда, не обращая на нее внимание, стала набирать номер. Рассерженная Этель стояла возле девушки. Подошел Джерри, готовый в любой момент прийти на выручку Аманде. Теперь она услышала длинные гудки — один, второй, третий. После десятого гудка девушка повесила трубку. Автомат вернул монету. Аманда снова принялась крутить диск. Длинные гудки. Джерри и Этель смотрели на нее. Аманда заметила, что на губах Этель зарождается некое подобие усмешки, и расправила плечи. Она, в конце концов, — девушка Робина Стоуна! Она не позволит им увидеть себя подавленной. Ему бы это не понравилось. Обнимая Аманду прошлой ночью, он сказал ей: «Ты похожа на меня, детка. Такая же сдержанная. Когда нам делают больно, мы не демонстрируем наши страдания. Никто о них не догадывается. Мы не плачем в чью-то жилетку. Мы сделаны из одного теста и поэтому вместе». Она вспомнила эти слова, слушая безжалостные гудки. Повесила трубку и забрала монету. Улыбнулась Джерри и Этель.

— Какая же я дура! Так перенервничала из-за шоу, что совсем забыла...

Она замолчала, лихорадочно придумывая объяснение.

— Все еще занято? — сочувственно спросил Джерри.

— Да! И знаешь, почему? Он сказал мне, что снимет трубку, чтобы ему не мешали. А я забыла!

Аманда повернулась к Этель.

— Давайте сфотографируемся, и я поеду к нему, как мы договорились. Джерри, будь другом, позвони в «Кади-Кар». Пусть пришлют лимузин.

Она подошла к Кристи Лейну, встала между ним и Бобом Диксоном, ослепительно улыбнулась. Как только фотограф заснял их, она выскользнула из-под руки Кристи. Его обступили люди, и он не заметил, как Аманда убежала.

Джерри вызвал лимузин. Он думал о словах Аманды. Ее забывчивость показалась ему странной. Но улыбка девушки была слишком натуральной. Аманда вся буквально сияла.

Этель тоже заметила, что к Аманде вернулась уверенность. Боже, сейчас она отправится домой к Робину Стоуну!

Но в полумраке лимузина, скрывшем Аманду от посторонних глаз, улыбка сползла с ее лица. Она сообщила водителю свой адрес. Восемь долларов — стоимость вызова лимузина — выброшены на ветер. На улице было полно такси. Но она поступила правильно. Она ушла с высоко поднятой головой, как и подобает девушке Робина. Он бы хотел видеть ее именно такой.

Робин позвонил утром.

— Привет, звезда, — шутливым тоном произнес он.

Она провела без сна половину ночи. Ненавидела, проклинала, оправдывала Робина и постоянно хотела его. Обещала себе проявить сдержанность, когда он позвонит. Если это случится. Но утром трель аппарата застигла ее врасплох.

— Где ты был вчера вечером? — спросила Аманда. (О боже, она собиралась говорить с ним совсем по-другому.)

— Смотрел тебя, — с добродушной иронией ответил он.

— Неправда!

Она потеряла контроль над собой и не могла остановиться.

— Робин, я звонила тебе перед моим выступлением. Твой телефон был занят. А после шоу никто не снимал трубку.

— Ты совершенно права. Проклятый аппарат звонил в тот момент, когда началась передача. Это был Энди Парино. Я не огорчился — разговаривать с ним мне интересней, чем смотреть шоу Кристи Лейна. Как только мы закончили, позвонил кто-то еще. Я хотел посмотреть твоё выступление, не отвлекаясь, поэтому, когда ты появилась на экране, я отключил аппарат.

— Но ты знал, что я позвоню сразу после шоу.

— Честно говоря, я забыл, что телефон выключен.

— Тогда почему, — выпалила она, — ты не позвонил мне? Даже если ты забыл, что телефон отключен, ты мог позвонить. Тебе не пришло в голову, что я захочу после шоу побыть с тобой?

— Я знаю, что такое премьера передачи. За сценой — сумасшедший дом. Я был уверен, что спонсоры не отпустят тебя. Что ты отправишься куда-нибудь с ними отмечать событие.

— Робин! — беспомощно простонала она. — Я хотела быть с тобой. Ты — мой мужчина, правда?

— Ну конечно, — все тем же легкомысленным тоном сказал он. — Но это не означает, что мы больше не принадлежим самим себе. У меня нет никаких прав на тебя и твоё время.

— И ты не хочешь, чтобы я стала твоей собственностью?

Это был ошибочный шаг, но она хотела позондировать почву.

— Нет. Потому что я сам не смог бы ответить тебе тем же. Наши отношения стали бы неравными.

— Робин, я хочу принадлежать тебе полностью. Я хочу постоянно находиться возле тебя. Ты для меня — все. Я люблю тебя. Знаю, что ты не хочешь жениться, но это не значит, что я не могу быть до конца твоей. В полном смысле этого слова!

— Я хочу, чтобы ты была моей девушкой, но не моей собственностью.

— Но если я — твоя девушка, ты должен знать, что я хочу делить с тобой все. Когда ты отсутствуешь — ждать дома твоего возвращения. Принадлежать тебе.

— А я не хочу, чтобы тебе было больно.

Его голос прозвучал сдавленно, глухо.

— Мне не будет больно. Я не стану жаловаться — клянусь тебе.

— Тогда я скажу по-другому: я сам не хочу испытывать боль. Помолчав, она спросила:

— Кто причинил тебе боль, Робин?

— Что ты имеешь в виду?

— Если ты боишься боли, значит, тебе довелось ее испытать. Поэтому ты установил между нами стальную дверь.

— Я никогда не испытывал боли, — заявил Робин. — Честно говоря, я был бы рад, если бы мог сказать тебе, что какая-то сирена разбила мое сердце. Но ничего подобного со мной не случилось. У меня было много девушек. Я люблю женщин, но никто не значил для меня так много, как ты.

— Тогда почему ты сдерживаешь свои чувства — чтобы заставить меня делать то же самое?

— Не знаю. Правда, не знаю. Вероятно, у меня развит инстинкт самосохранения. Что-то подсказывает мне, что без этой двери я могу потерять голову.

Он засмеялся.

— Черт возьми, сейчас еще слишком рано, чтобы копаться в душах. А может быть, у меня вовсе нет души. Возможно, открыв эту дверь, я обнаружу, что за ней — пустота.

— Робин, я никогда не причиню тебе боли. Буду любить тебя вечно.

— Детка, на свете нет ничего вечного.

— Ты хочешь сказать, что когда-нибудь уйдешь от меня?

— Я могу погибнуть в авиакатастрофе, мою жизнь может оборвать пуля снайпера...

Она засмеялась.

— Пуля расплывется, попав в тебя.

— Аманда, — голос Робина звучал беспечно, но Аманда знала, что он говорит сейчас абсолютно серьезно, — люби меня, детка, но я не должен быть для тебя всем. Нельзя ни к кому привязываться. Даже если человек тебя любит, он может оказаться вынужденным расстаться с тобой.

— Что ты хочешь этим сказать?

Аманда была готова в любой миг расплакаться.

— Я лишь пытаюсь объяснить с тобой. Нам обоим известны некоторые факты: во-первых, нельзя ни к кому привязываться; во-вторых, когда-то человек умирает. Нас всех ждет смерть — мы знаем это, но стараемся об этом не думать. Нам кажется, что если мы не будем вспоминать о конце, он никогда не придет. Хотя наш разум сознает, что финал неотвратим. Точно так же обстоит дело и со стальной дверью. Пока она закрыта, я застрахован от боли.

— Ты никогда не пытался открыть ее?

— Я пытаюсь это сделать сейчас, с тобой...

Его голос звучал тихо, спокойно.

— Я приоткрыл ее, потому что ты мне небезразлична, и я хочу, чтобы ты меня понимала. Но теперь я захлопываю дверь.

— Робин, пожалуйста, не делай этого! За этой дверью скрываются твои эмоции. Ты испытываешь чувство любви... но отказываешься признать в этом даже себе.

— Возможно. Точно так же, как я отказываюсь думать о смерти. Когда бы она не настигла меня, пусть даже в девяносто лет, мне будет ужасно обидно покидать этот мир. Но если я не стану ничего принимать близко к сердцу, то и уход мой будет более легким.

Аманда помолчала. Робин никогда прежде так не открывался ей. Она поняла, что он хочет сказать что-то еще.

— Аманда, ты мне не безразлична. И я восхищаюсь тобой, потому что считаю, что у тебя тоже есть стальная дверь. Ты хороша собой, честолобива, независима. Я бы не мог любить или уважать девушку, которая видела бы во мне единственный смысл своей жизни. Скажем так — шишки на моей голове соответствуют впадинам на твоей. Теперь мы все выяснили?

Она заставила себя беззаботно рассмеяться.

— Да. Однако если сегодня вечером ты не накормишь меня обедом, к твоим шишкам добавятся новые.

Он рассмеялся в тон ей.

— Я не могу подвергать себя такой опасности. Я слышал, что у южных красавиц весьма тяжелая рука.

— Я никогда не говорила тебе, что я родом с Юга.

— Ты никогда мне ничего не говоришь, моя прелестная Аманда. Возможно, это — часть твоего шарма. Но иногда в твоей речи проскальзывает акцент уроженки Алабамы или Джорджии.

— Со штатами ты промахнулся.

Помолчав, она добавила:

— Я никогда не рассказывала о себе, потому что ты не просил меня об этом. Но я хочу, чтобы ты знал обо мне все.

— Детка, нет ничего скучнее, чем женщина без прошлого, прикрытого мраком. Если оно становится известно, загадка исчезает. Остается лишь длинная нудная исповедь.

— Но ты действительно ничего обо мне не знаешь. Неужели ты совсем не любопытен?

— Мне известно, что я — не первый мужчина, оказавшийся в твоих объятиях.

— Робин!

— И это даже хорошо. Я слишком стар, чтобы связываться с девственницей.

— У меня было мало мужчин, Робин.

— Осторожней, детка. Не разочаровывай меня. Я всегда питал слабость к таким любвеобильным женщинам, как Мария Антуанетта, мадам Помпадур, даже Лукреция Борджиа. Если ты скажешь, что у тебя был один славный паренек из колледжа, все погубишь.

— Хорошо, тогда я не стану рассказывать тебе о южноамериканском диктаторе, пытавшемся из-за меня покончить с собой, и о короле, который ради меня был готов отказаться от трона. Ну что, ты хочешь, чтобы я приготовила к вечеру салат и бифштекс?

Он засмеялся. Беседа снова приняла легкий характер. Аманда почувствовала, что ей удалось заставить Робина расслабиться.

— О'кей, детка. Бифштекс и салат. Я приду к семи с вином.

Аманда положила трубку и вытянулась на кровати. О боже, она не способна играть в такие игры. Она понимала, что должна взять себя в руки и дожидаться момента, когда Робин полностью поверит ей. Тогда его осторожность исчезнет, и... Аманда вскочила с кровати и пустила воду в ванной. Она чувствовала себя превосходно. Сегодня — чудесный день. Самый важный в ее жизни. Она подобрала ключ к Робину Стоуну. Наберись терпения, ничего не требуй. Чем меньше она будет требовать, тем больше получит. И скоро он поймет, что принадлежит ей — это произойдет постепенно и незаметно для него самого.

Аманда уже давно не чувствовала себя так уверенно. Теперь же она твердо знала, что все будет прекрасно.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Радостная уверенность в себе не оставляла ее на протяжении всего дня. Когда Аманда уставала от неудобной позы, она прокручивала в памяти телефонный разговор с Робинсом и забывала о прожекторах, затекшей шее и боли в спине. Будто сквозь сон слышала слова фотографа: «Вот так, детка, еще разок!»

Последние съемки закончились в четыре часа. Она позвонила Нику Лонгворту в офис.

— Завтрашняя работа придется тебе по душе, — сказал Ник. — В одиннадцать утра — съемки для «Моды». Встретишься со своим приятелем Иваном Гринбергом.

Аманда обрадовалась. До одиннадцати она свободна. Значит, можно спать до девяти. Она приготовит Робину завтрак...

День выдался необычно теплым для февраля. Дымка затянула небо, воздух казался густым, плотным. Такая погода считается вредной для здоровья, но термометр показывал двенадцать градусов выше нуля. Значит, она не замерзнет. Аманда была счастлива. День казался ей чудесным.

Она пришла домой, покормила Слаггера, приготовила салат и бифштексы.

Аманда не могла есть при Робине, в его присутствии она лишь едва прикасалась к еде. При росте сто семьдесят сантиметров Аманда весила пятьдесят килограммов. За год она сбросила четыре килограмма. Это не испортило ее лица и сделало Аманду еще более фотогеничной.

Она включила телевизор, настроилась на канал «Ай-Би-Си». Робин любил смотреть выступление Энди в семичасовом обзоре новостей. Она обычно сидела, прижавшись к нему. Хотя иногда Аманда усаживалась в дальнем углу комнаты и любовалась его профилем. Сегодня она будет слушать обзор новостей вместе с ним. Аманда хотела разделять его интересы.

Грегори Остин также ждал семичасового выпуска. Ему снова приходилось отдавать должное Робину. Пригласив Энди Парино, он поступил правильно. Забавно, подумал Грегори, я поручил Робину заниматься новостями, а он оказался великолепным администратором. Робин казался Грегори призраком — они редко встречались. Человек, так много путешествующий на деньги «Ай-Би-Си», мог бы по возвращении из командировки заглянуть в пентхаус и поздороваться с шефом. «Взгляд» был высоко оценен прессой — рейтинг постоянно рос. Робин мог бы зайти за порцией похвалы.

Дентон Миллер часто приходил к шефу и напрашивался на комплименты. Когда «Шоу Кристи Лейна» вышло в эфир, у этого сукина сына был занят телефон. Что ж, эта передача показала, что не следует переоценивать интеллектуальный уровень телевизионной аудитории. Большинство зрителей — безмозглые сентиментальные кретины. «Шоу Кристи Лейна» — примитивная дешевка. Джудит даже не стала его смотреть. Рецензии в утренних газетах были убийственными. Но суточный индекс Нильсена оказался фантастически высоким! Конечно, решающее слово скажет общенациональный индекс, который будет определен через две недели.

Грегори думал об этом, сидя в обшитом деревом кабинете своего городского дома. Он включил цветной телевизор. Грегори любил смотреть старые фильмы, которые показывали в «Передаче для полуночников». Сейчас нет таких девушек, как Рита, Элис Фей и Бетти Грейбл, подумал он. Когда ему не спалось, он брал из холодильника что-нибудь съестное и смотрел фильмы с красотками, в которых был тайно влюблен. Интерьер кабинета стал для Грегори

сюрпризом. Его оборудовали во время их прошлого отдыха в Палм-Бич. Грегори удивляли частые телефонные звонки Джудит. Несколько раз она выезжала в Нью-Йорк якобы к дантисту. По возвращении домой Джудит показала ему кабинет. Это был ее подарок мужу. Грегори был тронут. Джудит обладала великолепным вкусом. Грегори понял, что каждый предмет обстановки тщательно подбирался и имел свою историю. Большой глобус некогда принадлежал президенту Вильсону. Стол был антикварным. Грегори не знал, когда его изготовили, но это не имело для него значения. Он мог назвать точную дату, когда радиопередача «Эмос и Энди» впервые вышла в эфир, и с гордостью показать наушники, собственноручно изготовленные им в детстве. Но антиквариат, персидские ковры, китайский фарфор — все это было миром Джудит. Она знала вкус мужа и не навязывала ему свой собственный. Покупала для Грегори солидную, прочную антикварную мебель, избегая тонконогие французские изделия.

— Это твоя комната, — сказала Джудит. — Я буду приходить сюда лишь когда меня пригласят.

Грегори нахмурился. Его преследовало смутное ощущение какой-то дисгармонии. Он не мог понять, что именно его раздражает, но подобное чувство он уже испытывал, когда семь лет тому назад они перебрались сюда из пентхауса, расположенного на Парк-авеню. Тогда Джудит показала ему две просторные спальни, разделенные стеной со встроенными шкафами:

— Правда, здорово, Грег? Теперь у каждого из нас будет своя спальня. И своя ванная.

Ему понравилось наличие двух ванных, но он предложил сделать из одной спальни гостиную.

— Я предпочитаю спать в одной комнате с тобой, Джудит.

Она рассмеялась.

— Не беспокойся, дорогой — я буду лежать рядом с тобой каждый вечер, когда ты читаешь в постели «Уолл Стрит Джорнэл». Но если я захочу спать, ничто не будет мне мешать. Мне не придется восемь раз за ночь толкать тебя, чтобы ты перестал храпеть.

Она была права. Сначала Грегори не поверил, что он на самом деле храпит. Однажды ночью Джудит поставила возле его кровати магнитофон. Наутро Грегори испытал шок — он не мог представить себе, что эти нечеловеческие звуки исходят из его горла. Он даже отправился к своему доктору. Врач рассмеялся: «Все в порядке, Грег. Большинство людей после сорока лет храпит. Слава богу, что вы можете иметь две спальни. Это единственный цивилизованный способ сохранить романтические отношения в зрелом возрасте».

Оборудовав кабинет, Джудит завладела большой библиотекой. Подобрала новые обои, шторы, заменила кое-что из мебели. Грегори разлюбил эту комнату. Она напоминала ему теперь «люкс» в «Уолдорф Тауэрс», предназначенный для особо важных персон. Он перенес оттуда к себе портреты Эйзенхауэра и Бернарда Баруха с автографами. Их места на изящном столике в библиотеке заняли портреты родственников Джудит, заключенные в серебряные рамки. Джудит не

приходилось стесняться своих близких. Родная сестра миссис Остин благодаря замужеству стала княгиней. Рядом с ее портретом стояли фотографии племянников Джудит. Над камином висел масляный портрет ее отца. Старик точно сошел с рекламы виноградного вина. У Грегори не было портрета его отца. На севере Ирландии люди не помещали фотографии родных в серебряные рамки. Джудит нуждалась в библиотеке. Каждое утро она работала там со своим секретарем. Грегори улыбнулся — можно ли назвать работой то, чем занималась Джудит? Она готовила приемы, руководила благотворительными акциями, делала все необходимое, чтобы оставаться в списке самых элегантных женщин. Он отдавал должное жене: личная известность Джудит была так велика, что многие считали ее владевшей большим состоянием к моменту заключения брака с энергичным ирландцем Грегори Остином — человеком, добившимся всего в жизни своим трудом. Он улыбнулся. Конечно, она принадлежала к высшему свету, посещала престижную школу, училась за границей, но ее семья была бедной. Когда сестра Джудит вышла замуж за настоящего князя, стараниями прессы обе девушки мгновенно стали почти что знаменитостями. И теперь Джудит казалось, что она обладала состоянием еще до брака. Должно быть, ей нелегко смотреть на дебюты ее подруг и изо всех сил стараться не отставать от них. Когда Джудит вышла замуж за Остина, ее фамилия исчезла из «Светского Регистра», но Грегори ввел жену в новое общество, где рушились все социальные барьеры — общество знаменитостей. Талант — величайший на свете уравниватель. Дэнни Кэй мог быть представлен ко двору. Политический лидер мог пообедать с королем. Председатель правления «Ай-Би-Си» везде был желанным гостем. Джудит оправдала все надежды Грегори. Он радовался тому, что может дать жене тот единственный компонент счастья, которого ей не доставало. Джудит Остин не просто принадлежала к высшему свету — она его формировала. Она была законодательницей мод, ее портреты печатались на страницах самого популярного дамского журнала — «Женская одежда». То, что она носила, становилось модным. Грегори до сих пор с трудом верил в то, что Джудит принадлежит ему. Она по-прежнему казалась недосыгаемой. Это ощущение не покидало его с момента их знакомства.

Часы показывали без двух минут семь. Он подошел к бару, смешал виски с содовой для себя и налил вермут для Джудит. Как она может пить эту гадость? Но Джудит утверждала, что все знаменитые европейские красавицы употребляют только виноградное вино или вермут. Конечно, Джудит имела в виду женщин, которым перевалило за сорок. Джудит панически боялась старения. Постучав в дверь, она вошла в кабинет. В этом стуке была доля игры — она просила разрешения зайти в «его» комнату. Грегори догадывался, что таким образом Джудит освобождается от чувства вины, вызванного тем, что она заняла библиотеку.

Она села на двухместный диванчик напротив мужа. Он, как всегда, когда видел ее сидящей здесь вечером, подумал: «Боже, как она красива». Джудит исполнилось сорок шесть лет, но выглядела

она максимум на тридцать пять. Грегори испытывал чувство гордости и счастья. Он любил свой кабинет и привык к нему. Даже перед походом в театр или званым обедом, который они давали, Грегори и Джудит всегда пили в кабинете во время семичасового обзора новостей. Грегори Остин никогда не пропускал эту передачу. И Джудит организовывала их светскую жизнь с учетом этого обстоятельства.

— Добрый вечер,— произнес диктор.— Начинаем наш обзор новостей. В конце выпуска перед вами выступит президент редакции новостей, автор «Взгляда» мистер Робин Стоун.

— Черт возьми! — Грегори передвинулся на край кресла.

— С каких пор Робин Стоун выступает в семичасовом выпуске? — спросила Джудит.

— Я сам об этом впервые слышу.

— Он очень красивый мужчина,— заявила Джудит.— Но когда я вижу Робина Стоуна на экране, мне кажется, что он изо всех сил старается не раскрываться перед аудиторией. Какое впечатление он на тебя производит?

— В жизни он держится точно так, как перед телекамерой. Робин — загадочная личность. На поверхности — масса обаяния, но душа его — за семью печатями.

В глазах Джудит зажегся огонек интереса.

— Давай как-нибудь пригласим его к нам на обед. Я бы хотела с ним познакомиться.

Грегори рассмеялся.

— Ты шутишь.

— Почему нет? Мои подруги мечтают его увидеть. Робин Стоун никогда не появляется на людях. Он очень привлекателен.

— Джудит, ты знаешь мое правило. Я поддерживаю с сотрудниками телекомпании исключительно деловые отношения.

— На Западном побережье мы посещаем их вечеринки.

— Я делал это, чтобы развлечь тебя. Там ситуация иная. Они устраивают приемы для нас. Мы не приглашаем их к себе домой. Достаточно нашего новогоднего коктейля. Они чувствуют себя представленными ко двору.

Она подалась вперед и похлопала его по руке.

— Ты самый большой сноб, выросший на Десятой авеню.

— Нет, мной руководят деловые соображения. Мне плевать на социальные условности. Но люди стремятся ко всему, что достается им с трудом.

Она рассмеялась.

— А ты хитрец, Грегори.

— Конечно. Даже приглашение на наш новогодний прием получают немногие сотрудники «Ай-Би-Си».

Она улыбнулась.

— На «яичный коктейль» мы приглашаем только самых близких людей. Он был моей идеей. Тебе известно, что «Женская одежда» назвала его событием года? Даже Эрнестина Картер упомянула наш прием в лондонской «Таймс».

— По-моему, в этом году у нас было слишком много людей из шоу-бизнеса.

— Они нужны нам, дорогой. Некоторые гости придавали нашему коктейлю особый блеск. Не так-то просто в это время года собрать наиболее интересных людей.

Он махнул рукой и стал слушать сообщение, которое привлекло его внимание. Когда началась рекламная вставка, Джудит заговорила вновь.

— Грег, почему бы нам не поехать в Палм-Бич? Обычно мы уже находимся там в конце января. Но ты настоял на том, чтобы мы дождались премьеры этого дурацкого «Шоу Кристи Лейна».

— Я хочу провести здесь еще несколько недель. Думаю, мне удастся сделать так, чтобы эта передача имела большой успех. Ты можешь отправиться туда одна. Я присоединюсь к тебе самое позднее в начале марта.

— Тогда я вылечу в четверг и подготовлю дом к твоему приезду. Он рассеянно кивнул. Диктор снова появился на экране.

Джудит смотрела на телевизор, не прислушиваясь к голосу ведущего.

— Похоже, Робину Стоуну придется подождать до следующего Нового года...

— Нет, дольше.

Грегори отдал жене свой бокал, чтобы она вновь наполнила его.

— Почему?

— Тогда мне пришлось бы звать и руководителей других отделов. Дентон Миллер удостоился такой чести лишь в нынешнем году.

Грегори протянул руку к телевизору и прибавил громкость.

Джудит вернула мужу его бокал. Потом обняла Грегори за плечи.

— Дорогой, моих подруг не интересует Дентон Миллер. Они хотят познакомиться с Робинем Стоуном.

Он похлопал жену по руке.

— Посмотрим, впереди еще целый год. За это время много может случиться.

Внезапно Грегори подался вперед. Камера крупным планом показала лицо Робина. Грегори Остин мог понять Джудит. Робин был чертовски хорош собой.

— Добрый вечер,— прозвучал в кабинете его суховатый голос.— Мы только что с интересом прослушали рассказ о подлинных приключениях современных пиратов. Я говорю о происшедшем в Карибском море захвате португальского лайнера «Санта-Мария» с двадцатью четырьмя португальскими и испанскими политэмигрантами и шестью матросами с их судна. Эта акция осуществлена под руководством Энрике Гальвао, бывшего капитана португальской армии. Три дня тому назад, тридцать первого января, когда «Санта-Мария» находилась в тридцати милях от бразильского города Ресифи, на ее палубу поднялся адмирал Смит. Он провел переговоры с Гальвао.

Мне стало известно, что Гальвао обещал освободить сегодня всех пассажиров. Президент Бразилии Жанио Куадрес обещал предоставить Гальвао, а также двадцати девяти его сообщникам политическое убежище в своей стране. Среди заложников есть и американские туристы. Я намерен взять интервью у Энрике Гальвао и с этой целью сегодня же вылетаю в Бразилию. Надеюсь, мне удастся привезти оттуда запись моей беседы с Гальвао и американскими пассажирами, плывшими на «Санта-Марии». Благодарю за внимание. Всего доброго.

Грегори Остин в ярости выключил телевизор.

— Как он смеет уезжать, не доложив об этом никому? Почему не связался со мной? Он недавно вернулся из Лондона. Мне нужен прямой эфир, а не записи — это наш главный козырь в борьбе с конкурентами.

— Грег, Робин не может сделать «Взгляд» на одном прямом эфире, без записи. Знаменитости повышают рейтинг передачи. Я, например, с удовольствием посмотрела бы на этого Гальвао. Мне интересно увидеть человека, у которого хватило мужества захватить роскошный лайнер с шестью сотнями пассажиров на борту.

Но Грегори уже крутил диск телефона. Он приказал телефонисту «Ай-Би-Си» разыскать Дентона Миллера. Спустя пять минут в кабинете раздался звонок.

— Ден!

Лицо Грегори было темно-красным от возмущения.

— Уверен, вам неизвестно, что происходит. Вы сидите и отдыхаете...

— Да, я сижу на мягком диване и смотрю наш семичасовой обзор новостей.

— Вы знаете, что Робин отправляется в Бразилию?

— Откуда? Он отчитывается только перед вами.

Физиономия Грегори побагровела еще сильнее.

— Черт возьми, тогда почему он не сказал ничего мне?

— Возможно, он пытался. Сегодня вас не было в офисе. Я сам несколько раз звонил вам днем, чтобы сообщить о новых откликах на «Шоу Кристи Лейна». Рецензии, опубликованные в других городах, великолепны. Я попросил положить их вам на стол.

Лицо Грегори окаменело от гнева.

— Да, меня не было в кабинете днем, — прокричал он. — Я имею право отсутствовать один день в месяц. (Он ездил в Уэстбери посмотреть двух своих новых, недавно купленных лошадей.)

— Черт возьми, вы хотите сказать, что без меня телекомпания может развалиться за день?

— По-моему, с «Ай-Би-Си» ничего не случится, если один сотрудник улетит в Бразилию. Однако мне не нравится, что Робин Стоун использует семичасовой обзор новостей для саморекламы. Я считаю, использует семичасовой обзор новостей для саморекламы. Я считаю, ни один руководитель отдела не имеет права поступать так. К сожалению, Робин Стоун не обязан подчиняться мне. Поскольку вас не было на рабочем месте, он, возможно, воспользовался выпуском но-

востей, чтобы сообщить вам о своих планах. Счел этот способ самым быстрым и надежным.

Грегори швырнул трубку. Его бесило то явное удовольствие, которое Дентор Миллер получал от ситуации. Стиснув кулаки, Грегори уставился в пространство. Джудит подошла к мужу и протянула ему бокал со спиртным. Затем улыбнулась.

— По-моему, ты ведешь себя, как ребенок. Человек сделал удачный ход, выигрышный для твоей телекомпании. Каждый, кто смотрел семичасовой выпуск, будет ждать это интервью. А теперь расслабься и выпей. Нас ждут в «Колони» к четверти девятого.

— Я одет.

Она ласково коснулась его щеки.

— Думаю, тебе не мешает воспользоваться электробритвой. Мы обедаем с посланцем Рейджилом. У него есть три арабских скакуна, о которых ты мечтал. Идем. Улыбнись! Я хочу почувствовать обаяние Остинов.

Грегори перестал хмуриться.

— Наверно, мне нравится роль Грозного Отца, — ворчливо сказал он. — Ты права. Это объявление — мастерский ход. Просто «Ай-Би-Си» — мое детище, я создал ее. И мне неприятно, что кто-то принимает решения без меня.

— Еще ты не хочешь, чтобы тренер покупал лошадей без тебя. Дорогой, везде тебе не поспеть.

Он усмехнулся.

— Ты всегда права, Джудит.

Она улыбнулась.

— Думаю, к следующему Новому году Робин Стоун дорастет до твоего приглашения...

Услышав сообщение Робина, Аманда оцепенело уставилась на экран. Она не сразу поверила своим ушам. Сейчас раздастся звонок, и Робин войдет в квартиру. Он, вероятно, уже в пути. Она отвезет его в аэропорт.

Аманда подождала десять минут. К четверти девятого она уже выкурила шесть сигарет. Позвонила Робину домой. В трубке зазвучали длинные гудки. Набрала номер «Ай-Би-Си». Там не знали, каким рейсом летит Робин, и посоветовали справиться в «Пан Америкэн».

В половине девятого зазвонил телефон. Бросившись к аппарату, Аманда ушибла лодыжку о столик.

— Это Иван Грозный.

Ее лицо вытянулось. Она любила Ивана Гринберга. Но сейчас от разочарования по ее лицу потекли слезы.

— Ты меня слышишь, Манди?

— Да, — тихо промолвила она.

— Я тебе помешал?

— Нет, я смотрела телевизор.

Он рассмеялся.

— Правильно, теперь, когда ты стала телезвездой, тебе не мешает следить за соперницами.

— Иван, я тебя обожаю, но сейчас я не могу занимать телефон. Жду важный звонок.

— О'кей, киска, я знаю — слышал в семичасовых новостях, — что великий Робин Стоун улетает, и подумал, не съешь ли ты со мной по гамбургеру.

— Мне надо освободить линию, Иван.

— Хорошо. Выспись получше — завтра в одиннадцать съемки.

Она положила трубку и уставилась на аппарат. В девять пятнадцать позвонила в «Пан Америкэн». Да, мистер Робин Стоун значится в списке пассажиров, вылетевших девятичасовым рейсом. Самолет уже четверть часа находится в воздухе. Аманда опустила в кресло. Слезы, смешавшись с тушью, черными полосками поползли вниз по ее лицу. Накладные ресницы еле держались. Она сняла их и положила на столик.

Медленно поднявшись, Аманда прошла в гостиную. Она испытывала потребность поговорить с кем-то. Иван всегда был ее исповедником.

Она нервно набрала его номер и вздохнула с облегчением, когда после второго гудка он снял трубку.

— Иван, я хочу тот гамбургер.

— Отлично, я уже собрался уходить. Встретимся в «Логове тигров»: это рядом с тобой, на пересечении Первой авеню и Пятнадцати третьей улицы.

— Нет, купи гамбургеры и приходи ко мне.

— О, понимаю. Будешь плакать в жилетку.

— Пожалуйста, Иван, у меня есть бифштексы и салат...

— Нет, детка, если ты останешься дома, дело закончится настоящей истерикой, а завтра глаза у тебя будут опухшие и красные. Меня это не устраивает, киска. Я битый час провозился со светом, когда мистер Стоун несколько недель назад улетел в Лондон. Если хочешь гамбургер, приходи в «Логово тигра». Там ты будешь держать себя в руках.

— Я плохо выгляжу. У меня уйдет час на то, чтобы привести в порядок глаза.

— У тебя нет темных очков?

— О'кей.

У нее не было сил спорить.

— Я буду там через пятнадцать минут.

Недавно открывшийся ресторан «Логово тигров» быстро приобрел известность. Сейчас почти все столики были заняты. Аманда узнала несколько фотомоделей и сотрудников агентства. Она откусила кусочек гамбургера и посмотрела на Ивана, молча ожидая от него ответа.

Он почесал бороду.

— Ответа нет. Сегодня утром он тебя любит — а вечером исчезает. И угораздило же тебя из всех мужчин этого города выбрать такого типа. Он даже тебе не ровня. Кто он такой, в конце концов? Всего лишь диктор с телевидения.

— Он не просто диктор. Он — президент редакции «Ай-Би-Си». Иван пожал плечами.

— Важная птица! Готов поспорить — если я назову здешним посетителям ваши имена, то окажется, что тебя знают все. А про него спросят: «Это какой еще Робин?» Когда тыходишь в ресторан, тебя все узнают. А Робина Стоуна?

Она вяло улыбнулась.

— Для него все это не имеет значения. Мы даже не бываем в престижных ресторанах! Он обожает одно итальянское заведение и бар «Улан». Иногда я готовлю дома.

— Увлекательная у тебя жизнь!

— Иван, она мне нравится. Я в этом городе уже пять лет. Побывала везде. Самое главное — быть с любимым человеком. Остальное — ерунда. Я люблю его.

— За что?

Она нацарапала инициалы Робина на салфетке.

— Если бы я знала.

— Он что, лучше всех в постели? У него какой-то особенный агрегат?

Аманда отвернулась. Из-под темных очков потекли слезы.

— Успокойся, Манди, — сказал Иван. — На тебя смотрят вон те две кошки.

— Мне плевать. Я их не знаю.

— Зато они тебя знают! Детка, в этом месяце твой фотопортрет красуется на обложках двух журналов. Ты — горячий товар. Наслаждайся жизнью. Делай деньги. Ручаюсь, что Робин Стоун не намерен платить за твою квартиру и покупать тебе шубы. Или ты равнодушна к деньгам? У тебя есть богатые родственники или какие-то иные источники доходов?

— Нет, я должна работать. Моя мать умерла. Меня воспитывала тетя. Теперь я должна ей помогать.

— Тогда тебе надо заняться своей карьерой. Сколотить за этот год состояние. В следующем году может появиться новая звезда. Но если ты сейчас заберешься на самую вершину — умело разыграешь свои карты и станешь манекенщицей номер один, — тогда, возможно, ты сохранишь завоеванные позиции ближайшие десять лет.

Слезы снова появились на ее щеках.

— Но это не поможет мне удержать Робина.

Он посмотрел на нее.

— Что с тобой, детка? Ты одержима жадой самоуничтожения? Тебе нравится сидеть здесь и плакать из-за него? Этим ты завоеешь Робина?

— Ты думаешь, я его уже потеряла?

— Я хочу, чтобы это произошло. Потому что он представляет для тебя опасность. Человек с холодной душой идет по жизни, уничтожая все, к чему он прикасается.

— Нет, я сама все испортила. Утром, разговаривая с ним по телефону. Испугала его.

— Манди, ты больна. Ничего страшного не случилось. Может быть, он не так плох. Возможно, ты — сумасшедшая.

— Почему? Потому что испытываю боль? Я имею на это право. Видишь, что он со мной делает?

— И что же? Улетел в командировку, не попрощавшись. Сколько раз я делал то же самое? Ты меня понимала, потому что мы — друзья.

— Любовь — другое дело, — возразила Аманда.

— Ты хочешь сказать, что она все портит.

Аманда улыбнулась через силу.

— Послушай, возможно, этот Робин — славный малый. Я знаю его только с твоих слов. Ты должна бороться за успех, не жалея своих сил. Заставь его гордиться тобой — вот как можно удержать парня!

— Иван, по-твоему, все так просто. Несколько минут, и я получу от него весточку.

— Вполне возможно. Но если ты будешь только плакать, ты обязательно проиграешь. Пусть он знает, что ты всю наслаждаешься жизнью.

— Тогда у него появится серьезный предлог для того, чтобы бросить меня.

— Мне кажется, такой человек никогда не ищет предлога. Он просто делает то, что хочет. Разыграй партию хладнокровно. Пока он отсутствует, появляйся на людях с другими мужчинами.

— С кем?

— Киска, я не владелец агентства по найму эскорта. У тебя, вероятно, много знакомых мужчин.

Она покачала головой.

— Я уже целый год ни с кем, кроме Робина, не встречалась.

— Ты хочешь сказать, что к тебе никто не подкатывал?

Аманда грустно улыбнулась.

— Я ни на кого не обращала внимания, включая этого вульгарного Кристи Лейна. Но он ко мне на самом деле и не подкатывал. Просто предложил сходить куда-нибудь поесть.

— Он — не худший вариант.

Она удивленно посмотрела на фотографа. Он шутит? Поняв, что Иван говорит серьезно, Аманда скорчила гримасу.

— Чем плох Кристи Лейн?

— Ты видел шоу. Кристи лишен привлекательности. Он — размазня.

— Да, я бы не пригласил его позировать для «Эсквайра». Он — обыкновенный малый, случайно ставший звездой.

— Кристи — не звезда. То есть звезда, но только в своем шоу. Ты читал рецензию в «Таймс»? Он продержится не более трех месяцев.

— За три месяца, встречаясь с ним, ты приобретешь большую известность.

— Но он мне противен.

— Я не говорю, что ты обязательно должна спать с ним. Пусть отблеск его славы упадет и на тебя.

— Непорядочно встречаться с ним только ради этого.

Он взял ее за подбородок.

— Ты слишком порядочная девушка. Честная, глупая девушка со свежим личиком, которая полагает, будто оно всегда будет таким. Милая моя, мне сейчас тридцать восемь. Я могу иметь любую приглянувшуюся мне восемнадцатилетнюю цыпочку. Через десять или двадцать лет они по-прежнему будут моими. Но когда тебе исполнится тридцать восемь, ты будешь демонстрировать лишь модели «от кутюр». Платья до пола. Если сумеешь сохранить фигуру. Твое лицо и руки уже не подойдут для рекламных снимков. Возраст оставит на них свою печать. И даже такой размазня, как Кристи Лейн, не посмотрит на тебя. Но сейчас и еще несколько лет весь мир — у твоих ног.

— Кроме одного человека.

Он вздохнул.

— Слушай, я знаю, что ты добрая, порядочная девушка. В противном случае я бы не сидел тут и не тратил на тебя время — меня ждут работа и три крошки, которых я могу иметь в любой момент. Посмотри правде в глаза — Робин устроен не так, как большинство мужчин. Он — большая прекрасная машина. Дай ему сдачи, детка, это твой единственный шанс.

Она рассеянно кивнула и вывела на столе палочкой для помешивания напитка инициалы Р. С.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Отъезд Робина возмутил и Джерри Мосса. Во время ленча Робин сказал: «Улан», пять часов».

Джерри прождал его в баре до семи и узнал о том, что случилось, лишь от Мэри, смотревшей обзор новостей.

На следующий день он отправился к доктору Голду и провел у него много времени. Нет, доктор Голд не считал, что Робин преднамеренно мучает Джерри. По мнению врача, поведение Робина мотивировалось неосознанным стремлением избегать прочных привязанностей. Робин ничего не требует от друзей и не допускает посягательств на свою свободу.

Разговор Аманды с Иваном помог ей. Ко второму «Шоу Кристи Лейна» она вышла из состояния глубокой депрессии, которая сменялась чувством праведного гнева. Репетиции шли напряженно, но без нервозности. Все участники зрелища, настроенные празднично и доброжелательно, прониклись верой в успех шоу.

На этот раз, когда Кристи Лейн пригласил Аманду сходить куда-нибудь поесть, девушка согласилась. Они отправились в «Пристанище Дэнни»; их сопровождали «шестерки» и Агнес — статистка из «Латинского квартала». Она явно была девушкой кого-то из «шестерок». Аманда сидела рядом с Кристи, но он лишь спросил ее: «Что будешь есть, куколка?», и больше они ни о чем не разговаривали. Джек Леонард, Милтон Берль и несколько других комиков

подошли к Кристи, чтобы поздравить его. Кристи нравилось, что ему уделяют внимание, он пытался шутить. Увидев, что Милтон Берль направился к столу, стоящему перед сценой, Кристи сказал Эдди Флинну:

— Похоже, мы сидим на задворках.

— Нет, Кристи,— решительно возразила Агнес.— В этом зале все столики одинаково престижны. Он называется «Медвежатник». Обыватели в бежевых ботинках сидят в других комнатах. Это зал для почетных гостей.

— Откуда тебе это известно? — пробурчал Кристи.

— Я это знаю,— спокойно произнесла она, намазывая масло на хлеб.— Однажды я пришла сюда с одним провинциалом — о, это было задолго до нашего знакомства, дорогой,— она похлопала Эдди по руке.— Нас отвели в другой зал. Я сразу поняла, что к чему, когда увидела, что всех знаменитостей сажают здесь. Но тот простофиля из Миннесоты ни о чем не догадался. Он был на седьмом небе от счастья и прихватил домой спички со стола для коллекции.

— Да, но у Берля столик ближе к сцене. Смотри — сестры Мак-Гир тоже сидят впереди.

— Марти Аллен сидит сбоку,— подал голос Кенни.

— Да, сбоку, но рядом со сценой. Когда-нибудь и я буду сидеть за лучшим столиком. Буду ходить в «21».

Аманда удивилась.

— Вы там никогда не были?

— Один раз,— ответил Кристи.— Я встречался с одной девушкой, которая очень хотела пообедать в «21». Я позвонил в ресторан и заказал столик. Нас посадили на втором этаже, в углу. Моя спутница не разбиралась в таких тонкостях. Она тоже собирала спичечные этикетки.

Кристи о чем-то задумался.

— Мое имя должно замелькать в газетах. От этой Этель Эванс нет никакого проку. Эдди, завтра мы найдем собственного пресс-агента. Найди кого-нибудь, кто согласится работать за сто долларов в неделю. Наше условие: мое имя должно появляться в прессе не реже трех раз в неделю. Это все, о чем я прошу.

Весь обед прошел в подобных разговорах. Кристи Лейн и «шестерки» строили планы на будущее. Агнес ела все, что стояло на столе. Аманда узнала, что на самом деле Кенни Дитто звали Кеннет Кеннет. Псевдоним Дитто придумал Кристи, и Кенни собирался официально взять его в качестве фамилии. Для сценариста псевдоним Дитто, набранный мелким шрифтом на афишах, подходил больше, чем фамилия Кеннет.

Аманда чувствовала себя среди них посторонней, однако девушку устраивало то, что ее предоставили самой себе. После обеда Аманду отвезли домой. Кристи остался в автомобиле, а Эдди проводил Аманду до двери.

— Как насчет завтрашнего вечера, куколка? — спросил он.— В «Копе» состоится премьера.

— Позвоните мне.

Она исчезла в подъезде.

Эдди позвонил утром. Аманда приняла приглашение. Ей не хотелось сидеть дома и тосковать по Робину. Весь вечер Кристи излучал уверенность. В «Копе» он чувствовал себя, как рыба в воде. Их усадили возле сцены. За столиком, кроме Аманды, Кристи и «шестерок», сидел новый пресс-агент — худощавый молодой человек из одной крупной рекламной фирмы. Он заявил, что ни один уважающий себя пресс-агент не согласится выполнять такую работу за сто долларов, если эти деньги будут поступать на банковский счет, но в случае оплаты наличными он берется обеспечить три упоминания имени Кристи в прессе за неделю.

После «Копы» Кристи пожелал отправиться в «Брассери», но Аманда отказалась пойти туда, сославшись на то, что завтра ей надо рано вставать. Утром позвонил Иван Гринберг, он поздравил девушку — в колонке светской хроники Ронни Вулфа сообщалось о бурном романе, вспыхнувшем между Кристи Лейном и Амандой.

— Вижу, ты поумнела, — сказал Иван.

Она сначала испугалась, но, не получив за три следующих дня ни единой весточки от Робина, решила опять встретиться с Кристи. Аманда снова оказалась на очередной премьере за одним столом с Кристи, пресс-агентом, «шестерками» и второразрядной танцевальной парой, надеявшейся выступить в «Шоу Кристи Лейна».

Третья трансляция проходила в атмосфере всеобщего ликования. Стали известны двухнедельные индексы Нильсена — Кристи Лейн попал в первую двадцатку. Появились спонсоры, Дентон Миллер пожимал руки, все поздравляли друг друга. «Олвисо» немедленно продолжила контракт с «Ай-Би-Си» на следующий сезон. На тридцать девять недель. После шоу Дентон Миллер устроил праздничный ужин в «21». Кристи бросил своих «шестерок» и пошел в ресторан с Амандой. Джерри Мосс появился с женой. Они заняли столик в центре нижнего зала. Никто из официантов не знал Кристи Лейна, зато все знали Дентона Миллера, а кое-кто — Джерри Мосса. Во время ужина Дентон попытался завести светскую беседу с Амандой. Он похвалил ее, сказав, что она прекрасно выступила в рекламной вставке.

— Я привыкла к камере, — скромно объяснила она. — Труднее всего было научиться держать руку с губной помадой так, чтобы она не дрожала.

— Вы когда-нибудь играли? В кино, на сцене?

— Нет, только позировала.

Лицо Дена стало задумчивым.

— Но мне кажется, что я о вас слышал...

— Возможно, в журналах...

Внезапно Ден щелкнул пальцами.

— Робин Стоун! Ваши имена могли быть как-то связаны?

— Я с ним встречалась, — осторожно произнесла Аманда.

— Куда он пропал? И когда вернется? — спросил Ден.

— Он отправился в Бразилию.

Аманда заметила, что Джерри замолчал и повернулся в их сторону. Ден махнул рукой.

— Пленка из Бразилии поступила неделю назад. Затем он прислал еще одну из Франции. Ему удалось встретиться с де Голлем. Миллер изумленно покачал головой.

— Но сейчас, я слышал, он уже в Лондоне.

Она с невозмутимым выражением лица отпила кока-колу.

— Уверена, он сделает там прекрасные записи.

Дентон улыбнулся.

— Его материалы имеют высокий рейтинг, тем более что речь идет об информационной передаче. Но ваш новый приятель для нас — сущая находка!

Ден, улыбнувшись, посмотрел на Кристи.

Ее новый приятель! Аманду буквально затошнило. К ее радости, ужин закончился рано. У Дена был лимузин; он отвез Аманду домой. Иван оказался прав. Через два дня одна из газет посвятила Кристи Лейну целую статью под заголовком: «Человек из соседнего дома». Фотография Аманды по ширине занимала три столбца: «Человек из соседнего дома встречается с ведущей фотомodelью!» Репортер цитировал Кристи: «Мы знакомы всего несколько недель, но я уже потерял голову». Аманда с отвращением швырнула газету на пол. А когда Иван позвонил ей и сказал: «Ты умнеешь с каждым днем, детка», она бросила трубку.

Аманда перечитала статью. Она была кошмарной! Девушка посмотрела на пустое, невыразительное лицо Кристи Лейна, и ее снова затошнило. Пока что их везде окружали второстепенные актеры, комики, прихлебатели. Но что будет, когда они останутся наедине?

Через несколько минут снова зазвонил телефон, и Кристи проревел в трубку:

— Куколка, ты видела, какую шумиху подняли газеты? Это только начало. Кристи заберется на самую вершину. Сегодня мы устроим себе праздник. Вдвоем. Дентон закажет нам лучший столик в «21», а потом пообедаем в «Эль Морокко». Дентон все берет на себя — нас посадят на самое престижное место.

— Извини, Кристи, — сказала Аманда. — У меня сегодня поздние съемки, а завтра рано утром снова работа.

— Отмени все. Ты выходишь в свет с Королем...

— Я не могу отменить съемки. Иначе потеряю большие деньги.

— Куколка, я все тебе возмещу. Назови сумму.

Она задумалась на мгновение. Утром у нее не было съемок, а сегодня последняя заканчивалась в пять часов.

— Три часа вечером и два — утром.

— Сколько это долларов?

Она услышала, как он жует кончик сигары. Принялась считать.

— Что-то от трехсот семидесяти пяти долларов до четырехсот.

Он свистнул.

— Ты получаешь так много?

— Семьдесят пять долларов в час.

— Брешь!

Она положила трубку.

Спустя минуту он перезвонил.

— Извини меня, куколка. С языка сорвалось. Я едва удержался на ногах. Агнес, девушка Эдди, позирует для женских журналов и получает десять долларов за час. Пятнадцать, если она снимается в купальном костюме, и двадцать — без него.

— Я не позирую в таком виде.

— Надо подсказать Агнес. Похоже, она снимается за сущие крохи.

— Кристи, мне пора уходить, я и так уже опаздываю.

— Ты права. Ради таких денег, куколка, надо высыпаться. Мы с тобой еще погуляем по высшему разряду. Но мне сегодня придется пойти в «21» — какая-то дама из «Лайфа» хочет встретиться со мной. Жаль, что ты не сможешь там быть — если «Лайф» опубликует статью обо мне, она могла бы стать для тебя хорошей рекламой.

— Извини, Кристи.

Она положила трубку и приняла решение никогда больше не видаться с Кристи. Никогда!

Снова позвонил Иван.

— Думаю, ты уже прочитала все газеты, — сказал он. — Материал о Кристи Лейне поможет тебе сохранить лицо, куколка.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я полагал, ведущая американская фотомодель просматривает светскую хронику. Ты что, еще ничего не знаешь?

— Нет.

Она принялась листать газету.

— Двадцать седьмая страница. Я подожду, пока ты будешь резать себе вены.

Она увидела фотографию Робина. На его лице была усмешка. Он обнимал баронессу Эрику фон Грац.

— Ты жива, куколка?

— Тебе нравится мучить меня, Иван?

— Нет, Аманда, — тихим серьезным голосом произнес он. — Просто я хочу, чтобы ты посмотрела правде в глаза. Если я тебе понадобится, позвони мне домой.

Она медленно опустила трубку и уставилась на газетный лист. Баронесса Эрика фон Грац была красива. Робин стоял в раскованной, непринужденной позе. Аманда начала читать.

«Баронессу Эрику фон Грац не видели в Лондоне со дня смерти ее мужа, барона Курта фон Граца. Тех, кому не доставало в последнее время этой блистательной пары, обрадует весть о том, что баронесса наконец-то появилась в свете после траура по мужу. Ее видели в обществе американского телерепортера Робина Стоуна. Барон погиб во время автогонок в Монте-Карло. Многие боялись, что Эрика фон Грац не скоро справится с охватившей ее депрессией. Но за последние десять дней она несколько раз была в театре и обедала наедине с Робинем Стоуном. Сейчас эта пара отбыла в Швейцарию. Они намерены погостить у Рэми Блэктона в его замке. Трудно судить, в чем тут причина — в горных лыжах или новом романе, — но мы рады снова видеть нашу очаровательную Эрику улыбающейся».

Она пролистала другую газету. Снова увидела фотографию Робина с баронессой. Бросилась на кровать и зарыдала. Принялась молотить кулаками подушку, словно это было улыбающееся лицо Робина. Затем ее настроение резко изменилось. Она села на кровати. Господи, в три часа у нее съемки. Гальстон подготовил новую коллекцию легких шляп. Аманда побежала на кухню, достала из холодильника кубики льда, завернула их в полотенце и приложила к глазам. Затем пустила горячую воду: многократная смена холода и тепла за полчаса вернет ей нормальный вид. Она не имеет права опаздывать — нельзя рисковать работой из-за Робина. Он-то точно не намерен ее содержать!

Поддавшись внезапному порыву, она позвонила Кристи Лейну. Он тотчас снял трубку.

— Куколка, я уже был у двери. Ты чудом застала меня.

— Я отменила вечернюю съемку.

— Знаешь, я пошутил, сказав, что возьму твои потери. Мне это не по карману, — испуганно сказал Кристи.

— Можешь ничего мне не платить. Я вдруг решила, что слишком много работаю.

Его голос немедленно изменился.

— Чудесно! Тогда мое приглашение в силе. Встретимся возле «21» в половине седьмого. Дама из «Лайфа» придет туда к этому часу.

Вечер прошел лучше, чем предполагала Аманда. Видно, Ден проинструктировал официантов. Их усадили за лучший столик в нижнем зале. Аманда заставила себя выпить виски. Девушка из «Лайфа» держалась весьма почтительно. Она объяснила, что ее послали «поговорить» с Кристи Лейном насчет интервью. Она должна была записать свои впечатления, а старший редактор, прочтя ее заметки, решит вопрос о целесообразности проведения интервью с мистером Лейном.

Кристи засмеялся через силу.

— Это нечто новенькое — интервью насчет интервью! Ваш журнал очень высокого о себе мнения!

Кристи почувствовал себя оскорбленным. Аманда поняла, что своей бравадой он пытается скрыть неуверенность в себе. Ее охватило сочувствие к Кристи. Она взяла его за руку.

Девушка из «Лайфа» также заметила перемену в настроении Кристи. Она заставила себя непринужденно рассмеяться.

— Они поступают так со всеми, мистер Лейн. На прошлой неделе я собирала материалы об одном важном сенаторе, а редакторы отвергли их.

Кристи почувствовал себя немного уверенней. Он настоял на том, чтобы девушка отправилась с ними в «Эль Морокко». Аманда видела, что ему очень нужна эта статья. Кристи рассказал журналистке о своих первых шагах, бедной молодости, дешевых ночных клубах, где он выступал. К удивлению Аманды, девушка слушала его с неподдельным интересом. Когда она начала делать записи, у Кристи прибавилось энтузиазма. Обняв Аманду, он подмигнул девушке:

— И вот теперь бывший бродяга встречается со сногшибательной фотомodelью, портреты которой не сходят с обложек журналов.

После ресторана Аманда попросила, чтобы Кристи отвез домой сначала ее. Войдя в свою квартиру, она устало закрыла дверь. Аманда еле держалась на ногах. Из последних сил сняла с себя одежду. Стерла макияж и, как обычно, сто раз провела щеткой по своим густым светлым волосам. Посмотрела на щетку. Господи, там было полно волос. Больше она не будет пользоваться лаком «Олвисо». Как бы ни расхваливал его Джерри, этот лак губил ее волосы. Она бросила аэрозоль в корзину для мусора. Потом упала на кровать и обрадовалась тому, что сильно устала, — по крайней мере, она не будет лежать без сна и думать о Робине и его баронессе.

Следующие четыре вечера она провела с Кристи; их сопровождали репортер из «Лайфа» и фотограф. Но Аманда не могла забыть Робина Стоуна. К концу недели статья была готова. Но, как сказал журналист, пока материал не поставлен в номер, он не может дать никаких гарантий. Напоследок фотограф снял Аманду в рекламной вставке.

Кристи, стоя за сценой рядом с Амандой, проводил взглядом сотрудников «Лайфа».

— Дело в шляпе! — воскликнул он, обнимая Аманду. — Сегодня нам есть что отпраздновать. К тому же стал известен новый рейтинг. Я в первой десятке! Слышишь, куколка? Две недели назад я был девятнадцатым! Сейчас я на восьмом месте! Мне осталось побить семерых конкурентов! Мы должны отпраздновать. Мы еще ни разу не оставались одни. Сегодня мы с тобой отправимся в «Пристанище Дэнни» — только ты и я.

Когда их подвели к столику, расположенному у сцены, Кристи обрадовался, как ребенок. Аманде казалось, что рейтинги опубликованы на первой странице «Таймс». Весь ресторан, похоже, знал об успехе Кристи. Все посетители, включая Клиффа, агента по связям с общественностью, подходили к нему, чтобы поздравить артиста. Кристи наслаждался обретенной известностью. Он приветствовал других артистов, подсаживался к ним. Затем Кристи заказал для себя и Аманды по бифштексу. Аманда сидела почти неподвижно, едва прикасаясь к еде, в то время как Кристи ел с жадностью, поставив локти на стол и склонив голову над тарелкой. Расправившись с бифштексом, он двумя пальцами вытащил изо рта кусочек мяса, застрявший меж зубов.

Он посмотрел на ее недоеденный бифштекс.

— Что, мясо плохое?

— Нет, просто больше не хочу. Положу в пакетик для кота.

— Ненавижу котов.

Кристи улыбнулся.

— Он запрыгивает ночью к тебе в кровать?

— Да, он спит возле меня.

— Тогда сегодня мы отправимся ко мне.

Он посмотрел на расшитое бисером платье, в котором она выступала.

— Заедем к тебе, ты покормишь кота и переоденешься.

— Зачем мне переодеваться?

Он смущенно усмехнулся.

— Представь себе, куколка, как это будет выглядеть — завтра утром ты появишься в вестибюле «Астории» в таком наряде.

— Я не собираюсь появляться в вестибюле «Астории» завтра утром. Я буду спать в своей кровати.

— Ты хочешь потом вернуться к себе?

— Я хочу поехать домой. Сейчас.

— А как насчет того, чтобы потрахаться?

Она заметно покраснела.

— Кристи, не вынуждай меня встать и уйти. Если ты еще раз заговоришь со мной таким языком, я это сделаю.

— Послушай, куколка, я не хотел тебя обидеть. Я буду следить за собой. Черт возьми, я рос за кулисами и узнал подобный язык еще в том возрасте, когда мои сверстники учили детские стишки. Вот что — каждый раз, когда у меня будет вырываться изо рта бранное слово, я плачу тебе доллар. Нет, лучше четверть доллара — иначе при моем языке ты сможешь оставить свою работу.

Она, пересилив себя, улыбнулась. Он пытался быть милым. Он не был виноват в том, что вызывал у нее физическое отвращение. Ей хотелось как можно скорее расстаться с ним.

— Крис, я хочу пойти домой. Одна. День был длинный, у меня болит голова.

— О, конечно, ты так долго стояла с этой тяжелой губной помадой. А я только пел, танцевал и разыгрывал сценки.

— Ты талантлив. Ты занимался этим всю жизнь. Меня же охватывает паника каждый раз, когда я оказываюсь перед тремя камерами. Присутствие зрителей также отнимает у меня силы. Ты же — рожденный артист.

— Возможно. Ладно, тогда мы потрахаемся — займемся любовью — завтра вечером. Нет, завтра у меня бенефис, тогда после завтра. Договорились?

— Я не знаю.

— Что ты хочешь сказать?

— Я предпочитаю не спешить с этим.

— Мы уже провели вместе много времени.

— Три недели и четыре дня. (С исчезновения Робина прошло четыре недели и три дня.)

— Я, видно, тебе не безразличен, коли ты ведешь счет дням. Ну, когда? Или ты еще любишь Робина Стоуна?

Аманда поняла, что своей реакцией выдала себя. Вопрос Кристи застал ее врасплох.

Он казался довольным.

— О, я провел небольшое расследование.

— Это не секрет, что я встречалась с Робинем Стоуном. Он — мой близкий друг. Я знаю его больше года.

— Так ты уже не влюблена в него?

— Кто это тебе сказал?

— Этель Эванс.

Аманда умолкла. Она не предполагала, что Этель столь наблюдательна. Сегодня вечером, находясь вместе с Этель за сценой, она вела себя так, будто на всем свете ее интересует лишь один Кристи Лейн.

Кристи ошибочно решил, что Аманда молчит из-за смущения.

— Ты помнишь Этель Эванс — это толстозадая дамочка с длинным языком, которая отвечает за связи с общественностью. Она переспала со всеми мужчинами от Западного побережья до Восточного и хвастается этим. Господи, ты видела, как она вешалась на шею приглашенной звезде? Она оправдывает свое прозвище — «Трахальщица звезд».

— Возможно, такую репутацию ей создали люди вроде тебя.

— Что ты хочешь этим сказать?

— То, что ей дали такое прозвище и распустили сплетни. У тебя-то была с нею связь?

— Нет, но все звезды, которых я знаю, спали с Этель.

— Выходит, ты пересказываешь чужие сплетни.

— С чего это ты ее защищаешь? Слышала бы ты, как она отзывается о тебе.

— Отвези меня домой, — сухо сказала Аманда.

— О, господи. Извини, куколка.

Он взял Аманду за руку и внимательно посмотрел на девушку. Приложил ее руку к своей груди.

— Я на тебя запал, Манди, — впервые я говорю это абсолютно искренне. Крепко запал. Возможно, навсегда.

Она увидела мольбу в его больших голубых глазах. Перед ней сидел легко ранимый человек с добрым, открытым лицом. Она знала, что Кристи говорит правду. Сегодня в своем шоу он специально пел «Манди» — песню, которую Эл Джолсон сделал популярной. Добравшись до слов «Манди, пойдем в церковь», он повернулся и посмотрел на Аманду, стоявшую за кулисами. Она не хотела причинять ему боль, она знала, что это такое — сама долго жила с нею. Аманда похлопала Кристи по руке.

— Кристи, ты станешь большой звездой, у тебя все впереди. В том числе — миллионы хороших, красивых девушек.

— Они мне не нужны. Я хочу тебя.

— Крис, мы провели вместе всего лишь несколько вечеров. Ты не можешь любить меня, ты не знаешь меня.

— Куколка, я многое повидал на своем веку. Видел третьесортные ночные клубы с вульгарными девками. Всю жизнь я стремился к чему-то лучшему. Поэтому и не женился. Спал иногда со шлюхами, но ни к кому не прикипал душой. Понимаешь меня? Наконец — это шоу. И ты! Все разом. Впервые я попал в высшую лигу. Обрел успех и встретил настоящую девушку. О, я повидал немало классных девок в тех бенефисах, где я выступал, так что мне есть с чем сравнивать. Но только все они были плоскодонками. А у тебя все на месте — и я хочу тебя.

Она побледнела, подумав о своих маленьких грудях. Но какое это имеет значение? Он их никогда не увидит. Она посмотрела на Кристи.

— Ты мне нравишься, Кристи. Но я не влюблена в тебя.

— Этого для меня достаточно,— сказал он.— Я согласен ждать. Обещай, что ты дашь мне шанс. Встречайся со мной, назначай мне свидания, и в конце концов ты захочешь лечь со мной в постель. И если мы подойдем друг другу, мы сможем навсегда остаться вместе. Даже пожениться.

Он не дал ей возразить.

— Подожди. Просто подожди — это все, о чем я прошу.

Она знала, что он сейчас испытывает. И если надежда сделает Кристи счастливым, какой от этого вред? По крайней мере, сегодня он будет засыпать с мечтой. В конце концов он станет известной звездой, и чем выше он поднимется, тем меньше для него будет значить она, Аманда.

Возле своего дома она поцеловала Кристи на прощанье. Войдя в квартиру, заметила брошенную под дверь телеграмму. Подняла ее и машинально раскрыла — наверное, очередное приглашение на открытие дискотеки.

«Прилетаю в «Айдлуайлд» в два часа ночи рейсом ТВА номер три. Если ты по-прежнему моя девушка, возьми такси и приезжай в аэропорт. Робин».

Аманда посмотрела на часы. Без четверти двенадцать. Слава Богу, она успеет! Аманда бросилась к телефону и заказала машину. Робин непредсказуем! Он не потратил десятицентовика, чтобы попрощаться с ней, однако известил телеграммой о своем возвращении. Ей требовалось время, чтобы сменить макияж и платье — она должна выглядеть превосходно. Протирая лицо кремом, Аманда пела. Впервые за четыре недели и четыре дня она не испытывала усталости.

Она стояла у выхода номер семь. Самолет только что приземлился. Пассажиры начали появляться в зале. Она увидела Робина. Он выделялся среди других мужчин. Они шли, а он точно плыл среди толпы. Поставив на пол свой кейс, Робин обнял Аманду.

— Ну, как себя чувствует новая звезда телеэкрана?

— Счастлива видеть величайшего журналиста,— ответила она в тон ему и решила ничего не говорить о баронессе.

Он повел ее к автомобилю.

— Ничего не понимаю. Я считала, что ты в Лондоне. Но телеграмма пришла из Лос-Анджелеса.

— Я летел через полюс и остановился на несколько дней в Лос-Анджелесе.

Он сунул руку в карман и вручил Аманде маленький сверток.

— Подарок тебе. Я забыл упомянуть его в декларации. Я — контрабандист.

В машине она прильнула к нему и раскрыла сверток. Там находилась прелестная антикварная сигаретница из веджвуда. Аманда

поняла, что это дорогая вещь, но она предпочла бы более интимный подарок, пусть даже стоящий в два раза меньше.

— Надеюсь, ты по-прежнему куришь.

Он засмеялся, вынул из кармана мятую пачку английских сигарет и протянул ее Аманде.

Она сделала затяжку и едва не задохнулась — табак оказался весьма крепким. Робин взял у девушки сигарету и поцеловал Аманду в губы.

— Соскучилась?

— Ты исчез, оставив меня с двумя бифштексами. Я была готова убить тебя.

Он рассеянно посмотрел на девушку, словно пытаясь что-то вспомнить.

— Ты мог позвонить мне и сказать: «Привет, детка, вытащи бифштексы из плиты, я не смогу приехать».

— Разве я этого не сделал? — с искренним удивлением в голосе спросил он.

— Забудь. Кот остался доволен.

— Но ты знала о том, что я улечу.

Его охватило какое-то смутное беспокойство.

— Да, я слышала твоё выступление по ТВ. Робин, ты исчез так надолго.

Он обнял ее, прижал к себе.

— Теперь я вернулся. Устала?

— Для тебя — никогда.

Его поцелуй был долгим, страстным. В глазах Робина появилась нежность; он дотронулся до ее лица рукой, точно слепой человек.

— Моя прелестная Аманда. Ты великолепна.

— Робин, в твоё отсутствие я встречалась с Кристи Лейном.

Робин, казалось, пытался вспомнить, о ком идет речь.

— Он — звезда нового шоу, — пояснила Аманда.

— А, да, я слышал, его акции растут. Я следил за рейтингом.

— В светской хронике наши имена упоминались рядом.

— Это помогло тебе добиться повышения гонорара?

Робин добродушно усмехнулся.

— Мне и так много платят.

— Это хорошо.

Она посмотрела на него.

— Кое-кто считает меня его девушкой. Я хочу, чтобы ты знал — это только разговоры. Я бы не хотела, чтобы ты придавал им значение.

— Почему они должны меня беспокоить?

— Я думала, что...

Он закурил новую сигарету.

— Наверно, с моей стороны было глупо волноваться об этом.

Робин рассмеялся.

— Ты — знаменитость. Имена знаменитостей всегда мелькают в газетных колонках.

— И тебе безразлично, что я встречалась с Кристи?

— Почему это должно меня огорчать? Я тоже не жил в Лондоне, как монах.

Она отодвинулась от него, повернула голову к окну. Уставилась в ночную тьму, сквозь которую мчались встречные автомобили. Робин приблизился к Аманде, взял девушку за руку. Она отдернула ее.

— Робин, ты стараешься причинить мне боль?

— Нет.

Он посмотрел на нее честными глазами.

— И ты не стараешься причинить боль мне.

— Но я — твоя девушка, верно?

— Ну конечно.

Опять эта его проклятая усмешка!

— Но я никогда не держал тебя на привязи.

— Ты хочешь сказать, что тебе все равно, буду я еще встречаться с ним или нет?

— Меня это не волнует.

— А если бы я спала с ним?

— Это твое дело.

— Тебя бы это не задело?

— Да, задело бы — если бы ты мне об этом сказала.

— То есть ты хотел бы, чтобы я это скрывала.

— Хорошо, Аманда: ты спишь с ним?

— Нет. Но он этого хочет. Даже говорит о браке.

— Поступай, как считаешь нужным.

— Робин, попроси водителя сначала отвезти меня домой.

— Почему?

— Я хочу побыть у себя — одна.

Он обнял ее, прижал к себе.

— Детка, ты приехала ночью в аэропорт, чтобы встретить меня. Что за дурацкое настроение?

— Робин, неужели ты не видишь, что...

Он поцеловал ее, и она замолчала.

Они провели ночь вместе, в объятиях друг друга. Больше не говорили о Кристи Лейне. Казалось, Робин никуда не улетал — все было как в самом начале. Как всегда, когда они были в постели. Они предавались любви с нежностью и страстью.

Позже, когда они курили в постели, наслаждаясь покоем и близостью друг друга, она спросила:

— Кто эта баронесса?

Слова вырвались из уст Аманды помимо ее воли. Она тотчас пожалела об этом.

Выражение его лица не изменилось.

— Обыкновенная шлюха.

— Послушай, Робин, я читала о ней, она — настоящая баронесса.

— Да, титул у нее подлинный, однако она шлюха. Дитя войны.

В двенадцать лет она отдавалась американским солдатам за плитку шоколада. Потом вышла замуж за барона — он был гомиком и войе-ристом. Эрика — весьма искушенная дама. Получила с помощью за-

мужества титул и деньги. Она помешана на сексе. Я познакомился с ней во время оргии.

Аманда села на кровати.

— Во время оргии!

— В Лондоне бывают грандиозные оргии. Говорят, эта мода дошла и до Лос-Анджелеса.

— И тебе это нравится?

Он усмехнулся.

— А что тут плохого? Не смотреть же все время телевизор. У них там только два канала.

— Робин, ты шутишь.

— Я вполне серьезен. Ты знакома с Айком Рианом?

Эту фамилию она уже слышала. Внезапно Аманда вспомнила — Риан был американским продюсером, работавшим в Италии и Франции. Он успел сделать себе имя.

— Он тебе понравится. Мы познакомились в Лондоне. Я чувствовал себя неважно. Погода действовала угнетающе. Он пригласил меня на одну из своих вечеринок. Там присутствовали три итальянские киноактрисы, Аик и я. Это была «Ночь в турецкой бане».

— И ты принимал в этом участие?

— Конечно, а почему бы и нет? Сначала дамы развлекались одни, потом занялись мною и Айком. Эрика превзошла всех — немцы в любом искусстве способны достичь вершин — поэтому я уехал с ней. Аик — мировой парень. Он собирается перебраться в Лос-Анджелес и создать там собственную кинокомпанию. Он растормошит весь город.

— Оргиями?

— Нет, своими фильмами. Он по натуре — игрок, у него бездна вкуса. Очень хорош собой. Нравится женщинам.

— По-моему, он отвратителен.

— Почему?

— Потому что занимается подобными вещами!

Робин рассмеялся.

— Значит, я тоже отвратителен?

— Нет. Ты похож на маленького проказника, который решил продемонстрировать свою удаль. Но затеял все Аик Риан, он...

— Детка, подобные забавы пришли к нам из Древней Греции.

— И ты хочешь познакомить меня с таким человеком? Хочешь, чтобы меня видели в его обществе? Тогда все решат, что я такая же, как он. Это тебя устраивает?

Повернувшись, он посмотрел на нее очень серьезно.

— Аманда, обещаю тебе: мы не будем появляться на людях с Айком Рианом.

Робин встал с кровати, проглотил таблетку снотворного и запил ее пивом.

— Я еще живу по европейскому времени. Ужасно устал. Хочешь таблетку?

— Нет, мне надо проснуться в десять.

Он снова лег в постель и обнял Аманду.

— Моя прекрасная Аманда, мне очень хорошо с тобой. Не буди меня утром, когда встанешь. Я хочу основательно выспаться — днем у меня масса дел: встречи с людьми, чтение почты.

Утром она оделась и быстро покинула квартиру. Весь день ее преследовала слабость, работа шла не очень хорошо. И волосы по-прежнему выпадали. Она позвонила Нику и попросила его порекомендовать ей какого-нибудь дерматолога. Он засмеялся.

— Ты линяешь, дорогая. Это нервы.

— Наверно. Робин вернулся.

— Сходи к своему терапевту, попроси его выписать тебе витамин В-12, и ради Бога, не занимайся любовью каждую ночь до утра.

— У меня нет врача, — Аманда засмеялась, — он никогда не был мне нужен. Вы знаете хорошего доктора?

— Аманда, дорогая моя, ты просто неприлично молода и здорова. Я пользуюсь услугами шестерых врачей. Один занимается моими ушами и горлом, другой — предстательной железой, третий — выскочившим диском. Хочешь услышать мой совет? Держись от них подальше. Выпись хорошенько, а когда выйдет статья в «Лайфе», все твои волнения рассеются.

Вероятно, Ник прав. Съемки закончились в три. Она вернулась домой, чтобы вздремнуть. Слаггер запрыгнул на кровать и устроился возле Аманды. Она поцеловала его рыжевато-коричневую голову.

— Еще не ночь, дорогой. Мы просто отдыхаем.

Он довольно заурчал.

— Ты — единственное существо мужского пола, на которое можно положиться, но Робин вернулся, так что не обижайся, если вечером, когда он придет, я прогоню тебя в гостиную.

Проснувшись, Аманда резко оторвала голову от подушки и села. В комнате было темно — она попыталась понять, где она находится. Какой сегодня день? Она зажгла свет. Девять часов. Слаггер спрыгнул с кровати и зарычал, требуя обед.

Девять часов! А Робин так и не позвонил! Она набрала номер телефонистки. Нет, звонков не было. Она позвонила Робину. После нескольких длинных гудков опустила трубку. Больше Аманде не удалось заснуть. Слаггер, чувствуя, что с его хозяйкой не все ладно, до утра ластился к ней.

На следующий день она прождала до шести часов, затем позвонила Робину. В конце концов, он мог заболеть. Робин снял трубку. Нет, он здоров. Просто у него скопилось много работы. Он пообещал позвонить завтра.

Утром, просматривая газеты, она наткнулась на его имя:

«Айк Риан и Робин Стоун посетили «Эль Морокко» в обществе двух красивых итальянских актрис со столь длинными фамилиями, что ваш корреспондент не запомнил их, однако он никогда не забудет лица и прочие прелести этих женщин».

Аманда бросила газету на пол. Он зондировал почву, зная о скором приезде Айка Риана в Нью-Йорк. О Боже, зачем она сказала, что не желает, чтобы ее видели рядом с Рианом?

Вечером она встретила с Кристи. Они отправились к Дэнни. Аманда была молчалива; Кристи испытал разочарование: их посадили за маленький столик у стены. Один из столиков возле сцены занимала компания голливудских знаменитостей. Другой престижный столик пустовал: на нем красовалась табличка «Стол заказан».

— Вероятно, тоже для какого-то голливудского пижона, — бросив туда завистливый взгляд, сказал Кристи. — Почему все так носятся с киношниками? Готов поспорить, я известен большему числу людей, чем многие голливудские звезды.

Аманда попыталась ободрить его. Что получится, если они оба начнут жалеть себя?

— Кристи, это прекрасный стол. Мне нравится сидеть здесь, отсюда виден весь зал.

— Я везде должен сидеть за лучшим столом!

— Где бы ты ни сидел, твой стол автоматически становится лучшим.

Он посмотрел на Аманду.

— Ты, правда, так считаешь?

— Важно, чтобы ты так считал.

Усмехнувшись, Кристи сделал заказ. Вскоре к нему вернулось хорошее настроение.

— Статья для «Лайфа» уже поставлена в номер, — сообщил он и посмотрел на Аманду. — Манди, кое-что для меня важнее этой публикации. Я люблю тебя. Держа тебя за руку, чувствую себя робким школьником. Я много думал о нас. Как ты можешь полюбить меня, если ты не спишь со мной? Я знаю, что сейчас у тебя никого нет. Эдди пытался убедить меня в том, что, по слухам, ты по уши влюблена в Робина Стоуна. Но сегодня я прочитал в газете...

— Крис, раз уж ты завел этот разговор, я должна сказать тебе...

Она замолчала. Ее внимание внезапно привлекла четверка посетителей, которую сам Дэнни вел к заказанному столу. Две красивые девушки, двое мужчин. И один из них — Робин.

Она испытала странное головокружение, которое часто бывает вызвано потрясением. Робин дал прикурить одной из девушек, при этом он улыбнулся ей, как своей очень близкой знакомой. Второй мужчина был, очевидно, Айком Рианом.

— Что сказать?

Крис посмотрел на Аманду. Она знала, что ей следовало что-то произнести, но она не могла оторвать взгляд от Робина. Аманда увидела, как Робин наклонился, поцеловал девушку в кончик носа и засмеялся.

— Посмотри, кого посадили за тот стол, — сказал Кристи. — Я однажды видел его передачу — решил поглядеть на моих конкурентов. Я выдержал только десять минут. Он нес какую-то чушь про Кубу, другой тип поддакивал ему. Тоже мне важная шишка. Его рейтинг не идет ни в какое сравнение с моим.

— Его обзор занимает место среди двадцати пяти лучших передач. Для выпуска новостей это отличный результат.

Она удивилась то
— Погоди, я вый
ко мне, как к первом
— Ты мне очень
— Тогда в чем ж
— Я хочу домой.
Она действительно
лову, слушал девуш
— Куколка, не
сделать это.
— Отвези меня д
Он как-то странн
— Если я отвезу
Кристи выписал
Кристи останавливал
знакомых. Аманда п
лись возле него, он
Похоже, он даже об
хом шоу и представ
и брюнета с голубы
Когда Аик поднялся,
листый, красивый, он
совала себе Аманда.
— Так это та са
Риан повернулся
закивали, улыбаясь
— Я объяснил и
— Расскажите и
Аик засмеялся.
— В этом нет не
они смотрят по ТВ
Наконец Аманда
лось, что они просто
сила взгляд на Роб
он уже беседовал с
все же знала англий
Мрачный Кристи
под руку.
— Я поеду к те
Он засиял, как р
— О, куколка —
— Нет, я отпра
лаем это.
— Нет, я даже
ся к тебе. Я оста
хочешь.
— У нее побежали
— Нет, рано ут

Она удивилась тому, что защищает Робина.
— Погоди, я выйду на первое место. Все, кроме тебя, относятся ко мне, как к первому номеру.

— Ты мне очень нравишься.

— Тогда в чем же дело?

— Я хочу домой.

Она действительно почувствовала себя плохо. Робин, склонив голову, слушал девушку.

— Куколка, не будем ссориться. Я люблю тебя. Мы должны сделать это.

— Отвези меня домой...

Он как-то странно посмотрел на нее.

— Если я отвезу тебя домой, это конец.

Кристи выписал чек. Сейчас им придется пройти мимо Робина. Кристи останавливался почти у каждого стола, громко приветствуя знакомых. Аманда поняла, что Робин заметил ее. Когда они оказались возле него, он встал. Робин совсем не испытывал смущения. Похоже, он даже обрадовался встрече. Он поздравил Криса с успехом шоу и представил своих спутников — итальянских «звездочек» и брюнета с голубыми глазами, который оказался Айком Рианом. Когда Аик поднялся, Аманда удивилась. Высокий, загорелый, мускулистый, красивый, он не соответствовал тому образу, который нарисовала себе Аманда.

— Так это та самая Аманда?

Риан повернулся к девушкам и заговорил по-итальянски. Они закивали, улыбаясь ей. Затем Аик произнес:

— Я объяснил им, что вы — фотомодель номер один.

— Расскажите им обо мне, — произнес Кристи.

Аик засмеялся.

— В этом нет необходимости. Они знают, кто вы. Попад в Штаты, они смотрят по ТВ все подряд.

Наконец Аманда и Кристи отошли от столика. Девушке показалось, что они простояли возле него целую вечность. Уходя, она бросила взгляд на Робина, пытаясь прочесть что-то в его глазах, но он уже беседовал с улыбающейся итальянкой, которая, очевидно, все же знала английский.

Мрачный Кристи остановил такси. Внезапно Аманда взяла его под руку.

— Я поеду к тебе, Кристи.

Он засиял, как ребенок.

— О, куколка — а как же твое шикарное платье? Не хочешь заехать к себе и переодеться?

— Нет, я отправлюсь потом домой. После того, как мы сделаем это.

— Нет, я даже согласен терпеть твоего кота. Мы отправимся к тебе. Я останусь у тебя, и ты сможешь встать, когда захочешь.

У нее побежали мурашки по коже.

— Нет, рано утром за мной заедет фотограф. Сейчас еще только

половина одиннадцатого. Я поеду к тебе и через несколько часов вернусь домой.

— Но я хочу провести с тобой всю ночь. Хочу спать, держа тебя в своих объятиях.

Аманда еле справилась с тошнотой. Она нарочно выбрала «Асторию» как меньшее из зол. По крайней мере, когда все кончится, она сможет встать и уйти.

— Мы поступим именно так, — тихо сказала она.

— Куколка, я согласен на все. О Боже, как я счастлив. Я лучше всех — погоди, ты в этом убедишься.

Когда Аманда шла через вестибюль к лифту, ей показалось, что весь персонал «Астории» знает о ее планах. Похоже, даже водитель такси посмотрел на нее с презрением. Но сколько раз она проходила через подъезд Робина, даже приветливо здоровалась утром с консьержем — все казалось тогда естественным и замечательным... Нет, сейчас ей не следует думать о Робине.

Она вошла в ванную «люкса» и разделась. Посмотрела на свою плоскую грудь, затем с гордо поднятой головой направилась в спальню. Кристи лежал на кровати в трусах, изучая программу бегов. От разочарования у него отвисла челюсть.

— Совсем нет сисек?!

В ее холодных глазах таился вызов. Он засмеялся и протянул к ней руки.

— Что ж! Похоже, все классные девушки — плоские. Иди сюда — ты не будешь разочарована размерами моего агрегата. Смотри, что припас для тебя старый добрый Кристи...

Аманда оказалась в его объятиях. Она лежала неподвижно, а он тяжело посапывал над ней. Она поняла, что он хочет, чтобы она осталась довольна им. Господи, ему и за несколько часов ничего не добиться. Он никогда не смог бы взволновать ее. Она молила Бога, чтобы все кончилось поскорей. Наконец он перекатился на бок, постанывая. Через пару минут сказал:

— Не беспокойся, куколка, я вовремя вытащил его. Ты не за-летишь.

Аманда не двигалась. Кристи обнял девушку: Его тело было влажным от пота.

— Ты не кончила, да?

— Крис, я...

Она замолчала.

— Погоди, я передохну и снова займусь тобой.

— Нет, Крис. Все было прекрасно! Просто я немного нервничала. Все дело в этом. В следующий раз я приму меры.

— Слушай, я все решил. Мы поженимся? В конце сезона. Меня пригласили в Лас-Вегас на шесть недель. Летом. Я зарабатываю кучу денег. Там мы и поженимся. Устроим себе каникулы. Так что ничего не делай: если забеременеешь — отлично, мы поженимся раньше.

— Нет, я не хочу забеременеть до свадьбы. Не хочу, чтобы люди думали, что причина в этом.

— Слушай, куколка. Даже Эдди и Кенни не моей женой, я хочу, чтобы. Последние пятнадцать лет. И всегда. У меня будет миллион. Он — один человек. Он — 60-летний сын — пустяк, даже у меня были связи, ма-берг, стал мне отцом, ма-сказал мне, что я не с-концов могу сколотить со-стал брать у меня поло-наверно, всего пару сот-бумаги. Сейчас у меня типа «Ай-Би-Эм», курс я делаю большие деньги. Если это продлится — я лет у меня будет не од-ими, что мои ежемесяч-шесть тысяч долларов. О-ребенку. Теперь, когда чтобы мы сразу же за-смогу ходить с ним на-в котором мне не дове-образование завершило-работывал на пряники, будет все!

Аманда по-прежнему несчастный глупец... Внезапно она встала. Когда Аманда вернулась — Не беспокойся, — Ей хотелось как м-видеть его глаза, полн-— Еще рано. Я от-Эдди и Кенни, вероятно заснуть от счастья. Хо-В машине она по-Кристи на прощанье п-бросилась в ванную. Р-Робин позвонил н-Робин хотел посвят-эффекта решил сним-летит в Лондон. Роби-ничего не сказала о-о Кристи Лейне.

— Слушай, куколка, мне сорок семь. Все считают, что мне сорок. Даже Эдди и Кенни не знают правды. Но поскольку ты будешь моей женой, я хочу, чтобы ты все знала. Я всю жизнь был бережлив. Последние пятнадцать лет ежегодно зарабатывал сорок — пятьдесят тысяч. И всегда половину откладывал. К шестидесяти годам у меня будет миллион. Двадцать лет тому назад я встретил в Чикаго одного человека. Он — большой специалист по налогам. Я выручил его сына — пустяк, небольшое дорожно-транспортное происшествие. У меня были связи, дело закрыли, а отец этого малого, Лу Голдберг, стал мне отцом, матерью, адвокатом и всем прочим. Он тогда сказал мне, что я не самый яркий талант на сцене, но в конце концов могу сколотить состояние, если воспользуюсь его советами. Он стал брать у меня половину моих доходов — тогда я зарабатывал, наверно, всего пару сотен долларов в неделю — и покупал ценные бумаги. Сейчас у меня целый портфель набит акциями компаний типа «Ай-Би-Эм», курс которых постоянно растет. Теперь, когда я делаю большие деньги, Лу по-прежнему забирает у меня половину. Если это продлится — я имею в виду мой успех — через несколько лет у меня будет не один, а два миллиона. Он так распорядится ими, что мои ежемесячные дивиденды за вычетом налогов составят шесть тысяч долларов. Основной капитал мы сможем оставить нашему ребенку. Теперь, когда у меня есть ты, все будет прекрасно. Я хочу, чтобы мы сразу же зачали ребенка, тогда в шестьдесят лет я еще смогу ходить с ним на футбол и успею отправить его в колледж, в котором мне не довелось учиться. Не говори это никому, но мое образование завершилось в шестом классе — в двенадцать я уже зарабатывал на пряники, выступая в бурлеске. Но у нашего малыша будет все!

Аманда по-прежнему лежала, не двигаясь. Что она наделала! Этот несчастный глупец...

Внезапно она встала с кровати, прошла в ванную и оделась. Когда Аманда вернулась в спальню, Кристи тоже одевался.

— Не беспокойся, — попросила она. — Я сама найду такси.

Ей хотелось как можно скорее остаться одной. Она не могла видеть его глаза, полные любви.

— Еще рано. Я отвезу тебя домой, а потом загляну в «Сцену». Эдди и Кенни, вероятно, еще там. Я выпью с ними кофе. Я не смогу заснуть от счастья. Хочу поведать о нем всему миру.

В машине она позволила ему держать ее за руку. У лифта Кристи на прощанье поцеловал Аманду. Она вошла в свою квартиру, бросилась в ванную. Ее вытошнило.

Робин позвонил на следующий день. Он не упомянул итальянских девушек. Днем он улетал в Лос-Анджелес с Айком Рианом. Робин хотел посвятить ему одну из своих передач. Для большего эффекта решил снимать Айка в его офисе и студии. Оттуда он полетит в Лондон. Робин не знал, когда он вернется в Штаты. Аманда ничего не сказала о баронессе и итальянских «звездочках», а он — о Кристи Лейне.

Первого мая Аманда проснулась за пятнадцать минут до звонка будильника. Завтра свежий номер «Лайфа» будет лежать в каждом киоске, но в «Плазу» этот журнал всегда поступал на день раньше. Она быстро оделась. Последние шесть недель Аманда ждала этого момента и боялась его. Кристи полагал, что после выхода статьи он станет известен всей Америке. Ник Лонгворт обещал поднять ставку Аманды до ста долларов за час.

Она поехала на такси до «Плазы» и бросилась в вестибюль. Издалека увидела в киоске журнал с яркой красной обложкой. Бросила деньги на прилавок и быстро прошла к большому креслу, стоявшему в холле.

Материал занимал десяток страниц. Она прочитала заголовок: «Феномен Кристи Лейна». На четырех фотографиях Аманда была запечатлена с Кристи и на одной — без него, позирующей в шифоновом платье для Ивана. Полы платья развевались без «ветродуя» — она навсегда запомнила тот холодный день. Начав читать, она удивилась необычайной проницательности репортера, красочно описавшего, как она терпеливо стояла на мартовском ветру. Работа фотомодели требует особого мужества, писал журналист, восхищаясь Амандой. Назвав Кристи «человеком из народа», автор статьи отметил неправильность его речи, пристрастие артиста к костюмам кричащих расцветок, явную поглощенность внезапной популярностью. Ладно, это еще ничего, подумала Аманда и продолжила чтение: «Оказавшись на гребне успеха, Кристи подыскал себе девушку под стать своему новому положению телевизионного кумира. Эффектную фотомodelь по имени Аманда. Она — не просто его возлюбленная. Она — символ. Подтверждение того, что мир третьеразрядных ночных клубов остался в прошлом. Потому что Аманда — девушка самого высокого класса. Однако, увидев их вместе, понимаешь, что они — вовсе не такая уж странная пара, как это может показаться на первый взгляд. Кристи Лейн боготворит красоту очаровательной девушки. А престелстная Аманда видит в Кристи надежную опору. Когда девушка стоит на ветру при нулевой температуре в шифоновом платье и улыбается так, словно все происходит на пляже в Палм-Бич, она начинает ценить преданность такого человека, как Кристи Лейн. Возможно, она надеется с помощью этого очень земного мужчины променять зыбкий мир элегантности на твердую почву под ногами».

Она закрыла журнал. Эта последняя фраза. Как ее воспримет Робин? Аманда вышла на залитую солнечным светом улицу. Она встречалась с Кристи и иногда спала с ним, но чувствовала, что совсем не знает его. Они почти никогда не оставались одни, если не считать редких тягостных часов, проводимых в «Астории». Два вечера в неделю Кристи работал с авторами; бенефисы, интервью — все это было частью жизни звезды и поглощало массу времени. Однако он собирался жениться на ней в Лас-Вегасе! Она не спорила — до лета, казалось, еще далеко. Но сейчас уже был май!

Она должна ра-
встречаться с ним.
Она никогда не сме-
дела Кристи сча-
Статья в «Лайф-
чувствовала, что об-
шоу молодость кара-
от Робина не было
вышла к Кристи.
тридцатого мая в
памяти погибших
отказалась.
— Поедем, — у-
сбежит из своего «
— Я не могу
К тому же я не
Агнес.
— Какая еще
— Когда мы
ходить на твои вы-
и иду на съемки.
— Черт возьми
втрескаться в леди
Удивленный, не
Аманда задума-
выйду за тебя?»
ее навсегда? Она
с Кристи, сказала
выдержала лишь п-
некоторый покой.
открытии какого-
предпочитала общ-
Зазвонил теле-
Кристи, который,
застал Аманду в р-
— Привет, зн-
— Робин, О,
— Только что
Эйхманом. В сам-
ткнулся на статью
— Как тебе з-
Аманда заста-
— Она велик-
Автор создал точ-
сающая, как в ж-
у Аманды сж-
— Похоже, т-
— Это правд-

Она должна расстаться с Кристи Лейном! Аманда продолжала встречаться с ним, чтобы не тосковать в одиночестве по Робину. Она никогда не смогла бы полюбить другого мужчину. Она хотя бы делала Кристи счастливым...

Статья в «Лайфе» наделала много шума. Аманда действительно чувствовала, что обрела известность — особенно когда вечером после шоу молодежь караулила ее у выхода, чтобы получить автограф. Но от Робина не было вестей до последнего воскресенья мая. Она приехала к Кристи. Он за баснословный гонорар согласился выступить тридцатого мая в Гроссинджере на празднике, посвященном Дню памяти погибших в войнах. Кристи хотел взять ее с собой, но она отказалась.

— Поедем, — упрасивал он. — Давай повеселимся. Даже Агнес сбежит из своего «Латинского квартала»...

— Я не могу пропустить съемки — потеряю большую сумму. К тому же я не собираюсь становиться частью твоей свиты, как Агнес.

— Какая еще свита? Этим летом мы поженимся.

— Когда мы поженимся, если это вообще произойдет, я буду ходить на твои выступления. А пока что я остаюсь в Нью-Йорке и иду на съемки. Я не намерена пополнять ряды твоих «шестерок».

— Черт возьми, что за дурацкая гордыня! Угораздило же меня втрескаться в леди!

Удивленный, но не рассерженный Кристи положил трубку.

Аманда задумалась. Почему она не сказала ему: «Я никогда не выйду за тебя»? Она испытывала страх! Что, если Робин оставил ее навсегда? Она сойдет с ума. Однажды она уже пыталась порвать с Кристи, сказала ему, что они больше не будут встречаться... Она выдержала лишь пять дней... С Кристи она по крайней мере обретала некоторый покой. Едва ли не каждый вечер они присутствовали на открытии какого-нибудь ночного клуба или чьем-то бенефисе. Она предпочитала общество Кристи одиночеству.

Зазвонил телефон. Она неохотно сняла трубку, подумав, что это Кристи, который, наверно, снова начнет уговаривать ее. Бодрый голос застал Аманду врасплох:

— Привет, знаменитость.

— Робин, О, Робин! Где ты?

— Только что вернулся домой. Я делал репортаж о суде над Эйхманом. В самолете начал листать старые номера «Лайфа» и наткнулся на статью о тебе.

— Как тебе эта публикация?

Аманда заставила себя задать этот вопрос небрежным тоном.

— Она великолепна, — с энтузиазмом в голосе ответил Робин. — Автор создал точный и живой образ. Ты там почти такая же потрясающая, как в жизни.

У Аманды сжалось горло, но ей удалось сохранить легкий, непри-
нужденный тон.

— Похоже, ты соскучился по мне.

— Это правда.

Аманда уже не слышала его. Она планировала их вечер — мыть волосы уже поздно, она наденет парик. Аманда надеялась, что они никуда не пойдут и останутся дома. Слава Богу, сегодня воскресенье — Джерри за городом. В холодильнике лежат бифштексы, но у нее кончилась водка.

— Ты все так же красива? — спросил он.

— Приходи — увидишь.

— Отлично. Встречаемся в «Улане» завтра в семь.

От разочарования она лишилась дара речи.

Он решил, что она колеблется.

— Или Кристи Лейн уже вывел меня из игры? — небрежным тоном спросил Робин.

— Нет, но он сделал мне предложение.

— Вероятно, это неплохой вариант. Его шоу будет идти вечно.

— Ты не огорчишься, если я выйду за Кристи Лейна?

— Конечно, огорчусь. Мне совсем не хочется терять тебя. Но я не могу конкурировать с потенциальным мужем.

— Почему?

— Детка, в брак стоит вступать только ради того, чтобы иметь детей. Я не хочу заводить детей.

— Почему?

— Это слишком большая ответственность.

— В каком смысле?

— Понимаешь, Аманда, мне необходима свобода, возможность в любой момент встать и уехать. Так можно поступить с девушкой, даже с женой. Но не с ребенком. Какой из меня отец?

Аманда дрожала от волнения. Робин всегда отказывался говорить о браке. Однако сейчас они обсуждали эту тему.

— О, Робин, я думаю, из тебя бы получился прекрасный отец.

— Отец должен находиться возле своего ребенка.

— Твой отец покидал тебя?

— Нет, он работал в офисе и мало ездил. А Китти была хорошей матерью: нами занимались няньки, но она всегда находилась рядом. Как и должно быть.

— Тогда я не понимаю — почему ты уверен, что будешь исчезать?

— Такая у меня работа, детка, — сухо сказал он. — И хотя со мной такого никогда не случалось, знаю, что если бы в детстве отец надолго оставил меня, я бы этого не пережил. Не спрашивай меня, почему, но я это твердо знаю.

— Робин, мы можем пока не заводить детей.

— Тогда зачем нам жениться?

— Чтобы быть вместе.

— Мы и так вместе, за исключением того времени, когда мне надо побыть одному. Как, например, сегодня — мой стол завален почтой. У меня возникло желание выбросить ее в корзину для мусора.

Его голос пропал.

— Что я и сделал. Счета придут снова, думаю, электричество не отключат из-за месячной задержки оплаты.

— Хорошо, почта исчезла. Теперь мы можем провести вечер вместе.

— Аманда, именно поэтому я против брака. Сегодня я хочу побыть один.

Его голос внезапно стал более мягким.

— Теперь ты понимаешь, Аманда? Я не создан для семейной жизни. Мне нравится, чтобы все было так, как сейчас.

— Чтобы можно было предаваться вашим забавам с Айком Рианом?

— С чего это ты его вспомнила? Мы не виделись с ним уже целую вечность.

— А с баронессой? О ней ты тоже не вспоминал целую вечность?

Аманда знала, что все губит, но ничего не могла с собой поделать.

— Аманда, дорогая, еще одна ужасная вещь в браке — это неизбежность объяснений. Мы ничего друг другу не должны. Как насчет завтра? Ты свободна?

— Я освобожусь, — подавленно сказала она.

— Славная девочка.

— Ты вернулся надолго? Или снова куда-то улетаешь?

— Детка, я устал от путешествий. Не хочу никуда уезжать. Останусь здесь до осени.

— Это хорошо.

Ее грусть развеялась.

— Да, я вспомнил, что Джерри Мосс пригласил меня четвертого июля на уикэнд в Гринвич. У него огромный дом с бассейном. Поедешь со мной?

— С удовольствием, Робин.

— Отлично! Значит, до завтрашнего вечера.

Аманда некоторое время сидела, не двигаясь. Полночи не могла заснуть. В девять утра позвонила Джерри Моссу.

— Джерри, мне надо встретиться с тобой. Срочно.

— Наверно, мы увидимся в «Улане». Я встречаюсь там с Робинсом в пять часов.

— Я появлюсь в баре не раньше семи. И я хочу поговорить с тобой одним. Это очень важно!

— Как насчет ленча?

— Нет, в двенадцать у меня съемка. Можно, я приду к тебе в офис? Скажем, в десять?

— Договорились. Я попрошу сварить для тебя кофе.

Аманда сидела за столом напротив Джерри, потягивая кофе. Она рассказала ему о Кристи, дав собеседнику понять, что у них не было физической близости. В каком-то смысле это соответствовало истине — они действительно не были по-настоящему близки. Она покорно лежала на кровати, стиснув зубы.

— Поэтому-то я и пришла к тебе, Джерри,— сказала Аманда.— Только ты способен мне помочь.

— Я? — удивился он.

— Если я поеду с Кристи в Лас-Вегас, мы там поженимся. Если я останусь здесь, я его потеряю.

Джерри кивнул.

— Тебе несложно принять решение. Лучше синица в руках, чем журавль в небе.

— Я не хочу упускать свой шанс, каким бы маленьким он ни был. Робин все лето проведет в городе. Он пригласил меня поехать к тебе четвертого июля.

Джерри, помолчав, произнес:

— Поезжай в Лас-Вегас, милая. Выходи за Криса. Не трать больше времени на Робина.

— Почему ты так говоришь? Он сказал тебе что-то такое, чего я не знаю?

— Нет. Ты слышала об Айке Риане?

— Я все о нем знаю. Но Робин с ним давно не виделся. Он больше не занимается с Рианом этими вещами.

Джерри улыбнулся.

— У меня есть друг. Он психиатр. Когда Робин поведал мне о том, что они вытворяли с Рианом, я рассказал все этому врачу. Он заявил, что Робин, вероятно, ненавидит женщин.

— Это ерунда! — возразила Аманда.— Твой друг даже не знает Робина. У него нет оснований для таких выводов!

— Он встречался с Робинком...

— Ты намекаешь на то, что Робин — гомосексуалист?

Она не на шутку рассердилась.

— Нет. Я лишь хочу сказать, что его друзьями могут быть только мужчины. Женщины нужны ему лишь для секса. На самом деле он их не любит. Даже испытывает к ним враждебность.

— Думаешь, это правда?

— Да. Но, по-моему, ты нравишься Робину — в той мере, в какой женщина вообще способна нравиться ему. Когда-нибудь твоё терпение истощится, и ты сама порвешь с ним.

— Джерри.

В её глазах застыла мольба.

— Помоги мне...

— Чем я могу тебе помочь?

— Не дай мне уехать в Лас-Вегас с Кристи. Ты можешь сказать ему, что я подписала контракт на выступление в рекламной вставке, которая пойдет в эфир летом, когда шоу Кристи заменят другим.

Он посмотрел на девушку.

— Поезжай в Лас-Вегас, Аманда. Кристи Лейн — это твоё будущее, реальная жизнь, дети и возможность работать.

— Джерри... — умоляюще произнесла она. — Это мой последний шанс с Робинком.

— Я считал тебя более сильной, Аманда. Куда делась твоя выдержка? Если бы я так сильно зависел от кого-то, я бы уже давно погубил себя. Откажись от Кристи Лейна. Мечтай о Робине. Ты потеряешь надежного мужа и покой. Если бы тебе было тридцать пять, я бы сказал, что ты не имеешь права так рисковать. Но ты молода и наверняка уже скопила приличную сумму.

— Я не коплю деньги. Не умею это делать.
Джерри пожал плечами.

— Тогда прекрати покупать все эти экстравагантные платья от дорогих модельеров. Мэри покупает вещи в Гринвиче за сорок пять долларов.

— Мэри не зарабатывает сто долларов в час. Не забывай, я выступаю по ТВ в собственной одежде. Быть элегантной — часть моей профессии. Но я боюсь остаться без денег, Джерри. Боюсь бедности.

— По-моему, девушке, которую любят двое мужчин, не следует бояться одиночества. А девушке, зарабатывающей сто долларов в час, не стоит бояться бедности.

Она стиснула руки.

— Джерри, ты был когда-нибудь беден? Я имею в виду, по-настоящему беден? Я — была. Я понимаю Кристи, когда он рассказывает о Майами, о своих выступлениях в дешевых клубах, о том, как давным-давно дал себе слово пробиться в первые ряды. Я родилась в больнице для бедных. Моя мать, финка, работала горничной в дорогом отеле. Вероятно, когда-то она была хорошенькой. Я помню ее худой и усталой. Видно, она приглянулась какому-то богачу, остановившемуся в отеле. Я никогда не видела моего отца. Знаю только, что он был состоятельным человеком, который мог позволить себе провести зиму в Майами и трахать горничную. После моего рождения мы жили в так называемом «Ниггертуне», потому что единственным человеком, пожалевшим мою мать, была цветная девушка, тоже служившая в гостинице. Мы оказались в лачуге со стенами, обмазанными смолой — их можно увидеть, когда едешь в аэропорт. Эта негритянка — ее звали Роза — перед родами отвезла мою мать в бесплатную больницу. А потом мы стали жить вместе с ней. Я называла ее тетей Розой, она — самая добрая женщина из всех, кого я знала. Позже, когда моя мать работала по ночам, тетя Роза готовила мне ужин, следила за тем, чтобы я делала уроки и молилась. Мать умерла, когда мне исполнилось шесть лет. Тетя Роза оплатила похороны. Я осталась с ней. Она относилась ко мне, как к своему ребенку. Заставила меня закончить школу, кормила и одевала. Затем посадила на автобус и отправила в Нью-Йорк с пятьюдесятью скопленными ею долларами.

Аманда замолчала, из ее глаз потекли слезы.

— Уверен, ты с лихвой вернула ей долг, — сказал Джерри.

— Сначала я посылала ей пятьдесят долларов каждую неделю. Но мне и жизни бы не хватило, чтобы отплатить ей за любовь. Спустя полтора года с тетей Розой случился инсульт. Я помчалась во Флориду — это было незадолго до моей встречи с Робинем — и по-

ложила ее в больницу. Мне пришлось преодолеть немалые трудности — пожилую темнокожую женщину взяли туда неохотно. Я нашла одного доброго врача, который помог мне поместить ее в отдельную палату. Она пролежала там шесть недель — с сиделками и лечением это обошлось в четыре тысячи долларов. Попробуй объясни это в налоговой инспекции. «Она — ваша родственница? Иждивенка?» «Нет, просто человек, которого я люблю». Мне говорят, что она получает пособие, около ста пятидесяти долларов, и может лечиться в больнице для бедных. Она не является моей родственницей — тетя Роза не удочеряла меня. Эти бездушные люди смотрят на меня и думают: «Фотомодель, сто долларов в час — да она за день зарабатывает больше, чем я за неделю».

— Где она сейчас? — спросил Джерри.

— В этом-то и проблема. Я не могла оставить тетю Розу одну, даже после того, как ее выписали из больницы. Я пыталась найти человека, который бы ухаживал за ней, но у меня ничего не вышло. Я поместила ее в дом для престарелых, который находится в Лонг-Айленде. Сто долларов в неделю. Все было хорошо, раз в неделю я навещала тетю Розу. Восемь месяцев тому назад — второй инсульт. Мне пришлось перевести ее в другой дом для престарелых — там за ней круглосуточный уход. Теперь я плачу тысячу долларов в месяц.

— И по-прежнему навещаешь ее каждую неделю?

Аманда покачала головой.

— Это слишком тяжело морально. Она меня уже не узнает. Я бываю у нее раз в месяц и на Новый год. После моего приезда в Нью-Йорк я всегда звонила ей тридцать первого декабря. Ужасно переживала из-за того, что линия была постоянно занята. И она скачала: «Деточка, звони мне первого января. Я не хочу, чтобы ты портила себе новогодний вечер, пытаюсь прорваться ко мне».

Аманда откинулась на спинку кресла.

— Я с детства узнала силу денег, Джерри. Они позволили моему неизвестному отцу вовремя убраться из города и прожить жизнь, ни разу не взглянув на меня. Отсутствие денег лишило мою мать возможности бороться. А теперь только деньги дают тете Розе какой-то комфорт. Поэтому, Джерри, я не могу рисковать. Мне нужна надежная опора. Но я имею право хотя бы попытаться получить единственного мужчину, которого люблю! Я не могу выйти за Кристи, не использовав последний шанс с Робинсом.

Джерри подошел к маленькому кабинетному бару и налил виски в два бокала. Протянул один бокал Аманде.

— Аманда, я думаю, что «Олвисо» следует этим летом запустить в эфир рекламные вставки. Я приказываю тебе остаться в городе.

Он коснулся ее бокала своим.

— Я подыграю тебе, милая. За четвертое июля и длинное прекрасное лето. Мы еще повеселимся.

Она улыбнулась через силу.

— Надеюсь. Осенью мне предстоит принять решение.

Лето закончилось. Все ночи она проводила с Робинот. Иногда они уезжали на уикэнд в Гемптон. На День Труда они остались в Нью-Йорке. Поехали в Гринвич-Виллидж, бродили по узким улочкам, долго сидели в кафе на Корнелия-стрит.

Наступил октябрь. Начался новый сезон. «Шоу Кристи Лейна» снова шло в эфир. Передача «Взгляд» открыла свой второй сезон. Кристи требовал, чтобы Аманда назвала дату бракосочетания. Робин опять стал уезжать в командировки. Аманде казалось, будто и не было этого лета. Аманда знала, что, несмотря на обещание, данное Кристи, все останется по-прежнему — она будет тянуть со свадьбой, надеяться и ждать Робина. Она похудела на пару килограммов, которые набрала за лето. Когда Робин возвращался, она чувствовала себя прекрасно. Аманда не могла принять решение — она ждала.

Как ни странно, но именно спонсор вынуждал ее определиться: пятнадцатого января «Олвисо» переводила шоу в Калифорнию до конца сезона.

— Мы появляемся на людях, как муж и жена! — заявил Кристи. — Остановимся в Чикаго и поженимся там.

— Я не собираюсь выходить замуж по дороге куда-то. Если я поеду в Калифорнию, мы поженимся там, — заявила Аманда.

Решение перевести шоу было принято за неделю до рождества, когда Робин находился в Лондоне.

В канун рождества она встретила в «Улане» с Джерри. Его тоже не радовал перевод шоу в Калифорнию. Это означало, что ему придется проводить там немало времени... Они оба безрадостно смотрели на стойку бара с маленькой новогодней елочкой, украшенной бумажными снежинками, а также на гирлянду, висевшую у зеркала. Их глаза встретились. Аманда подняла свой бокал.

— С рождеством, Джерри.

— У тебя утомленный вид, Аманда.

— Мне кажется, будто меня четвертуют, — отозвалась девушка.

Он взял ее за руку.

— Слушай, милая, хватит ждать. Выложи все Робину в Новый год.

— Почему именно тогда? Я не уверена, что увижу его в этот день.

— Разве Крис не приглашен на новогодний коктейль к миссис Остин?

Аманда заставила себя улыбнуться.

— Как же! Он только об этом и говорит. Словно речь идет о приеме в Букингемском дворце.

— В каком-то смысле так оно и есть. Джудит Остин редко приглашает к себе людей из «Ай-Би-Си». Похоже, этот год — исключение. Дентон Миллер удивился, узнав о том, что Робин тоже приглашен. Я узнал, что Робин прилетает в Нью-Йорк тридцать первого декабря. Он сказал, что из-за смены часовых поясов сможет дважды встретить Новый год. Он будет у миссис Остин. Не осмелится проигнорировать ее приглашение.

— А что я должна сделать? — спросила Аманда. — Подойти к нему и сказать: «Сейчас или никогда, Робин»?

— Нечто в этом духе.

— Я не могу это сделать — меня там не будет.

— Как, разве Кристи не пригласил тебя?

— Конечно, пригласил. Но я всегда провожу первый день Нового года с тетей Розой. Я еще не сказала это Крису. Он ничего не знает. Я собираюсь сослаться на головную боль.

— Но ты же говорила, что она даже не узнает тебя, Аманда.

— Верно, но я сижу рядом с ней, кормлю ее — это наш день.

— Какая ей разница, если ты придешь не первого, а второго января?

— Для меня большая.

— Слушай, отправляйся на этот коктейль, Аманда. И поставь Робину ультиматум. Получи от него четкий ответ. Если он скажет «нет», забудь о нем. Два года ожидания — это слишком большой срок, даже если речь идет о таком человеке, как Робин. А тетю ты наведишь второго января.

Аманда задумалась. Потом кивнула.

— О'кей, так я и сделаю.

Она скрестила пальцы.

— За тысяча шестьдесят второй год я либо добьюсь своего, либо погибну! Господи, я сгущаю краски. Джерри, давай выпьем мартини, любимый напиток Робина, и пожелаем этому негодяю, где бы он сейчас ни находился, счастливого рождества!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

На приглашении Джудит Остин было напечатано: «Яичный коктейль с четырех до семи». Крис хотел заехать за Амандой в тридцать, но она настояла на половине пятого.

— Но, детка, нас пригласили к четырем часам.

— Это означает, что никто не приедет раньше пяти. А самые важные персоны появятся в шесть.

Кристи неохотно согласился с ней.

— Откуда мне знать этот светский протокол? Похоже, я действительно нуждаюсь в такой жене, как ты.

К трем часам она примерила шесть различных туалетов. Черное платье шло ей; с ним она сможет надеть перламутровое кольцо и золотые часы — подарок Робина. Все восхищались ими, наверное, из-за их миниатюрности. Ник Лонгворт сказал, что они очень дорогие.

Крис подарил ей на рождество золотой браслет. Аманде он не нравился, но она знала, что должна надеть его. На пластине было выгравировано «Манди и Крис». Очень массивный, он постоянно звенел, когда Аманда задевала им что-то. Он явно не подходил к черному платью.

Она приготовила костюм — точную копию шанелевской модели, изготовленную Орбахом. Даже материал был шанелевским. Но Джудит Остин поймет, что это подделка. Возможно, у нее есть оригинал. Что ж, она идет туда не для того, чтобы поразить миссис Остин. Джерри сказал правду. Она смотрела «Полуночные новости». Там показали Робина, в шесть утра прилетевшего в «Айдлуайлд».

Она все продумала. Ей не составит труда ускользнуть от Кристи на этом приеме. Она подойдет к Робину и скажет ему: «Мне надо срочно поговорить с тобой». Они встретятся после того, как Кристи отвезет ее домой. И сегодня вечером все решится. Кристи думал, что она поедет на Западное побережье, но Джерри передал ей контракт, который она могла не подписывать до конца недели. О господи, ее план должен сработать. За последние несколько недель она открыла для себя в Кристи неизвестные ей прежде черты. Он вовсе не был простоватым добродушным размазней. Порой, особенно когда вопрос касался денег, он проявлял поразительную расчетливость и хладнокровие. Вчера вечером его невыразительные глаза вдруг стали холодными.

— А ты себе на уме, куколка. Лу Голдберг предупредил меня насчет тебя. Он считает, что ты специально тянешь со свадьбой.

— Не понимаю.

— Ты хочешь, чтобы мы поженились в Калифорнии. Там свои законы о собственности. В случае развода ты получаешь половину.

Поскольку такая мысль не приходила Аманде в голову, она искренне удивилась.

— Если я выйду за тебя, то навсегда.

— Ну конечно.

Он усмехнулся.

— И все мое будет твоим — как только у нас появится малыш.

Лу Голдберг прибыл в Нью-Йорк после рождества. Он оказался симпатичным человеком, разменявшим седьмой десяток. Аманда пыталась быть с ним приветливой, но она была плохой актрисой, и его острый глаз тотчас заметил все — и то, как она «позволяла» Кристи держать себя за руку, и ее холодность.

Завтра ей следует навестить тетю Розу. Первого января в доме для престарелых будет много посетителей. Вдруг санитарка не покормит тетю Розу обедом, решив, что сегодня к ней придет Аманда? Ладно, она на всякий случай позвонит туда от Остинов.

Когда они вошли в городской дом Остинов, там уже находилось человек двадцать. Роскошь интерьера производила впечатление. Дворецкий, приняв у Аманды и Криса шубы, провел их в просторную гостиную. Аманда узнала одного сенатора, нескольких представителей высшего света и кинозвезд, а также ведущего комика из «Си-Би-Эс». Она читала, что «Ай-Би-Си» пытается переманить его к себе. Еще она увидела Дентона Миллера; в углу Айк Риан серьезно беседовал с миссис Остин. Аманда тотчас узнала его. Недавно Айк Риан ярким метеором ворвался в жизнь Голливуда. Его броский стиль стал предметом подражания. Первая американская кинокартина Риана находи-

лась на стадии монтажа. Он привлек к себе внимание прессы, пригласив сниматься в своем фильме одну из самых известных красавиц Голливуда. Она немедленно ушла от своего мужа; у нее начался бурный роман с Айком. Как только съемки завершились, Риан сразу бросил девушку и занялся молодой «звездочкой», которой обещал роль в своей новой картине. Брошенная актриса наглоталась снотворного; ее спасло только то, что в последний момент она позвонила своему мужу. Спустя несколько недель юная «звездочка» также попыталась совершить самоубийство с помощью таблеток. Ее спас Аик, которому она успела вовремя позвонить. Интервью с Рианом замелькали на первых страницах газет — он клялся, что приехал в Голливуд снимать фильмы, а не крутить романы. Роль любовника его уже не интересует, заявил он. Риан когда-то женился на девушке, с которой вместе учился в ньюаркской школе. Они развелись пять лет тому назад. Сейчас он всецело поглощен своей работой. Конечно, он иногда увлекается — даже часто. Но это быстро проходит.

Он обладал мужественной красотой. Его мать была наполовину еврейкой, отец, в прошлом второразрядный боксер, — ирландцем. Аик рассказывал о них репортерам, утверждая, что вобрал в себя лучшие черты обоих родителей. Аманда решила, что ему около сорока лет. На висках Айка начинала пробиваться седина. Короткий вздернутый нос придавал мальчишеский вид его загорелому лицу с мощной челюстью. Похоже, Джудит Остин была очарована Рианом.

Это удивило Аманду. Джудит была ее идеалом. На стройной, элегантной, со стянутыми в тугую пучок пепельными волосами миссис Остин было «домашнее» платье из бархата. Аманда видела его в журнале «Мода» и знала, что оно стоит тысячу двести долларов. Она заметила, что на миссис Остин очень мало драгоценностей — только в ушах висели перламутровые серьги. Потом Аманда обратила внимание на кольцо с огромным бриллиантом, который весил не менее тридцати каратов.

Они с Кристи чувствовали себя одиноко в заполненной людьми комнате. Дентон Миллер, увидев Аманду и Кристи, подошел к ним и завел светский разговор. Кристи, не желая отпускать от себя Дентона, принялся обсуждать рейтинги передач.

Аманда обвела взглядом гостиную. Дом Остинов был великолепен. Как бы обрадовалась тетя Роза, если бы увидела сейчас свою воспитанницу! Аманда внезапно вспомнила о доме для престарелых. Извинившись перед Кристи и Миллером, она спросила у дворецкого, где находится телефон. Он отвел ее в библиотеку и закрыл дверь. Аманда осмотрелась по сторонам, потрясенная величавой роскошью интерьера. Подошла к телефону и потрогала его. Похоже, аппарат был французским. Картонка, на которой обычно пишут номер телефона, была чистой. Конечно, номер не значится в справочнике. Она посмотрела на фотографию Джудит в серебряной рамке, потом склонилась над ней. На фотографии стояла подпись — «Консуэло». Почерк был с необычным левым наклоном — так пишут светские женщины. Ну конечно, это родная сестра Джудит, княгиня. Консуэло и миссис Остин были двойняшками. Аманда набрала номер дома для

престарелых. Там было
серебряную сигаретниц
были вставлены фотогр
мерно десяти и двена
дестные дебютантки, б
позвонила в дом для п
Дверь открылась. В
— Я увидел, как
я тотчас отправился в
Своим ничего не в
ему, что не помнит э
тоном:

— Я зашла сюда
Он махнул рукой.
— И я хотел сде
паратом?

Не успела Аманда
нялся набирать номе

— Вы свободны

Она покачала гол

Он принялся сно

— Тогда я сдел

все очень серьезно
мились.

— Я рекламиру

Говорил ли когд

Его абонент отв

— Привет, доро

Высылаю за тобой

жем пойти в рестор

Ну конечно. Иначе

позвонить тебе? О

Он положил тр

— Слышали, ч

Она еле заметн

Риан разгляды

— Вы мне нра

— Я никому н

форнии в телевиз

я пришла сюда, к

Он улыбнулся.

— Где вы ост

— В «Беверли

— Если поед

— Да, есть. Н

— А каков э

— Эфшер?

Аик улыбнул

престарелых. Там было занято. Она села, открыла лежащую на столе серебряную сигаретницу и закурила. В другую серебряную рамку были вставлены фотографии двух дочерей Консуэло — девочек примерно десяти и двенадцати лет. Сейчас, вероятно, они уже престарелые дебютантки, беззаботно живущие в Европе. Аманда снова позвонила в дом для престарелых. Опять занято.

Дверь открылась. Вошел Аик Риан. Он улыбнулся.

— Я увидел, как вы ушли. Как только мне удалось освободиться, я тотчас отправился искать вас. Меня зовут Аик Риан. В прошлом году мы встречались в «Пристанище Денни».

Своим ничего не выражающим взглядом Аманда хотела сказать ему, что не помнит этого инцидента. Затем она произнесла сухим тоном:

— Я зашла сюда позвонить, но номер занят.

Он махнул рукой.

— И я хотел сделать то же самое. Можно, я воспользуюсь аппаратом?

Не успела Аманда ответить, как он подошел к телефону и принялся набирать номер. Не закончив, повернулся к Аманде.

— Вы свободны после этой вечеринки?

Она покачала головой.

Он принялся снова набирать номер.

— Тогда я сделаю этот звонок. Похоже, у вас с этим шутлом все очень серьезно. Вы были с ним у Денни, когда мы познакомились.

— Я рекламирую продукцию спонсора в «Шоу Кристи Лейна».

Говорил ли когда-нибудь Робин о ней Аику Риану?

Его абонент ответил.

— Привет, дорогая, хочешь пообедать со мной в девять часов? Высылаю за тобой машину. Нас пригласили на три вечеринки. А можем пойти в ресторан. Все будет зависеть от моего настроения. Что? Ну конечно. Иначе разве бы я прервал обсуждение контракта, чтобы позвонить тебе? О'кей, детка.

Он положил трубку и повернулся к Аманде.

— Слышали, чего вы лишились.

Она еле заметно улыбнулась.

Риан разглядывал ее.

— Вы мне нравитесь. Большинство девушек вешается мне на шею.

— Я никому не вешаюсь на шею. Я собираюсь выступать в Калифорнии в телевизионных рекламных вставках. А «шут», с которым я пришла сюда, к вашему сведению, влюблен в меня.

Он улыбнулся.

— Где вы остановитесь на Западном побережье?

— В «Беверли Хиллз», если поеду...

— Если поедете? Я думал, у вас есть контракт.

— Да, есть. Но я его еще не подписала.

— А каков эфшер?

— Эфшер?

Аик улыбнулся.

— Это еврейское слово. Его употребляла моя мама. В переводе оно много теряет, но я попытаюсь объяснить вам его значение. Моя сестра была страшненькой, пока я не заставил ее изменить форму носа. После операции она нашла себе мужа. Но раньше у нее никогда не было кавалеров. Однажды она собралась отправиться на уикэнд в Гроссинджер с подругами, такими же некрасивыми, как и она. Представьте себе еврейских девственниц, которым перевалило за двадцать пять. Все — неврастенички. Настоящие неудачницы, потерявшие надежду. Так вот, моя сестра положила в сумку старые джинсы, теннисную ракетку, купальный костюм, а мама спросила: «Ты не берешь с собой ни одного нарядного платья?» Сестра ответила: «Слушай, мама, я уже бывала в тех краях. Там нет свободных мужчин. На этот раз я еду просто отдыхать. Поиграю в теннис. Не буду ничего искать». Тогда мама выбрала самое красивое платье моей сестры, положила его в сумку и сказала: «Возьми, эфшер».

Аманда рассмеялась. Она почувствовала, что ее неприязнь к Айку Риану проходит.

— Поняли? — спросил он. — Эфшер означает «а вдруг» — слабую надежду, маленький шанс. Есть ли у меня эфшер, милая?

Затем, словно почувствовав, что ее отношение к нему меняется, он добавил:

— Вы не передумали насчет сегодняшнего вечера? Я могу в любой момент отменить ту встречу, о которой только что договорился.

— Я никогда не отменяю свиданий, — сказала она.

— Я — тоже, если человек мне дорог.

Он пристально посмотрел на нее. Затем улыбнулся.

— Приезжайте на Запад. Уверен, у нас есть будущее.

С уходом Айка библиотека как-то сразу опустела. Аманда посмотрела на часы. Шел седьмой час. Робин, вероятно, уже приехал. Она снова позвонила в дом для престарелых. Опять занято! Аманда проверила свой макияж и вернулась к гостям, решив, что дозвонится позже.

Большая зала, гостиная и столовая были заполнены людьми. В поисках Робина Аманда обошла все три комнаты. Она увидела Криса, словно приросшего к одному месту, он все еще разговаривал с Дентоном Миллером. Дентон, казалось, при появлении Аманды испытал облегчение и тотчас куда-то ушел.

— Где ты пропадала? — спросил Кристи, когда они остались одни.

— Поправляла прическу, — сухо ответила она.

— Ты отсутствовала двадцать минут.

— Если ты такая большая звезда, где же твои поклонники?

Кристи посмотрел на знаменитостей, находившихся в комнате.

— Странно, — вздохнул он. — Я знаю всех гостей, но я с ними не знаком. Пойдем отсюда, куколка. Я здесь чужой.

— Крис, сделай хотя бы вид, что ты получаешь удовольствие от вечеринок.

— Зачем? Где это написано, что я обязан получать от нее удовольствие? Подумаешь, пригласили нас сюда — Эдди Флинн тоже

пригласил нас на свою вечеринку. Он устраивает ее в своем «люксе» в «Эдисоне». Там будут артисты из «Копы». Это в честь Агнес — она уходит из «Латинского квартала» и едет с Эдди на Западное побережье. У Эдди хоть можно будет посмеяться.

Она посмотрела на дверь. Ее сердце забилося чаще. Нет, это был другой высокий мужчина...

В четверть седьмого Аманда сдалась и позволила Крису повести ее к Эдди. Девушки из «Латинского квартала» и «Копы» ушли на свои вечерние шоу. Аманда, опустившись на диван, принялась пить виски. Кристи расслабился — здесь он чувствовал себя как дома. Он принес Аманде сэндвичи с говядиной.

— Эй, куколка, это лучше, чем деликатесы Остинов.

Она отказалась от сэндвичей и снова налила себе виски.

— Тебе надо поесть, — предупредил девушку Кристи, засовывая сэндвич себе в рот. — Я съел три штуки и не хочу обедать.

— Я не голодна, — сказала Аманда.

Агнес села на диван рядом с Амандой.

— Боишься испортить фигуру? Ты совершаешь большую ошибку. Это не мясо, а объедение.

— Просто я не голодна.

От виски Аманду стало клонить в сон, она зевнула.

Агнес посмотрела на нее с сочувствием.

— Не выпалась в новогоднюю ночь?

— Немного. Кристи выступал в Большом зале «Уолдорфа».

— Год назад я, Эдди и Крис попали в «Фонтенебло». Нет, мы там не жили. Кристи пел в ночном клубе. Это еще было до того, как его шоу пошло на ТВ. Знаешь, что я тебе скажу? Мы жили тогда веселее. Смеялись от души.

— Я не люблю Новый год и другие праздники, — призналась Аманда.

К одиннадцати часам она сильно опьянела. Кристи хотел пойти куда-нибудь выпить кофе, но потом согласился отвезти ее домой.

Он попросил таксиста подождать и проводил Аманду до двери. Она наконец приучила Кристи к этому проявлению вежливости, которое казалось ему нелепым.

— Наверно, ты получаешь удовольствие, слушая, как щелкает счетчик, — сказал он.

— У Айка Риана автомобиль с шофером.

— Он арендует его, — выпалил Кристи.

— Но Риан не пользуется такси.

— Настанет день, когда я буду платить восемь долларов в час шоферу, чтобы он сидел без дела и слушал музыку.

Кристи торопливо поцеловал Аманду, помня о включенном таксометре.

— Когда мне стукнет шестьдесят, у нас будет все. А такой тип, как Риан, к тому времени может вылететь в трубу.

Спотыкаясь, она вошла в квартиру. Аманду слегка подташнивало; у нее не на шутку разболелась голова. Она набрала номер телефонистки. Да, был один звонок — из дома для престарелых. Ну конечно —

там ее ждали. Первого января Аманда раздавала сиделкам и медсестрам двадцатидолларовые купюры.

Но Робин не звонил! Да, больше нет — как это называется? — эфшера. Она поедет в Калифорнию. Выйдет за Криса! Внезапно Аманда замерла. Калифорния! А кто будет навещать тетю Розу? Она приходила к ней раз в месяц — всегда в разные дни, в разные часы. Проверяла, все ли в порядке. Если она уедет, сиделки уже не будут так ухаживать за тетей Розой, как сейчас. Почему эта мысль не пришла к ней раньше? Наверно, потому что она не верила в реальность этой поездки. Аманда даже никому не сдала свою квартиру. Она надеялась остаться с Робинем.

Задумавшись на мгновение, она позвонила домой Джерри. Его жена подняла трубку. Аманда извинилась за поздний звонок, объяснив, что у нее срочное дело к мистеру Моссу.

— Джерри, я не смогу поехать в Калифорнию.

Он, похоже, обрадовался.

— Получилось? Я не зря советовал поставить ему ультиматум!

— Он там не появился, — медленно произнесла Аманда.

— Тогда почему ты не едешь в Калифорнию?

— Робин тут ни при чем, — устало объяснила Аманда. — Джерри, я только что вспомнила. Я так много думала о себе, о Робине, о Кристи, что совсем забыла о тете Розе.

— Я уверен, на Западном побережье есть хорошие дома для престарелых.

— Но, Джерри, как я перевезу ее туда?

— Заставь Кристи нанять частный самолет. Пусть ее сопровождает медсестра.

— Он не знает о тете Розе. Я не представляю, как он отреагирует.

— Слушай, Аманда — Крис проделал нелегкий путь. Его уважение к тебе только возрастет. Он будет счастлив помочь тебе.

— О, Джерри, если он согласится, я постараюсь полюбить его. Буду к нему добра. Сделаю Кристи счастливым. Я позвоню ему прямо сейчас.

Телефон Кристи молчал. Он мог находиться в «Копе», «Сцене», «Линди» или в «Тутс Шор». Аманда обзвонила все эти бары и наконец нашла Кристи в «Тутс Шор».

— Крис, ты можешь приехать ко мне? Я хочу поговорить с тобой.

— Куколка, я сижу с Тутсом, к нам только что подошел Ронни Вулф. Я хочу попасть в его колонку.

— Мне надо поговорить с тобой.

— Тут полный сбор. Стены дрожат. Куколка, возьми такси и приезжай.

— Крис, я не могу говорить при посторонних. Это касается нас, нашего будущего, и очень важно.

— Господи, вчера мы весь вечер были вместе. У Остинов ты стояла, как фонарный столб. Почему тогда не поговорила со мной? Нам никто не мешал.

— Ты приедешь, Крис?

— Куколка, я буду у тебя через полчаса.

— Нет.

Виски подействовало на Аманду. У нее закружилась голова.

— Приезжай прямо сейчас, пока я не заснула. Это важно.

— Хорошо, еду.

— Поторопись.

— Можно, я загляну на секунду в туалет?

Она положила трубку. Затем разделась. Он, вероятно, захочет лечь с ней в постель. Если Кристи организует переезд тети Розы в Лос-Анджелес, устроит ее в хороший дом для престарелых, он сможет спать с ней каждую ночь. Она даже постарается отвечать на его ласки.

Аманда надела халат, причесалась, подкрасилась и вставила диафрагму.

Наконец появился Кристи. Он снял пальто, обнял Аманду и начал целовать ее.

— Крис, потом. Я хочу поговорить с тобой.

— Мы поговорим, но после того, как...

Он развязал пояс ее халата. Потом вдруг замер.

— О'кей, ты победила. Я не хочу заниматься любовью со статуей.

Лучше прочить, глядя на «Плейбой».

Она запахнула халат и прошла по комнате.

— Сядь, Крис, мне надо многое тебе рассказать.

Он слушал ее, затаив дыхание. Она поведала ему все. Ничего не утаила. Его глаза округлились, затем он сочувственно покачал головой.

— Бедняжка, на твою долю выпало не меньше моего.

На глазах у Аманды выступили слезы.

— Так ты поможешь мне, Крис?

— Каким образом, куколка?

— Перевези тетю Розу на Западное побережье!

— Ты, верно, шутишь! Знаешь, во сколько это обойдется? Мы не можем посадить безумную больную старуху на самолет!

— Не смей говорить так о тете Розе!

— Хорошо! Даже если бы она была в полном разуме, все равно человека, перенесшего инсульт, нельзя посадить на обычный самолет.

— Ты можешь нанять частный самолет.

— Конечно, за несколько тысяч долларов!

— У тебя есть деньги.

Он посмотрел на нее. Затем встал и принялся ходить по комнате. Резко повернулся и ткнул в Аманду указательным пальцем.

— Ты сошла с ума! У меня есть двоюродный брат. Однажды он попросил меня одолжить ему две тысячи долларов. Он хотел купить долю в бизнесе. Я отказался сделать это. Знаешь, почему? Потому что я похож на тебя. Никто не помогал Кристи. Мои родители были бедны. Отец выступал в бурлеске. Он изменял матери, а она платила ему тем же. Они развелись, каждый вступил в новый брак. Я им был не нужен. С двенадцати лет меня предоставили самому себе. У меня есть сводный брат. Я не даю ему ни цента! Потому что твердо

знаю: окажись брат на моем месте, а я — на его, он бы не стал мне помогать.

— Значит, ты этого не сделаешь? — сказала Аманда.

— Черт возьми! А потом, когда мы поженимся, ты захочешь взять тетю Розу к нам вместе с носилками.

— Если ей станет лучше, почему нет?

— Потому что я не позволяю моим родственникам доить меня и не собираюсь тратить деньги на старую женщину, которую никогда не видел. Это обойдется тысяч в десять!

— Возможно, — сухо сказала она.

— Тебе известно, каким трудом мне достаются десять тысяч?

— Такую премию ты получаешь еженедельно.

Его глаза сузились.

— Ты что, справлялась о моем финансовом положении в фирме «Дан и Брэдстрит»?

— Всем известно, что спонсор каждую неделю доплачивает тебе такую сумму. Ты сам приложил усилия к тому, чтобы эта информация попала во все газеты.

— Семьдесят процентов моих доходов забирает государство. Понимаешь? Чтобы выложить десять тысяч, я должен заработать целое состояние.

— Хорошо, Крис, пожалуйста, уходи.

Он подошел к Аманде и схватил ее за плечи.

— Куколка, я люблю тебя. Я не жмот. Если бы у нас заболел ребенок, я бы, не задумываясь, потратил десять тысяч на врача. Все, что у меня есть, будет принадлежать тебе и нашему малышу. Но не родственникам. Тем более — людям, которые ими не являются.

— Она для меня все равно что мать!

— Ерунда! — взорвался Кристи. — Только со мной могло случиться такое! Я думал, что нашел самую прекрасную девушку на свете. И вдруг ты сажаешь мне на шею цветную старуху — если бы она хотя бы была здоровой, я мог бы взять ее в качестве прислуги! Куколка, когда ты заявляешь, что хочешь поговорить со мной, ты не размениваешься на мелочи!

— Уходи, Кристи.

— Я уйду, но ты все обдумай перед сном. И не делай вывод, что я не люблю тебя. Я тебя обожаю. И я отнюдь не сноб. Я думал, что ты из какой-то непростой семьи. И я еще испытывал перед тобой стыд за свое происхождение. А теперь ты хладнокровно заявляешь мне, что ты — незаконнорожденная, что тебя вырастила чернокожая горничная, и это меня не смущает. Я все так же люблю тебя и хочу на тебе жениться. Я не навязываю тебе моих многочисленных родственников, и ты не делай этого. Когда мы поженимся, мы будем тратить деньги на нашего малыша. Да, вот что, Манди. Он замолчал.

— Господи, теперь даже это имя звучит паршиво. Потом ты заявишь, что хочешь назвать нашего сына Растусом. Отныне никто не будет называть тебя Манди — только Аманда. Это, верно, выдумка тети Розы?

— Нет, — тихо
Когда я стала фото
его на Аманду. Ро
«Аманда» ассоции
Ковард.

— Да, верно —
Слушай, куколка,
артистами. Они б
изменится. Надек
бороться с расизм
соединюсь к нем
только дырах не
туда. Но я доби
его плодами! Но
моему сводному

Он взял свое
— Мы забуд
о тете Розе. Ты
хорошо.

Он закрыл за
Несколько ми
и налила себе ви
это доказывает
роскошь, как л
о личном успехе
Лейном и Робин
ее работой. Тег
Кристи. Она бу
за приличного ч
Аманда приняла
телефон.

Будильник
болью. Она пр
ей кто-нибудь,
сулили ничего,
Она села
леньком холле
женщин смотре
для детей. Д
собой. Санита
Аманда по
третьего этаж
Аманда от
Мисс Сти
у женщины б
— Мы зв
— Я тож
Линия была

— Нет, — тихо возразила Аманда. — Мое настоящее имя — Роза. Когда я стала фотомodelью, Ник Лонгворт предложил мне заменить его на Аманду. Роза Джонс — это звучало плохо. По его мнению, «Аманда» ассоциируется с чем-то английским, например, с Ноэль Ковард.

— Да, верно — пока я не узнал о драгоценной тетушке Розе. Слушай, куколка, я переодевался в одних примерных с цветными артистами. Они были моими друзьями. Когда-нибудь наше общество изменится. Надеюсь, это произойдет. Но я не готов в одиночку бороться с расизмом. Пусть лидером станет кто-то другой, а я присоединюсь к нему. Всю мою жизнь я находился внизу. В каких только дырах не выступал! Многие парни так и не выбрались оттуда. Но я добился успеха. И я предлагаю тебе воспользоваться его плодами! Но только тебе! Ни твоей тете, ни моему кузену, ни моему сводному брату — все нам одним.

Он взял свое пальто и направился к двери.

— Мы забудем этот вечер, поняла? Его не было. Я не знаю о тете Розе. Ты — Аманда, ведущая фотомodelь. У нас все будет хорошо.

Он закрыл за собой дверь.

Несколько минут Аманда просидела, не двигаясь. Затем она встала и налила себе виски. Как ни странно, она понимала Кристи. Что ж, это доказывает лишь одно — она не может позволить себе такую роскошь, как любовь. Никому ни до кого нет дела. Все мечтают о личном успехе. Она больше никогда не станет встречаться с Кристи Лейном и Робинот Стоуном! Уйдет из шоу, попросит Ника завалить ее работой. Теперь она больше не испытывала чувства вины перед Кристи. Она будет работать, заботиться о тете Розе, выйдет замуж за приличного человека, который сможет поставить на ноги ее ребенка. Аманда приняла таблетку снотворного, завела будильник и выключила телефон.

Будильник зазвенел в девять утра. Аманда проснулась с головной болью. Она протянула руку к телефону, чтобы узнать, не звонил ли ей кто-нибудь, но потом передумала. Если звонки и были, они не сулили ничего, кроме лишних неприятностей.

Она села в такси и поехала в Куинс. Половина кресел в маленьком холле дома для престарелых пустовала. Несколько пожилых женщин смотрели телевизор. Одна старушка разгадывала кроссворд для детей. Другая просто сидела, уставясь в пространство перед собой. Санитар убирал осыпавшуюся новогоднюю елку.

Аманда подошла к лифту, шагнула в кабину и нажала кнопку третьего этажа. Она всегда появлялась без предупреждения.

Аманда открыла дверь комнаты. На кровати лежал один матрас. Мисс Стивенсон, старшая сиделка, подскочила к Аманде. Вид у женщины был взволнованный.

— Мы звонили вам вчера вечером, — сказала она.

— Я тоже пыталась вам дозвониться, — отозвалась Аманда. — Линия была занята. Куда вы перевели тетю Розу?

Внезапно Аманду охватил страх.

— Она умерла, — произнесла мисс Стивенсон.

Аманда закричала. Затем она бросилась к женщине и вцепилась в ее халат.

— Что случилось? Как это произошло?

— В шесть вечера, когда мы принесли ей обед, она вдруг села в кровати. Ее глаза блеснули. Она спросила: «Где моя маленькая Роза?» Мы объяснили ей, что вы скоро придете. Она сказала: «Я буду есть с моей маленькой Розой. Не хочу обедать одна. Когда она вернется из школы, мы поедем вместе».

Аманда заплакала.

— Она вспомнила прошлое. Но она могла меня узнать.

Мисс Стивенсон пожала плечами.

— Когда мы решили, что вы уже не придете, мы попытались накормить ее. Но она повторяла: «Я жду мою крошку». В восемь часов мы снова зашли к ней. Она сидела в том же положении, в каком мы оставили ее. Она была мертва. Мы позволили вам...

— Где она сейчас? — спросила Аманда.

— В морге.

— В морге!

— Мы не могли держать ее здесь.

Аманда побежала к лифту. Мисс Стивенсон последовала за ней.

— Я дам вам телефон похоронной конторы. Вы можете обо всем договориться отсюда.

Она заказала церковную службу и кремацию. Вернувшись домой, выключила телефон и уснула.

Когда на следующий день Аманде позвонил Джерри, она рассказала ему о том, что случилось.

Джерри попытался скрыть чувство облегчения, но сказал, что тепер у нее одной проблемой меньше.

— Ты сможешь поехать в Калифорнию со спокойной совестью.

— Да, Джерри.

За вечер она выпила целую бутылку виски. Затем посмотрела на себя в зеркало. «Вот и все. Теперь ты осталась одна! Никому нет до тебя дела. Будь проклят этот мир!»

Упав на кровать, Аманда заплакала.

— О, Робин, Робин, где же ты? Что ты за человек? Я ждала тебя на том приеме, а тетя Роза ждала меня. Я должна была пойти к ней — она бы узнала меня, умерла бы на моих руках, зная, что ее любят.

Она уткнулась лицом в подушку.

— Я ненавижу тебя, Робин Стоун! Я ждала тебя, а тетя Роза тем временем умирала. Где же ты был?

Он смотрел бейсбольный матч. Вернувшись к семи часам утра домой, рухнул в постель и проспал до полудня. Проснувшись, подошел в холодильник, вынул оттуда пару крутых яиц и банку пива. Отнес все это в гостиную, включил телевизор и вытянулся на диване.

С помощью пульта пробежался по всем каналам. По «Ай-Би-Си» транслировали начало футбольного матча. Вечные фанфары, прогнозы, интервью с очередной мисс «Цветок апельсина». Все эти похожие одна на другую длинноногие, загорелые красотищи выглядели так, словно были вскормлены апельсиновым соком. Эту девушку мать определенно кормила в детстве не молоком, а апельсиновым соком. Ровные белые зубы, чистые волосы, нервная улыбка. Да, ей достанется день славы, неделя популярности и несколько газетных вырезок, которые она будет показывать своим детям.

Он смотрел на девушку почти без интереса. Она сказала, что хочет иметь много, много детей. Вот было бы здорово, если бы одна из них заявила: «Я хочу просто трахаться!» Он пожалел журналистку, которая брала интервью. Он видел только ее шею и затылок. Но у нее был приятный голос. Потом на экране мелькнул профиль журналистки, которая сообщила: «Интервью у Доди Касл, «Мисс «Цветок апельсина-62», брала Мэгги Стюарт. А теперь к вам возвращается Энди Парино».

Энди интервьюировал известного в прошлом футболиста. Робин переключился на «Си-Би-Эс», потом на «Эн-Би-Си». Его что-то тревожило. Посмотрев фильм по одиннадцатому каналу, он задремал. Проснувшись, Робин выключил телевизор и стал набирать номер Аманды, но потом положил трубку. Наверно, ее нет дома, к тому же он собирался постепенно свести их отношения на нет. Он устал... Погода в Лондоне была отвратительной, но та англичанка оказалась весьма опытной дамой. Когда он познакомил ее с баронессой, она быстро вписалась в их компанию. Аик Риан обучил его новой игре. Это была не оргия, а обыкновенный групповой секс. У Айка Риана была своя методика вовлечения девушки в оргии. Переспав со своей жертвой, он предлагал ей потрахаться с его другом, а сам наблюдал за происходящим. Потом укладывал ее в постель с другой женщиной. Прошедшая подобную обработку девушка забывала про всякие капризы типа «Почему ты не даришь мне цветы?» Если сорвать с женщины флер благовоспитанности, она опустится до своей природной сущности. Станет шлюхой.

Возможно, ему, Робину, следует проделать это с Амандой. Тогда она перестанет заводить разговор о браке. Но что-то в нем восставало против этой идеи. Он чувствовал, что она пойдет на все, чтобы удержать его. Но для нее, в отличие от англичанки и баронессы, это не пройдет бесследно. Он не хотел причинять Аманде боль. Господи, сначала все было прекрасно. Но потом ему стало казаться, что она постоянно находится на грани истерики. Да, пора поставить точку. Он дал ей массу поводов для разрыва — Робин всегда предпочитал, чтобы девушка уходила сама; тогда хотя бы ее гордость не страдала. Вдруг у Аманды и правда что-то получится с Кристи Лейном?

Робин снял трубку и набрал номер коммутатора «Ай-Би-Си». Он застал Энди в аппаратной и пожелал ему счастья в Новом году.

— Как тебе «Мисс «Цветок апельсина»? — спросил Робин.

— Немного плосковата, да и ноги у нее Х-образные, — отозвался Энди.

— На экране она выглядит неплохо.

— Это заслуга Мэгги.

— Мэгги?

— Мэгги Стюарт — наверно, ты видел лишь ее затылок. Она — просто чудо!

Робин улыбнулся.

— Похоже, между вами что-то есть.

— Ты прав. Я бы хотел, чтобы вы познакомились. Почему бы тебе не приехать сюда на несколько дней? Тебе нужен отпуск. Поиграем в гольф.

— Мне никогда не бывает нужен отпуск. Я наслаждаюсь каждым днем. Только что вернулся из Европы с великолепными записями. Теперь хочу сделать «прямой эфир». Слушай, дружище, не женись на этой девушке, пока я ее не увижу!

— Я бы женился на ней завтра, если бы она согласилась.

— Энди, я готов поспорить на что угодно, что она ничем не отличается от прочих девушек.

— Ты ошибаешься! — горячо возразил Энди.

— С Новым годом, простофиля, — Робин положил трубку.

Он закурил сигарету. Вспомнил о вечерах, когда они с Энди бродили по Семьдесят девятой улице, заглядывая во все бары; однажды они сняли двух девушек, а ночью махнулись ими...

Робин надел пальто и вышел из дома. Спустился по Третьей авеню до Сорок второй улицы. Добрался до Бродвея. Перед ним засверкали неоновые огни пиццерий и кинотеатров.

Поровнявшись с одним из них, он купил билет и вошел внутрь. Какой-то мужчина поднялся со своего кресла и подсел к нему. Через несколько минут Робин почувствовал, что на ногу ему накинули плащ. Затем робкая рука коснулась его бедра. Он встал и сменил место. Спустя пять минут рослая молодая негритянка со светлым париком прижалась к его плечу.

— Хочешь получить удовольствие, милый? Прямо здесь. Я прикрою твой член своим пальто. У меня нежные пальчики. Пять долларов за ручную работу.

Он снова пересел. Его соседями оказались две молоденькие девушки. Внезапно одна из них прошептала:

— Дай мне десять долларов.

Робин посмотрел на нее, как на сумасшедшую. Подружкам было не больше пятнадцати лет.

— Дай мне десять долларов, не то я закричу на весь зал, что ты меня лапаешь. У тебя будут неприятности: я — несовершеннолетняя.

Он встал и бросился прочь из кинотеатра. Миновал несколько кварталов. Заглянул в ночное кафе выпить чашку кофе. Опустил руку в карман. Бумажник исчез. Чья это работа? Гомика с плащом? Цветной проститутки? Дебильных соплюшек? Он поднял воротник и отправился домой.

Посетители бара
уже расходились, н
заказать междугор
Ему не нравился
Они не зря перевер
стояло провести е
и одиночества.
Поднявшись к
вало то, что перед
его присутствия в
был готов даже те
Телефонистка
снял заказ. В пол
дой в «Чейзене». Э
соглашалась куда-
Ее номер находил
двери Аманды каж
табличка «Не бес
Лейн возненавидел
в половине одина
доме, играя в дж
ствовал себя неу
сажают за плохи
сочетание в день
расстроенный и м
свадьбы тотчас во
месяц. Кристи в
рились поженить
перед летом.

Аманда немно
других вечеров в
не ходила на кон
он носился по
они завершали в
там каких-нибудь
посиделкам за ч
и последний при
что после этого
устраивало — зд
Но Аманда,
глядела лучше, ч
Казалось, будто
вушки. Аманда
но что-то в их о
точно малознак
с ним. Она вс

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Посетители бара «Поло», находящегося в отеле «Бeverли Хиллз», уже расходились, но в зале было еще шумно, и Джерри не решался заказать междугородний разговор. Он позвонит из своего номера. Ему не нравился этот город, но шоу уже занимало второе место. Они не зря перевели его на остаток сезона сюда. Однако им предстояло провести еще три месяца в краю слепящего солнца, пальм и одиночества.

Поднявшись к себе, он заказал разговор с Мэри. Джерри радовалось то, что передача, заменявшая «Шоу Кристи Лейна», требовала его присутствия в Нью-Йорке. Он проведет там целую неделю. Джерри был готов даже терпеть поездки в электричке.

Телефонистка сообщила, что номер в Гринвиче занят. Джерри снял заказ. В половине девятого он встречался с Кристи и Амандой в «Чейзене». Это был один из тех редких случаев, когда Аманда соглашалась куда-нибудь пойти. Обычно она к вечеру сильно уставала. Ее номер находился дальше по коридору от комнаты Джерри. На двери Аманды каждый вечер ровно в половине девятого появлялась табличка «Не беспокоить». Конечно, она много работала. Кристи Лейн возненавидел Калифорнию. Он говорил, что жизнь тут замирает в половине одиннадцатого. Вечера он проводил в снятом им большом доме, играя в джин с Эдди Флинном и Кенни Дитто. Кристи чувствовал себя неуютно в Калифорнии. Ему казалось, что его везде сажают за плохие столики. После отказа Аманды устроить бракосочетание в день святого Валентина Кристи несколько недель ходил расстроенный и мрачный. Она сослалась на то, что не хочет после свадьбы тотчас возвращаться к работе. Ей нужен настоящий медовый месяц. Кристи в конце концов согласился с Амандой. Они договорились пожениться сразу же после завершающей передачи сезона, перед летом.

Аманда немного удивляла Джерри. Вечер, когда шло шоу, и пару других вечеров в неделю она проводила с Кристи. Аманда совсем не ходила на концерты и премьеры, которые любил Кристи. Поэтому он носился по Голливуду с Кенни, Эдди и Агнес. Каждый вечер они завершали в баре отеля «Бeverли Уилшир», надеясь встретить там каких-нибудь артистов из Нью-Йорка, привыкших к полуночным посиделкам за чашкой кофе. Кристи заявлял, что это его первый и последний приезд в Калифорнию. Он уже предупредил спонсоров, что после этого сезона больше не покинет Нью-Йорк. Джерри это устраивало — здесь он страдал от одиночества не меньше, чем Кристи.

Но Аманда, похоже, совсем не скучала по Нью-Йорку. Она выглядела лучше, чем когда-либо; ею заинтересовались кинопродюсеры. Казалось, будто калифорнийский климат повлиял на характер девушки. Аманда по-прежнему была приветлива и улыбочива с Джерри, но что-то в их отношениях изменилось. Они держались друг с другом, точно малознакомые люди. Джерри перестал приглашать ее пообедать с ним. Она всегда отвечала ему одинаково: «Я бы с удовольствием

пошла, но валюсь с ног от усталости, а завтра много работы». Может быть, она выбросила его из своей души вместе с Робинем. Она никогда не упоминала это имя и не спрашивала о Робине.

Джерри посмотрел на часы — без четверти девять. Кристи и Аманда, верно, уже сердятся. Он позвонил в «Чейзен». Кристи подошел к телефону.

— Где ты, черт возьми?

— Ждал звонка из Нью-Йорка. Скоро приеду.

— Не надо. Я отправляюсь в «Шваб», — мрачным тоном заявил Кристи.

— Слушай, ты ведь там не скучаешь в одиночестве. С тобой Аманда.

— Она заболела.

— Что случилось?

— Аманда позвонила мне час назад. У нее болит горло — наверно, из-за смога. Она приняла снотворное и легла в постель. Я сижу здесь один. Господи, это какой-то провинциальный город — в будни все сидят дома. Если ты не киношник, на тебя смотрят, как на пустое место. Только что появился Элфи со своей свитой...

— Элфи?

— Джерри, ты — темнота. Элфред Найт.

— А, английский актер.

— Боже! Все суетятся вокруг него так, будто он — сэр Элфред. Видел бы ты, что тут творится. Я заказал столик. Знаешь, куда меня посадили? В дальний левый угол. А Элфи — за большой стол в центре зала. Кажется, он — гомик. Ненавижу этот город и его обитателей.

— Не хандри, — засмеялся Джерри. — Не успеешь оглянуться, как наступит июнь.

— Скорей бы уж.

Джерри положил трубку, сел на кровать и закурил сигарету. Может быть, Аманда перекусит с ним в отеле. Он позвонил ей.

Аманда вежливо отклонила его предложение.

— Я не могу есть, Джерри, у меня болит горло и опухли лимфоузлы на шее. А через два дня — шоу. Я должна быстро поправиться.

Он испытал смутное чувство обиды. Ему стало тесно и одиноко в гостиничном номере. Джерри распахнул застекленные двери, ведущие в маленький садик. Аманда была в восторге от своего садика. Она сказала, что обожает лежать там ночью и смотреть на звезды. Джерри шагнул в темноту. Лишь сверчки нарушали безмолвие ночи. Номер Аманды находился через три двери от номера Джери. Внезапно одиночество сдавило душу Джерри. Ему захотелось с кем-то поговорить. Может быть, она не спит? Он не хотел беспокоить ее звонком. Снотворное не всегда действует — он знал это по собственному опыту. Джерри прошел по дорожке, решив проверить, есть ли свет в ее окне. Ему не повезло — каждый садик был обнесен сплошным деревянным забором. Он дернул ручку калитки и открыл ее. Зашагал в сторону садика Аманды.

Внезапно Джерри услышал, как открывается еще одна калитка. Он спрятался за стволом гигантской пальмы. Увидел Аманду. Выйдя из садика, она настороженно осмотрелась по сторонам. На ней были джинсы и широкий свитер. Она направилась в сторону коттеджей. Поддавшись внезапному порыву, Джерри последовал за Амандой. Она остановилась возле одного из коттеджей и снова обвела взглядом округу. Джерри знал, что его не видно в темноте среди густых деревьев. Аманда постучала в дверь. Ее открыл Аик Риан.

— Детка, где же ты была?

— Я хотела немного выждать — Кристи мог позвонить. Я только что выключила телефон.

— Когда ты избавишься от Кристи?

— Как только закончится шоу. Не хочу ссориться с ним до конца сезона.

Дверь закрылась. Джерри увидел через окно, как они обнялись.

Вернувшись к себе, он попытался смотреть телевизор. Но мысли его были прикованы к тому коттеджу. В два часа ночи он услышал, как скрипнула калитка. Неудивительно, что она все время ссылается на усталость. Как же, лимфоузлы у нее распухли!

У нее действительно распухли лимфоузлы. Аик тоже это заметил. Придя в свой номер, она посмотрела на себя в зеркало. Ее макияж размазался. Аик был не самым нежным любовником на свете, но она чувствовала, что не безразлична ему. Он уговаривал ее порвать с Кристи. Когда Аманда объяснила, что сейчас шоу — основной источник ее доходов, Риан заявил: «Слушай, детка, пока ты со мной, тебе не придется беспокоиться о деньгах». Но это не было брачным предложением. Ладно, она подождет до июня, а потом спросит его напрямик. Если он не женится на ней, она выйдет замуж за Кристи. В конце концов, разница для нее невелика. Внезапно Аманду охватила усталость. Казалось, вся кровь вытекла из нее. Она принимала амфетамины. Они поддерживали силы Аманды, хотя и убивали аппетит. Она заставляла себя есть. Но сегодня вечером Аманда почти ничего не съела. Ее десны и нёбо были воспалены. Вероятно, ей надо сделать инъекцию пенициллина. Или просто выспаться. Она легла в постель.

Утром Аманда почувствовала себя еще хуже. Чистя зубы, увидела на щетке кровь. Она испугалась — вероятно, это какая-то инфекция. Аманда позвонила Джерри. Да, он знает одного доктора, но, судя по симптомам, у нее общее истощение организма.

— Возможно, это дифтерия, — добавил он.

— Господи, Джерри, где я могла ее подцепить?

— Не представляю, — сухо произнес он. — Ты же проводишь все вечера в номере.

Она уловила ноту сарказма в его голосе.

— Наверно, мне следует показаться врачу.

— Подожди до завтрашнего шоу. Пока полощи рот раствором перекиси. У меня это однажды было, тут нет ничего страшного.

Он опустил трубку.

Отправляясь на съемки, она приняла двойную дозу амфетаминов. Они придали ей силы, но сердце Аманды билось учащенно. Фотограф отвез ее в Малибу. Она позировала в купальном костюме. Солнце палило нещадно. Она встала на водные лыжи, и ей удалось не упасть. Съемка прошла успешно. Фотограф захотел на всякий случай сделать дубль. Аманда, пошатываясь, снова надела лыжи. Лодка пошла вперед; фотограф в катере следовал за ней. Аманда, согнув колени, держалась за трос. Лодка набрала скорость, девушка выпрямилась. Внезапно солнце упало в океан, и холодная вода сомкнулась над Амандой.

Открыв глаза, она поняла, что находится на пляже. Она была завернута в полотенце. Все с сочувствием смотрели на нее.

— Кажется, я потеряла сознание, — сказала Аманда.

Она провела остаток дня и ночь в постели. Проснувшись утром, Аманда увидела, что с лицом все в порядке. Рот беспокоил ее уже меньше, но ноги покрылись синяками. Вероятно, она ушибла их о лыжи, когда падала. Слава Богу, она может выступать в длинном платье!

На следующий день Аманде стало хуже. Нарывы во рту снова беспокоили ее. Но больше всего Аманду пугали ноги. Теперь они были пурпурными от щиколоток до бедер. Когда ей позвонил Кристи, она сказала ему об этом.

— Только ты одна берешься за такую сумасшедшую работу. Ты могла уже давно умереть от воспаления легких. Сниматься в летней одежде при нулевой температуре! Ты загнала себя. Любой получит синяки, упав на водных лыжах.

— Крис, найди мне врача...

— Слушай, куколка, через десять минут у меня встреча со сценаристами. Затем я даю интервью «Юнайтед Пресс». В этом отеле должен быть свой врач.

Гостиничный доктор ушел на вызов. Аманда была в отчаянии. Она отменила дневную съемку. Ей предстояло позировать в теннисных шортах. Ноги не закроешь гримом. Когда Аманда задремала, позвонил Аик Риан. Сначала она не хотела говорить ему правду, но потом все рассказала.

— Оставайся на месте, детка. Я сейчас приведу к тебе лучшего врача в Лос-Анджелесе.

Меньше чем через двадцать минут Аик появился в сопровождении мужчины средних лет с обычным докторским саквояжем в руке.

— Это доктор Аронсон. Оставляю вас наедине. Если он позволит себе лишнее — кричи, я буду в коридоре.

Аик подмигнул врачу, и Аманда поняла, что их связывает давняя дружба.

Доктор Аронсон с профессиональным безразличием послушал ее сердце, проверил пульс и одобрительно кивнул. Аманда начала успокаиваться. Его поведение говорило ей о том, что у нее нет ничего серьезного. Врач осмотрел рот Аманды.

— Давно у вас эти нарывы?

— Они появились несколько дней тому назад. Меня больше беспокоят ноги.

Он ощупал ее шею и кивнул. С тем же бесстрастным лицом осмотрел ноги Аманды.

Она рассказала ему о своем падении в воду.

— Думаете, причина в этом?

— Пока что я не могу ничего утверждать. Возможно, одно не связано с другим, но я хотел бы положить вас на несколько дней в больницу и обследовать. Когда последний раз делали анализ крови?

— Никогда.

Ее вдруг охватил страх.

— Доктор, это что-то серьезное?

Он улыбнулся.

— Не думаю. Скорее всего обычная анемия. Такие красотишки, как вы, часто страдают малокровием. Но я хочу кое-что исключить.

— Что именно?

— Например, моноклеоз — он тут весьма распространен. У вас есть его симптомы — усталость, кровоподтеки, головная боль.

— Нельзя сдать анализы в вашем кабинете? Я боюсь больниц.

— Хорошо, если хотите. Я дам Айку адрес, сделаем все завтра.

Она проводила его взглядом. Почувствовала себя лучше. Прошла в ванную и причесалась. Ну и вид у нее! Аик может вернуться в любую минуту. Подкрасив губы и глаза, она легла в постель.

Аик вошел в комнату, невозмутимо улыбаясь.

— Собери вещи, положи в сумку свой самый нарядный халат и жди меня. Я схожу в книжный магазин и куплю тебе лучшие романы.

— Куда я поеду?

— В больницу. И не возражай. Доктор подозревает, что у тебя — моноклеоз. Если это верно, ты можешь заразить весь отель. К тому же тебе необходим постельный режим; возможно, для восстановления сил придется сделать переливание крови.

— Но больница — Аик, я никогда не болела!

— Ты и сейчас здорова, но это Голливуд, детка. Здесь все делается с размахом. И если ты — девушка Айка Риана, тебе не пристало сдавать анализы в кабинете врача. Ты будешь лежать, как герцогиня. Я забронировал для тебя большую угловую палату. Проведешь там несколько дней. Плачу за все я — уверен, что у такой девушки, как ты, нет медицинской страховки.

— Да, я никогда не болела.

— О'кей. К моему возвращению будь готова. Я скажу всем, что ты уехала на съемки в Сан-Франциско. Что вернешься к следующей передаче.

Джерри ждал в «Улане». Сейчас ему следовало находиться в Лос-Анджелесе на репетиции шоу, но он решил вместо недели провести в Нью-Йорке десять дней. Сейчас в Лос-Анджелесе было два часа дня — начало бедлама. Отхлебнув martini, он махнул рукой появившемуся Робину.

После второго мартини он знал, что не уедет домой на последней приличной электричке. Робин делился с ним своими новыми идеями. Бармен жестом подозвал Джерри к телефону.

— Меня? — удивился он. — Я никому не говорил, что буду здесь. Робин улыбнулся.

— Наверно, жена тебя разыскивает.

Это был Кристи Лейн.

— Слушай, Джерри, я весь день звоню в твой офис, а тебя все нет и нет. Твоя жена посоветовала мне позвонить сюда. Слава Богу, что я тебя наконец-то нашел. Аманда сегодня не выступает в шоу. Мы пригласили другую фотомодел. Пока что обойдемся ею, но, думаю, ты должен что-то предпринять.

— Где она?

— Я не понимаю, что происходит. Вчера она исчезла. Оставила записку, что едет на съемки в Сан-Франциско. Сегодня Аманда, позвонив мне в девять утра, хладнокровно заявила, что не может участвовать в шоу. Знаешь, где она? В больнице!

— В больнице?

— Успокойся, с ней все в порядке. Я набросил пальто поверх пижамы и помчался к Аманде. Что ты думаешь? Я нашел ее в большой светлой комнате, заставленной цветами. Аманда была накрашенной и выглядела превосходно. Она утверждает, что у нее анемия и что она не выйдет из больницы до полного выздоровления.

— Если Аманда попала в больницу, значит, она действительно нуждается в лечении, Кристи. Здорового человека туда не положат.

— В Голливуде? Ты ничего не знаешь. Тут каждая вторая девушка время от времени отправляется в больницу, сославшись на так называемое «нервное истощение». Они там просто отсыплются, чтобы лучше выглядеть. Слушай, я видел Манди — у нее цветущий вид.

— Я приеду в конце недели, Крис. Не беспокойся из-за Аманды. Я уверен, у нее нет ничего серьезного.

— Я не беспокоюсь — я просто взбешен. Пусть Аманда выступает всего лишь в рекламной вставке, все равно она — участница шоу. Нельзя пропускать шоу для того, чтобы отдохнуть в больнице. Я пел в клубах, будучи болен гриппом. Мне не нужны ненадежные партнеры. Это шоу — дело моей жизни. Оно дало мне все, что у меня есть. И Аманда должна относиться к нему с уважением. Что за брак у нас получится, если она полагает, что шоу можно отменить, как какую-то съемку? Ты меня понимаешь?

— Я поговорю с ней, когда вернусь в Лос-Анджелес.

Положив трубку, он вернулся к стойке. Робин внимательно выслушал его рассказ.

— Она не из тех людей, кто может лечь в больницу без веских оснований, — заметил Робин.

— За этим стоит Айк Риан, — пробормотал Джерри.

— При чем тут Айк?

Не успев отдать себе отчет в том, что он делает, Джерри поведал Робину о тайном визите Аманды в коттедж Айка.

— Если тебя интересует мое мнение, — продолжил Джерри, — по-моему, больное горло — это выдумка. Ручаюсь, она залетела от Айка и теперь делает аборт. Что скажешь?

Робин помрачнел.

— По-моему, ты — мерзкий сплетник!

Он бросил на стойку купюру и покинул бар.

Когда Джерри прибыл на Западное побережье, Аманда еще находилась в больнице. Она сидела на кровати, опираясь на подушки. Тщательно накрашенная девушка выглядела великолепно. Джерри удивился, заметив воткнутую в руку Аманды иглу и большую бутылку с кровью.

— Зачем тебе делают переливание крови? — спросил он, опустившись на край стула.

— Чтобы я поскорей вернулась в твоё шоу.

Внезапно дверь распахнулась, и в палату вошел Аик Риан.

— Привет, детка, я принес тебе газеты и новый роман.

Когда Аманда представила мужчин друг другу, Риан с любопытством посмотрел на Джерри. Затем протянул ему руку.

— Много о вас слышал. Аманда говорит, что вы — её настоящий друг.

— Мы давно знакомы, — неуверенно отозвался Джерри.

Аик подавлял его своей энергией. Пытаясь взять инициативу в свои руки, Джерри заявил:

— Все это очень мило, я вижу, Аманде уделяют тут массу внимания, но у неё есть обязательства передо мной, а прежде всего — перед шоу.

Он повернулся к девушке.

— Когда ты собираешься выйти отсюда?

— Доктор говорит, в конце недели...

— Она покинет больницу, когда полностью восстановит свои силы, — выпалил Аик.

Джерри встал.

— Тогда, очевидно, нам придется подыскать постоянную замену на остаток сезона.

Он ненавидел себя, произнося эти слова.

— Нет, — взмолилась Аманда. — Нет, Джерри, пожалуйста — я вернусь на следующей неделе. Может быть, даже на этой.

Она просяще посмотрела на Айка.

Он пожал плечами.

— Все будет, как ты пожелаешь, детка. Слушай, мне надо сделать несколько звонков. Я воспользуюсь автоматом, что висит в конце коридора. Пока, приятель.

Он бросил на Джерри холодный взгляд.

Когда они остались одни, тон Джерри изменился. Его голос стал серьезным, искренним.

— Слушай, Аманда, возможно, тебе и правда следует уйти из шоу. Похоже, этот парень влюблен в тебя.

— Он не сделал мне предложения...

Джерри испустил стон.

— Снова старая песня?

Мышцы ее лица напряглись.

— Понимаешь, Джерри, сейчас я интересую Айку потому, что он знает — я нужна Крису. Но если я останусь без Криса и без работы, Аик может охладеть ко мне.

— Откуда в тебе такой страх?

— Я родилась с ним, — сухо произнесла Аманда. Затем ее глаза подобрели.

— Джерри, я вернусь. Я уже чувствую себя прекрасно. Наверно, я нуждалась в отдыхе. Шесть лет вкалывала, как проклятая. Ты знаешь, что я работала без отпусков?

Он погладил ее по голове.

— Успокойся, милая, это место всегда останется за тобой. Я позвоню тебе завтра.

Он покинул палату и зашагал по коридору. Аик Риан ждал его.

— Зайдите сюда, приятель, — сказал Аик, указывая на дверь маленькой комнаты для посетителей.

— Я спешу, — сказал Джерри.

— Сначала мы немного поговорим. Хороший вы друг. Мало у нее неприятностей, так вы еще грозите ей.

— У Аманды нет ничего серьезного, — заметил Джерри.

— Это она думает, что у нее анемия.

Аик в упор посмотрел на Джерри.

— Я вам доверюсь. Никто этого не знает, кроме меня и доктора Аронсона. И никто не должен это знать — в первую очередь Аманда! У нее лейкемия!

Джерри опустился на диван. Дрожащими руками вытащил сигарету. Потом поднял глаза, пытаясь обрести хоть какую-то надежду.

— Я слышал о людях, которые прожили с этим диагнозом достаточно долго.

— Не с ее формой.

— Сколько ей осталось?

— Возможно, минуты. Возможно, полгода.

Джерри отвернулся в сторону. Он заплакал, презирая себя за это. Аик сел рядом с ним и сжал его плечо.

— Врачи решили испытать новое лекарство. По моему указанию его доставили сюда самолетом. Одна ампула стоит тысячу долларов. Они начали делать уколы два дня назад, и анализ крови уже улучшился. Еще рано надеяться, но если и дальше так пойдет...

— Вы хотите сказать, что у нее есть шанс?

— Она может покинуть больницу сама, а не в гробу. Не исключена ремиссия — месяцев на шесть. За это время может появиться новое чудодейственное средство.

— Что я могу для нее сделать? — спросил Джерри.

— Держать рот закрытым. Потребовать от Кристи, чтобы он не доставал ее своими тирадами о том, что шоу важнее всего на свете. Скажите Аманде, что ее будут ждать.

— Я уже сделал это.

Айк покачал головой.

— Самое удивительное — это то, что, по словам врача, если средство подействует, эффект будет очень сильным. Она встанет на ноги уже через неделю. На какой срок, никто не знает. Черт возьми, почему она хочет работать? У нее осталось мало времени.

— Аманда думает, что вы можете сделать ей предложение, лишь если она сохранит работу и независимость.

— О, господи.

Айк Риан встал и отошел к окну.

Джерри направился к двери.

— Вы сказали, она проживет максимум шесть месяцев. Вам нечего бояться. Будет лучше, если она вернется к работе. Тогда она поверит в то, что у нее анемия.

Айк обернулся и протянул Джерри руку. Они обменялись рукопожатиями.

— Если проболтаетесь — я оторву вам голову.

Джерри пообещал молчать, но он знал, что нарушит свое слово. Скажет все Робину. Аманде осталось жить недолго, а Робин был единственным дорогим ей человеком. Джерри видел, что Айк нравится Аманде, но она ни разу не посмотрела на него так, как смотрела на Робина. Он, Джерри, выждет несколько дней. Посмотрит, как отреагирует Аманда на новое лекарство.

Айк Риан проводил Джерри взглядом, затем медленно направился к Аманде. Выпрямился, изобразил на лице улыбку, открыл дверь и вошел в палату. Медсестра вытаскивала иглу из руки Аманды.

— Вечером я принесу шампанское и новые книги, а сейчас меня ждет работа.

Он шагнул к двери, затем повернулся.

— Да, детка, я все время забываю спросить тебя кое о чем. Ты выйдешь за меня замуж? Я не прошу дать мне ответ в ближайшие десять минут. Позвоню тебе с киностудии.

Новое средство подействовало на Аманду. Спустя неделю кровь вернулась к норме — это была ремиссия. Айк ликовал, но доктор Аронсон предупредил его, что о полном излечении говорить нельзя.

— Но какое-то время она может вести обычную жизнь, верно? — спросил Айк.

— Пусть делает, что хочет. Один Бог ведает, как долго она будет чувствовать себя хорошо. Но я хочу, чтобы раз в неделю она приходила ко мне и сдавала кровь на анализ. Мы должны следить за количеством эритроцитов.

— Раз в неделю? Она может что-то заподозрить.

— У Аманды прекрасное настроение. Ей и в голову не приходит, что у нее что-то серьезное.

Айк приехал в больницу, чтобы забрать Аманду.

— Я недавно снял настоящий дворец на Каньон-драйв. Погоди, скоро ты его увидишь. Я перебрался туда лишь вчера. Там есть все — даже дворецкий и повар. Когда ты хочешь, чтобы мы поехали?

— Когда закончится шоу.

— Ты шутишь? Лишь через шесть недель?
— Иначе мне будет сложно работать с Кристи.
— Кто сказал, что ты обязана работать с ним? Уйди из этого дурацкого шоу.

— Я не могу подводить Джерри — он дал мне эту работу, когда я в ней нуждалась. Девушки, которые подменяли меня, его не устраивают. Все ужасно обрадовались, узнав, что я буду участвовать в завтрашнем шоу.

— Я все же думаю, что тебе следует подождать еще неделю.

— Айк, я отдыхала три недели. Я прекрасно себя чувствую. Внезапно ее глаза погрустнели.

— Но доктор Аронсон сказал, что я должна каждую неделю сдавать кровь на анализ. Зачем?

Айк пожал плечами.

— Вероятно, чтобы убедиться в том, что у тебя все в порядке.

— Я буду каждый день есть печенку. Я много читала о крови — знаю, что мне полезно.

— Не увлекайся медициной, — сказал Айк.

Он взял Аманду за руку; водитель подхватил ее сумку.

— Айк, я так рада. Признаюсь теперь: когда я сюда попала, меня охватил страх. Я никогда прежде не болела и, лежа здесь, в первый день думала: «Как ужасно было бы умереть сейчас... не успев родить ребенка». Слава богу, что я поправилась. Теперь я знаю, что такое несчастье и болезнь. Поэтому хочу уйти из шоу.

Айк отвез ее в отель. Вернувшись в свой офис, тотчас позвонил Джерри.

— Вы должны заставить Аманду покинуть шоу. Она считает, что ее долг перед вами — закончить сезон. У Аманды осталось так мало времени, я не хочу, чтобы она теряла и часа, не говоря уж о шести неделях. Однако если я проявлю настойчивость, она что-то заподозрит. Придумайте что-нибудь!

Джерри посмотрел на затянутое смогом небо, на тусклое солнце, лучи которого пробивались сквозь дымку. Оно не походило на сверкающий оранжевый диск, висевший осенью над Гринвичем. Аманда никогда не увидит такое солнце и ясную холодную зиму. Слезы заблестели в глазах Джерри.

Он протянул руку к телефону. Секретарь Робина сообщила, что мистер Стоун на совещании.

— Попросите ее вызвать его с совещания, — закричал Джерри, обращаясь к телефонистке. — Речь идет о срочном деле.

Спустя несколько минут он услышал голос Робина.

— Да, Джерри?

— Ты сейчас сидишь, Робин?

— Что случилось, Джерри? Меня ждут десять человек.

— У Аманды лейкомия.

В трубке воцарилось молчание. Затем Робин спросил:

— Она знает?

— Нет. Это известно только троим — врачу, Айку Риану и мне. Ты — четвертый. Ей дали какое-то лекарство, и оно сотворило чудо.

Сегодня она выступает в шоу. Но ей осталось жить максимум шесть месяцев. Я подумал, что тебе следует об этом знать.

— Спасибо, Джерри.

Робин опустил трубку.

Аманда радовалась возвращению в гостиницу. «Люкс» был заставлен цветами. Дюжины роз от Айка, гладиолусы от администрации отеля, дешевый весенний букет от Кристи. Она прочитала его записку: «Снимаюсь для прессы. Позвоню в шесть. С любовью, Кристи». В четыре часа официант принес печеный картофель с иранской икрой и сметаной. На подносе лежало краткое послание от Айка: «Это поможет тебе продержаться до обеда. С любовью, Аик».

Аманда наслаждалась комфортом и ела картофель, но она знала, что скоро ей снова придется следить за своим весом. В больнице она поправилась на два килограмма. В шесть часов зазвонил телефон. Аманда неохотно сняла трубку. Наверно, это Кристи.

— Привет, звезда. Как дела?

На мгновение Аманда потеряла дар речи. Робин даже не счел нужным объяснить свое долгое молчание...

— Я только что вышла из больницы, — вымолвила она.

— Что случилось?

— У меня была анемия. Я уже поправилась. Джерри не сказал тебе?

— Я был в отъезде и не говорил с Джерри. Слушай, детка, у меня появились дела в Лос-Анджелесе. Я вылетаю в воскресенье. Буду там около пяти часов по местному времени. Выкроишь вечер для старого друга?

— С радостью, Робин.

— Отлично. Значит, в воскресенье обедаем вместе.

Она положила трубку и откинулась на подушку. Для чрезмерной радости причин нет. Он, вероятно, проведет здесь всего несколько дней. Случайно вспомнил про старую подругу, которая всегда его ждет. Поэтому и позвонил. Почему нет? Это проще, чем искать тут кого-то.

В конце концов Голливуд — это не его территория. У Робина здесь мало знакомых, и он не хочет терять вечер. Что ж, она поставит его на место. Но как? Продинамить Робина? Заставить его в одиночестве ждать ее в «Чейзене»?

Аманда провела час в раздумьях. Внезапно поняла, как она поступит. Скорей бы пришло воскресенье!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

В пять часов Робин прибыл в гостиницу «Бeverли Хиллз». Портье вручил ему конверт. Раскрыв его, Робин узнал торопливый почерк Аманды.

«Дорогой Робин, сегодня у меня день рожденья. Айк Риан позвал гостей. Я должна прийти пораньше. С нетерпением жду встречи с тобой».

Расположившись в «Люксе», он перечитал записку Аманды. Там был номер телефона и адрес. Он уже собрался позвонить и оставить Аманде сообщение о том, что будет ждать ее в отеле. Он ненавидел коктейли. Затем Робин внезапно передумал. Отныне все будет так, как хочет Аманда. Он опустил руку в карман и нащупал маленький золотой браслет. Если им удастся уйти с этой вечеринки достаточно рано, они улетят в Тихуану и поженятся там. Робин позвонил швейцару и заказал такси.

Улица Норт-Каньон была забита стоящими автомобилями. Расплатившись с водителем, Робин зашагал по дорожке. Голливудские дома имеют обманчиво скромный фасад. Но стоит человеку войти внутрь, как на него обрушивается невероятная роскошь. Дом Айка не являлся исключением. Обшитый мрамором холл и просторная гостиная с огромным баром были заполнены людьми. Стеклопакетные двери вели во внутренний двор с гигантским бассейном и теннисным кортом. Робин слегка растерялся, он не предполагал, что попадет на такое сборище. Затем он усмехнулся: в представлении Айка это была скромная вечеринка в узком кругу. Робин увидел лица, знакомые ему по фильмам. Гости Риана смогли бы прокормить небольшую страну — тут были актеры, продюсеры, хозяева киностудий, режиссеры, известные сценаристы и множество красивых девушек.

Внезапно к Робину подошла Аманда. Она поздоровалась с ним. Он уже забыл, как она очаровательна. Неужели в этом чудесном стройном теле затаилась смерть? Невероятно!

— Робин!

Она обняла его. Такая открытая демонстрация чувств удивила Робина.

— Ты здесь! Очень рада тебя видеть. О, ты тут никого не знаешь.

Она выпустила его из своих объятий, взяла за руку и закричала:

— Просту внимания!

Гости замерли.

— Я хочу представить вам Робина Стоуна. Он прилетел к нам из Нью-Йорка. Все вы знаете, кто такой Робин Стоун.

В ее голосе прозвучали иронические нотки.

— Вы, конечно, смотрите его передачу.

Она обвела гостей невинным взглядом.

— Похоже, мои слова не произвели на вас большого впечатления, но в Нью-Йорке Робин — очень важная фигура.

Несколько человек вяло кивнули, делая вид, будто они узнали его, потом все продолжили прерванные разговоры. Робин был удивлен странным поведением Аманды, но его лицо оставалось невозмутимым. Аманда пожала плечами.

— Это Голливуд, — сказала она. — Здесь не хотят верить в то, что ТВ — это навсегда. Что касается новостей, они слушают их лишь

по радио, когда едут на киностудию, и то в промежутке между музыкальными программами. Прости их, дорогой, за то, что они не узнали тебя и не упали перед тобой на колени. Пол Ньюмэн, Грегори Пек, Элизабет Тейлор — вот кто здесь в центре внимания.

Она отвела Робина к бару. Айк Риан, тепло поздоровавшись с ним, зашагал через комнату, чтобы встретить только что появившегося режиссера. Аманда протянула Робину бокал.

— Здесь твоя любимая водка со льдом — неразбавленный импортный продукт.

Внезапно все смолкли. Потом по комнате пронесся шепот; люди смотрели на молодого красавца, вошедшего в гостиную.

— О, погляди! — воскликнула Аманда. — Айк разыскал даже Большого Дипа!

Ее глаза оживленно заблестели. Айк подвел загорелого гостя к бару.

— Знаешь этого симпатичного бродягу? — с усмешкой спросил Айк.

Аманда застенчиво улыбнулась.

— О, Айк, кто же не знает Дипа Нелсона? Я польщена, что вы пришли, мистер Нелсон. Айк показывал мне ваш последний фильм, когда я лежала в больнице.

Дип немного смутился. Робин тоже испытывал неловкость. Что это нашло на нее? — подумал он. Затем Аманда сказала:

— О, Дип, это Робин Стоун — мой старый, очень старый друг. Он мне вроде родственника, верно, Робин?

Дип пожал руку Робина. Мистера Нелсона тотчас окружили женщины, они буквально потащили его куда-то в сторону.

— Бедный Дип, теперь ему от них не спастись, — заметила Аманда. Айк улыбнулся.

— Большой Дип способен постоять за себя. Загар, ямочки на щеках, красота вполне заменяют ему талант. Сейчас на Дипа большой спрос, а это единственное, что имеет значение.

Аманда ткнула Айку в бок.

— Дорогой... погляди, кто к нам пришел!

Аманда и Айк подошли к стройному красивому мужчине, чтобы поздороваться с ним. Это был Элфред Найт, английский актер, покоривший весь Голливуд. Робин, поискав глазами Кристи Лейна, увидел его в дальнем углу комнаты. Бедняга Крис казался здесь посторонним. Похоже, без программки он не мог узнать исполнителей. Он по-прежнему считал себя обрученным с Амандой. Робин выпил водку, снова наполнил бокал и остался возле бара. Вечер обещал быть весьма интересным.

Прислуга начала расставлять столы вокруг бассейна. Внезапно Робин вспомнил, что у Аманды день рождения в феврале. Или в январе? Когда они отмечали его, шел снег.

Потягивая четвертый бокал водки, Робин услышал барабанную дробь. Аманда вышла на середину комнаты.

— Слушайте все! Я — мы — сделаем важное сообщение.

Она подняла руку. На ее пальце сверкал крупный бриллиант.

— Это подарил мне сегодня Айк. Но не по случаю моего дня рождения. На самом деле сегодня вовсе не мой день рождения. Просто таким образом мы решили объявить о нашей помолвке!

Все заговорили разом. У Кристи Лейна был вид заколотого животного. Он стоял, не раскрывая рта, с остекленевшими глазами. Кто-то из гостей бросился к пианино и заиграл «Лоэнгрина». Постепенно люди снова разбились на прежние группы. Через всю комнату Аманда встретила взглядом с Робин. В ее глазах сверкнуло мрачное торжество. Робин поднял бокал, молча поздравляя девушку. Затем Аманда повернулась, и Элфи Найт повел ее в другую часть комнаты. Робин увидел Айку, поставил бокал и подошел к нему.

Айк улыбнулся Робину.

— Ты должен признать, что я — шкатулка с сюрпризами.

— Мне надо с тобой поговорить, приятель.

— Ты не хочешь меня поздравить?

— Куда мы можем пойти? Это не займет много времени.

Айк жестом подозвал официанта, затем отвел Робина к бассейну, туда, где не было людей.

— О'кей, говори. Что у тебя на уме? — спросил Риан.

— Аманда.

— Кажется, ты не воспользовался своим шансом.

Айк одним залпом опустошил бокал с бурбоном. Затем посмотрел на полный бокал Робина.

— Ты не выпьешь за жениха?

— Я знаю про Аманду, — тихо произнес Робин.

Глаза Айку сузились.

— Что ты знаешь?

— Джерри Мосс — мой друг.

— Я убью это ничтожество. Я велел ему не раскрывать рта.

— Перестань разыгрывать из себя крутого парня. Джерри поступил так, как считал правильным. Я прилетел сюда, чтобы сделать Аманде предложение.

— Она не нуждается в твоей благотворительности, — выпалил Айк.

— Вот, оказывается, чем ты занимаешься?

— Это ты так считаешь, но не я.

— Айк, мы валялись в одной грязи, и я об этом не жалею. Мне это нравилось. Но Аманда не подходит для таких забав. Особенно теперь.

На лице Айку появилась ледяная улыбка.

— Не будь ты моим другом, я бы тебе сейчас врезал. Каким негодяем ты меня считаешь!

— Самым обыкновенным. Я не хочу, чтобы Аманде причиняли боль.

Айк с любопытством посмотрел на Робина.

— Ты ее любишь?

— Она мне не безразлична — я хочу сделать так, чтобы оставшуюся часть жизни она была счастлива.

Айк кивнул.

— Что ж, наши цели совпадают.

— Ты это серьезно?

— Слушай, сейчас не время для шуток. Сыграем в открытую. Ты ее любишь? Скажи мне сейчас, что ты ее любишь — я тотчас пошлю за Амандой и дам тебе шанс. Пусть победит достойнейший. Но если ты прибыл сюда, чтобы сделать широкий жест, забудь об этом. Она не нуждается в твоих благодеяниях — я могу дать ей больше, чем ты.

— Хорошо, приятель, коли мы играем в открытую, — лицо Робина помрачнело, — скажи, а ты влюблен в нее? Кажется, ты этого не говорил.

Айк уставился на темную воду бассейна.

— Конечно, я не влюблен в нее, — тихо ответил он. — Как и ты.

— Так я и думал с самого начала, — сказал Робин. — Тогда зачем тебе этот брак?

— Чем он плох?

— Она тебя свяжет. Ты потеряешь свободу.

Айк улыбнулся.

— Зато мой имидж улучшится.

— Не понимаю тебя.

— Похоже ты не читаешь газеты. Месяц тому назад моя жена — бывшая жена, мы развелись пять лет тому назад, — покончила с собой. Слава Богу, она сделала это в Висконсине. Она навещала моего сына в пасхальные каникулы. Он там учится. Она проглотила целую склянку и написала в записке, что не может без меня жить. К счастью, Джо — это мой малый — обнаружил послание матери и позвонил мне. Я сунул кое-кому денег, и это происшествие сочли несчастным случаем.

Айк вздохнул.

— Пять лет я не видел эту женщину. Никогда не любил ее — мы ходили в одну школу, перед выпуском она отдалась мне. Мы поженились; она вечно пилила меня, хотела, чтобы я работал у ее дяди — продавал галстуки. Я долго терпел. Когда Джо исполнилось двенадцать лет, я отвалил. Посылал ей больше, чем она могла истратить. Даже согласился платить алименты в случае ее второго замужества. Она все время жила прошлым, затем решила отомстить мне, покончив с собой.

Ты бы видел эту записку — она вываляла меня там в грязи. Мы с Джо сожгли ее, но по городу поползли слухи, что моя бывшая жена совершила самоубийство. Затем еще две сумасшедшие попытались последовать ее примеру. Я ничего не понимаю. Не такой уж я великий любовник. Один журнал навесил на меня ярлык: «Айк Риан — убийца женщин». Это безумный бизнес: в нем нет мужчин. Женщины готовы кинуться на дверную ручку, если у нее есть штаны. Половина женщин-звезд живет здесь со своими парикмахерами-гомиками. В общем, мне создали дурную репутацию. Я нуждаюсь в хорошей прессе. После смерти Аманды люди посмотрят на меня другими глазами. Они поймут, что я сделал последние месяцы обреченной девушки по-настоящему счастливыми. Я превращу остаток ее жизни в грандиозный праздник.

Робин растерянно молчал. Затем глухо произнес:

— Ты используешь ее, сукин сын. Просто используешь.

— Скажем так — она мне нужна, но я нужен ей гораздо больше. Айк приблизился к Робину, лицо его было суровым.

— Слушай, я видел, как действуешь ты. У тебя вместо крови ледяная вода, так что не суди меня. Я нравлюсь Аманде, и я сделаю ее счастливой. Буду арендовать самолеты, летать с ней по всему свету. Засыплю Аманду бриллиантами. Что ты можешь ей дать? Постель? На это и я способен. Хотя один Бог ведает, как долго у Аманды останутся на это силы. Но ты способен обеспечить ей тот уровень жизни, который по карману мне? Я знаю о ее детстве — сейчас она должна купаться в роскоши. Ты это потянешь, репортер?

Глаза Робина стали не менее жесткими, чем у Айка. Мужчины в упор смотрели друг на друга.

— Нет, не потяну. Но я советую тебе сдержать твои обещания. Сделать так, чтобы они не остались пустыми словами. В противном случае я найду тебя, Айк, где бы ты ни был, и переломаю тебе все кости.

После мгновения напряженной тишины Айк протянул руку Робину.

— Договорились.

Повернувшись, он направился к дому. Робин так и не пожал его руку. Он опустил в шезлонг и отпил виски. На душе у него было муторно, пусто. Айк не любил Аманду, его волновал лишь собственный имидж. Хотя что значат чувства? Важен конечный результат. Он посмотрел на свои часы. Было еще рано; он мог поспеть к полуночному рейсу.

— Загорать уже поздно, — произнес кто-то.

Робин поднял голову и увидел Дипа Нелсона.

— Да, мне бы не помешало немного погреться на солнце, — усмехнулся Робин.

Дип закурил сигарету.

— Ну и столпотворение тут, парень! Ты из Нью-Йорка?

Робин кивнул.

— Так я и думал. Тоже киношник?

— Нет, слава Богу.

Дип задумчиво посмотрел на Робина.

— Попробую угадать. Родственник невесты?

— Дальний, — ответил Робин и добавил:

— Считаю меня своим поклонником. Я видел кое-какие фильмы, где ты снимался. Ты здорово ездешь верхом.

Дип как-то странно посмотрел на собеседника.

— Иронизируешь?

— Вовсе нет.

— Тогда что ты хочешь этим сказать? Как, по-твоему, я играю?

— Неважно, — улыбнулся Робин.

Долю секунды Дип колебался, не зная, как ему поступить — просто рассердиться или врезать Робину по физиономии. Потом он рассмеялся и протянул Робину руку.

— Что ж, по крайней мере ты честный малый.

— Я считаю, что игра не имеет значения, — сказал Робин. — Для успеха фильма важно, чтобы актер обладал качествами звезды. Судя по тому, как тебя здесь встретили, ты явно ими обладаешь.

Дип пожал плечами.

— Я много лет не вылезал из седла. Делал один дерьмовый вестерн за другим. Затем вдруг этот жанр вошел в моду, и я стал звездой. Но нынешняя суэта вызвана моим последним фильмом. Премьера состоится в Нью-Йорке на следующей неделе. Я играю антигероя с Мэдисон-авеню. Узкий галстук, серый костюм — ну, вроде тебя, верно?

— Отчасти.

— Сюда идет Бебе. Сматываемся!

— Кто это?

— Ее муж — известный продюсер. Слушай, хочешь удрать с этой вечеринки?

— Ты читаешь мои мысли.

— Следуй за мной!

Дип направился к кабине для переодевания. Мужчины скрылись в темной комнатке.

— Теперь не шуми. Она слишком пьяна, чтобы добраться сюда.

Они молча стояли, слушая, как жена продюсера зовет Дипа. Женщина, пошатываясь, брела вокруг бассейна. Наконец, отчаявшись найти актера, она вернулась в дом.

Дип расстегнул воротничок.

— Нет ничего страшнее на свете, чем климактерическая баба в течке. Мой имидж звезды не должен обманывать тебя: я — однолюб. Иногда мне приходится немного потрахаться, чтобы получить роль, но я, в отличие от местных мужчин-проституток, не бросаюсь на шлюх типа Бебе.

Он передернул плечами.

— Самое противное — это сорокалетняя дама с фигурой двадцатилетней девушки. В постели они напоминают мне желе. Куда ни ткни палец, всюду он проваливается — мягкие бедра, дряблый живот, расплывшиеся груди.

— Похоже, у тебя есть опыт в этом плане.

— Вопрос стоял так: либо вечно скакать на лошади, либо на один фильм оседлать Клер Холл. Я выбрал второе и стал звездой. Идем, на горизонте никого нет. Мы проберемся сквозь живую изгородь.

Вслед за Дипом Робин подошел к самому длинному «кадиллаку», какой ему доводилось видеть.

— Нравится? — с гордостью спросил Дип.

— Выглядит впечатляюще, — ответил Робин.

— Сделан по заказу. Единственный в городе полностью позолоченный автомобиль. Обивка — из лайки, покрытой золотой краской. Это все часть имиджа, который я создаю. Золотой человек — золотые волосы, золотой автомобиль. Одна кожа обошлась мне в две тысячи долларов.

Вырулив на улицу, Дип поехал в сторону Бульвара Заходящего Солнца.

— У тебя есть какие-нибудь планы на вечер?

Робин улыбнулся.

— Я собирался сесть на полуночный самолет и вернуться в Нью-Йорк.

— Ты должен чувствовать себя здесь не в своей тарелке.

— Точно.

— Все дело в успехе. Для победителя даже Бомбей — родной дом. Это мне объяснила моя мама. Она умерла в доме для ветеранов кино.

— Сожалею.

Дип махнул рукой.

— Ей нигде не жилось лучше, чем там. Я тогда еще не выбился в люди, так что выбирать не приходилось. Но это весьма шикарное заведение. У каждого — свой коттедж. Старики сидят на лавочках и беседуют о своей прежней работе. Моя матушка была статисткой, а отец — каскадером. Одним из лучших. Он снимался вместо Фреда Нелсона и Тома Микса. Это было до моего рождения. Он научил меня ездить верхом. Отец погиб, исполняя трюк; мать растила меня одна. Она уже была немолода. Мое рождение повергло мать в бедность. Говорят, такие дети вырастают особенно шустрыми. Я нигде не учился.

— Похоже, это на тебе не отразилось, — сказал Робин.

— Иногда я ощущаю пробелы в моем образовании. Порой подводит речь. У меня нет проблем с чтением сценариев, но интервью... Репортеры иногда думают, что я смеюсь над ними. Они просят меня не пародировать язык ковбоев.

— Ты можешь притормозить у следующего поворота и высадить меня возле отеля «Бeverли Хиллз», если это тебе по пути, — сказал Робин.

— К чему торопиться? Еще только семь часов. Или у тебя какие-то дела?

— Нет, но я уверен, они есть у тебя.

Дип усмехнулся.

— Угадал! Я должен заехать за моей девушкой — она поет в одном ресторане. Ей еще только девятнадцать, но она уже женщина до кончиков ногтей. погоди, сам увидишь!

— Я вам не помешаю?

— Нет. К тому же я хочу, чтобы ты запомнил свой первый вечер в Голливуде. Я представляю, как ты чувствовал себя на этой вечеринке. Когда-то и я тоже был аутсайдером. И никто не пришел мне на помощь. Мне было неуютно, я стоял и разговаривал с пианистом так долго, что кто-то попросил меня спеть. Они решили, что я — певец, приглашенный для развлечения гостей. Увидев тебя, я сказал себе: «Этот парень тут чужак, а я, мистер Нелсон, окружен всеобщим вниманием. Будь я проклят, если подыграю этой стерве Аманде». Мое появление было нужно Айку Риану. Я появился, и этого достаточно. Зато теперь я могу немного развлечь тебя.

— Ты и так уже сделал более чем достаточно, — сказал Робин. — Тебе нет смысла заниматься мною до конца вечера. Это выходит за рамки твоего долга.

— Нет, ерунда. Пока Паули поет, я все равно сижу один. Она выступает в жалкой дыре, но поет лучше, чем Гарланд и все прочие, кого ты слышал. Вот увидишь, она добьется успеха. Ей только требуется хорошая школа, и она ее получит с моей помощью. Когда мы познакомились, она была девственницей, я — единственный мужчина в ее жизни. Но мы не можем пожениться, пока я не сделаю три боевика. Понимаешь, сегодня я — сенсация, но успех надо закрепить. Следующие две ленты все покажут. И когда они прогремят на всю страну, я женюсь на Паули. Ни одна киностудия не сможет указывать мне, что я должен делать. А я тем временем поработаю над ее характером. Сглажу острые углы. У Паули большой талант и доброе сердце. Погоди, вот увидишь ее, и она сразу тебя покорит.

Он подрулил к маленькому ресторану.

— Она получает только семьдесят пять долларов в неделю, но зато может петь, что хочет, и не обязана общаться с посетителями.

Хозяин радушно поздоровался с Дипом и проводил его к банкетному столу, стоявшему у стены. Зал был наполовину пуст. Мужчины сидели в спортивных рубашках, на многих девушках были джинсы. У стойки человек двадцать потягивали напитки, в основном пиво.

— Через десять минут она освободится и подойдет к нам.

Дип заметил, что Робин бросил взгляд на часы.

— У тебя сегодня точно нет свидания?

— Нет, но я должен забрать вещи из отеля.

— Я отвезу тебя в аэропорт.

— В этом нет необходимости.

Дип ослепительно улыбнулся.

— Если уж я взялся за дело, приятель, я довожу его до конца. Так чем ты занимаешься в Нью-Йорке — кажется, ты сказал, рекламой?

— Нет. Я работаю в «Интернешнл Бродкастинг».

— По ТВ я смотрю только фильмы. Профессиональный интерес.

Что ты делаешь на «Ай-Би-Си»?

— Обзоры новостей.

— Ты — репортер? Пишешь?

— Иногда.

— Готов поспорить, ты закончил колледж, верно?

Робин улыбнулся.

— Что, заметно?

— Да, ты прекрасно держишься. Но учеба в колледже — пустая трата времени, если человек не собирается стать адвокатом или врачом. Я хочу стать суперзвездой! Боже, как я этого хочу. Тогда я смогу послать всех к чертовой матери.

— И Паули тоже?

— Она всегда будет со мной, приятель. Если после свадьбы она пожелает бросить карьеру и стать просто женой, я не буду возражать. Но у нее большой талант. Однако она хочет только выйти

за меня замуж и нарожать кучу детей. У тебя, наверно, есть жена и пара малышей?

— Нет.

— Только девушка?

— Даже этого нет.

Дип внезапно пристально посмотрел на Робина.

— Почему? Ты не гомик?

Робин рассмеялся.

— Обожаю женщин.

— Тогда в чем проблема? В твоём возрасте положено иметь жену и детей. Мне всего лишь двадцать шесть.

Усмешка Робина смутила актера.

— Ладно, тридцать один. Но я могу сойти за двадцатилетнего, да?

— При голливудском освещении.

— Пусть так. А сколько лет тебе?

— В августе будет сорок.

— Ты ни разу не был женат?

— Нет.

— И у тебя не было серьезных романов?

— Один был. Но она обручилась с другим.

Дип сочувственно покачал головой.

— Это жестокий удар. Найти стоящую девушку трудно — особенно здесь. Каждая дама охотится на того, кто сейчас номер первый.

— А ты им еще не стал?

На лице Дипа появилось обиженное выражение.

— Стал. Но разве я хоть секунду был с тобой высокомерен? Я играю роль звезды, когда это нужно для моей карьеры. Но с людьми, которые мне нравятся, я свой в доску парень.

— А я тебе нравлюсь?

— Похоже, да. Слушай, я даже не знаю, как тебя зовут.

— Робин Стоун.

Дип настороженно посмотрел на него.

— А ты точно не голубой? Если ты мне соврал, Паули тотчас выведет тебя на чистую воду. Она может унюхать гомика за милю.

Внезапно он ударил Робина в плечо.

— Она выходит. Сейчас ты увидишь подлинный талант.

Робин подался вперед. Тоненькая девушка появилась в свете прожекторов. У нее были выющиеся рыжие волосы, короткий, почти комично вздернутый носик, большой рот и невинно-голубые глаза размером с блюдце. Но когда Паули запела, Робин испытал разочарование. У нее был заурядный голос. Она неумело подражала Гарланд и Лине. Робин видел сотни таких девушек, как Паули, только более красивых. Внимание Робина привлекла лишь ее пародия на Кэрол Ченнинг. Тут Паули ожила — девушка, несомненно обладала комедийным даром. Ее выступление увенчали жидкие аплодисменты и неистовый свист Дипа. Он хлопнул Робина по спине.

— А теперь скажи — правда, она — чудо? Какой класс! Стоит ей выйти на сцену, как эта дыра превращается в «Уолдорф».

Девушка подошла к их столу, и мужчины встали.

— Это Паули, моя невеста. Паули, познакомься с Робинотом Стоуном.

Она вяло улыбнулась и села. Затем с любопытством посмотрела на Робина.

— Он из Нью-Йорка,— быстро произнес Дип.

— О, слушай, Дип, твой пресс-агент просил тебя позвонить ему, как только ты придешь,— сказала Паули.

Дип поднялся.

— Вы пока поболтайте. Робин работает в «Ай-Би-Си».

Паули проводила его взглядом. Затем повернулась к Робину.

— Что у тебя за дела с Дипом?

— Мы познакомились на вечеринке.

Ее глаза сузились.

— Что общего может быть у Дипа с технарем?

— С технарем?

— Он же сказал, что ты из «Ай-Би-Эм».

— Из «Ай-Би-Си»: «Интернешнл Бродкастинг».

— Скажи, а ты не можешь сделать так, чтобы меня пригласили выступить в «Шоу Кристи Лейна»?

Робин решил, что девушка ему не нравится, но он чувствовал себя должником Дипа.

— Вероятно, могу.

Ее глаза загорелись.

— Ты говоришь правду?

Затем взгляд Паули стал подозрительным.

— Что ты делаешь на «Ай-Би-Си»?

— Обзоры новостей.

— Вроде Хантли и Бринкли?

— Да.

— Тогда почему я о тебе не слышала? Я часто смотрю семичасовой выпуск. Знаю Уолтера Кронкайта. А тебя — нет.

Он улыбнулся.

— Ты испортила мне вечер.

— Каким образом ты сможешь пристроить меня в «Шоу Кристи Лейна»?

— Попрошу Кристи.

Она что-то вычисляла. Затем, на всякий случай — вдруг он не врет — посмотрела на него почти ласково.

— Если ты это провернешь, я — в общем, я готова на все, чтобы попасть в это шоу.

— На все?

Улыбаясь, Робин посмотрел ей в глаза.

Она не отвела их в сторону.

— Да, если ты хочешь этого.

— А чего хочешь ты?

— Удрать из этой дыры.

— Дип в этом тебе поможет.

Она пожала плечами.

— Слушай, ты недавно познакомился с ним. Дип не может быть твоим близким другом, он никогда прежде о тебе не говорил.

— Ты права.

— Знаешь, скажу тебе по секрету, он — не Лоуренс Оливье. Дип красив, но у него нет таланта. Ему прости повезло.

— Я понял со слов Дипа, что ты не рвешься к славе. Хочешь выйти замуж и воспитывать детей.

Она протестующе замахала рукой.

— Неужели хоть одна нормальная девушка согласится три раза в неделю петь для этих болванов, если она не надеется обрести успех? Я знаю, что у меня есть талант.

— А какую роль ты отводишь Дипу?

— Он мне нравится. Я отдала ему свою девственность. Клянусь Богом. Я была невинна, когда мы встретились. Но я знаю Дипа. Он живет своей карьерой. Он и двух минут не потерпит рядом с собой девушку, у которой свои цели в жизни. Поэтому я делаю вид, будто я — ничто. Большую часть времени я сижу и слушаю, как замечательно идут у него дела. А в душе у меня все кипит — я-то знаю, кто действительно талантлив. Он поднимается наверх благодаря своей внешности. Это все, что у него есть. Дип не очень-то умен.

— Он сказал мне, что хочет помочь тебе.

— Да, он щедр на обещания. Слова стоят дешево. Так что насчет шоу Кристи Лейна? Сможешь это устроить?

— А ты меня потом отблаговоришь?

— Мистер, вы, наверно, женаты?

— Возможно.

— Если я попаду в «Шоу Кристи Лейна», вам будет достаточно в любое время щелкнуть пальцами, и я буду к вашим услугам. Я всегда держу свое слово.

Он взял сигарету. Паули зажгла спичку и дала ему прикурить. Потом подалась вперед и спросила:

— Ну что, договорились?

Робин улыбнулся.

— Знаешь что, сучка, — ласково произнес он, — наверно, мне следовало бы это сделать ради Дипа.

— Не понимаю.

Робин непринужденно усмехнулся. Потом невозмутимо сказал:

— Ты права в одном — у Дипа действительно нет мозгов, не то он бы тебя раскусил. Он считает тебя ангелом. А ты — шлюха. Нет, даже не шлюха. Ты — вульгарная, бесталанная б...

Он улыбнулся и встал. Его спокойствие привело ее в ярость.

— Ты ошибаешься, если полагаешь, будто я боюсь, что ты все передашь Дипу. Только открой свой поганый рот — я скажу, что ты ко мне приставал.

— Скажи ему, что мне позвонили.

Он положил на стол десятидолларовую купюру.

— Это еще зачем? — спросила Паули.

— Кажется, проститутка стоит сейчас 'сто долларов. Возьми это в качестве неустойки. Думаю, ты еще найдешь себя в этом ремесле. Он вышел из ресторана.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

«Шоу Кристи Лейна» завершилось в начале июня. На следующий день Кристи улетел в Нью-Йорк.

Четвертого июля Аманда и Айк Риан поженились в Лас-Вегасе. На первых страницах газет появились свадебные фотографии — Аманда и Айк стояли в окружении кинозвезд. Молодожены улетали на медовый месяц в Европу.

Крис расхаживал по своему «люксу» в «Астории». Рядом с ним находились Эдди, Кенни и Агнес. Кристи едва сдерживал слезы.

— Господи, если бы я мог напиться. Но я не переносу спиртного.

— Отправимся куда-нибудь, — предложил Эдди.

— Я столько для нее сделал, — повторял Кристи. — Даже пристроил на время ее кота.

— Интересно, что с ним теперь будет? — произнесла Агнес.

— Надеюсь, он сдохнет — это единственное дорогое ей существо.

— Уверена, она его заберет, когда вернется из Европы, — сказала Агнес.

— Нашли о чем говорить! — взревел Кристи.

— Ты сам начал, — заметила Агнес.

— Я столько для нее сделал, — снова сказал Кристи. — Почему она так обошлась со мной? Посмотрите на меня... я красивее Айка Риана.

— Что? — засмеялась Агнес.

Крис метнул в нее свирепый взгляд.

— Ты находишь его красивым?

— Он сексапилен, — мрачно сказала она.

Эдди сурово посмотрел на Агнес.

— Эй, Агги, ты хочешь потерять свое место? Сейчас не время шутить.

— И все же я считаю его привлекательным, — упрямо заявила девушка.

— Слушай, Крис, — подал голос Кенни, — не заказать ли нам столик в «Копе»? Я знаю там нескольких статисток. В кордебалете появились три новые танцовщицы. Одна, девятнадцатилетняя, весьма эффектна. Ручаюсь, ты ей понравишься. Она — порядочная девушка.

Кристи пнул столик для кофе с такой силой, что он опрокинулся, и у него отлетела одна ножка.

— Порядочная девушка! У меня уже была порядочная девушка. Просто королева! Господи, да она влепила бы мне пощечину, если бы я произнес при ней бранное слово. А на поверку она оказалась подлейшей из шлюх! Ни одна девка из бурлеска не выкинула бы такое. Я больше не буду порядочным парнем. И хватит с меня порядочных

девушек. Я хочу шлюху! Я буду обращаться с ней, как со шлюхой, и никому не будет больно. Найдите мне самую отъявленную потаскуху, какая есть в этом городе!

— Надо позвонить Этель Эванс, — пропел Эдди.

Кристи щелкнул пальцами.

— Точно!

Эдди рассмеялся.

— Слушай, я пошутил. Кристи, если тебе нужна шлюха, выбери хотя бы хорошенькую. Сейчас тут есть одна дамочка из Сан-Франциско.

— Я не хочу хорошенькую дамочку из Сан-Франциско. Я хочу Этель Эванс!

— Но она уродина, — сказал Кенни.

— Мне ни к чему королева красоты. Я хочу опытную бабу! Приведите ко мне Этель!

Его глаза сузились.

— Если меня увидят с такой б..., все решат, что Аманда ничего не значит для меня. Позовите Этель!

Эдди позвонил Джерри Моссу в Гринвич. Джерри, вздохнув, пообещал сделать все от него зависящее. Он отыскал Этель на Файр-Айленде.

— Это что, шутка? — спросила она.

— Нет. Кристи Лейн хочет видеть тебя.

— Станный он выбрал способ!

— Этель, ты переспала со всеми звездами — гостями его шоу.

— Кое-кого я упустила. Не забывай, вторую половину сезона шоу шло на Западном побережье.

— Следующий сезон пройдет в Нью-Йорке.

— Отлично. Я вставлю новую диафрагму.

— Этель, наша звезда несчастна. Кристи хочет тебя.

— Но я не хочу его.

— Я прошу тебя приехать в Нью-Йорк.

— Это приказ? — ледяным тоном спросила она.

— Назовем это просьбой.

— Я отвечаю — нет.

— Тогда мне придется позвонить Дентону Миллеру и попросить его не подпускать тебя к шоу.

Сейчас Джерри ненавидел себя. Это был последний шанс.

Она гадко рассмеялась.

— С Дентоном я всегда справлюсь.

— А со спонсором? Нравится это тебе или нет, но им являюсь я.

— Правда? А я-то считала тебя «шестеркой» Робина Стоуна.

— Я не перехожу на личности, — бесстрастно произнес он.

— О, извини меня, конечно, твое предложение потрахаться с Кристи Лейном совершенно не затрагивает мою личность.

— Думай об этом, что хочешь. Ты заслужила свою репутацию. В мои обязанности тоже не входит разговаривать с тобой по телефону четвертого июля. Я делаю это, потому что являюсь участником

«Шоу Кристи Лейна». Очевидно, ты не понимаешь, что такое коллективная работа.

— Хватить болтать, — выпалила она. — Заруби себе на носу: я — не проститутка. Я сплю только с теми парнями, которые мне нравятся. За полтора года Кристи Лейн двух раз не посмотрел в мою сторону — и слава Богу! А теперь я вдруг стала для него Элизабет Тейлор. Что случилось?

— Аманда вышла замуж за Айка Риана.

— Этель помолчала. Потом рассмеялась.

— Эй, твой друг Робин Стоун тоже, вероятно, расстроен! Почему бы мне не утешить его? Для этого я готова даже приплыть в Нью-Йорк.

— Так ты приедешь?

— Она вздохнула.

— О'кей. Где я найду нашего любовничка?

— В «Астории».

— Этель усмехнулась.

— Всю жизнь мечтала о мужчине, который живет в «Астории».

— Она застала Кристи одного.

— Почему ты в джинсах? — спросил он.

— Ты думал, я войду голой?

Кристи не улыбнулся.

— Нет. Вся компания уже в «Копе». Я ждал тебя, чтобы вместе отправиться туда.

— Этель посмотрела на него.

— В «Копу»?

— Идем! — приказал он. — Возьмем такси и заглянем к тебе.

Я хочу, чтобы ты надела платье.

Пока она переодевалась, Кристи листал журнал в ее гостиной.

Мрачный, необщительный, он сидел в такси на дальнем от Этель конце сиденья. Но как только они вошли в «Копу», Кристи точно подменили. Он улыбался во весь рот, держал Этель под руку и с видом собственника представлял ее знакомым. В течение всего концерта Кристи не выпускал руку Этель из своей. Давал ей прикурить. Она сидела с каменным лицом. Этель уже видела это шоу, она испытывала усталость и хотела, чтобы вечер поскорей закончился.

Они вернулись в «Асторию» почти в три часа. Этель никогда не было так скучно. «Копы», бар «Копы», затем «Брассери» и «Сцена». Наконец они остались одни. Она молча разделась. Он уже лежал голый на кровати, ожидая Этель. Посмотрев на него, она испытала чувство отвращения. Голый мужчина без эрекции — в этом есть что-то отталкивающее. Бедная Аманда! После Робина Стоуна окатиться с этим размазней!

Обнаженная Этель подошла к краю кровати. Кристи не удалось скрыть своего удивления — он уставился на ее большие красивые груди.

— Эй, куколка, ты неплохо сложена.

— Он схватил Этель за ягодицу.

— Если убрать отсюда лишнее, у тебя будет отличная фигура. Она отстранилась от Кристи. Его руки были влажными, липкими. Этель не хотела, чтобы он прикасался к ней.

— Есть у тебя крем для бритья? — спросила она.

— Конечно, но зачем он тебе?

Она ушла в ванную и вернулась оттуда с тубиком. Выдавила себе на руки крем.

— А теперь, великая телезвезда, ложись на спину.

Не прошло и пяти минут, как Кристи уже обессиленно постанывал. Этель ушла в ванную и быстро оделась. Вернувшись в спальню, она застала Кристи лежащим неподвижно с закрытыми глазами.

— Пока, Крис.

Ей не терпелось поскорей убежать.

Он схватил Этель за руку.

— Куколка, со мной еще такого не бывало. Но это несправедливо, ну, то, что с тобой ничего не произошло. Господи, я даже не успел прикоснуться к тебе.

— Ничего, — ласково сказала она. — Я знаю, что ты сегодня расстроен. Я хотела помочь тебе все забыть. Хотела сделать тебя счастливым.

Он усадил Этель на кровать. Посмотрел на женщину.

— Знаешь, никто еще со мной так не разговаривал. Я это оценил. Я знаю, что ты вернулась с Файр-Айленда. Что я могу для тебя сделать?

Этель хотела сказать: «Забудь обо мне. Оставь меня в покое». Но она лишь улыбнулась.

Он привлек ее к себе.

— Поцелуй меня.

Его губы были мягкими, пухлыми. Ей удалось освободиться из объятий Кристи, скрыв свое отвращение. Затем она наклонилась, поцеловала его потный лоб и выбежала из квартиры, даже не попросив денег на такси.

Утром он позвонил Этель и пригласил ее пообедать с ним. За неимением лучшего она согласилась. В течение двух недель он каждый вечер водил ее в ресторан. Их имена стали появляться рядом в колонках светской хроники. Отправляясь на гастроли в Атлантик-Сити, он предложил ей поехать с ним. Этель наслаждалась внезапно обретенной известностью — пресса стала уделять внимание девушке Кристи Лейна. Она еще никогда не была чьей-то «девушкой». В одной из утренних газет появилась фотография, на которой они были запечатлены лежащими в креслах на пляже. Репортер намекал, что дело идет к помолвке.

Джерри Мосс немного забеспокоился. Он позвонил Кристи в Атлантик-Сити.

— Кристи, надеюсь, у тебя с ней ничего серьезного?

— Ну конечно. Слушай, Джерри. Ден уже установил даты выхода в эфир двух первых шоу нового сезона. Кем ты заменишь...

Он замолчал.

— Мы будем менять девушек каждую неделю, — заявил Джерри. — Но я хочу поговорить с тобой насчет Этель.

— Да?

— Тебе известна ее репутация.

— Ну и что?

— Думаешь, ты поступил умно, взяв ее в Атлантик-Сити? В газетах пишут о вас. Она портит твой имидж. Публика хочет видеть рядом с тобой порядочную и красивую девушку.

— Слушай, приятель, у меня уже была порядочная и красивая девушка. Может быть, публика была счастлива, но мне плюнули в лицо. Когда Аманда вышла замуж, меня утешала не публика, а Этель Эванс!

— На ТВ всем известно, что представляет из себя Этель Эванс, — возразил Джерри. — Теперь, когда газетчики пустили слух о помолвке, публика захочет узнать подробности. Как она отреагирует на то, что ее «семейный» кумир встречается со шлюхой?

— Не говори так! — резко произнес Кристи. — Она ни у кого и десятицентовика не взяла!

— Крис, ты что, относишься к ней серьезно? Через несколько недель ты летишь в Лас-Вегас. Ты ведь не возьмешь ее с собой?

— Авиабилеты слишком дороги. Это тебе не Атлантик-Сити, сюда мы приехали на автомобиле.

— Значит, у вас нет ничего серьезного.

— Ну конечно. Но скажу тебе следующее. Она приходит по первому моему зову. Не изменяет мне. Со дня нашего первого свидания у нее не было никого, кроме меня. Она во всем идет мне навстречу. С ней я чувствую себя спокойно.

Он замолчал, словно что-то вспоминая. Затем рассмеялся.

— Взять Этель в Лас-Вегас! Да это все равно, что явиться в «Пристанище Дэнни» со своим рыбным бутербродом.

Лето прошло скучно для Этель. Она работала с новым эстрадным шоу, где выступали молодые таланты. Она не любила гитарные группы. Даже приглашенные звезды ориентировались на молодежь. Этель вздохнула с облегчением, когда наступил День Труда. Кристи Лейн вернулся в Нью-Йорк. Она почти обрадовалась, увидев его снова.

Весь сентябрь она находилась рядом с ним. Шоу начиналось в октябре; почти каждый вечер Кристи был свободен. Этель до смерти наскучили Кении, Эдди и Агнес. Она возненавидела бар «Копы», китайские рестораны (всегда самые дешевые), но в первую очередь — ипподром. Кристи ни разу не предложил сделать для нее ставку, поэтому, чтобы развлечь себя, она порой сама тратила пару долларов и иногда случайно выигрывала шестьдесят центов. Она с трудом переносила любой физический контакт с Кристи, но, к счастью для себя, быстро обнаружила, что он не часто нуждался в сексе. Ему было достаточно двух раз в неделю. После полового акта он, лежа на спине, изучал программу бегов.

Этель попросту убивала время до начала шоу, до появления приглашенных на передачу звезд. Тогда она пошлет Кристи и его «шестерок» ко всем чертям.

За неделю до первого эфира два журнала опубликовали статьи о Кристи, где упоминалась и Этель.

Сидя в своем кабинете, Джерри разглядывал фотографию улыбающейся пары — господи, они даже похожи друг на друга, как корешки книг. Однако теперь уже ему следует принимать меры. Дело зашло слишком далеко. Он договорился встретиться за ленчем с Дентоном Миллером.

Поначалу Ден удивился.

— Слушай, Джерри, не создавай себе хлопот. В глубинке и не слышали об Этель.

Джерри хрустнул костяшками пальцев.

— Ден, это серьезная проблема. Спонсор, Том Карутерс, — баптист. Ему не понравились даже некоторые рок-певцы, выступавшие летом вместо Кристи. Сейчас он считает Этель скромной девушкой. Он даже пригласил их с Кристи на обед к себе домой. Познакомил с миссис Карутерс. Если какой-нибудь скандальный журнал вытащит на свет прошлое Этель, мы погибнем! У нее есть подруга на Западном побережье, которая сохранила все письма Этель с рейтингом сексуальных достоинств различных звезд. Эта девушка распространяла их ксерокопии среди своих коллег. Если эти откровения попадут в печать!.. Кстати, Ден, я слышал, там есть и твой рейтинг.

Улыбка сползла с лица Дена.

— Слушай, Ден, я не ханжа. Подобная слава может помочь рок-певцу, но не нашему немолодому маленькому менестрелю. Его аудитория — семейные люди. Карутерс даже попросил в следующем сезоне начинать передачу на час раньше, чтобы ее смотрело большее количество детей. Он хочет, чтобы шоу Кристи шло вечно. Оно для тебя — золотая жила. Мы не можем рисковать из-за Этель.

Ден налил себе вторую чашку кофе. В словах Джерри Мосса был здравый смысл. Одна скандальная статья, и они потеряют спонсора. «Роман» с Амандой не вредил делу: он казался воплощением мечты каждого обывателя. Парень с заурядной внешностью отхватывает себе самую красивую девушку на свете. Если это удалось сделать Кристи, значит, подобное может случиться с любым человеком. Он давал людям надежду. Они идентифицировали себя с Кристи и тогда, когда Аманда ушла от него к эффектному Айку Риану. А сейчас хорошо приняли Этель Эванс, потому что она выглядела как обыкновенная среднестатистическая девушка. Джерри прав! Ну и ситуация!

К концу ленча язва напомнила о себе Дену болью в желудке. Он дал обещание Джерри немедленно положить конец «дружбе» между Этель Эванс и Кристи Лейном.

Ден в течение нескольких дней обдумывал сложившееся положение. Он знал, что ему придется отстранить Этель от работы с шоу. Черт возьми, что она написала о нем? Он позвонил в отдел по связям с общественностью. Ему сказали, что Этель отправилась в салон

красоты. Салон красоты! Ей способна помочь лишь пластическая операция. Ден набрал номер.

— Привет! — радостно произнесла она.

— Сегодня какой-то неизвестный мне праздник? Почему ты ушла с работы?

Она рассмеялась.

— Теперь, когда у меня есть постоянный друг, я должна хорошо выглядеть. К тому же сегодня особый вечер.

Он вдруг вспомнил. Вручение премии самой яркой личности на ТВ. «Ай-Би-Си» заказала столик. После присуждения «Эмми» это событие было важнейшим на телевидении.

— Ты туда идешь? — спросил он и тут же понял, что задал глупый вопрос — конечно же, идет.

— А ты?

— Придется. Крис и Робин Стоун — в числе реальных претендентов. Грегори Остин займет место в президиуме.

— Тогда, думаю, мы увидимся — наверно, будем сидеть за одним столиком. Кстати, Ден, почему ты мне позвонил?

— Может быть, хотел пригласить тебя пойти со мной, — сказал он.

Сейчас не время было ставить ей ультиматум. Это следует сделать при личной встрече.

Она зло рассмеялась.

— Хватит играть. У меня мокрые волосы, я должна вернуться под фен. Зачем позвонил?

— Поговорим завтра.

— Завтра состоится шоу. У меня масса работы, я буду занята, а после передачи Карутерс устраивает вечеринку.

— Только ты туда не пойдешь, — сказал Ден.

Он знал, что момент выбран неудачно, но это было уже слишком.

— Не поняла.

— Сегодня ты появишься с Кристи на людях в последний раз.

Она помолчала. Затем спросила:

— Ты ревнуешь?

— Это официальный приказ.

— Чей?

— Мой! «Шоу Кристи Лейна» — собственность «Ай-Би-Си». Мой служебный долг — охранять ее. Скажем так: твой имидж не подходит для передачи семейного типа. Поэтому я хочу, чтобы после сегодняшнего вечера ты рассталась с Кристи.

— А если я этого не сделаю?

— Тогда ты будешь уволена с «Ай-Би-Си».

Она снова замолчала.

— Ты меня слышишь, Этель?

— О'кей, малыш, — жестким тоном произнесла она. — Конечно, ты можешь меня уволить. Я этого не боюсь. «Ай-Би-Си» — не единственная телекомпания в городе. Еще есть «Си-Би-Эс», «Эн-Би-Си» и «Эй-Би-Си».

— Ты сможешь забыть о них, если я предам гласности причину твоего увольнения.

— Ты хочешь сказать, что это преступление — трахать Кристи Лейна или президента телекомпании?

— Нет. Преступление — посылать по почте порнографические мемуары. У меня есть копии писем, которые ты отправляла в Лос-Анджелес своей подруге. В них содержатся подробные отчеты о твоих сексуальных похождениях.

Она попыталась выкрутиться.

— О'кей — я уволена. Тогда у меня будет больше времени для Кристи.

Он рассмеялся.

— Насколько мне известно, щедрость не относится к числу добродетелей Кристи. Возможно, ты знаешь его с другой стороны. Кажется, я забыл о том, как вы близки. Вероятно, он снимет для тебя квартиру и возьмет на содержание.

— Ты — сукин сын! — взорвалась Этель.

— Слушай меня. Ты бросаешь Кристи. Остаешься в «Ай-Би-Си». Я прикреплю тебя к другому шоу.

— Давай заключим договор, — сказала Этель. — Поручи мне заняться передачей Робина Стоуна. Обещаю — Кристи даже не услышит моего голоса по телефону.

Ден помолчал.

— Мы уже предлагали дать ему человека, но он отказался. Постараюсь что-нибудь придумать. Если у меня ничего не получится, есть другие передачи.

— Я сказала: дай мне передачу Робина Стоуна.

— Ты не в том положении, чтобы диктовать условия. Я сделаю, что могу. Но помни: сегодня вечером ты встречаешься с Кристи Лейном в последний раз. Завтра ты появишься в студии, и на этом все кончено!

Вечером она оделась особенно тщательно. Ее волосы немного отросли, она придала им золотисто-каштановый оттенок. Зеленое платье с глубоким декольте позволяло демонстрировать превосходный бюст. Бедра Этель были излишне широки, но свободная юбка скрывала их. Она оценивающе посмотрела на себя в зеркало и осталась довольна. Конечно, ей далеко до Аманды, но если не раскрывать рот со щелью между передними зубами, она будет выглядеть неплохо. Даже очень неплохо...

Большой зал «Уолдорфа» был заполнен до отказа. Кристи оставался едва ли не у каждого столика, чтобы поприветствовать знакомых. Президиум выглядел внушительно: там сидели владельцы всех телекомпаний, бродвейские звезды, мэр и босс одной киностудии. Этель, следуя за Кристи, заметила сидевших в центре президиума Грегори Остина и его эффектную жену, с которой разговаривал репортер. Ее голова была наклонена так величественно, что казалось, будто она не просто слушает, а дает аудиенцию. Наконец Этель и Кристи добрались до столика «Ай-Би-Си», расположенного напротив президиума. Ден Миллер уже сидел за столиком. Он был с брюнеткой лет тридцати, идеально подходившей для этого мероприятия. Казалось, он звонит агенту и просит его: «Пришлите мне «светскую даму» —

черное платье, перламутровые бусы, не слишком большой бюст». Два кресла оставались пустыми. Не для Робина ли они? — подумала Этель. Вероятно, да — все остальные были заняты. Значит, он будет сидеть рядом с ней. На такую удачу она не рассчитывала.

Робин прибыл позже с потрясающей девушкой — молодой немецкой актрисой Ингер Густар. Этель взяла сигарету. Кристи не пошевелился, но, к ее удивлению, зажигалку протянул Робин.

— Восхищаюсь вашим вкусом, — тихо произнесла Этель. — На прошлой неделе я видела ее в фильме. Она не умеет играть, но это не имеет значения.

Робин молчал.

— Это что-то серьезное или просто новая девочка? — продолжила Этель, пытаясь придать своему голосу шутливый тон.

Улыбнувшись, Робин произнес:

— Ешь свой грейпфрут.

— Я не люблю грейпфрут.

— Он полезный, — не поднимая головы, сказал Робин.

— Мне не всегда нравится то, что полезно.

Заиграла музыка. Внезапно Робин встал.

— О'кей, Этель, потанцуем.

Она вспыхнула от радости. Неужели он наконец обратил на нее внимание? Возможно, зеленое платье и рыжеватый оттенок волос сделали свое дело. Несколько минут они танцевали молча. Этель плотнее прижалась к Робину. Он отодвинулся и посмотрел на нее. Его лицо было бесстрастным, а губы, казалось, еле двигались. Но слова прозвучали ясно и четко.

— Слушай, глупышка, неужели ты не понимаешь, что это, возможно твой первый в жизни шанс получить медное кольцо? Я считал, что у тебя есть мозги — воспользуйся ими, ты можешь выиграть.

— А если меня не интересует медное кольцо?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Кристи Лейн не в моем вкусе.

Он откинул голову назад и засмеялся.

— Ты слишком разборчива. Мне нравится твоя наглость.

— А мне нравится в тебе все, — нежно, вкрадчиво произнесла Этель.

Она почувствовала, что его тело окаменело. Не глядя на нее, он сказал:

— Извини, у тебя нет шансов.

— Почему?

Он высвободился из объятий Этель и посмотрел ей в глаза.

— Потому что я тоже разборчив.

Она уставилась на него.

— Почему ты так ненавидишь меня?

— Я не испытываю к тебе ненависти. До настоящего момента я считал, что ты обладаешь определенным интеллектом и выдержкой. Но теперь я начинаю сомневаться в этом. Ты подцепила Кристи Лейна — не упускай его. Он — не Синатра, но его шоу пользуется успехом. Оно будет идти долго, очень долго.

— Робин, скажи мне — почему ты пригласил меня на танец?

— Потому что впереди еще целый вечер, и я решил избавить себя от твоих десяти или двенадцати завуалированных приглашений. Захотел сразу внести в ситуацию ясность. Мой ответ — отрицательный.

Этель посмотрела на танцевавшую рядом с ними немецкую актрису.

— Ты имеешь в виду сегодняшний вечер? — улыбнулась она.

— Сегодняшний и любой другой.

— Почему?

Этель заглянула ему в глаза.

— Хочешь, чтобы я сказал правду?

— Да.

Она улыбнулась, не раскрывая рта.

— Все очень просто, детка — у меня с тобой не встанет.

Ее лицо застыло.

— Я не знала, что у тебя с этим проблемы.

— С тобой они бы появились, — улыбнулся Робин.

— Может быть, поэтому Аманда променяла тебя на Айку Риана.

Великий Робин Стоун — одно обаяние и никаких действий. Она обманывала тебя даже с Кристи.

Он перестал танцевать и взял Этель под руку.

— Я думаю, нам следует вернуться к столу.

Она злобно улыбнулась. Не сдвинулась с места.

— Что, я задела больное место, мистер Стоун?

— Я не испытываю боли, детка. Просто, по-моему, у тебя нет морального права сплетничать об Аманде.

Он снова попытался увести ее с площадки, но она заставила его продолжить танец.

— Робин, дай мне шанс. Проведи со мной одну ночь. Это ни к чему тебя не обяжет! Я всегда приду к тебе по твоему первому зову. Я тебе понравлюсь. Ты никогда больше не потеряешь голову из-за такой девушки, как Аманда.

Он посмотрел на нее с какой-то странной улыбкой.

— Ручаюсь, у тебя лошадиное здоровье.

— Я никогда в жизни ничем не болела.

Он кивнул.

— Это закономерно.

Она посмотрела на него.

— Ну что?

— Этель, — почти простонал Робин, — довольствуйся Кристи Лейном.

— Не могу.

Она покачала головой.

— Это не зависит от меня — я получила приказ бросить его. Робин проявил неподдельный интерес.

— Чей приказ?

— Дентона Миллера. Ему нравится время от времени трахать меня, но сегодня он заявил мне, что я должна бросить Кристи — пресса

стала уделять нам слишком много внимания. Я порчу «семейный» образ Кристи. Если я послушаюсь Дентона, он меня уволит.

— Как ты поступишь?

Что ж, ей хотя бы удалось пробудить в нем интерес. Возможно, правильная тактика — добиться сочувствия Робина. Отбросить жесткость. Она попыталась пустить слезу, но у нее ничего не вышло.

— Что я могу сделать? — Этель беспомощно посмотрела на Робина.

— Не играй под Шерли Темпл. Раз ты шлюха, так и держись соответственно, не строй из себя обиженную девочку. Не проси сочувствия.

Он усмехнулся.

— Ты играешь в мужские игры. По мужским правилам. Уверен, когда-нибудь ты еще врежешь Дентону Миллеру.

Она с любопытством поглядела на него.

— Считаешь, я должна дать бой Дену Миллеру?

Этель покачала головой.

— У меня нет шанса на победу. Разве что ты возьмешь меня к себе. Ты сказал, что я неглупа. Забудем пока про секс. Дай мне этот шанс, Робин, я могу многое сделать для твоей передачи. Обеспечу тебе мощную рекламу.

— Нет, — перебил ее он. — Я не артист...

— Возьми меня к себе. Я буду печатать, исполнять любые твои поручения.

— Нет.

— Почему? — умоляюще спросила она.

— Потому что я ничего не делаю в благотворительных целях, из жалости или сочувствия.

— А из дружеских чувств?

— Мы не друзья.

— Я стану твоим другом. Сделаю для тебя все — только попроси.

— Что ж, сейчас больше всего на свете я хочу прекратить этот танец.

Она отпрянула от Робина и с ненавистью уставилась на него.

— Робин Стоун! Надеюсь, ты сгниешь в аду!

Он непринужденно усмехнулся. Взял ее под руку и увел с площадки.

— Так-то лучше, детка, мне по душе твой бойцовский дух.

Они подошли к столу. Робин с обворожительной улыбкой поблагодарил ее за танец.

Вечер был долгий и скучный. Криса называли самой яркой личностью среди звезд новых шоу. Передача Робина «Взгляд» получила премию для информационных программ. Когда закончились речи, в дальнем конце зала раздвинулся занавес, прозвучали фанфары, и гости, вздохнув с облегчением, развернули свои кресла в сторону сцены.

Как только погас свет, Робин взял за руку свою немку, и они ушли. Но Крис вместе с сотрудниками «Ай-Би-Си» остался за столом.

Этель поглядела на пустые кресла. Да кто он такой, чтобы вот так встать и уйти? Даже Дентон Миллер сидел и смотрел скучное шоу. Кристи, который был в два раза важнее Робина Стоуна, не посмел уйти. Кристи важнее даже Дена Миллера. Дена в любой миг могут уволить — сейчас он был в фаворе именно благодаря Крису. Как он посмел угрожать ей? Пока у нее есть Крис, она сильнее Дентона Миллера. И Робина Стоуна. Внезапно она поняла, что у нее нет никого, кроме Кристи. Сейчас ей тридцать один год. Не всю же жизнь она будет трахать знаменитостей. Через несколько лет они ее не захотят.

Этель сидела в полумраке, не слыша вежливого смеха аудитории. В ней зародилась и стала крепнуть новая идея. Почему она должна бросить Кристи? Одно дело — спать с ним, а совсем другое — стать миссис Кристи Лейн! Величие замысла воодушевляло Этель. Конечно, осуществить его будет непросто. Придется запастись терпением. А добившись своего, она сможет послать к черту всех. Дена, Робина — весь мир. Миссис Кристи Лейн! Миссис Телезвезда! Миссис Власть!

Они добрались до «Астории» в три часа ночи. Крис предложил Этель отвезти ее домой.

— В одиннадцать я должен быть на репетиции, куколка.

— Позволь мне уснуть рядом с тобой. Мы можем не заниматься сексом, просто я хочу побыть с тобой, Крис.

Его простоватое лицо расплылось в улыбке.

— Пожалуйста, куколка. Я подумал, что тебе удобнее спать у себя — ты должна переодеться и тоже прийти на репетицию.

— Нет, не должна.

Он повернулся к ней в полумраке такси.

— Почему?

— Объясню тебе, когда мы поднимемся.

Она молча разделась и легла в постель возле Кристи. Он изучал программу бегов. Живот Кристи вывалился из трусов, во рту торчала сигара. Он указал на соседнюю кровать.

— Спи там, куколка. Сегодня трахаться не будем.

— Я хочу прижаться к тебе, Крис.

Она обняла его рыхлое тело.

Он посмотрел на Этель.

— Ты сегодня какая-то странная. Что случилось?

Этель заплакала. Она удивилась тому, как легко это у нее вышло. Она вспомнила унижение, которое ее заставил пережить Робин Стоун, и всхлипывания переросли в рыдания.

— Куколка, скажи мне, ради Бога, в чем дело? Я что-нибудь сделал не так? Объясни же.

— О, нет, все дело в том, что это наша последняя встреча.

Сейчас уже слезы текли сами собой; она плакала из-за всех мужчин, которые провели с ней только одну ночь, из-за всей прошедшей мимо нее любви.

— О чем ты говоришь, черт возьми?

Он обнял Этель, потом неуклюже попытался погладить ее по голове. Даже запах дешевого одеколора и пота, исходящий от Кристи, вызывал у Этель отвращение, но она попыталась вспомнить, как танцевала с Робинсом. Представила себе лежащую в объятиях Робина немку и зарыдала еще громче.

— Куколка, скажи мне, я не могу видеть тебя в таком состоянии. Ты — самая сильная женщина на свете. Вчера я сказал это Кенни. «Этель способна убить за меня», — так я ему заявил. Что еще за глупости насчет нашей последней встречи?

Она посмотрела на него. Слезы текли по ее лицу.

— Крис, как ты ко мне относишься?

Он провел рукой по волосам Этель и задумчиво уставился в пространство.

— Не знаю, куколка, я об этом не размышлял. Ты мне нравишься. Нам хорошо вдвоем. Ты — отличный товарищ.

Она снова заплакала. Эта скотина тоже ее отвергает!

— Куколка, послушай — я не позволяю себе влюбиться. Один раз — это достаточно. Но у меня нет другой девушки. Ты будешь со мной столько, сколько захочешь. Как Кенни и Эдди. С чего это ты завела разговор о нашей последней встрече?

Она повернула голову в сторону.

— Крис, ты знаешь о моем прошлом.

Кристи покраснел.

— Да, это правда, — всхлипнула Этель. — Но то была не настоящая я. Настоящая я — это та женщина, которую ты знаешь. Ты боишься боли из-за Аманды — такое случилось и со мной. Я обручилась с одним парнем из колледжа. Я была девушкой. Он меня бросил. Я испытала такую боль, что решила перетрахать всех мужчин на свете, только чтобы расквитаться с ним. Ненавидела его, ненавидела жизнь, ненавидела себя. Встретив тебя, я как бы очистилась. Ты стал мне дорог. Я начала нравиться себе, и появилась подлинная Этель Эванс. Прошлое было маской. На самом деле я такая, какой ты меня видишь.

— Понимаю, куколка, я даже начал забывать о твоём прошлом. Чего ты разволновалась? Я тебя о чем-нибудь спрашивал?

— Нет, но, Крис, до тебя я встречалась с Дентоном Миллером.

Он сел в кровати.

— О черт, и с ним тоже! Ты хоть кого-нибудь пропустила?

— Крис, Дентон всерьез увлекся мною. Он ревновал меня ко всем мужчинам, с которыми я встречалась. Поручил мне работу, связанную с твоим шоу, чтобы иметь возможность постоянно приглядывать за мной. Пришел в ярость, когда Джерри устроил наше свидание. Но Ден решил, что все закончится одной ночью. Он не предполагал, что я влюблюсь в тебя. Теперь он ревнует. Позвонил мне сегодня и сказал, что не хочет, чтобы я с тобой больше встречалась. Я должна всегда быть свободной для него. Я послала Дена к черту. Он потребовал, чтобы я сегодня же рассталась с тобой. Я не должна приближаться к твоему шоу, в противном случае он уволит меня из «Ай-Би-Си». Если я брошу тебя, я останусь в телекомпании. Он

обещал перевести меня на другое шоу и повысить оклад. Но я не могу пойти на это. Не могу жить без тебя.

— Завтра я потолкую с Деном.

— Он будет все отрицать, а ты наживешь себе врага. Ден заявил, что он создал тебя и в любой миг может уничтожить.

Кристи замер. Этель поняла, что допустила ошибку. Кристи все еще чувствовал себя неуверенно. Черт возьми, да он боится Дена Миллера!

— Он не может ничего тебе сделать — ты самый великий. Но Ден способен избавиться от меня. Кажется, я писала глупые письма одной девушке, которую считала своей подругой — кое-что насчет моих романов. У Дена есть их ксерокопии.

— Знаешь, бывают женщины с длинными языками. А у тебя вместо него — пишущая машинка. Какого черта ты писала эти письма? Ты могла навредить и своим друзьям тоже.

— Знаю. Вероятно, Бог карает меня за это. Но могла ли я предположить, что Ивонна станет размножать мои послания? Почему господь не накажет ее? Я писала их в шутку, по горячим следам. Но это все в прошлом. Моя проблема — сегодняшняя.

— О'кей, покинь мое шоу, — сказал Крис.

— И что дальше?

— Ты можешь найти работу — есть еще «Си-Би-Эс», «Эн-Би-Си».

— Нет, стараниями Дена я попаду в черный список. На мне можно будет поставить крест.

— Я найду тебе работу, и прямо сейчас.

— Крис, уже половина четвертого.

— Плевать!

Он поднял трубку. Вскоре Этель услышала чей-то сонный голос.

— Херби? Это Крис Лейн. Знаю, что поздно, дорогой, но я — человек импульсивный. Если не ошибаюсь, вчера на ипподроме ты сказал, что готов отдать все ради чести представлять мои интересы в области связей с общественностью. Что ж, я могу дать тебе шанс. Начнешь с завтрашнего дня.

В трубке зазвучал торопливый голос Херби. Он счастлив. Он не разочарует Кристи. Он будет на репетиции в одиннадцать часов.

— Погоди, Херби. Я плачу три сотни в неделю. Мне нет дела до существующих расценок. Твоя контора обслуживает грошовых комиков и танцоров. Получив Кристи Лейна, ты попадаешь в высшую лигу. К тому же я могу подкинуть работу твоим клиентам. Но у меня есть одно условие: ты должен взять к себе Этель Эванс. Верно, сейчас она в «Ай-Би-Си», но я хочу, чтобы Этель ушла оттуда и работала только на меня. Платить ей будешь ты. Ну, скажем, сотню в неделю.

Он посмотрел на Этель. Она возмущенно затрясла головой.

— Сто двадцать пять?

Этель снова качала головой.

— Одну минуту, Херби.

Кристи повернулся к Этель.

— Сколько ты хочешь?

— Мой оклад в «Ай-Би-Си» — сто пятьдесят долларов в неделю. За твое шоу мне дополнительно платят двадцать пять. Итого выходит сто семьдесят пять.

— Херби, сто семьдесят пять, и ударим по рукам. Тебе останется сто двадцать пять долларов, но не забывай о престиже. Да, понимаю, ладно, сто пятьдесят.

Кристи не отреагировал на то, что Этель заехала ему локтем в бок.

— Договорились, Херби, в десять часов она будет у тебя.

— Ты хочешь сказать, что благодаря твоим титаническим усилиям я потеряю в деньгах? — спросила она.

— Он прав, ты не можешь получать больше, чем остается ему. Успокойся, в «Ай-Би-Си» ты рекламируешь несколько передач, а у Херби будешь заниматься только моим шоу. Ты вполне можешь прожить на сто пятьдесят долларов.

Этель негодовала. Она знала Херби... Он заставит ее работать двадцать четыре часа в сутки. «Ай-Би-Си» — престижная телекомпания. Херби же владел третьеразрядной фирмой. Но теперь у нее нет выбора.

— Крис, я подписала свой смертный приговор, и тебе это известно.

— Почему? Я нашел тебе новое место.

— «Ай-Би-Си» гарантирует дополнительные льготы, например, бесплатное медицинское обслуживание.

— Теперь у тебя есть я. Разве ты не к этому стремилась?

Она прижалась к нему.

— Конечно. Ради тебя я уйду из «Ай-Би-Си». Я могла там остаться. Но я променяла это на работу у Херби Шайна. Но что ты сделаешь ради меня?

— Ты сошла с ума? Я только что нашел тебе работу.

— Я хочу быть твоей девушкой.

— Боже, всем известно, что ты — моя девушка.

— Я имею в виду — официально. Можем мы хотя бы заявить публично о нашей помолвке?

Он отложил в сторону программу бегов.

— Забудь об этом! Я не женюсь на тебе, Этель. Если я когда-нибудь решу вступить в брак, то подыщу себе скромную, порядочную девушку. Я хочу иметь детей. Твое влагалище — что тоннель Линкольна, там побывали все.

— Полагаю, Аманда была порядочной девушкой...

— Она — шлюха, но я считал ее порядочной. О тебе я все знаю.

— Ты не считаешь, что девушка может измениться?

— Возможно. Поживем — увидим.

Он снова взял программу бегов.

— Крис, дай мне шанс. Пожалуйста!

— Я что, выбрасываю тебя из кровати? Ты всегда рядом со мной, разве нет?

Она обняла его.

— О, Крис, я не просто люблю тебя, я тебя боготворю. Ты — мой бог, мой господин. Ты — моя жизнь!

Она бросилась к краю кровати и стала целовать пальцы его ног. Этель тошнило, но она пыталась представить, что возле нее лежит обожаемая ею кинозвезда.

Кристи засмеялся.

— Вот это здорово! Мне еще так не делали.

— Лежи. Я хочу любить каждую твою клеточку. Показать тебе, как я тебя боготворю и обожаю. Я буду любить тебя всегда, кем бы ты ни был. Я так тебя люблю...

Она принялась заниматься с ним любовью. Позже, когда покрытый испариной Кристи уже лежал, тяжело дыша, он произнес:

— Это несправедливо, куколка. Я испытал обалденный оргазм. Но с тобой ничего не произошло.

— Ты в своем уме? Я кончила дважды.

— Ты шутишь!

— Крис, неужели ты не понимаешь? Я люблю тебя. Ты меня волнуешь. Я кончаю, просто дотрагиваясь до тебя.

Он обнял Этель, потрепал ее волосы.

— Надо же! Я знаю, что ты — горячая девка. Мне это нравится.

Он громко рыгнул и взял программу бегов.

— Слушай, уже пятый час. Ты бы легла на другую кровать. Тебе рано вставать. Скажешь Дену о своем уходе и отправишься к Херби. Спи, куколка.

Она легла на вторую кровать и повернулась к нему спиной. Заставила себя произнести:

— Я люблю тебя, Крис.

Он встал, шлепнул Этель по ягодице и отправился в ванную.

— Я тебя тоже люблю, куколка. Только не забывай, что мне — сорок два года, моя большая карьера началась поздно. Она для меня важнее всего на свете.

Оставив дверь открытой, он оседлал унитаз и с громким треском опорожнил кишечник. Этель закрыла голову одеялом. Скотина! И она вынуждена ползать перед ним! Но она оплатит ему за это! Женит его на себе любой ценой! А тогда уж поставит всех на место. И прежде всего — самого Кристи!

Этель выдернула лист из пишущей машинки и бросила его на стол Херби Шайна. Сузив глаза, уставилась на маленького плотного человека, который принялся внимательно читать текст.

— Годится, — медленно произнес он. — Только ты не указала адрес ресторана.

— Херби, это материал для газеты. Человек либо запоминает название — «Ларио», либо нет. Ни одна колонка не содержит адреса.

— Но это заведение почти никому не известно. Мы должны привлечь к нему внимание публики.

— Если они устроят презентацию, пригласят на нее знаменитостей и репортеров, об этом ресторане напишут в каждой газете. Но его хозяева, как и другие ваши клиенты, слишком скупы.

— О, тут ты
главного клиента
жмот. «Ларио» —
даром кормить пи
«Ай-Би-Си», а та
— Слушайте,
едва не затошни
Кристи по вашей
Он будет вспомин
— Он замучи
— Крис счита
му классу.
— Всем изве
— Только не
Она надела па
— Сейчас вс
твой рабочий де
— В «Ай-Би-
а покидала рабо
в офисе с девяти
той. Вы же гото
— Тут тебе
Ты получаешь б
меньше времени,
— Тогда уво
Он посмотрел
— Я бы охот
нужен Кристи Л
— Следите з
— Я буду за
— Отлично.
уложив волосы,
мечательное мес
— Ступай в
Улыбнувшись
на широких кол
в ней нашел Кр
Этель знала,
Сидя в баре «К
там Эдди и Кен
Все известные л
по случаю прем
чатся с Аман
многие участни
«Сарди». Его с
негодяй! Она по
она намекнула
платье, его глаз

— О, тут ты права. И в первую очередь это касается моего главного клиента — мистера Кристи Лейна. Он — самый большой жмот. «Ларио» — маленький ресторанчик. Его хозяин не может даром кормить писак. Но ты сделай так, чтобы туда пришли люди из «Ай-Би-Си», а также Кристи Лейн.

— Слушайте, Кристи платит вам из собственного кармана. Его едва не затошнило от последнего ресторана, в который я затащила Кристи по вашей просьбе. Такси обошлось ему в шесть долларов. Он будет вспоминать об этом до самой смерти.

— Он замучил официантов, — сказал Херби.

— Крис считает, что его везде должны обслуживать по высшему классу.

— Всем известно, что ты до сих пор обслуживаешь метрдотеля.

— Только не Крис.

Она надела пальто.

— Сейчас всего лишь четыре часа. Сколько, по-твоему, длится твой рабочий день? Ты появилась здесь в четверть одиннадцатого.

— В «Ай-Би-Си» я часто приходила в половине одиннадцатого, а покидала рабочее место, когда мне было нужно. Иногда сидела в офисе с девяти до шести. Слушайте, Херби, я справляюсь с работой. Вы же готовы заставить меня пахать круглые сутки.

— Тут тебе не «Ай-Би-Си». Мой штат состоит из трех человек. Ты получаешь больше своих коллег, а проводишь на службе вдвое меньше времени, чем я.

— Тогда увольте меня.

Он посмотрел на нее с недоброй улыбкой на лице.

— Я бы охотно это сделал. И тебе это известно! Но нам обоим нужен Кристи Лейн. Ты не будешь уходить отсюда в четыре часа!

— Следите за мной.

— Я буду запираю тебя в кабинете.

— Отлично. Но если я появлюсь на премьере Айка Риана, не уложив волосы, Крис удивится. И я расскажу ему о том, какое замечательное место он мне подыскал.

— Ступай в парикмахерскую, стерва.

Улыбнувшись, она покинула комнату. Херби задержал взгляд на широких колышащихся бедрах Этель и, как все, подумал — что в ней нашел Кристи?

Этель знала, что многие гадают, чем она удерживает Кристи. Сидя в баре «Копы», она заставляла себя улыбаться плоским остро-там Эдди и Кенни. Сегодня она ненавидела Кристи особенно сильно. Все известные люди веселились сейчас на вечеринке, которую устроил по случаю премьеры Айк Риан. Что ж, если Кристи не хотел встречаться с Амандой, они могли отправиться в «Сарди», где будут многие участники премьеры. Но Кристи плохо чувствовал себя в «Сарди». Его сажали там за дальний столик. Скупой эгоистичный негодай! Она посмотрела на свое платье. Ему уже было два года. Когда она намекнула Кристи о том, что для премьеры ей нужно новое платье, его глаза сузились:

— Это что еще за разговоры? Я тебя кормлю, квартира обходится тебе недорого. Получая сто пятьдесят долларов в неделю, ты можешь одеваться, как манекенщица. К тому же Лу Голдберг недавно заставил меня купить кое-какие ценные бумаги.

Лу Голдберг — вот ключ к успеху. Он приедет на следующей неделе. Она должна очаровать его. Убедить в том, что она подходит Крису. Этель раскрыла косметичку и подкрасила губы. Она просто обязана поставить зубные коронки. Этель не раз давала Кристи понять, что хотела бы к рождеству получить в подарок норковую шубу, но он пропускал ее намеки мимо ушей. Ладно, она дождется приезда Лу Голдберга и уж тогда соберется с силами.

Этель сжалась в кресле — стоматолог сделал ей обезболивающий укол. Потом расслабилась. Челюсть, рот и даже часть носа стали неметь. Наконец-то ей поставят коронки! И благодарить за это она должна Лу Голдберга. Врач взялся за бормашину, Этель откинула голову и закрыла глаза. Боли не было. Она ничего не чувствовала. Этель старалась не думать о том, что два здоровых зуба превращаются в пеньки. Зато теперь щель между ними исчезнет.

Она снова вспомнила Лу Голдберга. Этель и не предполагала, что тот вечер пройдет столь успешно. Она специально задержалась на работе и вошла в «Динти Мур» в шубе из опоссума и голубом платье.

— Извините, что я не успела переодеться, но мистер Шайн — настоящий погонщик рабов. Я хотела понравиться вам, мистер Голдберг. Крис много о вас говорил — мне кажется, будто мы уже знакомы.

Седой высокий Лу Голдберг был красивым мужчиной. Будучи старше Кристи, он сохранил стройность и походку молодого человека. Этель пришлось нелегко. Сначала Лу Голдберг держался подозрительно, настороженно. Этель была сама искренность и теплота. Она говорила исключительно о Кристи — о его карьере, таланте, о том, с какой скромностью и достоинством он принимал свой успех, как ему повезло с таким советчиком, как Лу Голдберг.

— Сейчас Крис — всеобщий любимец, — сказала Этель. — Его бы любили, даже если бы он не поднялся наверх, потому что он — порядочный человек. Я уверена, он никогда не останется без работы. Но с годами у человека появляется потребность в пристанище. Больной никому не нужен, кроме родных. Крису повезло: вы — его семья, мистер Голдберг.

Она видела, что Лу Голдберг тает на глазах. Его настороженность исчезла, он смотрел на Этель с добрым интересом. Вскоре он стал задавать ей вопросы личного характера. Она казалась простой и честной. Ее родители — набожные поляки, которые каждое воскресенье ходят в церковь. Да, они еще живы. Они остались в Хэмпт-рэмке. Этель едва не поперхнулась, объясняя Лу, что каждую неделю посылает им пятьдесят долларов. Лу ей поверил. Господи, если бы это было правдой, отец бы уже давно ушел на пенсию!

Лу Голдберг одобрительно улыбнулся.

— Это мне нрав...

Тратят все деньги...

— Это потому...

Я боялась прийти...

это не имеет знач...

видите, кто чего...

глядеть пустозвон...

— Обычно м...

стоящая девушка...

— Спасибо, —

всю мою жизнь...

глупости. Но тог...

сивой.

Она рассмеял...

— Теперь я...

кроме любви Кри...

Лу похлопал...

— Вы весьма...

Она поднесла...

— С такой д...

— Но это л...

творяют чудеса.

Она кивнула.

— Это стоит...

Лу со значе...

сделала вид, буд...

— Крис, я х...

— На мой в...

— Это нужн...

Так все и ре...

— Я вычту з...

Затем Лу рассм...

— Знаете, я...

регибает палку...

— У меня...

И я готовлю н...

меня бесплатно...

но я добьюсь в...

— Ты мож...

заметил Лу.

— Конечно...

Кристи все...

лицом лежала...

того, как Этел...

свое отношени...

дилась. Он зая...

хи!» Она улыб...

залепить поще...

теперь она сде...

— Это мне нравится. Многие девушки не думают о своих семьях. Тратят все деньги на наряды.

— Это потому, что они хотят производить на людей впечатление. Я боялась прийти сюда в этом платье, но потом поняла, что для вас это не имеет значения. Вспомнила, что говорил о вас Крис. Вы сразу видите, кто чего стоит. Он как-то сказал мне, что вы способны разглядеть пустозвона за милю.

— Обычно мне это удается,— радостно согласился Лу.— Вы — стоящая девушка.

— Спасибо,— скромно сказала она.— Встреча с Кристи изменила всю мою жизнь. Я не всегда была такой, как сейчас. Часто делала глупости. Но тогда я была молода и хотела чувствовать себя красивой.

Она рассмеялась.

— Теперь я уже не стремлюсь к этому. Мне ничего не надо, кроме любви Кристи.

Лу похлопал Этель по руке.

— Вы весьма симпатичны, моя дорогая.

Она поднесла руку к передним зубам.

— С такой дыркой...

— Но это легко исправить,— сказал Лу.— Стоматологи сейчас творят чудеса.

Она кивнула.

— Это стоит не менее трехсот долларов.

Лу со значением посмотрел на Криса. Тот отвернулся. Этель сделала вид, будто тема исчерпана, и принялась есть гамбургер.

— Крис, я хочу, чтобы Этель исправила зубы,— заявил Лу.

— На мой взгляд, она и так выглядит прекрасно.

— Это нужно сделать для нее. Если ей кажется, что...

Так все и решилось. Лу сам выписал чек.

— Я вычту это из твоих денег,— сказал он, протягивая чек Этель. Затем Лу рассмеялся.

— Знаете, я сам приучил его к бережливости, но иногда он перегибает палку. Крис, тебе нужны новые костюмы.

— У меня есть три новых костюма. Я выступаю в них на ТВ. И я готовлю новый контракт. Портной сказал мне, что будет одевать меня бесплатно, если я сделаю ему рекламу. Ден Миллер заартачился, но я добьюсь включения этого пункта в договор.

— Ты можешь вычесть стоимость костюмов из суммы дохода,— заметил Лу.

— Конечно, но почему не шить их бесплатно?

Кристи все хотел получать бесплатно. Этель с окаменевшим лицом лежала в кресле стоматолога. Она добила-таки своего! После того, как Этель завоевала симпатию Лу Голдберга, Кристи изменил свое отношение к ней. Он действительно поверил, что она переросла. Он заявил: «Я ощущаю себя богом. Я сотворил леди из шлюхи!» Она улыбнулась и взяла его за руку... Господи, ей так хотелось залепить пощечину в эту глупую самодовольную физиономию. Однако теперь она сделает себе коронки, они будут готовы к обеду, который

состоится в «Уолдорфе». Конечно, чтобы женить на себе Кристи, ей еще придется пройти долгий путь. Некоторые газеты намекали на то, что она обручена с Кристи, но он по-прежнему даже и не задумывался о браке. Она поигралась с мыслью о беременности, но Кристи проявил предусмотрительность. Он не разрешал ей пользоваться диафрагмой и всегда сам надевал презерватив. Обычно он просто ложился на спину и позволял ей любить его. Он и правда поверил в то, что она кончает, прикасаясь к нему... Ладно, она хотя бы добилась расположения Лу Голдберга, и теперь ей исправят зубы. Неплохое начало. А еще она купит к обеду новое платье.

Обед в «Уолдорфе» ничем не отличался от любого другого обеда в «Уолдорфе». Ден Миллер прибыл в сопровождении новой «светской дамы», казавшейся точной копией его предыдущей спутницы. Только у этой волосы были окрашены «под седину». За их столиком два места оставались пустыми... Робин Стоун так и не появился. Этель пожалела, что истратила деньги на платье. Единственным важным событием стало ее представление миссис Грегори Остин. Оно произошло, когда они получали свои шубы в гардеробе. Этель держалась с подобающей застенчивостью; миссис Остин поздравила Кристи с успехом шоу.

Раздеваясь вечером, Кристи с ликованием вспоминал этот момент.

— Ты видела — сам Грегори Остин подошел ко мне и сказал, что я — лучше всех. Он изменил своим правилам. Он мог просто кивнуть. Известно, что он держится на расстоянии от своих телезвезд. Боже, я никогда не забуду тот новогодний прием. Тогда он кивнул мне и, похоже, подумал — кто это, черт возьми?

Обнаженный Кристи плюхнулся на кровать.

— Ну, детка, вдохни-ка жизнь в мой сморчок. В конце концов, это для тебя честь — ублажать Короля.

Этель, не реагируя на его слова, медленно раздевалась. Взгляд Кристи, устремленный в пространство, выражал самодовольство.

— Знаешь что? Это имя — Король — не годится. Королей много — есть король Англии, король Греции, король Швеции. Но Кристи Лейн — один. Мне нужно сценическое имя.

— Примерь «Бога».

— Нет, это кощунство.

Кристи задумался.

— Как тебе нравится «Великолепный»? Слушай: мистер Великолепный. Сделай так, детка, чтобы в прессе к моей фамилии добавляли этот эпитет. Я действительно великолепен. Слышала, даже миссис Остин сказала мне, что она получает удовольствие от моего шоу? Это потому что я — самый великий.

— Она бы решила, что ты самый скупой, если бы узнала, что я работаю у Херби Шайна.

— Она бы удивилась гораздо сильнее, узнав, что ты — содержанка — проворчал Кристи. — Работать — это вовсе не зазорно.

— Ха! Все знают, что ты меня трахаешь. Люди думают, что ты слишком скуп, чтобы содержать меня.

— Никто не считает меня жмотом.

— Я — живое свидетельство твоей скупости. Я уже пять месяцев твоя девушка. Моя одежда — предмет насмешек, но люди смеются не надо мной. Они смеются над тобой!

Заметив краску на лице Кристи, Этель подумала, что она, вероятно, перегнула палку. Она смягчила тон.

— Слушай, мне безразлично, даешь ты мне что-нибудь или нет. Херби Шайн вечно подпускает шпильки, намекает, что ты скуп, иначе, по его мнению, я бы не работала в принадлежащей ему конторе. Это захудалая фирма, Крис. По-моему, тебе не следует пользоваться ее услугами. Ты должен заключить контракт с «Калли и Хейс».

— И платить тысячу в неделю?

— Тебе это по карману.

— Не собираюсь выбрасывать деньги на ветер. Они завалят меня приглашениями на всякие модные приемы, но в газетах не появится ни строчки обо мне. Херби хотя бы делает мне рекламу в прессе.

— Но Херби не способен обеспечить публикацию в журналах статей о тебе.

— Этим занимается рекламный отдел «Ай-Би-Си». Я поручил Херби следить за тем, чтобы мое имя регулярно появлялось в газетах.

— Ты платишь ему три сотни в неделю!

— Фактически только полторы. Половина уходит на твою зарплату.

— Я обслуживаю там еще нескольких клиентов. И ты платишь за это!

— Сукин сын, — тихо сказал Кристи.

— Крис, найми меня и пошли к черту Херби!

На его лице появилась недобрая улыбка.

— Ты хочешь сказать, что я должен платить тебе триста баксов в неделю? Это глупо. Сейчас на меня работаете вы оба — и ты, и Херби.

— Он ничего не делает. Только заставляет тебя ходить в дрянные рестораны, и таким образом твое имя попадает в газеты. А рестораны платят ему. Слушай, Кристи, давай мне две сотни в неделю — это на сто долларов меньше, чем ты тратишь сейчас. Я буду выполнять ту же работу. Я знаю всех репортеров. Они будут упоминать тебя в своих колонках. А я смогу всегда быть у тебя под рукой. На прошлой неделе мне пришлось в два часа ночи оставить тебя в «Копе» одного, потому что рано утром я встречалась с другим клиентом Херби. А так я смогу постоянно находиться возле тебя; Херби не будет присваивать себе твои деньги и смеяться над тобой.

Глаза Кристи сузились.

— Негодяй...

Он помолчал. Потом вдруг улыбнулся.

— О'кей, куколка, ты меня убедила. Я заплатил Херби за эту неделю. Получи свою зарплату в пятницу, а потом пошли Херби к черту. Скажи ему, что я так решил.

Она бросилась на шею Кристи и покрыла его лицо поцелуями.
— О, Крис, я тебя люблю, ты мой повелитель, моя жизнь!
— О'кей, а теперь в койку. Сделай мистера Великолепного счастливым.

После того, как Этель удовлетворила Кристи, он уткнулся в программу бегов. Она стала просматривать утренние газеты. Полистала «Дейли Ньюс» и остановилась на третьей странице. Увидела фотографию Аманды. Лежащую на носилках девушку вносили в больницу. Этель внимательно прочла заметку. Аманда потеряла сознание на вечеринке. Диагноз — внутреннее кровоотечение, вызванное обострением язвенной болезни. Ее состояние было названо удовлетворительным. Этель спрятала газету от Кристи. Он давно уже не вспоминал об Аманде. Этель была уверена, что он забыл ее. Интересно, какие чувства испытал Робин, когда она вышла замуж за Айку Риана. Этель вспомнила о двух пустых креслах. Восхитилась смелостью Робина. Похоже, ему ни до кого нет дела!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Робин собирался появиться в «Уолдорфе». Он велел Тине, новой гордости «Сенчери Пикчерс», одеться к восьми часам. Он даже заказал автомобиль. Робин не жалел о том, что на прошлой неделе пошел на премьеру фильма. Обычно он избегал таких мероприятий. Но после того, как Робин вернулся к работе над книгой и в течение нескольких недель проводил каждый вечер за письменным столом, он ощутил потребность в отдыхе. Господь послал ему для этого Тину Сент-Клер. Она была красивой девушкой без единой извилины в голове и приехала в Нью-Йорк, чтобы участвовать в презентации фильма. Она снялась в небольшой роли, но звезды были заняты, поэтому Тина Сент-Клер, подающая надежды молодая актриса из Джорджии, согласилась отправиться в путешествие. Она посетила Сан-Франциско, Хьюстон, Даллас, Сент-Луис, Филадельфию и наконец оказалась в Нью-Йорке. Кинокомпания выделила девушке пресс-агента, дала ей напрокат студийный гардероб, забронировала для нее «люкс» в «Сент-Реджисе». За три дня Тина семь раз появилась на телеэкране, дала десять интервью для радио и четыре — для газет, а также простояла два часа в магазине грамзаписей. Последняя акция задела ее самолюбие: ни один покупатель не попросил Тину оставить автограф на долгоиграющей пластинке. Затем наступил кульминационный момент — премьера фильма и устроенный в честь этого события прием, на котором пресс-агент вручил Тине обратный билет до Лос-Анджелеса (туристический класс) и сообщил, что завтра ей следует освободить «люкс».

Девушка ужасно расстроилась. После двух бурбонов она познакомилась на приеме с Робинем и поведала ему свою печальную историю.

— Я здесь вкалывала, как проклятая, а теперь должна возвра-

щаться назад. Для чего, спрашивается? Чтобы сидеть и ждать, когда подвернется следующая маленькая роль! Я впервые в Нью-Йорке и ничего не успела увидеть!

— Оставайся, — предложил Робин. — Я покажу тебе город.

— Этот отель мне не по карману. Вся моя оставшаяся наличность десять долларов. Мне платят всего сто двадцать пять баксов в неделю! Моя сестра работает официанткой в Чикаго, так она получает больше!

После еще двух бурбонов она перебралась из «Сент-Реджиса» в квартиру Робина. Целую неделю Робин жил среди теней для глаз, туши и румян. Он не мог поверить в то, что девушка, просыпающаяся утром столь свежей и привлекательной, пользуется таким количеством косметики. У Тины было больше кисточек, чем у любого художника. Робину пришлось перенести рукопись на кухню. Тина решила, что самое лучшее освещение для макияжа — возле его стола. Робин обнаружил, что ему нравится работать в своем офисе. Выключив телефоны, он успевал с пяти до семи часов сделать там очень много.

Робин вытащил лист из пишущей машинки и посмотрел на часы. Без четверти семь. Пора закругляться. Через четыре дня Тина уедет, и он сможет вечерами работать дома. Тина превзошла все его ожидания, но сейчас он уже не жалел о том, что они скоро расстанутся. Она была похожа на Робина. Ненасытная в постели, Тина не задавала лишних вопросов, ничего не требовала.

Он убрал рукопись и закурил сигарету. Ему не хотелось идти в «Уолдорф». Но этот благотворительный обед устраивала миссис Остин, и Робину следовало там присутствовать. Что ж, после речей они с Тиной сомотаются оттуда. Он обещал сводить ее в «Эль Морроко». Это заведение было не в его вкусе, но он чувствовал себя должником юной нимфоманки. Робин брился в кабинете, потому что Тина полностью оккупировала его ванную. Разложила там питательные кремы и принадлежности для душа. Подсоединив бритву к розетке, он включил телевизор, чтобы посмотреть семичасовой обзор новостей.

Робин уже заканчивал бриться, когда за дикторским пультом появился Энди Парино. Он возбужденно заговорил о новом появлении «летающей тарелки». Робин слушал его без всякого интереса, пока на экране не замелькали фотографии НЛО. Снимки производили впечатление. Робин подошел к телевизору. Он мог поклясться, что различает иллюминаторы.

«Пентагон утверждает, что это метеозонд, — с сомнением в голосе произнес Энди. — Если это правда, то почему военные поручили расследовать специалисту, занимающемуся программой «Синяя книга»? Вправе ли мы считать нашу планету единственной, населенной живыми существами? Наше солнце ничем не лучше других подобных ему светил. Это всего лишь небольшая звезда из созвездия Цефея. Почему на какой-нибудь планете другой солнечной системы не может существовать цивилизация, опережающая нашу на двадцать миллионов лет? Пора провести серьезное расследование и ознакомить общественность с его результатами.

Робин всерьез заинтересовался этой темой. Он решил поговорить с Энди.

Он уже опаздывал на обед. Ничего страшного, они приедут в «Уолдорф» к половине девятого. Связавшись с Энди по телефону, он отметил уникальность снимков и поинтересовался подробностями.

— Все было именно так, как я рассказал, — заявил Энди.

— Ты хорошо прочитал текст. А кто его писал?

— Мегги Стюарт, — помолчав, ответил Энди.

Заметив отсутствие реакции со стороны Робина, Энди добавил:

— Помнишь, я тебе о ней рассказывал.

— Похоже, она неглупая девушка.

— Мне по-прежнему не удастся уговорить ее выйти за меня замуж.

— Я же сказал, что она неглупа. Какая у вас погода?

— Двадцать один градус тепла, на небе — ни облачка.

— А у нас около нуля и пасмурно.

— Знаешь что, Робин? Будь я президентом редакции новостей, я бы зимой искал новости в теплых краях, а летом — в прохладных.

— Хорошая мысль.

— Ну, мне пора бежать. Мэгги, вероятно, уже в баре «Золотой берег». Он находится возле бухты. Сидя у окна, можно смотреть на воду, луну, возвращающиеся яхты.

— Везет же некоторым, — с завистью в голосе сказал Робин. — А я должен надеть черный галстук и ехать в «Уолдорф».

— Ты сумасшедший. У тебя только одна жизнь. Почему бы тебе не вырваться сюда на несколько дней?

— Если бы у меня была такая возможность...

— Ладно, я должен бежать. С нами обедает парень, который видел эту «летающую тарелку». Он не псих. Будучи преподавателем математики, он смог оценить скорость НЛО. По-моему, тут пахнет неплохой передачей — возможно, мы покажем ее в воскресенье днем.

— погоди! — сказал Роберт. — Это прекрасная тема для моего «Взгляда». Можно пригласить твоего математика и других свидетелей появления «тарелки» из разных частей страны. Позвать специалистов из Пентагона и задать им ряд вопросов...

— Хочешь, чтобы я отправил тебе все материалы? — спросил Энди.

— Нет, я сам к тебе приеду. Хочу поговорить с этим преподавателем.

— Когда ты появишься у нас?

— Сегодня вечером.

Помолчав, Энди произнес:

— Сегодня?

Робин засмеялся.

— Я решил воспользоваться твоим советом. Немного тепла мне не повредит.

— О'кей, я забронирую тебе «люкс» в «Дипломате». Этот отель находится недалеко от моей квартиры, там есть отличное поле для гольфа. Я пошлю лимузин в аэропорт.

— Увидимся в половине первого.
— Нет, Робин. Тебя встретит большой черный лимузин. У меня свидание с Мэгги.

Робин рассмеялся.

— Сукин сын! Вы живете вместе?

— Увидев Мэгги, ты не будешь задавать такие вопросы. Мы живем отдельно.

— О'кей, Энди. До завтрашнего утра.

В четверть девятого Робин перешагнул порог своей квартиры. Тина ждала его в вечернем платье, ее длинные рыжие волосы были уложены на греческий манер.

— Дорогой, — она затанцевала вокруг Робина, — ты не догадаешься, что случилось. Студия разрешила мне провести здесь еще неделю. Правда, это замечательно? Милый, мы опаздываем — я уже приготовила твой смокинг. Автомобиль ждет нас.

Он удалился в спальню и достал из шкафа чемодан. Тина проследовала за Робинком.

— Мне надо лететь в Майами, — сказал он.

— Когда?

— Сегодня. Хочешь составить компанию?

Она состроила гримасу.

— Милый, я живу в Лос-Анджелесе. Майами — этот тот же Лос-Анджелес, только без смога.

Робин заказал по телефону авиабилет. Тина изумленно посмотрела на него.

— Робин, ты не можешь так взять и сорваться. А как же твой важный обед с боссом?

— Завтра я пошлю ему телеграмму с извинениями.

Он взял чемодан и направился к двери. Положил на стол несколько купюр.

— Тут около ста долларов.

— Когда ты вернешься?

— Дня через четыре. Или пять.

Она улыбнулась.

— Я еще буду здесь.

— Постарайся к этому времени уехать.

Она растерянно посмотрела на него.

— Мне казалось, что я тебе нравлюсь.

— Детка, скажем так: мы встретились во время круиза по Карибскому морю. Корабль остановился в порту, и ты сошла на берег.

— А как ты поступишь, если я решу остаться на нем?

— Выброшу тебя за борт.

— Не может быть!

Он усмехнулся.

— Конечно, выброшу. Это же мой корабль.

Робин поцеловал девушку в лоб.

— Четыре дня, и тебя здесь нет.

Робин покинул квартиру. Тина проводила его недоумевающим взглядом.

В аэропорту Флориды Робина ждал лимузин, а в «люксе» — водка и лед. Он прочитал записку: «Позвоню тебе утром. Спокойной ночи. Энди».

Робин попросил принести ему местные газеты. Раздевшись, налил себе спиртного и с комфортом устроился в постели. На второй странице увидел знакомое улыбающееся лицо. Аманда! Это был один из ее рекламных снимков: голова откинута назад, ветер раздувает волосы девушки. Он прочитал заголовок: «Болезнь красавицы». Быстро прочитав заметку, он позвонил Айку Риану в Лос-Анджелес.

— Положение серьезное? — спросил Робин.

— Она может умереть в любой момент. Аманда с прошлого мая стоит на краю могилы.

— Но я имел в виду...

Робин смолк.

— Нет, это еще не финал. Слушай, я научился жить рядом со смертью. Я понемногу умираю каждый день. Ты представляешь, Робин, что это такое — видеть прекрасную девушку с фарфоровым лицом — проклятая болезнь не отняла у нее красоту — и знать, что... Я замечаю, как легко она устает, хоть и скрывает это. Она знает, что это не обычная усталость. Я обманываю ее и притворяюсь утомленным. Валю все на Калифорнию, перемену воздуха, смог. Слава Богу, что она еще держит себя в руках. В нее влили литр крови. Завтра начнут давать новое лекарство. Врач полагает, что оно подействует, и она получит еще несколько месяцев отсрочки.

— Айк, она уже прожила на восемь месяцев дольше, чем предсказывали доктора.

— Знаю. Я надеюсь на новую ремиссию. Но пораженные лейко-мией клетки постепенно привыкают к лекарствам. Наступит день, когда все средства будут исчерпаны.

— Айк, она не догадывается?

— И да, и нет. Аманда что-то подозревает. Она же не идиотка — ей каждую неделю делают анализ крови. И ежемесячно — костно-мозговую пункцию. Боже, один раз я при этом присутствовал — Аманде воткнули иглу прямо в кость. А она не издала ни звука. Потом я спросил ее, было ли ей больно; она улыбнулась и кивнула. Когда она спрашивает меня, зачем нужны еженедельные анализы, я пытаюсь отшутиться, увести разговор в сторону, говоря, что мне необходима выносливая девушка, поэтому я тороплю врачей. Но она продолжает задавать вопросы. Я заметил, что она стала читать статьи на медицинские темы. Где-то в глубине души она знает, что у нее что-то серьезное, но не хочет верить в это. Она всегда улыбается, беспокоится обо мне. Знаешь, Робин, я многому научился у этой девушки. Я еще ни в ком не видел такого мужества. До встречи с Амандой не понимал до конца, что означает это слово. Она испытывает смертельный страх, но не показывает виду. Знаешь, что она сказала вчера? «О, мой бедный Айк, я для тебя такая обуза. Ты хотел поехать в Палм-Спрингс».

Голос Айка дрогнул.

— Я люблю ее, Робин. Сначала я не испытывал к ней любви. Мною руководили подлые эгоистические мотивы. Я думал, что она проживет шесть месяцев, а потом спокойно умрет. Я собирался устроить для нее праздник, чтобы повлиять на общественное мнение. Считал, что я просто организую шоу для публики. Тебя от этого не тошнит? Все эти девки, с которыми я путался, теперь могут надо мной посмеяться. Впервые в жизни я по-настоящему влюбился. Робин, я бы отдал последний цент, чтобы ее вылечили.

Айк всхлипнул.

— Я могу что-нибудь сделать?

Робин растерялся, услышав, как плачет такой человек, как Риан.

— Боже,— сказал Айк,— последний раз я плакал, когда умерла моя мать. Извини, что я все тебе вываливаю. Сейчас я впервые смог заговорить об этом. Диагноз Аманды известен только врачу, Джерри и нам. Мне приходится держать себя в руках при ней. У меня многое накопилось на душе. Извини.

— Айк, я нахожусь в Майами-Бич. Отель «Дипломат». Звони мне каждый вечер, если хочешь. Мы будем разговаривать.

— Нет. Сейчас мне стало легче, но поставим на этом точку. Я могу вынести все — только не ее просьбу дать ей ребенка. Она так мечтает о нем. Видел бы ты, как Аманда возится с котом. Она разговаривает с ним, носит его на руках.

— В нем чувствуется порода,— сказал Робин.

Помолчав, Айк тихо промолвил:

— Робин, скажи мне кое-что. Мы оба повидали немало женщин — настоящих сучек. Спорим, все они доживут до глубокой старости? Но эта малышка, которая вкалывала, как проклятая, и никому не делала зла?.. Почему? В чем причина?

— Это игра в кости,— медленно произнес Робин.— Бедняк, поставивший на кон все свои сбережения, останется без штанов. Пол Гетти легко сорвет банк.

— Нет, все не так просто. Я не религиозен, но последние восемь месяцев заставили меня кое о чем задуматься. Я не хочу сказать, что собираюсь побежать в церковь или синагогу, но тут должно быть какое-то разумное объяснение. Ей только двадцать пять, Робин, только двадцать пять. Я старше Аманды на двадцать лет. Чем я зато служил жизнь, вдвое более долгую, чем ее? Я не могу поверить в то, что, возможно, через год Аманды уже не будет, и о ее существовании будут напоминать лишь фотографии размером восемнадцать на двадцать четыре. Почему должна уходить она, такая красивая, полная жизни и неизрасходованной любви?

— Может быть, то, что она сделала с тобой за эти месяцы, и есть смысл ее появления на земле. Многие люди проходят по жизни, не оставляя следа.

— Я знаю одно,— сказал Айк.— Я устрою самое грандиозное рождество, какое было у Аманды. Робин, я хочу, чтобы ты приехал. Ты обязан это сделать!

Робин помолчал. Он ненавидел болезни. Видеть Аманду и знать, что...

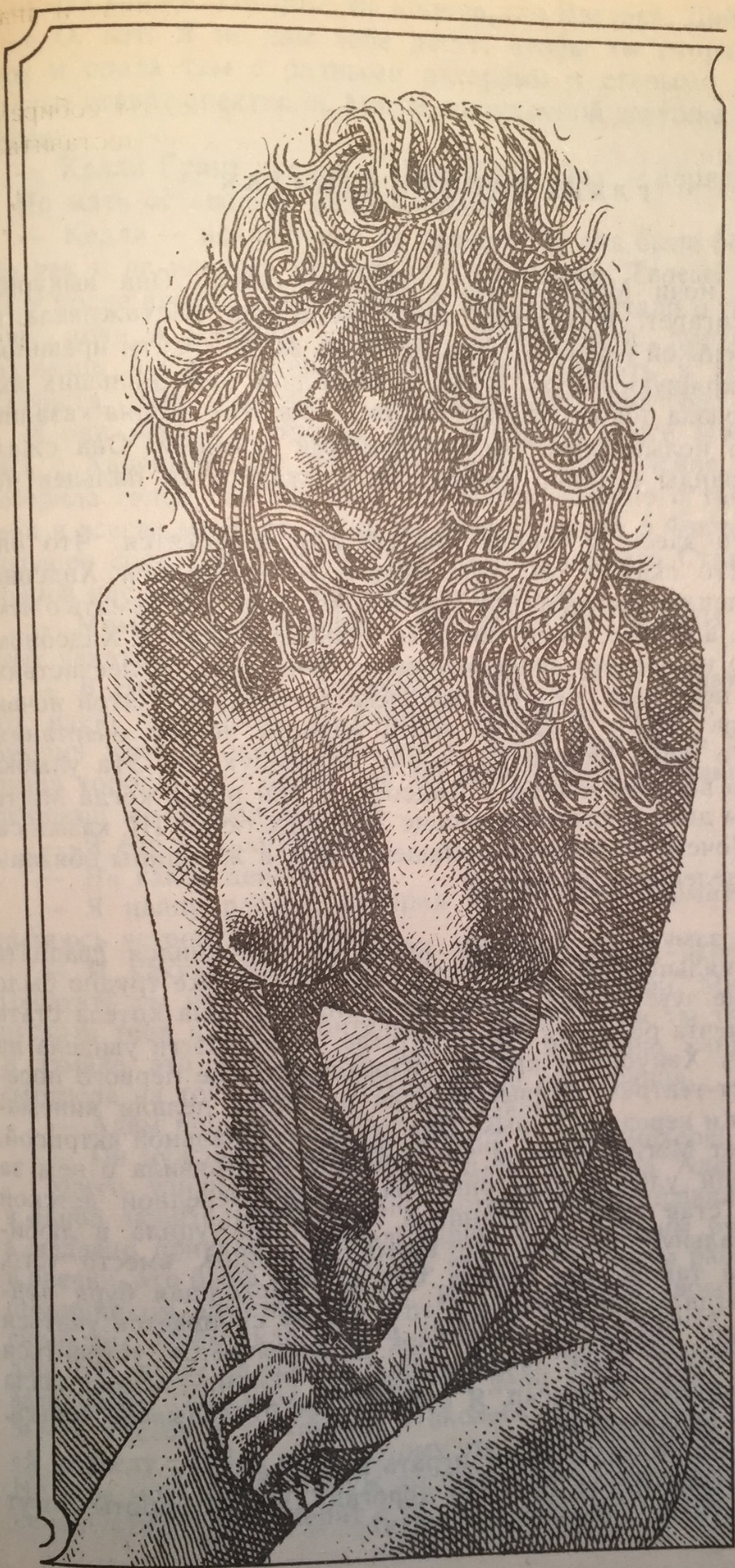
Айк почувствовал его колебания.

— Может быть, я веду себя эгоистично. Наверно, ты собирался встретить праздник со своими родными. Просто я хочу доставить ей радость, наполнить каждую секунду смыслом.

— Я приеду, — сказал Робин.

Часть
вторая

ИЛЛЮСТРИ

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

В два часа ночи Мэгги Стюарт еще не спала. Она выкурила целую пачку сигарет. В течение трех часов она расхаживала по гостиной и маленькой веранде, выходящей на залив. Мэгги нравилось смотреть на искрящуюся воду. В ней отражались огни больших яхт. Девушка завидовала покою людей, спавших в каютах. Судна казались ей гигантскими колыбелями, раскачиваемыми прибоем. Она сжала ограждение веранды с такой силой, что костяшки ее пальцев побелели.

Робин Стоун здесь, в городе! Завтра они встретятся. Что она скажет ему? Что скажет он? Она почему-то вспомнила Хадсона. Впервые за последние полтора года Мэгги позволила себе думать о нем. Когда-то давно, а точнее, сразу после ее бракосочетания с Хадсоном, она поняла, что не следует сосредоточивать внимание на несчастьях. Думая о своих невзгодах, человек продлевает страдания. Этой ночью Мэгги позволила образу Хадсона вновь обрести четкие очертания. Она увидела его лицо, недобрую улыбку, пугавшую ее. Эта улыбка была последним воспоминанием о Хадсоне. С той поры, когда Мэгги жила в большом доме в качестве миссис Хадсон Стюарт III, казалось, прошли века. Почему мужчинам прощается все, а женщины обязаны следовать определенным правилам?

Она вышла замуж за Хадсона, когда ей исполнился двадцать один год. Официально брак длился три года. Мэгги уже трудно было вспомнить, какие чувства она испытывала сначала. Она хотела стать актрисой. Эта мечта родилась еще в детстве, когда Мэгги увидела на киноэкране Риту Хэйуорт, и кристаллизовалась после первого посещения «Форрест-театра». Живые актеры на сцене делали кинематограф бледным и нереалистичным. Она станет театральной актрисой. В двенадцать лет Мэгги приняла это решение и объявила о нем за столом. Родители улыбнулись, они сочли это очередной детской фантазией. Но став старшеклассницей, Мэгги поступила в любимую театральную студию. Во время уик-эндов, вместо того, чтобы бегать на танцы, она читала Чехова. Настоящая буря поднялась тогда, когда Мэгги заявила о том, что не собирается учиться в колледже — она поедет в Нью-Йорк и попытается устроиться в какой-нибудь театр. Мать разрыдалась. «О, Мэгги, — всхлипывала она, — тебя принимают в Вассар. Я столько лет откладывала деньги, чтобы дать тебе образование!»

— Я не хочу в колледж. Хочу играть в театре!

— Жизнь в Нью-Йорке безумно дорогая. Поиски работы могут занять год. На что ты собираешься жить?

— На деньги, которые ты копила для Вассара. Дай мне половину.
— О, нет! Я не дам тебе денег, чтобы ты отправилась в Нью-Йорк и спала там с разными актерами и старыми развратниками, которые ставят спектакли. Мэгги, порядочной девушке не место в этом городе.

— Келли Грант уехала в Нью-Йорк. Она — порядочная девушка. Но мать оставалась непреклонной.

— Келли — исключение из правила. И она была богата. О, Мэгги, мне так и не удалось поучиться в колледже. Твоему отцу пришлось сразу после школы идти работать. Мы оба мечтали о том, как пошлем нашу дочь в лучший колледж. Пожалуйста, поезжай в Вассар. Захочешь после окончания колледжа поехать в Нью-Йорк — пожалуйста, тебе будет всего лишь двадцать один год.

И она уехала в Вассар. На последнем курсе Мэгги познакомилась с Хадсоном. Он произвел на нее впечатление, а мать просто потеряла голову от радости. «О, Мэгги, именно о такой партии для тебя я всегда мечтала. Одна из лучших семей в Филадельфии, у них большое состояние. Только бы мы понравились Стюартам! В конце концов нас уважают, твой отец — доктор».

— Мама, я встречалась с ним всего два раза. И я по-прежнему хочу уехать в Нью-Йорк.

— В Нью-Йорк! — повысила голос мать. — Милая леди, выбрось эту идею из головы. Я копила деньги на Вассар. Узнав, что ты будешь жить в одной комнате с Люси Фентон, я поняла, что все будет хорошо, что через нее ты обязательно познакомишься с приличными молодыми людьми.

— Я еду в Нью-Йорк.

— На какие деньги?

— Я найду работу, которая будет меня кормить, а потом попытаюсь устроиться в театр.

— И какую же работу ты рассчитываешь найти, моя милая? Печатать ты не умеешь. У тебя нет профессии. Мне не следовало пускать тебя в тот любительский театр, когда ты училась в школе. Я думала, это мимолетное увлечение. Я помню, какими глазами ты смотрела на того парня, похожего на иностранца.

— Адам родился здесь, в Филадельфии!

— Он нуждался в хорошей бане и парикмахере!

Мэгги удивилась тому, что мать помнила Адама. Они играли в одной любительской студии. Потом Адам отправился в Нью-Йорк, а недавно приехал в Филадельфию с настоящим бродвейским шоу. Конечно, это была гастрольная труппа, где Адам работал всего лишь помощником администратора. Но он добился своего. Стал профессионалом. Спектакль шел в течение трех месяцев; Мэгги встречалась с Адамом каждый уик-энд. Даже Люси находила Адама очаровательным. Однажды вечером, за день до отъезда, Адам пригласил Мэгги к себе в гостиницу. Поколебавшись, Мэгги сжала его руку: «Я проведу с тобой ночь, потому что хочу прожить с тобой всю жизнь. Но я не могу выйти замуж до окончания колледжа. Моя мама этого не допустит. Она не верит в то, что я действительно уеду в Нью-Йорк».

и попытаюсь сделать там карьеру. Я должна доучиться в Вассаре хотя бы ради нее».

Он обхватил голову девушки своими ладонями.

«Мэгги, ты мне очень дорога. Но видишь ли, милая, в Нью-Йорке я живу с двумя парнями. Половину времени я существую на пособие по безработице. Мне не на что снять отдельную квартиру, тем более содержать жену».

— Выходит, ты собирался переспать со мной и убежать?

Он рассмеялся.

— Я помчусь в Детройт, затем в Кливленд, Сент-Луис, обратно в Нью-Йорк; надеюсь, мой агент обеспечит меня работой на лето. Я хочу овладеть режиссурой. Если мне повезет, я подыщу себе маленькую труппу. На большие гонорары я пока не рассчитываю. Да, Мэгги, я убегаю. Актер не сможет оставаться на одном месте. Но я убегаю не от тебя. Ты всегда сможешь разыскать меня через актерский профсоюз «Эквити».

— Но что будет с нами? С нашей совместной жизнью?

— Мы — двое людей, борющихся за место в театральном мире. Я привязан к тебе, возможно, даже люблю тебя. Но в нашем деле нельзя ничего планировать. У нас не бывает стабильных заработков, а рабочий день не нормирован. На детей и домашнее хозяйство времени нет. Захочешь после колледжа приехать в Нью-Йорк — прекрасно. Я помогу тебе — отведу к моему агенту. Вероятно, мы даже сможем жить вместе.

— А как насчет брака?

Он провел рукой по ее волосам.

— Не покидай Филадельфию, Мэгги, если это для тебя важно. Ты — либо актриса, либо жена.

— А совместить одно с другим нельзя?

— Нет, если муж — начинающий режиссер. Не получится. Актеры и актрисы полностью принадлежат своему делу. Они голодают, работают, мечтают...

— Разве они не влюбляются?

— Постоянно. Если они любят друг друга, они спят вместе некоторое время, а потом работа разъединяет их. Но актриса никогда не чувствует себя одинокой: внутренний огонь, который называют талантом, дает ей силы и уверенность.

— Я хочу тебя, Адам.

Он помолчал.

— Мэгги... у тебя уже был мужчина?

Ее глаза вспыхнули.

— Я не из тех горящих актрис, о которых ты говорил. Никто не переступал порог моей спальни.

— Тогда пусть все остается, как есть. Окажешься в Нью-Йорке — разыщи меня.

Появление Хадсона, совпавшее по времени с окончанием Вассара, сделало жизнь Мэгги такой бурной и насыщенной, что у девушки не оставалось времени разобраться в своих чувствах. Она старалась не

поддаваться безудержному энтузиазму матери, но волна возбуждения и удовольствий, связанных с Хадсоном, захлестнула Мэгги и понесла вперед. Загородный клуб; первое посещение скачек; двухнедельные каникулы, проведенные в доме мистера и миссис Хадсон Стюарт II.

В сентябре они объявили о своей помолвке; Хадсон подарил Мэгги бриллиант весом в семь каратов. Ее фотография появилась в «Инквайер» и «Бьюлитин».

Мэгги плыла по течению, подхватившему ее; она словно играла роль в пьесе, которая шла на сцене любительского театра, а Хадсон был ее партнером. В конце третьего действия упадет занавес, она услышит аплодисменты, и все кончится.

День свадьбы приближался. Внезапно Мэгги поняла, что в финале спектакля она станет миссис Хадсон Стюарт III. Она принимала все происходящее вполне спокойно и невозмутимо, пока не встрети-лась за ленчем с Люси. До бракосочетания оставалась неделя.

Они сидели в «Уорвике», обсуждая предстоящую церемонию. Люси как бы мимоходом спросила подругу:

— Тот актер, Адам, тебе не пишет? Вчера я видела его по ТВ в рекламной паузе. Он ничего не говорит там, только бреется, но я никогда не забуду его глаза. У Адама потрясающе мужественное лицо. Евреи считаются восхитительными любовниками.

— Евреи?

Мэгги никогда не задумывалась о том, кто Адам по националь-ности.

— Адам Бергман,— напомнила Люси.— Однажды он рассказы-вал нам о том, как агент предложил ему сменить фамилию. Ты тогда смотрела на Адама так замороженно, что ничего, похоже, не слышала. Адам заявил: «Я останусь Бергманом, Ингрид эта фамилия не по-мешала». Мэгги помолчала, а Люси добавила:

— Так уж устроена жизнь. Мы все влюбляемся в неподходящих людей. Это не беда, только выходить замуж надо за подходящих. Ты будешь получать миллион при рождении каждого ребенка. Отец Хадсона уже подарил его сестре два миллиона. Вот почему она рожала дважды с интервалом в год. Нам с Бадам придется ждать смерти моего отца.

— Но ты же любишь Бада, верно?

— Он славный.

— Славный? — удивленно произнесла Мэгги.

Люси улыбнулась.

— У меня нет твоей внешности, Мэгги. Есть лишь фамилия и много денег.

— О, Люси, ты...

Мэгги смолкла.

— Только не надо говорить, что я обаятельна или умна. У меня действительно есть голова на плечах, и я не могу изменить мое лицо, потому что оно отнюдь не уродливо. Мэгги, я поселилась с тобой потому, что ты — самая красивая девушка в колледже. Кое-что с твоего стола должно было перепасть и мне. Впервые парни начали оказывать мне знаки внимания. Тем летом я познакомилась с Хэрри —

клерком из нью-йоркского отеля. Думаешь, моя мать позволила бы мне выйти за Хэрри Рейли, который живет в Бронксе и посещает собрания «Союза молодых христиан»? Да он и не делал мне предложения. Но осенью я встретила Бада, и моя мать потеряла голову от счастья. И я, кажется, тоже. У нас впереди неплохая жизнь. Но у меня были два потрясающих месяца с Хэрри.

— Ты хочешь сказать, что...

Мэгги замолчала.

— Ну конечно, мы занимались этим. А разве ты с Адамом?.. Мэгги покачала головой.

— О господи. Мэгги, ты — идиотка. Ну почему? Девушка должна хоть раз в жизни переспать с парнем, от которого она балдеет.

— Но как ты объяснишь это Баду? Ну, то, что ты теперь...

— Это анахронизм. Ты имеешь в виду кровотечение? Мне сейчас подбирают диафрагму; я скажу Баду, что меня дефлорировал врач.

— Но разве он не почувствует, что ты солгала?

— Я могу разыграть спектакль. Я помню мою первую ночь с Хэрри. Буду лежать, как бревно, немного поплачу, напрягу тело, и он не заметит обмана. Хочешь, я тебе кое-что скажу? Тогда с Хэрри у меня не было крови. Но ему с трудом удалось ввести член. Наверно, потому что я была девушкой. Бедняга порвал два презерватива. Я сделаю так, что Бад тоже помучается — по крайней мере, в первую ночь.

Мэгги не пришлось разыгрывать спектакль перед Хадсоном. Ей действительно было больно. Хадсон действовал грубо. Он попытался немедленно войти в нее. Мэгги возненавидела секс. То же самое повторилось в последующие две ночи. Они плыли на «Либерте» в Париж, чтобы провести там медовый месяц. Каюта была роскошной, но Мэгги постоянно принимала таблетки от морской болезни и ее клонило в сон. Она надеялась, что все наладится, когда они покинут корабль. В отеле «Георг V» Хадсон вел себя еще хуже. Он много пил и каждую ночь наваливался на Мэгги, даже не пытаясь проявить какую-то нежность, после чего немедленно засыпал.

Когда они, вернувшись в Филадельфию, обосновались в красивом доме возле Паоли, Мэгги решила, что теперь у них начнется новая жизнь. Хадсон занялся делами, а она нанимала прислугу, устраивала званые обеды, брала в клубе уроки гольфа и работала в различных благотворительных комитетах. Ее фотографии появились в разделе светской хроники многих газет. Она стала новым центром филадельфийского общества. Хадсон регулярно, каждую ночь, овладевал ею, точно жеребец. Он никогда не целовал Мэгги и не ласкал ей грудь. Она чувствовала себя виновной в том, что не испытывает оргазма; прошло несколько месяцев, и надежды покинули ее. Она страстно желала, чтобы в их ночном ритуале появилась хоть капля нежности. Когда она стала задавать вопросы Люси, та пожала плечами. «Иногда это со мной происходит, иногда нет. Но я всегда постанываю и притворяюсь, что все замечательно. А как у тебя с Хадсоном?»

— Прекрасно, — быстро ответила Мэгги. — Но со мной это случается тоже не каждый раз.

— Знаешь, я не кончала уже три месяца. А сейчас я на втором месяце беременности. Очевидно, оргазм не связан с деторождением. Не позволяй Хадсону напиваться. Это может привести к импотенции.

Мэгги полагала, что появление ребенка изменит их отношения. Со стороны они казались прекрасной парой. На людях Хадсон был вежлив с женой, он прижимал ее к себе во время танца, но их не связывали никакие чувства.

В конце первого года семейной жизни Мэгги узнала о существовании Шерри. Последние два месяца Хадсон часто уезжал по делам в Нью-Йорк. Однажды вечером Мэгги переодевалась к обеду у себя в спальне. Хадсон ждал ее внизу. Зазвонил телефон. Она торопилась и решила не отвлекаться — все равно служанка снимет трубку. Звонки не прекращались. Судьба распорядилась так, что Мэгги подняла трубку одновременно с мужем, который находился возле второго аппарата. Она собралась тотчас положить ее, но вдруг услышала женский голос.

— Хадди? Извини, что мне пришлось позвонить тебе домой.

Мэгги слушала с удивившим ее спокойствием. Хадсон говорил тоном заговорщика.

— Черт возьми, Шерри, я же просил тебя не звонить сюда.

— Хадди, дело срочное...

— Нельзя ли подождать до завтра? Позвони мне в офис.

— Не могу. Я буду на работе. Нам не разрешают звонить в другие города. Кто-то из девчонок может меня выдать. Нас никто не слышит? Твоя жена далеко?

— Она скоро появится. Что тебе надо?

— Хадди, я узнала результаты анализа. Я определенно за-летела.

— Господи, опять!

— Я не виновата, что диафрагма соскочила. А ты ничем не пользуешься.

— Тот же доктор в Джерси?

— Да, но он поднял цену до тысячи.

— Хорошо, сделай это.

— Хадди, он просит заплатить наличными. Я договорилась на следующий понедельник.

— О'кей. Я буду в Нью-Йорке в воскресенье и дам тебе деньги — нет, лучше я это сделаю на неделе. Мэгги может что-то заподозрить, если я уеду в воскресенье. Встретимся в четверг. Буду у тебя в воскресенье. Господи, если бы моя жена беременела так же легко, как ты! Избавление от твоего ребенка обходится в тысячу долларов — ее же принес бы мне миллион.

Он опустил трубку. Мэгги подождала, когда линия отключится. Затем медленно положила свою трубку. Она потеряла голову. Ничего похожего с ней еще не случалось. Она читала о том, как это бывает с другими людьми — с ней это произойти не могло. Скандал не приведет ни к чему хорошему. Ей было двадцать два, она ничего не умела делать. Разведенная женщина, даже с алиментами, обречена в Филадельфии на одиночество. Она попала в ловушку.

Мэгги ничего не сказала мужу о Шерри; она поступила в любительский театр-студию. Хадсон не возражал. Он обрадовался появлению свободных вечеров. После второго спектакля режиссер с местного телевидения пригласил Мэгги читать прогноз погоды. В первый момент она испытала желание отказаться, но потом поняла, что эта работа позволит чем-то занять свободное время.

Она отнеслась к ней весьма серьезно. Стала смотреть телевизионные программы. Ежедневно занималась с преподавателем дикции и делала успехи. Через шесть месяцев Мэгги перевели в отдел новостей и доверили вести собственную получасовую ежедневную передачу, которая называлась «Мэгги — светская девушка». Она брала интервью у местных и приезжих знаменитостей на самые разные темы — от моды до политики. За короткое время Мэгги приобрела известность. Когда она входила с Хадсоном в ресторан или театр, люди поворачивали головы в их сторону. Муж относился к ее успеху с презрительным удивлением.

Он сменил Шерри на девушку по имени Ирма, работавшую у него в конторе. Теперь Хадсон не утруждал себя объяснением причин своего отсутствия по вечерам. Однако регулярно, три раза в неделю, занимался с Мэгги любовью. Она уступала молча и равнодушно. Больше чем когда-либо Мэгги мечтала о ребенке.

Так безрадостно прошли три года брака. Она не беременела, хотя все обследования говорили о том, что Мэгги абсолютно здорова. Иногда она спрашивала себя, как долго они будут плыть по течению. Что-то должно было оборвать эти бессмысленные отношения.

Это произошло случайно. Обед в честь «Мужчины года» готовился несколько месяцев и весьма тщательно. Он должен был состояться в первое воскресенье марта. Мэгги как местная знаменитость вошла в состав оргкомитета. Ей отвели место за столом для почетных гостей. Там же должен был сидеть мэр. Чествовали собиравшегося уходить в отставку судью Оукса. Робина Стоуна пригласили выступить с речью.

Мэгги читала статьи Робина Стоуна. Небогатый журналистский опыт Мэгги свидетельствовал о том, что газетчики редко соответствуют тому образу, который возникает при чтении их публикаций. Фотопортрет мужественного, коротко стриженного, безжалостного Робина Стоуна гармонировал с его статьями. Интересно, какой он в жизни, спрашивала себя Мэгги.

К шести часам она переоделась и стала ждать мужа. Хадсон не приходил. Он всегда проводил воскресенья в загородном клубе. Позвонив туда, Мэгги узнала, что сегодня его там не было. Ей следовало догадаться — очевидно, он развлекался с очередной любовницей.

— Нет, она не пропустит прием. Возможно, это ее единственный шанс познакомиться с Робинем Стоуном. Обычно после обеда почетные гости спешат на поезд. Мэгги взглянула на часы. Если она сразу выйдет из дома, то не опоздает. Хадсону придется ехать одному.

Добравшись до отеля, Мэгги направилась в «Золотой зал». Робин Стоун стоял в центре маленькой группы. Он держал в руке бокал martini и вежливо улыбался.

Мэгги взяла с подноса чуть тепловатое виски с содовой. К ней подошел судья Оукс.

— Идем, я познакомлю тебя с нашим гостем. Он уже покориł всех наших жен.

Когда судья Оукс представил Мэгги, Робин улыбнулся.

— Ведущая обзора новостей? Послушайте, вы чересчур красивы для этой работы.

Затем он вдруг отвел ее в сторону и взял за руку.

— В вашем виски нет льда.

— Поэтому его противно пить, — отозвалась Мэгги.

Он допил свой мартини и отдал бокал судье.

— Мы достанем вам немного льда.

Робин повел Мэгги к бару.

— Не оглядывайтесь, — шепнул он. — Они идут за нами?

— Наверно, только провожают нас изумленными взглядами, — улыбнулась Мэгги.

Он прошел за стойку и обратился к удивленному бармену:

— Можно, я сам приготовлю?

Прежде чем бармен успел что-либо ответить, Робин налил щедрую порцию виски в бокал и посмотрел на Мэгги.

— Вам виски или попробуете мой фирменный?

— Ваш фирменный.

Она знала, что ведет себя глупо. Она не любила мартини. Кроме того Мэгги понимала, что смотрит на Робина, как идиотка. Наслаждайся каждой секундой, думала она. Завтра ты снова окажешься с Хадсоном, в своем скучном мирке, а Робин Стоун будет смешивать коктейль в другом отеле, в новом городе.

Он протянул ей бокал.

— За вас, девушка с телевидения.

Робин взял Мэгги под руку, провел ее через комнату к маленькому дивану, и они сели.

Мэгги знала, что все присутствующие здесь женщины смотрят на нее. Она испытала удивительное ощущение свободы. Ну и пусть смотрят! Но она не могла просто сидеть, уставясь на Робина Стоуна. Ей следовало что-нибудь сказать.

— Я читала, вы оставили свою колонку и отправились с лекциями в турне. Я скучаю по ней.

Мэгги почувствовала, что ее слова прозвучали вымученно.

Он пожал плечами.

— Наверно, сюда мои заметки доходили сильно урезанными.

— Нет, иногда они были весьма длинны. Но, похоже, вам больше нравится читать лекции.

Он допил спиртное, затем протянул руку и взял бокал Мэгги с нетронутым мартини.

— Нет, я занимаюсь этим ради денег.

Робин протянул Мэгги сигарету и дал ей прикурить.

— А что вы делаете на телевидении?

— Новости. Женский взгляд.

— Ручаюсь, телезрители вас обожают.

— Вы находите это странным?

— Нет. Удивительная штука этот ящик. Он создал расу Красивых людей.

— Согласитесь, что зрительный образ делает общение с журналистом более личностным, способствует лучшему восприятию информации.

Он снова пожал плечами.

— Изображение порождает у миллионов чувство любви к отдельным личностям. Весь мир обожает Люси, Эда Салливана и Боба Хоупа. Сегодня. Но это мыльный пузырь — помните, как все любили Дядюшку Милти? Скажите мне, кто ваш кумир на телевидении?

— Наверно, вы...

Она смолкла, испугавшись своей смелости.

Робин усмехнулся.

— Вы — первая искренняя девушка, которую я встречаю. Сразу раскрываете свои карты.

— Я хотела сказать, что мне нравятся ваши мысли, взгляды.

Он допил свой бокал.

— Не надо уточнять, милая, вы все испортите. В этом мире слишком много кокетства. Мне по душе ваш стиль. Пойдемте, нальем еще.

Она проследовала за ним к бару и восхитилась ловкостью, с которой он наполнил их бокалы. Мэгги пригубила спиртное и едва не поморщилась. Это была практически не разбавленная водка. К ним подошли люди; женщины вскоре удалились. Робин снова оказался в центре внимания. Он вежливо отвечал на вопросы, но постоянно держал Мэгги за руку и не отпускал девушку от себя. Она поглядывала на дверь, моля Бога о том, чтобы Хадсон не появился здесь.

Раздался негромкий звон. Председатель оргкомитета захлопал в ладоши.

— Где вы сидите, милая? — спросил Робин.

— Кажется, на другом конце стола.

Мэгги услышала свое имя.

— Я здесь.

Она отошла в сторону.

Робин коснулся плеча председателя, который стоял рядом.

— Не хотите поменяться местами с этой девушкой? Вы и судья Оукс очень красивы, но я проделал девяносто миль не для того, чтобы сидеть между вами, лишаясь возможности наслаждаться обществом прелестной леди.

Когда все направились в банкетный зал, Робин подвел Мэгги к стулу, стоявшему возле его места. Мэгги почувствовала, что внимание всех приковано к ней. Робин попросил принести новые порции мартини. Казалось, он мог выпить сколько угодно. Три мартини свалили бы Хадсона. Робин, похоже, был абсолютно трезв. Но человек не может поглотить такое количество спиртного, совсем не захмелев.

Мэгги увидела появившегося Хадсона, который занял место в конце стола. Она догадалась, что сосед объясняет сейчас ее мужу не-

ожиданные изменения в порядке размещения гостей. Она обрадовалась, заметив удивление на лице Хадсона.

Председатель представил Робина. Собираясь встать, Робин шепнул на ухо Мэгги:

— Слушай, милая, я постараюсь вырваться отсюда поскорее. У меня здесь «люкс». Эта ваша филладельфийская организация весьма щедра. Если ты можешь прийти ко мне, я останусь. В противном случае, когда все тут кончится, я помчусь на поезд, который отходит в одиннадцать тридцать.

Поднявшись, он подождал, когда стихнут аплодисменты. Затем наклонился к Мэгги и шепнул ей на ухо:

— Ну, милая, что скажешь?

— Я приду.

— Умница. Номер 17 В. Выжди немного после моего ухода и поднимайся.

Он произнес речь. Судья получил памятный подарок. Гости поздравляли его. Репортеры попросили мистера Оукса сфотографироваться с Робинсом. Их окружили женщины. Робин оставил несколько автографов на меню, посмотрел на часы и сказал, что ждет звонка из-за океана. Пожав руку судьи, он жестом попрощался со всеми и ушел.

В одиннадцать Хадсон встал из-за стола, подошел к Мэгги и занял место Робина.

— Ты в восторге от обеда?

— Я получила удовольствие, — ответила Мэгги.

— Идем отсюда.

Внезапно Мэгги удивилась самой себе. Как она могла дать Робину Стоуну такое обещание? Что на нее нашло? Это нельзя было объяснить действием мартини... она выпила очень мало. Она не намерена идти к нему в номер!

— Это последний обед, на котором я присутствую, — заявил Хадсон. — Ты еще недовольна вечерами в загородном клубе. Там хоть удастся немного посмеяться. И люди свои.

— Это — часть моей работы, — сказала Мэгги.

— Работы? — усмехнулся он. — Ты мне напомнила — с этим пора завязывать. Слишком многие говорят об этом. Другьям отца не нравится, что ты с микрофоном в руке интервьюируешь Бог знает кого. Писатель, с которым ты беседовала на прошлой неделе, похож на настоящего коммуниста.

Мэгги промолчала. Хадсон периодически делал подобные заявления, а потом забывал о них. Ему следовало дать выговориться. Допив спиртное, Хадсон неторопливо наполнил бокал.

— Я ведь тебе безразлична, Хадсон, верно?

Он тяжело вздохнул.

— Ты тут ни при чем. Это мы... Наши семьи... Иногда меня тошнит от всего... Не бойся, я не брошу тебя. Куда мне податься? Никто из нас не получит настоящей свободы, пока ты не родишь нескольких малышей. Господи, хоть это ты могла бы сделать.

Она встала.

— Хадсон, ты мне противен.

— Не надо... Я помню, как твоя мать сияла от счастья на свадьбе. А отец довольно пожимал всем руки. Чему они так радовались? Нашей любви? Черта с два! Деньгам Стюартов. Но ты не выполняешь своих обязательств. Ты должна была родить.

Он посмотрел на жену.

— Может, нам следует отправиться домой и заняться решением этого вопроса.

— Возможно, если бы ты не выпил столько, — заметила Мэгги.

— Когда я трезв, ты меня не возбуждаешь. Я же мужчина и не способен притворяться.

Мэгги направилась к выходу. Мрачный Хадсон пошел за ней следом. В гардеробе они столкнулись с Люси и Бадом. Немного захмелевшая Люси снова была беременна.

— Мы едем в «Эмбасси». Составите нам компанию?

Хадсон с завистью посмотрел на живот Люси.

— Конечно!

Они вошли в кабину лифта. Хадсон держал Мэгги под руку.

Шофер Бада ждал их.

— Оставьте ваши машины, — предложила Люси. — Потом вернемся за ними.

В «Эмбасси» было многолюдно. Они сели в прокуренной комнате за маленький столик. Неподалеку расположились знакомые по загородному клубу. Они решили сдвинуть два столика. Мужчины обменивались шутками, появилась бутылка виски. Мэгги постоянно думала о человеке из номера 17 В.

Она должна позвонить Робину. Она скажет ему правду, объяснит, что ее обещание прийти было дано в момент безумства, что она замужем. Нельзя заставлять Робина Стоуна ждать ее. Он слишком занятой человек.

Мэгги встала.

— Мне нужно попудрить нос.

В туалете должен быть телефон.

— Я с тобой, — Люси вскочила из-за стола. Мне не терпится услышать, что говорил Робин Стоун. Я видела, как он несколько раз наклонялся к тебе. Идешь, Эдна? — обратилась Люси к одной из девушек.

Подруги направились в туалет. Там был телефон без кабины. Возле него сидела уборщица. Мэгги охватило отчаяние. Она подкрасила губы и почти ничего не сказала о Робине Стоуне.

— Мы разговаривали о телевидении, — сообщила она.

Мэгги хотела тотчас вернуться назад, но Люси не торопилась. Когда девушки подошли к столу, Хадсона там не оказалось. Затем Мэгги увидела мужа в дальнем углу зала — он сидел с компанией, обнимая какую-то девушку. Мэгги узнала ее. Девушка, недавно ставшая членом клуба, пару месяцев назад вышла замуж. Хадсон ласкал ее обнаженную спину. Муж девушки сидел напротив них и не видел этого. Мэгги встала из-за стола.

— Сядь, — шепотом.
значит. Хаду необ-
члене клуба.

— Я сейчас...

Бад схватил е...

— Мэгги, не с...

в своего мужа.

Мэгги вырвал...

оказалась на ули...

отвезти ее в отел...

Мэгги позвон...

тисто. Она взгля...

Или заснул. Он...

коридору. Внеза...

— Заходи, я...

Она вошла в...

водки и вернулс...

условия какого...

Робин снял пид...

маленькие букв...

но и конкретно...

поразила его...

— Извини,

идя сюда.

— Куда вы...

Мэгги вдру...

— В Нью-

— Почему

вы прекрасно

— Наверн...

со слайдами —

Он постави...

— Ну, дер...

Она почув...

— Меня з...

лась в его об...

В эту ночь...

Мэгги к себе...

как с девств...

мужчина лю...

ливой. Она с...

После треть...

нежно поцел...

начал ласка...

Он уткну...

— Сегод...

возможно, я...

это было не...

Мэгги л...

— Сядь, — шепнула Люси. — Мэгги, ты же знаешь, это ничего не значит. Хаду необходимо испытать свое обаяние на каждом новом члене клуба.

— Я сейчас...

Бад схватил ее за руку.

— Мэгги, не стоит волноваться. Это Джун Толланд. Она влюблена в своего мужа.

Мэгги вырвалась и побежала. Она бежала до тех пор, пока не оказалась на улице. Дойдя до угла, остановила такси и попросила отвезти ее в отель «Беллвью Стрэтфорд».

Мэгги позвонила в номер 17 В. Звонок прозвучал громко, раскатисто. Она взглянула на часы. Четверть первого. Возможно, он ушел. Или заснул. Она позвонила снова, потом повернулась и пошла по коридору. Внезапно дверь распахнулась. Робин держал в руке бокал.

— Заходи, я разговариваю по телефону.

Она вошла в гостиную «люкса». Робин указал рукой на бутылку водки и вернулся к телефону. Разговор был деловым, Робин обсуждал условия какого-то контракта. Мэгги приготовила себе коктейль. Робин снял пиджак. Сорочка обтягивала его грудь; Мэгги заметила маленькие буквы «Р. С.», вышитые на кармане. Робин говорил серьезно и конкретно. Бутылка водки была наполовину пуста. Мэгги снова поразила его способностям. Наконец он положил трубку.

— Извини, что заставил тебя ждать, но ты тоже не спешила, идя сюда.

— Куда вы едете завтра?

Мэгги вдруг занервничала, смутилась.

— В Нью-Йорк. Лекций больше не будет.

— Почему это называют лекциями? — спросила она. — Сегодня вы прекрасно рассказывали о ваших поездках, о людях...

— Наверно, это пошло с той поры, когда какой-то тип разъезжал со слайдами — черт его знает.

Он поставил на стол свой бокал и протянул ей руки.

— Ну, девушка с телевидения, теперь ты меня поцелуешь?

Она почувствовала себя школьницей.

— Меня зовут Мэгги Стюарт, — промолвила она и тут же оказалась в его объятиях.

В эту ночь они трижды занимались любовью. Он крепко прижимал Мэгги к себе и шептал нежные слова. Ласкал ее. Обращался с ней, как с девственницей. Впервые Мэгги поняла, что это такое, когда мужчина любит женщину с единственной целью — сделать ее счастливой. Она с первого раза испытала оргазм. Затем это повторилось. После третьего оргазма Мэгги охватила блаженная истома. Робин нежно поцеловал ее, не выпуская из своих объятий. Когда он снова начал ласкать девушку, она отстранилась.

Он уткнулся лицом ей в грудь.

— Сегодня было не так, как всегда. Я очень пьян — завтра, возможно, я не смогу ничего вспомнить... Но я хочу, чтобы ты знала — это было нечто особенное.

Мэгги лежала, не двигаясь. Почему-то она подумала, что он сказал

правду. Она боялась пошевелиться, разрушить очарование момента. Холодный, сдержанный Робин Стоун внезапно показался ей таким уязвимым. В полутьме Мэгги видела его лицо и хотела запомнить каждую секунду, каждое слово, которое вырывалось из его уст при оргазме.

Поцеловав Мэгги, он закурил две сигареты и протянул одну из них ей.

— Уже половина третьего.

Он кивнул в сторону телефона.

— Если тебе надо встать в определенное время, попроси портье позвонить. Мне нужно лишь поспеть к нью-йоркскому поезду. Когда тебе следует быть на работе?

— В одиннадцать.

— Встанем в половине десятого? Я поднимусь одновременно с тобой, и мы позавтракаем вместе.

— Нет, мне надо уйти сейчас.

— Нет!

Это был приказ, но в его глазах застыла мольба.

— Не уходи от меня!

— Надо, Робин.

Она вскочила с кровати и побежала в ванную. Быстро оделась и вернулась в спальню. Робин лежал, откинув голову на подушку. Он казался абсолютно спокойным. Закурив сигарету, как-то странно посмотрел на Мэгги.

— К кому ты убегаешь? К мужу или любовнику?

— К мужу,— ответила она, пытаясь поймать его взгляд. Глаза Робина были холодными, голубыми.

Он глубоко затянулся, потом выпустил дым к потолку.

— Идя сюда, ты чем-нибудь рисковала?

— Только моим браком.

— Подойди ко мне, девушка с телевидения.

Он протянул руку. Мэгги подошла к Робину. Он посмотрел на нее так, словно хотел заглянуть ей в душу.

— Поверь мне, я не знал, что ты замужем.

— Не испытывай чувства вины,— ласково сказала она.

Он рассмеялся.

— Какое, к черту, чувство вины! Это забавно... До свиданья, девушка с телевидения!

— Меня зовут Мэгги Стюарт.

— Для таких, как ты, есть другое имя.

Он потянулся к пепельнице и потушил сигарету.

Мэгги замерла возле кровати.

— Робин, эта ночь для меня тоже особенная, она дала мне очень много. Я тебя не обманываю.

Внезапно он обнял Мэгги за талию и уткнулся лицом в ее платье. Прошептал тихо и настойчиво:

— Тогда не уходи! Ты говоришь, что любишь меня, а сама уходишь!

Она не говорила, что любит его! Мэгги мягко высвободилась из объятий Робина и удивленно посмотрела ему в глаза. Ей показалось, что его взгляд устремлен куда-то далеко, Робин словно находился

в трансе. Наверно, водка все-таки подействовала на него, решила Мэгги. Он не отдавал себе отчета в том, что говорит.

— Робин, мне пора. Я никогда не забуду тебя.

Поморгав, он посмотрел на нее так, словно видел ее впервые.

— Я засыпаю. Спокойной ночи, девушка с телевидения.

Затем он погасил свет, повернулся на бок и мгновенно заснул. Мэгги стояла над ним, не веря своим глазам. Он не притворялся. Он действительно спал.

Когда Мэгги ехала домой, в ней боролись противоречивые чувства. Происшедшее казалось безумием. В Робине уживалось два человека, сливавшихся в единое целое, лишь когда он занимался с ней любовью. Он сам сказал, что завтра может ничего не вспомнить, и она станет для него очередной девушкой, мгновенно отозвавшейся на его зов. Со всеми ли он был таким? Это не имело значения. Важна была лишь сегодняшняя ночь.

Мэгги бесшумно вошла в дом. Было четыре часа.

Кровать Хадсона была пуста. Мэгги повезло. Он еще не вернулся домой. Мэгги быстро разделась. Погасив свет, она услышала за окном скрип гравия. Когда Хадсон вошел в спальню, Мэгги притворилась спящей. Его осторожность позабавила ее. Он боялся разбудить Мэгги. Вскоре она услышала его громкий пьяный храп.

Следующие две недели она провела, погружившись с головой в работу; Мэгги решила забыть о Робине Стоуне. Ей почти удавалось не вспоминать о нем до того дня, когда она открыла свой календарь, чтобы уточнить время деловой встречи, и обнаружила там запись: «Месячные». У нее была четырехдневная задержка! А Хадсон последние три недели не дотрагивался до жены. Робин Стоун! Она тогда не предохранялась. Хадсон вбил ей в голову мысль о том, что она бесплодна.

Мэгги уткнулась лицом в ладони. Она не хотела избавляться от ребенка! Он был зачат в любви... А Хадсон хотел малыша. О, нет! Постыдная мысль! Но почему нет? Чего она добьется, открыв Хадсону правду? Она причинит ему боль и навредит ребенку. Она замерла, укрепившись в своем решении. Она будет рожать!

Прошла неделя, месячные так и не начались. А перед Мэгги встала задача заставить Хадсона переспать с ней. Прежде в их интимной жизни не было таких перерывов. Видно, фотомодель отнимала у него все силы, или он завел новую любовницу. Когда у Хадсона начинался новый роман, он избегал жены.

Ночью Мэгги прижалась к нему, но он оттолкнул ее.

Она закусил в темноте губу.

— Я хочу ребенка, Хадсон.

Мэгги обняла мужа, поцеловала его. Он повернул к ней голову.

— О'кей, только без лишних слов, детка. Мы хотим ребенка —

давай потрахемся.

Когда Мэгги пропустила вторые месячные, она отправилась к врачу. На следующий день доктор позвонил Мэгги и поздравил ее с шестинедельной беременностью. Она решила выждать несколько недель, прежде чем сообщить новость Хадсону.

Спустя несколько дней они, против обыкновения, остались вечером дома. За обедом Хадсон был молчалив, спокоен, задумчив. Почти ласково предложил ей после еды подняться наверх в кабинет и выпить. Сидя на диване, он наблюдал за тем, как Мэгги наливает бренди. Хадсон взял бокал и сказал:

— Ты можешь через три месяца уйти с телевидения?

— Я могу взять отпуск — но зачем?

— Я сказал отцу, что ты беременна.

Она изумленно посмотрела на мужа. Затем подумала, что, наверно, доктор Блейзер сказал ему о ее беременности. Она предупредила врача, что хочет сохранить все в тайне из-за работы; возможно, ему и в голову не пришло, что Хадсон должен оставаться в неведении. Похоже, его внешнее настроение объяснялось этим. Интуиция не подвела ее. С появлением ребенка все изменится.

— Хадсон, я могу работать почти до родов, если камера будет показывать только верхнюю часть тела. Зачем нам уезжать?

Он удивленно посмотрел на жену.

— А как мы объясним отцу и всем остальным твой плоский живот?

— Но я...

— Мы не сможем притворяться. Люди должны считать, что ты действительно беременна. Даже Бад и Люси. Один промах, и отец все узнает. Я обдумал детали. Мы скажем отцу, что отправляемся в кругосветное путешествие — оно будет моим подарком тебе по случаю беременности. Объясним, что после рождения малыша мы не сможем оставить его одного. Потом заявим, что в Париже случились преждевременные роды.

— Не понимаю, Хадсон. Я хочу рожать здесь.

На его лице появилась усмешка.

— Не входи в роль. Я лишь сказал ему, что ты беременна. Это же не соответствует действительности.

Он встал и налил себе новую порцию бренди.

— Мы все подготовим заранее. Мы можем взять ребенка в Париже. У врача, с которым я разговаривал, там есть знакомые. Они даже подбирают малыша, похожего на усыновителей. Через семь месяцев должны родиться трое детей. Мы лишь оплачиваем пребывание матери в роддоме. По высшему классу. Ребенка передают нам сразу после родов — мать не будет знать его пол и нашу фамилию. Я просил мальчика. Нам выпишут свидетельство о рождении. Этот везучий малыш принесет нам миллион, а сам, если пожелает, получит двойное гражданство. Мы с триумфом вернемся в Америку.

Мэгги облегченно засмеялась, встала с дивана и подошла к Хадсону.

— Теперь моя очередь преподнести тебе сюрприз. Все эти сложности ни к чему.

— Что ты хочешь сказать?

— Я в самом деле беременна.

— Повтори, — выпалил он.

— Я беременна.

Мэгги не понравилось, как Хадсон смотрит на нее. Он ударил жену по лицу.

— Сучка! Чей он?

— Мой, наш.

Она почувствовала, что ее губа опухла, во рту появился вкус крови. Хадсон шагнул к жене, схватил ее за плечи и потрянул.

— Скажи мне, шлюха, чьего ублюдка ты пытаешься всучить мне? Снова пощечина.

— Говори, или я выбью из тебя признание!

Мэгги вырвалась и убежала из комнаты. Он бросился вслед за ней, поймал жену в коридоре.

— Говори! Чей это ублюдок?

— Какая тебе разница? — произнесла она сквозь слезы. — Ты хотел взять чужого ребенка в Париже, а этот хотя бы мой.

Внезапно злость исчезла с его лица. На губах Хадсона появилась улыбка. Он затащил жену обратно в кабинет.

— Ты права. Абсолютно права. Я позволю тебе родить. Ближайшие десять лет ты будешь рожать каждый год. Затем получишь развод и большие алименты.

— Нет. — Она опустилась на диван и спокойно посмотрела на мужа, хотя на самом деле ужасно нервничала. — Не получится. Я не стану растить ребенка в атмосфере ненависти. Я хочу развестись сейчас.

— Я не дам тебе и цента.

— Можешь не давать, — устало промолвила она. — Я буду жить с родителями. Я зарабатываю на телевидении достаточно, чтобы прокормить ребенка.

— Это кончится, когда я развяжусь с тобой.

— Что ты имеешь в виду?

— Ребенок принесет мне миллион. Либо ты родишь его и отдашь мне, либо лишишься работы. Я вываляю тебя в грязи. Твоя карьера на ТВ кончится, а твои родители не смогут показаться на улице.

Она закрыла лицо руками.

— Почему, Хадсон? Зачем это тебе? Я совершила ошибку — одна ночь, один мужчина. Это случилось со мной в первый и последний раз. Я хотела, чтобы у нас все было хорошо. Но я была с тобой несчастна, никогда не чувствовала себя женщиной. Наверно, я поступила плохо. Я не собираюсь вытаскивать на свет то, что знаю о тебе. — Ее голос дрогнул. — Я думала, у нас еще есть шанс. Наверно, я потеряла голову, но мне казалось, что ребенок сделает тебя счастливым. Сблизит нас. А потом, когда ты обрешь покой, мы завеем новых детей — уже общих.

— Идиотка! Ты еще ничего не поняла? Я стерилен! — заорал он. — На прошлой неделе я прошел обследование — у меня никогда не будет детей.

— А почему тогда ты платил за все эти аборты?

— Откуда тебе о них известно?

— Неважно. Известно, и все.

Он стащил ее с дивана.

— Значит, твои детективы шпионили за мной!

Хадсон снова ударил ее по лицу.

— Да, меня обманывали! Все эти шлюхи, от которых я откупался, лгали мне! Ты сейчас пыталась сделать то же самое. Но теперь я знаю: я стерилен.

Мэгги вырвалась из рук Хадсона. Слезы текли по ее лицу, губа кровоточила. Но она испытывала жалость к мужу. Мэгги направилась к двери. Хадсон грубо схватил ее.

— Ты куда?

— Собирать вещи, — тихо отозвалась она. — Я не могу оставаться в одном доме с тобой.

— Почему? — зло сказал он. Ты жила тут, зная кое-что обо мне. Теперь мы квиты. Возможно, отныне нам будет легче. Каждый заживет своей жизнью. Только мой отец не должен ничего знать.

— Я не желаю жить так.

— Тогда как ты объяснишь появление маленького ублюдка?

— Мне было известно о твоих изменах. Я встретила одного человека. Не знаю, как это произошло. Наверно, я нуждалась в теплоте — хотя бы на одну ночь. Хотела чувствовать, что я кому-то небезразлична... что кто-то замечает мое присутствие... хотя бы в течение нескольких часов.

Он снова ударил ее.

— Так вот что тебе нужно?

Еще одна пощечина.

Мэгги выбежала из комнаты. Хадсон бросился за женой.

— Ты у меня еще получишь — это тебе нужно? Я бил Шерри ремнем, ей это нравилось.

Он принялся расстегивать пряжку.

Мэгги закричала, надеясь, что ее услышит прислуга. Побежала по коридору. Хадсон замахнулся ремнем из крокодиловой кожи, который Мэгги подарила ему к рождеству, и ударил ее. Ремень попал в шею. Она увидела разъяренное лицо мужа и всерьез испугалась. Бросилась прочь от Хадсона, снова закричала. Где же прислуга? Он обезумел. Ремень хлестнул Мэгги по лицу, едва не задев глаз. Он мог ослепить ее! В панике она сделала шаг назад и полетела с лестницы. Падая, Мэгги успела подумать — как было бы хорошо, если бы сейчас она сломала себе шею и никогда не увидела лицо Хадсона. И вот она уже лежала возле нижнего конца лестницы. Хадсон смотрел на ее ноги. Боль пронзила Мэгги. Она схватилась руками за живот. Почувствовала, что по бедрам течет кровь. Хадсон снова ударил ее по лицу.

— Грязная сука, ты только что отняла у меня миллион долларов.

Внезапно на веранде стало холодно. Мэгги прошла в гостиную и налила себе виски. С того дня, когда это произошло, минуло всего два года, однако ей казалось, что прошлое осталось в другом мире. Мэгги смутно помнила сирену «скорой помощи», неделю, проведенную в больнице, красные следы на лице и шее; корректный доктор сделал вид, будто поверил, что выкидыш произошел из-за случайного

падения. Все пытались отговорить ее от немедленного развода — все, кроме Хадсона. Мать посчитала, что решение Мэгги — следствие душевного потрясения. При выкидыше такое случается. Даже Люси умоляла ее одуматься.

Для развода она выбрала Флориду. Процедура должна была занять три месяца; Мэгги мечтала о солнце и покое. Время исцелит ее рану, она обдумает планы на будущее. Она взяла отпуск на телевидении.

Адвокаты Хадсона согласились оплатить судебные издержки, а также ее пребывание во Флориде. Она сняла маленькую квартиру и жила очень скромно. Через два месяца боль утихла — осталась лишь пустота; Хадсон больше не существовал для нее; она была молода, силы возвращались к Мэгги, и скоро безделье надоело ей.

Она предложила свои услуги местной телестудии. Энди Парино немедленно взял ее на работу. Энди нравился Мэгги. Она хотела любить. Без любви жизнь не имела для нее смысла. С Энди ей было хорошо, с ним она чувствовала себя женщиной. Но Хадсон убил какую-то частицу ее души. Ту, которая позволяла Мэгги любить.

Через несколько месяцев Мэгги обрела ощущение покоя.

Энди заботился о ней; Мэгги нравилась ее работа. Пора было выходить из летаргии, в которую она погрузилась по доброй воле. Мэгги пыталась мечтать, надеяться, чувствовать, но у нее ничего не получалось. Хадсон словно парализовал все ее эмоции. Когда Энди предложил ей выйти за него замуж, она отказалась.

И вот сегодня вечером, впервые за долгое время, она почувствовала, что жизнь возвращается к ней. Она снова встретится с Робинсом Стоуном. Ей не терпелось увидеть выражение его глаз...

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Мэгги сидела в баре «Золотой берег», думая о том, заметно ли со стороны ее волнение. Энди провел день с Робинсом Стоуном на поле для гольфа. Робин попросил своего коллегу в течение нескольких дней вести его обзор новостей. Мэгги посмотрела на часы — мужчины должны были появиться с минуты на минуту. Она закурила сигарету и тотчас заметила, что в ее пепельнице дымится другая, практически не сгоревшая. Она торопливо погасила ее. Мэгги чувствовала себя, как школьница, ожидавшая свидания со своей первой любовью. Она нервничала. В любой миг Энди мог появиться здесь с Робинсом Стоуном. Она потушила вторую сигарету.

Мэгги поглядела на себя в зеркало, висевшее за стойкой. Шелковое бежевое платье гармонировало с ее ровным загаром. В Филадельфии кожа у Мэгги была белой. Лаская ее грудь, Робин сказал: «Какая ты беленькая». Загар шел ей. Она знала, что очень красива. Всегда знала это. Но относилась к этому равнодушно: кто-то высок, кто-то низок, кто-то красив, а кто-то — не очень. До сих пор красота не приносила ей радости. Скорее несчастья. Но сегодня Мэгги внезапно испытала радость от того, что она кра-

сива. Она долго и тщательно выбирала свой наряд: платье прекрасно оттеняло зеленый цвет ее кошачьих глаз. Энди называл Мэгги своей черной пантерой. Сегодня она действительно казалась себе пантерой — сильной, собранной, готовой к прыжку.

Встретиться здесь было ее идеей. Она не хотела, чтобы их свидание произошло в темном автомобиле. Пусть они войдут в бар и увидят ее. Она предвкушала удивление Робина. На этот раз она будет хозяйкой положения.

Допив коктейль, Мэгги увидела Энди — он появился в дверях один, без Робина. Мэгги еле удалось скрыть свое разочарование. Энди сел рядом с ней и заказал виски. Она решила не спрашивать о Робине. Но где же он?

— Извини за опоздание, Мэгги, — сказал Энди.

— Пустяки.

Наконец она не выдержала.

— А где твой друг?

— Звезда телевидения?

Энди сделал глоток.

— Он не придет?

Она была готова убить Энди за то, что он медлит с ответом.

— Возможно. Видела бы ты, какое смятение Робин вызвал в «Дипломате» — можно подумать, что он — Кэри Грант. Похоже, его передачу смотрят все.

Мэгги закурила новую сигарету. Она не позволяла себе смотреть обзор новостей, который вел Робин. Это входило в курс лечения. Она также никогда не думала о Хадсоне и своем прошлом. Конечно, Робин был знаменитостью. Раньше ей не приходило это в голову.

— Возле каждой лунки ему приходилось останавливаться и давать автограф, — сказал Энди.

Она помнила, как Робин пытался скрыть досаду, подписывая многочисленные меню в отеле «Беллвью».

— Он умирал от скуки, — продолжил Энди, — пока возле семнадцатой лунки к нему не прилипла какая-то блондинка.

Мэгги насторожилась.

— Кто она?

Энди пожал плечами.

— Она из его отеля. Ей не дашь больше двадцати. Она покинула свою компанию, чтобы взять автограф у Робина, и осталась возле него. Сопровождала нас до восемнадцатой лунки.

Энди рассмеялся.

— Кажется, ее зовут Бетти Лу.

Он поднял бокал.

— За Бетти Лу — она помогла мне выиграть двадцать долларов.

Сделав глоток, Энди продолжил:

— Она так вцепилась в Робина, что заставила его забыть о гольфе. Эта смазливая крошка добилась своего. Робин обратил на нее внимание. Он сделал несколько неточных ударов. Так я заработал двадцать долларов. Идем в ресторан, я умираю от голода.

Они собирались сделать заказ, когда Энди вызвали к телефону. Вернувшись к столу, он заявил с усмешкой:

— Великий любовник едет сюда.

Было около девяти часов, когда Мэгги увидела входящего в ресторан Робина. Вид у него был бодрый, свежий. Затем она заметила невысокую блондинку. Мэгги тотчас поняла, что девушка только что переспала с Робинсом. Ее прическа потеряла форму, а макияж был недавно наложен заново.

Энди встал.

— Привет, Бетти Лу.

Он обнял ее, как свою старую знакомую. Затем повернулся.

— Это Мэгги Стюарт. Мэгги, Робин Стоун.

Робин посмотрел на Мэгги, непринужденно улыбнувшись.

— Энди сказал мне, что вы тоже играете в гольф. Составьте как-нибудь нам компанию.

— Мне потребуется двадцать пять очков форы, — сказала Мэгги. — Боюсь, мы выступаем в разных лигах.

— Я играю не лучше, — вставила Бетти Лу. — Мы можем сыграть вчетвером.

Робин заказал два martini с водкой. Бетти Лу держала себя так, словно Робин Стоун не просто принадлежал ей, но и знал ее всю жизнь. Он игнорировал Бетти в беседе, однако давал девушке почувствовать, что рад ее обществу. Мэгги замечала, как Робин иногда касался руки Бетти и периодически улыбался своей спутнице, однако разговаривал он практически с одним Энди.

Внезапно Мэгги подумала, не специально ли Робин Стоун пришел сюда с Бетти Лу, чтобы разрядить атмосферу их новой встречи. Энди наверняка сказал Робину об их отношениях.

Стараясь не отставать от Робина, Бетти Лу приступила ко второму martini. Первый уже подействовал на нее. Второй оказался роковым. К концу обеда девушка с трудом сидела на стуле, ее волосы падали в тарелку со спагетти. Глаза Бетти стали стеклянными. Робин наконец заметил, в каком состоянии она находится.

— Солнце, гольф и martini свалят с ног кого угодно.

Мэгги понравилось, что он вступился за девушку, с которой только что познакомился. Общими усилиями они вывели Бетти из ресторана и усадили в машину Робина. Доставив Бетти в отель, Робин предложил отправиться в «Дипломат» и выпить там по последнему бокалу.

Они сели за маленький столик. Робин предложил выпить за Энди.

— За тебя, дружище. И за твою очаровательную даму. Спасибо тебе за мой отпуск.

Он посмотрел на Мэгги. Их глаза встретились. В ее взгляде был вызов, но голубые глаза Робина оставались вполне невинными. Затем он произнес:

— Я слышал о вас восторженные отзывы. Энди не обманул меня. Ваша статья об НЛО очень интересна. Я прочитал ее сегодня. Где вы достаете информацию? Откуда столько знаете о летающих тарелках?

— Меня всегда увлекала эта тема, — ответила Мэгги.

— Давайте встретимся завтра у тебя в кабинете, Энди. Ты и мисс...

Замолчав, он вопросительно посмотрел на Мэгги.

— Мэгги, — тихо подсказал Энди. — Мэгги Стюарт.

Робин улыбнулся.

— У меня отвратительная память на имена. Так вот, давайте это обсудим. Подумаем, нельзя ли сделать телепередачу об НЛО.

Они допили мартини и попрощались в холле. Мэгги проводила взглядом направившегося к лифту Робина.

В машине Мэгги была молчалива.

— Слушай, не обижайся на Робина за то, что он забыл твое имя. Такой он человек. Если Робин не спал с девушкой, она для него как бы не существует.

— Отвези меня домой, Энди.

Он помолчал, управляя машиной.

— Опять голова разболелась? — обиженно спросил Энди.

— Я устала.

Когда автомобиль остановился возле ее дома, Энди был грустен. Она даже не попыталась ободрить его. Выскочила из машины и побежала к подъезду. Не став ждать лифта, быстро одолела два пролета лестницы. Оказавшись в квартире, Мэгги захлопнула дверь и прижалась к ней. Слезы текли по ее лицу. Затем она всхлипнула — сначала один раз, потом второй. Он не только забыл ее имя — он даже не вспомнил о том, что они уже встречались!

Мэгги пыталась читать сценарий. С момента приезда Робина она не заглядывала в него. Конечно, до первого спектакля оставалось еще три недели, но Мэгги не хотела ударить в грязь лицом. В конце концов это был Юджин О'Нил, и Хай Мандел прилетит из Калифорнии специально для того, чтобы посмотреть на нее. Возможно, из этого ничего не выйдет. Режиссер независимой кинокомпании увидел Мэгги на телевидении и спросил, согласна ли она пройти кинопробу. Она ответила, что мечтает стать театральной актрисой, а кино ее не интересует. Работа на телевидении не позволила бы ей летать в Калифорнию. Возможно, отказ Мэгги пробудил в режиссере настойчивость. Он позвонил Хаю Манделу, ведущему голливудскому агенту, и расхвалил ему Мэгги. Теперь Хай Мандел собирался посмотреть ее игру в полупрофессиональном театре.

После сегодняшнего вечера у нее будет достаточно свободного времени, чтобы сосредоточиться на О'Ниле.

Завтра Робин Стоун уезжает из города. Он больше не встречался с Бетти Лу. На следующий вечер он появился с тренером по плаванию, которую звали Анна. Затем его сопровождала разведенная особа по имени Беатрис. Потом Робин взял на три дня лодку и отправился в одиночестве ловить рыбу. Сегодня днем он вернулся на берег. Энди сказал Мэгги, что они будут обедать с Робинем. С кем он появится на сей раз — с Бетти Лу? Анной? Беатрис?

Энди позвонил, когда Мэгги заканчивала накладывать макияж. Энди был в прекрасном настроении.

— Я только что говорил с Робинот. Представляешь, он не хочет делать сюжет о тарелках для своего «Взгляда». Он намерен подготовить отдельную программу. Просит нас принять участие в работе над ней. Это означает поездку в Нью-Йорк за счет телекомпаний!

— Надеюсь, это не совпадет по времени с моей работой над О'Нилом.

— Мэгги, в двадцать шесть лет девушке поздно думать о Голливуде. Твое место здесь, рядом со мной.

— Энди, я...

Она хотела сказать ему, что у них все кончено. Что никогда ничего и не было. Но он перебил ее:

— Слушай, Мэгги, не говори Робину об Аманде.

— Об Аманде?

— О девушке, чью фотографию в позавчерашней газете я тебе показывал.

— Это та, которая умерла от лейкемии?

— Да. Она была подругой Робина. Он рыбачил, когда это случилось, и, вероятно, ничего не знает. Он все равно не успеет на похороны, они состоятся сегодня, не стоит портить ему отдых.

— Но она была замужем за Айком Рианом, — сказала Мэгги.

— Да, но до этого Аманда два года встречалась с Робинот. У них был серьезный роман.

Заканчивая накладывать макияж, Мэгги обдумывала услышанное. Выходило, что ее первая встреча с Робинот по времени совпала с тем периодом, когда Аманда была его девушкой. Мэгги, прищурившись, посмотрела на себя в зеркало. «Отлично, дуреха. Ты ведешь себя как двадцатилетняя девственница. Неужели ты действительно втайне надеешься, что представляешь что-то особенное для Робина Стоуна?»

Она припарковала свой автомобиль возле «Дипломата». Мэгги заметила, что несколько мужчин повернули головы в ее сторону, когда она шла по вестибюлю. Неужели на нее всегда так смотрят? Почему она не замечала этого прежде? Входя в бар, она испытала волнение. Робин встал и улыбнулся.

— Энди скоро вернется. Я взял билет на завтрашний полдень, но он пытается обменять его, чтобы я улетел позже. Тогда мы успели бы сыграть еще одну партию.

Он подозвал официанта.

— Что будешь пить? Виски, как обычно?

Она кивнула.

— С кем ты сегодня? С Беатрис?

От волнения Мэгги говорила подчеркнуто легкомысленным тоном.

Он усмехнулся.

— Сегодня я только с вами. С тобой и Энди. Хочу выпить и отдохнуть с двумя хорошими друзьями. Может быть, даже сильно надраться.

Энди с улыбкой победителя на лице вернулся к столику.

— Все в порядке. Ты улетаешь в шесть. По-моему, ты сумасшедший, раз спешишь в Нью-Йорк. Элли, моя знакомая из авиакомпании, говорит, что там минус десять. Перед рождеством город сошел с ума. Везде мусор, возле каждого магазина — Санта-Клаус с колокольчиком, такси не поймать...

Он покачал головой и передернул плечами.

Робин посмотрел на пустой бокал и жестом попросил официанта повторить заказ.

— Я бы охотно остался, но у меня важная встреча в рождественский вечер.

Робин выпил четыре мартини. Мэгги, потягивая вторую порцию виски, снова восхитилась его способностями. Но в ту ночь в Филадельфии он тоже казался абсолютно трезвым, хотя и признался ей, что сильно пьян. Он был настолько пьян, что даже не запомнил ее! Они отправились в «Фонтенбло» и встретили там Сэмми Дэвис. Мэгги съела бифштекс. Робин методично поглощал водку. Энди старался не отставать от друга.

В конце концов они оказались в баре на Семьдесят девятой улице. Воздух там был голубым от дыма. Робин заказал бутылку водки. Шум мешал беседовать. Робин пил молча.

К часу ночи Энди отключился. Мэгги и Робин дотащили его до машины.

— Доставим Энди домой, потом я подброшу тебя, — сказал Робин.

— Но мой автомобиль стоит возле «Дипломата», — заметила Мэгги.

— Завтра съездишь туда на такси. Расходы отнеси на счет телекомпании — скажешь Энди, что он дал на них добро, прежде чем отключился.

Она указала ему дорогу к дому Энди. Робин попытался вытащить друга из машины.

— Какой же он тяжелый, — пожаловался Робин. — Мне нужна твоя помощь, Мэгги.

Вдвоем они дотащили Энди в его квартиру. Робин положил Энди на кровать, ослабил ему галстук. Мэгги забеспокоилась. Она никогда не видела человека, напившегося до бесчувствия. Робин успокаивающе улыбнулся ей.

— Сейчас его не разбудить даже твоим летающим тарелкам. Утром он помучается, но выживет.

Они спустились к машине.

— Я живу в соседнем квартале, вон в том длинном невысоком доме, — сказала Мэгги.

— Выпьем где-нибудь по последнему бокалу?

Она отвела его в маленький бар, расположенный неподалеку. Хозяин узнал Робина, поставил на стойку бутылку водки и завел беседу о профессиональном футболе. Мэгги сидела с бокалом разбавленного виски и слушала мужчин. Робин казался абсолютно трезвым. Это было невероятно!

Когда бар закрылся, Робин отвез ее домой.

- У тебя есть водка? — сидя в темной машине, спросил Робин.
- Нет, только виски.
- Жаль. Спокойной ночи, Мэгги, вечер был чудесный.
- Спокойной ночи, Робин.

Она собралась выйти из машины, затем вдруг повернулась к Робину и поцеловала его. Выскочила из автомобиля и побежала к дому.

Мэгги находилась в приподнятом настроении. Мужчина всегда первым целует девушку. Она же взяла инициативу в свои руки. Почувствовала себя свободной. Нарушила неписанный закон. Раздеваясь, Мэгги пела. Она стала надевать ночную рубашку, затем отбросила ее в сторону. Отныне она будет спать голой. Ей всегда этого хотелось, но она считала это неприличным. Подойдя к шкафу, Мэгги вытащила из ящика все ночные рубашки и положила их в сумку. Завтра горничная получит подарок. Мэгги легла в постель и погасила свет. Прохладные простыни были восхитительны — Мэгги испытала неведомое ей прежде ощущение свободы. Ей не хотелось спать, но она закрыла глаза...

Кто-то стучал в дверь. Мэгги включила лампу и посмотрела на часы. Четыре тридцать. Удары становились все более настойчивыми. Она накинула халат и приоткрыла дверь, не снимая цепочки. Увидела Робина Стоуна с бутылкой водки в руках.

— Я принес свою! — произнес он.

Она впустила его.

— Я обнаружил ее в моем номере — подарок от администрации. Но мне не хотелось пить одному.

— Тебе нужен лед?

— Нет, я пью без льда.

Мэгги протянула ему бокал и села на диван. Внезапно Робин повернулся к девушке.

— Я надрался.

Она еле заметно улыбнулась. Жилка запульсировала на ее шее.

— Хочешь меня, детка?

Мэгги встала с дивана и прошла по комнате.

— Я хочу тебя, — медленно произнесла она. — Но не сегодня.

— Завтра я уезжаю.

— Остайся еще на день.

— Чем завтрашний день отличается от сегодняшнего?

— Я хочу, чтобы ты меня запомнил!

Повернувшись, она посмотрела на него в упор.

— Покажи класс, детка, и я никогда тебя не забуду.

В ее взгляде появилось любопытство. Робин быстро шагнул к Мэгги и распахнул ее халат. Она вцепилась в ткань, но Робин сорвал халат с Мэгги. Отступил на шаг назад, задумчиво разглядывая ее тело. Она преодолела смущение и выдержала его взгляд.

— Большие красивые груди, — сказал он. — Ненавижу большие груди.

Неожиданно Робин поднял ее и бросил на кровать.

— Брюнеток я тоже терпеть не могу.

Он снял пиджак, ослабил галстук. Мэгги вдруг стало страшно. В его глазах застыло странное выражение — он словно не видел ее. Она вскочила, но Робин толкнул ее; она снова оказалась на кровати.

— Ты не уйдешь от меня, я теперь большой мальчик.

Голос Робина звучал как-то странно, он словно обращался к самому себе. Сейчас у него были глаза незрячего человека.

Мэгги смотрела, как он раздевается. Она могла убежать, позвать кого-то на помощь, но любопытство парализовало девушку. Наверно, нечто подобное испытывает человек, когда он остается один на один с убийцей. Она потеряла способность оказывать сопротивление. Сбросив одежду, Робин приблизился к Мэгги. Сел на кровать, посмотрел на девушку своими странными глазами. Когда Робин, наклонившись, нежно поцеловал Мэгги, ее страх прошел, она охотно ответила на его поцелуй. Он лег рядом с Мэгги, прижался к ней. Она почувствовала, что он вздохнул — его тело расслабилось. Губы Робина искали ее грудь. Мэгги прильнула к нему, ее сдержанность пропала. Когда он овладел ею, Мэгги охватило чувство радости, восторга, и она кончила одновременно с ним. В мгновения оргазма Робин прокричал те же три слова, что и в Филадельфии: «Mutter! Мама! Mutter!»

Затем он перекатился с нее в сторону. В темноте она увидела его застывшие стеклянные глаза. Он погладил Мэгги по щеке и улыбнулся.

— Я чертовски пьян, крошка, но с тобой все совсем не так, как с другими.

— Однажды ты уже говорил мне это в Филадельфии.

— Да? — без удивления в голосе произнес он.

Она прижалась к нему.

— Робин, ты испытывал такое прежде?

— Нет... да... не знаю, — сонно пробормотал он. — Только не уходи от меня. — Робин обнял ее. — Обещай, что никогда не уйдешь от меня.

Мэгги прильнула к нему. Это твой шанс, сказала она себе. Вышвырни его из кровати. Скажи ему: «Прощай, парень с телевидения». Но Мэгги не могла это сделать.

— Клянусь, Робин, я никогда не оставлю тебя.

Он провалился в сон.

— Это всего лишь слова.

— Я никогда не произносила их прежде. Я люблю тебя.

— Нет, ты покинешь меня... уйдешь...

— Куда? — спросила она.

Но Робин уже спал.

Мэгги, не в силах заснуть, наблюдала, как светлеет небо. Она посмотрела на его красивую голову. Теплая щека Робина прижималась к ее груди. Все это казалось Мэгги невероятным. Он был здесь, спал в ее объятиях. Принадлежал ей! Она была рада, что сказала ему про Филадельфию. Там он тоже просил ее не уходить. А она ушла. Возможно, обидела его. Вероятно, тут крылось объяснение — сегодня, находясь в состоянии опьянения, он подумал, что она по-

прежнему замужем — ну конечно! Счастье переполнило душу Мэгги.

Находясь в полудреме, Мэгги каждые несколько секунд поглядывала на лежащего в ее объятиях человека, чтобы убедиться в реальности этой ночи. Увидела проблески зари и поразилась скорости, с которой солнце вставало над горизонтом. Чайки криками возвещали о наступлении нового дня. Удивительного дня! Солнечный луч проник в комнату; скоро он упадет на Робина. Ночью она забыла сдвинуть шторы. Поднявшись с кровати, Мэгги на цыпочках прошла по комнате. Закрыла окна шторами. Часы показывали девять утра. Она направилась в ванную. Пусть Робин выспится. Она хотела, чтобы он проснулся бодрым, без головной боли. Мэгги посмотрела на себя в зеркало. Порадовалась тому, что встала первой. Губная помада и тушь размазались по лицу. Она протерла его кремом, приняла душ, слегка подкрасилась. Собрала волосы в «хвост», надела рубашку, джинсы и отправилась на кухню. Что он любит? Яйца? Ветчину? Возможно, запах пищи после всей выпитой водки вызовет у него тошноту. Она поставила кофейник на плиту и открыла банку томатного сока. Кофе и сок помогут справиться с похмельем. Вытащила сковороду — вдруг он захочет яичницу. Она мечтала угодить ему.

Незадолго до полудня Мэгги услышала, как он пошевелился. Налила в стакан томатный сок и отнесла его в спальню. Робин взял стакан. Мэгги смотрела, как он пьет сок. Затем она раздвинула шторы. Солнечный свет заполнил комнату. Робин поморгал и обвел ее взглядом.

— Господи, Мэгги!

Он посмотрел на кровать, потом на девушку.

— Как я попал сюда?

— Ты приехал в половине пятого.

Точно лунатик, Робин протянул ей пустой стакан.

— Мы что... да, конечно.

Он устался на кровать. Покачал головой.

— Иногда, когда я сильно пьян, у меня бывают провалы в памяти. Извини, Мэгги.

Внезапно он нахмурился.

— Почему ты меня впустила?

Она справилась с охватившим ее страхом.

— О, Боже!

Робин взъерошил рукой свои волосы.

— Ничего не помню. Ничего.

Она почувствовала, что по ее лицу катятся слезы, но злость помогла ей не разрыдаться.

— Твои слова стары, как мир, Робин. Но Бог с ними, если тебе от них становится лучше! Душ вон там.

Она удалилась в гостиную, налила себе кофе. Ее злость утихла. Растерянность в глазах Робина была искренней. Внезапно Мэгги поняла, что он сказал правду. Он действительно ничего не помнил.

Робин вошел в гостиную, завязывая галстук. Его пиджак был перекинут через руку. Он бросил его на диван и взял протянутую Мэгги чашку кофе.

— Если хочешь яйца или тост... — произнесла она.

Он покачал головой.

— Я чувствую себя ужасно виноватым, Мэгги. Перед Энди. А прежде всего перед тобой. Я ухожу. Ты не обязана рассказывать все Энди. Я сочиню для него какую-нибудь правдоподобную историю.

— А что посоветуешь делать мне?

Он посмотрел на Мэгги.

— Ты знала, на что шла. Энди — твой парень.

— Я в него не влюблена.

Он усмехнулся.

— Наверно, ты безумно влюблена в меня.

— Да, верно.

Робин засмеялся, словно услышал смешную шутку.

— Я, должно быть, великолепен в пьяном виде.

— Ты хочешь сказать, что такое с тобой случалось часто.

— Не очень часто. Два или три раза. Меня это всегда сильно пугало. Но сегодня я впервые получил подтверждение случившемуся. Прежде я просыпался и знал, что что-то произошло, но что именно, не мог вспомнить. Тогда я был сильно пьян. Но вчера мне казалось, что я практически трезв. Что случилось с Энди?

— Он отключился.

— Да, припоминаю. Наверно, это последнее, что осталось в моей памяти.

— Ты не помнишь ничего из того, что ты говорил мне?

Его голубые глаза казались искренними.

— Я был ужасен?

Слезы навернулись на глаза Мэгги.

— Нет, ты был самым ласковым из всех мужчин, которых я знала.

Он поставил чашку на столик и поднялся.

— Мэгги, извини меня. Я виноват.

Она посмотрела на него.

— Робин, я для тебя что-нибудь значу?

— Ты мне нравишься. Не стану тебе лгать. Ты умная и красивая девушка, но ты не в моем вкусе.

— Не в твоём... — она не смогла повторить его слова до конца.

— Мэгги, не знаю, что заставило меня прийти сюда. Не помню, что я говорил, делал... Извини, ради Бога, если я тебя обидел.

Робин подошел к Мэгги.

— Вы с Энди должны сделать вид, будто ничего не произошло.

— Пожалуйста, уходи! Я уже сказала — с Энди все кончено. Это случилось еще до вчерашнего вечера.

— Это для него серьезный удар. Он тебя любит.

— Мы не подходим друг другу. Я не хочу быть с ним. Пожалуйста, уйди.

— Я собирался предложить ему работу в Нью-Йорке, — внезапно произнес Робин. — Из этого района все равно поступает немного новостей. А ты хотела бы работать в Нью-Йорке?

— Умоляю, перестань строить из себя Бога!

Робин заглянул ей в глаза.

— Мэгги, как бы я хотел вернуть назад эту ночь. Такого со мной давно не случалось. Последний раз это произошло в Филадельфии. Она в упор посмотрела на него.

— Ты что-нибудь помнишь?

Он покачал головой.

— Когда я проснулся, ее уже не было. Она пользовалась оранжевой помадой.

— Я пользуюсь оранжевой помадой.

Его глаза изумленно округлились.

Мэгги молча кивнула.

— Я вела там обзор новостей.

— Господи — ты меня преследуешь?

От унижения Мэгги пришла в ярость. Не отдавая себе отчета в своих действиях, она ударила Робина по лицу.

Он грустно улыбнулся.

— Я это заслужил... Ты должна ненавидеть меня — все эти дни мы были вместе, а я ничего не вспомнил.

— Я не испытываю к тебе ненависти, — сухим тоном произнесла она. — Я злюсь на себя. Всегда презирала сентиментальных идиотов, не владеющих собой. Я сожалею о том, что ударила тебя. Ты этого не стоишь.

— Не пытайся казаться жестокой, ты насилуешь свою природу.

— Откуда тебе известно, какая я на самом деле? Что ты обо мне знаешь? Ты даже не вспомнил, что когда-то занимался со мной любовью. Кто ты такой, чтобы объяснять мне, какая я на самом деле? Что ты из себя представляешь?

— Не знаю, право, не знаю.

Повернувшись, Робин покинул квартиру.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Расставшись с Мэгги, Робин забрал из отеля свои вещи и направился в аэропорт.

В Нью-Йорке было тепло и солнечно. Радостная предпраздничная толпа заполнила аэропорт «Айдлуайлд». Робин остановил такси и доехал до своего дома, прежде чем начался час пик.

Важных писем не было. Горничная тщательно убрала квартиру в его отсутствие. Робина охватила непонятная грусть. Он открыл банку томатного сока и набрал номер Айка Риана. Аманду, наверно, уже выписали из больницы.

— Где ты был, черт возьми?

Голос Айка звучал глухо, подавленно.

— Как дела? — бодро спросил Робин.

— «Позвони мне, если я тебе понадобится, Айк!» — Риан повторил фразу, некогда произнесенную Робин. — Господи, я названивал тебе два дня!

— Я рыбачил. Почему ты не оставил сообщение?

Айк вздохнул.

— Какой от этого был бы прок? Ты пропустил похороны. Неужели он не ослышался?

— Чьи похороны?

— Ты что, не читаешь газеты? Неужели ты ничего не знаешь?

— Айк, я час назад вернулся в Нью-Йорк. Что случилось?

— Позавчера похоронили Аманду, — с болью в голосе сообщил Айк.

— Но всего неделю назад ты сказал, что она поправляется.

— Нам так казалось. Даже в день смерти она выглядела прекрасно. Я приехал в больницу около одиннадцати. Она сидела в кровати накрашенная, в красивом халате, и надписывала рождественские открытки. Лекарство вроде бы подействовало. Я собирался через несколько дней забрать Аманду домой. Внезапно она выронила ручку, ее глаза стали стеклянными. Я бросился к двери, позвал врача. Через несколько секунд в палату набилась масса людей. Доктор сделал укол, и она заснула. Я просидел возле Аманды три часа; наконец она открыла глаза. Увидела меня и едва заметно улыбнулась. Я обнял ее и сказал, что все будет хорошо. Затем Аманда посмотрела на меня ясными глазами и сказала:

— Айк, я знаю, знаю!

Риан замолчал.

— Что она знала, Айк? — спросил Робин.

— Боже, кому это известно? Наверно, она хотела сказать, что знает диагноз. Я побежал за медсестрой. Девушка принесла шприц, но Аманда ее оттолкнула. Прижалась ко мне, словно чувствуя, что времени осталось мало. Посмотрела на меня и сказала: «Робин, заботься о Слаггере, пожалуйста, Робин». Затем Аманда потеряла сознание. Медсестра пояснила: «Она не понимает, что говорит». Через час Аманда снова пришла в себя, на ее лице появилась чудесная улыбка. Она коснулась моей руки. Господи, Робин, в этих огромных глазах было столько страха! Она сказала: «Айк, я люблю тебя. Я люблю тебя». Затем Аманда сомкнула веки, и больше сознание к ней не возвращалось. Спустя час она умерла.

— Айк, ее последние слова были обращены к тебе. Это должно служить тебе некоторым утешением.

— Если бы она сказала: «Айк, я люблю тебя», и все, это было бы прекрасно. Но она повторила фразу, выделив голосом последнее слово — «тебя». Аманда словно пыталась убедить меня в том, что она любила не тебя. Это было проявлением ее великодушия. Она знала, что конец близок, и хотела оставить мне светлые воспоминания.

— Айк, не фантазируй. Она не понимала, что говорит.

— Возможно. Ты позволишь мне забрать кота?

— Кота?

— Ты имеешь на него все права. В сознании была Аманда или нет, но она попросила заботиться о нем тебя. Ее желания для меня — закон. Но я хочу взять кота к себе, он — частица Аманды.

— Пожалуйста, — отозвался Робин. — Конечно, он твой.

— Я сплю с ним каждую ночь, — сказал Айк. — Кот чувствует, что что-то случилось. Мы оба несчастны.

— Айк, налей ему молока в блюдце и спи с блондинкой.

— Я снимаю картину о войне. Без единой женщины. Только двадцать парней, похожих на Джона Уэйна. Ладно, возьму себя в руки. Счастливого рождества тебе, Робин.

— И тебе того же, Айк.

Он положил трубку и откинулся на спинку кресла. Аманда мертва... невообразимо! Она не могла до сих пор любить его. Айк просто обезумел от горя. Бедняга, грустное рождество его ожидает. Мысли о рождестве и в Робина не вселяли радость. Внезапно ему захотелось провести праздник с кем-нибудь из близких. С матерью? Сестрой? Китти была в Риме, а Лайза — он не видел сестру целую вечность. Даже не знал, как выглядят ее дети. Робин позвонил в Сан-Франциско.

Лайза удивилась, услышав его голос.

— Робин! Просто не верится. Ты звонишь мне. Догадалась — ты женишься.

— Лайза, дорогая, до рождества осталась одна неделя. Иногда я все же вспоминаю о моей семье. Особенно перед Новым годом. Как дети? Как старый добрый Ежик?

— Он по-прежнему самый замечательный мужчина на свете, хотя и не желает менять прическу. Робин, я вправе обижаться на тебя — ты столько раз был в Лос-Анджелесе и не позвонил. Самолет летит к нам всего один час. Кейт и Дикки будут счастливы увидеть тебя. Через час мы вылетаем в Палм-Спрингс. Мы увлеклись теннисом. Собираемся провести уик-энд с родителями Дика. Когда ты нас навестишь?

— Обещаю заехать к вам, когда снова окажусь в Лос-Анджелесе. Робин помолчал.

— Как там наша славная Китти?

Лайза выдержала паузу.

— Робин, почему ты всегда так ее называешь?

— Не знаю. Наверно, это пошло с тех пор, как умер старик.

— Ты имеешь в виду моего отца.

— И все же, Лайза, как дела у Китти?

— Почему ты зовешь ее Китти?

Он рассмеялся.

— Ладно, как чувствует себя мама? Так лучше?

— Она была тебе хорошей матерью, Робин.

— Конечно, и я рад, что она теперь живет в свое удовольствие. Как ее здоровье?

— Неважно. У мамы было несколько слабых сердечных приступов. Она пролежала месяц в больнице. Сейчас маме лучше, но доктор

запретил ей переутомляться. Она всегда носит с собой нитроглицерин. У нее появился новый друг. Ему двадцать два года. По-моему, он гомик. Она говорит, что он готовит пищу, исполняет все капризы и обожает ее. Она содержит его. Как это тебе нравится?

— По-моему, это великолепно, — сказал Робин. — Было бы лучше, если бы возле нее находился ворчливый старик, скрюченный артритом? Я тоже предпочитаю молодых и красивых.

— Ты по-прежнему не хочешь завести семью, детей?

— Нет, черт возьми. Знаешь, мне кажется, что и Китти этого не хотела. Она родила нас, чтобы чем-то занять себя.

— Не говори так! — возмутилась Лайза.

— Не спорь. У нас всегда были няньки, во всяком случае, у тебя. Китти испытывала страх, когда ей приходилось держать тебя на руках. И я не помню ее держащей на руках меня. Наверно, мы дополняли картину — свой дом, мальчик, девочка.

— Она любила детей, — сказала Лайза. — Хотела иметь их. К моменту моего рождения почти утратила надежду, что еще способна на это.

— Это показывает, как много значил для нее я.

— Нет. Ты не прав. У нас семь лет разницы. Она хотела, чтобы ее дом был полон детьми. Едва не умерла, рожая меня, а после у нее было три выкидыша.

— Почему я никогда об этом не знал?

— И я не знала. На следующий год после смерти отца она приехала ненадолго к нам в гости. Я была тогда на третьем месяце. Она сказала: «Лайза, один или даже два ребенка — это мало. Пусть весь дом будет полон детьми. Я оставлю вам с Робинсом большое состояние. Вы оба можете позволить себе много детей. Без них жизнь не имеет смысла». Тогда же она многое мне рассказала. Я хотела, чтобы она жила с нами, но мама наотрез отказалась. Заявила, что у меня муж и собственная жизнь, а она хочет иметь все свое. Решила обосноваться в Европе.

— Наверно, дочери ближе матерям, — тихо заметил он.

— Не знаю. Скажу одно: дети — это важно. Мама это знала. Хотелось бы, чтобы и ты это понял.

— Желаю тебе хорошо отдохнуть в Палм-Спрингс. Счастливого рождества!

— И я желаю тебе того же! Когда-нибудь у тебя будет много белокурых малышей. Счастливого рождества, Робин!

Лайза опустила трубку.

Робин задумчиво потер лоб. Впереди — праздник. В его голове начала формироваться идея передачи, посвященной футболу, но он понимал, что это дело будущего года. Пока надо пережить рождество. Он мог полететь в Лос-Анджелес, чтобы помочь Айку справиться с горем. Но Робина пугала перспектива сидеть с подавленным Айком и утешать его.

Он позвонил знакомой фотомодели. Оказалось, что она отправилась на праздники в Западную Вирджинию. Набрал номер стюардессы. Ее самолет опаздывал на два часа, но соседка по квартире

была свободна. Он договорился о встрече с ней в баре «Улан». Она оказалась симпатичной. Они выпили несколько бокалов. Для себя Робин заказывал пиво. Потом он взял для своей спутницы бифштекс. Она была готова отправиться к нему, но Робин отвез девушку к ее дому. Вернувшись к себе, посмотрел недолго телевизор и заснул. В четыре часа утра Робин проснулся мокрый от пота; он не мог вспомнить кошмар, который его только что мучал. Он закурил сигарету. Четыре часа утра — в Риме сейчас десять. Приняв решение, Робин набрал номер. В трубке зазвучал мужской голос. Человек говорил по-английски с акцентом.

— Позовите, пожалуйста, миссис Стоун,— сказал Робин.

— Извините, она еще спит. Что ей передать?

— Кто это?

— Могу я прежде задать вам тот же вопрос?

— Я — ее сын. Робин Стоун. Кто вы, черт возьми?

— О...

Голос в трубке потеплел.

— Я о вас много слышал. Я — Серджио, близкий друг миссис Стоун.

— Слушайте, близкий друг, я вылетаю в Рим первым утренним рейсом. Проведу с матерью рождество. Как она себя чувствует?

— Превосходно, но ей станет еще лучше, когда она услышит новость.

Если этот жиголо всегда изъясняется в таком стиле, подумал Робин, неудивительно, что женщины от него без ума.

— Знаете, близкий друг, вы можете избавить меня от лишних хлопот, если забронируете номер в «Эксельсиоре».

— Не понимаю...

— В «Эксельсиоре». Это большой отель на Виа Венето.

— Это мне известно, но зачем вам гостиница? У вашей матери очень большой palazzo* с десятью спальнями. Она обидится, если вы остановитесь не у нее.

— Десять спален!

— Это очень красивая вилла. Исключительно удобная.

Ну конечно, подумал Робин. У Серджио там все условия для свиданий со своими мальчиками.

— Если вы сообщите телеграммой время вашего прибытия,— сказал Серджио,— я вас встречу.

— В этом нет нужды.

— Для меня это удовольствие.

— Похоже, вы честно отрабатываете свое жалованье.

— С нетерпением жду встречи с вами.

Самолет приземлился в одиннадцать вечера по римскому времени. Робин внезапно обрадовался тому, что в Италии уже поздний вечер. Он может поздороваться с Китти и сразу же лечь спать. Он даже пожалел, что не мог остановиться в отеле. Роль гостя, даже

* Дворец (ит.).

в доме собственной матери, ему не нравилась. Римский palazzo ничем не напоминал дом из песчаника, в котором они жили в Бостоне. Робин был уверен в том, что Серджио не похож на отца.

Выйдя из самолета, он тотчас увидел красивого молодого человека в узких брюках. Серджио бросился к Робину и попытался забрать у него ручную кладь.

Робин жестом остановил итальянца.

— Я еще не инвалид, малыш.

— Меня зовут Серджио. Могу я называть вас Робинем?

— Пожалуйста.

Они прошли в зону доставки багажа. Серджио был необыкновенно хорош собой, он показался Робину красивее любого киноактера. У него была легкая, но не разболтанная походка и превосходные манеры — предупредительность Серджио не переходила в услужливость. «Этот сукин сын изображает, будто и правда рад меня видеть», — подумал Робин. Иммиграционный чиновник поставил штамп в паспорте Робина. Пока остальные пассажиры толкались в ожидании своего багажа, ловкий Серджио вручил несколько банкнот пожилому носильщику; вскоре тот вернулся с чемоданами и погрузил их в длинный красный «ягуар». Они помчались по современной автостраде, которая вела в город.

— Отличный автомобиль, — произнес Робин после долгого молчания.

— Он принадлежит вашей матери.

— Она, конечно, каждый день гоняет на нем, — с сарказмом в голосе произнес Робин.

— Нет, его вожу я. У нее был «роллс-ройс» с шофером, но такая большая машина неудобна для Рима. К тому же шофер...

Серджио закатил глаза.

— Он договорился со служащими бензоколонок и обворовывал вашу мать. Теперь машину вожу я.

— А ты, конечно, уже нашел колонки, где бензин продают со скидкой.

— Со скидкой?

— Ладно, Серджио, как там моя мать?

— По-моему, она уже давно не чувствовала себя так хорошо. Известие о вашем скором приезде сделало ее счастливой. Мы собираемся устроить большой рождественский прием в вашу честь. Ваша мама любит устраивать приемы, они поднимают ей тонус, заставляют уделять внимание нарядам. А когда женщина элегантно одета и отлично выглядит, ее самочувствие улучшается.

Робин откинулся на спинку сиденья и понаблюдал за тем, как Серджио ловко маневрирует среди малолитражек в плотном городском потоке. Наконец они выбрались из пробок и поехали в сторону Аппиевой дороги. Вскоре автомобиль уже двигался по широкой аллее. Робин свистнул.

— Это смахивает на летний дворец Нерона. Во сколько обходится аренда?

— Китти купила этот особняк. Он очень красив, правда?

Китти ждала их в просторном мраморном холле. Робин нежно обнял мать. Она, казалось, стала ниже ростом с момента их последней встречи, но ее лицо было гладким. Женщина, стоявшая перед Робинсом в красном бархатном костюме, выглядела лет на тридцать. Они направились в огромную гостиную, стены которой украшали фрески. Серджио куда-то исчез, и Китти подвела сына к дивану.

— О, Робин, я так рада тебя видеть!

Робин с нежностью посмотрел на Китти. Внезапно он ужасно обрадовался, что у него есть мать. Пятна на руках, свидетельствовавшие о ее возрасте, плохо сочетались с молодым лицом. И все же рядом с Робинсом сидела маленькая пожилая женщина. Ее тело словно усохло.

Затем пришел Серджио, и Робин стал свидетелем удивительной метаморфозы. Китти расправила плечи. Ее тело точно ожило — она стала выше на пару дюймов, улыбка Китти помолодела. Она действительно была молода, когда принимала из рук Серджио бокал шампанского.

— Я приготовил для вас мартини с водкой и льдом, — сказал Серджио. — Китти сообщила мне, что это ваш любимый напиток. Я правильно его приготовил?

Робин сделал большой глоток. Невероятно! Этот сукин сын делал мартини лучше, чем бармен в «Улане». Серджио снова исчез, и Китти взяла руки Робина в свои.

— Я сегодня немного устала, но завтра мы обо всем поговорим. О, Серджио, ты прелесть.

Молодой человек принес поднос с холодными омарами.

Робин обмакнул кусочек в соус. Внезапно он понял, что здорово проголодался. Серджио обладал неисчислимым количеством талантов. Робин посмотрел на стройного парня, стоявшего возле камина. Интересно, почему он стал гомосексуалистом? Если ему нужны деньги, он мог найти молодую наследницу-итальянку, которая охотно вышла бы замуж за такого красивого парня. Зачем связываться с пожилой женщиной? Ответ ясен: пожилая женщина будет испытывать к нему чувство благодарности и закрывать глаза на его связи с юношами.

— Ты позвонил вовремя, — сказала Китти. — Мы уже взяли билеты, чтобы лететь в Швейцарию. Я обещала Серджио, что мы проведем десять дней на горнолыжном курорте.

На лице Робина появилось огорченное выражение.

— Почему ты не сказала мне, что я нарушаю ваши планы?

Она махнула рукой.

— О, это пустяк. Ты знаешь, что я не катаюсь на лыжах. Это бедный Серджио мечтал о поездке. Но он сам предложил отменить ее. Когда я проснулась, он сообщил мне о твоём скором приезде и аннулировал гостиничную бронь.

Робин посмотрел на Серджио. Молодой человек пожал плечами.

— Мне кажется, для Китти там слишком разреженный воздух. С ее сердцем не стоит подниматься в Альпы.

— Ерунда! Доктор мне разрешил! — сказала Китти. — Но так даже лучше. Мы все вместе. Серджио сказал тебе о приеме, который мы устраиваем на рождество? Я составляю список гостей. Конечно, многие уезжают на праздники, но кое-кто останется в Риме. Робин, ты поживешь у нас до Нового года. Ради тебя мы отказались от Альп, так что не смей быстро убегать.

— Если я пробуду здесь несколько дней, вы еще успеете съездить в Швейцарию.

— Нет. Нам уже не удастся забронировать гостиницу. Мы заказывали ее за несколько месяцев. Так что тебе придется пожить у нас. Китти поставила бокал на стол.

— Мне пора спать.

Робин поднялся с дивана, но мать махнула рукой.

— Допивай свой мартини. Для меня, дорогой, уже поздно, но ты еще живешь по американскому времени, тебе еще рано ложиться. Китти поцеловала сына.

Серджио предложил ей руку, и она с нежностью посмотрела на итальянца.

— Он славный мальчик, Робин. Я с ним счастлива. Он мог бы быть моим сыном. Сколько тебе лет, Робин?

— В августе разменял пятый десяток.

— Значит, тебе сорок, — улыбнулась Китти. — Это еще не много. И все же много для неженатого человека.

В ее глазах застыл невысказанный вопрос.

— Не могу найти такую замечательную женщину, как ты. Она покачала головой.

— Не тяни с этим слишком долго. Дети — важная часть жизни.

— Ну конечно, — глухо отозвался Робин. — Поэтому тебе нужен Серджио. Мы с Лайзой — большое утешение для тебя.

— Робин, истинно любящая мать не держит детей возле себя. Я родила вас не из страха перед одиночеством в старости. Вы были частью моей молодости, нашей прекрасной жизни с отцом. Теперь вы должны наслаждаться молодостью, заводить детей.

Она вздохнула.

— Эти годы — самые лучшие в жизни человека. Теперь я это поняла. Не дай им пройти напрасно, Робин.

Китти в сопровождении Серджио покинула комнату. Робин провожал их взглядом, пока они не скрылись на лестнице.

Он налил себе неразбавленной водки. Он устал, но ему не хотелось ложиться с постелью. У него не было с собой никакой книги... неведомое прежде странное чувство одиночества не отпускало Робина. Он посмотрел на верхний пролет лестницы. Занимались ли Китти и Серджио сейчас любовью? Он пожегся. Ему было холодно в эту теплую ночь. Он подошел к камину. Возможно, все дело в мраморе. Робин снова вздрогнул.

— Я зажег камин в вашей комнате.

Робин повернулся — на нижней ступени лестницы стоял Серджио.

— Я не слышал твоих шагов, — сказал Робин. — Ты ходишь бесшумно, точно кошка.

— Я специально ношу туфли на резиновой подошве. Китти часто спит днем. Не хочу беспокоить ее.

Робин вернулся к дивану. Серджио сел рядом с гостем. Робин отодвинулся от молодого человека и посмотрел на него.

— Слушай, Серджио, давай с самого начала внесем ясность в этот вопрос. Развлекайся с моей матерью и со своими мальчиками. В отношении меня не питай никаких надежд.

— В сорок лет поздно оставаться холостяком. Робин безрадостно засмеялся.

— Разумная мысль. Но ты ошибся. Я люблю женщин так сильно, что никогда не намерен довольствоваться одной.

Влажные темно-карие глаза Серджио смущали Робина.

— Слушай, почему ты не в постели с нашей славной Китти? Тебе за это платят.

— Я живу с Китти, потому что она мне нравится.

— Да, мне она тоже нравится. Но я уехал от нее примерно в твоём возрасте. Тогда она была значительно моложе и красивее. Серджио улыбнулся.

— Но мне-то она не мать. Нас связывает любовь — не та, о которой вы подумали. Вашей матери нужен не секс, а теплота, присутствие близкого человека. Я люблю ее. Всегда буду заботиться о ней.

— Пожалуйста, делай это, Серджио, — попросил Робин.

Он понял, что его первоначальное мнение о молодом человеке меняется. Неприязнь исчезла. «Китти повезло», — подумал он, испытывая чувство благодарности к Серджио.

— Расскажите мне о вашей работе в Штатах, — попросил Серджио.

— Рассказывать тут нечего... готовлю обзоры новостей.

— Вам не нравится ваша работа?

Робин пожал плечами.

— Она меня устраивает.

Он налил себе еще водки. Молодой человек вскочил с дивана и принес ему ведро со льдом.

— Каждый должен что-то делать, — медленно добавил Робин.

— Италия — католическая страна, здесь нет разводов. Бедняки заводят детей. Им приходится много работать, иногда в нескольких местах. Но состоятельный человек избавлен от физического труда. Он сам выбирает себе занятие. Он наслаждается жизнью. Все конторы и магазины закрыты с полудня до трех. Богатый мужчина неплохо проводит это время. Ленч он ест у своей любовницы. Долго сидит за столом, пьет вино, потом занимается любовью. Вечером, после работы, отдыхает с женой. Но вы, американцы, часто занимаетесь делом, которое вам не по душе. Скажите, вы когда-нибудь пили вино за ленчем?

Робин рассмеялся.

— Мне это и в голову не приходило.

— Но почему? Ваша мать оставит вам очень много денег — зачем отдавать столько сил работе?

— Не так уж я и напрягаюсь. Возможно, мы действительно редко расслабляемся, но зато не живем на средства женщин — матерей или любовниц.

Робин посмотрел на Серджио. Парень пропустил намек мимо ушей. Выражение его лица не изменилось.

— Вы собираетесь всю жизнь готовить обзоры новостей? — с неподдельным интересом в голосе спросил Серджио.

— Как бы не так. В один прекрасный день я уволюсь и засяду за книгу.

Глаза Серджио засветились.

— Я постоянно читаю. Китти занимается моим образованием. Мне мало довелось учиться. Сейчас я читаю «Очерки по истории» Уэллса. Вы пишете, как мистер Уэллс?

— Каждый пишет по-своему. К сожалению, я занимаюсь этим делом урывками, в промежутках между основной работой.

— По-моему, вам следует ее бросить и перебраться к нам. Здесь вы сможете писать, мы все будем счастливы. Пожалуйста, Робин, мы с Китти будем вам очень рады.

Робин улыбнулся.

— Дружище, нам с тобой будет тесно в одной комнате.

— У вас будет своя. Мы подготовим вам апартаменты с отдельным входом. Мы сможем вместе кататься на лыжах. Пожалуйста, Робин!

— Серджио, последний раз так на меня смотрел человек, с которым мы три ночи спали вместе. Маленькое отличие заключается в том, что это была девушка. Прекрати.

— Что, очень заметно?

— Еще бы.

— Вам это неприятно?

— Если хочешь, чтобы я пожил с вами — кончай.

Серджио вздохнул.

— Понимаю. Вы — тот мужчина, о котором я мечтал. Ничего не могу с собой поделать. Если девушка смотрит на вас так, вы не испытываете к ней ненависти за это. Мои чувства — от сердца. Я ими не управляю. Но больше не беспокойтесь, Робин.

Он протянул руку.

— Пожмите ее, Робин. Мы будем друзьями.

Крепкое мужское рукопожатие Серджио удивило Робина.

— Договорились.

Робин поставил свой бокал на стол и направился к лестнице.

— Кстати, приятель, где ты спишь?

— Моя спальня в конце коридора. Возле комнаты вашей мамы.

Робин улыбнулся. Глаза Серджио оставались серьезными.

— У нее больное сердце. Я должен всегда находиться рядом, чтобы она могла меня позвать.

— Спокойной ночи, Серджио. Ты всегда опережаешь меня.

Улыбнувшись, Серджио шагнул к камину.

— Я погашу огонь. Прислуга появляется в семь. Я поставил на столик возле вашей кровати термос с горячим кофе — вдруг вы проснетесь раньше.

Робин, засмеявшись, стал подниматься по ступеням.
— Слава Богу, Серджио, что второго такого, как ты, нет на свете. Если бы таких парней было много, девушки остались бы не у дел.

Несколько следующих дней Китти посвятила подготовке к рождеству. Следовало запастись едой, вином, елкой, новогодними украшениями. По утрам она вручала Робину и Серджио список и посылала за покупками, точно детей. Робин отдыхал, он увлекся этим занятием. Серджио управлял машиной, он знал расположение всех нужных магазинов. Иногда им приходилось ждать окончания обеденного перерыва. Они ели ленч. Робин вошел во вкус размеренной праздной жизни. Он даже начал пить вино. Подружился с добрым, спокойным Серджио. Робин испытывал к нему отеческие чувства.

Серджио расспрашивал Робина о Штатах. Его интересовали Нью-Йорк, Чикаго, но Голливуд просто завораживал молодого человека. Он проглатывал все журналы, посвященные кино. Восторгался пляжными домиками и шикарными виллами. «В Риме так роскошно живут всего три или четыре человека. В Голливуде, похоже, у каждого есть свой плавательный бассейн. Вот это жизнь! Здесь у меня нет шанса стать киноактером, в Италии много красивых молодых людей, но в Голливуде меня бы заметили».

— Ты можешь играть? — спросил Робин.

— Разве в кино требуется драматическое мастерство? — удивленно округлив глаза, спросил Серджио. — Я слышал, картину склеивают из маленьких кусочков, режиссер постоянно объясняет, что надо делать.

— Нет, от актера требуется некоторое умение. Почему бы тебе не начать с драматических курсов? Китти не станет возражать.

Серджио пожал плечами.

— Это всего лишь мечта. Я счастлив с Китти. А последние дни были лучшими в моей жизни.

Накануне рождества Серджио привел Робина в ювелирный магазин на Виа Систина. Хозяин магазина, лысеющий толстяк, увидев Серджио, затрепетал от волнения.

— Серджио, ты вернулся!

— Я хочу посмотреть зеркало, — сухо произнес Серджио.

— О, пожалуйста. Я же сказал тебе, что оно — твое, если оно тебе нравится.

Он открыл ящик и вынул оттуда великолепное маленькое флорентийское зеркало в золоченой оправе. Серджио восхищенно посмотрел на него.

— Что это, черт возьми? — спросил Робин.

Он испытывал некоторую неловкость. Хозяин магазина пожирал глазами Серджио, однако молодой человек, казалось, не замечал устремленного на него взгляда.

— Китти пришла от него в восторг, — сказал Серджио. — Она видела зеркало месяц тому назад. Оно помещается в ее сумочке. Я скопил только половину нужной суммы.

— Серджио, — елейным тоном произнес толстяк, — я же сказал — заплатишь, сколько сможешь. Остаток будет подарком от меня.

Серджио, казалось, не расслышал обращенных к нему слов. Он вытащил из кармана несколько смятых купюр.

— Робин, мне нужно... ну, двадцати американских долларов хватит. Сделаем Китти подарок от нас обоих?

Робин кивнул. Он протянул хозяину магазина деньги; разочарованно пожав плечами, толстяк удалился, чтобы завернуть покупку. Робин прошелся по магазину; он разглядывал лежавшие на прилавке ювелирные изделия. Серджио следовал за ним.

— Он — коллекционер, у него есть очень красивые вещицы.

— Похоже, он коллекционирует не только ювелирные изделия. Серджио смущенно опустил глаза.

— Он любит делать подарки молодым людям.

Робин рассмеялся.

— Серджио, он смотрел на тебя так, словно готов был сделать тебе брачное предложение.

— Когда я поинтересовался стоимостью зеркала, он предложил мне взять его даром при условии, что...

— Почему бы и нет, Серджио? Он не намного старше Китти.

— Мне бы пришлось переспать с ним.

— Ну и что?

— Я сплю только с теми, кто мне нравится.

Робин отошел в сторону. Его забавляло то, что гомосексуалист Серджио обладал обостренным чувством собственного достоинства. Итальянец, поровнявшись с Робинем, произнес:

— Это правда, Робин. У меня было немного друзей. С тех пор, как заболел мой последний друг, я ни с кем не встречался.

— И как скоро ты уйдешь от Китти к новому другу?

— Я не оставлю ее. Мне нелегко это сделать. Мужчины, которых я мог бы любить, предпочитают женщин.

— Не покидай ее, Серджио; когда Китти умрет, обещаю тебе, я прослежу за тем, чтобы ты получил деньги, которых тебе хватит до конца жизни.

Серджио пожал плечами.

— Деньги для меня — еще не все.

Он помолчал.

— Вы не подарите мне что-нибудь к рождеству на память?

Они стояли возле прилавка, где были выставлены украшенные бриллиантами мужские часы. Робин настороженно покосился на Серджио.

— Ну, приятель, на что ты положил глаз?

— Смотрите.

Серджио подвел Робина к прилавку, где лежали позолоченные браслеты.

— Вот, я давно мечтал о таком.

Робин сдержал улыбку. Браслеты стоили около восемнадцати долларов.

— Выбирай.

Серджио обрадовался, точно ребенок. Наконец он остановил свой выбор на самом дешевом браслете. Простая цепочка с пластинкой для имени.

— Могу я выгравировать на ней мое имя? Это делается за дополнительную плату.

Робин улыбнулся.

— Пожалуйста. Пиши там, что хочешь.

Серджио захлопал в ладоши. Быстро заговорил по-итальянски с хозяином магазина. Робин, сделав несколько шагов, заметил на прилавке покрытую черной эмалью пантеру с глазами из зеленых драгоценных камней.

Он подозвал продавца.

— Сколько стоит эта вещица?

— Четыре тысячи.

— Лир?

— Долларов.

— Так дорого?

Молодой продавец тотчас положил пантеру на белый бархат.

— Это самая красивая заколка в Риме. Ее привезли из Индии. Она была изготовлена по заказу магараджи. Ей триста лет. Изумруды в глазах не имеют цены. Это антикварное изделие, вам не придется платить за нее пошлину.

Робин уставился на пантеру. Ее глаза по цвету напоминали... Он отвернулся. Затем, поддавшись внезапному порыву, попросил продавца завернуть заколку. Черт возьми, почему нет? После той ночи он испытывал чувство вины перед Мэгги. Выписывая чек, Робин подумал о том, что еще никогда не делал никому таких дорогих подарков. Однако сейчас его душу захлестнула радость. Он положил коробочку в карман. Затем подошел к Серджио, который требовал от хозяина письменное обязательство сделать гравировку к закрытию магазина.

Робин не помнил лучшего рождественского вечера. Потрескивал камин. Ель едва не упиралась верхушкой в потолок. В полночь они раскрыли коробки с подарками. Робин и Серджио получили от Китти запонки с бриллиантами. Робин смутился, когда Серджио преподнес ему маленький золотой медальон с изображением святого Кристофера.

— Он освящен в церкви, — пояснил Серджио, — вы много путешествуете.

Китти очень обрадовалась флорентийскому зеркалу. Она подняла тост за обоих мужчин. Серджио весь вечер поглядывал на свой новый блестящий браслет.

На следующий день гости заполнили виллу. Робин изрядно выпил. В конце концов он оказался в квартире с видом на сады Борджезе в обществе красивой югославки, муж которой отправился по делам в Испанию. Весь следующий день они занимались любовью. Робин вернулся в palazzo Китти обессиленным, но очень довольным.

Неделя пролетела мгновенно.

Серджио отвез его в аэропорт.

— Звони мне, если Китти станет плохо. Заставь ее пройти обследование. Она может скрывать от тебя свое состояние — Китти не хочет казаться старухой. При малейшем подозрении звони врачу.

— Можешь на меня положиться, Робин.

Они направились к регистрационной стойке. Объявили посадку.

— Робин, тебе, вероятно, тоже стоит сходить к доктору.

— Я здоров, как бык.

— Я о другом.

Робин внезапно остановился.

— О чем же?

— Тебя что-то тревожит. Две ночи подряд ты кричал во сне. Вчера я прибежал к тебе в спальню...

— Что ты услышал?

— Ты ворочался на кровати с несчастным выражением лица. Сжимал подушку и кричал: «Не уходи от меня! Пожалуйста!»

— Перебрал водки, — сказал Робин.

Они пожали друг другу руки, и он сел в самолет. В воздухе Робин обдумывал слова Серджио. Они крутились в его голове и тогда, когда он показывал закладку таможенникам. Робину пришлось заплатить большую пошлину — пусть только этот негодяй с Виа Систина попадется ему в руки! И в такси Робин думал о том же. Кое-что оставалось для него загадкой. В самый пик его романа с Амандой он не делал ей таких дорогих подарков. А сейчас везет украшение стоимостью четыре тысячи долларов девушке, с которой может заниматься любовью, лишь сильно напившись. Вероятно, все дело в чувстве вины, но все равно четыре тысячи плюс пошлина — чересчур высокая цена за одну ночь, которую он даже не мог вспомнить.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Вернувшись в Нью-Йорк, он тотчас окунулся в работу. Дал указание юридическому отделу подготовить контракт для Энди Парино. Отправил его Энди с короткой запиской, в которой предлагал ему работу на телевидении в Нью-Йорке. Послал Мэгги подарок, написав на открытке: «От Робина — запоздалый рождественский подарок». Через три дня позвонил Энди. Он принял предложение Робина.

— Уверен, что не будешь скучать по Флориде? — спросил Робин.

— Нет. У меня с Мэгги все кончено.

— Сожалею.

— Значит, не судьба. Она... она для меня чересчур сложна. Сейчас репетирует, как одержимая — какой-то голливудский агент прилетает, чтобы посмотреть ее игру. Мне нужна девушка, для которой я буду важнее Юджина О'Нила.

— Хорошо. Я направляю тебя в редакцию новостей, будешь работать с Джимом Болтом, которого ты знаешь. Поучаствуешь в подготовке моей передачи «Взгляд». В следующем сезоне, надеюсь, я смогу отдать ее тебе, а сам займусь чем-то новым.

— Я внимательно просмотрел записи всех твоих передач. Не знаю, сумею ли я занять твое место.

— Сделай свою передачу.

— Спасибо за доверие. Постараюсь его оправдать.

К концу недели Робин разделался со всеми своими старыми долгами и назначил очередную запись «Взгляда». Посмотрел в календарь — середина дня была свободной. Открыл ящик стола и вытащил оттуда рукопись. Ему казалось, что он уже несколько лет не заглядывал в нее. Сегодня вечером он возьмет ее домой и снова начнет писать. Воздержится от водки. После Рима он ни разу не зашел в «Улан».

Секретарша принесла бандероль. Он расписался в получении. Робин уставился на сверток с множеством марок и печатью. Вскрыв его, обнаружил кожаный футляр с заколкой в виде черной пантеры и записку, отпечатанную на машинке: «Я принимаю подарки только от друзей».

Робин порвал листок и положил коробочку в маленький сейф, вмонтированный в стену, где он хранил контракты и личные бумаги.

Робин убрал рукопись в ящик стола и вышел из кабинета. Когда он появился в «Улане», бармен радушно поприветствовал его.

— Давно вы у нас не были, мистер Стоун! Вам, как всегда, мартини?

— Две порции — отметим мое возвращение.

Он быстро выпил коктейль и заказал новый. Его ждала тяжелая ночь. Он начал ненавидеть ночи. Его мучали кошмары... иногда он просыпался в холодном поту. Но Робину не удавалось вспомнить, что ему снилось. По словам Серджио, он кричал во сне две ночи подряд. Поступок Мэгги задел Робина. Но почему? Она же ничего для него не значит. Последнее время в его жизни концы не сходились с концами. Возможно, Серджио дал дельный совет. Робин подошел к телефонной книге. Вдруг психоаналитик сумеет избавить его от снов? Робин полистал справочник. Нашел Арчибальда Голда, проживающего на Парк-авеню. Поколебавшись, быстро набрал номер. Доктор Арчи Голд снял трубку после второго гудка.

— Это Робин Стоун.

— Да?

— Я бы хотел встретиться с вами.

— По профессиональному вопросу или по личному?

Помолчав, Робин произнес:

— По профессиональному.

— Вы можете перезвонить мне в шесть часов? У меня сейчас пациент.

Повесив трубку, Робин вернулся к стойке. Допил второй мартини; ровно в шесть снова позвонил Арчи.

— Ну, док, когда я смогу вас увидеть?

Он услышал шелест — врач листал блокнот.

— У меня есть несколько вакансий. Кое-кто из моих пациентов проводит зиму на юге. Хотите прийти в следующий понедельник? Скажем, в десять утра? Мы можем начать с трех визитов в неделю. Робин засмеялся.

— Мне не нужен целый курс. Одного раза хватит. Хочу обсудить с вами личную проблему. Почему бы вам не выпить со мной в «Улане»? Я оплачиваю напитки и ваше время.

— К сожалению, так я не работаю.

— Мне легче говорить, когда я пью.

— А мне легче слушать у себя в кабинете, — отозвался доктор.

— Тогда извините за беспокойство.

— Жаль. Если передумаете, звоните.

— Когда вы заканчиваете прием сегодня?

— Я жду последнего пациента.

— Значит, в семь вы освободитесь?

— В семь я собираюсь пойти домой.

— Арчи, я приду к вам, если вы примете меня сегодня.

Небрежный тон Робина не обманул доктора Голда. Звонок такого человека, как Робин, сам по себе был равнозначен мольбе о помощи.

— Хорошо, Робин, жду вас в семь. Адрес знаете?

— Да. Слушайте, старина Арчи, одно слово вашему другу Джерри, и я оторву вам голову.

— Я храню врачебную тайну. Но если вы мне не доверяете, обратитесь к кому-нибудь из моих коллег. Я могу дать вам телефоны.

— Нет, Арчи, мне нужны вы. До встречи в семь.

Робин сел в кресло напротив доктора Голда. Их разделял стол. Ситуация показалась Робину странной. Он никогда никому не открывал свою душу. Неужели он станет объяснять этому незнакомцу с безмятежным лицом, что его мучает?

Доктор Голд понял, почему молчит Робин, и улыбнулся.

— Иногда легче говорить о самом интимном с человеком, которого совсем не знаешь. Поэтому бармены часто выслушивают исповеди. В некотором смысле у барменов и психиатров есть нечто общее. Мы остаемся в тени, пока не понадобится. Человек нуждается в нас не каждый день.

Робин засмеялся.

— Вы одержали победу. Все очень просто. Я знаю одну девушку.

Он помолчал.

— Я не могу выбросить ее из головы, хотя не увлечен ею.

— Что значит «не увлечены» — она вам не нравится?

— Нет, нравится. Даже очень. Но у меня с ней ничего не получается.

— Вы пытались?

Робин пожал плечами.

— Я спал с ней пару раз, будучи пьян в стельку; судя по ее поведению, я оказался вполне на высоте.

— Тогда почему вы говорите, что у вас с ней ничего не получается?

Робин закурил сигарету, с задумчивым видом выпустил струйку дыма.

— Когда это случилось в первый раз, я проснулся утром и обнаружил, что она уже ушла. Я не помнил ни лица, ни имени девушки. Знал только одно — она была брюнеткой с большой грудью. Когда я думал о ней утром, меня что-то тревожило. Мне казалось, будто я совершил нечто предосудительное. Через два года я вновь столкнулся с этой девушкой, не подозревая о том, что мы уже встречались. Она жила с моим приятелем. Она показалась мне красивой, была приятной собеседницей. Меня устраивало то, что она не одна — эта девушка не в моем вкусе. Мы провели вчетвером несколько вечеров, затем я ушел один на лодке в океан рыбачить. Последний вечер я провел с этой парой. Все начиналось прекрасно, потом я крепко надрался. Мой приятель отключился, мы с этой дамой остались вдвоем. Я не помню, что произошло дальше. Утром я проснулся в ее постели. Похоже, леди осталась мною довольна — она готовила мне завтрак и радостно щебетала.

— Какие чувства она вам внушала? — спросил доктор Голд.

Робин пожал плечами.

— Страх. Я словно проснулся и обнаружил, что спал с юношей или ребенком — с человеком, с которым мне не следовало ложиться в постель. Она мне нравилась, и я хотел отомстить ей за это.

Он погасил сигарету.

— Я был груб. Сказал ей о своих ощущениях. Она очень красива, однако мысли о близости с ней вызывали у меня отвращение, я знал, что ничего не смогу.

— Отвращение к ней?

— Нет. К сексу. Словно близость с ней была запретной, похожей на инцест. Однако она нравится мне. Возможно, сильнее, чем любая другая знакомая девушка. Но я не испытываю к ней физического влечения.

— Значит, вы хотите спать с ней или, точнее, хотите избавиться от некоего блока, препятствующего нормальным отношениям между вами.

— Неверно. Я не очень-то хочу снова увидеть ее. Но мне не нравится иметь белые пятна в сознании. Эта девушка весьма привлекательна. Почему со мной происходит такое? Это случалось и прежде, всегда с брюнетками. Однако всем им было далеко до этой девушки, и я, к счастью, никогда больше их не видел. Вторая встреча с Мэги была чистой случайностью. Я здорово напился.

— Вы пили какой-то новый напиток? К которому не привыкли?

— Нет, водку. Я всегда пью ее.

— Вы отдавали себе отчет в том, что превышаете обычную дозу?

— Наверно, да.

— Вернемся к вашей первой встрече с этой девушкой. Вы были очень пьяны, когда познакомились с ней?

— Нет, не очень.

— И вы намеренно продолжали пить?

— Намеренно?

Доктор Голд улыбнулся.

— Похоже, все обстояло именно так. Вы производите впечатление человека, прекрасно управляющего собой.

Робин задумался.

— Вы хотите сказать, что подсознательно я хотел эту девушку и специально напился, чтобы это получилось?

Доктор Голд помолчал. Робин тряхнул головой.

— Что-то тут не вяжется — она ведь не в моем вкусе. Зачем она мне понадобилась? Пьян я или трезв, она создана не для меня.

— А какого типа девушки вам нравятся?

— Стройные блондинки с упругим телом. Обожаю запах светлых волос. Мэгги напоминает черную лесную кошку.

— Вы когда-нибудь любили?

Он пожал плечами.

— Конечно, я увлекался девушками. Но всегда мог легко расстаться с любой из них. Знаете, Арчи, люди не обязательно гомосексуальны или гетеросексуальны. Некоторые личности просто сексуальны. Им нравится заниматься любовью, но они редко влюбляются. Возьмем Аманду: она была эффектной девушкой. Нас связывали чудесные отношения. Однако, если верить Джерри, я причинял ей боль, хотя не понимал этого. Я приблизил развязку, почувствовав, что она хочет сделать меня своей собственностью. Попытался спустить наш роман на тормозах. Я не догадывался о том, что заставляю ее страдать.

— Это правда?

— Да. Когда я улетал по делам в Европу, я не писал ей, полагая, что Аманда знает: я скоро вернусь к ней. А оказавшись снова в Штатах, не мог дождаться момента, когда мы ляжем в постель. Все было прекрасно.

— Однако сейчас вы сознаете, что причиняете боль этой новой девушке, Мэгги.

Робин кивнул.

— Да.

— Почему вы не замечали, что мучаете Аманду, которая действительно притягивала вас, и в то же время беспокоитесь о девушке, к которой равнодушны?

— Я пришел услышать ваше объяснение, Арчи.

— Как выглядела ваша мать?

— Ради Бога, избавьте меня от этой фрейдовской чепухи. У меня было безоблачное детство. Китти — блондинка с идеальной кожей...

Он замолчал.

— А ваш отец?

— Он состоял из одних мускулов. У меня есть очаровательная младшая сестра. Ничто не омрачало моего детства. Мы теряем время.

— Хорошо... отец, мать, сестра. Прекрасные отношения в семье. Установим загадочную личность с темными волосами. Это была няня? Школьная учительница?

— Моя первая воспитательница в детском саду была горбуньей. Свою няню я не помню. В школу меня возил шофер. После рождения Лайзы в доме появилась няня — седая старушка.

— Между вами и сестрой не было соперничества?

— Нет. Я был ее старшим братом. Защищал Лайзу. Она казалась маленькой копией Китти: светловолосая, с чистой белой кожей.

— А вы похожи на Китти?

Робин нахмурился.

— Я унаследовал ее голубые глаза, но волосы у меня темные, как у отца, хотя сейчас они быстро седеют.

— Вернемся в те года, когда Лайзы еще не было. Каковы ваши самые ранние воспоминания?

— Они связаны с детским садом.

— А еще раньше?

— Ничего не помню.

— Вы наверняка можете что-то вспомнить. Каждый человек помнит что-то из самого раннего детства. Домашнее животное, товарища по играм, моменты радости или горя.

Робин покачал головой. Доктор Голд не сдавался:

— Какой-то разговор, молитву?

Робин щелкнул пальцами.

— Да — вспомнил. Возможно, это была беседа, но в моей памяти сохранились лишь две фразы. Не знаю, кто их произнес. «Мужчины не плачут. Если ты плачешь, значит, ты не мужчина, а ребенок». Почему-то эти слова застряли в моей голове. Я поверил в то, что если я не буду плакать, то получу все, что захочу. С тех пор я никогда не плакал.

— Никогда не плакали?

— Я такого не припомню. — Робин улыбнулся. — Иногда, когда я смотрел душещипательное кино, у меня к горлу подкатывал комок. Но в личной жизни, — он покачал головой, — со мной такого не случалось.

Доктор Голд посмотрел на часы.

— Пять минут восьмого. Вы можете прийти в следующий понедельник? Я беру с пациента тридцать пять долларов в час.

На лице Робина появилось удивленное выражение.

— Вы, наверно, сумасшедший. Я провел здесь час, мы говорили о моей проблеме в отношениях с девушкой. Мы ничего не добились — и вы предлагаете мне вернуться.

— Робин, меня настораживает, что вы не можете вспомнить что-нибудь из вашего раннего детства.

— Пять лет — это еще не молодость.

— Вы должны вспомнить нечто, относящееся к более раннему периоду, если только...

— Что если?

— Если только вы не блокируете эти воспоминания намеренно.

Робин оперся руками о стол.

— Арчи, клянусь вам, я ничего не утаиваю. Возможно, у меня плохая память. Или просто в то время со мной не происходило ничего значительного.

Арчи покачал головой.

— Очень часто после травмирующих событий человек подвергается амнезии, благодаря которой рана рубцуется быстрее.

Робин направился к двери. Затем повернулся к врачу.

— Слушайте, я жил в большом красивом доме, с добрыми родителями и хорошенькой младшей сестрой. У нас не было страшных семейных тайн. Возможно, в том все и дело. Моя жизнь текла так спокойно, что, вероятно, первой встряской для меня оказался детский сад. Поэтому мои первые воспоминания связаны с ним.

— Кто сказал вам, что мужчины не плачут?

— Не знаю.

— Это было до детского сада?

— Вероятно, да, потому что там я уже не плакал. Другие дети боялись воспитательницу, она была сущей ведьмой.

— Так кто же сказал это?

— Не знаю, Арчи. Кто бы это ни был, я благодарен этому человеку. Терпеть не могу плачущих мужчин. Не люблю видеть плачущих женщин и детей.

— Робин, я бы хотел погрузить вас в гипнотический сон.

— Вы в своем уме? Знаете, доктор, я был на войне, получил ранение. Там было от чего рехнуться, но я сохранил здоровую психику. Я пришел к вам, чтобы получить ответ на один конкретный вопрос. Вы потерпели фиаско. О'кей. Будьте джентльменом и признайте это. Не пытайтесь ничего добиться, копаясь в моем детстве и выясняя, не порола ли меня няня ремнем, когда я разбрасывал игрушки по дому. Возможно, это имело место. Возможно, у нее были черные волосы, зеленые глаза и большие груди.

— Если надумаете воспользоваться моей помощью, приходите. Вы знаете, где меня можно найти.

Робин усмехнулся.

— Спасибо. По-моему, для меня дешевле и проще будет просто обходить стороной зеленоглазых брюнеток.

Он закрыл за собой дверь и вышел на улицу. Доктор Голд взглянул на свои записи и спрятал их в папку. Они еще пригодятся: Робин Стоун вернется сюда.

Робин посмотрел на февральские индексы Нильсена. Редакция новостей наконец составила серьезную конкуренцию другим отделам. В своем временном интервале она заняла на этой неделе второе место. «Взгляд» оставался одной из двадцати пяти популярнейших передач. На прошлой неделе Энди успешно принял в ней участие. Робин следил за тем, как готовится передача о летающих тарелках — его помощники раздобыли сенсационную информацию.

На следующий день он встретился с Дентоном Миллером и сообщил ему о своем намерении к новому сезону полностью отдать «Взгляд» Энди Парино. К удивлению Робина, Ден не стал возражать.

— Надоело демонстрировать себя публике? — с улыбкой спросил Миллер. — Ваши поклонники огорчатся.

— Я собираюсь делать ежемесячный обзор новостей, — пояснил Робин. — Буду выбирать темы, которых еще никто не касался. Начну вот с чего.

Он протянул Дену сценарий передачи о летающих тарелках. Ден внимательно прочитал его.

— Это тянет на дневное воскресное шоу. Развлечение для детей. Не годится для вечернего времени.

— По-моему, годится. Почему не показать ее разок в пиковое время в мае или июне, когда популярные шоу демонстрируются повторно? Это послужит честным испытанием.

— Если хотите, я дам вам эфирное время для этой передачи в воскресенье. Но только не вечером.

— Мне не нужно дневное воскресное время, — сказал Робин. — Бейсбольный матч погубит передачу. Я хочу найти к осени спонсора.

Ден улыбнулся.

— Можете записывать свою научную фантастику. Это ваше дело. Но в мои планы она не входит.

Робин поднял трубку. Секретарша Дена тотчас вошла в кабинет.

— Будьте добры, позвоните мистеру Грегори Остину. Скажите ему, что Робин Стоун и Дентон Миллер просят принять их при первой же возможности.

Дентон побледнел. Затем быстро овладел собой и улыбнулся.

— Плохой ход, — спокойным тоном произнес он. — Вы только что прыгнули через мою голову.

— Однако я действую не за вашей спиной.

Их глаза на мгновение встретились. Телефонный звонок показался мужчинам необычно громким. Ден снял трубку. Секретарша сообщила, что мистер Остин готов принять их немедленно.

Робин встал.

— Идем?

Глаза Дена сузились.

— Похоже, у меня не остается иного выбора.

Затем он улыбнулся.

— Мне любопытно посмотреть, как Грегори отреагирует на вашу затею. Он поймет, что я наложил на нее вето. Грегори не любит выступать в роли арбитра. Именно поэтому я занимаю пост президента телекомпании. Мое решение по таким вопросам является окончательным и обжалованию не подлежит. Но я не стану мешать вам рыть себе могилу.

Пока Робин рассказывал Грегори о своей идее, Ден сидел, откинувшись на спинку кресла. Когда Робин замолчал, Грегори повернулся к Дену.

— Я догадываюсь, что вы — против.

Ден, улыбнувшись, сомкнул кончики пальцев.

— Робин хочет показывать подобные передачи в следующем сезоне. Ежемесячно, в пиковое время.

Грегори вопросительно посмотрел на Робина.

— Ежемесячная передача о летающих тарелках?

Робин рассмеялся.

— Нет. Я хочу сделать телевизионный аналог журнала «Лайф». Тарелки, политика — все что угодно, лишь бы тема была свежей и злободневной. Если получасовой «Взгляд» всегда посвящен какой-то личности, то эта передача будет тематической. Допустим, снимается интересный фильм — мы беседуем с актерами, режиссером, сценаристом. Мы можем уделить внимание личной жизни телезвезды — например, Кристи Лейна. Зрители постоянно спрашивают нас о нем...

При упоминании о Кристи Лейне в глазах Грегори тотчас появилось выражение озабоченности. Он повернулся к Дену.

— Да, кстати, у Кристи Лейна контракт лишь до начала следующего сезона. Вы что-нибудь делаете, чтобы заключить с ним новый долгосрочный договор?

— Мы с ним торгуемся, — сказал Ден. — Он хочет, чтобы с конца апреля мы показывали записи его старых выступлений, чтобы он смог заработать кое-что в Лас-Вегасе. Он приглашен на ряд фестивалей. Кристи получает там десять тысяч за вечер. Он по-прежнему работает в прямом эфире, но мы записываем все его шоу. В новом сезоне он хочет перейти на запись. Здесь нет проблем. Но Клифф Дорн говорит, что есть расхождения по финансовым вопросам. Кристи просит больше, чем мы согласны дать. Мы готовы повысить его гонорар, но он намерен основать собственную фирму и стать совладельцем шоу. Он хочет, чтобы пленки с записями переходили в его собственность после повторного показа. Кристи собирается продавать их независимым компаниям. Он также настаивает на ряде дополнительных условий. Мы в сложном положении — «Эн-Би-Си» и «Си-Би-Эс» мечтают заполучить Кристи.

Вошедшая в кабинет секретарша сообщила Грегори о том, что звонит миссис Остин. Грегори встал.

— Я поговорю из соседней комнаты.

Грегори удалился в смежный кабинет; мужчины проводили его взглядами. Ден первым нарушил молчание. Подавшись вперед, он похлопал Робина по колену и тихо произнес:

— Надеюсь, вы усвоили урок. Вы имели шанс заглянуть за кулисы телекомпании, где формируется ее политика. Это вам не репортажи готовить. Вы надоели Грегори с вашим научно-фантастическим проектом. Отняли время у него и у меня. Вы возглавляете редакцию новостей. Я — президент телекомпании. Я работаю один. Мне не нужны советчики.

Робин засмеялся.

— Это напоминает мне бродвейский мюзикл о войне гангстеров в Чикаго: вам — южная часть города, мне — северная.

— Обе части принадлежат мне. У вас есть ваша редакция новостей. И все. Не вмешивайтесь в вопросы планирования. Я — не диктор, который пытается совместить актерские обязанности с административными. Телевидение — дело моей жизни, а не хобби. Я никого не подпущу к составлению программы.

— Я не собираюсь отнимать у вас хлеб. Но я возглавляю ре-

дакцию новостей. У меня есть передача, которая должна выйти в эфир. Вы обязаны дать мне время. Если вы этого не сделаете, я буду вынужден...

— Уйти? Пожалуйста! В следующий раз, когда я откажусь от вашей передачи, вы уходите. Больше звонков Грегори Остину не будет!

Робин невозмутимо усмехнулся.

— Как бы вам не остаться генералом без армии, мистер президент. Грегори Остин вернулся.

— Извините, джентльмены. Я никогда не отрываюсь от дел из-за звонков по личным вопросам, но миссис Остин — мое самое главное дело.

Его лицо подобрело, когда он упомянул жену. Грегори прочистил горло.

— Я рассказал миссис Остин о вашей идее. Она проявила интерес. Я никогда не подозревал, что романтика космоса притягивает женщин. Дайте передаче зеленый свет, Ден. Покажите ее в мае вместо какого-нибудь повтора Кристи Лейна. Если она получит высокий рейтинг, поговорим о ежемесячном цикле.

Он посмотрел на Дена.

— Я поговорю с Клиффом Дорном о возобновлении контракта с Кристи Лейном. Еще есть вопросы?

Ден встал.

— Кажется, все.

Грегори выждал, когда мужчины подойдут к двери. Затем, словно вспомнив что-то, произнес:

— Да, Робин, задержитесь на минуту. Мне надо кое о чем поговорить с вами.

Ден ушел; Робин сел в кресло. Грегори посмотрел на закрытую дверь и улыбнулся.

— Ден — славный парень. Очень честолобивый. Как и все мы. Этим он и хорош. Мне нравится, что вы думаете о новых передачах. Только отныне, если они будут выходить за рамки вашей редакции, обращайтесь прежде ко мне. Я буду представлять их Дену в качестве моих собственных идей. Тогда в семье сохранится мир.

Робин улыбнулся.

— Я еще новичок в вопросах протокола.

Он не вставал с кресла, чувствуя, что Грегори попросил его остаться по какой-то иной причине.

— Робин...

Грегори неожиданно смутился.

— Это не имеет отношения к работе, но что с вами случилось первого января?

На лбу Робина появились складки. Первое января... Если память ему не изменяет, в этот день Серджио отвозил его в аэропорт.

Грегори закурил сигарету.

— Я поправился на четыре килограмма, — сказал он, — поэтому снова начал курить, чтобы сбросить лишний вес.

Затем Грегори произнес:

— Наш «яичный коктейль».

На лице Робина застыло недоумение.

Грегори разглядывал кончик сигареты.

— Вас приглашали два года подряд. Вы оба раза не появились у нас и даже не предупредили о том, что вас не будет.

— Боже мой! Какая невежливость с моей стороны! В этом году я был в Риме, а в прошлом...— Он нахмурился, пытаясь вспомнить.— Тогда я тоже вернулся из Европы первого января. Должен признаться, к моему стыду, что всю почту я дважды выбрасывал в мусорную корзину. В конце концов никто не ждет ответа на новогодние поздравления, а счета, решил я, придут повторно в следующем месяце. Наверно, там было и приглашение от миссис Остин. Я немедленно напишу ей.

Грегори улыбнулся.

— Я был уверен, что это недоразумение. Но вы знаете женщин. Миссис Остин была готова усмотреть в вашем отсутствии пренебрежение к ней.

— Это бы меня очень огорчило. Могу я позвонить ей?

— Конечно.

Грегори написал на листке номер телефона.

Вернувшись в свой кабинет, Робин позвонил миссис Остин.

— Робин Стоун,— сказала она,— вы могли и не звонить. Я знаю, что тут приложил руку Грегори.

— Да, и я благодарен ему. Оба раза я находился в Европе.

Она засмеялась, когда Робин рассказал ей о том, как он расправлялся с корреспонденцией.

— Прекрасная идея,— сказала миссис Остин.— Хотела бы я набраться мужества и поступать также. Тогда я избавила бы себя от многих скучных мероприятий.

— Миссис Остин, обещаю вам — перед следующим Новым годом я буду тщательно искать среди поздравительных открыток ваше приглашение.

— Приходите раньше, Робин.

Она помолчала.

— Мы смотрим вашу передачу. Мне кажется, что я уже давно знакома с вами.

— Миссис Остин, обещаю, что первого января тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года я буду у вас.

Миссис Остин засмеялась.

— Я не вижу необходимости ждать так долго.

— Я тоже. Но учтите, я люблю яичный коктейль.

— Грегори, конечно, сказал вам, что он его не выносит. Да, Робин,— он услышал, как зашелестели листки блокнота,— первого марта мы устраиваем обед. Мы только что вернулись из Палм-Бич. Погода там такая неустойчивая, что мы решили пожить в Нью-Йорке. Хотите прийти?

Испытывая чувство вины за два пропущенных новогодних коктейля, Робин сказал:

— Буду очень рад, миссис Остин.

— Приедет моя сестра. Этот обед устраивается в ее честь. Князь не сможет прибыть. Я могу посадить вас с ней, или вы появитесь с дамой?

— Я бы хотел прийти с дамой,— быстро ответил Робин.

— Хорошо,— мгновенно произнесла миссис Остин.— Итак, первое марта, восемь тридцать, черный галстук.

Опустив трубку, он уставился на телефон. Значит, княгиня будет одна. Он не собирался играть роль свободного мужчины. За этим приглашением последуют другие. Он убил эти планы в зародыше. Но теперь ему придется подыскать спутницу. Впереди еще десять дней... он что-нибудь придумает.

На следующей неделе Робин забыл о миссис Остин. Он провел два дня в Вашингтоне, готовя передачу о НЛО. Нашел режиссера и продюсера, назначил пробную запись на пятнадцатое марта. Все шло нормально. Ему следовало позвонить Мэгги Стюарт. Он мог и не делать этого, но ее рассказ о НЛО, замеченных над Флоридой, представлял интерес для зрителей. Этот фрагмент должен был делать Энди, он обещал Мэгги, что она появится на экране. Робин набрал номер. Услышав в трубке ее голос, сразу заговорил о деле. Объяснил ситуацию и спросил Мэгги, интересуется ли ее эта работа.

Мэгги тоже говорила сухим, бесстрастным тоном.

— Да, интересуется. Когда мне надо приехать в Нью-Йорк?

— Как можно скорее.

— Сегодня двадцать пятое. Как насчет первого марта? Тогда здесь успеют подыскать мне замену.

— Договорились.

Он заглянул в календарь и увидел запись: «Обед у Остинов».

— Мэгги, я знаю, что ты мне ничем не обязана, но все же хочу обратиться к тебе с маленькой просьбой.

— Какой?

— Приезжай двадцать восьмого февраля и захвати с собой вечернее платье.

— Для передачи?

— Нет, для обеда, который состоится первого марта. Я хочу пойти туда с тобой.

— Извини, но я еду в Нью-Йорк работать.

— Совершенно верно. И все же я прошу тебя согласиться. Это званый обед у Остинов.

Она задумалась.

— Ты действительно хочешь, чтобы я пошла с тобой?

— Да, хочу.

Она засмеялась.

— У меня есть потрясающее платье, в котором я мечтаю где-нибудь появиться.

Ее голос потеплел.

— Спасибо, Мэгги. Телеграфируй время прилета. Я pošлю машину в аэропорт. И забронирую номер в «Плазе».

Робин позвонил в отель, чтобы заказать номер, и вдруг решил забронировать «люкс». Хозяйственный отдел разозлился, но Мэгги

заслуживала «люкса». Администрация роскошествовала на деньги телекомпании, пусть и Мэгги поживет в комфорте.

Ее телеграмма пришла утром двадцать восьмого февраля. «Прилетаю в «Айдлуайлд» в 17:00 рейсом номер 24 компании «Нортистэйрлайнз» Мэгги Стюарт».

Робин заказал автомобиль; затем, поддавшись внезапному порыву, позвонил Джерри Моссу.

— Можешь освободиться к четырем часам? Надо встретить одну девушку в «Айдлуайлде». У меня есть машина... Не хочу ехать туда один.

— С каких пор ты нуждаешься в сопровождающих?

— Джерри, на то есть причины.

— Хорошо, встретимся у подъезда в четыре.

Стрелки часов приближались к одиннадцати. Робин поглощал спиртное. Джерри допил кофе. Вечер произвел на него странное впечатление. Джерри впервые в жизни видел такую красивую девушку. Она поздоровалась с Робинем так, словно они были едва знакомы. Когда Джерри предложил выпить в «Улане», Робин и Мэгги одновременно отказались. Мужчины отвезли девушку в отель, затем Робин пригласил Джерри пообедать в «Луизе». Ресторан почти опустел, однако Робин продолжал сидеть, потягивая мартини. К ним подошел Джон Нибел, заглянувший в «Луизу» перед своей ночной передачей.

— Я слушаю его, когда мне не спится, — сказал Робин. — Жаль, что он связан контрактом с другой компанией, я бы нашел ему место в передаче о НЛО. Он знает о них все.

Робин заказал еще мартини. Джерри чувствовал, что его друг чем-то расстроен, и не лез к нему в душу. Если Робин слушает передачу Джона Нибела, значит, у него проблемы со сном и рядом с ним нет девушки. Джон популярен среди тех, кто одинок или боится уснуть. Робин страдает бессонницей? Вот это новость.

Внезапно Джерри произнес:

— Слушай, Робин, не знаю, что тебя гложет, но эта Мэгги Стюарт — нечто особенное. Если ты еепустишь, я посчитаю, что с тобой не все в порядке.

— Со мной все в порядке, — буркнул Робин. — Между мной и Мэгги Стюарт ничего нет. Я пригласил ее сюда, потому что она знает свое дело.

Джерри встал.

— Если ты намерен пить здесь всю ночь, я тебе не компания. Я сидел с тобой, потому что думал, что нужен тебе.

— Мне никто не нужен, — отозвался Робин. — Иди домой к жене.

Джерри повернулся к другу.

— Слушай, Робин, я не обижаюсь, потому что вижу — тебя что-то мучает. Ты сильно изменился после Флориды. И это, что бы ты ни говорил, связано с Мэгги Стюарт.

Джерри покинул ресторан.

Робин просидел в «Луизе» до закрытия. Вернувшись домой, он включил радио. С работающим приемником Робин засыпал легче.

Со времени своего визита к Арчи Робин еще не напивался так сильно. Он лег в постель и стал слушать Джона Нибела. Когда Джон Вода. Хорошая мысль... Думай о лодке, о лодке и о воде... Койка в каюте... Спи... Спи... Он лежал на койке в каюте. Койка превратилась в широкую кровать. Мэгги обнимала его, ласкала, говорила, что все будет хорошо. Он верил ей. Затем она поднялась с кровати. В соседней комнате ее ждал Джерри. Мэгги стала заниматься с ним любовью! Он прибежал туда. Она отвела его обратно к кровати, прижалась к нему, сказала, что это был просто сон. Погладила его по голове... Он успокоился... Она была теплой. Затем она снова покинула широкую кровать, он услышал, как она смеется в соседней комнате. Он отправился туда. Джерри исчез. Она сидела на диване с Дентоном Миллером. Ден целовал ее грудь... Потом поднял голову и засмеялся. «Он ревнует», — сказал Ден. Мэгги не улыбалась. Ее лицо было серьезным. «Вернись в постель», — приказала она. Почему-то Робин почувствовал, что обязан подчиниться.

Робин проснулся. Господи, еще только четыре утра. Джон Нибел не умолкал. Робин настроил приемник на музыкальную станцию и вскоре заснул.

Вечером он заехал за Мэгги. Она была права — платье оказалось сногсшибательным. Робин испытывал чувство вины — обед у Остинов прошел скучно. Все были милы и любезны, но светская болтовня утомляла Робина. Он сидел слева от Джудит Остин и едва не засыпал. Ему с трудом удавалось быть внимательным, задавать разумные вопросы, когда Джудит рассказывала о своей благотворительной деятельности или о погоде в Палм-Бич. Периодически он поглядывал на Мэгги, сидевшую в конце длинного стола между нейрохирургом и биржевиком. Он завидовал ее непринужденности и удивлялся, как Мэгги удается находить темы для беседы со своими соседями.

Позже, стоя в вестибюле ее отеля и благодаря Мэгги за то, что она «выручила его», Робин заметил — каждый проходящий мимо них мужчина оборачивался, чтобы получше разглядеть девушку. Это было неудивительно. Мэгги выглядела лучше любой кинозвезды. Внезапно он сказал:

— Не хочешь выпить? По-моему, ты заслужила право на это. Она насмешливо посмотрела на него своими зелеными глазами.

Он взял ее под руку и повел в «Дубовую комнату»

Робин махнул рукой официанту.

— Виски для леди. А мне — двойную порцию водки.

— Ты ничего не обязан доказывать, — сказала Мэгги. — Мне известны твои слабости.

— Алкоголизм к их числу не относится, — сухо заметил он.

— О, я уже подумала, что ты утратил этот свой талант.

Он подождал, когда официант принесет заказ. Затем взял Мэгги за руку.

— Я хочу, чтобы мы были друзьями, Мэгги.

Она не отняла свою руку; их глаза встретились.

— Мы никогда не сможем стать друзьями, Робин.

— Ты все еще ненавидишь меня?

— Я хочу ненавидеть тебя. О Боже, как я этого хочу...

Он резко убрал свою руку и одним залпом осушил бокал. Затем жестом попросил официанта принести счет.

— Меня ждет дома работа,— сказал Робин, подписывая счет.

— Тебе нет нужды лгать,— сказала она.— Пока что ты обходился без этого. Зачем начинать сейчас?

— Я сказал правду. По ночам я работаю над книгой. Я поставил себе задачу ежедневно писать пять страниц независимо от того, когда я возвращаюсь домой.

Она с интересом посмотрела на Робина.

— Написать книгу — твоя тайная мечта?

— Я пытаюсь убедить себя в этом.

— Ты в этом не уверен?

Внезапно Робин показался ей очень уставшим.

— Мэгги, я не знаю, чего я хочу.

Ее лицо смягчилось.

— Ты несчастлив, Робин?

— Кто сказал, что я несчастлив?

— Человек, который не знает, чего он хочет, часто просто боится узнать правду. Его тайные мысли внушают ему страх.

— Спасибо, доктор. Я позвоню вам, когда мне снова понадобятся ваши услуги.

Мэгги вошла в свой «люкс» и бросила сумочку на кровать. Сначала все было так чудесно! Ее глаза померкли. К чему обманывать себя? Она сама все придумала. Она выбросит его из головы. Приглашение к Остинам породило ложные надежды. Ему просто требовалась красивая спутница. Только и всего. Теперь в ее распоряжении весь уик-энд. Она не собирается сидеть здесь и ждать его звонка! Она встанет рано, посмотрит утренний спектакль, а вечером пойдет в кино. Если Робин позвонит, он не застанет ее в номере. А в понедельник на телестудии она будет вести себя так, словно они едва знакомы. Мэгги приняла снотворное, повесила на дверь табличку «Не беспокоить» и попросила портье разбудить ее в десять часов.

Когда зазвонил телефон, Мэгги показалось, что она проспала всего несколько минут. Она попыталась взять трубку, но рука из-за снотворного была свинцовой. Телефон зазвонил снова. Она заставила себя взять трубку. Услышала голос портье: «Я знаю, что вы повесили на дверь табличку «Не беспокоить», но на ваше имя поступила телеграмма с пометкой «Срочная. Доставить немедленно».

Мэгги зажгла свет. Часы показывали четверть восьмого.

— Пусть принесут,— пробормотала она.

Потом встала с кровати, надела халат. Мэгги по-прежнему в любую погоду спала голой.

Она расписалась в получении телеграммы. От кого это? — испуганно подумала Мэгги, вернувшись в спальню. Кто-то из родителей заболел? Она развернула бланк. Быстро прочитала текст. Невероятно!

«Стелла Ли забеременела. Требуется срочная замена. Предложил «Сенчери пикчерс» твою кандидатуру. Последние шесть часов пытался связаться с тобой по телефону. Срочно позвони за мой счет. Хай Мендел.»

Она заказала разговор с Хаем Менделом, но не за его счет. Пусть Робин Стоун и телекомпания оплатят и это! Мэгги услышала голос Хая. Телефонистка сказала, что его вызывает Нью-Йорк. Бедный Хай — в Калифорнии еще только пять утра! Но он просил позвонить немедленно.

— Мэгги!

Судя по голосу, Хай проснулся мгновенно.

— Как скоро ты сможешь прилететь сюда?

— Погодите, — сказала она. — Что это за роль? И сколько я получу?

— Какая роль? Разве Стелла Ли согласилась бы на мелочь? Это главная роль, твоим партнером будет сам Элфи Найт. Стеллу снимали в течение недели. Ее постоянно тошнило, она думала, что подцепила инфекцию. Ей и в голову не приходило, что она беременна. Слушай, «Сенчери» и так уже на неделю отстала от графика. Я заставлю их заплатить тебе двадцать тысяч и подписать договор еще на одну картину. Они также оплатят твой «люкс» в отеле «Бeverли Хиллз».

— О, Хай, как вам удалось этого добиться?

— Честно говоря, я едва не сдался из-за твоего отношения к кинопробам. Я всем расхваливал твою игру в пьесе О'Нила, но никто меня не слушал. А вчера, когда мы узнали про Стеллу, я снова закинул удочку. Честно говоря, я уже потерял надежду, но режиссер проявил интерес, он сказал, что ты — именно то, что ему нужно. Новое лицо.

— Кто он? Откуда знает, как я выгляжу?

— Я показывал твои фотографии всему Голливуду.

— О, Хай... Надеюсь, я не подведу вас.

— Ну конечно. Слушай. Твоя игра в пьесе О'Нила не лишила бы покоя Джеральдину Паж. Ты не станешь великой драматической актрисой. Но ты обладаешь ярко выраженной индивидуальностью и обаянием. Это качества звезды. Иногда, чтобы стать звездой, не требуется талант. Тут нужно нечто неуловимое. По-моему, у тебя это есть. Я помню первое появление Авы Гарднер — она была тогда еще девчонкой. Вы с ней чем-то схожи. Манерой двигаться. Я сказал об этом режиссеру.

— О Боже, — засмеялась Мэгги. — Беднягу постигнет разочарование.

— Как бы не так. Он сейчас на гребне успеха. Только что сделал боевик, и «Сенчери» вцепилась в него мертвой хваткой. Это Адам Бергман.

— Адам!

— Ты его знаешь?

— Когда-то мы играли в одном полупрофессиональном театре. Хай, я безумно рада.

— Ты можешь прилететь сюда к вечеру? Воскресенье посвятишь чтению сценария. В понедельник займешься костюмами и гримом. Я забронирую номер в гостинице.

— Да! Да! Я могу вылететь сегодня.

— О'кей. Как только купишь билет, сообщи телеграммой номер рейса и время прибытия. Я тебя встречу.

Мэгги положила трубку и попыталась собраться с мыслями. Она снова увидит Адама! Это привело ее в восторг. Но еще больше Мэгги радовало то, что она убегала от Робина Стоуна.

Просмотрев пленку с фрагментами будущей передачи о НЛО, Робин вернулся в свой кабинет. Ее следует показать зрителям в сентябре, подумал он. Это будет первая передача из нового цикла. Она может стать сенсационным событием, хэппенингом. Робин поднялся и зашагал по кабинету. Хэппенинг — отличное название. Он подкинет эту идею Грегори. Нужно только придумать другие передачи этой серии. Робин вспомнил о Лейне: что внезапно сделало Кристи национальным идолом? Почему он не был им пять лет назад, когда исполнял те же песни в ресторанах? «Хэппенинг Кристи Лейна». Он возьмет интервью у владельцев ночных клубов, у его «шестерок», у родных — должна же быть у Кристи какая-то семья, — даже у этой вульгарной Этель Эванс. Вытащит на свет интересных людей из прошлого Кристи.

Он начал реализацию своего плана с неофициального визита к Грегори Остину.

— Робин, вы сами того не ведая, нашли ту наживку, которая нам требуется! — восторженно заявил Грегори. — Сейчас наши переговоры с Кристи зашли в тупик. Мы пытаемся всучить ему новый контракт. Он упирается, но если Кристи узнает, что вы готовите о нем часовую передачу... Пока никому ни слова. Особенно Дену. Я сам поговорю с Лейном завтра за ленчем. Надеюсь, вы позволите мне сказать Кристи, что эта идея родилась в моей голове. Я даже приглашу его с юристами в мою личную столовую. Еще ни одна звезда не удостоивалась такой телепередачи. Этот хэппенинг будет первым, ваш материал о летающих тарелках пустим после него.

Спустя пять дней газеты сообщили о том, что Кристи Лейн подписал новый пятилетний контракт с «Ай-Би-Си». Грегори пригласил к себе Робина и Дентона Миллера, чтобы изложить им свою концепцию передачи.

Ден слушал внимательно. Робин следил за его реакцией. Ден, несомненно, помнил о том, что Робин уже предлагал включить шоу Кристи Лейна в новый цикл передач. Но Грегори представил дело так, будто идея пришла ему в голову несколько дней назад. Им не удалось обмануть Дена. Робин это понял. Ден решил подыграть Грегори: он одобрительно кивал, загадочно улыбаясь. Затем слегка нахмурился, словно его мысли натолкнулись на какое-то препятствие.

— По-моему, сама идея просто великолепна, Грегори. Но я сомневаюсь, можно ли доверить роль ведущего Робину. Ваш образ не вяжется с жизнью такого человека, как Кристи Лейн. Представлять Кристи должна звезда первой величины — например, Денни Томас или Ред Скелтон. Личность такого же типа, что и Кристи.

Грегори растерялся. Слова Дена казались разумными. Миллер торжествующе улыбнулся. Робин подался вперед.

— Я возражаю, — спокойным тоном произнес он.

Ден по-прежнему улыбался.

— Весьма сожалею, — сочувственно произнес он. — Занимая пост президента телекомпании, я знаю вкусы публики лучше ведущего программы новостей, который половину года проводит в Европе.

Робин слушал, не улыбаясь.

— Да, вы умеете составлять программу. Но, по-моему, ничего не смыслите в психологии. Поместив Кристи Лейна рядом со звездой, вы отнимете у него долю зрительского внимания. Получится шоу Денни Томаса или Реда Скелтона с участием Кристи Лейна. Это должна быть его передача; никто не должен затмевать Кристи.

Грегори встал.

— Он совершенно прав, Ден! Отдав роль ведущего другой звезде, мы получим очередной карнавал знаменитостей. Это будет первая передача из цикла, которым займется Робин.

Ден, сдержанно кивнув, повернулся к Робину.

— Не касайся личной жизни Кристи, — предупредил он.

— Публику это интересует, — отозвался Робин.

— Личная жизнь Кристи не допускает пристального внимания, — сказал Ден.

— Она лишь придаст ему колорит, — не сдавался Робин.

— Никакой личной жизни! — выпалил Ден. — Публика не хочет знать о любовных похождениях Кристи.

— Вы снова ошибаетесь, Ден, — вмешался Грегори. — У Кристи должна быть девушка. Лично мне неженатый мужчина, разменявший пятый десяток, всегда внушает подозрения. С Кристи это понятно — он всегда был цыганом. Но нам нужна девушка. Кто она? Чем она вас не устраивает?

— Это Этель Эванс, — сказал Ден. — Она занималась у нас связями с общественностью. Если я назову ее проституткой, натяжка будет невелика.

— А нельзя ли найти другую девушку? — спросил Грегори. — Пусть у него будет много девушек. Пригласите несколько фотомоделей, намекните на его связи с ними.

— Этель этого не потерпит, — сказал Ден. — Если приглашать девушек, то и без нее не обойтись. О ней слишком много писали.

— Чем она занимается, когда не спит с ним? — спросил Грегори.

Ден засмеялся.

— Представьте себе, она — его личный пресс-секретарь.

— Прекрасно, — вмешался Робин. — Пусть она предстанет именно в этом качестве. У каждой звезды должна быть девушка-Пятница!

Ден неохотно кивнул.

— Неплохая идея. Она реабилитирует Этель. Мы не можем выбросить эту даму из жизни Кристи; они запечатлены вместе на слишком многих журнальных фотографиях.

Робин улыбнулся.

— О'кей. Только позаботьтесь о том, чтобы Кристи это проглотил.

Ден зло рассмеялся.

— Он-то это проглотит, а вот за Этель я не ручаюсь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Присутствие Дентона Миллера почему-то подчеркивало убожество гостиничного номера. Этель разглядывала пятно на ковре и спрашивала себя, почему Кристи всегда оказывается в самом дрянном «люксе». Наверно, потому, что он просит самый дешевый номер. Безукоризненно элегантный Ден сидел в глубоком полинявшем кресле. Кристи, даже не заметивший, какое выражение появилось на лице Дена, когда он увидел «люкс», расположился чуть поодаль, попыхивая сигарой. Этель была напряжена, как сжатая пружина. Подозрения зародились в ней, когда Ден неожиданно позвонил и сказал, что заглянет к ним обсудить кое-какие детали, связанные с телепередачей. Ден был не тем человеком, который мог «заглянуть» без веской причины. Что это еще за «детали»? Передача будет посвящена Кристи, его жизни, друзьям, помогавшим ему подниматься наверх. Это будет его хэппенинг! Кристи чувствовал себя так, словно его возводят в ранг бессмертных. Она понимала его возбуждение. Он не раз появлялся на экране в качестве звезды «Шоу Кристи Лейна». Пел песни, разыгрывал сценки, представлял гостей. Но хэппенинг целиком посвящался ему. Все будут говорить только о нем! «Шестерки» заговорили о новых костюмах. И Агнес делала прозрачные намеки. Она сказала, что не стремится попасть на экран, но добавила: «Когда мои друзья в шутку называют меня «дамой из свиты», я объясняю им, что мне больше нравится играть маленькую роль в жизни Кристи, чем главную — в чьей-то другой». Кристи пока отмалчивался насчет участия Агнес в шоу, но Этель чувствовала, что он сдастся. Постепенно общий ажиотаж захватил и Этель. Она села на строгую диету и купила два новых платья. Но полностью осознала отведенную ей роль в передаче лишь тогда, когда к ним «заглянул» Ден Миллер.

Этель сидела и слушала Дена, который рассказывал о готовящемся шоу. К ее удивлению, он испытывал не меньший энтузиазм, чем Кристи. Он всячески льстил самолюбию Кристи; хэппенинг становился в один ряд с таким событием, как присуждение премии Академии. Передача должна завоевать «Эмми». Когда Ден добрался до «деталей», его глаза сузились. Худшие опасения Этель оправдались. Вся эта болтовня была дымовой завесой. Главная цель Дена заключалась в том, чтобы убрать Этель в тень, принизить ее роль в жизни Кристи. Она не верила своим ушам! Ден невозмутимо рассказывал

о фотомоделях, которые будут приглашены на роль «девушек» Кристи. О дебютантке, которая уже была с ним на открытии «Акведука». Их будут снимать в конюшне ее отца.

— Это придаст вам новое качество, — заявил Ден. — Кристи дебютантки. Мы найдем какую-нибудь поэтессу, покажем вас двоих на фоне книжных полок в «Даблдей». Кристи Лейн — образованный человек! Конечно, Этель сыграет важную роль в шоу. Мы покажем ее разбирающей вашу почту, ведущей по телефону переговоры от вашего имени...

Взгляд Этель был прикован к солнечному лучу, двигавшемуся по блеклому ковру. Она чувствовала себя униженной. Поставленной на одну доску с «шестерками». Но если говорить всерьез, разве она чем-то отличалась от них? Они выполняли его мелкие поручения, она обслуживала Кристи в постели. Даже зарабатывали они одинаково. Впервые в жизни Этель почувствовала себя неудачницей. У нее даже пропало желание бороться. Может быть, на нее повлияли высокомерие Дена и убожество «люкса», но она вдруг показалась себе полным ничтожеством. Увидела себя глазами Дентона Миллера. Ей захотелось убежать отсюда! О Боже, что случилось с маленькой толстой Этель Эвански, предававшей мечтам на крыльце в Хэмптрэмке? Каким образом она превратилась в Этель Эванс, которая слушала в прокуренном гостиничном номере Дентона Миллера, коварно и ловко сочинявшего оправдание ее близости к Кристи Лейну? Как это произошло? Она лишь пыталась стать кем-то — что в этом плохого? Ей хотелось разреветься, броситься на Дентона Миллера, сорвать с его лица эту надменную улыбку... Как смеет он сидеть здесь и выглядеть столь безгрешным и чистеньким? Что дает ему право намекать на то, будто она недостаточно хороша, чтобы быть девушкой Кристи? Ден спал с ней. Почему это не запятнало его? Но она молчала. В словах Дена была доля правды. Все эти фотомодели, дебютантка и поэтесса будут способствовать успеху передачи. А для Кристи это шоу было важнее всего прочего. Этот аргумент ей не опровергнуть. Как ни странно, Этель не волновало, что скажут ее знакомые по шоу-бизнесу. Они поймут, что это сделано для публики. Но она подумала о своих родителях и даже о Хельге. Они считали ее «обрученной» с Кристи Лейном. Теперь они увидят Кристи окруженными какими-то красотками, а маленькая толстая Этель Эвански будет сидеть в стороне рядом с его платными помощниками. Этель не отрывала взгляда от светлого пятна. Она не осмеливалась поднять глаза. К ее горлу подкатил комок, она с трудом сдерживала слезы. Глаза Кристи были серьезными, задумчивыми. Ден, завершив свою речь, подался вперед.

— Ну, Кристи, что вы на это скажете?

Кристи откусил кончик сигары и сплюнул его в пол.

— Я считаю, ваша затея дурно пахнет.

Этель подняла глаза. Растерявшийся Ден не знал, что сказать.

— Что это еще за чушь насчет дебютантки и поэтессы? Все знают, что Этель — моя девушка.

Этель от удивления раскрыла рот. Этот мямля защищал ее! Ден пожал плечами.

— Конечно, вы встречаетесь с Этель. Нам это известно. Но мы долго думали о хэппенинге и пришли к единому мнению. Шоу выиграет, если вас покажут с несколькими девушками, а не с одной.

— Мы готовим конкурс красоты или хэппенинг Кристи Лейна? — спросил Кристи.

— Рейтинг передачи будет выше, если мы объединим одно с другим.

— Мое шоу — в первой пятерке, верно? Без всяких фотомоделей и дебютанток — только благодаря мне!

— Кристи, не забывайте — в нем участвуют приглашенные звезды, в рекламных вставках появляются хорошенькие девушки, иногда вы поете с кем-то дуэтом.

— Чем вам не угодила Этель? — с металлом в голосе спросил Кристи.

— Этель очень привлекательна, — быстро отозвался Ден. — Кстати, Этель, по-моему, сейчас ты выглядишь лучше, чем когда-либо.

Он снисходительно улыбнулся. Она ответила ему ледяным взглядом.

— Так в чем же дело? — спросил Кристи.

— Мы боимся прессы. Пока что нам везло. Но если какая-нибудь газетенка займется личной жизнью Этель, на нас обрушится вагон грязи.

— Я подам в суд, — заявил Кристи. — Почти год она встречалась только со мной. Я могу это доказать.

— Боюсь, этим вы только подольете масла в огонь. Да, Этель была с вами — вы даже живете вместе. Поэтому-то кое-кто решил, что образ девушки-Пятницы нам подойдет. Это объясняет, почему вы постоянно рядом.

— Минутку! — Кристи помахал сигаретой. — Чья это идея, черт возьми?

Он вытащил портсигар.

— Вот что, Кристи. В этой передаче участвует Робин Стоун. Если журналы ударят по нему, он потеряет спонсора. Вы забываете, что кроме Нью-Йорка, Чикаго и Лос-Анджелеса существует мир, где люди каждое воскресенье ходят в церковь, женятся, празднуют золотые свадьбы. Эта публика любит вас. Вы входите в их дома. Вы не можете сказать им: «Я живу с этой девушкой, а на ваше мнение о ней мне наплевать».

Ден, воспользовавшись молчанием Кристи, заговорил с еще большей твердостью в голосе:

— Что бы вы об этом, Кристи, ни думали, несомненно одно: вы не можете пойти на риск и представить публике Этель в качестве вашей девушки.

— О'кей. Она не будет моей девушкой, — тихо произнес Кристи. — Она будет моей женой.

Невозмутимое выражение исчезло с лица Дена. Он раскрыл рот, но ничего не произнес. Этель подалась вперед — тут, верно, какой-то подвох!

Кристи кивнул, укрепляясь в собственном решении.

— Да, вы не ослышались. Я женюсь на Этель.

Ден оправился от шока и попытался изобразить на лице подобие своей кошачьей улыбки. Кристи откинулся на спинку кресла, всем своим видом давая понять, что считает проблему решенной, но Этель почувствовала — битва только начинается. Ден собирался с силами, готовясь к новой атаке.

— Это интересно,— произнес он.— А я-то считал вас великим романтиком.

— Кем? — спросил Кристи.

— Человеком, который всю жизнь любит одну женщину. Я был уверен, что именно так обстояли дела между вами и Аmandой. Когда она умерла, я испугался, что вы отмените выступление. Но вы оказались профессионалом. Я вам сочувствовал. Вы поняли, что жизнь продолжается. Потеряв то единственное, что имеет для него значение, человек находит временную замену.

Впервые в жизни Этель поняла, что такое состояние аффекта, толкающее человека на убийство. Ей хотелось броситься на Дена и задушить его. Но сейчас ей не следовало кидаться в бой — свое слово должен был сказать Кристи. Она сдвинула подлокотник дивана с такой силой, что костяшки ее пальцев побелели. Взяв себя в руки, Этель заговорила вкрадчивым голосом.

— Кажется, дорогой Дентон, ты забываешь о том, что Аманда ушла от Кристи к Айку Риану. Она умерла, будучи миссис Аик Риан, а не девушкой Кристи.

— Да,— елевым тоном произнес Ден,— но истинные влюбленные продолжают любить, даже потеряв предмет своей страсти. Для меня Кристи Лейн — именно такой человек.

Кристи вскочил.

— Что за бред? Таковы ваши представления об истинном влюбленном? По-моему, так повел бы себя законченный кретин! Сидеть и оплакивать девушку, которая от тебя ушла! Нет уж, Денни, я — и оплакивать девушку, которая от тебя ушла! Нет уж, Денни, я — Кристи Лейн. Звезда первой величины! Я проделал нелегкий путь. Получил немало пинков. Одна блондинка — это еще не вся моя жизнь.

Он подошел к Этель и взял ее за руку.

— Посмотрите внимательно, мистер Миллер — вот настоящая девушка. Замечательная девушка. Конечно, все началось как банальная связь. Но после нескольких свиданий я забыл, кто такая Аманда.

На лице Дена появилась печальная улыбка.

— Вчера я перечитал старую статью из «Лайфа», и она меня тронула. Особенно то место, где вы говорите: «Аманда — единственная девушка, на которой я мог бы жениться». — Ден вздохнул. — Очень жаль. История с Аmandой могла украсить передачу.

— Какое отношение Аманда имеет к ней? — спросил Кристи.

— Какое отношение Аманда имеет к ней? — спросил Кристи.

Ден заговорил тихим голосом:

— Мы собирались показать ваши фотографии из «Лайфа». Пустить в эфир рекламный ролик с ее участием. Воспользоваться записью, где вы поете для нее «Манди». Помните — мы сняли крупным планом лицо Аманды, когда она слушала вас?

Ден печально покачал головой.

— Представляете? Кто из зрителей при этом не пустит слезу? Каждая газета ухватится за это — любовная история века! Аманда — единственная девушка в жизни Кристи Лейна! А когда она вышла за другого, он пожелал ей счастья. С ее кончиной умерла частица Кристи. Публика будет млеть. Отсюда все эти фотомодели, дебютантки — после Аманды у Кристи не может быть одной девушки. Когда вы запоете, диктор скажет: «Женщины любят слушать песни Кристи Лейна, но он исполняет их для девушки, которая никогда уже не услышит его голоса». Затем вас покажут в светском обществе — это послужит доказательством того, что вы пытаетесь забыть Аманду. Кристи, публика симпатизирует влюбленному; она забудет о том, что Аманда вышла замуж за Айку Риана. Их брак продлился недолго. Помните, сколько девушек было у Фрэнка Синатры? Но поклонники считают, что он всегда пел для одной Авы Гарднер. Слова песни приобретают особый смысл — мир обожает влюбленного, особенно если он потерял предмет своей любви. Мы можем сказать, что Этель Эванс — ваша постоянная спутница, что она тоже любила Аманду, они были подругами, вместе готовили шоу; Этель разделяет горечь вашей утраты. Кристи, неужели вы меня не понимаете?

Лицо Кристи оставалось холодным.

— Вам бы сценарии писать, Ден.

Затем голос певца стал более жестким.

— Что за комедию вы хотите устроить? Это, кажется, хэппенинг Кристи Лейна. Рассказ о человеке, прошедшем тернистый путь, до сорока лет остававшемся в тени. Все уже сбросили его со счетов, а через два года он добился всеобщего признания! Вот что главное в вашем сюжете. Это хэппенинг Кристи Лейна! Поняли? Мой хэппенинг! Если когда-нибудь мне придется вытаскивать из могилы умершую девушку, чтобы сделать передачу, я пойду продавать навоз! Но сейчас я продаю мой талант, мою жизнь. Ни вы, ни мистер Робин Стоун не заставите меня играть нужную вам роль. Я — это я! Ясно? И я женюсь на единственной девушке, которая мне дорога — на Этель Эванс.

Ден отошел к двери.

— Очень жаль. Наверно, я слишком серьезно воспринял статью из «Лайфа» — ваши слова о том, что вы хотели бы, чтобы Аманда родила вам ребенка, который будет похож на нее...

— Все это чушь! — взорвался Кристи. — Да, я хочу ребенка. Сына. Хочу дать ему все, чего был лишен в детстве. У нас с Этель будет превосходный малыш!

Ден отвесил легкий поклон.

— Позвольте пожелать вам счастья. Все чудесно. Кристи, послу-

шав вас, я изменил свое мнение. Ваш брак с Этель будет заключен на небесах.

Он покинул «люкс».

Кристи посмотрел на закрывшуюся дверь. Затем, повернувшись, направился в спальню. Не глядя на Этель, произнес:

— Позвони Лу Голдбергу. Пусть приедет в Нью-Йорк. Вызови Кенни и Эдди. Пусть они договорятся насчет анализов крови. Свяжись с мэром. Договорись с ним о регистрации.

Этель сидела на диване. Она не верила своим ушам. Неужели он не шутит? Она станет миссис Кристи Лейн. Этель посмотрела на Кристи, вышедшего из спальни в пальто.

— Ну что сидишь? — спросил он. — Ты хочешь выйти замуж?

Она молча кивнула. Он щелкнул пальцами.

— Тогда пошевеливайся. Подготовь все.

Этель вскочила с дивана и бросилась Кристи на шею.

— О, Кристи...

Ее слезы были подлинными.

— Ты это серьезно?

Кристи смущенно освободился из ее объятий.

— Ну конечно. Займись делами, крошка.

Он направился к двери.

— Куда ты собрался?

Помолчав, он произнес с улыбкой:

— За обручальными кольцами.

Выйдя из «Астории», Кристи зашагал в сторону Сорок седьмой улицы, потом свернул к кварталу, где находились ювелирные магазины. Кристи там знали — у Эдельманса ему всегда удавалось купить со скидкой к рождеству золотые запонки для авторов песен. Хозяин магазина увидел Кристи сквозь витрину и помахал ему рукой. Он удивился, когда Кристи прошел мимо, не заглянув к нему. Кристи продолжал двигаться в восточном направлении к Пятой авеню. Он ускорил шаг, поняв наконец, куда его влечет. Потом побежал. Возле Пятидесятой улицы он уже задыхался. Поколебавшись, Кристи начал медленно подниматься по каменным ступенькам собора святого Патрика.

Кристи родился в семье католиков. Он принимал этот факт так, как человек принимает цвет своей кожи. Он не посещал церковь и не помнил катехизис, хотя перед первым причастием выучил его наизусть. С разводом родителей его церковное образование оборвалось. Мать вышла замуж за баптиста, сводный брат Кристи исповедовал баптизм. Кристи не ладил с отчимом и в возрасте четырнадцати лет ушел из дома. Сейчас, в полумраке собора святого Патрика, все церковные ритуалы медленно всплывали в его памяти. Он погрузил пальцы в освященную воду и перекрестился. Прошел мимо зажженных свечей. Увидел женщину, вошедшую в маленькую исповедальню. Внезапно он ощутил сильное желание исповедоваться. Боязливо приблизился к исповедальне и замер. Последний раз он исповедовался, когда ему было четырнадцать, после первой близости с женщиной. Он верил, что акт исповеди уберет его от заразы.

Он так торопился овладеть девчонкой, что лишь потом понял, с какой тварью имел дело. Но что можно получить в подъезде за пятьдесят центов? Женщина покинула исповедальню и направилась к алтарю. Она встала на колени и вытащила четки. Принялась перебирать их, закрыв глаза и шевеля губами. Сейчас он должен был зайти в исповедальню и сказать: «Простите меня, отец, я грешил». Кристи сделал это.

— Говори, сын мой,— произнес священник, неясный контур которого вырисовывался за решетчатой перегородкой.

— Я совершил много грехов,— начал Кристи.— Жил с женщиной, которая мне не жена. Всю поминал имя Господа.

— Вы намерены встать на путь исправления?

— Да, отец. Я собираюсь жениться на этой женщине, завести ребенка, я...

Он замолчал. Кристи хотел сказать: «Я буду любить и беречь ее», но слова застряли в его горле. Он вскочил и выбежал из исповедальни. Он знал, что где-то должен быть боковой выход из церкви. Кристи обвел взглядом длинную стену с рядами мерцавших в полутьме свечей. Несколько человек преклонили колени перед Девой Марией. Под статуями святых горели свечи. Каждый огонек олицетворял чью-то мольбу о помощи. Кристи прошел мимо темного алтаря. Заметил у стены одинокий огонек, окруженный незажженными свечами. Кристи это показалось несправедливым — единственный святой из всех почти не приносил пользы. Он посмотрел на табличку. Перед ним был святой Эндрю.

Кристи убедился в том, что на него никто не смотрит. Затем встал на колени. Поднял голову, «О'кей, дружище Энди, я открою тебе душу. Похоже, сегодня ты свободен и можешь выслушать меня. Одинокая свеча догорает, наверно, ты уже помог кому-то».

Кристи поднялся. Что с ним? Не сошел ли он с ума? Он разговаривает с гипсовой статуей. К тому же святые — это выдумка. Какие-то фанатики гибли за веру. Они давно превратились в прах, а люди по-прежнему грешат, сражаются и умирают. Как Аманда. Аманда... На его глазах выступили слезы. Он закрыл лицо руками и тихо заплакал.

— О, Манди,— прошептал Кристи,— все, что я говорил им,— ложь. Господь, если ты действительно существуешь и слышишь меня, скажи ей, что на самом деле все обстоит иначе. Манди, дорогая, ты меня слышишь? Я люблю тебя. Я не любил никого, кроме тебя. И не полюблю. Неважно, что ты меня не любила. Я любил тебя — только это имеет значение. Возможно, поэтому я женюсь на Этель. Я любил тебя, а ты ушла к другому. Мне было больно. Наверно, я вспомнил тот день и сказал себе — почему я должен причинять боль Этель? Я не люблю ее, но она любит меня. Почему не сделать ее счастливой? Так что, дорогая, ты поможешь Этель стать счастливой. А когда у меня появится ребенок, я тоже обрету счастье. Почему так устроен мир, Манди? Почему Этель любит меня, а я любил тебя — черт возьми — извини меня, дорогая — почему на свете есть безответная любовь? Но я дам моему малышу все... Возможно, выйдя

отсюда, я покажусь себе сумасшедшим, но сейчас, Манди, я верю в то, что ты меня слышишь. И я верю, что святой Эндрю рядом с тобой. Возможно, после смерти от нас и правда что-то остается. Я не могу заставить себя ходить к мессе и стоять на коленях, но я воспитаю моего ребенка католиком и никогда не произнесу при нем бранное слово. И я всегда буду любить тебя. Наверно, ты знаешь это, Манди. Ты сейчас не в земле. Ты где-то высоко, на небесах, и ты счастлива. Я это чувствую. Господи, да, я это чувствую.

Кристи замолчал и увидел перед собой прекрасное улыбающееся лицо Аманды. Он тоже улыбнулся.

— О'кей, дорогая, береги себя там. Кто знает? Может быть, мы еще соединимся — в другой жизни.

Он закрыл глаза.

— Святой Эндрю, помоги мне стать хорошим отцом. Дай мне крепкого, здорового сына.

Кристи встал, затем снова опустился на колени.

— Поблагодари Господа за мое везенье. Пусть он поможет моим надеждам осуществиться.

Кристи поднялся с пола и бросил в ящик четверть доллара. Потом зажег свечу. Теперь перед святым мерцали два огонька, отчего ряды серых незажженных свечей бросались в глаза сильнее, чем прежде.

— Энди, мне понятны твои чувства — когда-то я выступал в ночных клубах с парой занятых столиков среди безлюдного зала.

Он сунул руку в карман и вытащил оттуда доллар. Опустил его в ящик и зажег еще четыре свечи. Все равно святой Эндрю казался обделенным. Кристи пожал плечами.

— Черт возьми, нечего жмотничать.

Он достал двадцатидолларовую купюру и бросил ее в ящик. Затем зажег все свечи. Отступив на шаг назад, с гордостью посмотрел на них.

— Энди, старина, когда вечером сюда придут священники, они удивятся — твой индекс Нильсена окажется самым высоким.

Затем Кристи вернулся в район ювелирных магазинов и купил два золотых обручальных кольца.

Пресса и телевидение уделяли бракосочетанию много внимания. Освещались даже события, предшествовавшие свадьбе. Лу Голдберг снял весь второй этаж «Дэнни» и устроил грандиозную холостяцкую пирушку для друзей Кристи. Там были все знаменитости артистического мира, оказавшиеся в Нью-Йорке. Даже анекдоты, рассказанные за столом, попали в колонки светской хроники. Телевизионные комики беззлобно обыгрывали событие. Но ни одна шутка не затрагивала Этель. Все чувствовали, что малейший намек на прошлое Этель способен спровоцировать скандал.

Но она все же пережила несколько неприятных моментов. За неделю до свадьбы в Нью-Йорк прибыли ее родители. Кристи забронировал для них двухместный номер в «Астории». Этель не настаивала на «люксе». Ее родители никогда не жили в отелях, они бы просто не знали, что им делать с огромным «люксом». Ей при-

шлось предупредить мать, что здесь не следует застилать кровати. Этель испытала легкий шок, встретив их на Пенсильванском вокзале. (Они, конечно, отказались лететь самолетом! Достаточно и того, что они едут в этот страшный Нью-Йорк!) Этель с трудом верила в то, что эти два крошечных человечка — ее мать и отец. Они что, усохли?

«Астория» испугала их; при встрече с Кристи они потеряли дар речи; старики осматривали Нью-Йорк с благоговейным ужасом. Они пожелали подняться на крышу Эмпайр-Стейт-Билдинг. (Сама Этель никогда прежде там не была.) Затем — плавание на корабле вокруг Нью-Йорка. Им обязательно надо было увидеть статую Свободы. Следующим пунктом в списке, который составлял, несомненно, весь Хэмтрэмк, значилось посещение Радиогородка. Картина оказалась приличной, но Этель с трудом просидела в зале до конца фильма. Старики были в восторге. Этель испытала облегчение, когда «шестерки» повезли их на могилу генерала Гранта, затем в Централ-парк прокатиться на двухколесном экипаже. Сначала Этель переполнило чувство благодарности, затем она вдруг сообразила, что теперь, когда ей предстоит стать миссис Кристи Лейн, они превратились в ее личных «шестерок». Она воспользовалась свободным временем и принялась искать в магазинах подходящее свадебное платье. Ей требовалось нечто консервативное. Этель поразило неожиданное решение Кристи венчаться в церкви. Но это было хорошим знаком — похоже, он серьезно относился к этому браку. Сама же Этель была согласна на то, чтобы их обвенчал кто угодно, хоть шаман, лишь бы процедура имела юридическую силу. Она поговорила с отцом Келли и выяснила, что может не менять веру, будет достаточно, если она даст обещание воспитывать детей католиками. Детей! Кристи получит одного ребенка. Одного! Когда она сочтет нужным. Этель было тридцать два года, она долгое время покупала одежду подешевле и ограничивала себя в еде. Теперь, впервые в жизни, у нее появится шикарный гардероб, она будет ходить на массаж, посещать лучшие салоны красоты. Теперь, когда все ее мечты должны были вот-вот осуществиться, она не собиралась немедленно надевать на себя бесформенные балахоны для беременных.

Они поженились в первых числах мая. Их обвенчали в соборе святого Патрика. На церемонии присутствовали ее родители, Лу Голдберг, «шестерки» и Агнес. Венчание в церкви было идеей Кристи, и до последнего «согласен» она ни о чем с ним не спорила. Когда церемония завершилась, все стали целовать друг друга. Внезапно Этель заметила, что Кристи куда-то делся. Затем она увидела его идущим к дальней стене собора. Этель из любопытства проследовала за ним. Кристи опустился на колени перед изображением какого-то святого. Безумец зажигал все свечи! Потом бросил в ящик двадцать долларов! Этель вернулась назад. Кристи ее не видел. Она не признавала, как сильно он любит ее! Только любовь может заставить Кристи расстаться с двадцатью долларами. Хотя многие скупые мужчины после женитьбы меняются. Это был хороший знак.

Кристи пригласил всех на обед, после которого они посадили родных Этель на поезд. Вечером, когда Этель шла в «люкс» Кристи, ее впервые зарегистрировали у стойки.

Этель смирилась с тем, что медовый месяц им предстоит провести в «Астории». Кристи занимался подготовкой передачи. Затем они должны были поехать в Лас-Вегас на шесть недель. За это время они обсудят планы на будущее. Она предложит Кристи класть на ее счет ежемесячно по пять тысяч — возможно, даже десять. В конце концов он только что подписал новый контракт с «Ай-Би-Си». Она позвонит до отъезда квартирному агенту и попросит подыскать им двухэтажные апартаменты на Парк-авеню.

Первую неделю семейной жизни Этель провела в полутемном зале, где Кристи записывал хэппенинг. Им еще предстояли съемки в ресторанах и театрах. Сейчас воссоздавалась атмосфера его телешоу: Кристи должен был исполнить несколько песен. Этель быстро нашла квартирного агента, элегантную миссис Рудин, которая прибыла на репетицию с планами нескольких превосходных квартир. В перерыве Кристи подошел к жене. Она представила ему миссис Рудин. Кристи внимательно выслушал Этель. Затем стиснул зубами кончик сигары.

— Слушайте, леди, сворачивайте ваши чертежи и забудьте об этом. Нас с Этель вполне устраивает «Астория».

Этель вспыхнула, едва сдерживая гнев. Она подождала, когда женщина уйдет. Потом отвела Кристи в сторону.

— Как ты посмел это сделать? — спросила Этель.

— Что сделать?

— Поставить меня в дурацкое положение при агенте.

— Не приводи их сюда, и ты не попадешь в дурацкое положение.

— Но нам нужна квартира.

— Зачем?

— Кристи, по-твоему, я должна всегда жить в «Астории» с двумя шкапами в гостиной, одним крошечным туалетом на двоих, одной ванной...

— Слушай, я видел, в какой дыре ты жила с Лиллиан. Это было далеко не «Ритц».

— Тогда я не была миссис Кристи Лейн.

Этель решила, что студия — не место для семейной сцены. За лето она его уломает.

— Я иду в «Сакс» за купальным костюмом для Лас-Вегаса. Да, кстати, мне нужен свой счет.

— Так открой его.

— Туда надо что-то положить.

— До замужества ты получала двести долларов в неделю. Я говорил с Лу. Он будет по-прежнему присылать тебе чек на эту сумму. Продолжай заниматься рекламой — все равно у тебя нет других дел.

— А как насчет денег на текущие расходы?

— Две сотни долларов — это не мелочь. К тому же теперь у тебя будут оставаться деньги, которые ты платила за половину вашей

с Лиллиан квартиры. Двести долларов в неделю — вполне достаточно на твои расходы. Некоторые семьи из восьми человек живут на такие деньги.

Она опустилась в кресло перед сценой. Внезапно почувствовала себя обманутой. Этель словно наткнулась на нефтеносную скважину, а проснувшись на следующий день, обнаружила, что она пуста. Когда работа над передачей была завершена и они отправились в Лас-Вегас, это ощущение усилилось. Коридорные и администраторы мотелей называли ее миссис Лейн. Больше в жизни Этель ничего не изменилось. До брака ей жилось, пожалуй, даже лучше. Несколько вечеров в неделю всегда принадлежали Этель — она проводила их в квартире, которую они снимали с Лиллиан. Теперь она постоянно находилась в обществе Кристи, «шестерок» и Агнес. А осенью, в Нью-Йорке, снова «Копа», «Джилли» и обеды с «шестерками». Она ни за что на свете не вернется в «Асторию».

Однажды вечером после выступления Кристи Этель снова подняла этот вопрос.

— Чем тебе не нравится «Астория»? — спросил он.

— Не хочу там жить.

— А где хочешь?

— В приличной квартире, где есть столовая, веранда и две ванны!

— Столько комнат для нас двоих? Однажды я снимал дом в Голливуде, но Эдди, Кенни и Агнес жили со мной. Нам не было тесно. Слушай, когда у нас появится ребенок, тогда и поговорим о квартире. Ему будет нужна детская. Но для нас двоих вполне достаточно гостиничного «люкса».

На следующую ночь она не поставила диафрагму.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Потягивая кофе, Робин вдруг увидел в утренней газете фотографию Мэгги. Потом прочитал заголовок: «Мэгги Стюарт, новая звезда кинокомпании «Сенчери», сегодня прибыла в Нью-Йорк для участия в натурных съемках».

Макияж Мэгги показался ему более ярким, чем прежде, ее волосы стали длиннее; она выглядела великолепно. Внезапно Робин испытал сильное желание увидеть Мэгги. Он позвонил в «Плазу». Она действительно там остановилась, но трубку в номере не снимали. Робин попросил передать миссис Стюарт, что он звонил ей.

Во время совещания, которое он проводил, в кабинет тихо вошла секретарша. Она положила перед ним записку. «Вам звонит миссис Стюарт». Робин махнул рукой. Совещание продолжалось. Лишь в пять часов у него появилась возможность позвонить Мэгги.

— Здравствуй! — произнесла она приветливым светским тоном.

— Как поживает знаменитая кинозвезда?

— Ужасно. Я играю манекенщицу, жизнь которой находится

в опасности. В первой же сцене, когда я демонстрирую модели одежды в Централ-парке, меня пытаются убить. Как водится в Голливуде, этот эпизод снимается в последнюю очередь. Поэтому я здесь. Звучит впечатляюще.

— Надеюсь. Как только этот кусок будет отснят, начнется монтаж.

— Ты уже подписала контракт на следующую картину?

— У меня есть несколько предложений, но мой агент хочет, чтобы я дождалась выхода этой ленты. Если я буду иметь успех, я получу лучшую роль и большой гонорар. В противном случае мне не видать и того, что предлагают сейчас.

— Тебе предстоит принять нелегкое решение,— заметил Робин.

— Я — игрок,— сказала Мэгги.— Я подожду.

— Молодец. Как долго ты пробудешь в городе?

— Три дня.

— Не хочешь съесть со мной гамбургер в «Пи Джи»?

Эти слова вырвались из уст Робина прежде чем он понял, что говорит.

— А почему бы и нет? Дай мне только время стереть с лица восемь слоев грима и принять душ.

— К семи успеешь?

— Хорошо. До встречи в «Пи Джи».

Она положила трубку.

Робин задумчиво посмотрел на телефон. Она закончила разговор так быстро, что он даже не успел предложить Мэгги заехать за ней. Она сделала так специально? Значит, Мэгги по-прежнему сердится на него... Он набрал номер Джерри Мосса.

В семь тридцать они еще ждали ее в «Пи Джи».

— Возможно, она решила поставить меня на место,— улыбнулся Робин.

Джерри с любопытством посмотрел на него.

— Что у тебя с этой девушкой?

— Абсолютно ничего. Мы — просто друзья. Можно сказать, старые знакомые.

— Тогда почему ты боишься оставаться с ней наедине?

— Боюсь?

— В прошлый раз, когда она прилетела в Нью-Йорк, ты попросил меня встретить ее в аэропорту вместе с тобой.

Робин отпил пиво.

— Понимаешь, дружище, когда-то она была девушкой Энди Парино. Они расстались перед тем ее приездом. Я не хотел, чтобы он подумал, будто я имею на нее виды. Наверно, поэтому я и позвал тебя. Точно не помню.

— О, это все объясняет. А сегодня я должен защитить тебя от Адама Бергмана?

Робин вопросительно посмотрел на Джерри.

— Кто это?

— Модный режиссер. Открытие сезона,— пояснил Джерри.— Год назад его бродвейская постановка удостоилась многочислен-

ных наград. Забыл название — что-то о лесбиянке и гомике. Мы с Мэри ушли после первого действия. Он — очередная сенсация.

Робин молчал.

— Забавно, — продолжал Джерри, — может быть, у меня чересчур консервативный вкус, но мне нравятся пьесы с сюжетом — ну, понимаешь, с началом, серединой, концом. Но сегодня...

Он остановился — в зале возникло некоторое оживление. Внимание посетителей было приковано к Мэгги. Робин встал. Мэгги сделала вид, будто она помнит Джерри, но он ей не поверил. Она не извинилась за опоздание. Заказав мясо с перцем, искала в сумочке сигареты.

— Я бы предложил тебе свои, да недавно бросил курить, — сказал Робин.

— Тогда тебе придется купить мне пачку, я забыла сигареты в отеле.

Джерри почему-то получил удовольствие, увидев, как Робин вскочил с кресла и направился к сигаретному автомату. Вернувшись с сигаретами, он раскрыл пачку и дал Мэгги прикурить.

— Когда ты бросил курить? — спросила она.

— Два дня назад.

— Почему?

— Просто решил испытать волю.

Она понимающе кивнула. Когда Мэгги доела мясо, она сказала:

— Я бы выпила пива, но потом, к сожалению, мне придется уйти. Завтра рано вставать.

Робин заказал пиво. За прозрачной дверью образовалась очередь. Внезапно Робин встал.

— Извините — я увидел моего друга.

Он подошел к двери и поздоровался с парой, стоявшей в очереди. Через минуту Робин вернулся к столику со своими знакомыми.

— Мэгги Стюарт, Джерри Мосс; это Дип Нелсон и Паули...

Он посмотрел на девушку.

— Извини, Паули. Я забыл твою фамилию.

— Теперь я — миссис Нелсон.

— Поздравляю.

Робин попросил официанта поставить еще два кресла.

— Мы здесь все уместимся.

— Мы ненадолго, — сказала Паули. — Я хочу только поесть. Боже, как я устала. Репетировали весь день — до первого выступления осталось всего три недели.

— Мы готовим номер для ночного клуба, — пояснил Дип. — Сначала обкатаем его в Балтиморе. Сгладим все шероховатости, а четвертого июля — выступление в «Конкорде». Получим пять тысяч за одну ночь.

— Это неплохо, правда? — сказал Робин.

— Да, но постановка номера обошлась нам в двадцать пять тысяч.

— Двадцать пять тысяч! — поразился Робин.

— Почему, думаешь, мы репетируем по восемь часов в день? —

спросила Паули. — Официант, две порции мяса, два гамбургера и две кока-колы.

— Понимаешь, у нас весьма сложный номер, — пояснил Дип. — Непростая хореография. Паули прекрасно танцует. У нас контракт на две недели в Лас-Вегасе — пятнадцать тысяч за каждую неделю. Это с лихвой покроет расходы. Затем Рино, в сентябре — «Персидский зал» в «Плазе». Нью-йоркская пресса — вот что важнее всего.

— Почему вы решили сделать номер для ночного клуба?

— Ты видел две мои последние картины? — спросил Дип.

— Да.

— Тогда, наверно, ты понял, что они не дадут кассу.

Робин усмехнулся.

— Я могу точно определить, пойдет вещь на ТВ или нет, но в кино я — профан.

— Но вы наверняка читали рецензии в «Эстраде», — вставила Паули.

— Я хорошо знаю кинобизнес, — сказал Дип. — Когда мой агент предложил мне подписать контракт с независимой кинокомпанией всего лишь на сотню тысяч долларов, я сказал себе: «Дип, пора уходить!»

— Ну, с твоими деньгами тебе не о чем беспокоиться.

Робин хотел направить беседу в общее русло, чтобы Мэгги и Джерри участвовали в ней.

— Ты шутишь! — сказал Дип. — Я купил для ее родителей дом в Лос-Анджелесе.

— Тоже мне дом! — заявила Паули. — Так, скворечник. По твоему тону можно подумать, что ты подарил им дворец.

— Сорок девять тысяч — не пустяк. Что бы ни случилось с нами, у них всегда будет крыша над головой. А еще я купил дом для нас — видел бы ты его! Одна мебель обошлась мне в сотню тысяч. Ужасно не хотелось даже ненадолго расставаться с ним. Но всегда важно вовремя уйти. Наш номер будет сенсацией, Голливуд встанет перед нами на колени, а Дип снова будет на коне.

— Вместе с Паули, — сказала девушка.

— Конечно. После свадьбы я сказал: мы — одна команда. На веки.

— Понимаете, я не хочу проходить кинопробу, — сказала Паули, обращаясь сразу ко всем сидящим за столом.

— Я вас понимаю.

Это были первые слова, произнесенные Мэгги.

Паули с интересом посмотрела на нее.

— О, вы работаете в кино?

— Она исполняет главную роль в новом фильме Элфреда Найта, — пояснил Робин.

— О...

Паули посмотрела на Мэгги так, словно впервые увидела ее.

— Ну конечно, вы — та самая девушка, у которой роман с Адамом Бергманом.

Мэгги и бровью не повела. Зато Дип сильно смутился.

За столом на несколько мгновений воцарилось неловкое молчание. Паули полностью сосредоточилась на гамбургере. Проглотив последний кусок, она сказала:

— Попроси счет, Дип, я должна выпаться. Завтра — снова восьмичасовая репетиция.

Робин улыбнулся.

— Доставьте мне удовольствие — я сам расплачусь. Когда-нибудь я смогу сказать, что знал Паули Нелсон в то время, когда она еще не была звездой.

Паули повернулась и неприветливо посмотрела на Робина.

— Знаете что? Избавьте меня от вашего остроумия. Кто вы такой, черт возьми? Дип как-то заставил меня посмотреть «Взгляд». Чушь какая-то! Похоже, вас прогнали — теперь передачу ведет другой человек.

— Паули!

Дип схватил девушку за плечо.

— Извини, Робин. Знаешь, мне правда жаль, что ты оставил «Взгляд». Готовишь что-нибудь?

Робин улыбнулся.

— Осенью покажу новую передачу. Она будет называться «Хэппенинг».

Дип явно испытал облегчение.

— Рад за тебя, дружище.

Актер ослепительно улыбнулся.

— Мы с тобой похожи. Нас не так-то просто выбить из седла, верно? Телекомпания та же?

Когда Робин кивнул, Дип спросил:

— Ты хорошо знаешь Энди Парино?

— Да, весьма.

— Тогда ты можешь мне здорово помочь.

Дип снова сверкнул зубами.

— Организуешь нам интервью во «Взгляде» перед нашим выступлением в «Плазе»?

— Пожалуйста, если хочешь.

— Серьезно?

— Даю слово.

Дип встал.

— Я позвоню тебе, когда мы вернемся в Нью-Йорк.

Выйдя из ресторана, Робин предложил:

— Мэгги, пройдемся с Джерри до твоего отеля?

— Я не хочу идти пешком.

— Джерри, поймай такси для дамы, — сказал Робин.

— Джерри, не надо ловить такси для дамы, — заявила Мэгги. — У нее есть своя машина.

Они заметили шикарный лимузин, который ждал Мэгги.

— Спасибо за гамбургер и очаровательную застольную беседу. Когда вы будете в Калифорнии, можете рассчитывать на ответное гостеприимство.

Джерри проводил взглядом отъехавший автомобиль.

- Она действительно равнодушна к тебе, — тихо заметил он.
— Да, без ума от меня, — жестким тоном произнес Робин.
— Нет, я серьезно. Не забывай, она — актриса. И, вероятно, хорошая, потому что сыграла сейчас очень трудную роль.
— О чем ты?
— Сегодня она была совсем не той девушкой, которую я встречал в аэропорту. Человек не может так сильно измениться за три месяца.
— Возможно, этот Адам — как его фамилия? — крепко повлиял на нее.
— Возможно.
— Заглянем в «Улан» и выпьем по бокалу, — предложил Робин.
— Нет, мне пора на вокзал; я еще успею на последний поезд. На твоём месте я бы позвонил Мэгги и предложил ей выпить в «Плазе».
— Нет уж, уволь.
Джерри остановился.
— Скажи мне, Робин, с этой девушкой, как с сигаретами?
— Не понял.
— Что ты пытаешься доказать, избегая Мэгги Стюарт?

Мэгги уехала из Нью-Йорка; Робин погрузился в работу. Каждый вечер он писал четыре страницы своей будущей книги. Тина Сент-Клер прибыла в город на премьеру своей новой картины. Робин позволил девушке остановиться у него, каждую ночь с удовольствием занимался с нею любовью, но когда через неделю она покинула Нью-Йорк, он снова испытал облегчение. Робин, не замечая, как летит время, готовил новый цикл передач. Заглянув однажды в настольный календарь, он обнаружил, что приближается четвертое июля. Это был четверг — значит, его ждал длинный пустой уик-энд. Ему не очень хотелось ехать к кому-то в гости. Джерри Мосс ужасно обрадовался, когда Робин без энтузиазма принял его приглашение. У Джерри был дом в Гринвиче. Робин знал, что там его ждут бесконечные приемы и вечеринки, но зато он сможет поплавать в бассейне и поиграть в гольф.

Второго июля Робин получил телеграмму от Мэгги:

«Приезжаю третьего июля для участия в рекламной кампании. Ты действительно считаешь, что Элизабет Тейлор начинала подобным образом? Проведу в городе несколько дней. Возможно, увидишь меня на экране телевизора. Мэгги.»

Он позвонил Джерри и сказал, что не сможет приехать. В среду Робин ушел из офиса в пять часов. Придя домой, позвонил в «Плазу». Узнал, что Мэгги прибыла в отель два часа назад, но уже ушла на запись «Шоу Джонни Карсона». Ладно, решил Робин, впереди еще уик-энд.

Он позвонил Мэгги в четверг, но не застал ее. Робин оставил сообщение.

В пятницу он два раза просил передать о своих звонках.

В субботу он не стал звонить Мэгги.

В воскресенье его телефон зазвонил в девять утра. Да пошла она к черту! Пусть проведет день в одиночестве. После третьего звонка телефонистка сняла трубку. Робин принял душ, затем позвонил на коммутатор.

Оказалось, что это был мистер Джерри Мосс из Гринвича.

Робин испытал разочарование. Зачем он понадобился Джерри в такое время? Он набрал его номер.

— Вкушаешь прелести солнечного Нью-Йорка? — спросил Джерри.

— У меня много работы.

— Ты пропустил несколько вечеринок. Вчера мы были у Рика Рассела. Ты о нем, конечно, слышал. Большой человек. У него своя авиакомпания.

— Я прекрасно все представляю, — сказал Робин. — Столы под открытым небом, тенты, японские фонарики, напитки, москиты.

Джерри рассмеялся.

— Плюс твоя приятельница Мэгги Стюарт в качестве почетного гостя.

— Что она там делала?

— То же, что и все мы: пила, танцевала, била москитов. Рик Рассел отмечал свой пятый развод. Он кажется весьма красивым, когда вспоминаешь о его миллионах. Они познакомились в авиалайнере, который летел из Лос-Анджелеса, и с тех пор не расстаются. Сегодня он отправляет Мэгги на своем личном самолете в Чикаго.

— Я рад, что леди путешествует с комфортом. Да, Джерри, зачем ты мне звонил?

В трубке стало тихо.

— Я подумал, что тебе будет интересно услышать о Мэгги.

— Почему ты так решил?

— Ну...

Похоже, Джерри смутился.

— Если ты думаешь, что она для меня что-то значит, тогда ты ведешь гнусную игру. Хотел меня подразнить, Джерри?

— Нет, я знаю, что она тебе безразлична, — тотчас отозвался Джерри.

— Тогда зачем отнимать у меня время?

Робин положит трубку.

Днем он посмотрел двухсерийный фильм. Когда Робин вышел из кинотеатра, было уже темно. Улицы опустели. Завтра воздух наполнится ревом моторов и гудками. Но сейчас город принадлежал ему. Он заглянул в «Недик» на Третьей авеню и съел булочку с сосиской. Затем бесцельно побрел по Нью-Йорку. Добравшись до Пятой авеню, увидел перед собой отель «Плаза».

— Хотите развлечься, мистер? — обратилась к нему невысокая пышная блондинка, явно разменявшая пятый десяток. Она держала за руку худенькую рыжеволосую девушку лет девятнадцати. Малышка, похоже, была новичком в этом деле. Женщина подтолкнула ее к Робину.

— Пятьдесят долларов с нашей комнатой.

На девушке было несвежее платье. Из-под слоя пудры виднелись прыщи. Светловолосая мадам схватила Робина за руку.

— Сорок? — согласны? Вам, похоже, необходимо немного расслабиться.

— Я и так уже слишком расслабился, — сказал Робин и зашагал дальше.

Не прошел он и половины квартала, как к нему приблизилась довольно привлекательная девушка.

— Путешествие в рай за пятьдесят долларов, мистер.

Засмеявшись, он зашагал дальше. Пятьдесят долларов — нынешняя цена. Проститутки, похоже, облюбовали южную окраину Сентрал-парка. Он миновал Хэмпшир-Хаус. Прибавив шаг, увернулся от очередной девицы. Внезапно вспомнил о книжном магазине на Седьмой авеню, который работал допоздна. Он купит что-нибудь легкое, перекусит сэндвичем и отправится домой читать.

— Хотите хорошо провести вечер, мистер?

Перед ним стояла настоящая амазонка.

В этой грозной на вид шлюхе было явно более ста восьмидесяти сантиметров. Она стянула свои крашеные иссиня-черные волосы в «хвост». Несмотря на теплый вечер, девица была в норковой накидке. Черные глаза напоминали бусинки, нос у шлюхи был длинным и узким. Крупная женщина... с большим бюстом... Внезапно в голове Робина будто что-то взорвалось. Он вяло улыбнулся.

Девушка тоже улыбнулась.

— Пятьдесят долларов. У меня есть комната.

— В начале улицы мне сделали более выгодное предложение. Она пожала плечами.

— Элси вывела новенькую. За все время, насколько я знаю, у нее было тут всего три клиента. Лучше бы она осталась в своем Скрэнтоне, у шахтеров. Со мной ты действительно получишь удовольствие.

— Может быть, это тебе следует заплатить мне, — сказал он. — Меня считают потрясающим мужчиной.

— Для удовольствия я встречаюсь с женщинами. Мужчины — это работа.

— Значит, ты — лесбиянка? Зато честная.

— А ты — красивый негодяй. Ладно, я согласна за сорок.

— Не надо делать мне одолжение. Я заплачу полную цену.

Где твоя комната?

— Идем, милый.

Она взяла его под руку, и они зашагали в сторону Седьмой авеню. Ее комната находилась в темном здании на Пятьдесят восьмой улице. Она явно не жила тут. Большинство окон не были освещены — очевидно, другие комнаты арендовались для тех же целей. Они прошли через пустой подъезд к лифту и поднялись на третий этаж. Она открыла дверь, с которой осыпалась краска. — Тут не дворец — я называю это моим рабочим кабинетом.

Робин оказался в узкой спальне с кроватью и умывальником.

Рядом находилась тесная ванная с душем и унитазом. Верхний свет неприятно слепил глаза. Девушка улыбнулась и стала раздеваться. Ее одежда идеально соответствовала профессии. Из отверстий черного кружевного лифчика торчали крупные коричневые соски. Трусов на ней не оказалось. От черного пояса на белом животе остался красный след.

— Ты любишь с чулками или без? — спросила она.

— Снимай все.

Робин едва узнал свой голос. Он стал быстро раздеваться.

Девушка взяла грязное полотенце и стерла с губ яркую помаду. Она была крупной, но прекрасно сложенной.

— Деньги вперед, милый — таково правило.

Он сунул руку в штаны и протянул девушке три купюры — две двадцатки и одну десятку. Она убрала их в сумочку.

— О'кей, милый, делай, что хочешь. Только постарайся не испортить мне прическу и не размажь глаза. Вечер только начинается, я надеюсь принять сегодня еще нескольких клиентов.

Он схватил ее и бросил на кровать. Движения Робина были мощными, энергичными. Она тихонько застонала.

— Эй, милый, полегче. Что ты хочешь этим доказать?

Перед тем как кончить, он вытащил из нее свой член.

— В этом не было необходимости. У меня там кое-что есть, — заметила она.

— Не хочу рисковать — не хватало еще, чтобы родился маленький ублюдок, — пробормотал Робин.

Она посмотрела на часы.

— Ты управился за три минуты. Можешь повторить.

Она склонилась над ним и стала целовать его тело. Он оттолкнул девушку, перевернул ее на живот и снова овладел ею.

Охваченный непонятной ему яростью, он вонзал в шлюху свой член. Когда Робин наконец отпустил девушку, она вскочила с кровати и подошла к умывальнику. Споласкивая живот, проворчала:

— Господи, для такого элегантного парня ты слишком груб.

Робин лежал на кровати, уставясь невидящими глазами в пространство. Обнаженная девушка, стоя перед умывальником, подкрашивала губы.

— О'кей, мистер, время истекло. Пошевеливайся. Тебе пора к жене. Ручаюсь, с ней ты такое не вытворяешь. Трахаетесь себе потихоньку, и все тут.

— У меня нет жены, — равнодушным тоном произнес он.

— Ну, тогда ступай к своей мамочке — готова поспорить, ты живешь с ней. Такие, как ты, всегда живут с матерями.

Его кулак врезался ей в челюсть. Еще не успев почувствовать боль, она посмотрела на Робина с почти детской растерянностью в глазах. Затем раскрыла рот, словно собираясь завопить, и бросилась в сторону ванной. Он схватил ее за руку.

— Пожалуйста, — проскулила шлюха. — Ты же знаешь, я не могу кричать — прибегут полицейские. Пожалуйста,пусти меня.

Он сжал ее массивные груди и прижался к ним своими губами.
— Ты меня кусаешь,— простонала она, пытаясь освободиться.— Ты уже все получил за свои пятьдесят долларов!

Она изо всех сил ударила его коленом в пах и отскочила. Он бросился за ней. Впервые в ее глазах появился страх.

— Послушай, мистер,— закричала она,— я верну тебе деньги! Иди к маме! Соси ее грудь!

— Что ты сказала?

Почувствовав, что она нащупала его ахиллесову пятку, девушка осмелела. Она расправила плечи.

— Знаю я вас, маменьких сынков. Вам всегда нужна мамочка! Я на нее похожа, малыш? Ступай к ней. Меня ждет работа.

Он снова заехал ей в челюсть. Только после этого удара он уже не остановился. Робин принялся избивать девушку. Из ее рта и носа потекла кровь. Сломанный зубной мост упал на пол. Он почувствовал, как хрустнула ее челюсть. Робин продолжал наносить удары до тех пор, пока костяшки его пальцев не заболели. Он удивленно посмотрел на них. Проститутка опустилась на пол. Робин глядел на свою окровавленную руку так, словно она была чужой. Шагнув к кровати, он рухнул на нее и отключился.

Открыв глаза, он увидел свет на потолке и трех мертвых мух, лежавших на плафоне. Затем заметил кровь на простыне. Присев, с любопытством уставился на разбитые костяшки пальцев. Внезапно его взгляд упал на массивное неподвижное тело девушки, лежавшее на полу. О господи, это был не кошмар. Все происходило наяву. Поднявшись с кровати, он приблизился к обмякшему неподвижному телу. Губы девушки опухли, изо рта текла струйка крови, под носом была засохшая коричневая корка. Робин склонился над девушкой. Она еще дышала. Боже, что он натворил! Робин мгновенно оделся. Затем сунул руку в карман — у него осталось только тридцать долларов. Ее нужно отправить в больницу. Он не мог оставить девушку здесь. В комнате не было телефона. Как вызвать врача? На улице, наверное, есть автомат.

В подъезде было все так же пусто. Он вышел из дома в темноту. Пятьдесят восьмой улицы. Зашагал к аптеке, которая находилась на углу. Там должен быть телефон.

— Здорово, дружище, что ты здесь делаешь?

Увидев Дипа Нелсона, сидящего в машине с откидным верхом, Робин подошел к приятелю и тихо произнес:

— У меня неприятности.

— У кого их нет? — засмеялся Дип. — Вчера в «Конкорде» нас освистали.

— Дип... у тебя есть при себе деньги?

— Десять сотенных и чековая книжка. Что случилось?

— Дип, дай мне десять сотенных — я выпишу тебе чек.

— Садись в машину и расскажи мне все.

Они поехали вдоль парка. Дип слушал Робина молча. Когда Робин замолчал, Дип произнес:

— Разберемся во всем по порядку. Первое — думаешь, она узнает тебя? Ну, если увидит на телеэкране.

Робин пожал плечами.

— Тогда эта тварь устроит скандал.

Дип изумленно покачал головой.

— Дружище, да тебе одному улицу нельзя переходить. Тогда уж ты должен был проследить за тем, чтобы ей больше никогда не довелось смотреть телевизор. Однако что значит слово проститутки против слова почтенного гражданина?

Он посмотрел на автомобильные часы.

— Сейчас половина одиннадцатого. Когда это случилось?

Робин пожал плечами.

— Я смотрел кинофильм. Я не ношу часов, но когда я вышел из зала, было уже темно.

— Значит, сеанс закончился в восемь тридцать или в девять. Для надежности запасемся алиби на восемь часов.

— Алиби?

— Да, дорогой. Я — твоё алиби. Если оно тебе понадобится. Мы скажем, что в семь тридцать я зашел к тебе домой. Мы поболтали о делах и решили прокатиться. Когда я пригоню машину в гараж, я сделаю так, чтобы нас там заметили.

— Но как быть с девушкой? — спросил Робин. — Она без сознания.

— Шлюхи поразительно живучи. Завтра она снова выйдет на панель.

Робин покачал головой.

— Она сильно пострадала. Я не могу бросить ее там.

— Что заставило тебя связаться с ней? Я видел тебя в «Пи. Джи.» с потрясающей красоткой.

— Не знаю. Помню, когда я увидел ее, в моей голове точно бомба взорвалась. Дальше все происходило словно во сне.

— Мой совет — забудь про девку. Одной шлюхой больше или меньше — какая разница?

Робин внезапно сжал ручку двери. Дип настороженно посмотрел на него.

— Тебе плохо, приятель?

— Дип, тебе знакомо такое чувство, будто когда-то все это уже с тобой было, ты уже слышал эти слова?

— Конечно, это явление даже имеет свое название. В голове что-то происходит. Такое случается с каждым. Есть даже песня об этом — «Где-то, когда-то».

— Возможно, — задумчиво произнес Робин.

— Выброси ее из головы. Считай, что ничего не было, — сказал Дип.

— Не могу. Она — живое существо... У нее может быть ребенок.

— Ты, кажется, сказал, что она — лесбиянка.

— Да. Ты прав.

Дип, проехав по Пятьдесят шестой улице, подрулил к ярко освещенному гаражу. Сторож поспешил ему навстречу.

— Как машина, мистер Нелсон?

— Прелесть, — отозвался Дип. — Мы с другом катаемся на ней с половины восьмого. Вы его узнали? Это Робин Стоун, ведущий телепередачи «Взгляд».

Сторож, вежливо кивнув, спросил Дипа:

— Мистер Нелсон, вы не забыли привезти мне вашу фотографию для моей дочери Бетти?

— Ну конечно, как я мог забыть?

Дип открыл перчатницу и протянул сторожу большой конверт.

— С автографом, как обещал.

Они покинули гараж. Робин свернул в сторону Пятьдесят восьмой улицы. Дип, поспешив за другом, принялся уговаривать его.

— Слушай, да она уже наверняка ловит нового клиента.

— Дай Бог, чтобы это оказалось правдой, — пробормотал Робин.

Они остановились перед темным домом. Дип огляделся по сторонам.

— Наверно, я такой же сумасшедший, как и ты, если иду с тобой. Ну ладно, заглянем к ней.

Лифт, поскрипывая, поднял их на третий этаж. Дверь квартиры была приоткрыта, как ее оставил Робин. Мужчины посмотрели на лежащую без сознания женщину. Дип тихо свистнул.

— Ну и лошадь.

— Дай мне тысячу, — сказал Робин. — Я положу деньги ей в сумочку. Потом вызовем с улицы доктора.

— Ну конечно, чтобы он отправил ее в больницу и она устроила тебе веселую жизнь.

— Но она не узнала меня.

— Дружище, если полицейские найдут у шлюхи тысячу долларов, они начнут допрашивать ее. Она опишет твою внешность, а тогда беды не миновать.

— Так что же делать? — спросил Робин.

— Ты останешься здесь. У меня появилась идея. Запри эту дверь. Когда я вернусь, я постучу два раза. Больше никому не открывай.

Не успел Робин что-либо ответить, как Дип уже исчез.

Робин сел на кровать и устался на большое белое тело, лежащее на полу. Он подпер голову руками. Несчастная тварь. Что на него нашло? В первый раз он имел дело с брюнеткой на трезвую голову. И в последний! Боже, на ее месте могла оказаться Мэгги.

Женщина пошевелилась, застонала. Он встал с кровати и подложил ей под голову подушку. Затем взял свой платок, смочил его холодной водой из-под крана и попытался стереть засохшую кровь с верхней губы проститутки. Убрал с ее лица прядь волос.

— Прости меня, — шепнул Робин.

Она приоткрыла глаза, застонала, потом снова потеряла сознание.

— Прости меня, несчастное создание, я виноват.

Услышав два легких стука, Робин открыл дверь. Дип держал в руках склянку с красными капсулами.

— Как тебе моя идея?

— Секонал? — спросил Робин.

Дип кивнул.

— Теперь надо запихнуть это в нашу Брунхильду.

— От слишком большой дозы она может умереть.

— У меня есть только восемь штук. Он восьми не помрет. Кто-нибудь другой — возможно, но эту кобылу можно только динамитом взорвать.

— Но зачем давать ей пилюли?

— Мы положим ее на кровать, а пустую бутылочку бросим где-нибудь рядом. Тут нет этикетки, полиция не сможет установить источник. Затем мы спустимся вниз и позвоним в полицию. Я изменю голос. Скажу, что договорился с ней о встрече, а придя сюда, обнаружил ее лежащей без чувств. Скажу, что она давно собиралась покончить с собой. Это — обычный конец для шлюхи, если ее не прибьет какой-нибудь псих вроде тебя. Потом приедет «скорая», девку отвезут в «Беллвью», промоют ей желудок. Когда она придет в себя, никто и слушать ее не станет. Просто окажут ей первую помощь и выпихнут на улицу. Теперь нам предстоит положить эту тушу на кровать.

Она была ужасно тяжелой. Мужчины подняли ее на кровать. Дип засунул в рот проститутке пилюли, потом влил туда воды. Женщина выплюнула все это на постель. Дип снова затолкал капсулы обратно. Робин придерживал голову женщины, чтобы она не захлебнулась. Его рубашка пропиталась потом, он наблюдал за тем, как Дип заставляет шлюху запить снотворное.

— Теперь сматываемся, — сказал Дип. — Хотя погоди...

Он вытащил из кармана платок и стер отовсюду отпечатки пальцев. Подмигнул Робину.

— Не зря я сыграл в стольких детективах. Знаю все хитрости. Ты чего-нибудь касался, дружище?

Дип вынул из кармана маленький кожаный футляр с золотой расческой, пилочкой для ногтей и кусачками. Робин с ужасом и восхищением смотрел, как Дип срезал длинные красные ногти женщины.

— Теперь там не обнаружат твои волосы.

Он обвел взглядом комнату.

— Кажется, все.

Затем, обернув руку платком, Дип извлек из сумочки бумажник шлюхи.

— Ее зовут Анна-Мари Вудс. Она живет на Бликер-стрит.

Взяв водительское удостоверение женщины, Робин записал ее имя, фамилию и адрес. Вернул права Дипу. Нелсон положил их обратно в сумочку.

— У нее тут около сотни долларов, возьми их, — сказал актер.

— Ты сошел с ума!

Робин оттолкнул протянутую ему руку с деньгами.

— Ты записал адрес не для того, чтобы пригласить ее на танцы, верно? Ты намерен послать ей деньги? Добавить к ним эти. Иначе они достанутся какому-нибудь санитару.

Робин, кивнув, в
Дипа. Нелсон посто
Они осторожно
вышли на улицу, не
из автомата; Роб
«скорой». Несмотря
здания, стоявшего
они услышали вой
машины. Спусти
откуда появилась т
из-под земли.

— Я должен п
тал он.

Дип шагнул в
Нелсона.

— Теперь ты
ливудский загар,
нут просить у те

— Я в этом

— Достаточно

что они не смо
конечно, видели.

Робин пересе
вышли два са
Голова женщин

Когда «скор
вернулся к Дип

— Ну, друж
ка ты спать, и

Робин посм

— Дип, что

— Ерунда.

Дип ударил

— В сентя

покажи нас в

и разведемся

герои моих де

Добравши

глотил еще о

вений он уже

— Это Р

Сидя пер

красно влад

— Вы к

— Нет.

Робин, кивнув, взял деньги. Он понял, в чем заключался секрет Дипа. Нелсон постоянно старался предугадать действия противника. Они осторожно покинули квартиру. Им по-прежнему везло: они вышли на улицу, не столкнувшись ни с кем в подъезде. Дип позвонил из автомата; Робин отказывался уйти, не дождавшись приезда «скорой». Несмотря на возражения Дипа, они спрятались в подъезде здания, стоявшего напротив дома женщины. Через десять минут они услышали вой сирен. Перед домом остановились три полицейские машины. Спустя несколько минут прибыла «скорая». Неизвестно откуда появилась толпа зевак — Робину показалось, что люди выросли из-под земли.

— Я должен пойти туда и узнать, жива она или нет, — прошептал он.

Дип шагнул вслед за приятелем, но Робин жестом остановил Нелсона.

— Теперь ты потерял голову? Увидев твои белые волосы и голливудский загар, люди мигом забудут об избитой проститутке и начнут просить у тебя автографы. А меня одного никто не узнает.

— Я в этом не уверен, — отозвался Дип.

— Достаточно один раз поглядеть на этих зевак, чтобы понять, что они не смотрят мою передачу. А вот твои детективы они, конечно, видели.

Робин пересек улицу и смешался с толпой. Вскоре из подъезда вышли два санитар с носилками. Робин облегченно вздохнул. Голова женщины не была накрыта простыней — значит, она жива.

Когда «скорая» умчалась, а зеваки стали расходиться, Робин вернулся к Дипу.

— Ну, дружище, веселенький выдался вечерок. А теперь ложись-ка ты спать, и один.

Робин посмотрел на актера.

— Дип, что я могу для тебя сделать?

— Ерунда. Забудь об этом.

Дип ударил его в плечо.

— В сентябре, перед нашим выступлением в «Персидском зале», покажи нас в твоей передаче. А сейчас пройдем несколько кварталов и разведемся на разных такси. Будем действовать до конца, как герои моих детективов.

Добравшись до дома, Робин принял снотворное. Через час проглотил еще одну таблетку, запил ее водкой. Спустя несколько мгновений он уже спал. Проснувшись утром, он позвонил доктору Арчи.

— Это Робин Стоун. Я согласен пройти полный курс.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Сидя перед доктором Голдом, Робин казался спокойным и прекрасно владеющим собой человеком.

— Вы когда-нибудь прежде пользовались услугами проституток?

— Нет.

— Вы сказали, что отвергли предложение другой, весьма привлекательной девицы. Почему вы согласились пойти именно с этой?

Робин погасил сигарету.

— Она была брюнеткой.

В серых глазах Арчи появился интерес.

— Могли ли вы проверить себя в отношении Мэгги?

— Что вы имеете в виду?

— Если бы у вас ничего не вышло с проституткой, вы потеряли бы всего лишь пятьдесят долларов.

Робин покачал головой.

— Нет, думаю, дело не в этом. Когда она подошла ко мне, в моей голове как бы взорвалась бомба. С этого момента все происходило точно во сне.

Доктор Голд заглянул в свои записи.

— Знаете, в тот раз, когда вы были у меня, я сказал, что хотел бы подвергнуть вас гипнозу. Я и сейчас считаю это целесообразным.

— Я полагаю, мы можем все выяснить в разговоре.

— Мне бы не хотелось отнимать у вас лишнее время и деньги. Погрузив вас в гипнотический сон, я включу магнитофон. Потом вы прослушаете ваши ответы. Они помогут нам продвинуться вперед.

Он заметил, что Робин нахмурился.

— Разговаривая в январе, мы натолкнулись на блок. Вы ничего не могли вспомнить из вашего раннего детства. Вы не отказывались вспомнить. Вы просто не могли это сделать. До настоящего времени вы отделяли любовь от секса. Вы не в состоянии соединить их в своем сознании. Ваше чувство к Мэгги — это желание любить. В то же время любовь в сочетании с сексом кажется вам инцестом. Мы должны отыскать причину этого. В прошлый раз вы не дали мне никакой зацепки. Хотя, по-моему, вы ничего не утаивали намеренно.

Он помолчал.

— Робин, сколько вам лет?

— В следующем месяце мне исполнится сорок один год.

— Вы когда-нибудь думали о браке?

— Нет. Почему я должен был о нем думать?

— Каждый человек полагает, что когда-нибудь он вступит в брак.

Когда вы впервые осознали, что предпочитаете оставаться холостяком? — спросил доктор Голд.

— Не знаю. Мне всегда хотелось быть одному.

— Ну вот, — торжествуя произнес Арчи. — Всегда хотелось — но с каких пор? Почему? Видите, мы должны заглянуть в прошлое.

Он встал.

— Робин, мы топчемся на месте. По-моему, на сегодня довольно. Приходите завтра. Можете уделить мне три часа?

— Три часа?

— Я хочу усыпить вас и записать нашу беседу на пленку. Прослушав запись, мы доберемся до корней проблемы.

— Нам придется сделать это вечером, — сказал Робин. — Шесть часов вас устроит?

— Жду вас в шесть.

На следующий день Робин пролистал газеты в поисках сообщения об Анне-Мари. Наконец на пятой странице «Новостей» он наткнулся на следующую заметку:

«В меблированной комнате на Пятьдесят восьмой улице найдена жестоко избитая женщина. Полиция прибыла на место преступления после анонимного звонка. Пострадавшая не жила в этой комнате и не представила объяснений по поводу своего пребывания в ней. Женщина была госпитализирована. Установлено, что она длительное время занималась проституцией. Ей не предъявлено никакого обвинения. Женщина не смогла назвать имя избившего ее человека. Она получила легкие телесные повреждения и завтра будет выписана из «Беллвью».

Робин сходил в банк, снял со счета две тысячи долларов мелкими купюрами и отправил деньги по адресу Анны-Мари. Он по-прежнему испытывал сомнения по поводу целесообразности гипноза, но все же к шести часам прибыл к доктору Голду. Увидев магнитофон, Робин немного смутился.

— Вы действительно считаете, что это нам поможет?

— Надеюсь, да,— ответил Арчи.— Снимите пиджак и ослабьте галстук.

Робин вытащил сигареты.

— Надо устроиться поудобнее. Вы положите меня на кушетку?

— Нет, сидите здесь, на стуле. И никаких сигарет. Робин, вы не должны оказывать мне сопротивление, ясно?

— Слушайте, у нас обоих нет времени на игры.

— Отлично! Теперь освободите ваше сознание. Сконцентрируйтесь на морском пейзаже, что висит на стене. Вы видите только воду... Ваши ноги расслабляются... теряют чувствительность... плывут... все ваше тело теряет чувствительность... становится невесомым... руки висят безвольно... мышцы шеи расслаблены... веки опускаются. Закройте глаза, Робин. Вы погружаетесь в темноту... бархатную темноту... вы засыпаете.

Робин заметил, что доктор Голд убавил свет в комнате. Он был уверен, что из этой затеи ничего не выйдет, но выполнял указания врача. Послушно смотрел на морской пейзаж. Внушал себе, что его тело теряет чувствительность. Гнал из головы все мысли. Он слышал слова, произносимые Арчи. Ничего не получится. Голос доктора по-прежнему доносился до Робина. Тьма перед его глазами сгущалась... все равно ничего не получится.

Робин открыл глаза. Он лежал на кушетке. Присев, Робин обвел взглядом комнату и потянулся к сигаретам.

— Как я здесь оказался? Несколько секунд тому назад я сидел на том стуле.

— Это было два с половиной часа тому назад.

Робин вскочил с кушетки.

— Который сейчас час?

— Без четверти девять. Вы пришли ко мне в шесть.

Робин поднял трубку, чтобы узнать по телефону точное время, и услышал мелодичный голос: «Восемь часов сорок семь минут.»

Он опустил трубку и недоверчиво посмотрел на доктора. Голд улыбнулся ему.

Робин вопросительно поглядел на магнитофон. Доктор Голд кивнул.

— Дайте мне послушать!

— Не сейчас. Сегодня я хочу изучить запись без вас. Вы услышите ее завтра.

— Я сказал что-нибудь интересное? — спросил Робин.

— Вы сделали поразительные признания.

— Ради Бога, включите магнитофон. Иначе я не смогу сегодня заснуть.

Доктор Голд положил в пакетик две зеленые пилюли.

— Примите их дома. Сможете приехать ко мне завтра к шести часам?

Пилюли подействовали на Робина. Он отлично выспался, но весь следующий день провел в состоянии напряженного ожидания. Курил одну сигарету за другой. Не мог сосредоточиться на работе. К шести часам Робин превратился в клубок нервов.

— Робин, — произнес доктор Голд, — прежде чем мы начнем, вы должны усвоить следующее. Находясь в состоянии гипнотического сна, люди говорят правду. Иногда она может показаться странной, потому что я вернул вас в ваше раннее детство и даже разговаривал с вами, как с ребенком. Но я хочу, чтобы вы слушали запись без предубеждения и недоверия.

Доктор Голд шагнул к магнитофону.

— Вы готовы?

Робин, кивнув, сел на стул. Из динамика донеслось негромкое шипение. Первым прозвучал голос врача.

Доктор Голд: Робин, вы уснули... вы будете слышать мой голос и выполнять мои приказания. Поднимитесь со стула и подойдите к кушетке. Хорошо. Ложитесь, Робин. Мы возвращаемся в прошлое... далекое прошлое... ты — маленький мальчик. Тебе пять лет... ты лежишь в кровати.

Робин: Да, я в кровати.

Робин передвинулся на край стула и взял сигарету из пачки. Боже, голос стал более высоким и звонким, но это был его голос!

Доктор Голд: Ты лежишь в кровати. Какая она?

Робин: Красивая. Китти целует меня перед сном.

Доктор Голд: Робин, тебе четыре года. Ты лежишь в кровати... (Молчание).

Доктор Голд: Робин, тебе четыре года... четыре года...

Робин: Почему вы называете меня Робин? Мое имя — Конрад.

Доктор Голд: Хорошо, Конрад. Ты в кровати... Что ты видишь?

Робин: Мама лежит рядом со мной, но...

Доктор Голд: Робин, вы уснули... вы будете слышать мой голос и выполнять мои приказания. Поднимитесь со стула и подойдите к кушетке. Хорошо. Ложитесь, Робин. Мы возвращаемся в прошлое... далекое прошлое... ты — маленький мальчик. Тебе пять лет... ты лежишь в кровати.

Робин: Да, я в кровати.

Робин передвинулся на край стула и взял сигарету из пачки. Боже, голос стал более высоким и звонким, но это был его голос!

Доктор Голд: Ты лежишь в кровати. Какая она?

Робин: Красивая. Китти целует меня перед сном.

Доктор Голд: Робин, тебе четыре года. Ты лежишь в кровати... (Молчание).

Доктор Голд: Робин, тебе четыре года... четыре года...

Робин: Почему вы называете меня Робин? Мое имя — Конрад.

Доктор Голд: Хорошо, Конрад. Ты в кровати... Что ты видишь?

Робин: Мама лежит рядом со мной, но...

Доктор Голд: Робин, вы уснули... вы будете слышать мой голос и выполнять мои приказания. Поднимитесь со стула и подойдите к кушетке. Хорошо. Ложитесь, Робин. Мы возвращаемся в прошлое... далекое прошлое... ты — маленький мальчик. Тебе пять лет... ты лежишь в кровати.

Робин: Да, я в кровати.

Робин передвинулся на край стула и взял сигарету из пачки. Боже, голос стал более высоким и звонким, но это был его голос!

Доктор Голд: Ты лежишь в кровати. Какая она?

Робин: Красивая. Китти целует меня перед сном.

Доктор Голд: Робин, тебе четыре года. Ты лежишь в кровати... (Молчание).

Доктор Голд: Робин, тебе четыре года... четыре года...

Робин: Почему вы называете меня Робин? Мое имя — Конрад.

Доктор Голд: Хорошо, Конрад. Ты в кровати... Что ты видишь?

Робин: Мама лежит рядом со мной, но...

9*

Доктор Голд: Что «но»?

Робин: Когда я засыпаю, она уходит. Каждую ночь она покидает меня.

Доктор Голд: Откуда тебе известно, что она уходит?

Робин: Я всегда просыпаюсь и слышу, как она разговаривает с ними в соседней комнате...

Доктор Голд: С кем?

Робин: Не знаю.

Доктор Голд: Где твой отец?

Робин: У нас нет отца.

Доктор Голд: У нас?

Робин: У нас с мамой... У нас никого нет. Только мы и... они.

Доктор Голд: Кто «они»?

Робин: Чаще всего — Чарли. Иногда кто-то другой.

Доктор Голд: Они приходят к твоей матери?

Робин: Да... они ждут, когда я усну.

Доктор Голд: Что ты делаешь, когда слышишь голоса?

Робин: После того, как Чарли отшлепал меня, — ничего.

Доктор Голд: Когда он тебя отшлепал?

Робин: Недавно... когда я зашел в соседнюю комнату и увидел его лежащим на маме.

Доктор Голд: Она по-прежнему уходит от тебя, когда ты засыпаешь?

Робин: Да, но не к Чарли. Его она больше не пускает к нам. Потому что он побил меня. Я — единственный человек, которого она любит... у нас с ней никого нет... никому нет до нас дела...

Доктор Голд: Сколько тебе лет?

Робин: Завтра, двадцатого августа, мне исполнится четыре года. Мама обещала повезти меня в Бостон...

Доктор Голд: Где ты живешь?

Робин: В Провиденсе, на Род-Айленд.

Доктор Голд: Ты будешь отмечать свой день рождения с друзьями?

Робин: У нас нет друзей. Мы одни.

Доктор Голд: Роб... Конрад, со дня твоего рождения прошла неделя. Что ты делаешь?

Робин: Я ужасно обижен на маму.

Доктор Голд: Почему?

Робин: В день моего рождения к нам пришел какой-то человек. Он постучал в дверь, когда мы собирались ехать в Бостон. Мама сказала, что мы уезжаем... попросила его зайти к нам позже, вечером. Он дал ей денег и сказал, что его послали к нам. Мама дала мне монетку и велела сходить за мороженым, а потом посидеть на крыльце, пока она не позовет меня. Я сидел на ступеньках и ел мороженое, потом появился какой-то большой мальчишка и отобрал его у меня. Я бросился в дом... Мама лежала на нашей кровати... с этим человеком. Я рассердился на нее. Днем люди не спят. Это был мой день рождения. Она закричала на меня... приказала мне уйти... (Молчание).

Доктор Голд: Конрад, это День Благодарения... Тебе четыре года... Что ты делаешь?

Робин: Мама готовит гуся. В больших семьях жарят индейку. Мы живем вдвоем... поэтому у нас гусь. Зато есть клюквенный соус с ягодами. Когда мама была маленькой девочкой, она ела точно такого гуся в Гамбурге.

Доктор Голд: Конрад, ты когда-нибудь был в Гамбурге?

Робин: Нет. Моя мама родилась там. В Гамбурге много моряков. В этом городе она познакомилась с ним. Он увез маму в Америку и женился на ней.

Доктор Голд: А потом родился ты? Он был твоим отцом?

Робин: Нет. Его убили. Он не был моим отцом. Он женился на моей маме. Он был плохим человеком. Так она мне сказала. Он продавал виски, а это запрещено. Однажды ночью всех, кто ехал в его грузовике, застрелили. И мама осталась одна. Совсем одна... Меня еще не было на свете. Но человек, которому принадлежали все грузовики, сказал ей, чтобы она не волновалась. Он посылал к маме мужчин, которые давали ей деньги, а через год Бог подарил маме меня.

Доктор Голд: Твоя мать знала, кто твой отец?

Робин: Я же сказал вам... у нас не было отца. Мы жили вдвоем с мамой. Мы часто переезжали с места на место, потому что полиции не нравилось, что маленький мальчик живет с мамой без отца. Если бы нас нашли, меня бы отправили в приют, а маму — назад в Гамбург. Она копила деньги, чтобы когда-нибудь мы смогли вернуться в Гамбург и жить с моей Grossmutter... там у меня появятся друзья. Понимаете, здесь мама не разрешает мне играть с другими детьми, потому что тогда они начнут расспрашивать меня об отце... а потом сообщат в полицию, что у нас нет папы.

Доктор Голд: Конрад, после Дня Благодарения прошла неделя. Что ты делаешь?

Робин: Я лежу в кровати, а мама находится в другой комнате с Джорджем. Он приходит каждый вечер. Он обещает достать нам паспорт и дает маме деньги.

Доктор Голд: Кто этот Джордж?

Робин: Один из них...

Доктор Голд: Конрад, сейчас вечер, после Дня Благодарения прошло две недели. Твоя мама с Джорджем?

Робин: Нет... с другим мужчиной.

Доктор Голд: Кто он?

Робин: Не знаю. Я проснулся и понял, что лежу один, а мама — в соседней комнате. Мне хотелось есть, я решил взять кокосовое печенье из холодильника. На кухню можно пройти только через другую комнату. Я шел на цыпочках, потому что помнил, как Чарли отшлепал меня... мама сердится, когда я встаю с кровати...

Доктор Голд: Кто был с твоей мамой?

Робин: Я не видел его прежде. Он стоял на коленях, склонившись над мамой.

Доктор Голд: Что он делал?

Робин: Он сжимал руками ее шею. Я стоял и смотрел. Затем он встал и ушел, не сказав маме «До свидания». Я приблизился к кровати... мама, казалось, спала, но ее глаза были открыты... она притворялась спящей. Когда я начал ее трясти, она скатилась с кровати на пол. Язык как-то странно вываливался из ее рта, а волосы были спутаны. Я любил спать, прижавшись к ней... ее груди под ночной рубашкой были мягкими, теплыми. Не знаю, как они выглядели раньше, но сейчас, без рубашки, они были страшными! Я испугался! Ее глаза смотрели на меня, но казались незрячими. Меня охватил страх. Mutter... мама... мама (молчание).

Доктор Голд: Наступил следующий день. Где ты?

Робин: Я в большой комнате... Мне задают вопросы. Я все время спрашиваю о маме. Они хотят знать, как выглядел тот человек. Я хочу увидеть маму. Затем какая-то тетя в белом халате отводит меня в другую комнату, где много детей. Она говорит мне, что теперь я буду жить здесь. У других мальчиков, находящихся в комнате, тоже нет мам. Я спрашиваю: «Моя мама уехала в Гамбург?» Тетя отвечает мне: «Нет». Один из мальчиков говорит: «Твоя мать умерла». Я спрашиваю: «Она попадет в рай, к ангелам?» Высокая тетя в белом халате смеется и говорит: «Как бы не так. Плохие люди не попадают в рай. Она заслужила такую участь, если вела подобную жизнь на глазах у ребенка». Я ударил ее... потом еще раз. (Он перешел на крик. После короткой паузы голос зазвучал вновь). Вокруг все потемнело... Меня окружают какие-то люди. Но я не плачу... Мама говорила, что мужчины не плачут. Я не заплачу... Ничего не скажу... не буду есть... слушаться их. Тогда им придется отвести меня к маме. Они, видно, узнали, что у нас нет отца... забрали меня и поместили в большой дом... далеко от мамы. Я не буду их слушаться. (Снова молчание).

Доктор Голд: Конрад, сегодня рождество. Где ты находишься?

Робин: (Тихо) Темно... я сплю... темно... темно... в мою руку воткнута трубочка... вроде соломинки... но мне не больно... я сплю... сплю... стараюсь забыть злую темноволосую тетю... она плохая.

Доктор Голд: Прошло еще две недели. Где ты, Конрад?

Робин: Я сижу на большой кровати. Возле меня две тети. Одна из них обрадовалась тому, что я сел. Она спросила, как меня зовут. Я не знаю, где нахожусь. Потом человек в белом халате посмотрел мне в глаза. Он добрый... мне приносят мороженое.

Доктор Голд: Сегодня, Конрад, твой день рождения. Тебе пять лет. Где ты?

Робин: Почему вы называете меня Конрадом? Я — Робин Стоун. Ко мне пришли гости, они поздравляют меня. Мама, папа и друзья смотрят, как я дую на свечи.

Доктор Голд: Ты любишь свою маму?

Робин: Конечно. Я был болен. Мама и папа забрали меня из больницы. Раньше я их не знал. Но теперь знаю.

Доктор Голд: Как выглядит твоя мама?

Робин: Она красивая, добрая у нее светлые волосы. Маму зовут Китти.

Доктор Голд выключил магнитофон.

— Дальше все соответствует вашему рассказу — рождение Лайзы, все остальное.

Робин откинулся назад. Его рубашка была мокрой от пота, лицо побледнело. Он уставился на доктора Голда.

— Что это значит?

Доктор Голд пристально поглядел на Робина.

— По-моему, все ясно.

Робин встал.

— Это бред!

Доктор сочувственно посмотрел на него.

— Я вас понимаю. Сегодня утром, в девять часов, я позвонил в Провиденс, в редакцию «Джорнэл». Они полистали подшивку за 1928 год — меня интересовали номера, вышедшие после Дня Благодарения, — и нашли заметку следующего содержания: «После анонимного звонка полиция, выбив дверь и войдя в квартиру, обнаружила там задушенную женщину и ее четырехлетнего сына, который спал, прижавшись к ее груди. Женщина была убита семью часами ранее. Она несколько раз обвинялась в том, что занимается проституцией, но ни разу не была признана виновной. По мнению полицейских, им звонил убийца, но найти его будет сложно, поскольку этого человека видел лишь ребенок, который не способен описать внешность преступника».

— Это все?

— Есть вторая заметка, опубликованная через два дня после первой: «Полиция показала ребенку фотографии нескольких сексуальных маньяков, но мальчик впал в коматозное состояние. Сейчас он находится в детском доме города Провиденс, Род-Айленд».

Робин подошел к окну.

— Значит, я — вовсе не я, а несчастный ублюдок по имени Конрад.

Повернувшись, он посмотрел на Арчи.

— Зачем вы так поступили со мной? Почему? Не лучше ли мне было не знать этого?

— Чтобы снова пойти к незнакомой проститутке и, возможно, убить ее? Вы не хотите иметь нормальные отношения с женщинами?

— Я мог бы держаться подальше от проституток. Я был вполне счастлив.

— Да? Сомневаюсь, что вам и впредь удалось бы избегать проституток. Мэгги своим поведением привела в действие некий механизм. Началась цепная реакция. Увидев проститутку, вы подсознательно испытали ярость, вызванную тем, что ваша мать покинула вас и вообще была «нехорошей женщиной». В вашей голове, как вы выразились, взорвалась бомба. Вы реализовали сон, в котором любовь смешана с ненавистью.

— Почему я должен испытывать ненависть? Ребенок, голос которого мы слушали, любил свою мать!

— Конечно, любил. Очень сильно. У него не было никого, кроме нее. Даже в детские годы он подсознательно понимал, что должен

ненавидеть, чтобы выжить. Но ненависть приносит страдания, поэтому он решил все забыть. Когда вы увидели проститутку, ненависть вышла из вашего подсознания наружу. При встрече с Мэгги под сознание тоже всколыхнулось, пробудив любовь. Ту любовь, которую вы испытывали к матери. Одновременно вы увидели в Мэгги красивую девушку, вызывавшую у вас физическое влечение. Ваше подсознание взбунтовалось. Поэтому перед тем как лечь с ней постель, вам приходилось напиваться. Когда вы трезвы, Мэгги ассоциируется в вашем подсознании с матерью.

— А теперь, когда вы мне все разъяснили, я смогу, выйдя отсюда, заниматься любовью с Мэгги?

— Все не так просто. В конце концов — да. После того, как вы научитесь понимать свои потребности, желания и обуславливающие их мотивы. Когда это произойдет, вы сможете заниматься сексом не только со светлокожими блондинками. Вы обретете способность любить и принимать любовь без всяких ограничений.

— Арчи, мне скоро исполнится сорок один год. В таком возрасте поздно менять личность. Наверно, мне будет проще и дальше при необходимости иметь дело со светлокожими блондинками.

Он опустил в кресло.

— Боже, я — это не я, а Китти мне не мать. Я не знаю, кто был моим отцом. Не знаю свою мать.

Робин засмеялся через силу.

— И я еще жалел Аманду! Я! Несчастный ублюдок! Я — Конрад?

— Вы — Робин Стоун. Человек — это не только его имя и фамилия. В вас живут тайные страхи Конрада. Освободитесь от них. Оставьте все хорошее, а плохое выбросьте.

— Что в нем плохого?

— Ненависть к своей настоящей матери.

— Да, она была замечательной женщиной, — усмехнулся Робин. — Мать Аманды хотя бы спала с одним человеком. Моя же — с кем попало.

— Она была несчастной немецкой девушкой, которая осталась одна в чужой стране. Очевидно, ее муж работал на бутлеггера. Когда его убили, хозяин сделал из нее проститутку. Не забывайте — она могла с самого начала избавиться от вас. Сдать в приют. Но она любила вас, хотела, чтобы вы жили с ней, копила деньги в надежде вернуться на родину. Она любила вас, Робин.

— Почему Китти молчала? — стиснув кулаки, спросил Робин. — Зачем заставила меня поверить в то, что я — ее сын?

— Вы пережили шок. Вышли из него с полной потерей памяти. Если бы вам сказали о том, что вас усыновили, страшные воспоминания могли вернуться. А вы бессознательно хотели их подавить. Возможно, ей посоветовали не говорить вам о том, что она усыновила вас.

Доктор заметил в глазах Робина холодный блеск.

— Слушайте, Робин, я не хочу, чтобы вы жалели себя. Вам очень повезло. У вас была любящая мать. И Китти скрывала правду, потому

что любила вас. Человек, который получил столько любви, не имеет права скользить по жизни, не отдавая ничего людям.

Робин встал.

— На мой взгляд, я не имею права скользить по жизни, не пытаюсь добиться чего-то.

— Что вы имеете в виду?

— Лайза знает правду — я понял это по некоторым произнесенным ею фразам. Китти, конечно, тоже все знает и беспокоится, что я стану извращенцем или сопьюсь. Считает меня слабым. Они убеждены, что мне нужна жена и дети в качестве якоря. Господь берег меня последние тридцать пять лет. Китти и Лайза втайне жалеют меня. Я не нуждаюсь в чьей-либо жалости. И мне не нужна жена. Мне не нужен ребенок. Мне никто не нужен. И вы тоже! Поймите это! Мне не нужен никто! Ни один человек ничего мне не дал — я все беру сам.

Он схватил пиджак и выбежал из кабинета.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Мэгги вытянулась на широкой кровати. Улыбнулась, услышав громкий баритон Адама, донесшийся из ванной. Сегодня ей надо хорошенько выспаться. Завтра — воскресенье. Адам обещал поработать с ней над новым сценарием. Вспомнив о нем, Мэгги испытала страх. Тот страх, который жил в актрисе с тех пор, как Карл Хайнц Брандт предложил ей сыграть главную роль в его очередной картине. Адаму легко говорить, что ей нечего бояться Брандта. Она трепетала от волнения. Карл Хайнц славился садистским отношением к актерам. Он унижал звезд, требуя от них невозможного. Мэгги отогнала от себя эти мысли и взяла свежий выпуск «Эстрады». Ей редко удавалось читать что-либо, кроме ежедневных газет. Их можно просматривать, пока тебе укладывают волосы или наносят грим. Репортеры светской хроники упрекали Мэгги в том, что она открыто живет с Адамом Бергманом в его пляжном домике. Они прознали, что когда-то она была миссис Хадсон Стюарт и обвиняли девушку в возмутительном пренебрежении общественным мнением. Однако внимание прессы лишь повысило ее акции. Она становилась известной личностью. А когда Карл Хайнц пригласил Мэгги исполнять главную роль, новый поток статей и заметок превратил актрису почти что в знаменитость.

Один общенациональный журнал назвал ее «Королевой дюн». На фотографиях она была изображена идущей с Адамом босиком по залитому лунным светом пляжу в Малибу. Она постоянно отвергала приглашения на престижные вечеринки, что также способствовало ее превращению в живую легенду. На самом деле ею владел страх. Мэгги нравилось жить с Адамом, работать и спать с ним. Никто из них не заговаривал о браке. Эта тема просто не обсуждалась.

Она думала об этом, листая «Эстраду». Дойдя до раздела, посвященного телевидению, Мэгги закурила сигарету и стала внимательно просматривать каждую статью. Она сравнивала рейтинги разных передач. Кристи Лейн вышел на первое место! «Хэппенинг» Робина попал в первую двадцатку.

Последний раз она получила от него весточку в феврале — он задумал «Хэппенинг», посвященный миру моды. В письме, отпечатанном на пишущей машинке, Робин предлагал ей гонорар размером в пять тысяч долларов и оплаченный «люкс» в «Плазе» за участие в шоу в качестве гостя и комментатора. Она отослала ответ на фирменном бланке «Сенчери», где объясняла, что ставка мисс Стюарт за участие в телепередаче составляет двадцать пять тысяч, но кино съемки не позволяют ей обсуждать вопрос о работе на ТВ. Под посланием Мэгги поставила подпись: «Джейн Бьяндо, секретарь мисс Стюарт».

Адам вышел из ванной с полотенцем на бедрах. Мэгги смотрела, как он причесывается. Она сказала себе, что ей очень повезло. Она обожает Адама. Тогда почему она так часто думает о Робине? Неужели она до сих пор хочет его? Да, черт возьми! Возможно, лучше всего это объяснил Элфи Найт. Он был влюблен в художника Гевина Мура, однако на протяжении съемок постоянно добивался близости с ней. Даже по окончании съемок продолжал звонить Мэгги. Однажды Найт сказал: «Дорогая, ты должна переспать со мной, чтобы я снова стал счастливым гомосексуалистом».

«Послушай, Элфи, ты же не влюблен в меня», — ответила Мэгги.

«Конечно, нет. Я обожаю Гевина. Он — любовь моей жизни. В этом сезоне. Но, дорогая, когда я работаю над картиной, я заставляю себя увлечься актрисой, исполняющей главную роль. Иногда по завершении съемок мне приходится скрываться от леди в Палм-Спрингсе. Но ты держала меня на расстоянии, и это желание стало преследовать меня».

Она рассказала об их разговоре Адаму, и он рассмеялся.

— Ты перед ним в долгу, в его последней картине ты выглядишь просто потрясающе. Неосуществленное желание — худший вид болезни. Оно тлеет внутри человека и не отпускает его.

— Ты хочешь сказать, что разрешаешь мне переспать с Элфи?

Мэгги хотела подразнить Адама.

— Конечно, если ты позволишь мне наблюдать за вами.

К своему удивлению, она позвонила Элфи и рассказала ему о предложении Адама. Элфи приехал к ним. Пока Мэгги и Элфи занимались любовью, Адам лежал на кровати рядом с ними. Больше всего Мэгги потрясло то, что она не испытывала стыда. Потом Элфи занимался любовью с Адамом. Все чувствовали себя легко и непринужденно. Потом они отправились на кухню жарить яичницу. И остались лучшими друзьями.

Похоже, Адам прав. Элфи был по-прежнему счастлив с Гевинем, а она не могла забыть Робина Стоуна. Мэгги верила, что они еще встретятся. Он опять накачается водкой — без этого у них ничего не выйдет. А когда он начнет кричать «Mutter, мама, мама...», она

поднимется с кровати и выльет ему на голову кувшин холодной воды. Тогда уж он потом не скажет, что ничего не помнит!

Адам прервал ее мысли, отбросив полотенце в сторону и шагнув к ней. Позанимавшись любовью, они помчались на лодке в океан. Потом вернулись домой. Мэгги заснула в объятиях Адама. Ей приснился Робин.

Они полетели в Сан-Франциско на предварительный просмотр картины. В зале Мэгги держала Адама за руку, а он невозмутимо поглощал кукурузные хлопья. Перед ними сидели Карл Хайнц и молодая актриса, исполнявшая роли инженеру. Несколько членов съемочной группы занимали места по другую сторону от прохода.

Мэгги внимательно смотрела фильм и пыталась объективно оценить свою игру. Она знала, что никогда еще не выглядела так великолепно — оператор поработал на славу. От ее глаз и распущенных волос было невозможно отвести взгляд. Наряды потрясали воображение. Адам считал, что она слишком худа, но для кино это было плюсом. Мэгги нервно задвигалась в кресле. Начинался большой эпизод с ее участием. Мэгги настороженно оглядела зрительный зал. Ее игра захватила публику!

Наконец музыка стихла, лента закончилась. Адам сжал ее руку. Идя с Мэгги по проходу, он зашептал: «Детка, ты стала отличной актрисой. Последняя сцена просто великолепна».

Они успели покинуть зал раньше основной массы зрителей и стали ждать Карла Хайнца. Наконец режиссер подошел к Адаму и Мэгги. Его лицо сияло. Он обнял Мэгги и поцеловал ее.

Спустя неделю Хай Мендел, агент Мэгги, встретил ее в баре отеля «Бевебли Хиллз». Когда они заказали напитки, он положил перед Мэгги новый контракт.

— Мы победили, дорогая! Когда боссы «Сенчери» прочитали рецензии на твою картину, они поняли, что неразумно заставлять тебя работать на прежних условиях — семьдесят пять тысяч за фильм. Я сказал им: «Джентльмены, у вас будет сниматься несчастная актриса. И что произойдет? Она не сможет полностью раскрыть свой талант. Вы погубите потенциальную кинозвезду. Как к этому отнесутся держатели акций?» Я добился своего! Посмотри на новые условия — по двести пятьдесят тысяч за каждую из двух картин и триста тысяч за третью, плюс двадцать процентов чистой прибыли!

Она, кивнув, отпила «Кровавую Мэри».

— Съемки новой картины начнутся не ранее февраля, — продолжал Хай. — Пятнадцатого января тебя ждут в костюмерном цехе.

— Пятнадцатого января! Прекрасно! Сегодня только десятое декабря!

— Точно. Мы устроили тебе небольшие каникулы.

Она недоверчиво посмотрела на Хая Мендела. Он усмехнулся.

— Ну, это не совсем каникулы. Скоро в Нью-Йорке состоится премьера «Неистойвой леди», и...

— «Неистойвой леди»?

Мэгги поморщила носик.

— Они остановились на этом названии?

— Прежнее — «Гендерсон» — автоматически выдвигает на первый план исполнителя мужской роли. А так картина становится твоей. Она улыбнулась.

— Верно. Так что я должна сделать?

— Пустяк. Съездить на премьеру в Нью-Йорк.

— Это означает интервью, выступления на ТВ, и ни единой минуты для себя.

— Вовсе нет. Премьера состоится двадцать шестого декабря. В Нью-Йорке ты должна появиться не ранее двадцать второго.

— А с двадцать второго декабря до премьеры у меня не будет ни одного свободного дня.

— Да, но до двадцать второго ты можешь делать что хочешь. Если ты пожелаешь отправиться в Нью-Йорк раньше и посмотреть какие-нибудь спектакли — пожалуйста, поезжай. Можешь задержаться там на неделю после премьеры... в любом случае у тебя будет время отдохнуть. Только к пятнадцатому января ты должна вернуться. Почему не полететь туда прямо сейчас? «Сенчери» все оплатит.

Она покачала головой.

— Наверно, я останусь на побережье и отдохну здесь. Хорошая погода пока что держится.

— Мэгги, — Хай сделал паузу, — я не хочу, чтобы ты жила с Адамом.

Она бросила на него удивленный взгляд.

— Всем известно, что я живу с Адамом.

— Почему вы не женитесь?

— Я не хочу.

— Тогда почему ты живешь с ним?

— Я плохо переношу одиночество. Я буду с ним до тех пор, пока...

Она замолчала.

— Пока не найдешь подходящего человека? Мэгги, тебе не приходило в голову, что ты никого не найдешь, пока не расстанешься с Адамом?

— Я уже нашла.

Хай посмотрел на нее, не скрывая своего удивления.

— Нашла четыре года назад, — добавила она, — но...

— Он женат?

Она покачала головой.

— Хай, не будем об этом. Я довольна работой, счастлива с Адамом.

— Мне шестьдесят лет, — медленно произнес Хай. — Мы с Родой женаты уже тридцать два года. Роде пятьдесят девять. Когда мы поженились, у меня был маленький офис на Сорок шестой Западной улице, а Рода преподавала в школе. Она оказалась двадцатисемилетней девственницей. В то время это считалось нормой. Сегодня ее сочли бы сумасшедшей. Нынче мужчина, который не изменяет своей жене, вызывает у людей улыбку. Так вот, я — один из таких чудаков. Возможно, в Роде двадцать лишних фунтов. Я тоже уже не тот, что прежде — последний раз мы спали с Родой два или три

года тому назад. Но мы довольны нашей жизнью. У нас взрослые дети и внуки, мы по-прежнему спим рядом и иногда, когда смотрим телевизор, держим друг друга за руку. Но теперь нас связывает иная любовь. Став ведущим голливудским агентом, я вдруг обнаружил, что в мою сторону поглядывают хорошенькие двадцатилетние девушки. Когда я находился в расцвете сил, подобные красотки не обращали на меня внимания. Вчера ко мне приходила одна крошка — я еще не видел такого тела. Она склонилась над моим столом, демонстрируя свой бюст. Но знаешь что? Каждое утро, бреясь, я смотрю не себя в зеркало и вижу лысого человека с большим животом. Может, у меня еще и получилось бы что-нибудь с этой блондинкой. Мы бы еще нашли чем заняться в постели. Но кого я бы этим обманул? Она переспала бы со мной не из-за моего профиля. Ей нужны мои связи. И я сказал себе: «Хай, зачем это тебе?» Я видел мужчин моего возраста, которые заводят молодых любовниц. Но, заметь, они не афишируют эти романы. Каждое воскресенье они ходят с женами в церковь. Понимаешь меня? Хочешь иметь что-то на стороне — пожалуйста, но соблюдай приличия. Не оскорбляй своим поведением детей и жену. Мэгги, у тебя нет детей, но есть публика; многие люди еще придерживаются таких же взглядов, что и я. Они не захотят платить три доллара, чтобы посмотреть на актрису, которая на виду у всех живет с мужчиной, не состоя с ним в браке.

— Я и так слишком долго соблюдала условности, — печально заметила Мэгги.

Хай тяжело вздохнул.

— Мэгги, что происходит с вашим поколением? Неужели я перестал вас понимать? Прощу тебя — выйди замуж за Адама или сними себе отдельный дом. Можешь спать с Адамом, бегать с ним по пляжу, но, пожалуйста, живите отдельно.

Она засмеялась.

— Хорошо, Хай, после Нью-Йорка я переберусь в этот отель. А вы постарайтесь подыскать квартиру для меня.

— Так получилось, что мне случайно подвернулась свободная квартира в Беверли Хиллз. Четыреста долларов в месяц. Поехали. Я покажу ее тебе.

Мэгги посмотрела квартиру. Она идеально подходила для нее. Там были просторная гостиная, кухня, огромная спальня, кабинет. Домовладелец вручил Мэгги уже оформленный договор. Мэгги засмеялась, поняв, что Хай выбрал квартиру еще до их разговора. На следующий день Адам помог ей переехать. Он остался в доме на берегу океана писать сценарий.

Прожив два дня в новой квартире, Мэгги почувствовала себя неуютно. На следующей неделе Адам улетал на съемки в Аризону. Она останется совсем одна. Мэгги позвонила Хаю и сказала ему, что готова вылететь в Нью-Йорк для участия в презентации своей картины.

Адам отвез ее в аэропорт. Там Мэгги сфотографировал рекламный агент. Потом они направились в бар.

Съемки продлятся
впереди к тебе. На по
Глядя на самолеты,
Мэгги произнесла:
— Ты помнишь сло
Он улыбнулся.
— Скажи ему, что
пожениться, Мэгги. М
— Мое не нужен ин
— О, ты хочешь,
дальней?
— Нет, но я не
мебель. Хочу, чтобы
— Ты не закры
с Элфи.
— Неужели ты н
Он пристально п
— Не говори ер
фи. Теперь ты начи
вает. То, что было
брак.
Он принял мол
— Мы пожени
сообщение для пр
Она отдернула
— Не смей эт
Ее глаза серд
— Я не соби
вид, будто работ
есть кое-что ещ
лежностью к арт
молодой режис
травку и спит с
Адам помра
— Когда ты
пальцами. — У
— Может
— Желая
В нью-йор
пресс-агент «
блицами. Сид
лимузину, за
газетчики за
ка, и автом
— Пусть
Вы можете
— Что

— Съёмки продлятся три месяца, — сказал он. — Когда я вернусь, я перееду к тебе. На побережье в марте будет ужасно холодно. Глядя на самолеты, которые заправляли топливом на летном поле, Мэгги произнесла:

— Ты помнишь слова Хая?

Он улыбнулся.

— Скажи ему, что я тоже вполне порядочный еврей. Мы можем пожениться, Мэгги. Мне кажется, у нас все будет хорошо. Надеюсь, ты позволишь мне иногда встречаться с другими дамами.

— Мне не нужен такой брак, — медленно произнесла она.

— О, ты хочешь, чтобы все было, как принято у вас в Филадельфии?

— Нет, но я не желаю быть частью брака — как квартира и мебель. Хочу, чтобы ты ревновал меня.

— Ты не закрывала глаза, когда мы развлекались в постели с Элфи.

— Неужели ты не понимаешь — то была не настоящая я.

Он пристально посмотрел на нее.

— Не говори ерунду, Мэгги. Это ты занималась любовью с Элфи. Теперь ты начинаешь объяснять мне, какой брак тебя устраивает. То, что было тогда в доме на побережье, — это и есть наш брак.

Он принял молчание Мэгги за знак согласия и взял ее за руку.

— Мы поженимся, когда я вернусь из Аризоны. Сегодня сделаю сообщение для прессы.

Она отдернула руку.

— Не смей этого делать!

Ее глаза сердито вспыхнули.

— Я не собираюсь бросать свою жизнь к твоим ногам и делать вид, будто работа актера — это искусство! Это бизнес! Но в жизни есть кое-что еще. Нечего оправдывать извращения своей принадлежностью к артистическому миру! Мне нужен муж, а не блестящий молодой режиссер, который для вдохновения иногда покуривает травку и спит с мальчиками.

Адам помрачнел.

— Когда ты успокоишься, не вздумай извиняться. — Он щелкнул пальцами. — У нас все кончено.

— Может быть, у нас ничего и не было, Адам.

— Желаю удачи.

В нью-йоркском аэропорту «Кеннеди» Мэгги встретил Сид Гофф, пресс-агент «Сенчери Пикчерс». Фоторепортеры засверкали своими бликами. Сид взял багаж Мэгги и повел ее к длинному черному лимузину, заказанному студией. Пока вещи укладывали в машину, газетчики забросали Мэгги вопросами. Мелькнула последняя вспышка, и автомобиль тронулся. Мэгги откинулась на спинку сиденья.

— Пусть эта суeta вас не обольщает, — мрачно сказал Сид Гофф. — Вы можете не попасть в газеты.

— Что вы имеете в виду? — спросила Мэгги.

— Следующим рейсом прилетает Диана Уильямс. Похоже, завтра ее фотографии займут все газетные полосы.

— Она, кажется, снимается в телевизионном сериале, — сказала Мэгги.

— Диана внезапно отказалась от него ради участия в бродвейском шоу. Аик Риан подписал с ней контракт. В феврале начинаются репетиции.

Мэгги улыбнулась.

— Не беспокойтесь. Студии требуется внимание прессы лишь в день премьеры.

— Это вы так полагаете, — печально сказал Сид. — Если завтра ваши фотографии не появятся в газетах, я и без телефона услышу доносящиеся из Калифорнии вопли. Вам предстоит появиться на телеэкране — вы дадите интервью.

Он извлек из кармана листок с расписанием мероприятий, участвовать в которых должна была Мэгги.

— Затем вы сможете пожить в Нью-Йорке до четырнадцатого января за счет «Сенчери». Мы забронировали «люкс» в «Плазе» до двадцать шестого. Если вы решите остаться, сегодня же предупредите администрацию гостиницы.

Она просмотрела расписание, врученное ей Сидом.

— Кошмар, — сказала Мэгги. — Даже в рождество я буду занята — должна присутствовать на двух приемах.

— Джон Максвелл владеет большим количеством акций «Сенчери». Его квартира, расположенная на двух этажах Ривер-Хаус, будет набита влиятельными бизнесменами, но он любит знаменитостей и, несомненно, захочет видеть вас у себя. Вам обязательно следует побывать в «Форуме» — там соберется вся пресса. Этот прием Аик Риан устраивает в честь Дианы Уильямс.

— Я не хожу на приемы, — заявила Мэгги.

Сид Гофф уставился на нее так, словно он не поверил своим ушам.

Несколько минут они ехали молча. Затем Сид заговорил.

— Мисс Стюарт, ваш агент обещал «Сенчери», что вы примете участие в презентации фильма и поможете привлечь к нему внимание прессы. Речь идет о картине Карла Хайнца Брандта, которую он снял для «Ливинг Арт Продакшн». «Сенчери» намерена использовать эту вашу поездку в своих интересах. Они хотят сделать из вас звезду.

— Я это понимаю, — медленно произнесла Мэгги. — Я согласилась дать несколько интервью и выступить по телевидению. Но я никому не обещала посещать приемы для держателей акций. Если мистер Максвелл хочет видеть меня, это обойдется ему в двадцать пять тысяч.

Сид Гофф, подавшись вперед, принялся разглядывать свои туфли.

— О'кей, мисс Стюарт, возможно, тут вы правы. Вы не обязаны идти к Максвеллу. Но на приеме в честь Дианы Уильямс будет много представителей прессы. Пойдите хотя бы туда.

Она заметила озабоченность на лице Сиды и сдалась. Это его работа, и потом, ее появление на приеме в честь Дианы Уильямс, дей-

ствительно способно принести пользу. Но уж к Максвеллу она точно не пойдет.

Поскольку до начала серии интервью Мэгги располагала четырьмя свободными днями, она пригласила в Нью-Йорк своих родителей. Она обеспечила их билетами в театры. Сид Гофф заказывал столы в ресторанах, лимузины, сдерживал поклонников. Отец и мать Мэгги вернулись в Филадельфию за день до рождества, потрясенные той известностью, которую обрела их дочь.

В день рождества Мэгги захлестнуло чувство одиночества. В ее номере стояли маленькая елка, купленная родителями, и горшочек с чахлым цветком — подарок от «Сенчери». Бесконечные рождественские песни только усугубляли ее тоску. Мэгги почти радовалась предстоящему приему в «Форуме» — у нее появится повод покинуть гостиничный «люкс».

Сид Гофф позвонил ей в пять часов.

— Мы должны провести там один час, — сказал он. — А потом вы можете поехать к своим друзьям и делать, что хотите.

— А что будете делать вы, Сид? — спросила она.

— То же самое, что и вы — отправлюсь к людям, которые мне действительно симпатичны. К жене и ее родным. Они пригласили меня на обед.

«Форум» был переполнен. Фотовспышки ослепили Мэгги. Пресс-агент Айка Риана попросил ее сфотографироваться с Айком и Дианой Уильямс. Диане еще не могло исполниться сорок лет, однако вид у нее был измученный. Худоба Дианы бросалась в глаза, а искусственная жизнерадостность актрисы граничила с истерикой. Она казалась слишком счастливой и экзальтированной. В руке Диана держала бокал с джином, слегка подкрашенным апельсиновым соком. Мэгги подошла к ней. Они обменялись дежурными комплиментами. Рядом с Дианой Мэгги чувствовала себя очень молодой и здоровой. Она испытывала к ней сочувствие. Диана находилась в центре внимания, но очертания людей расплывались перед ее усталыми глазами.

Идя мимо бара к выходу, Мэгги столкнулась с рослым мужчиной с бронзовым загаром на лице. Он изумленно уставился на нее. Потом улыбнулся. Мэгги не поверила своим глазам. Робин Стоун на рождественском вечере в честь Дианы Уильямс!

Его удивление тотчас сменилось радостью.

— Здравствуй, звезда!

— Здравствуй, Робин.

Она заставила себя сдержанно улыбнуться.

— Мэгги, ты чудесно выглядишь.

Сид Гофф тактично отошел в сторону, но Мэгги знала, что он мечтает об обеде в семейном кругу.

— Я ухожу, — сказала она Робину. — У меня сегодня еще много дел.

Он понимающе усмехнулся.

— Я тоже здесь по необходимости. Попытаюсь уговорить Диану Уильямс выступить в моем «Хэппенинге». Это потрясающая идея. Я сниму репетицию без декораций, затем прогон в костюмах и

премьеру в Нью-Йорке. Возьму интервью у Дианы, Айка и других участников шоу.

Он замолчал.

— Извини, Мэгги, это все ерунда. Я ужасно рад тебя видеть. Мэгги засмеялась. Повернувшись, она посмотрела на Диану.

— Считаешь, она еще на что-то способна?

На лице Робина появилось странное выражение.

— Вот уж не думал, что ты станешь оценивать актрису по голливудским меркам. Диана, находясь в своей худшей форме, способна заткнуть за пояс большинство голливудских звезд. Она начинала свою карьеру почти двадцать лет назад на Бродвее семнадцатилетней девчонкой. Диана стала звездой без помощи кинооператоров и пресс-агентов.

— Теперь мне действительно пора уходить, — сухо произнесла Мэгги.

Он взял ее за руку.

— Великолепное начало. Что с нами происходит?

Робин улыбнулся.

— Поговорим о более важных вещах. Когда я смогу тебя увидеть?

— Не знаю.

В улыбке, появившейся внезапно на лице Мэгги, таился вызов.

— Завтра состоится премьера моего нового фильма. Может быть, ты пожелаешь увидеть, что способны сделать кинооператоры и пресс-агенты. Пойдешь со мной?

— Не люблю смотреть кино, сидя в зале с черным галстуком на шее. Предпочитаю делать это дома, перед телевизором, с пакетом кукурузных хлопьев в руке. Как насчет послезавтра?

Она равнодушно посмотрела на Робина.

— Никогда не загадываю так далеко.

Их глаза встретились. Затем лицо Робина озарила знакомая усмешка.

— О'кей, дорогая, ради тебя я отказываюсь от кукурузы. Куда и в какое время за тобой заехать?

— Встретимся в восемь в «Плазе». Фильм начинается в половине девятого, но сначала пройдет его презентация для телевидения. К сожалению, я должна там быть.

— Значит, в восемь.

Вернувшийся пресс-агент направился с Мэгги к двери. Робин проводил ее взглядом и направился к Диане Уильямс.

Без пяти минут восемь она занервничала. Волноваться смешно, говорила себе Мэгги. Робин — джентльмен. Он не подведет ее. Он и не обещал прибыть раньше восьми. Без трех минут восемь Мэгги спросила себя, не пора ли позвонить Сиду Гоффу и попросить его сопровождать ее на премьеру.

Телефон зазвонил ровно в восемь. Робин был в вестибюле. Мэгги еще раз посмотрела на себя в зеркало. Ему, наверное, не понравится, как она выглядит: на ней было белое платье, расшитое бисером (она

взяла его напрокат на студии) и белое норковое манто (тоже собственность кинокомпании). Накладные волосы свободно падали на спину, доходя до ее середины — студийный парикмахер прибыл в «люкс», чтобы воссоздать прическу, запечатленную в фильме. Это безумие, подумала Мэгги, у меня тонна собственных волос. Крупные серьги с бриллиантами и изумрудами (также взятые напрокат и застрахованные) казались Мэгги излишне броскими.

Когда Мэгги вышла из лифта, Робин встретил ее улыбкой. Потом одобритительно кивнул головой. Они молча пробрались сквозь толпу поклонников, щелкавших фотоаппаратами и просивших автографы. Сев в лимузин, Мэгги откинулась на спинку сиденья, затем быстро подалась вперед.

— Господи, я потеряю мои волосы.

Робин рассмеялся вместе с Мэгги.

— Мне показалось, они отросли со вчерашнего дня.

— Слишком длинные? — неуверенно спросила она.

— Все великолепно, — сказал он. — Считай, что ты идешь на костюмированный бал. Это на самом деле маскарад. Ты изображаешь из себя кинозвезду. Играй эту роль до конца и без стеснения.

Возле кинотеатра образовалась пробка. Они простояли пятнадцать минут, пока дамы в бриллиантах высаживались из прибывших ранее лимузинов. Женщины в мехах приходили в ярость, если толпа не узнавала их. Мэгги разглядывала актрис из машины. Деревянные ограждения и полиция сдерживали толпу. На другой стороне улицы стоял грузовик с включенным прожектором. Тротуар был устлан красным ковром. Фоторепортеры в смокингах производили странное впечатление. Когда автомобиль Мэгги остановился у подъезда, пресса устремилась к нему. Ликующая толпа прорвала полицейское оцепление. Люди протягивали руки, стремясь коснуться белого меха, они кричали: «Мэгги, Мэгги...» Сид Гофф и второй пресс-агент своими телами защищали Мэгги. Она поискала глазами Робина. Он исчез. Мэгги рассердилась. Ее подтолкнули к высокому человеку, державшему в руке микрофон. Мелькали вспышки. Кто-то направил на нее прожектор. Заработала телевизионная камера. Господи, где же Робин?

Наконец Сид Гофф помог ей пробраться в фойе. Робин уже ждал Мэгги с сочувственной улыбкой на лице. Взяв актрису под руку, он повел ее в зал мимо элегантно одетых людей, стоявших в фойе и разглядывавших друг друга. Это словно послужило командой для публики занимать свои места. Она поспешно хлынула в зал. Погас свет, зазвучала музыка, на экране поплыли титры.

Когда началась финальная сцена, Сид Гофф появился в проходе и кивнул Мэгги. Пригнувшись, они с Робинем выбрались из зала и сели в машину в тот момент, когда возбужденная толпа повалила из дверей кинотеатра.

Робин взял Мэгги за руку.

— Ты была великолепна. А теперь скажи мне — у тебя еще есть сегодня дела или ты свободна?

— Меня ждет ужин с шампанским в отеле «Американа».

— Ну конечно.

Они оба рассмеялись. Внезапно перспектива сидеть в ярко освещенном ресторане с Карлом Хайнцем, исполнителем главной роли и его женой, а также снова позировать фоторепортерам показалась Мэгги невыносимой.

— Я не пойду,— внезапно сказала она.

— Умница. Как насчет «Дубовой комнаты» в твоём отеле?

— У меня есть идея получше. Серьги надо убрать в сейф, к тому же, если я не сниму эти волосы, у меня разболится голова. Может быть, я надену джинсы и мы отправимся в «Пи. Джи.»?

— Ты — самая гениальная девушка на свете. Но я тоже хочу сбросить с себя этот наряд. Сделаем так — я отвезу тебя в отель и оставлю там машину. Переодевшись, ты спустишься вниз и заедешь за мной.

Через двадцать минут Мэгги снова сидела в автомобиле. На ней были джинсы и белый пиджак спортивного покроя. Пока лимузин ехал к дому Робина на Ист-Ривер, Мэгги нервно курила, надев темные очки. Робин уже стоял у подъезда. Он быстро подошел к машине. Робин был в белом свитере и серых брюках. Сев рядом с Мэгги, он произнес:

— Даже в «Пи. Джи.» слишком многолюдно. Как насчет «Улана»?

Она кивнула. Водитель свернул в сторону Пятьдесят четвертой улицы. В баре сидела лишь одна пара. Молодые люди пили пиво, держась за руки. Робин заказал виски для Мэгги, мартини для себя и два больших бифштекса.

Затем он отвел Мэгги к дальнему столику. Поднял свой бокал:

— Эта картина принесет тебе успех, Мэгги.

— По-твоему, я справилась с ролью?

— Скажем так — ты убедишь критиков в том, что способна играть.

— А ты, похоже, так не считаешь?

— Какое это имеет значение?

Она улыбнулась.

— Мне любопытно.

Он задумчиво поджал губы.

— По большому счету, дорогая, ты не актриса. Но это не имеет значения — на экране ты выглядишь божественно. Тебя ждет большое будущее.

— Ты веришь в то, что есть такое понятие — качества звезды? Я только об этом и слышу.

— Да. Звезда должна быть гением или сумасшедшей.

— Тогда, возможно, я подхожу на эту роль.

Он рассмеялся.

— Я имею в виду не умственную, а эмоциональную гениальность. Безумие граничит с гениальностью и, слава Богу, что ты альна и безумна. Кажется, я не встречал психически нормальных гениев.

Он подался вперед и взял Мэгги за руки.

— Слава Богу, что ты просто красивая женщина, которой крепко повезло в жизни. Но ты не сумасшедшая. О такой, как ты, мечтает каждый мужчина.

Она, затаив дыхание, ждала продолжения, которое повергнет ее с небес на землю. Но их глаза встретились, и Робин не улыбнулся.

Они покинули бар в час ночи.

— У тебя завтра много дел? — спросил он.

Она покачала головой.

— Я теперь свободна.

Робин искренне обрадовался.

— До какого числа ты пробудешь в городе?

— До четырнадцатого января, если захочу.

Автомобиль остановился перед «Плазой». Робин серьезно посмотрел на Мэгги.

— Я этого хочу. Пообедаем завтра вместе?

— С удовольствием, Робин.

Он с нежностью поцеловал ее и проводил до лифта.

— Я позвоню тебе до полудня. Спокойной ночи.

Двери лифта закрылись.

Телефон зазвонил в одиннадцать. Мэгги не сразу сняла трубку. Это, очевидно, был Робин. Она хотела окончательно прогнать сон. Портье бесстрастным тоном спросил ее, когда она уезжает.

— Я еще остаюсь, — сердито сказала Мэгги.

Бросив трубку, она накрыла аппарат подушкой. Она постарается снова уснуть. Мэгги не хотела вставать до звонка Робина. Но до нее снова донеслась приглушенная трель. На этот раз звонил помощник управляющего.

Его ровный голос звучал виновато.

— Мисс Стюарт, ваша бронь заканчивается сегодня. Нам сказали, что вы заранее предупредите нас, если пожелаете продлить срок пребывания в гостинице. К сожалению, в «Плазе» нет свободных номеров. Если бы вы...

Мэгги полностью проснулась. Господи, она забыла. Придется искать другую гостиницу. Помощник управляющего обещал найти отель, где есть свободные номера. Через пять минут он снова позвонил Мэгги.

— Мисс Стюарт, ситуация напряженная. «Ридженси», «Пьер», «Сент-Реджис», «Наварро», «Хэмпшир Хаус» заполнены до отказа, нет ни одного свободного номера, не говоря уж о «люксе». Я не звонил в отели для коммивояжеров, поскольку не знал, устроит ли вас это.

— Большое спасибо. Я обращусь за помощью в «Сенчери».

Она набрала номер Сиды Гоффа. Выслушав Мэгги, пресс-агент расстроился.

— Мэгги, я же просил вас предупредить их. Ладно, попробую что-нибудь сделать.

Робин позвонил, когда Мэгги собирала вещи. Она объяснила ему ситуацию.

— Похоже, в конце концов я попаду куда-нибудь в Бруклин. Сид Гофф еще не звонил. Если уж у него ничего не выйдет, значит, дела совсем плохи.

— Пусть он не беспокоится, — сказал Робин. — Я решу этот вопрос.

Через двадцать минут он позвонил из вестибюля и велел Мэгги отправить чемоданы вниз.

У подъезда стоял лимузин. Когда они сели в него, Робин сообщил водителю свой адрес. Мэгги с любопытством посмотрела на Робина.

— Это не «Ридженси», — сказал он. — Но горничная каждый день делает уборку. Квартира вполне комфортабельна даже для такой звезды, как ты. Я поживу в клубе.

— Робин, я не могу злоупотреблять твоей добротой.

— Это мое собственное решение.

Квартира ей понравилась. Невольно взгляд Мэгги устремился к огромной кровати. Интересно, сколько женщин спало тут, подумала она. Робин протянул ей ключ.

— Чувствуй себя, как дома.

Он указал рукой на бар.

— В качестве платы за жилье можешь взять на себя обязанности бармена. Если хочешь быть моей девушкой, научись делать мартини с водкой. Рецепт прост — три унции водки и немного вермута. Я люблю оливки.

Она послушно направилась к бару.

— Мэгги! — засмеялся Робин. — Еще только полдень. Я имел в виду вечер.

К семи часам она приготовила мартини. Купила два бифштекса и замороженный аспарагус. Пообедав, они сели на диван смотреть телевизор. Робин держал Мэгги за руку. Когда начался одиннадцатичасовой выпуск новостей, он сходил на кухню и принес две банки пива. Затем произнес:

— Это твоя квартира. Скажешь, когда мне пора уходить.

— Ты уйдешь, когда захочешь.

Он привлек Мэгги к себе.

— Я не хочу уходить.

Робин поцеловал ее. Ну же, сказала себе Мэгги, а теперь про-
изнеси: «Я сегодня не в настроении, меня не тянет к тебе!» Но она
прильнула к нему, ответила на его поцелуй. Они перебрались на
огромную кровать. На этот раз он был нежен без помощи водки.
Во время оргазма Робин не закричал «мама», а Мэгги не вылила
ему на голову кувшин холодной воды.

Пять следующих дней показались им сказкой. Каждый вечер
они где-нибудь обедали. Иногда совершали длительные прогулки.
Один раз посмотрели двухсерийный фильм в ближайшем кинотеатре.
Ночью занимались любовью и засыпали в объятиях друг друга.

Мэгги вспоминала эти дни, глядя на спящего Робина. Поднявшись
с кровати, она поставила на плиту кофейник. Увидела в окне серую
воду Ист-Ривер. Она никогда не была так счастлива. У нее еще есть
четырнадцать дней. Но почему только четырнадцать дней — почему
не вся жизнь? Робин, несомненно, влюблен в нее. Они никогда не
обсуждали то ужасное утро в Майами; она чувствовала, что это —
запретная тема. Ему было хорошо с ней, он наслаждался ее обще-
ством — наверно, ей следует проявить инициативу. Ну конечно! Разве
может он предложить ей отказаться от карьеры? Она должна дать
ему понять, что впервые в жизни по-настоящему счастлива.

— Как мрачно выглядит река в пасмурное утро.

Робин стоял у нее за спиной. Он наклонился и поцеловал Мэгги
в шею.

— А вообще-то и в ясный день Ист-Ривер не очень-то красива.
Солнце, похоже, лишь подчеркивает ее недостатки. Эти грязные
маленькие острова, баржи.

Мэгги повернулась и обняла его.

— Это чудесная река. Робин, я хочу выйти за тебя замуж.

Он немного отстранился. На его лице появилась улыбка.

— Замечательное начало года.

— У нас все получится, Робин, вот увидишь.

— Возможно. Но не сейчас...

— Если ты беспокоишься о моей карьере, то я все обдумала.

Робин, улыбаясь, взял чашку кофе.

— Я сварю яйца, — быстро сказала она. — Тут есть апельсино-
вый сок.

— Ты входишь в роль жены, — насмешливо заметил Робин. Затем
он унес чашку кофе в спальню. Мэгги осталась на кухне. Села за
маленький столик, уставилась на реку и отпила кофе. Что ж, он не
сказал «нет». Однако и большого энтузиазма не проявил.

Через десять минут Робин вернулся. Она удивленно посмотрела на него. Он был в свитере, а в руке держал пальто.

— У меня есть дела, я приду через час.

Наклонившись, он поцеловал ее волосы.

— Дела — первого января?

— В моем кабинете лежит пленка, которую надо смонтировать. Мне лучше работается, когда в студии никого нет. Не хочу тебя насилловать, Мэгги — ты способна в пять часов отправиться со мной на «яичный коктейль»?

— «Яичный коктейль»?

— У миссис Остин. Она приглашает меня третий год подряд. В прошлом году я хотя бы известил ее телеграммой о том, что не смогу прийти. Но на сей раз надо быть там.

— Робин, я уже отправила назад весь мой гардероб. Он был взят напрокат. Я жила в пляжном домике. Все, что у меня осталось, — это джинсы и несколько черных платьев.

— Мне нравится, когда девушки путешествуют налегке. Черное платье подойдет.

— Но оно шерстяное...

— Мэгги...

Он подошел к ней и погладил по щеке.

— Ты выглядишь превосходно в чем угодно. А теперь отправляйся на кухню мыть посуду.

Робин покинул квартиру.

Было холодно, но он решил пройтись пешком. Арчи Голд сегодня не работал, но Робин проявил настойчивость. Он был уверен, что Мэгги не слышала их разговор — кухня находилась в другом конце квартиры, и Робин говорил тихо.

Он прибыл в кабинет врача почти одновременно с Арчи.

— Робин, я не прихожу сюда в выходные ради моих обычных пациентов. Полтора года назад вы отказались от моей помощи, а сегодня вдруг звоните и заявляете, что я вам срочно нужен.

Робин опустился в кресло.

— Я нуждаюсь в вашем совете. Мэгги Стюарт в Нью-Йорке. Она живет у меня. Все чудесно.

Арчи закурил трубку.

— Значит, проблем нет.

— Черта с два! Она хочет выйти за меня замуж.

— Большинство девушек хочет выйти замуж.

— Из этого ничего не выйдет. Брак — это не только общая постель. Особенно для такой девушки, как Мэгги. За последние пять дней она рассказала мне о себе все. Я узнал о ее первом браке, об отношениях с Парино, о парне из Калифорнии, о пляжном домике. Она выложила мне все.

— А вы?

— Я ее слушал. Не раскрывая рта. Что я мог сказать? «Знаешь, я вовсе не Робин Стоун.»

— Это ваше законное имя.

— Конечно. Только где-то внутри меня сидит маленький ублюдок Конрад. Он — это тоже я. А Мэгги хочет детей... хочет иметь настоящую семью.

Внезапно Робин стукнул кулаком по столу.

— Черт возьми, Арчи! До встречи с вами все было отлично — я получал удовольствие от секса, нормально функционировал!

— Вы функционировали как машина. Теперь Конрад борется за свое «я». Человек, внутри которого притаился Конрад, был мертвым — он не испытывал эмоций. Вы сами это признали. И вот впервые вас раздражают противоречивые чувства. Это хороший симптом: вы испытываете эмоции, волнуетесь. Это нормально.

— Мое прежнее состояние нравилось мне больше нынешнего. Уходя от вас в прошлый раз, я сказал вам, что моя цель — добиться чего-то в жизни. И я сделаю это. Но мне не нужен Конрад! Я хочу забыть его!

— Робин, почему бы вам не съездить в Гамбург?

— А что мне там делать?

— Вам известна фамилия вашей матери. Поищите ее родных — может быть, ваше происхождение удивит вас.

— Мать Конрада была шлюхой! — выпалил Робин.

— Она стала ею. Чтобы прокормить Конрада. Возможно, вы еще будете гордиться вашим первым именем!

Робин встал.

— Как вы не понимаете — я не желаю знать Конрада. Не хочу волноваться за судьбу Мэгги Стюарт. Не хочу скучать по ней, когда она улетит на Западное побережье. Не хочу по кому-то скучать и нуждаться в ком-то! Прежде со мной такого не было... и не будет впредь.

Доктор Голд поднялся с кресла.

— Робин, не убегайте от себя! Неужели вам не ясно, что происходит? Вы начали отдавать себя. Соединили любовь с сексом. Этот опыт взволновал вас. Это нормальное явление. Не бойтесь его. Конечно, вы еще столкнетесь с проблемами. Но в тот день, когда вы скажете какому-то человеку, что он вам нужен, вы станете здоровой и цельной личностью. Этим человеком будет Мэгги. Не избегайте ее, Робин.

Но Робин уже хлопнул дверью.

Он пешком вернулся к себе домой. В душе у него было пусто. Робина охватило странное спокойствие. Мэгги, надев черное

платье, сидела в гостиной. Робин с любопытством посмотрел на девушку.

— Который час? — спросил он.

— Половина пятого.

Он улыбнулся, но глаза его оставались холодными.

— Тогда сними платье. У нас еще целый час в запасе.

Он повел ее в спальню, и они стали заниматься любовью. Потом он посмотрел на Мэгги с загадочной улыбкой на лице. Робин был доволен собой.

— Милая моя, ты и не знаешь, — произнес он, — что сейчас тебя любил Робин Стоун, и все было прекрасно.

— Как и всегда, — тихо заметила она.

— Сегодня кое-что изменилось.

Шлепнув Мэгги по ягодицам, Робин добавил:

— Вставай, детка, нас ждут на «яичном коктейле».

Часть
третья

ПИШЖИ

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Джудит Остин вылезла из ванны. Посмотрела на свое тело, отражающееся в зеркальных стенах... внимательно оглядела себя со всех сторон. Она была тоненькой, как тростинка, но все равно соблюдала строгую диету. В пятьдесят легко располнеть. Везучая Конни постоянно катается на горных и водных лыжах; ее тело остается твердым, как скала. Жаль, что она сейчас далеко. Конни вернулась в Италию, чтобы провести рождество с князем и детьми. Бесконечная череда приемов и вечеринок. Ее титул производил на всех впечатление. Джудит тряхнула ногой перед зеркалом. Да, бедра становились дряблыми. У Конни были крепкие бедра. Наверно, ей, Джудит, следует заняться спортом. Но солнце и ветер портили кожу сестры. Джудит приблизилась к зеркалу. Тонкие морщинки были только около глаз. При благоприятном освещении ей можно было дать лет тридцать восемь, возможно, даже тридцать шесть. Она открывала список наиболее элегантных женщин и до сих пор считалась одной из известнейших красавиц Нью-Йорка. Последний приезд Конни привлек дополнительное внимание прессы к «самым эффективным двойняшкам мира».

Любит ли Конни сейчас Витторио? — подумала Джудит. Сев на стул, она начала вытирать полотенцем свое тело. Внезапно осознала: за последние три года в ее жизни не было ни одного романа. Три года тому назад она порвала с Чаком.

Они познакомились летом в Куоге. Чак был двадцативосьмилетним блондином, профессиональным игроком в гольф. Все началось с нескольких уроков, которые она решила взять у него. Он держал ее руками за талию, чтобы она не поворачивала корпус при ударе. «Работают только руки, миссис Остин». Их глаза встретились. Грегори навещал ее в дни уик-эндов. Джудит собиралась перевести Чака в клуб, находящийся в Палм-Бич. Все было чудесно, пока он не заявил: «Джудит, кажется, из меня вышел бы прекрасный спортивный телекомментатор вроде Джимми Демарета или Кэри Мидлкоффа». Эта фраза насторожила миссис Остин, но Джудит заставила себя выбросить ее из головы.

Он устроился на работу в Палм-Бич. Джудит приехала туда второго января. Три недели все было замечательно. Грегори оставался в Нью-Йорке, и каждый вечер Чак проникал в ее дом через боковую дверь. Затем он повторил свою идею насчет ТВ. Джудит преднамеренно уклонилась от ответа. Он пожал плечами: «Тогда, пожалуй, я уеду на серию турниров».

Что ж, это интересный вариант. Она сможет иногда выезжать к нему. Чак перечислил турниры, в которых он хотел участвовать.

Конечно, ему придется в течение месяца ежедневно тренироваться. Мне понадобятся десять или пятнадцать тысяч», — добавил Чак.

Она посмотрела на него.

— Десять или пятнадцать тысяч чего?

— Долларов. Эта плата за участие в турнирах. Если я получу приз, я верну тебе деньги.

Так закончился их роман. После этого вечера она даже не разговаривала с ним по телефону.

Впервые мужчина, встречаясь с ней, преследовал корыстную цель. С тех пор прошло три пустых года. В ее жизни был лишь один Грегори. Джудит любила мужа, но не была влюблена в него. А влюбленность — это единственное, что придает жизни смысл. Если бы не Конни, она никогда бы не вышла замуж за Грега.

Очаровательные близняшки Логан: Джудит и Консуэло. Дочери Элизабет и Корнелиуса Лога. Эффектные родители, красивые дочери, великолепная родословная. Они имели все, кроме денег. Джудит никогда не забудет их «бедность». Каким-то образом Логаны всегда умудрялись жить в отличной квартире; сестры учились в престижной школе и хотя ходили слухи, что Корнелиус Логан обанкротился, все знали, что его мать по-прежнему владеет большим состоянием. Бабушка Джудит и Конни оплачивала большой бал, устроенный по случаю их светского дебюта. Она также финансировала первую поездку девушек в Европу. Тогда им было по двадцать одному году. Конни познакомилась с Витторио. А Джудит вернулась домой с пустыми руками.

Она познакомилась с Грегори Остином, когда ей было двадцать шесть лет. Она видела его фотографии в газетах и знала, что он встречается с киноактрисами, светскими женщинами и дебютантками. Он был тридцатилетним холостяком и владел радиостанцией. Грегори хвастался отсутствием образования: «Я не закончил школу, но разбираюсь в биржевых вестях лучше Бернарда Баруха». Он начал агентом на Уолл-Стрит. Воспользовавшись спадом, он сыграл на понижение и сделал свой первый миллион. Приобрел на эти деньги маленькую радиостанцию к северу от Нью-Йорка. Покупал акции по минимальной стоимости, продавал их, когда цены поднимались. Каждый раз, получая новые деньги, становился владельцем еще одной радиостанции. В тридцать лет создал телекомпанию «Ай-Би-Си». Дерзкие манеры и вызывающее поведение Грегори сделали его колоритной фигурой. Его высказывания цитировались прессой. Он любил женщин, но до встречи с Джудит Логан не собирался жениться. Возможно, его задело равнодушие Джудит. Грегори всегда стремился к недостижимому.

Он проявил настойчивость, и Джудит встретила с ним несколько раз. С удивлением увидела свое имя в колонках светской хроники. Изумилась, обнаружив, что ее близкие подруги стали охотно устраивать вечеринки в честь этого «очаровательного рыжеволосого огневдышащего дракона». А когда Консуэло написала сестре о том, что она познакомилась с Грегори в Лондоне и нашла его весьма привлекательным, Джудит посмотрела на Остина другими глазами.

Она понимала, что он готов положить к ее ногам целое царство; оно не имело герба, но в определенных кругах престиж «Ай-Би-Си» был исключительно высок. Грегори открывал перед ней мир неограниченных расходов. Витторио владел состоянием, но драгоценности, которые носила Конни, были «фамильными», ей предстояло передать их своим детям и внукам. Грегори подарил Джудит по случаю помолвки кольцо с бриллиантом весом в двадцать пять каратов; к свадьбе она получила бриллиантовое кольцо. Он также открыл жене счет в банке и положил туда пятьдесят тысяч долларов. Их бракосочетание освещалось в колонках светской и театральной хроники.

Грегори был потрясен, обнаружив, что он женился на девственнице. К первой годовщине свадьбы он подарил ей дом в Палм-Бич. Ко второй — браслет с бриллиантами. К третьей годовщине ей уже было нечего дарить. Она мечтала лишь о любви. В постели Грегори полностью разочаровал жену. Джудит было не с чем сравнивать, и все же она чувствовала, что ей еще предстоит испытать любовь. Это случилось, когда ей исполнилось тридцать два года. Она решила поехать в Париж к Конни. Война закончилась, все пребывали в праздничном настроении, Джудит не терпелось показать сестре свои драгоценности и меха. Грегори не мог покинуть Штаты, но он охотно отпустил жену. Она познакомилась на борту лайнера с известным оперным певцом. Вместо Парижа Джудит оказалась с ним в Лондоне. Она так и не увидела Конни. Грегори не пришло в голову поинтересоваться, почему на ее письма наклеены английские марки.

Потом все было проще. Джудит встречалась с итальянским киноактером, затем в течение двух лет — с английским драматургом, потом — с французским дипломатом... Конни оказалась для нее весьма полезной — Джудит всегда могла сказать, что едет на пару недель к сестре: считается, что близнецы очень привязаны друг к другу. Конечно, Конни также совершала мнимые визиты в Штаты. Но последние три года Джудит не использовала такую возможность. Сейчас она задумалась об этом. Три года пустоты.

Джудит наложила на лицо макияж, встала и снова посмотрела на свое тело. Сначала она переживала по поводу того, что не может забеременеть, даже собиралась взять чужого ребенка. Но сорокалетнего Грегори не огорчало бесплодие жены. «Ай-Би-Си» — вот наш ребенок», — говорил он. Ребенок — это большая ответственность... Глядя на свой плоский живот, она порадовалась тому, что ее фигура не испорчена родами. Но груди и бедра Джудит потеряли упругость. Она положила руки на затылок. Сейчас она смотрелась хорошо. И лежа в постели — тоже. Однако ее плоский живот стал мягким.

Она подошла к шкафу и взяла малиновое бархатное платье, затем, внезапно передумав, решила надеть красное платье из парчи. Еще она наденет золотое кольцо с рубином. Впервые за много лет Джудит с волнением выбирала наряд. В ее душе последние три дня нарастало возбуждение. Робин уведомил миссис Остин о том, что ее приглашение получено и принято.

До этого момента Джудит отказывалась признать даже себе в том, что она одевается для Робина Стоуна. Внезапно она осознала,

хочет Робина с то
Робина Стоуна
роман. Джудит
Ненавязчиво п
человека, как
идеальная. Она пред
В половине пято
и кухню. Чер
Грегори. Вид у не
В пять часов прибы
его жена. Почему
дворецкий провел
радушной улыбкой.
— Здравствуйте
Вы весьма пунктуа
много поболтать.
Десятью минут
Джудит обрадовал
сенатора. Вскоре
минут гости запо
и столовую.
Робин Стоун
с распростертыми
— Вы сдерж
Ослепительно
Она словно впер
с очередными го
сивая!
Джудит расп
она показалась
ветствуя гостей,
Робином Стоун
и его кошмарна
сила их. Эта
с Мэгги Стюар
Чудесно — Роб
Джудит ре
к мужчинам. В
— Вы здес
— Экскур
— Да.
Она повел
— Наши г
дальше гости
Джудит о
— Но ва
и отрада.

что хочет Робина с того момента, когда впервые увидела его. Да, она хотела Робина Стоуна! Это будет ее последний и самый восхитительный роман. Джудит понимала, что первый шаг она должна сделать сама. Ненавязчиво продемонстрировать свой интерес к нему. Для такого человека, как Робин, этого будет достаточно. Ситуация тут идеальная. Она представляла неограниченные возможности. Робин много путешествует. Она могла бы встречаться с ним за границей.

В половине пятого Джудит спустилась вниз, чтобы проверить бар и кухню. Через пятнадцать минут появился одетый в смокинг Грегори. Вид у него был усталый. Палм-Бич взбодрит Грегори. В пять часов прибыли первые гости. Конечно, ими оказались сенатор и его жена. Почему раньше всех приходят наименее интересные люди? Приходится занимать их до прибытия других гостей. Когда дворецкий провел эту пару в гостиную, лицо Джудит озарилось радушной улыбкой.

— Здравствуйте, сенатор. Нет, дорогой мой, вы пришли не рано. Вы весьма пунктуальны, я этому очень рада. Мы успеем с вами немного поболтать.

Десятью минутами позже пришел Дентон Миллер. Он был один. Джудит обрадовало его появление. Она получила предлог оставить сенатора. Вскоре дверной звонок стал звенеть часто. За двадцать минут гости заполнили гостиную и начали проникать в библиотеку и столовую.

Робин Стоун приехал в шесть часов. Она устремилась к нему с распростертыми руками.

— Вы сдержали свое обещание.

Ослепительно улыбнувшись, Джудит познакомилась с Мэгги. Она словно впервые видела актрису. Затем Джудит поздоровалась с очередными гостями. Проклятье! Эта Мэгги такая высокая и красивая!

Джудит расправила плечи, вытянулась во весь рост. Возле Мэгги она показалась себе невысокой. Джудит походила по комнате, при-ветствуя гостей, беседуя с ними. И при этом постоянно следила за Робинсом Стоуном и Мэгги Стюарт. О Боже, да это Кристи Лейн и его кошмарная жена. Грегори настоял на том, чтобы она пригласила их. Эта женщина — ее, кажется, зовут Этель, — беседовала с Мэгги Стюарт. Крис стоял возле них, как деревянный истукан. Чудесно — Робин подошел к сенатору.

Джудит решила воспользоваться ситуацией. Она направилась к мужчинам. Взяла Робина под руку и сказала:

— Вы здесь впервые. Хотите совершить экскурсию по дому?

— Экскурсию?

— Да.

Она повела его в холл.

— Наши гости любят знакомиться с домом. Но они редко попадают дальше гостиной, библиотеки и столовой.

Джудит остановилась перед массивной дубовой дверью.

— Но вам я покажу все. Это кабинет Грегори, его гордость и отрада.

— Ваш дом производит обманчивое впечатление, — заметил Робин.

— На самом деле он весьма велик, правда?

Она непринужденно рассмеялась.

— Вы не знали? На самом деле это два особняка, примыкающих друг к другу. Мы сломали стену, разделявшую их, и в итоге получили пятнадцать просторных комнат вместо тридцати маленьких.

Робин обвел кабинет одобрительным взглядом.

— Отличная комната для мужчины.

Лицо Джудит погрузтело.

— К сожалению, он проводит здесь слишком много времени.

Робин кивнул.

— Наверно, тут он обдумывает все проблемы.

— Вы тоже прячетесь в своей норе?

Он улыбнулся.

— Мои проблемы гораздо меньшего масштаба. Я отвечаю за работу только одного отдела. На плечах Грегори лежит вся телекомпания.

Она подняла руки в жесте иронического отчаяния.

— Неужели мужчин волнует один бизнес? Я вам завидую.

Он сухо усмехнулся.

— Женские проблемы не удастся снять с помощью алкоголя и часовых размышлений в кабинете, — сказала Джудит.

— А вы попробуйте, — отозвался Робин.

— Как вы справляетесь с одиночеством, Робин?

Он с любопытством посмотрел на нее. Их глаза на мгновение встретились. Она заговорила тихим голосом.

— Робин, я люблю Грегори. Первые годы брака были удивительными. Но сейчас он женат на «Ай-Би-Си». Он значительно старше меня... ему хватает той радости, которую он получает от работы. Он приносит домой свои проблемы. Иногда мне кажется, что я для него не существую. Я вижу Грегори на людях, во время приемов и обедов. Я знаю, что он меня любит, но я — всего лишь часть его империи. Я страдаю от одиночества. Я не из тех женщин, которые играют в карты и получают удовольствие от болтовни с подругами за ленчем.

— Каждый человек одинок по-своему, — сказал Робин.

— Но почему так должно быть? Жизнь очень коротка. А молодость еще короче. Я всегда считала, что главное — не причинять боли близким.

Она беспомощно пожала плечами.

— В молодости Грегори играл на бирже; однажды он сказал: «Это — самая азартная игра на свете». Сейчас для него важнее всего не курс акций, а эти ваши «цифры». Но женщина не может жить этим. Ей нужна любовь.

Джудит покрутила на пальце кольцо с бриллиантом.

— Я находила ее один или два раза. Грегори от этого ничего не терял. Речь идет о разных чувствах. Я отдавала кому-то то, что

Грегори не мог взять у меня из-за отсутствия времени или неспособности к этому.

Помолчав, Джудит еле слышно добавила:

— Сама не знаю, почему я говорю вам об этом.

На ее лице появилась застенчивая улыбка.

— Для дружбы длительность знакомства — не главное. Важнее всего — взаимное понимание.

Он взял ее за плечи и усмехнулся.

— Джудит, вы очаровательная женщина, но я не советую вам открываться перед посторонними.

Она с мольбой посмотрела на него.

— Я ни с кем еще не была так откровенна. Не знаю, что со мной случилось, Робин.

Он подвел ее к двери.

— Слишком много яичного коктейля, — улыбнулся Робин. — А теперь вернемся к вашим гостям. Это единственный способ избежать одиночества.

Она в упор посмотрела на него.

— Другого нет?

Он взял ее под руку, и они направились в гостиную.

— Я здесь с молодой леди, которая может почувствовать себя одинокой среди толпы. С новым годом, Джудит. Не пейте больше яичный коктейль.

Он покинул ее и вернулся к Мэгги Стюарт.

Джудит испытала шок, но, улыбнувшись как ни в чем ни бывало, направилась к своим гостям.

Мэгги также невозмутимо улыбнулась. Она увидела, как Робин вышел из комнаты с Джудит Остин. Они какое-то время отсутствовали. Джудит Остин — очень эффектная женщина. Но когда Мэгги увидела идущего к ней высокого красивого Робина, ее тревога мгновенно рассеялась.

Он с видом собственника взял Мэгги под руку и увел ее от Этель и Кристи Лейна. Внезапно посмотрел в сторону двери. Все гости разглядывали только что вошедшую изящную женщину. Затем по гостиной пронесся шепот. Диана Уильямс вошла почти беззвучно, тронно она мгновенно приковала к себе внимание гостей. Одинокая, богато растерянная, она замерла на месте. Грегори Остин бросился к Диане, обнял ее, словно пытаясь защитить от кого-то. Спустя секунду все обступили гостью. Диана сдержанно здоровалась с людьми, которых представлял ей Остин.

— Похоже, Аик Риан на сей раз здорово просчитался, — заметила Этель, наблюдая за всеобщим смятением. — Диана кончилась как актриса. Скоро никто о ней и не вспомнит.

Наконец Диана выбралась из толпы и подошла к Робину вместе с Грегори, который по-прежнему держал ее за руку.

— Робин, — произнес он, — почему вы не сказали нам о том, что вы пригласили мисс Уильямс на нашу вечеринку? Если бы мы знали, что она в Нью-Йорке, мы бы послали ей отдельное приглашение.

— Вы пригласили меня в канун рождества в «Буазине», — с упреком в голосе обратилась Диана к Робину. — Не дождавшись вас в отеле, я решила, что произошло какое-то недоразумение, и сама поехала сюда.

— Позвольте мне во искупление вины предложить вам коктейль, — сказал Робин.

Мужчины подвели Диану к бару, оставив Мэгги с Этель и Кристи. Этель принялась рассказывать об их новом «люксе» в «Эссекс Хаусе».

— Мы только вчера перебрались туда, — сообщила она Мэгги.

— Тоже мне дворец, — сказал Кристи. — Гостиная, две спальни, а стоит все это в три раза дороже, чем в «Астории».

— Не могу представить себя толкающей коляску с ребенком по Бродвею, — заявила Этель. — Этот отель хоть находится недалеко от парка. Это полезно для малыша.

— О, я не знала. Поздравляю вас, — сказала Мэгги, заставляя себя продемонстрировать интерес, который она не испытывала.

Кристи просиял.

— На прошлой неделе сдох кролик. Когда доктор сообщил мне новость, я просто обезумел от счастья.

— Однако мне едва удалось вытащить его из «Астории», — заявила Этель. — Но в конце концов он сдался.

— Да, и теперь мы спим в разных комнатах. До рождения ребенка. Потом мы сделаем из одной спальни детскую. Наверно, она права — будущей маме следует много спать. Ну, вы, девушки, поболтайте, а я вижу Дена, мне надо с ним кое-что обсудить.

Он подошел к Дентону Миллеру и схватил его за плечо.

Мэгги чувствовала себя скованно в обществе Этель. Она не знала ее и всегда с трудом поддерживала разговоры на женские темы.

— Когда вы ждете малыша? — спросила она.

— В конце августа или начале сентября. У меня трехнедельная задержка, и анализ оказался положительным.

Возникла неловкая пауза. Затем Мэгги сказала:

— Вы поступили очень разумно, выбрав отель, расположенный возле парка. Ребенку там будет хорошо.

— Вы решили, что я останусь там надолго? — спросила Этель.

— Кристи еще не знает о том, что в следующем сезоне шоу будет идти в Калифорнии.

— О, понимаю, — сказала Мэгги, чтобы не молчать.

— Я поменяю гостиницу. Ребенок — волшебное слово для Кристи. Я скажу ему, что парк опасен для малыша из-за хулиганов. Я хочу начать в Калифорнии новую жизнь — завести большой дом, приглашать к себе интересных людей. Уговорю его нанять Калли и Хейса. Мы должны попасть в хорошее общество, чтобы наш ребенок дружил с приличными сверстниками. Голливуд с нетерпением ждет Этель Эванс Лейн.

— Вас может постичь разочарование, — заметила Мэгги.

Она обвела комнату взглядом, ища Робина.

— Он в кабинете с Дианой, — сказала Этель.

— Извините?

— Я говорю, вашего друга заарканила Диана.

Мэгги от изумления потеряла дар речи. Возникла напряженная тишина. Затем к ним подошли Ден и Кристи.

— Мы говорили о передаче, которую можно пустить в эфир через два года, — сообщил Кристи. — Представляешь, спонсоры выстроились в очередь, ожидая, когда я освобожусь.

— Вы позволите вам новую порцию этой липучки? — Ден улыбнулся Мэгги.

Из библиотеки донесся громкий смех. Диана явно не скучала. Ден улыбнулся и снизил тон до таинственного шепота.

— Я видел, вы пришли сюда с Робинот Стоуном. Означает ли это, что вы и уйдете с ним?

— Так принято, верно? — сказала Мэгги.

— Какая жалость. Я собирался пригласить вас пообедать со мной. Как долго вы пробудете в городе?

— Около двух недель.

— Можно вам позвонить?

— Ну...

Мэгги на мгновение задумалась. Она не могла просто сказать «нет».

— Позвольте мне позвонить вам. Я собираюсь завтра поехать к моим родным в Филадельфию. Не знаю, сколько дней я там проведу.

— Вам известно, где меня можно найти?

— В «Ай-Би-Си», — улыбнулась Мэгги. — А теперь я поищу Робина.

Она направилась в библиотеку. Диана завладела вниманием аудитории, рассказывая смешные истории о своих сыновьях-близнецах.

— Они сейчас такого роста, что я не могу скрывать их возраст. Молятся на «Битлз». Не стригут волосы. Недавно, представляя их моим друзьям, я посмотрела на этих двух семнадцатилетних верзил и сказала: «Познакомьтесь с близнецами-канторами».

Все захохотали громче, чем следовало. Только Робин не засмеялся. Он внимательно смотрел на Диану. Когда она протянула ему пустой бокал, он попросил официанта наполнить его.

Мэгги подошла к Робину и взяла его под руку.

— Уже семь, — прошептала она, — я умираю от голода.

— Стол уставлен деликатесами, — сказал он, не отводя глаз от Дианы.

— Я хочу уйти.

— Я работаю, детка.

Робин хлопнул себя по карману.

— Договор у меня. Я ношу уже две недели. Она должна поставить свою подпись. Ты можешь оказать мне услугу, став свидетелем.

— Сколько времени это займет?

— Надеюсь, это произойдет сегодня за обедом.

— Она обедает с нами?

— Она обедает со мной. Ты можешь присоединиться к нам.
Мэгги повернулась и вышла из комнаты. Она не оглянулась, зная, что Робин не посмотрит ей вслед. Увидела, как Дентон Миллер пожимает в прихожей руку миссис Остин, Мэгги подошла к нему.

- Ваше предложение пообедать еще в силе?
- Конечно. Вам нравится «Павильон»?
- Это один из моих любимейших ресторанов.

«Павильон» начал пустеть. Потягивая бренди, Мэгги попыталась угадать реакцию Робина на ее уход. Было уже около одиннадцати часов. Вероятно, он уже вернулся домой и смотрит выпуск новостей. Ее злость рассеялась, она почувствовала себя виноватой в том, что покинула его. Что изменило бы присутствие Дианы? Робину она была нужна для «Хэппенинга». Мэгги понимала, что поступила как ребенок, проявила собственнические чувства. Она никогда не вела себя так с другими мужчинами — с Адамом и Энди — наверно, потому что недостаточно сильно любила. Наверно, в этом заключался секрет ее успеха. Так ли это? Нужно ли притворяться равнодушной, чтобы удержать мужчину? Она отправилась в ресторан с Деном, чтобы подразнить Робина. Какая нелепость — у нее есть Робин, она любит его. Почему она сидит в «Павильоне» и слушает историю жизни этого кретина?

- Я рад, что у вас с Робинем ничего нет, — внезапно заявил он. Она с любопытством посмотрела на него.
- Почему вы это говорите?
- Потому что я не люблю его.
- Он мой очень хороший друг.
- В ее голосе звучало предостережение.
- Ден улыбнулся.
- И все же он мне не нравится — в этом нет ничего личного. Что ж, а ей ничего не нравилось в Дентоне Миллере. Особенно его самодовольная улыбка.
- Возможно, вы его боитесь.
- Боюсь?

— Если ваша неприязнь к нему не носит личного характера, значит, она связана с работой. Я знаю, что вы оба — сотрудники «Ай-Би-Си», и знакома с порядками, царящими в телекомпаниях. Наверняка Робин вылез за рамки своего отдела, и между вами вспыхнуло соперничество.

Ден откинул голову назад и засмеялся. Когда он посмотрел на Мэгги, его карие глаза напоминали узкие щелки.

— Я не боюсь великого Робина Стоуна. И знаете почему? В нем слишком много гордости — это его и погубит.

— Я считала, что гордость — это достоинство.

— Только не в нашем бизнесе. Скажу вам кое-что, Мэгги. Когда внутри компании начинается борьба, я забываю о гордости. Поэтому я выживу. Иногда необходимо ползать, каким бы могущественным ты ни был. Но Робин Стоун никогда не станет ползать. Поэтому он не выживет. А в этом бизнесе самое главное — выжить.

Она взялась за сумочку, надеясь, что он воспримет это как сигнал к завершению обеда. Ден тотчас попросил у официанта счет.

— Я вас утомил разговорами о моей работе. Хотите выпить где-нибудь по последнему бокалу?

— Я очень устала, Ден, а завтра мне рано вставать.

Когда Ден остановил такси, она сказала ему, что живет в «Плазе». Он отвез ее в отель и подождал, пока она не скрылась в здании. Пройдя через вестибюль, Мэгги вышла из гостиницы на Пятьдесят восьмую улицу, села в другое такси и поехала к Робину.

Вставляя ключ в замочную скважину, она не увидела света под дверью. Вероятно, Робин уже спит. Мэгги прошла на цыпочках через темную гостиную и оказалась в спальне. Увидела в полумраке очертания кровати, незастеленной после их дневной любви. Она была пуста. Мэгги вернулась в гостиную и собралась зажечь люстру, но вдруг заметила свет под дверью его кабинета. Она улыбнулась — очевидно, он работает над книгой. Подойдя к двери и взявшись за ручку, Мэгги вдруг услышала голос Дианы. Актриса, похоже, была пьяна.

— Этот ковер недостаточно мягкий...

Робин засмеялся.

— Я же предложил тебе лечь на кровать.

— Я не трахаюсь на простынях, на которых спала другая женщина!

Затем стало тихо.

Мэгги бесшумно открыла дверь. Она не поверила своим глазам. Робин и Диана были голыми. Он вытянулся в кресле, стоявшем в углу комнаты, его глаза были закрыты, а руки лежали на затылке. Диана занималась французской любовью, стоя перед ним на коленях. Они не замечали присутствия Мэгги. Она вышла из комнаты и тихо закрыла дверь. Затем вернулась в спальню и зажгла свет. Взяла из шкафа свой чемодан, затем, передумав, оставила его на полу. Что такое пара джинсов и одно платье? Она никогда больше не наденет вещи, которые носила при нем. Забрав косметичку и бумажник, направилась в гостиную. Повернувшись, бросила взгляд на ложе, которое она несколько часов тому назад делила с Робинком. Она собиралась спать на этой кровати сегодня и всегда. Считала ее частью своего будущего. Диана отказалась лечь на эту простыню. Сколько девушек побывало здесь? Сколько еще будет? Мэгги бросилась к кровати и попыталась разорвать простыню в клочья, но ткань оказалась слишком прочной. Ее ярость не находила выхода. Никто не будет спать на этой простыне, в этой кровати! Она вспомнила, что в медицинском шкафчике стоит флакон с жидкостью для зажигания спичек. Побежала в ванную. Обрызгала простыню и подушку, чиркнула спичкой, поднесла ее к книге. Когда страницы вспыхнули, она бросила книгу на кровать. Простыня вспыхнула оранжевым пламенем.

Мэгги выскочила из квартиры. Пройдя по коридору первого этажа, остановилась у двери. Спокойно сказала консьержу:

— Я звонила в квартиру Робина Стоуна. Похоже, там никого нет, но я почувствовала запах дыма.

Консьерж устремился к лифту. Мэгги перешла на другую сторону улицы и встала под козырек подъезда. Увидев всполохи огня в окне спальни, медленно улыбнулась. Через несколько минут услышала вой сирен. Вскоре огонь погас, из окна спальни валили клубы густого дыма. Мэгги заметила Робина, вышедшего на улицу вместе с другими жильцами. Он был в брюках и пальто. Диана закуталась в его плащ, она была боса. Актриса подпрыгивала на одной ноге. Мэгги рассмеялась. «Надеюсь, Диана подхватит пневмонию», — произнесла она вслух и зашагала по улице.

Пройдя пять кварталов, Мэгги задрожала, на ее лбу выступила испарина. Боже, что она натворила! Она могла убить его и всех обитателей дома. Мэгги стало дурно, она осознала непростительность своего поступка. Она поняла, как люди убивают в момент ярости, а потом их признают временно невменяемыми. Она даже не подумала о том, что огонь может охватить все здание. Какое счастье, что все обошлось. Она увидела такси, остановила его и пробормотала: «В аэропорт Кеннеди». Затем Мэгги откинулась на спинку сиденья. Ей придется несколько часов ждать самолет, летящий в Лос-Анджелес, но это не имело значения. Машина мчалась по темной улице, приближаясь к Ист-Ривер-драйв, где жили Остины. Мэгги посмотрела на массивный особняк, построенный из плитняка. На втором этаже горел свет. Мэгги испытала безумную зависть к Джудит Остин, наслаждавшейся покоем в своей комфортабельной крепости...

В этот момент Джудит Остин стояла перед зеркалом, рассматривая себя. Она улыбнулась своему отражению. Улыбка вышла натянутой. Ей удавалось сохранять ее на лице до половины десятого, пока не разошлись все гости. У Джудит болела голова: миссис Остин хотела уйти в свою комнату, но она заставила себя перекусить перед сном в спальне Грегори. Она едва притронулась к холодной индейке под ворчание мужа. По его мнению, на их вечеринке было слишком много людей из шоу-бизнеса. В следующем году, если «яичный коктейль» вообще состоится, он сам лично проверит список гостей.

При других обстоятельствах Джудит возразила бы мужу или успокоила его, но сегодня она была слишком занята своими мыслями. Когда Джудит наконец удалилась в спальню, она, не раздеваясь, бросилась на кровать и попыталась проанализировать происшедшее.

Но сейчас, стоя в ночной рубашке, она пришла к горькому заключению — Робин Стоун не клюнул на ее наживку. Внезапно душевные силы оставили Джудит, и она расплакалась. Она весь вечер держала себя в руках. Не позволяла себе думать о том, что ее отвергли. Она не могла распускаться при гостях и Грегори. Но сейчас она должна выпустить свои эмоции наружу. Джудит высморкалась в платок. Она не будет плакать! Слезы для нее — непозволительная роскошь. Она могла лишь пустить несколько трогательных слезинок во время печального спектакля или узнав о кончине друга. Эти слезы катились из уголков глаз, не портя макияжа. Но она никогда не плакала навзрыд — это бы означало опухшие веки на следующий день и

мешки под глазами. А завтра ее ждут ленч в «Колони» и торжественный обед вечером.

Робин отверг ее. Точнее, проигнорировал завуалированное предложение. Завуалированное! Да, она еще никому не предлагала себя столь явно. Прежде ей хватало одного взгляда, еле заметной улыбки, чтобы вызвать немедленную реакцию. Боже... она так его хотела! Джудит нуждалась в мужчине, который обнимет ее и скажет, что она красива. Она испытывала потребность в любви. Хотела Робина! Хотела заниматься любовью с человеком, который поможет ей почувствовать себя молодой и желанной. Грегори уже несколько месяцев даже не пытался что-то сделать в постели. Боже, снова стать молодой, будить страсть в таком мужчине, как Робин, сидеть, держась за руки в полутемных барах, гулять по песку в Гемптоне, любоваться луной... у Джудит любовь зарождалась в сердце и сознании, а чувственность была чем-то вторичным. Секс доставлял ей радость лишь при наличии эмоциональной вовлеченности. О, если бы Робин обнял Джудит, прижался к ней своим обнаженным телом, ласкал ее лицо! Все остальное не столь важно.

Грегори никогда не волновал ее как мужчина. Даже будучи молодым и сильным, он не обладал той искоркой, от которой вспыхивает пламя романа. Не произносил в постели ласковых слов. Они никогда не занимались французской любовью. Возможно, тут была и ее вина. Она держалась так, что он не осмеливался предложить ей это. Но Грегори никогда не заводил Джудит так, как ее любовники. Он не поверил бы в то, что она может быть столь страстной в постели. Романтика внебрачной связи пробуждала в ней огонь. Однако многие качества Грегори вызывали у нее восхищение. Джудит любила его так же преданно, как и своих родителей. Ей казалось, что без него она бы пропала. Их совместная жизнь была великолепной. Джудит никогда не скучала в обществе Грегори. Но их не связывала романтическая страсть. Возможно, такая динамо-машина, как Грегори, не способна на проявление нежности, столь важной для женщины, думала Джудит. Но у Робина Стоуна энергии было не меньше, чем у Грегори, однако Джудит ощущала, что внутри него таится огонь страсти. Сегодня он ушел с этой вышедшей в тираж актрисой, Дианой Уияльямс. Почему человек, недоступный для нее, Джудит, достается Бог знает кому? Это несправедливо! Завладеть Робин — это было бы блестящей победой. Он стал бы для нее не просто любовником для заполнения свободного времени. Он обладал не только витальностью, которая восхищала ее в Грегори, но и красотой — о, Боже, какое счастье обрести любовь такого человека!

Но он отверг ее. Может быть, Робин решил, что эта связь для него слишком опасна? Ну конечно, дело в этом. Он мог испугаться, что плохой финал их романа повредит его карьере. Она должна дать ему понять, что если они проведут вместе месяц или год, это никак не повлияет на его положение в «Ай-Би-Си».

Она подошла к зеркалу и посмотрела на свое лицо. Господи, на нем образовались складки кожи. Раньше она их не замечала.

Джудит натянула кожу. Теперь она выглядела великолепно! Завтра она займется поисками врача. И ей следует принимать какие-то таблетки. У нее уже пять месяцев не было менструации, по ночам она сильно потела. Нельзя допустить, чтобы, лежа с Робинсом, она проснулась влажной от пота.

Она надела халат. Странно, что Грегори не зашел пожелать ей спокойной ночи и еще раз заявить, что это был их последний «яичный коктейль». Она заглянет к нему, поцелует в лоб и пожелает счастливого Нового года — если только он еще не заснул. Приняв решение сделать подтяжку кожи на лице и добиться любви Робина, она воспряла духом. Она скажет Грегори о своем намерении сделать операцию. Объяснит это желание собственным тщеславием. Ее временное исчезновение легко будет объяснить знакомым мнимой поездкой к Конни в Рим.

Улыбка исчезла с лица Джудит, когда она вошла в спальню Грегори.

Он лежал в одежде на кровати. Тревога и угрызения совести сдавили ей горло.

— Грег,— прошептала она.

— Этот яичный коктейль стоит комом в моем желудке,— выдавил из себя он.

Она облегченно перевела дыхание.

— Ты говоришь это каждый год, но пьешь больше всех. Никто не заставлял тебя делать это. Ты мог пить виски. Раздевайся.

— Я не могу пошевелиться, Джудит. При малейшем движении меня пронзает боль.

— Налить тебе содовой?

— Я уже пил ее.

— Грегори, тебе не следует лежать так.

Он попытался сесть, но тотчас согнулся пополам. Побледнев, растерянно посмотрел на жену.

— Джудит, это что-то другое.

Она приблизилась к нему.

— Где у тебя болит?

— В желудке.

— Это просто несварение, Грег. Постарайся раздеться, тогда ты расслабишься.

Он попытался сдвинуться и закричал от боли. Джудит поспешила к телефону и стала звонить доктору. Она заметила, что он не остановил ее. Грегори сидел на кровати, согнувшись и покачиваясь взад-вперед.

Доктор Спинек прибыл через двадцать минут. Джудит ждала его внизу.

— Дэвид, слава Богу, что вы смогли приехать.

— Хорошо, что я позвонил домой. Судя по вашим словам, это не сердце.

— По-моему, это обычное несварение. Извините, что я потревожила вас, но с ним такое впервые.

Пока доктор обследовал Грегори, Джудит стояла в коридоре. Когда врач позвал ее, она вошла в спальню. Грегори сидел на стуле. Он был одет и совершенно спокоен.

— Я ввел ему димедрол, чтобы снять боль, — сказал доктор Спинек. — Думаю, у Грегори воспаление желчного пузыря.

— Это не опасно?

Фраза прозвучала скорее как утверждение, нежели как вопрос. — Надо сделать анализы, — заявил врач. — Но вы правы. Тут нет ничего серьезного. Просто неприятно.

Они доехали до больницы в машине доктора. Грегори поместили в угловую палату. Медсестра взяла анализы. Джудит сидела в холле и курила одну сигарету за другой. Через полчаса появился доктор Спинек.

— Все не так просто, как мы думали. У него в желчном протоке камень, требуется немедленная операция. Я вызвал доктора Лесгарна. Он прибудет с минуты на минуту.

В час ночи Грегори повезли в операционную. Санитарка принесла Джудит кофе. Она стала ждать в палате. Наверно, она задремала — доктор Спинек коснулся ее щеки. Джудит растерянно осмотрелась по сторонам. Вспомнив, где она находится, поглядела на часы. Было уже четыре часа утра. Джудит увидела пустую кровать. Бросила испуганный взгляд на доктора Спинека. Он улыбнулся.

— Все в порядке. Грегори находится в послеоперационной палате. Около него постоянно дежурит сиделка.

— Он поправится?

Врач кивнул.

— У него уже некоторое время были желчные камни. Операция оказалась более сложной, чем мы предполагали. В ближайшее время он не сможет вернуться в свой офис — ему следует отдохнуть до конца зимы и восстановить свои силы.

— Он никогда на это не согласится, — сказала миссис Остин.

— Это необходимо, Джудит. Он уже не молод. Как и все мы. Операция стала серьезным потрясением для его организма. Думаю, он будет не в состоянии работать несколько месяцев.

— Когда он придет в себя?

— Не раньше десяти часов утра. Я отвезу вас домой.

Она легла в постель лишь на рассвете. Бедный Грегори — он ненавидит безделье. Ей придется провести зиму в Палм-Бич и... Джудит устыдилась своих мыслей. Как она смеет думать о Робине? Слезы появились на ее глазах. «О, Грегори, я люблю тебя, — прошептала она, уткнувшись в подушку. — Я очень люблю тебя. Пожалуйста, выздоравливай». Она поклялась, что отныне никогда не будет думать о Робине Стоуне. Давая себе это обещание, она знала, что не сдержит его. Джудит ненавидела себя за то, что, лежа в полутемной спальне, она пыталась угадать, с кем сейчас спит Робин Стоун. Робин лежал один на узкой кровати в тесной комнате гарвардского клуба.

Впервые за эту ночь он улыбнулся. Мэгги, устроив пожар, все же предупредила консьержа. Происшествие начало его забавлять.

Он едва не засмеялся, представив себе, как она вошла в кабинет и увидела Диану, целующую его член! Самое ужасное заключалось в том, что он упорно не желал вставать. Пожар выручил Робина — он ничего не смог бы сделать с этой сумасшедшей женщиной. Она даже не умела делать минет — ее зубы были острыми, как бритва. Да, пожар начался вовремя. Диана мгновенно протрезвела. Она была рада, что он отвез ее в отель. Но зачем он привез Диану к себе? Она подписала контракт в «Джилли». Если он чувствовал, что должен отблагодарить ее, он мог отправиться к ней в гостиницу. Арчи бы сказал, что он хотел быть пойманным на месте преступления, хотел избавиться от Мэгги. Что ж, он легко отделался. Обгорела одна спальня. И он потерял Мэгги Стюарт. Робин слегка нахмурился, затем заставил себя улыбнуться. «Нет, Конрад, это ты потерял Мэгги. Но не я. Ты мертв, маленький ублюдок, мертв».

Поддавшись внезапному порыву, он поднял трубку и попросил соединить его с актерским профсоюзом «Вестерн Юнисон». Где она живет? Ладно, он отправит телеграмму на адрес «Сенчери Пикчерс».

Телеграмма попала к Мэгги в «Мелтон Тауэрс», пролежав в студии три дня. Прочитав ее, она купила маленькую рамку, поместила туда послание Робина и повесила его на стену в ванной. Там было написано следующее:

«Я ошибся. Ты станешь звездой. Ты — сумасшедшая».

Джудит все дни проводила у постели Грегори. Она впервые поняла, что он красит волосы. Ее удивило сочетание седины и рыжих прядей. За неделю макушка Грегори совсем побелела. На его щеках образовалась щетина; сейчас он выглядел, как немощный старик. Но когда Грегори стал проявлять интерес к окружающему миру, Джудит поняла, что он поправляется. К концу второй недели Грегори посмотрел на индексы Нильсена. Послал за парикмахером и отправил Джудит пройтись по магазинам. Она вернулась в пять часов. Его волосы снова порыжели; он носил больничный халат на свою шелковую пижаму. Джудит застала мужа за чтением «Таймс». Теперь он походил на председателя правления «Ай-Би-Си». Но Грегори сильно похудел. Впервые он выглядел соответствующим своему возрасту. Вздвогнув, Джудит попыталась представить, какой вид имела бы она после такого испытания. Андре подкрашивал ее волосы уже пятнадцать лет. Боже, она была бы сейчас совершенно седой. И без косметики!

Грегори отложил журнал в сторону, снял телефонную трубку и попросил соединить его с «Ай-Би-Си».

— Дорогой, оба доктора, Лесгарн и Спинек, сказали: никакой работы. Они настаивают на длительном отдыхе после выхода из больницы.

— Хорошо, — согласился он. — Мы проведем конец зимы в Палм-Бич. Это будет мой первый отпуск за многие годы.

Он взял жену за руку.

— Джудит, я так рад, что это всего лишь желчный камень. Меня уже давно мучили боли, но я терпел. Признаюсь тебе —

...боялся обследования
...я бы закричал
...должен позвонить
...Он связался с
...дела.
— Клифф, я хоч
...прекложите меня
Клифф Дорн и
...сидела в кресле
— Мне подожд
— Нет, останьс
...решение. Я хочу,
президентом «Ай-Б
Робин молчал.
— Президенто
Грегори пожал
— Официальн
— А что тако
— Я только
...лишь разделение
— Вы полага
— Да, потом
...дывал мне обо в
Клифф кивну
Он встал.
— Извините
— Вы в сво
— Только с
...месяцев борьб
и посыльным. З
Бич, а я, нажи
становлюсь пр
— Кто ска
Грегори.
— Я поня
созданная ис
Грегори п
— Возмо
...кажется, что
— Я пре
— Ерунд
...нинга» наст
от информа
я бы решил
Робин
...сталь.
— Возм
Грегори

я боялся обследования. Думал, что это рак. Если бы у меня были силы, я бы закричал от радости, узнав истинный диагноз. Этой зимой я буду наслаждаться твоим обществом и гольфом. Поэтому я должен позвонить и оставить все дела в порядке. Он связался с Клиффом Дорном, начальником юридического отдела.

— Клифф, я хочу, чтобы через полчаса вы были у меня. А теперь переключите меня на Робина Стоуна.

Клифф Дорн и Робин Стоун приехали в половине шестого. Джудит сидела в кресле возле мужа.

— Мне подождать в холле, пока вы беседуете? — спросила она.

— Нет, останься, Джудит, — сказал Грегори. — Я принял важное решение. Я хочу, чтобы ты о нем знала. Робин, вы согласны стать президентом «Ай-Би-Си»?

Робин молчал. Первым отреагировал Клифф Дорн.

— Президентом «Ай-Би-Си»? А кто такой Дентон Миллер?

Грегори пожал плечами.

— Официально он является президентом телесети.

— А что такое «президент «Ай-Би-Си»? — спросил Клифф.

— Я только что придумал эту должность. Это означает всего лишь разделение власти на время моего отсутствия.

— Вы полагаете, Ден это стерпит?

— Да, потому что он сохранит свою власть. Он всегда докладывал мне обо всем. Теперь он будет делать это через Робина.

Клифф кивнул. Затем мужчины посмотрели на Робина.

Он встал.

— Извините, но я — пас.

— Вы в своем уме? — выпалил Грегори.

— Только сумасшедший ответил бы вам согласием. После двух месяцев борьбы с Деном я бы стал почетным сторожевым псом и посыльным. Затем вы возвращаетесь с красивым загаром из Палм-Бич, а я, нажив себе кучу врагов, среди которых главный Ден, снова становлюсь президентом редакции новостей.

— Кто сказал, что вы вернетесь в редакцию новостей? — спросил Грегори.

— Я понял, что это должность — временная. Как и любая другая, созданная искусственно.

Грегори потер подбородок.

— Возможно, такой я ее задумывал изначально, но теперь мне кажется, что есть смысл оставить ее навсегда.

— Я прежде всего репортер, — сказал Робин.

— Ерунда! — закричал Грегори. — Вы сделали из вашего «Хэппенинга» настоящее развлекательное шоу. Не сознавая этого, отошли от информационной передачи. Если бы я не знал вас так хорошо, я бы решил, что вы тоже мечтаете о власти.

Робин раскованно улыбнулся, но его глаза цветом напоминали сталь.

— Возможно, я действительно стремлюсь к ней.

Грегори улыбнулся.

— Я всегда воздерживаюсь от поспешных оценок. Я проделал большую домашнюю работу.

Остин взял с тумбочки папку.

— Не верите? О'кей: вы выросли в Бостоне. Вас ждет состояние. Ваш отец был известным адвокатом. Ваша мать живет в Риме. К сожалению, ее здоровье оставляет желать лучшего. У вас есть сестра в Сан-Франциско. Ее муж весьма богат. Человек вашего типа делает свою работу, потому что любит ее. Он чувствует себя защищенным и не рвется к власти. Возьмите меня, Робин — я вырос на Десятой авеню, кое-кто из моих друзей детства угодил на электрический стул. Знаю, что это напоминает фильмы Богарта, но это правда. Другие мои сверстники добились успеха, став адвокатами, политиками и врачами. Потому что все мы мечтали о власти. Преступники, выросшие на Десятой авеню, не разменивали себя на грабежи. Они совершали убийства. Если они шли в бизнес, то тоже становились убийцами. Я — убийца. Ден — тоже. Вы — нет. Я не доверил бы вам финансовые дела телекомпании даже на пять минут. Вы в своем «Взгляде» всегда превышали бюджет. Вы создали передаче престиж. Теперь, когда «Взглядом» занимается Энди Парино, а Клифф присматривает за передачей, она впервые стала приносить доходы.

— Зато она кое-что потеряла, — сказал Робин. — Я собирался в следующий понедельник встретиться с Энди. Он дает слишком много нью-йоркских материалов и мало новостей из Европы.

— Эта встреча не состоится, — выпалил Грегори. — Вы не разбираетесь в коммерческой стороне дела. Передача имеет неплохой рейтинг. Она может давать прибыль в течение еще одного сезона. К счастью, «Хэппенинг» приносит нам достаточно денег, хоть это и ваше детище.

Грегори улыбкой смягчил свои слова.

— Но я пригласил вас не для того, чтобы читать вам лекцию о телевизионной экономике. Ден отлично ею владеет. Клифф — тоже. У Дена есть одно достоинство — он никогда не порекомендует убыточную передачу.

— А как насчет качества? — спросил Робин.

— Публике оно не нужно. Мы сохраняем несколько передач высокого художественного уровня. Они убыточны. Вам известно, чего хотят зрители. Дерьма. Подтверждением этого служат высокие рейтинги старых фильмов. Я не пойду по такому пути. Я хочу создавать новые шоу для пикового времени. Но телекомпания должна приносить доход. Это — забота Дена. Мы победим, соединив ваш вкус с коммерческим чутьем Дена.

Робин сомкнул кончики пальцев. Уставился на них. Потом поднял голову.

— Кто займет место президента редакции новостей?

— Я жду ваших предложений.

— Энди Парино.

— По-моему, он не потянет, — сказал Грегори.

— Я за ним пригляжу. Он будет обо всем докладывать мне.

Грегори кивнул.

— Хорошо,
— Как насчет
— Ден работ
— А мне он
— На какой
— На год.
Робин замет
— Грегори,
сказать вам сл
звонками по м
«Ай-Би-Си». Б
гарантия на го
за год либо я
новостей.
Грегори кив
— Вы пра
тысяч долларо
— По-мое
— Ден на
— Скольк
— Семьде
с прибыли.
Робин кив
— Это зв
Грегори п
— Мне нр
ственность на
Грегори п
— Желан
Робин ул
— А я х
Затем он
— Забот

Новость
Дентон
ность Робин
обычной ул
нужен помо
Но Мил
думают лю
роной «21»
Допоздна с
посвященн
как с ней
бросив Сто
Но про
о заменах
Грегори вь

- Хорошо, я согласен.
- Как насчет контракта? — спросил Робин.
- Ден работает без контракта.
- А мне он нужен.
- На какой срок?
- На год.

Робин заметил, что Остин испытал облегчение.

— Грегори, из этого может ничего не получиться. Но я хочу сказать вам следующее. Я не намерен беспокоить вас телефонными звонками по малейшему поводу. Я стану настоящим президентом «Ай-Би-Си». Буду предлагать идеи и отстаивать их. Мне нужна гарантия на год. Нельзя ни о чем судить по шести неделям. Но за год либо я оправдаю ваши надежды, либо вернусь в редакцию новостей.

Грегори кивнул.

— Вы правы. Что вы скажете, если я предложу вам шестьдесят тысяч долларов в год плюс покрытие расходов?

- По-моему, это смешно.
- Ден начинал с пятидесяти.
- Сколько он получает сейчас?
- Семьдесят пять тысяч плюс покрытие расходов и процент с прибыли.

Робин кивнул.

— Это звучит лучше.

Грегори помолчал. Затем улыбнулся.

— Мне нравится ваша смелость. А также готовность взять ответственность на себя. О'кей, Клифф подготовит контракт.

Грегори протянул руку Робину.

— Желаю удачи президенту «Ай-Би-Си».

Робин улыбнулся.

— А я желаю председателю правления превосходного отдыха.

Затем он посмотрел на Джудит.

— Заботьтесь о нем получше, миссис Остин.

Новость пронеслась по Мэдисон-авеню, как тайфун.

Дентон Миллер испытал шок, но сделал вид, будто новая должность Робина — его личное изобретение. Ден встретил прессу своей обычной улыбкой и сделал заявление: «Он способный парень. Мне нужен помощник на время отсутствия Грегори».

Но Миллер часами смотрел на небо из своего окна, гадая, что думают люди. Он стал принимать транквилизаторы. Обходил столовой «21» и другие рестораны, где бывали сотрудники агентства. Допоздна сидел в офисе. Узнав, что Робин записывает «Хэппенинг», посвященный Диане Уильямс, стал молить бога о том, чтобы актриса, как с ней не раз бывало в прошлом, вдруг куда-нибудь исчезла, бросив Стоуна. Тогда Робин сядет в лужу.

Но прошел январь, и страх Дентона рассеялся. Все решения о заменах передач были приняты несколько месяцев тому назад. Грегори выбрал шоу еще в ноябре. Некоторые из них, похоже, нрави-

лись публике, а кое-где успех превзошел все ожидания. Настала пора просматривать пробные записи передач, которые должны были пойти в эфир осенью.

К февралю Дентон окончательно успокоился. Затем он узнал о новом офисе Робина. Несколько комнат в центхаусе! Ден ворвался в кабинет Клиффа.

Юрист попытался отмахнуться.

— Куда еще мы можем его поместить? Скажите мне. Энди Парино занял кабинет Робина. Другого места просто нет. У Грегори наверху пустуют сотни квадратных метров. Он собирался оборудовать там спортзал и сауну. Из-за нехватки площади Грегори отдал эти помещения Робину.

— Как в этой ситуации выгляжу я? Робин делит пентхаус с Грегори!

Клифф вздохнул.

— О'кей, скажите мне, куда поместить его, и я буду вашим должником.

— Туда следовало перевести меня, — выпалил Ден. — А Робину отдать мой кабинет.

Клифф улыбнулся.

— Не слишком разумная мысль для человека, который твердит всем, что Робина повысили, чтобы убрать его из редакции новостей. Окажись Робин в вашем кабинете, Ден, все решат, что он заменил вас. Тогда получится, что избавиться пожелали от Дентона Миллера.

Ден ответил на это лишь мрачным молчанием. Газеты уделяли много внимания новому назначению Робина. Сначала сам Стоун воздерживался от комментариев. Но в конце концов уступил прессе и дал интервью. Произошло это в тот день, когда он обосновался в новом офисе.

Он стоял у большого стола, а репортеры забрасывали его вопросами. Его ответы были вежливыми, но уклончивыми. Пресса, чувствуя его нежелание открыться, прощупывала Робина. Он испытывал сочувствие к своим бывшим коллегам. Они нуждались в каком-то материале.

— Давайте лучше поговорим не о моей новой должности, а о телевидении вообще, — с улыбкой сказал Робин.

— Ваше мнение о нем? — спросил молодой человек.

— Это осьминог. Не просто «ящик», а машина любви.

— Почему машина любви? — удивился репортер.

— Потому что ТВ продает любовь. Создает ее. Судьба кандидата в президенты определяется тем, как он выглядит на телеэкране. ТВ превращает политиков в кинозвезд, а кинозвезд — в политиков. Девушка быстрее выйдет замуж, если она пользуется эликсиром для рта, рекламируемым с экрана. ТВ утверждает, что женщины будут виснуть у вас на шее, если вы станете употреблять определенный лосьон для волос. Дети едят кукурузные хлопья, чтобы походить на бейсбольных кумиров. Но, как все великие любовники, ТВ отличается непостоянством. Оно обладает магнетизмом, но у него нет сердца, которое заменяют индексы Нильсена. Когда «цифры»

падают, передача умирает. Машина любви — сердце и пульс двенадцатого века.

Газеты наперебой цитировали Робина. Ден пришел в ярость. Особенно когда стараниями репортеров к Робину пристало прозвище — Машина любви. «Возможно, мистер Стоун сравнивал «ящик» с самим собой, — писал Ронни Вулф. — Известна его склонность проводить время в обществе красивых девушек. Как та машина, о которой говорил Робин Стоун, он с легкостью меняет свои симпатии».

Ден швырнул газету на пол. Черт возьми, все это на руку Робину: стоит назвать человека Дон-Жуаном, как вокруг него появляется интригующий ореол. Ден взял таблетку транквилизатора, проглотил ее и подумал: «Любопытно, что делает сейчас этот сукин сын в своем роскошном новом офисе. Какие планы он вынашивает?» Репетиция передачи с участием Дианы Уильямс была отложена на две недели. Газеты утверждали: второй участник передачи, Байрон Уитерс, отклонился из-за того, что его роль была урезана в пользу Дианы по сравнению с первоначальным замыслом. И чем только питается наглость киноактеров — они уверены, что могут появиться на Бродвее после трех картин и делить славу с Дианой Уильямс. Ден, мечтавший о крахе Робина, все же почитал талант Дианы Уильямс. Он отложил газету, надеясь, что репортеры врал, и все дело в тяжелом характере Дианы.

Робин также предполагал, что Диана сама создает себе сложности. Наверно, она по-прежнему злоупотребляет спиртным и балуется наркотиками. Аик Риан клялся, что она в полном порядке и с нетерпением ждет начала репетиций. «Остается только найти актера на главную роль. Ему даже не обязательно быть первоклассным певцом, лишь бы подходил по типу», — сказал Аик.

Робин собирался пойти в просмотровый зал, когда в кабинет заглянула секретарша.

— К вам пришел мистер Нелсон.

На секунду Робин замер в недоумении. Он посмотрел на женщину.

— Это Дип Нелсон, киноактер, — добавила она.

На лице Робина появилась радостная улыбка.

— Конечно, пригласите его.

Появившийся Дип ослепительно улыбнулся секретарше. Она зарделась от волнения и выскочила из кабинета. Робин засмеялся.

— Ты сразил сорокалетнюю старую деву.

Дип пожал плечами.

— В этом случае мне следует, уходя, схватить ее за ягодицы — пусть бедняжка умрет счастливой.

Оглядев офис, Дип свистнул.

— Старина, ты недурно устроился.

— Как дела, Дип?

Белокурый красавец сел в кресло и перекинул свои длинные ноги через подлокотник.

— Честно говоря, до сегодняшнего дня они обстояли неважно.

— Что случилось с выступлением в «Персидском зале»? Я ждал появления афиш.

Дип снова пожал плечами.

— Наш номер провалился. Мы год ездили по стране и выжали из него все, что могли, но не посмели появиться с ним в Нью-Йорке. Я кое-что понял. Мы с Паули не пара.

— Вы расстались?

— Как бы не так. Наш союз прочен, как никогда. Просто мы не подходим друг другу в качестве партнеров. Понимаешь, когда она поет или исполняет комедийные номера одна, все прекрасно. Я тоже отлично пою и танцую без нее. Публика покатывается от смеха, когда я пародирую звезд. Имитируя Годфри, я добиваюсь полного сходства. Тед Льюис уверен, что слышит себя, когда я произношу: «Все счастливы?» Но у меня один стиль, а у нее — другой. Мой агент сообщил мне, что Айк Риан ищет партнера для Дианы Уильямс. Большой Дип создан для этой роли. Ты как-то сказал, что считаешь себя моим должником. Как насчет того, чтобы устроить нас с Паули в «Шоу Кристи Лейна»? Это послужит пробой для меня и принесет нам дополнительную известность. Я слышал, гостям платят пять сотен. Пресса заговорит о Паули. Моя жена придет в ярость, если я выступлю с Дианой Уильямс. А так она поверит, что я попал к Айку случайно, не прилагая к этому никаких усилий.

— Я это устрою. Когда ты хочешь выступить?

— Хоть завтра!

Робин снял трубку и позвонил Джерри Моссу.

— Джерри, кого ты пригласил для ближайшего «Шоу Кристи Лейна»? Лона Роджерса? Выкинь его. Мне плевать, что Лона нашел Арти Райлендер — гонорар платит «Ай-Би-Си». Я хочу, чтобы вместо Роджерса выступили Паули и Дип Нелсоны. Возникнут осложнения — ссылайся на меня... Конечно, скажи, что я не выношу Лона Роджерса, что я против... Да нет же, по-моему, Лон ничем не хуже любого другого баритона, просто я хочу пригласить Дипа и Паули. Отлично.

Положив трубку, он улыбнулся Дипу.

— Все в порядке.

Дип изумленно покачал головой.

— Дружище, ты высоко взлетел, пока мы колесили по стране.

Утром следующего дня секретарша Робина сообщила своему шефу, что его ждет в приемной Дентон Миллер. Робин разговаривал с Грегори, находившимся в Палм-Бич.

— Пусть подождет, — ответил президент «Ай-Би-Си».

Ден наливался яростью. Когда его, наконец, впустили к Робину, он выпалил с дороги:

— Мало того, что вы влезаете в мое шоу, вы еще и хамите мне, вынуждая ждать в приемной.

— Неужели такой пустяк заставил вас подняться ко мне? — с приветливой улыбкой произнес Робин.

Ден стоял перед ним, стиснув кулаки.

— Как вы посп
какую парочку в
— Лучшее шоу
— Ваши оправ
Робин смерил
— Последний
— Почему они
— Потому что
выступали на ТВ.
голливудских лиц
несколько дней во
шоу не будет кин
— Слушай, су
Позвонила се
звучал голос ж
— Мистер Ст
— До Рима?
у Дена был
— Почему, ч
Робин встал.
— Потому ч
Пройдя мим
— Я получи
мне время. Над
без меня.

Серджио во
— Я не по
что это про
вчера доктор
правильно?
— Конечно
Он замети
сели в машин
— В како
Уголком
слеза.
— Она в
— Ты со
— Лайза
книжке Кит
В десять
только взгля
умерла в од
чард опозда

— Как вы посмели через голову Арти Райлендера всунуть эту жалкую парочку в мое лучшее шоу?

— Лучшее шоу «Ай-Би-Си», — поправил его Робин.
— Ваши оправдания? — произнес Ден.

Робин смерил его ледяным взглядом.

— Последний раз я оправдывался, когда мне было пять лет.

— Почему они приглашены? — прорычал сквозь зубы Ден.

— Потому что они мне нравятся. Это новые люди. Они еще не выступали на ТВ. Это само по себе плюс. Я устал от одних и тех же голливудских лиц. Мы платим этим людям по пять тысяч, а через несколько дней вся страна видит их на киноэкране. Отныне в наших шоу не будет киноактеров.

— Слушай, сукин сын...

Позвонила секретарша. Робин щелкнул клавишей. В кабинете зазвучал голос женщины.

— Мистер Стоун, я заказала вам билет до Рима.

— До Рима?

У Дена был такой вид, будто его сейчас хватит удар.

— Почему, черт возьми, вы едете в Рим?

Робин встал.

— Потому что моя мать при смерти.

Пройдя мимо Дена, он остановился у двери.

— Я получил разрешение Грегори отсутствовать любое нужное мне время. Надеюсь, в течение нескольких дней вы сумеете обойтись без меня.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Серджио встретил Робина в аэропорту.

— Я не послал тебе телеграмму раньше, потому что мы думали, что это просто очередной приступ, — объяснил итальянец. — Но вчера доктор сказал, что я должен уведомить родных. Я поступил правильно?

— Конечно, Серджио, — сказал Робин.

Он заметил в глазах молодого человека слезы. Когда мужчины сели в машину, Робин спросил:

— В каком она состоянии?

Уголком глаза он заметил, что по щеке Серджио покатились слезы.

— Она в коме.

— Ты сообщил моей сестре? — спросил Робин.

— Лайза и Ричард скоро прилетят. Я нашел их адрес в записной книжке Китти и послал им такую же телеграмму, что и тебе.

В десять часов утра они прибыли в больницу. Робину позволили только взглянуть на восковое лицо под кислородной палаткой. Китти умерла в одиннадцать тридцать, не приходя в сознание. Лайза и Ричард опоздали на час. У сестры Робина началась истерика, и ей дали

успокоительное. Подавленный Ричард внешне сохранял спокойствие, стоя возле жены.

Утром следующего дня Робин, Серджио и Ричард встретились с адвокатом Китти и обсудили вопросы, связанные с ее смертью. Завещание Китти должно было пройти утверждение в Штатах. Состояние делилось поровну между Робин и Лайзой, но Китти оставила виллу, автомобиль и все свои драгоценности Серджио. Весь день Лайза провела в кровати. Утром следующего дня она вышла к завтраку, бледная и молчаливая, когда Робин и Серджио пили по второй чашке кофе.

— Китти хотела, чтобы ее кремировали, — сказал Робин. — Вчера мы с Ричардом отдали соответствующие распоряжения.

Лайза ничего не сказала. Внезапно она повернулась к Серджио.

— Вы не могли бы допить кофе в другой комнате? Я хочу поговорить с моим братом.

Глаза Робина сузились.

— Это его дом, — произнес он.

Но Серджио уже унес свою чашку в гостиную.

— Ты поступила очень грубо, — спокойно заметил Робин.

Лайза, не отреагировав на его слова, повернулась к мужу.

— Ну, ты ему скажешь?

Ричард смутился. Затем посуровел, запасаясь мужеством.

— Мы будем оспаривать завещание.

— Что именно вы собираетесь оспаривать?

— Права Серджио на виллу и драгоценности. Мы не можем проиграть.

— Почему вы в этом уверены?

Ричард улыбнулся.

— Как только мы подадим в суд, введение в наследство будет остановлено. Серджио понадобятся деньги на жизнь, которых у него явно нет. Через несколько месяцев он согласится на несколько тысяч долларов. Конечно, мы заявим, что Китти составляла завещание, будучи невменяемой. Что парень оказал на нее давление.

— Я оспарю это утверждение, — невозмутимо заявил Робин.

— Ты встанешь на сторону этого гомика? — спросил Ричард.

— Я на стороне любого человека, который был добр к Китти.

— Я потребую провести расследование, — сказал Ричард. — Докажу, что он играл на чувствах старой больной женщины.

— Как ты сможешь это доказать? Ты что, был здесь хоть раз? Видел их вместе? А я видел. А поэтому мое слово будет значить больше твоего.

— О нет, не будет, — страшным тоном заявила Лайза. — У меня есть козыри, которые способны уменьшить силу твоего слова. А публичное разбирательство плохо повлияет на твою карьеру. Не говоря уже о личной жизни.

Ричард бросил на жену предостерегающий взгляд.

— Лайза, мы можем выиграть юридическим путем. Не будем переходить на личности.

— Я могла предвидеть твоё поведение, — заявила Робину Лайза. — В конце концов, кто ты такой? Всего лишь везучий бастард...

— Лайза! — остановил жену Ричард.

— Нет, почему я должна щадить его? Я хочу увидеть, как старший брат впервые в жизни выйдет из себя! Это только подтвердит, что происхождение определяет все. Он мне такой же брат, как этот гомик в соседней комнате!

Она повернулась к Робину.

— Тебя усыновили в пятилетнем возрасте!

Робин и глазом не моргнул.

— Лайза, сейчас ничто не радует меня так, как сознание того, что нас не связывают родственные отношения.

— Твоя мать была шлюхой!

— Лайза, — вмешался Ричард.

— Пусть продолжает, — спокойно произнес Робин.

— О, я хранила тайну последние несколько лет. С тех пор, как узнала её. Китти поведала мне все, когда заболела. Она сказала, что в тяжёлую минуту я должна обратиться за помощью к тебе. Что ты — сильный человек. Что она любит тебя, как родного. Китти усыновила тебя, потому что потеряла надежду иметь собственного ребенка. У отца был знакомый юрист, он рассказал ему о деле, которое вел; речь шла о сироте, попавшем в приют города Провиденс в состоянии комы. Мама решила усыновить его. Твоя мать была замужем! У тебя нет отца. Но моя мама боготворила тебя, потому что спустя два года свершилось чудо — родилась я! Мы не можем лишиться тебя твоей доли наследства — тут все законно, отец составил дурацкое завещание. Но я в силах остановить тебя, если ты вздумаешь помогать этому гомику.

— Попробуй. Я получу удовольствие от схватки.

Она вскочила и плеснула кофе ему в лицо.

— Ты все знал о своём усыновлении! Хладнокровный ублюдок — ненавижу тебя!

Лайза выбежала из комнаты.

Потрясенный Ричард остался за столом.

Робин невозмутимо вытер лицо и рубашку.

— Слава Богу, кофе остыл, — с улыбкой сказал он.

Ричард встал.

— Извини, Робин. Лайза не соображала, что несла. Она одумается.

Он направился к двери.

— Не волнуйся, Робин — я не позволю ей оспаривать завещание.

Робин улыбнулся.

— Ежик, я, вероятно, недооценивал тебя.

Тело Китти кремировали. Лайза молча забрала урну. На следующий день она улетела с Ричардом домой. Очевидно, Ричард как-то повлиял на неё, поскольку она больше не заявляла о своём намерении оспорить завещание. Когда они уехали, Робин налил себе неразбавленной водки. Серджио посмотрел на него.

— Я хочу поблагодарить тебя, Робин. Когда твоя сестра вышла из себя, я все слышал, сидя в соседней комнате. Это правда, что ты был усыновлен?

Робин кивнул. Затем с усмешкой повернулся к Серджио и сказал:

— Правда и то, что ты теперь состоятельный человек.

Итальянец кивнул.

— Китти оставила мне много драгоценностей. Перламутр, бриллиант изумрудной огранки весом в двадцать один карат. Теперь я смогу поехать в Америку!

Робин тихо свистнул.

— Серджио, тебе действительно кое-что обломилось!

— Я хочу сказать следующее: может быть, ты хочешь подарить своей девушке какое-нибудь кольцо или колъе?

— Нет. Оставь все себе. Ты был с ней, когда она в этом нуждалась.

Серджио посмотрел на Робина.

— Что ты собираешься делать, Робин?

— Прежде всего я напьюсь до чертиков. Знаешь что, Серджио, давай-ка найдем каких-нибудь девушек.

Он замолчал.

— Ты действительно не интересуешься женщинами? Совсем?

Серджио покачал головой.

— Даже с Китти у меня ничего не было. Нас связывала только дружба.

— О'кей, сегодня ты будешь моим другом. Давай пойдем куда-нибудь и напьемся.

— Я составлю тебе компанию, Робин, но пить не буду.

В два часа ночи Робин шагал по булыжной мостовой и пел песни. Он едва замечал, что Серджио поддерживал его, не давая ему упасть. Несколько раз он спотыкался, оставаясь на ногах только благодаря Серджио. Робин еще никогда так не напивался. Вернувшись в дом, он рухнул на постель и отключился. Проснувшись утром, Робин впервые понял, что такое похмелье. Он лежал под простыней в одних трусах. Серджио принес крепчайший кофе. Робин взял чашку и с любопытством посмотрел на итальянца.

— Серджио, кто меня раздел?

— Я.

— Понятно. Получил удовольствие?

Серджио, похоже, оскорбился не на шутку.

— Робин, вся беда в том, что люди считают гомосексуалистов способными вступить в связь с кем угодно. Ты бы мог овладеть девушкой, которая потеряла сознание?

Робин виновато усмехнулся.

— Я получил по заслугам. Извини.

Затем, пытаясь выправить ситуацию, он сказал с улыбкой:

— Серджио, это мне следовало бы обидеться. Я думал, что нравлюсь тебе.

На мгновение в темных глазах итальянца мелькнула искорка надежды. Затем он заметил улыбку Робина.

— Ты шутишь. Но я всегда буду носить этот браслет.
Он вытянул руку.

— Я знаю, что ты предпочитаешь женщин, но когда-нибудь я найду мужчину, который будет любить меня так же, как я — его.
Робин отхлебнул черный кофе. В его голове начало проясняться.

— Ты презираешь таких, как я, Робин?

— Нет, Серджио. Ты хотя бы знаешь, кто ты такой и чего хочешь от жизни.

— Тебя мучает то, что ты не знаешь свою мать?

— Да — это порождает чувство заброшенности, — медленно произнес Робин.

— Тогда выясни, кто она.

— Ты слышал, что сказала Лайза. К сожалению, это правда. У меня в бумажнике лежит газетная вырезка, подтверждающая ее слова.

— Германия находится рядом.

— Что ты имеешь в виду?

— Тебе известно имя матери, город, откуда она приехала. У нее, вероятно, были друзья, родственники. Ты можешь что-то узнать о ней.

— Забудь об этом.

— Ты готов поверить Лайзе и репортерам? Она назвала меня гомиком. Это верно. Но я еще человек. Возможно, твоя мать была хорошей женщиной. Узнай о ней что-нибудь.

— Я не владею немецким. Никогда не был в Гамбурге.

— Я говорю по-немецки и неплохо знаю этот город.

Робин улыбнулся.

— Серджио, ты — кладезь талантов.

— Мы можем через несколько часов оказаться там. Я готов поехать с тобой.

Робин отбросил простыню и вскочил с кровати.

— Знаешь что, Серджио? Я никогда не был в Германии. Хотел бы увидеть ее. Особенно Гамбург. Когда-то я сбросил на него несколько бомб. Мне нравятся немки. Закажи билеты на самолет. Возможно, мы ничего не узнаем о моей матери, но, ручаюсь, что-нибудь интересное нам подвернется!

Они остановились в отеле «Времена года». Роскошный интерьер уютного «люкса» был типичным для Старого света. Восточные ковры, толстые шерстяные пледы. Серджио подошел к телефону и принялся звонить всем Бошесам, которых он обнаружил в справочнике. Робин сидел у окна, потягивая водку и наблюдая за тем, как сумерки опускаются на город. Люди ждали автобусов. Матери вели детей по улицам. Магазины закрывались. Вода в Эльстере была темной, без ряби. Вот, значит, как выглядит враг, которого он бомбил с англичанами. Гамбург напоминал обыкновенный американский город. Робин едва прислушивался к безупречной немецкой речи Серджио. После восьмого звонка итальянец возбужденно окликнул Робина, записывая адрес.

— Нам повезло,— заявил Серджио, положив трубку.— Эти Бошесы сказали, что они — дальние родственники Герты. Мы можем встретиться с ними завтра.

— Продолжай звонить,— попросил Робин.— Герта — распространенное имя.

Через час разыскали следы пятерых Герт Бошес, уехавших в Америку. Одна женщина до сих пор жила в Милуоки. Ее следовало исключить. Судьбы других были неизвестны.

Вид у Серджио был разочарованный.

— Похоже, мой план не так хорош, как казалось. Я сожалею, Робин.

— Он сожалеет! Ты что, собираешься сидеть здесь и плакать в свое пиво? Покажи мне Гамбург. Есть ли в этом городе ночная жизнь?

Серджио громко рассмеялся.

— Робин, по ночной жизни ни один город мира не может сравниться с Гамбургом!

— Ты шутишь! Даже Париж?

— Парижане — ханжи. Их ночные клубы — для туристов. Идем, я покажу тебе ночную жизнь. Но мы возьмем с собой не более ста долларов и разменяем их у администратора на мелкие купюры. Там, куда я поведу тебя, легко стать жертвой ограбления.

Они сидели в такси; Серджио подсказывал водителю, как проехать в нужное им место. Когда мужчины вышли из машины, итальянец сказал:

— Это район Сент-Паули.

Они пошли по ярко освещенной улице.

— Это Реепербан.

Огней здесь было больше, чем на Бродвее. Возле бара «Уимпи» стоял небоскреб. На другой стороне улицы находился кегельбан. Больше всего Робина поразили люди. Их было много, они праздно прогуливались по тротуару. Робин вспомнил суетливую толпу покупателей, снующих перед рождеством по Пятой авеню. Немцы бродили без какой-либо определенной цели. Робин и Серджио приблизились к скоплению магазинов. Вся улица сверкала неонами. Торговцы продавали ароматные сосиски. Робин остановился возле одного лотка.

— Две Weisswurst, пожалуйста.

Серджио посмотрел на него.

— Что это, Робин? Похоже на копченые колбаски.

Робин откусил кусочек, брызнув горячим соком.

— Weisswurst. Я не ел их с...

Он замолчал, внезапно лишившись дара речи.

— Я только что увидел ее, Серджио! Маленький круглый столик. Красивая женщина с черными волосами ставит тарелку перед мальчиком. Они были горячие и вкусные.

Робин отодвинул от себя картонную тарелочку.

— Это — отбросы по сравнению с тем, что готовила она.

Они отошли от стойки и молча двинулись дальше.

— Я увидел
минать все. Она
глаза, как у цыг
— Я рад, —
— Она дейс
Боже, как она
собираемся всю
случае, другое
Серджио взя
Они свернули в
— Это здес
Робину пока
девицы.

— American
Одна нахал
— Повесел
Робин улыб
или двора по
ковыми. По
с Седьмой ав
чивыми нович
обслуживали
жио останови
лыми буквам
дверь; Робин

— Это Ге
Робин не
мостовой, вы
домики. Ни
толка. В каж
были темным
что она сей
проституток
мостовой л
звезду в те
тель кино
увиденным
такое суще
прохожих.
меров, пот
смотрели
подружке,
о зеваках
мире мож
девушки?

* Поба
** Вхо

— Я увидел ее лицо, — пробормотал Робин. — Я начинаю вспоминать все. Она была прекрасная — темные волосы, горящие черные глаза, как у цыганки.

— Я рад, — произнес Серджио.

— Она действительно была шлюхой. Но теперь я ее вспомнил. Боже, как она была красива. Отпразднуем это, Серджио. Мы не собираемся всю ночь бродить по немецкой улице, а? У меня, во всяком случае, другое представление о ночной жизни.

Серджио взял его под руку и перевел на другую сторону улицы. Они свернули вправо и прошли квартал.

— Это здесь, — сказал итальянец. — Зильберсакштрассе.

Робину показалось, что они попали в другой мир. Их атаковали девицы.

— Americaner — Spiel? *

Одна нахальная проститутка увязалась за ними.

— Повеселимся втроем?

Робин улыбнулся, и они зашагали дальше. То и дело из переулков или двора появлялась новая девушка. Предложения были одинаковыми. По сравнению с немками их американские коллежанки с Седьмой авеню и южной части Централ-парка казались застенчивыми новичками. Жесткие, хищные фройлен в юбках с разрезом обслуживали матросов. Мужчины пересекли еще одну улицу, и Серджио остановился перед потемневшими деревянными воротами. Белыми буквами было написано: «Ver boten» **. Серджио открыл дверь; Робин в безмолвном изумлении проследовал за другом.

— Это Гербертштрассе, — прошептал Серджио.

Робин не верил своим глазам. По обеим сторонам длинной узкой мостовой, выложенной булыжником, стояли маленькие двухэтажные домики. Нижние окна начинались от пола и заканчивались у потолка. В каждом освещенном окне сидела девушка. Некоторые окна были темными. Серджио указал на верхнюю комнату: «Это означает, что она сейчас работает». Люди бродили по улице, разглядывая проституток. Робин с удивлением заметил, что среди гуляющих по мостовой людей попадаются женщины. Он узнал известную кинозвезду в темных очках и шелковом платке — немецкий представитель кинокомпании повел ее на экскурсию. Робин был потрясен увиденным не меньше, чем актриса. Он отказывался верить, что такое существует до сих пор. Девушки в окнах словно не замечали прохожих. Они сидели в лифчиках и трусиках символических размеров, потягивая вино из бокалов. Их сильно подведенные глаза смотрели мимо людей. Иногда девушка могла повернуться к своей подружке, сидевшей в соседнем окне, и сказать что-то смешное о зеваках. Коллежанка отвечала ей смехом. Смехом? Как в этом мире может существовать смех? Что чувствуют, о чем думают эти девушки? Как они могут смеяться?

* Побалуемся, американец? (нем.).

** Вход запрещен (нем.).

— Канун рождества — грустный вечер, — прошептал Серджио. — Они выставляют в окнах маленькие елочки и делают друг другу подарки. А в полночь плачут.

— Откуда ты все это знаешь?

— Моя сестра работала здесь, — тихо пояснил Серджио.

— Твоя сестра!

— Я родился во время войны. Мой отец погиб в Тунисе. Мать выбивалась из сил, чтобы прокормить меня и трех братьев. Нам всем было меньше десяти лет. Сестре исполнилось четырнадцать. Она пошла на панель, чтобы приносить нам продукты от американцев. Потом попала на Гербертштрассе. В прошлом году она умерла в возрасте тридцати пяти лет. Она прожила долго для девушки с Гербертштрассе. Идем, я покажу тебе, где они оказываются после тридцати.

Он повел Робина в переулок, уходящий в сторону от Гербертштрассе. Здесь в окнах сидели полные зрелые женщины, явно заменявшие четвертый десяток. Робин увидел толстую наруганную особу с волосами, окрашенными хной, золотым зубом и мутными глазами. Мордастый мужчина с красным носом постучал по стеклу. Она открыла окно. Возле мужчины стояли трое его приятелей. Разгорелся жаркий спор. Внезапно проститутка захлопнула окно. Мужчины, пожав плечами, постучали в соседнее окно, где сидела пергидролевая блондинка. Кимоно прикрывало ее груди, болтавшиеся где-то на животе. Они перебросились несколькими фразами. Женщина открыла дверь, мужчины зашли в дом. В окне погас свет — компания отправилась на второй этаж.

— Что произошло? — спросил Робин.

— Они торговались, — пояснил Серджио. — Они хотели заплатить за одного человека, который будет заниматься сексом; три его спутника пожелали за небольшую дополнительную плату наблюдать за происходящим.

Робин рассмеялся.

— Групповой просмотр.

Серджио кивнул.

— Вторая проститутка согласилась, но она предупредила их о том, что если зрители начнут мастурбировать, им придется заплатить за чистку ковра.

Они вернулись на Гербертштрассе. В одном окне Робин увидел девушку, напомнившую ему проститутку, которую он избил. Она стояла в сапогах, с хлыстом в руке.

— Это на любителя, — прошептал Серджио.

Они вышли обратно на Реепербан и заглянули в дискотеку, откуда их быстро выставили. Робин успел увидеть женщин, которые танцевали друг с другом и сидели у стойки, держась за руки. Мужчинам вход сюда был запрещен. Робин и Серджио остановились возле кафе; зазывала, стоявший у двери, приглашал взглянуть на голых красоток. Робин пожал плечами; Серджио вошел в кафе вслед за другом. Зал был забит матросами. Мужчин провели к маленькому столику, расположенному в глубине комнаты. На небольшой при-

поднятой сцене девушка демонстрировала стриптиз. Когда на ней не осталось и нитки, она скрылась под аплодисменты посетителей. Заиграла музыка. На сцену вышла другая девушка лет девятнадцати, с ясными глазами, в розовом шифоновом платье. У нее была простая, но приятная улыбка дебютантки, отправляющейся на свой первый бал. Эта, наверно, будет петь, решил Робин.

Она обошла сцену, улыбаясь матросам и приветствуя их. Они отвечали ей радостными криками — очевидно, она была здесь любимцей. Заиграла музыка, и девушка начала раздеваться. Робин изумился. Она была юной и красивой; девушка выглядела бы естественней в роли молоденькой начинающей секретарши из «Ай-Би-Си», чем стриптизерши кабачка для матросов. Полностью обнажившись, она раскланялась с той же радостной улыбкой. Она явно получала удовольствие от своей работы. Затем артистка поставила стул в центре сцены и села на него, раздвинув ноги. Улыбка не сходила с ее лица. Поднявшись со стула, она пошла по залу, наклоняясь возле каждого столика и позволяя мужчинам целовать ее груди. Оказавшись возле Робина и Серджио, засмеялась и покачала головой. Подмигнула им и зашагала дальше.

Робин бросил деньги на стол и направился к выходу. Серджио поспешил за ним. Они молча шли по улице.

— Этой девушке, — сказал Робин, — не больше двадцати. Почему? Каким образом?

— Робин, все они, — дети войны, выросшие в поисках пропитания и усвоившие особую систему ценностей. Для них секс — это не любовь и даже не удовольствие. Это — способ выжить.

На каждом углу к ним подходили шлюхи.

— Слушай, с меня довольно, — сказал Робин.

— Давай заглянем еще в одно место, а потом вернемся в отель.

Они вошли в кабаре с изысканным интерьером, расположенное на Гроссфрейхайтштрассе. Элегантные посетители сидели за столами, вполголоса беседуя друг с другом. Струнное трио негромко исполняло немецкие баллады. Это была длинная полутемная комната со стенами, увешанными австрийскими гобеленами. Группы мужчин насторожили Робина, но потом он увидел гетеросексуальные пары. Люди слушали музыку, держась за руки.

— Здесь, в «Голубом доме», великолепная кухня, — заметил Серджио.

— Ты ешь. Я хочу напиться.

Серджио заказал бифштекс и набросился на мясо с такой жадностью, что Робин почувствовал себя виноватым — они пропустили обед. Робин попросил принести бутылку водки. Он принимался потягивать спиртное, не разбавив его. Водка показалась ему горячей и бархатной...

Струнный ансамбль смолк. К музыкантам присоединился барабанщик, загремели цимбалы, кто-то гортанным голосом объявил номер, и шоу началось. Робин смотрел его без большого интереса. Это был обычный дорогой клуб. На помосте появилась французская певица, которую звали Вероник. У нее было хорошее контральто.

Она смолкла под вежливые аплодисменты. Робин налил себе новую порцию водки. Прищурился, чтобы лучше разглядеть следующую девушку. Хорошенькая простоватая блондинка спела что-то из «Цыган». Этель Мерман могла не волноваться. Когда зазвучали фанфары, Робин неохотно поднял голову. Конферансье закричал: «Бразиллия!» Прожектор выхватил из темноты стройную брюнетку.

Робин откинулся на спинку кресла. Девушка стояла фанфар. На ней был мужской фрак, надетый поверх леотарда. Лихо заломленная фетровая шляпа скрывала стянутые в пучок черные волосы. Она стала исполнять танец апачей. Девушка оказалась великолепной танцовщицей с солидной школой классического балета. Завершив номер неистовыми па, она сорвала с себя шляпу, и волосы рассыпались по ее плечам. Загремели аплодисменты, но девушка осталась на сцене и дождалась тишины. Музыка зазвучала вновь. Артистка соблазнительно покачала телом и скинула фрак. Медленно опустилась на колени, затем, точно змея, сбрасывающая свою кожу, освободилась от леотарда, оставшись в маленьких серебристых трусиках и лифчике.

Ансамбль заиграл быстрее, огни начали мелькать. Робин увидел, как девушка взлетела вверх, сверкнув серебристыми искорками. Полумрак сгустился. Бразиллия сняла с себя бюстгальтер и трусики. Вспыхнул свет, посетители увидели обнаженное тонкое тело с маленькими грудями. Затем в зале снова стало темно, и девушка убежала под громкие аплодисменты. Шоу закончилось. Робин был сильно пьян.

— Я хочу познакомиться с Бразиллией, — заявил он.

— Мы пойдем в «Лизель», это дальше по этой улице, они все там завтракают. Ты увидишь Бразиллию.

Робин посмотрел на часы.

— Ты шутишь. Сейчас три часа. Это заведение скоро закроется. Другие — тоже.

— В Гамбурге есть бары, работающие круглосуточно.

Робин расплатился и пожелал предупредить Бразиллию о том, что будет ждать ее в «Лизель». Серджио написал несколько немецких фраз на листке бумаги и вместе с парой купюр отдал послание официанту. Вскоре официант вернулся и что-то сказал Серджио.

— Она придет туда, — сообщил Серджио Робину. — Идем.

Робин последовал за итальянцем.

«Лизель» принадлежал полной немке, которая, встретив мужчин, отвела их в погребок со столиками, накрытыми клетчатыми скатертями. Серджио заказал пиво. Робин потягивал водку, оглядываясь по сторонам. Высокий красивый человек сел за дальний столик. Вскоре к нему присоединились несколько мужчин с женственной внешностью. Рослый посетитель посмотрел на Серджио. Робин был пьян, но он все же уловил незримую нить, протянувшуюся между Серджио и незнакомцем.

— Ты уверен, что Бразиллия придет сюда? Это не обыкновенный бар для голубых?

— Это единственное место в Сент-Паули, где можно позавтракать так рано.

Серджио не отводил взгляда от высокого мужчины. Робин похлопал итальянца по плечу.

— О'кей, Серджио, иди к ним.

— Я останусь с тобой. Вдруг Бразиллия не придет. Я не хочу бросать тебя одного.

— Слушай, приятель, мне не требуется опекун. Не беспокойся, она появится.

— Робин, мне это не нравится. Ты знаешь, кто она?

— Кончай треп, или тот красавчик потеряет интерес. Он, наверное, уже решил, что я — твой кавалер.

— Но Робин...

— Я должен прогнать тебя?

В этот момент дверь открылась, и в зал вошла Бразиллия. Она обвела его неуверенным взглядом. Робин, встав, кивнул ей. Девушка направилась к их столу.

— Отваливай дружище, — сказал Робин итальянцу.

Серджио пожал плечами и пересел к высокому мужчине. Бразиллия опустилась на стул возле Робина. Хозяйка заведения принесла ей коньяк.

— Я говорю по-английски, — тихим грудным голосом произнесла Бразиллия.

— Можешь ничего не говорить, детка.

Подняв голову, он заметил, что Серджио покидает зал с красивым посетителем. Итальянец помахал рукой Робину, который поднял вверх раздвинутые средний и указательный пальцы. Девушка молча выпила коньяк. Робин заказал для нее вторую порцию. Взял Бразиллию за руку. Она ответила на его пожатие. Изящный молодой блондин, войдя в зал, приблизился к их столику. Он обратился к Бразиллии на французском языке. Девушка кивнула, и человек подсел к ним.

— Это Вернон. Он не говорит по-английски. Он ждет друга и не хочет стоять у бара один.

Робин жестом подозвал хозяйку. К его удивлению, женщина принесла Вернону стакан молока.

— Вернон не пьет спиртное, — пояснила Бразиллия.

В зале появился высокий атлетически сложенный мужчина. Вернон, торопливо опустошил стакан, устремился навстречу ему.

— Бедный Вернон, — сказала Бразиллия. — Он не знает, кем хочет быть.

— Это нетрудно понять, — сказал Робин.

Бразиллия вздохнула.

— Днем он пытается быть мужчиной. А ночью становится женщиной. Ему нелегко.

Затем она повернулась к Робину.

— Ты пришел сюда за острыми ощущениями?

— Я люблю все необычное.

— Если ты ждешь от меня чего-то необычного, можешь ухо-

дить, — устало произнесла девушка. — Ты красив. Я бы хотела лечь с тобой в постель. Но мне нужна ночь любви, нормального секса. Никаких извращений. Ты понял?

— Меня это устраивает.

— Все будет именно так? — с мольбой в голосе спросила она.

— Ты останешься довольна, детка.

— Извини меня, я сейчас.

Она подошла к стойке и зашептала что-то Вернону. Он кивнул, еле заметно улыбнувшись. Затем Бразиллия вернулась к Робину.

— Идем.

— Что у нее за дела с Верноном? — подумал Робин, расплатившись. Многие девушки заводят друзей и конфиденентов среди гомиков. Аманда как-то сказала, что одна ее подруга-фотомодел ь живет с голубым. Взять, к примеру, его и Серджио.

Возле дверей стояло такси, но Бразиллия покачала головой.

— Я живу рядом.

Она повела его по темной булыжной мостовой. Вскоре они оказались возле большого здания. Через деревянную дверь вошли во внутренний дворик, напоминавший Робину о Париже. Он увидел горшочки с геранью на окнах, бездомных кошек; от этого места веяло скромным уютom. Они поднялись на второй этаж. Бразиллия подняла с пола буханку хлеба и вставила ключ в замок.

— Мне всегда приносят хлеб. Если я выпью много коньяка, а потом поем хлеб, утром меня не мучает похмелье.

Квартира была маленькой, но вполне женской. Все сверкало чистотой. Робин увидел почти девичью кровать, накрытую белым покрывалом с оборками. На ней лежали куклы. На туалетном столике стояла фотография Бразиллии. А над камином — портрет другой участницы шоу, Вероники.

— Ее номер слишком хорош для того, чтобы идти первым. Она могла бы добиться успеха в Нью-Йорке.

Протянув руку, Робин обнял девушку за талию.

— А ты слишком талантливая танцовщица для того, чтобы выступать со стриптизом. Ты по-настоящему хороша.

Бразиллия пожалала плечами.

— За это больше платят. Мой номер — гвоздь программы. Какая разница? Никому из нас не уйти отсюда. Если ты живешь и работаешь на Реепербан, поздно что-либо менять. Но когда-то я выступала в Америке. В Лас-Вегасе.

— Правда? — удивился Робин.

— Да, но с другим номером. Наша танцевальная группа состояла из шести человек. Мы работали с одним уже забытым американским певцом. Он едва вытягивал ноты, мы спасали его, танцуя на заднем плане. Это было десять лет тому назад. Мне тогда исполнилось восемнадцать. Я надеялась всерьез учиться балетному искусству. Но когда гастроли закончились, все, что у меня осталось, — это обратный билет. И я вернулась назад.

— Откуда ты родом?

— Из Милана. Я недолго прожила там.

Она налила ему коньяк.

— Затем я поняла, что вести буржуазный образ жизни, которого от меня ждали, было бы так же неприлично, как и...

Бразилия пожала плечами.

— Слушай, ты что, тоже считаешь обмен биографиями обязательной частью свидания?

— Нет. Можешь ничего мне не говорить. Но ты молода и красива. Не отказывайся от своей мечты.

Она посадила Робина на диван и села к нему на колени.

— Моя сегодняшняя мечта сбывается.

Она провела пальцем вдоль носа Робина, коснулась языком его уха.

— Такой красивый мужчина, как ты, хочет любить меня.

— Да, очень хочу, — подтвердил он и нежно поцеловал девушку. Она прильнула к нему. Потом повела за собой в спальню.

В постели она тотчас превратилась в агрессора. Ему казалось, что она находится буквально везде. Ее язык, точно крыло бабочки, щекотал Робину веки, упругий бюст девушки прижимался к его груди, длинные волосы танцовщицы падали ему на лицо. Она принялась любить его. Обессиленный Робин мог лишь, лежа на спине, принимать ее любовь. Когда все кончилось, его тело расслабилось от испытанного наслаждения. В полумраке он протянул руку и погладил Бразилию по голове.

— Бразилия, я никогда не забуду эту ночь. Впервые в моей жизни не я любил девушку, а она — меня.

— Я получала от этого удовольствие, Робин.

— Теперь моя очередь.

— Ты не должен...

— Глупышка. Я сам хочу.

Он начал ласкать ее лицо и тело. Овладел девушкой и стал двигаться, не вводя член до конца. Он хотел доставить ей удовольствие. Робин ускорил темп и увеличил глубину проникновения. Она крепко прижалась к нему, но Робин чувствовал, что Бразилия еще не готова. Ему показалось, что он двигается уже целую вечность. На виске пульсировала жилка, он изо всех сил сдерживал себя. А она не кончала. Такого с ним еще не случалось. Он не мог удовлетворить женщину! Стиснув зубы, Робин продолжал любить Бразилию. Он должен довести ее до оргазма! Затем Робин почувствовал, как поток жидкости извергается из его члена. Измученный, утомленный, он повалился на бок с сознанием того, что Бразилия осталась неудовлетворенной. Протянув руку, она коснулась его щеки. Затем девушка прильнула к Робину и стала целовать его лоб, нос, шею.

— Робин, ты — восхитительный любовник.

— Не обманывай меня, детка.

Он встал и отправился в ванную. Она была идеально чистой, как и вся квартира. Приняв душ, Робин в трусах вернулся в спальню. Бразилия протянула ему зажженную сигарету и похлопала рукой по кровати. Он устроился на ее великолепное тело. Под прозрачной ночной рубашкой виднелись маленькие груди. Она улыбнулась.

— Ложись, покурим.
На лице Робина появилась усталая улыбка.
— Бразиллия, в Штатах меня считают неплохим любовником.
Но сейчас меня не хватит на третий раз.
Он взял сигарету и стал одеваться.
Она вскочила с кровати и обняла его.
— Пожалуйста, останься со мной. Я хочу уснуть в твоих объятиях.
Утром я приготовлю тебе завтрак. Если погода будет хорошей, мы погуляем. Я покажу тебе, как выглядит Сент-Паули днем, а потом мы сможем снова заняться любовью. Робин, все было чудесно. Пожалуйста, не уходи.
Он принялся завязывать галстук.
— Я тебе не понравилась? — спросила она.
— Очень понравилась, детка.
Повернувшись к девушке, он сунул руку в карман.
— Сколько?
Она села в кровати. Он подошел к Бразиллии и коснулся ее плеча.
— Сколько, Бразиллия? Назови сумму.
Она склонила голову.
— Нисколько.
Сев возле девушки, он поднял ее голову. По лицу Бразиллии текли слезы.
— Милая, что случилось?
— Я тебе не понравилась, — всхлипывая, произнесла она.
Он растерялся.
— Слушай, я не собираюсь дарить тебе значок моей студенческой организации, если ты имеешь в виду это. Но ты мне очень понравилась. Жаль, что я оказался недостойн тебя.
Она обвила руками его шею.
— Это — самая удивительная ночь в моей жизни. Робин, ты — настоящий, нормальный мужчина.
— Нормальный?
— Увидев тебя с молодым человеком, я решила, что ты — активный гомосексуалист. Но ты оказался чудесным партнером.
— Серджио, — мой друг. Хороший друг. И ничего более.
Она кивнула.
— Понимаю. Он устроил тебе экскурсию по притонам.
— Перестань принижать себя. Он просто показывал мне ночную жизнь Гамбурга. И все.
— Как тебе было со мной? — спросила она.
— Замечательно. Жаль, что с тобой ничего не произошло.
Посмотрев на него, девушка улыбнулась.
— Робин, это все здесь, во мне.
Она коснулась своей груди.
— Я получила удовольствие, обнимая и любя тебя.
Он ласково коснулся ее волос.
— Ты никогда не кончаешь?
— Я не могу.
— Почему?

— У меня нет некоторых органов.

Робин растерянно уставился на нее. Внезапно выражение лица у Бразиллии стало испуганным.

— Робин, ты не знал! О, Боже...

Она вскочила с кровати и убежала в другую комнату. Робин поспешил за девушкой. Прижавшись к стене, она посмотрела на него. Похоже, она была охвачена страхом.

— Бразиллия.

Он подошел к ней. Она отступила назад, словно ожидая удара.

— Бразиллия, в чем дело?

— Пожалуйста, Робин, уходи.

Она выбежала из комнаты и протянула ему пиджак. Он бросил его на диван и схватил девушку. Робину стало не по себе.

— А теперь скажи мне, в чем дело. Никто не собирается тебя обижать.

Ее темные глаза изучали его лицо. Бразиллия дрожала от страха.

— Я думала, ты знаешь, что это за заведение — «Голубой дом».

— Нет, не знаю.

В голове Робина зародились первые ужасные подозрения.

— Вернон, который открывал шоу, — он тебе понравился, — называет себя Вероникой, когда на нем парик. Он живет со мной.

Робин отпустил ее.

— А как твое настоящее имя?

— До операции меня звали Энтони Бреннери.

— Ты...

Она отпрянула от Робина.

— Теперь я — женщина! — закричала Бразиллия.

— Но когда-то у тебя был член, — медленно произнес Робин.

Она кивнула. Слезы потекли по ее лицу.

— Теперь я — женщина. Не бей меня, не злись! О, Боже, если бы ты знал, что я вынесла, чтобы стать женщиной. Ты представляешь, что значит ощущать себя девушкой и обладать телом мужчины? Чувствовать как девушка, думать как девушка, любить как девушка? У меня была душа женщины.

— А груди?

— Они силиконовые. Я принимала гормоны. Мои руки и ноги гладкие, без волос. Теперь я женщина.

Он сел на диван. Трансвестит. Он трахался с несчастным трансвеститом. Неудивительно, что это создание не могло кончить. Он посмотрел на съежившееся существо.

— Подойди ко мне, Бразиллия. Я не ударю тебя. Ты права: ты — женщина.

Она подбежала к дивану и прижалась к Робину. Он мягко освободился из ее объятий.

— Теперь, когда я знаю, кто ты, поговорим как мужчина с женщиной.

Она отодвинулась от него.

— Все эти артисты, участвующие в шоу — мужчины?

Когда она кивнула, Робин спросил:

— Им сделали операцию?

— Всем, кроме Вернона. Он еще держится. Он знает, что не сможет после операции воспользоваться своим паспортом и вернуться в Париж. Он хочет уехать — тут ему грустно. Вернон любит Рика — мужчину, которого он сегодня ждал. Из-за него Вернон три месяца назад наглотался йода. Поэтому ему нельзя пить спиртное. Рик — бисексуал. Иногда он встречается с девушками, иногда — с гомиками. Вернон же — ни то, ни другое.

— В Лас-Вегасе ты тоже всех провела?

— Нет. Там я была танцором-мужчиной.

Робин встал и сунул руку в карман. У него осталось немного марок. Но он захватил с собой сотню долларов.

— Вот, Бразилия — купи себе новое платье.

— Не надо.

Он бросил деньги на диван и покинул квартиру. Закрывая за собой дверь, услышал всхлипывания Бразилии. У него подступил комок к горлу. Он не сожалел о том, что произошло с ним. Он испытывал сострадание к несчастному запутавшемуся существу, оставшемуся в квартире. Робин побежал вниз по шатким ступеням. Первые признаки рассвета пробивались сквозь небо. Ночной люд с Реепербан ложился спать. Пары шли по улице рука об руку. Матросы с артистами стрип-тиза, мужчины с мужчинами, парни с девушками, которые вдруг стали вызывать у Робина подозрение. Надежды и мечты этих людей обратились в прах. Мир создан не для неудачников. Бразилия была неудачницей.

Внезапно его собственные проблемы показались очень мелкими. Робина охватила злость. Грегори Остин опасался Дена. Но он не боялся Робина Стоуна. Его Грегори считал неудачником. Ладно, он им еще покажет. Ему захотелось немедленно вернуться в Нью-Йорк. Робин испытал желание увидеть эту сумасшедшую Мэгги Стюарт, но она подождет, пока он не станет самым могущественным!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Прилетев в Нью-Йорк, Робин успел увидеть Дипа и Паули Нелсон в «Шоу Кристи Лейна». Дип выглядел великолепно, но пел фальшиво и двигался скованно. Паули была уродлива, зато пела превосходно и двигалась как балерина. Она отказалась от пародий на Лину, Гарланд и Стрейзанд. Паули обрела собственный легко запоминающийся стиль и оригинальную музыкальную фразировку. Эта метаморфоза поразила Робина. Возможно, выступая в ночных клубах с Дипом, она оставила надежду на большой успех и благодаря этому невольно избавилась от искусственной манеры держаться на сцене. Так появилась подлинная Паули. В чем бы ни была причина, но свершилось чудо. Даже забавный вздернутый носик и неправильный прикус работали на Паули.

На следующее утро Дип ворвался в кабинет Робина. Он растянулся в кресле и посмотрел на приятеля с яростью в глазах. Затем подался вперед.

— Я убью ее.

Робин растерялся.

— Что случилось?

— Час назад позвонил мой агент. Будь проклят этот Аик Риан! Он ни черта не смыслит в шоу-бизнесе. Он отказался от меня. Решил вернуть Лона Роджерса — этого жалкого баритона!

— Но ты сказал, что убьешь ее. Кого?

— Паули!

Глаза Дипа сверкнули.

— Аик Риан предложил ей дублировать Диану Уильямс, и эта безмозглая сучка готова согласиться! После всего, чему я ее научил, принять такое предложение и стать дублершей!

— Может, это к лучшему, — сказал Робин. — По крайней мере вы будете получать неплохие деньги.

— Триста долларов в неделю! Я больше тратил на чаевые в отеле «Бeverли Хиллз»! И вообще, в какое положение попадаю я? Как тебе нравится эта дешевая мерзавка? Отвалить и оставить меня в дерьме!

Злость придала ему дополнительную энергию. Он вскочил и принялся расхаживать по кабинету.

— Знаешь что?

Глаза Дипа потемнели от гнева.

— Я еду домой собирать вещи. Когда эта звезда вернется с жалким контрактом, меня уже здесь не будет. Посмотрим, как долго она протянет без Большого Дипа. И я выставлю ее матушку из дома. Но сперва переломаю Паули все кости!

Он выбежал из кабинета.

Робин все еще думал о Дипе и Паули, когда зазвонил телефон. Это был Клифф Дорн. Одновременно секретарша сообщила, что в приемной находится Дентон Миллер. Робин не успел ответить им обоим. Ден ворвался в кабинет.

— Я не намерен торчать в приемной. Вы читали рецензии? С девушкой все в порядке, но хуже Дипа Нелсона я ничего не видел. Шоу после него не встанет на ноги. Надеюсь, теперь вы не будете вмешиваться в мои дела!

Робин, не обращая на него внимания, вернулся к телефону.

— Да, Клифф, извините, что я отвлекся. Ден увидел, что выражение лица у Робина изменилось.

— Когда это произошло? «Гора Синай»? Я буду там.

Он опустил трубку. Ден едва не дрожал от возмущения.

Робин удивленно посмотрел на Миллера, словно только что вспомнил о нем.

— Грегори снова болен.

Робин направился к двери.

— Я думал, он в Палм-Бич.

Злость Дена исчезла от потрясения.

- Час назад он прилетел оттуда и лег в больницу «Гора Синай».
 - Что-то серьезное?
 - Еще не известно. Клифф сказал, что Грегори последнюю неделю чувствовал себя неважно. Его обследовали в Палм-Бич, но он не доверяет местным врачам и вернулся сюда, чтобы провериться еще раз.
 - Хотите, чтобы я поехал с вами?
- Робин бросил на него удивленный взгляд.
- Конечно, нет.
- И он вышел, оставив Дена одного в кабинете.

Когда Робин зашел в больничную палату, Грегори сидел в кресле, завернувшись в шелковый халат. Его загорелое лицо осунулось. Джудит тоже выглядела загоревшей, но усталой. Лицо Клиффа Дорна выражало тревогу. Робин заставил себя улыбнуться, чтобы развеять мрачную атмосферу.

- Вы не похожи на больного, — бодро сказал он.
- Это рак, — подавленно отозвался Грегори. — Я знаю.
- Грег, перестань так говорить, — взмолилась Джудит.
- Никто не поправляется так долго после операции на желчном пузыре. У меня не проходят боли.
- В том же самом месте? — спросил Робин.
- Кто знает? Все болит. Даже мочеиспускание сопровождается болью. Я чувствую, все мои внутренности поражены. От меня скрывают правду. В Палм-Бич меня пытались уверить, что это простатит. Но я знаю — они сказали Джудит, что я болен раком.

Джудит умоляюще посмотрела на Робина.

- Я без конца твержу ему — это предстательная железа. Ничего не скрываю.

— Ну конечно, — выпалил Грегори. — Меня здесь обследуют. Если результаты окажутся отрицательными, мне их покажут. Все улыбаются, подбадривая меня, и смотрят, как я медленно умираю.

— Вы прежде похороните меня, если не оставите эти разговоры, — решительно заявил вошедший в палату доктор Лесгарн. — Слушайте, Грегори, я изучал результаты обследования в Палм-Бич. Это действительно предстательная железа. Придется делать операцию.

— А я что говорю? — торжествующе произнес Грегори. — Предстательную железу оперируют только при злокачественной опухоли!

— Я больше не желаю вести подобные разговоры, — твердо заявил доктор Лесгарн. — Прошу всех выйти отсюда. Я сделаю вам инъекцию снотворного, Грегори. Вы совершили утомительное путешествие; я хочу, чтобы вы отдохнули перед завтрашней операцией.

- Будете резать? — испуганно спросил Грегори.
- Да, Вы скоро поправитесь.
- А если окажется, что это злокачественная опухоль?
- Тогда и поговорим. Но, Грегори, рак — это еще не смертельный приговор. Многие мужчины прекрасно живут с этим диагнозом долгие годы, если он поставлен достаточно рано и время не упущено.

— Я слышал о таких случаях. Им удаляют яички, а потом и член. Они умирают по частям.

Доктор Лесгарн кивком головы указал Джудит на дверь. Миссис Остин подошла к Робину и Клиффу. Доктор Лесгарн протер руку Грегори ваткой, смоченной в спирте. Остин отвел руку врача в сторону.

— Скажите мне, прежде чем я усну. Это злокачественная опухоль?

— Никто не может сказать это со стопроцентной уверенностью до операции. Я наблюдал больных с раком предстательной железы и не вижу у вас соответствующих симптомов. Я уверен на девяносто девять и девять десятых процентов, что у вас нет злокачественных образований.

— Но вы не исключаете полностью такую возможность?

Джудит подошла к мужу и поцеловала его в щеку.

— Ты — величайший игрок на свете. Никогда еще твои шансы на победу не были столь велики. Стоит ли поддаваться страху?

Он заставил себя улыбнуться; она поцеловала его в лоб.

— Завтра утром я приду к тебе перед операцией. А теперь послушайся доктора — отдохни и расслабься. Я люблю тебя, Грегори.

Она покинула комнату с Робинем и Клиффом. Они втроем молча пошли по коридору. Джудит заговорила толькоу лифта.

— Я увидела в его глазах смерть.

Она вздрогнула.

— Он уверен, что умрет.

На улице их ждал длинный «линкольн». Шофер вытянулся в струнку.

— Хотите, чтобы я поехал с вами до дома? — спросил Клифф.

— Мне необходимо выпить, — сказала она.

— Нам всем это не мешает, — согласился Робин.

— К сожалению, я — пас, — сказал Клифф. — Меня ждет сегодня долгая поездка, а утром я хочу вернуться сюда.

— Я позабочусь о миссис Остин, — сказал Робин.

Они сели в машину.

— Мне нравится один бар — если только вы не предпочтете «Сент-Реджис», «Дубовую комнату» или что-то еще.

Она откинулась на спинку сиденья.

— Нет, меня устроит любое спокойное место.

Войдя в «Улан», Джудит с любопытством осмотрелась по сторонам. Вот, значит, куда он ходит. Полумрак обрадовал женщину. Робин отвел миссис Остин к задней кабинке и заказал для нее виски. Подождя, когда он пригубит martini, Джудит сказала:

— Чем, по-вашему, это закончится, Робин?

— Он поправится.

— Вы говорите это не для того, чтобы успокоить меня?

— Нет. Люди, которые ждут смерти, редко умирают. Грегори слишком испуган, чтобы умереть.

— Не понимаю.

— На войне, после ранения, я попал в госпиталь. Я оказался в длинной палате с рядами кроватей. Справа от меня лежал парень, начиненный шрапнелью. Ему должны были сделать пять операций.

Каждый раз он был уверен, что это его последний день на земле. А другой мой сосед почитывал газеты. Он умер от внутреннего кровоизлияния. Я заметил, что близость смерти вселяет в человека удивительное спокойствие. Ко всему вырабатывается иммунитет. Вероятно, смерть несет в себе эмоциональную анестезию.

— Вы мне очень помогли,— сказала Джудит.

— Ему будет нелегко,— тихо заметил Робин.— Самое тяжелое начинается после операции.

— Вы имеете в виду невозможность заниматься сексом?

Он пожал плечами.

— Робин, нас никогда не связывала бурная страсть, даже в начале. «Ай-Би-Си» поглощала все чувства Грегори. Мне было тяжело.

— Я думал не о вас,— сказал Робин,— а о Грегори. Он убежден в том, что у него рак.

— А что вы скажете обо мне? — спросила она.— Грегори не способен смириться с собственной неполноценностью. Он не знает, что такое болезнь. Как, по-вашему, я прожила последние месяцы? Рядом со мной находился вечно жалующийся инвалид. Вместо того, чтобы играть в гольф, он считал свой пульс...

— Разве брак не предполагает подобные испытания?

— Вы в это верите?

— Будь я женат, то считал бы так.

— Вероятно, да,— медленно произнесла она.— Мне замужество принесло мало радости.

— Не вовремя вы это поняли.

— Не смотрите на меня с ненавистью, Робин. Я внесла свою долю жертв в этот брак.

— В этот брак? Так говорят женщины? Не наш брак?

— Теперь вы говорите, как сентиментальный человек.

Он велел официанту повторить заказ.

— Я отнюдь не сентиментален; я считал это женской чертой.

— Когда-то я обладала ею. Выходя замуж за Грегори, рисовала нашу жизнь розовыми красками. Но он не хотел многого, что составляет настоящий брак. Ему не были нужны дети, он хотел иметь только жену, чтобы она следила за его домами — у Грегори развито чувство собственности — за городским особняком, за виллой в Палм-Бич, за домом в Куоге... Эти хлопоты заполнили всю мою жизнь.

— Ну, управлять телекомпанией — тоже не забава.

— Я это понимаю. Я с уважением отношусь к его работе, принимаю друзей Грегори, общаюсь с ними. Но женщине мало светской жизни и роли идеальной хозяйки. Мне многого не доставало все эти годы. Когда я оглядываюсь назад, то вижу одну пустоту.

— Сейчас не время копаться в прошлом. Ваша главная забота — поставить Грегори на ноги. Он нуждается в вас. Поэтому перестаньте плакать в жилетку по поводу того, что вы — его собственность. Отныне вы станете для Грегори Флоренс Нейтингейл, Зигмундом Фрейдом и лучшим другом, какого он когда-либо имел. Мне понравились ваши слова о том, что он — игрок. У вас развита интуиция, Джудит. Вы чувствуете, когда в обращении с больным требуется прямота, а когда

следует проявить мягкость. Эмоциональный надлом излечивается труднее, чем физическая болезнь. Вы должны проследить за тем, чтобы он не сломался. Если это случится, вы узнаете, что такое настоящие неприятности. Я видел, как это происходит с мужчинами. Они гуляют в халатах, разгадывают кроссворды в больницах для ветеранов.

— Но почему это происходит с Грегори? Более слабые люди легко переносят операцию на желчном пузыре. И на предстательной железе. Он стал не похож на себя с тех пор, как первого января попал в клинику.

Робин закурил сигарету.

— Иногда болезнь ударяет сильного человека более заметно, чем слабого. Грегори не привык к такому состоянию. Он не знает, как с ним справляться. Он всегда готов к неожиданностям в бизнесе. Но ему не приходило в голову, что его тело уязвимо. Почва ушла из-под ног Грегори. Человек такого типа воспринимает болезнь как унижение.

Она умоляюще посмотрела на Робина.

— Робин, помогите мне.

— Хорошо.

Джудит сжала его руки.

— Робин, я сделаю все, что в моих силах. Но одной мне не справиться. Я так долго жила в башне из слоновой кости. У меня нет близких друзей. Женщины, с которыми я встречалась за ленчем, делятся со мной своими проблемами. Я же хранила все себе. Считала недостойным исповедоваться. Внезапно обнаружила, что мне не к кому обратиться в тяжелую минуту. Я не хочу, чтобы люди знали об операции Грегори. Она кажется унижительной, как кастрация. Робин, я могу звонить вам, поплакать на вашем плече?

Он улыбнулся.

— У меня широкие плечи, Джудит.

Она откинулась на спинку кресла и отпила виски. Ее глаза смотрели мимо Робина.

— Грегори беспокоится об «Ай-Би-Си». Ден дает слишком много интервью. Всякий раз, когда Грегори читает их, у него обостряется язва. Это его телекомпания, и он страдает, когда лавры достаются кому-то другому.

— Иногда трудно избежать контактов с прессой, — отозвался Робин. — Я скрываюсь от репортеров, и они набрасываются на Дена. После моей пресс-конференции я не встречался с газетчиками.

Она улыбнулась.

— Это, вероятно, убило Дена. Вы невольно перехитрили его. Отказавшись от интервью, вы сделали из себя загадку. О вас постоянно пишут. Мне нравится прозвище, которое вам дали — Машина любви.

Он нахмурился.

— Они скоро устанут. Меньше всего я ищу личной известности.

— Грег это знает, ваша слава его не задевает. Она естественна. Ден занимается этим бизнесом всю жизнь. Вы хоть и появляетесь на телеэкране, но все равно останетесь таинственной личностью

на Медисон-авеню. Вы интригуете газетчиков, они испытывают желание разгадать, что вами движет.

— Думаю, вы преувеличиваете их интерес ко мне.

Он допил martini.

— Хотите еще?

— Нет. Мне завтра рано вставать. Вы приедете?

Он покачал головой.

— Кто-то же должен присматривать за телекомпанией. Пожалуйста, позвоните мне, когда узнаете результат.

— Хорошо. У вас есть прямой телефон в кабинете?

Он вытащил блокнот и записал на листке номер.

— Напишите и домашний, — добавила Джудит.

— «Ай-Би-Си» всегда может соединить со мной. Мой домашний телефон подключен к коммутатору телекомпании.

— Робин, помните, что вы сказали насчет ваших плечей? Если я почувствую себя ночью одиноко, подавленно, если у меня возникнет потребность поговорить с кем-то...

Он написал свой домашний телефон, который не значился в справочнике.

— Звоните в любое время.

Робин протянул ей листок.

Она села на кровать и переписала оба его телефона в свой блокнот на букву «Л» — любовь. Она всегда поступала так с номером человека, который был ей небезразличен. Джудит вытянулась на кровати. Ее лицо было покрыто густым слоем ночного крема. Сетка защищала волосы от потеков питательной жидкости. Джудит воспряла духом. У Грегга нет рака. Возможно, после операции он станет прежним Грегори Остином. В период реабилитации она будет ежедневно видеть Робина.

Грегори провел на операционном столе шесть часов. За это время Джудит дважды звонила Робину, ища поддержки. Голос его звучал обеспокоенно; он сказал, что у него два совещания, но в случае необходимости он приедет к ней. Они договорились, что он появится в конце дня. Он заверил Джудит в том, что все будет хорошо.

В три часа доктор Лесгарн вышел к Джудит. Грегори перевели в послеоперационную. Новости были великолепные. У Грегори не было рака.

В пять часов Грегори вывезли на каталке. Он находился в сознании, в его нос была вставлена трубочка, а из руки торчала игла. Он напоминал овощ. Спустя час доктор Лесгарн сообщил ему результат. Грегори с усмешкой отвернулся от врача.

Джудит поспешила к кровати и взяла мужа за руку.

— Мы говорим тебе правду, Грег. Клянусь.

Он оттолкнул ее.

— Вранье! Ты плохая актриса, Джудит!

Она выбежала из палаты и, дрожа, прислонилась к стене в коридоре. Доктор Лесгарн, подойдя к ней, покачал головой.

— Я сделал ему укол, но, похоже, избавить Грегори от его мании будет нелегко.

Они оба, подняв головы, посмотрели на идущего по коридору Робина. Его уверенная улыбка и здоровый вид только подчеркивали, что от Грегори осталась только оболочка мужчины.

— Час назад я говорил с доктором, — сказал Робин, кивнув Лесгарну. — Он меня порадовал.

— Грегори нам не верит, — сказала Джудит.

Робин сочувственно взглянул на нее.

— Клифф дал информацию газетчикам. Мы сказали, что у Грегори снова появился камень в желчном протоке. Думаю, этого достаточно.

— У вас был тяжелый день, миссис Остин, — произнес доктор Лесгарн. — Вам следует отправиться домой.

Она вымученно улыбнулась.

— Сейчас я хочу перекусить и выпить. Я с утра ничего не ела.

Робин отвез Джудит в «Улан». На этот раз она отпустила шофера. Теперь Робин сможет проводить ее до дома без стеснения. Она обвела взглядом зал. Они сидели в той же кабинке. Неужели он всегда ходит сюда?

Заметив выражение ее лица, Робин сказал:

— Я бы повез вас в другое место, но, к сожалению, я уже договорился встретиться здесь с одним человеком. Тут хорошие бифштексы, а напитки — еще лучше.

Джудит осторожно потягивала виски, боясь опьянеть — в желудке у нее было пусто, а она хотела сегодня полностью владеть собой.

— Я не помешаю вашему свиданию?

— Вовсе нет.

Внезапно он встал. Джудит посмотрела на молодую девушку, шедшую к кабинке.

— Робин, извини, я опоздала.

— Пустяки.

Он указал девушке на свободное место возле себя. Затем произнес:

— Миссис Остин, это Ингрид. Она работает в авиакомпании «ТВА», мы не раз летали вместе.

Ингрид повернулась к Робину, улыбаясь ему радостно и интимно.

— Сегодня мы полчаса кружили над «Кеннеди», в воздухе было ужасно много самолетов. Поэтому я опоздала.

Робин попросил принести спиртное для Ингрид. Джудит заметила, что официант, не задавая вопросов, поставил перед девушкой водку с тоником. Значит, она уже была здесь с Робинсом. Ингрид говорила с легким скандинавским акцентом, возможно, шведским. Она была высокой и почти чересчур худой, с длинными, прямыми, светлыми волосами; челка падала на ее сильно подведенные глаза. На губах Ингрид не было помады. Когда девушка взяла Робина за руку с видом собственности, Джудит испытала желание проткнуть Ингрид ножом. О, Боже, свежесть молодости! Ингрид в своей белой шелковой блузке и простой юбке заставила Джудит почувствовать себя в костюме «от Шанель» старой и полной. Девушке было не более

двадцати двух — Джудит годилась ей в матери! Ингрид была слишком молода для Робина, однако она смотрела на него с явным обожанием. Господи, этот мир принадлежит мужчинам! Им возраст не страшен. И через десять лет юные стюардессы будут глядеть на Робина так же. Джудит раскрыла свою сумочку и достала оттуда золотую сигаретницу. Робин немедленно дал ей прикурить — во всяком случае, он еще помнил о ее присутствии за столом. Что ж, она не сдастся без боя. Тем более сейчас, когда ее соперницей была эта дешевка, которая могла кормить Джудит на борту самолета.

Миссис Остин тайком наблюдала за Робинем. Каким образом стюардессе удалось занять в жизни Робина какое-то место? Скольким незатейливым проституткам дарил он свое тело, пока она, Джудит, мечтала о Робине, хотела его, строила планы для них обоих?

Робин снова заказал спиртное. Джудит пожалела о том, что ничего еще не съела — первый бокал виски уже давал о себе знать. Робин поднял бокал и предложил выпить за здоровье Грегори. Затем ему пришлось объяснить Ингрид, кто такой Грегори Остин.

— Мне очень жаль, — искренне произнесла Ингрид, повернувшись к Джудит. — Желаю ему скорейшего выздоровления. Мистеру Остину очень плохо?

— Он просто лег на обследование, — сказал Робин. — Он прилетел из Флориды, потому что предпочитает нью-йоркских врачей.

— Вы летаете самолетами нашей авиакомпания? — спросила Ингрид.

— У нас свой самолет, — ответила Джудит.

— Это замечательно.

Похоже, слова Джудит не произвели на Ингрид большого впечатления.

— Джудит, вы должны заставить Грегори интересоваться делами телекомпании, даже сейчас, пока он проходит в больнице обследование, — серьезно глядя на миссис Остин, Робин выделил голосом последнее слово. — Вы меня понимаете?

Она кивнула. Ингрид посмотрела на них обоих.

— А я — нет, — сказала девушка. — Бедный мистер Одлин, он...

— Остин, — поправил ее Робин.

— Да, мистер Остин. Мой отец как-то лег в больницу на обследование. Он потом нам жаловался. Это ужасно — глотать мел, делать рентгеновские снимки. Мистеру Остину лучше забыть о делах и расслабиться.

Робин улыбнулся.

— Детка, ты указываешь пилоту, что делать, когда погодная обстановка осложняется?

— Конечно, нет. Это входит в обязанности наземных служб и штурмана.

— Так вот, я — наземная служба, а Джудит — штурман.

— И все же я считаю, что его не следует обременять делами во время обследования.

Джудит невольно восхитилась девушкой. Ее не обескуражило невнимание Робина. Ингрид была в постели с Робинем и знала свою

силу. Почему? Только потому что она молода. Господи, когда-то Джудит тоже принимала молодость как должное.

— Я голодна, — внезапно заявила Ингрид.

Робин подозревал официанта.

— Принесите девушке бифштекс. А мне — двойную порцию водки.

Затем он повернулся к Джудит.

— Что будете есть? Рекомендую бифштекс и салат из свежих овощей.

— А что возьмете вы?

Он указал на свой бокал.

— Я хочу виски, — тихо сказала Джудит.

— А бифштекс?

— Не надо.

В его глазах заиграла улыбка.

— Мне по душе ваше мужество, Джудит. Несколько нокдаунов не заставят вас сдаться. При ударе гонга вы снова стоите на ногах. Наверное, поэтому вы всегда одерживаете победы.

— Разве? — с вызовом сказала она.

— Ну конечно!

Он поднял бокал, приветствуя ее. Ингрид смущенно смотрела на них. Внезапно она встала.

— Наверно, тебе следует отменить заказ. Мне кажется, я тут лишняя.

Робин уставился на свой бокал.

— Поступай, как хочешь, детка.

Она взяла свое пальто и направилась к двери. Джудит попыталась изобразить беспокойство.

— Робин, может быть, уйти следует мне? Вы и эта девушка...

Он взял ее за руку.

— Не играйте, Джудит. Это вам не идет. Вы же сами этого хотели, верно?

Уголкем глаза она заметила, что Ингрид в нерешительности задержалась у двери, надеясь, что Робин вернет ее. Когда девушка ушла, Джудит сказала:

— Не хочу никому причинять боль.

— Ингрид не будет страдать — во всяком случае, долго.

Он отменил заказ и попросил счет. Они молча допили спиртное и покинули ресторан.

— Я живу чуть дальше на этой улице.

Она взяла его под руку, и они зашагали. Джудит представляла, что все произойдет более романтично. Ее огорчала сухая деловитость Робина. Она хотела дать ему понять, что он что-то значит для нее.

— Робин, ты уже давно дорог мне.

Он ничего ей не ответил. Потом взял Джудит за руку.

— Ты — победительница. Не старайся дать всему определение.

Когда они вошли в квартиру, Джудит внезапно почувствовала себя неуверенно, как девушка, в первый раз отдающаяся мужчине.

Внезапно в ложбинке между грудей и на лбу Джудит выступила испарина.

Эти ужасные приступы! Еще одно напоминание о том, что она — не молодая беспечная стюардесса!

Робин налил ей виски, а себе — большую порцию водки. Выпил спиртное, стоя посередине гостиной, Джудит опустилась на огромный диван; ей хотелось, чтобы Робин сел рядом. В комнате был камин с приготовленными заранее дровами. Если бы Робин зажег его, они бы могли сидеть в полумраке, и слушать пластинки, которые лежали возле стереопроектора. Она хотела, чтобы Робин обнял ее...

Внезапно он подошел к Джудит, забрал у нее бокал и повел в спальню. Женщину охватила паника. Неужели ей придется раздеваться при нем? Ингрид, вероятно, позволяла ему раздевать ее... любоваться ее наготой, упругим молодым телом. На Джудит был пояс. Нет ничего менее сексуального — несмотря на стройность Джудит, он стягивал обвисшую кожу в складки.

Сняв галстук, Робин указал на ванную.

— Ты можешь раздеться там.

Она зашла в ванную и медленно сняла с себя одежду. Увидела висящий на двери темно-бордовый шелковый халат. Надела его и завязала пояс. Открыв дверь, Джудит увидела Робина, смотревшего в окно. Он был в одних трусах. Свет из ванной падал на его широкие плечи. У него не было ни единого лишнего грамма. Джудит прежде не осознавала, как прекрасно он сложен. Она подошла к нему. Заметив Джудит, он повернулся и взял ее за руку. Повел к кровати. Посмотрел на женщину и улыбнулся.

— Говорят, нет ничего лучше опытной женщины. Докажи это. Возьми его в рот и люби меня.

Джудит испытала потрясение, но она очень хотела Робина и поэтому подчинилась. Спустя несколько мгновений он перевернул ее на спину и овладел ею. Меньше чем через минуту все завершилось. Он вытянулся на кровати и поискал рукой сигареты.

— Прости, я быстро кончил, — сказал он с виноватой улыбкой на лице. — После мартини я обычно бываю не в форме.

— Мне все понравилось, Робин.

— Неужели?

Он бросил на нее удивленный взгляд.

— Почему?

— Потому что я была с тобой. Это — самое главное.

Робин зевнул.

— Если я проснусь посреди ночи, я постараюсь удовлетворить тебя.

Затем он поцеловал Джудит и отвернулся от нее. Через несколько минут, услышав его ровное дыхание, она поняла, что он в самом деле спит. Она посмотрела на него. Значит, вот что такое Машина любви. И что дальше? Он полагал, что она тоже уснет. Ингрид так бы и сделала. И другие его девушки, вероятно, тоже. А почему бы и нет? Грегори в больнице. Ей не перед кем отчитываться. А вдруг посреди

ночи ее бросит в жар, или она захрапит? В Палм-Бич Грегори заставлял ее спать с ним в одной комнате. Он уверял, что она храпит. Дразнил ее этим, но втайне был доволен. Еще одно напоминание о возрасте.

Она лежала, уставясь в потолок. С годами все меняется. Нельзя провести ночь в объятиях мужчины из-за приступов потливости и храпа. Если она заснет на боку, ее груди отвиснут. Внезапно Джудит посмотрела на халат, который по-прежнему был на ней. Он даже не потрудился снять его. Он не видел ее тела, не коснулся его — просто овладел ею и удовлетворил себя.

Она встала с кровати, прошла в ванную и бесшумно оделась. Когда Джудит вернулась в спальню, Робин сидел на кровати. Похоже, он полностью протрезвел.

— Джудит, неужели я так быстро отключился? Который час?

— Полночь.

В костюме «от Шанель» она почувствовала себя уверенно.

— Почему ты одета?

— Я решила, что мне следует вернуться домой. Вдруг позвонят из больницы.

Вскочив с кровати, он натянул на себя трусы.

— Конечно. Я оденусь и отвезу тебя домой. Одну секунду.

— Нет, Робин.

Подойдя к Робину, она обняла его. Еще только полночь; если Робин оденется и выйдет из дома, он может позвать Ингрид. К тому же он будет злиться на нее, Джудит, за причиненные неудобства.

— Робин, я поймаю такси. Пожалуйста, ложись в постель. Тебя ждет тяжелый день.

Он обнял ее за талию и проводил до двери.

— Я увижу тебя завтра? — спросила она.

— Нет, я на несколько дней уезжаю в Филадельфию. Хочу записать шоу Дианы Уильмс.

— Когда ты вернешься?

— Дня через два.

Она обняла его.

— Робин, ты ни разу не поцеловал меня.

Он послушно поцеловал ее в макушку.

— Я имела в виду по-настоящему.

Робин улыбнулся.

— Только не на сквозняке у двери.

С любопытством посмотрев на Джудит, он сказал:

— Иди сюда.

Робин обнял ее и крепко поцеловал.

— Вот — произнес он. — Я не могу отпускать тебя домой неудовлетворенной при том риске, на который ты идешь.

Когда он закрыл дверь, Джудит направилась к лифту, пытаясь понять, почему у нее так скверно на душе. Она была с Робинем и снова будет с ним. Только впредь она не позволит ему так много пить.

Но в последующие две недели моральное состояние Грегори ухудшалось так стремительно, что у Джудит не возникали мысли о близости с Робинем. Грегори поправлялся физически, но его душевный настрой пугал Джудит. Робин навестил мистера Остина, но Грегори отказался говорить о будущем «Ай-Би-Си». Он сидел, устремив отсутствующий взгляд в окно.

Когда Грегори выписали из больницы, он лег дома на кровать и уставился в потолок. Он отказывался верить результатам исследований. Жаловался на боли в шее и бедрах.

— Я знаю, это везде во мне, — стонал Грегори.

И вот, проснувшись однажды утром, он обнаружил, что все его тело ниже пояса парализовано. Он не мог пошевелить ногой или сесть. Джудит немедленно вызвала доктора Лесгарна. Он уколол иглой ногу Грегори. Реакции не было. Врач вызвал машину. Грегори подвергся обстоятельному обследованию. Оно показало, что это был не инсульт, которого боялась Джудит. К Грегори пригласили невропатолога.

Доктор Чейз, ведущий психиатр, также побеседовал с Грегори. Потом вызвали специалиста по внутренним болезням. Все врачи сошлись в том, что паралич Грегори не может быть обусловлен физической причиной.

Встретившись с Джудит, доктора сообщили ей сделанное ими заключение. Джудит была потрясена и напугана. Она смотрела на врачей, безмолвно выпрашивая у них объяснение.

— Я рекомендую больничный режим, — заявил психиатр.

— Вы хотите сказать, ему лучше остаться здесь? — спросила Джудит.

Психиатр покачал головой.

— Нет, я имею в виду психиатрическую клинику. Нью-Йоркский филиал «Рейн Уитни» или хартфордский институт...

Джудит закрыла лицо руками.

— Нет, только не это — Грег не сможет находиться среди идиотов!

Психиатр замер.

— Миссис Остин, большинство этих пациентов обладает весьма развитым интеллектом и чувствительностью. Ограниченные люди редко испытывают нервный срыв.

— Все равно. Грегори не захочет жить, если станет известно, что он лежал там. Это окончательно погубит его. Среди держателей акций «Ай-Би-Си» начнется паника. Нет, мы не имеем права так рисковать.

Доктор Лесгарн задумался. Потом он повернулся к доктору Чейзу:

— Что скажете о той швейцарской клинике? Грегори мог бы отправиться туда под вымышленным именем. Там есть коттеджи, где жены могут жить с мужьями, пока те проходят курс лечения. Грегори получит прекрасный психиатрический уход, и никто об этом не узнает. Джудит сообщит прессе, что они отправляются в длительное путешествие по Европе.

Лесгарн посмотрел на Джудит и заставил себя улыбнуться.

— А вы сможете периодически ездить в Париж и Лондон и посылать оттуда открытки друзьям.

— Это смешно, — фыркнул доктор Чейз. — Нет ничего постыдного в том, что человек прибегает к помощи психиатров. Здесь, в Штатах, есть превосходные клиники. Я не вижу необходимости в этой нелепой секретности.

Доктор Лесгарн покачал головой.

— Я понимаю миссис Остин. Гласность навредит телекомпании. Все считают, что «Ай-Би-Си» руководит один человек; если он выйдет из игры, держатели акций запаникуют. Швейцария — наилучший выход.

Он повернулся к Джудит.

— Но ему, возможно, придется провести там от шести месяцев до года или даже больше.

— Я пойду на это, — твердо произнесла она и попросила доктора Лесгарна немедленно все организовать. Вернувшись домой, Джудит сделала два телефонных звонка. Первый — Клиффу Дорну, второй — Робину Стоуну. Она попросила обоих мужчин срочно приехать к ней.

Они прибыли в шесть часов. Джудит не предложила им выпить. Она приняла их в кабинете Грегори и рассказала им все, ничего не утаивая. Затем добавила:

— Если хоть одно мое слово станет достоянием гласности, я, как его жена, уволю вас обоих. Поскольку он не способен принимать решения, его полномочия переходят ко мне.

— Никто это не оспаривает, — тихо сказал Клифф. — Я считаю ваше решение правильным. Курс акций понизится на десять пунктов, как только новость попадет в прессу. Моя доля акций незначительна, но я тоже владею ими.

— Значит, наши интересы совпадают.

Когда мужчины кивнули, Джудит продолжила:

— Я хочу, чтобы вся власть перешла к Робину Стоуну. Клифф, уведомите об этом завтра Дена. Ему следует сказать, что Грегори будет отдыхать в течение неопределенного времени. Миллер должен докладывать обо всем Робину. Решения мистера Стоуна будут окончательными.

Джудит проигнорировала изумление Клиффа. Она встала, давая понять, что совещание закончено.

— Робин, если вы можете задержаться, я бы хотела поговорить с вами, — произнесла Джудит.

Клифф в нерешительности остановился у двери.

— Я подожду в гостиной. Мне надо кое-что с вами обсудить, миссис Остин.

— Это можно отложить до завтра? Я очень устала.

— Боюсь, что нет. Вы улетаете завтра в полночь. Есть срочные вопросы, которые требуют вашего внимания.

Робин направился к двери.

— Я встречу с вами завтра, миссис Остин. Как насчет ленча?

— Хорошо. Вы приедете сюда? Я буду ужасно занята сборами.

— Час дня вас устроит?

Она кивнула, и Робин покинул комнату.

Когда он закрыл за собой дверь, Джудит повернулась к Клиффу. Она не пыталась скрыть свое раздражение.

— Что еще за срочные дела?

— Грегори знает об этом решении?

— Грегори вряд ли помнит свое имя! Неужели вам не ясно? Он разбит параличом. Он — овощ!

— Миссис Остин, вы отдаете себе отчет в ваших действиях?

— Я делаю то, что сделал бы Грегори.

— Сомневаюсь. Он назначил Робина на эту должность, чтобы ограничить власть Дена. Теперь вы не только отдаете всю власть одному человеку, но и делаете ее безграничной.

— Если я разделю власть, телекомпания погибнет. Дентон испытывает ревность к Робину — он стал бы принимать в штыки любые его идеи, и все решения повисли бы в воздухе. Тут требуется единоначалие.

— Тогда почему не Дентон?

— Грегори не доверяет ему.

— Почему вы уверены, что можете положиться на Робина?

— Я выяснила его финансовое положение с помощью «Д и Б». Робин — миллионер. Поэтому он не опасен.

Клифф покачал головой.

— Вкус к власти — дело наживное. Когда человек получает ее, она начинает ему нравиться. По-моему, Ден лучше подготовлен к этой работе.

— Ден выпивает.

— Только не на службе. Он дал «Ай-Би-Си» несколько хороших передач. Он знает принципы управления телекомпанией. Как, по-вашему, Ден воспримет зависимость от Робина?

Она пожала плечами.

— Это его проблема.

— Положение Дена станет невыносимым. Ему придется уйти, чтобы сохранить лицо.

— Ради этого он согласится потерять свою работу? — спросила она.

— Когда человек принимает эмоциональное решение, им редко руководит расчет. Гнев часто порождает ложное мужество.

— Все равно, это его проблема, — отрезала Джудит.

Клифф Дорн обнародовал новость на общем собрании сотрудников, которое состоялось на следующий день в девять часов утра. В половине десятого Дентон Миллер вручил ему заявление об уходе. Клифф попытался отговорить его от этого шага.

— Потерпите, Ден. Все переменится. Грегори снова возьмет бразды правления в свои руки. Я считал вас единственным человеком, способным выжить в любых условиях.

Дену с трудом удалось изобразить на лице слабое подобие своей обычной улыбки.

— Иногда, чтобы выжить, надо отступить. Не беспокойтесь обо мне, Клифф. Кстати, кого вы планируете поставить на мое место? Клифф пожал плечами.

— Логично было бы выбрать Джорджа Андерсена, но Робин уже пригласил Сэмми Тибета.

— Дайте ему бой! — сказал Ден. — Сэмми — славный малый, но он сделан из того же теста, что и Робин. Гарвард, хорошее происхождение — он во всем будет поддерживать Робина.

Клифф улыбнулся.

— Я тоже должен выжить. Для этого мне следует остаться тут и приглядывать за конторой. В настоящий момент я не в силах дать бой Робину. Я могу только следить за ним.

Робин ощущал враждебность Клиффа Дорна. Но он не искал любви подчиненных. Ему легко работалось с Сэмми Тибетом; за несколько недель большинство служащих телекомпании забыли о человеке, которого звали Дентон Миллер. Вице-президенты убрали свои черные костюмы и галстуки в шкафы и начали перенимать любовь Робина к серым тонам.

Робин работал, не жалея себя. Каждый вечер он смотрел телепередачи и редко появлялся в «Улане». Постепенно он оборвал все связи с внешним миром. Для него не существовало ничего, кроме «Ай-Би-Си» и программ конкурентов. Он лично знакомился со всеми запланированными передачами. На Западном побережье его ждали пробные постановки дюжины новых шоу.

Робин собирался выехать в аэропорт, когда ему позвонил Дип. За несколько последних недель бурной деятельности Робин совсем забыл о нем.

— Как поживает мой приятель, большой босс? — радостно закричал в трубку Дип. — Я давно хотел поздравить тебя, но был ужасно занят, помогая Паули.

Робин улыбнулся.

— Кажется, ты собирался убить ее, когда мы виделись в последний раз.

— Ты меня знаешь, дружище — я легко завожусь и быстро отхожу. К тому же ей без меня не обойтись. Я смотрю ее репетиции, работаю с ней. Диана Уильямс выкидывает такие номера, что, может статься, ее роль достанется Паули, когда шоу попадет на Бродвей. Не хочешь сегодня вечером приехать в Филадельфию и посмотреть его?

— Я улетаю на Запад, Дип. Надо посмотреть пилоты новых передач, которые пойдут в эфир с февраля.

— Будешь там, пусти слух, что я готовлю нечто сногшибательное.

— Это правда?

— Нет, но все равно скажи. Там всему верят.

Перелет на Запад был скучным. Робин с удивлением заметил, что думает о Джудит Остин. Их последний ленч был чисто деловым почти до самого конца. Она посмотрела ему в глаза и сказала: «Чао — пока». В первый момент он испытал желание проигнорировать ее

страстный, интимный взгляд, но Джудит казалась такой беспомощной и уязвимой в этом большом доме. Почему-то она напредила ему Китти. Пожав ей руку, он заставил себя улыбнуться и сказал: «Да, чао — пока».

Грегори будет отсутствовать долго, и Джудит, вероятно, найдет кого-нибудь в Европе. Он выбросил из головы мысли о ней и попытался сосредоточиться на фильме. Когда он кончился, Робин стал читать анонсы новых передач. Ему хотелось, чтобы самолет приземлился поскорее. Тогда он сможет вытянуть ноги, а самое главное — увидеть Мэгги Стюарт.

Остановившись в отеле «Бевебли Хиллз», он позвонил ей. Она удивилась, услышав его голос; они договорились встретиться в шесть часов в «Поло».

Когда Мэгги появилась в баре, Робин понял, что он уже забыл, как она красива. Мэгги, улыбаясь, зашла в кабинку.

— Я думала, после того пожара ты никогда больше не захочешь разговаривать со мной.

Он сжал ее руку.

— Ты шутишь. По-моему, это было забавно.

— Как поживает шоу Дианы? — спросила она.

— Понятия не имею. Наши последние встречи носили чисто деловой характер — похоже, кто-то обратил в пепел наш расцветающий роман. Как твой фильм?

Мэгги состроила гримасу.

— Я видела на прошлой неделе первый рабочий вариант.

Она залпом осушила бокал и заказала вторую порцию виски.

Он с любопытством взглянул на нее.

— Действительно так плохо?

— Хуже некуда. Если бы у меня не было контракта еще на три картины, меня бы выгнали со студии. Они даже не хотят устраивать премьеру — просто пустят по кинотеатрам.

— Каждый может сделать один неудачный фильм.

Она кивнула.

— У меня есть шанс реабилитировать себя следующей картиной. Ее режиссером должен стать Адам Бергман.

— Он очень талантлив.

— Несомненно. Он заставляет меня выглядеть, как актриса.

— Так в чем проблема?

— Он согласен снимать меня лишь в том случае, если я выйду за него замуж.

Робин помолчал.

— Я собираюсь отказаться. О, не чувствуй себя виноватым. Я уже один раз отказала ему до рождества.

Затем ее глаза сверкнули, и она повернулась к Робину.

— Может быть, ты должен испытывать чувство вины. Негодяй. Ты отнял у меня способность любить.

Он невозмутимо улыбнулся.

— Ну, послушай, я вовсе не так хорош.

— Ты абсолютно прав. Все дело во мне — помнишь, ты назвал

меня сумасшедшей. Во всяком случае, я ходила к психоаналитику и, наконец, научилась нравиться себе.

— К психоаналитику? Но как твое отношение к себе связано с Адамом?

— Я не согласна на брак по-голливудски. Во всяком случае, на такой, какого хочет Адам. Когда я жила с ним на побережье, я делала вещи, на которые прежде считала себя неспособной. Забавно, правда? Лежа на кушетке у врача, я говорю: «Куда все исчезло? Где та Мэгги, что жила в Филадельфии, любила и надеялась? Эта девушка совершает безумные поступки, это не я...»

— Что заставило тебя пойти к психоаналитику?

— Пожар. Поняв, что там могли погибнуть люди, я сильно испугалась.

— Я приобрел новую кровать, — сказал он. — Сделанную из асбеста.

Робин повел ее обедать в «Доминик», потом они вернулись в «Мелктон Тауэр». Он три дня просматривал пилоты и три ночи любил Мэгги. В день отъезда они встретились в «Поло», чтобы выпить. Мэгги протянула ему маленькую коробочку.

— Открой ее, — сказала она. — Это подарок.

Он увидел тонкое золотое кольцо, лежавшее на бархате.

— Что это? Похоже на маленькую теннисную ракетку.

Она откинула голову назад и засмеялась.

— Это анк.

— Что?

— Священный древнеегипетский крест в виде буквы тау — такой носила Клеопатра. Он символизирует вечную жизнь и продолжение рода. Это — ты! Ты вечен — ни одна девушка не в состоянии забыть тебя. Думаю, ты останешься таким навсегда. Для меня это символ вечного секса.

Она надела кольцо ему на палец.

— Он тонкий, строгий и красивый, правда? Совсем как вы, мистер Стоун. Я хочу, чтобы ты носил его. В каком-то смысле это знак отличия. Ты, конечно, выбросишь его, как только расстанешься со мной, но я буду обманывать себя, думая, что он по-прежнему на твоём пальце, и каждая девушка смотрит на него и спрашивает тебя, что он означает. Возможно, у тебя хватит мужества объяснить это им.

— Я никогда не носил украшений, — медленно произнес он. — Часто хожу даже без часов. Но это кольцо я обязательно буду носить.

— Знаешь что? — неторопливо сказала Мэгги. — Я слышала об отношениях любви — ненависти, но никогда до встречи с тобой не признавала, что это такое.

— Ты не испытываешь ко мне ненависти. И ты не любишь меня.

— Я действительно люблю тебя, — тихо сказала она. — И ненавижу тебя за то, что ты внушаешь мне любовь.

— Каким временем ты располагаешь до начала съемок следующей картины?

— У меня есть десять дней.

— Полетим в Нью-Йорк вместе?

На мгновение ее глаза посветлели.

— Ты это серьезно? Действительно хочешь, чтобы я полетела с тобой?

— Конечно. У меня есть свой самолет — любезность «Ай-Би-Си». Там даже имеется кровать — мы сможем протрахать над страной всю дорогу.

Она помолчала.

— Послушай, Мэгги. Мы посмотрим все новые постановки; если погода будет хорошей, съездим в Гемптон. Ты сможешь вырваться?

— Робин, я отказалась бы от карьеры, если бы почувствовала, что нужна тебе. Я даже не имею в виду брак. Я говорю об ощущении необходимости. Господи, я бы пошла за тобой куда угодно.

Он как-то странно посмотрел на нее.

— Кто сказал что-то о необходимости? Я пригласил тебя в Нью-Йорк. Думал, что перемена обстановки тебе на пользу.

— О, короткий праздник?

— Это и есть жизнь, детка.

Она вскочила так стремительно, что виски пролилось на стол.

— С меня достаточно. Я не хочу сказать, что я откажусь разговаривать с тобой, когда ты снова прилетишь сюда. Возможно, даже лягу с тобой в постель. Потому что я больна. Но психоаналитик меня вылечит, и когда-нибудь я понадоблюсь тебе — только ты уже меня не получишь!

Его глаза стали холодными.

— Ошибаешься, детка. Мне никто не нужен. Но, вероятно, ты нуждаешься в Адаме Бергмане. Несомненно, без его помощи тебе не сняться в приличной картине.

Наклонившись, она заглянула ему в глаза.

— Пользуясь языком, которому я научилась, вращаясь в мире шоу-бизнеса, мистер Стоун, я на тебя запала — и крепко — но ты — самое крутое дерьмо, какое я встречала в жизни!

Она ушла. Он медленно допил martini и отправился в аэропорт. Робин едва не выбросил кольцо в урну, но оно было узким и не снималось с пальца. Он улыбнулся. Может быть, она дала ему правильное определение.

Вернувшись в Нью-Йорк, он узнал, что Диана Уильямс ушла из шоу; Паули продолжала выступать в Филадельфии. Она пользовалась таким успехом, что Айк Риан собирался привезти девушку на Бродвей.

Дип часто ездил в Филадельфию и постоянно информировал Робина об успехах Паули. Пытаясь спасти «Хэппенинг» Дианы Уильямс, Робин взял съемочную группу в Филадельфию и заснял Паули. Просматривая всю пленку, он удивился тому, какое сильное впечатление она произвела на него. Сначала он увидел Диану на репетиции, она говорила о своем скором возвращении на сцену, затем на экране замелькали газетные заголовки, сообщающие о

«болезни» актрисы. Дальше шло выступление миссис Нелсон, интервью с Паули, занявшей гримерную Дианы. Все это напоминало «мыльную оперу», но Робин знал, что «Хэппенинг» получит высокий рейтинг.

У Паули состоялась премьера в Нью-Йорке. Рецензии были восторженными. Однако, как ни странно, она не получала предложений сниматься в кино. Возмущенный Дип отказывался принимать объяснения агента, что Паули — театральная актриса, которой суждено стать бродвейской суперзвездой. Он испытал потрясение, узнав, что Голливуд пригласил известную киноактрису на роль, которую прежде собирались дать Паули.

В мае Робин пустил в эфир «Хэппенинг». Передача оправдала его ожидания и обошла по рейтингу все конкурирующие с ней шоу.

Это лето было для него удачным. Замены шли хорошо. Он встречался со статистками из шоу Паули. Даже пытался быть любезным с Паули, но она всегда поворачивалась к нему спиной.

Он игнорировал ее враждебность и сидел в «Сарди» с девушками, которых приводил Дип. Он полюбил «Сарди», но когда стали распространяться легенды о его власти, он перестал ходить туда и вернулся в «Улан». Чтобы избежать контактов с агентами и звездами, Робин не посещал «21» и «Колони». Научился с улыбкой на лице отказывать людям, никогда не проявлять гнев и не выходить из себя. Он не говорил: «Я подумаю». Всегда сразу произносил «Да» или «Нет». Скоро Робин приобрел репутацию хладнокровного негодяя, который одним кивком головы мог уничтожить человека или превратить его в звезду. В тех редких случаях, когда Стоун появлялся в «21», он ощущал возникавшую вокруг него ауру страха.

Он заметил странный феномен, сопровождавший его известность. Впервые в жизни ему стало трудно находить новых девушек. «Звездочек» он исключил сам — Робин не мог позволить им шантажировать его требованиями работы. Он занялся стюардессами, но эти связи длились недолго. Девушки приходили на свидания в своих лучших платьях, рассчитывая на приглашение в «Эль Морокко» или «Буазин», но они быстро узнавали, что география его светской жизни ограничена «Уланом», кинотеатрами и собственной квартирой.

Если бы не Дип, его сексуальная жизнь вовсе прекратилась — актер постоянно поставлял ему девушек. Однако работа отнимала у Робина значительную часть времени, и он не мог позволить себе больше двух или трех свиданий в неделю. Он всегда носил кольцо с анком. Когда какая-нибудь девушка спрашивала его, что это такое, он отвечал: «Оно означает, что я влюблен во всех женщин. Это символ вечной жизни и секса».

Дважды в неделю он получал открытки от Джудит. Клифф Дорн следил за тем, чтобы в газетах регулярно появлялись сообщения о кругосветном путешествии Остинов.

В канун Дня Труда в кабинет Робина ворвался Дип. Он был уверен в том, что Паули завела интрижку со своим партнером по шоу, Лоном Роджерсом. В это время позвонил Клифф Дорн. Он сообщил о том,

что у Этель и Кристи Лейна родился сын весом в три килограмма и шестьсот грамм.

Робин посоветовал Дипу не обращать внимания на «бродвейские сплетни». Позвонив в «Тиффани», он попросил послать ребенку Кристи серебряный бокал для апельсинового сока. Вечером он отправился один на Бродвей и посмотрел плохой фильм с Мэгги Стюарт в главной роли.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Робин сидел у себя дома, ожидая начала первого в этом сезоне «Шоу Кристи Лейна». Последние несколько дней газеты намекали, что публика с нетерпением предвкушает какой-то сюрприз. Робин догадывался, что Кристи, вероятно, собирается представить зрителям своего малыша.

Он молча протянул бокал Дипу Нелсону, чтобы тот наполнял его. — Мне неразбавленного виски, Дип.

Прищурившись, Робин посмотрел вслед актеру, послушно направившемуся к бару. Он знал, что их дружба уже породила слухи. По словам Джерри Мосса, люди считают, что Дип служит для Робина сводником. Услышав это, Робин улыбнулся и промолчал. На самом деле он позволял Дипу проводить с ним время, потому что жалел актера. Он чувствовал, что Дипа, радовавшегося успеху Паули, не удовлетворяла роль мужа звезды. Однако Дип никогда не жаловался вслух на свое новое положение.

Робин пристроил Дипа в качестве гостя в два эстрадных шоу «Ай-Би-Си». Один газетчик написал, что у Нелсона появилась «волосатая лапа» на телевидении. Робину было наплевать на репортеров и слухи. Если бы у Дипа был талант, Робин добился бы его участия во всех шоу «Ай-Би-Си». Но Дип на телеэкране выглядел жалко: одного смазливового лица тут было мало. Среди парней, рекламировавших крем для бритья, попадались и более красивые, чем Дип.

— По какому случаю виски, дружище? — спросил Дип, протягивая бокал Робину.

— По случаю открытия сезона. Я хочу смотреть шоу на трезвую голову. Потом мы отправимся в «Улан» и там вмажем как следует.

— Я бы хотел, чтобы ты сходил со мной в «Пристанище Дэнни», это будет для меня полезно.

— Почему? — спросил Робин, убирая зеленый фон с экрана.

— Джи. Пи. Морган сказал как-то одному человеку: «Если я пройду по бирже, держа вас под руку, вы получите любой кредит».

Робин улыбнулся.

— О'кей, мы отправимся туда после передачи.

Дип, обрадовавшись, как ребенок, бросился к телефону. Робин с улыбкой слушал, как актер заказывает престижный столик. Затем Робин прибавил звук — «Шоу Кристи Лейна» началось.

Он сначала не поверил глазам. Решил, что это маскарад. Что сейчас Кристи скинет с себя галстук и фрак, в который он облачился, и начнется обычный балаган. Но после первой рекламной паузы Робин понял, что они действительно затеяли дешевый салонный мюзикл — жалкий, как студенческий спектакль. К несчастью, партнерша Кристи была слишком хороша, чтобы шоу могло сойти за пародию.

Дип принес с кухни пиво. Он следил за передачей краем глаза и не понимал, почему Робин внезапно сосредоточил на ней все свое внимание. Актер удалился в кабинет и стал смотреть вестерн по маленькому телевизору. Робин поймет: неприятно смотреть шоу, режиссер которого отверг тебя.

Когда передача закончилась, Дип вернулся в гостиную. Робин, похоже, не заметил его временного отсутствия. Он стоял посередине комнаты, уставясь в пространство.

— Ну, как, дружище? — бодро спросил Дип.

— Это было ужасно.

— Может быть, на следующей неделе шоу будет лучше.

Дип хотел поскорей отправиться к Дэнни.

— Невероятно.

Робин, казалось, оцепенел от потрясения.

«Эн-Би-Си» давала в это время веселую комедию. «Си-Би-Эс» — захватывающий триллер. Мы должны были к середине шоу потерять половину аудитории — я уверен, наш рейтинг за это время окажется самым низким.

— Ладно, идем к Дэнни. Теперь уже ничего не поправишь.

Робин набрал номер «Ай-Би-Си».

— Это Робин Стоун. Соедините меня с Арти Райлендером. У вас есть его телефон. Он живет на Западном побережье, в Брентвуде.

Робин закурил и стал ждать.

— Мне плевать, с кем он говорит. Подключитесь к его линии и попросите освободить ее.

Услышав голос Арти, Робин в ярости стиснул зубы.

— Теперь, Райлендер, объяснитесь. Как вы позволили ему сделать это? Неужели вы не предвидели провал? Тогда почему не связались со мной? Мне нет дела до Ноэля Виктора! Может быть, он великодушный сценарист для Тони Ньюли или Роберта Гуле, но не для Кристи Лейна. Кристи прогнал ваших авторов? Что вы хотите этим сказать? Мне известно, какой долей акций владеет Кристи, но эфирное время принадлежит «Ай-Би-Си». Мы — не равноправные партнеры. Какие баллады? Слушайте, Арти, не существует хорошей новой музыки, хорошей бывает только знакомая музыка — публика хочет слышать то, что ей уже знакомо. При чем тут бродвейские спектакли? Конечно, на Бродвее используют новую музыку, и она начинает нравиться публике после выхода рецензий и пластинок. Мы не можем ждать так долго, когда речь идет о еженедельном телешоу. Крис Лейн — это не Рекс Гаррисон. Крис — всеамериканская размазня. Во фраке он похож на жирного белокурого пингвина. Потребуйте от него, чтобы он вернулся к прежнему стилю. Наймите снова ту просто-

вату певичу, которая подыгрывала ему в скетчик, и прежнего пошляка конференсье. Какой гений додумался пригласить кордебалет? Неужели вам не известно, что он не смотрится на пятидесятисантиметровом экране? Я боюсь услышать, в какую сумму обошлась постановка...

Мне плевать на контракт Ноэля Виктора, наймите старых сценаристов.... Что значит — не согласится? Мы можем его заставить. Нет, я не видел контракт, но сегодня посмотрю. Утром сразу же свяжусь с вами.

Он бросил трубку.

— Робин, — подал голос Дип. — Если мы не поторопимся, наш столик у Денни займут.

Робин прошел по комнате и надел пиджак.

— Меньше всего я думаю сейчас об обеде.

Он вернулся к телефону.

— Соедините меня с Клиффом Дорном. Он сейчас дома, в Рее. Робин щелкнул пальцами, требуя у Дипа сигарету.

— Клифф? Это Робин Стоун.

— Да, Робин, одну минуту, я перейду в другую комнату.

Робин закурил и стал ждать.

— Извините, Робин, у нас тут маленькая семейная вечеринка.

— Как вам «Шоу Кристи Лейна?»

— Признаюсь, я его не видел. Понимаете...

— Что значит — не видели?

— Робин, сегодня моей теще исполнилось семьдесят лет. Собрались все родственники. Мы сидим за столом.

— Шоу оказалось дерьмовым, — сухо заявил Робин.

— Завтра я просмотрю запись.

— Мы встретимся у вас в кабинете прямо сейчас.

— Что?

— Немедленно! У вас есть ключи от шкафа, где хранятся контракты?

— Робин, нельзя ли подождать до завтра? К нам приехала мать моей жены.

— Да пусть бы к вам приехала мать самого господина — срочно возвращайтесь в офис.

— Робин, если бы это была моя мать, я бы так и поступил. Но жена ни за что не поверит, что это действительно необходимо. Я не слишком сильно люблю тещу. Тридцать лет мы находимся в состоянии вооруженного перемирия. Если я сейчас уеду...

— Вы ее содержите?

— Нет, она работает механиком в гараже. Ну конечно, содержу! Я даже подарил ей к юбилею норковую шубу. Это абсурд — покупать такую вещь семидесятилетней женщине, но, по-моему, теща переживет ее.

— Тогда перестаньте морочить мне голову сантиментами. Приезжайте в офис!

— Робин, боюсь, нашу встречу придется перенести на завтра.

— В таком случае ваше место займет другой человек.

После короткой паузы в трубке зазвучал сухой голос Клиффа.

— Я приеду. Но, Робин, по-моему, вам следует повнимательней прочитать мой контракт. Я работаю не на вас, и вы не являетесь моим шефом. Я возглавляю юридический отдел «Ай-Би-Си». Я не мальчишка, которому легко найти замену.

— Если вы прибудете в офис через полчаса, ваша теща получит шанс стать через год владелицей еще одной шубы. В противном случае вам лучше сразу забрать ее у старухи. Сейчас я — глава «Ай-Би-Си». Незаменимых людей нет. Наше лучшее шоу потерпит крах, если мы не примем срочные меры. Я хочу выяснить наши возможности. И сделать это не завтра, а сейчас.

— Хорошо, Робин.

— И еще, Клифф. Если у вас нет желания работать со мной, вы можете сегодня очистить ваш стол.

— Робин, я буду работать с вами, — отозвался Клифф, — до возвращения Грегори. А тогда мы поговорим втроем.

— Как вам будет угодно. Задуйте свечи, пропойте «С днем рождения» и поспешите в «Ай-Би-Си».

Бросив трубку, Робин подошел к окну и посмотрел на огни, мерцающие на реке.

Дип рассмеялся.

— Как я однажды сказал в одном фильме — я тебе еще покажу, Нью-Йорк!

Робин повернулся к приятелю.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты теперь большой босс. Но ты всегда походил на гиганта, который будет править Мэдисон-авеню, крушить здания и убивать, убивать!

— Я всего лишь выполняю мою работу.

— Как насчет Дэнни?

— У меня нет времени.

— Робин, человек едет из Рея. Он не успеет за полчаса добраться до «Ай-Би-Си». Ты можешь хотя бы появиться со мной у Дэнни...

— Мне ничего не ползет в горло. Я не хочу пить. Мы сходим туда в другой раз.

— Но мне известно, что именно сегодня там будут крупные агенты. Я даже заказал столик рядом с ними.

— Отправляйся к Дэнни. Скажи всем, что я скоро приеду. Скажи, если хочешь, что я у тебя в кармане — я знаю, ты и так это всем говоришь. Позвони мне сюда, поставив телефон на стол, чтобы тебя все слышали. Никто, естественно, не снимет трубку. Произнеси громко и отчетливо: «О'кей, Робин, я еду к тебе».

Стоун сунул руку в карман и бросил на диван пятидесятидолларовую купюру.

— Расплатишься этим за еду.

Робин направился к двери.

Дип взял деньги и проследовал за ним.

Посадив Робина в такси, Дип сказал:

— Если быстро освободишься, дружище, приходи. Я не буду звонить в течение часа.

Робин и Клифф закончили изучение контракта в четыре часа утра.

— Идите домой, Клифф,— устало произнес Робин.— Мы обсудили каждый пункт, каждое слово. Выхода нет.

Клифф надел пиджак, подтянул галстук.

— Отдавая Кристи пакет акций, мы сохранили за собой право самостоятельно набирать актеров, но общее художественное руководство осталось за мистером Лейном.

Робин закурил последнюю сигарету из пачки и смял пустую коробочку.

— Что за мудрец сочинял такие двусмысленные фразы? Чего стоит право выбора артистов без художественного руководства?

— Это старая традиция, сохранившаяся еще со времен «Красного канала». Такая формулировка позволяет телекомпаниям избавляться от актеров, портящих имидж спонсора и негодных ему.

Робин задумался.

— Мы можем отказаться от всей труппы? Говорить «нет» до тех пор, пока он не вернется к исходной концепции шоу?

— Для этого потребуются веские основания. Нам придется сказать, что нынешний состав наносит ущерб образу спонсора. Судя по вашим словам, шоу получилось смертельно скучным, но сделано с безупречным вкусом. Мы не можем вмешиваться в вопросы художественного руководства.

Робин потушил сигарету.

— Итак, наше лучшее шоу гибнет на глазах.

— Неужели все действительно так плохо? — спросил Клифф.

— Завтра увидите запись. Я могу предсказать, каким окажется рейтинг.

Вялым взмахом руки он отпустил Клиффа.

Когда Робин шел по Мэдисон-авеню, уже начинался рассвет. Робин знал, как следует поступить. Не стоит оплакивать «Шоу Кристи Лейна». В конце июня он выкинет его из программы. Надо найти новые комедийные шоу и фильмы, насыщенные насилием. Он проведет утром совещание, поищет заготовки новых передач, пригласит сценаристов.

В январе Робин сделал сенсационное сообщение о том, что в конце июня «Шоу Кристи Лейна» перестанет выходить в эфир. Он велел Джерри сохранять спокойствие — к этому времени спонсоры получат новое коммерческое шоу, которое будет пользоваться успехом.

Известие о грядущей отмене «Шоу Кристи Лейна» попало во все газеты, включая «Таймс» и «Трибьюн». Спустя два дня Кристи получил приглашения на следующий сезон от «Эн-Би-Си» и «Си-Би-Эс».

Несмотря на падение рейтинга, Кристи сохранял новый стиль шоу. Его известность достигла высочайшего уровня. Кристи и Этель приглашали на самые престижные вечеринки. Наняв Калли, Хейса и

Ноэля Виктора, Этель попала в компанию Элфи. Актер доверял ей, обожал ее, а Этель повсюду сопровождала его, выступая в качестве ширмы, прикрывавшей очередную роман Элфи с каким-нибудь юношей. Втроем они присутствовали на всех премьерах, а Кристи в это время работал над шоу.

Он воздерживался от подписания контрактов с «Эн-Би-Си» и «Си-Би-Эс». Предлагаемые Кристи шоу позволяли ему играть роль именитого церемониймейстера. В феврале он прилетел в Нью-Йорк, чтобы в последний раз наладить отношения с Робинсом. Он хотел остаться в «Ай-Би-Си». Кристи через фирму «Джонсон и Харрис» сообщил Стоуну о своей готовности вернуться к исходной концепции шоу.

Новый стиль был идеей Этель: она хотела попасть в компанию Элфи. Ноэль Виктор был близким другом мистера Найта. Теперь Лейны попали в самое изысканное общество. Этель так увлеклась светской жизнью, что Кристи практически не видел жену. Он хотел снова готовить старое шоу — ему было гораздо легче петь знакомые песни, чем учить каждую неделю новую партитуру.

Прибыв в Нью-Йорк, он с изумлением обнаружил, что его агенту не удалось организовать встречу с Робинсом.

— Если он однажды сказал «нет», — объяснил агент, — это все. Он не даст вам шанса спорить, просить или умолять.

Крис попытался самостоятельно связаться с Робинсом. Каждый раз ему отвечали, что мистер Стоун на совещании.

Он позвонил Дентону Миллеру. Ден обрадовался появлению Кристи и предложил ему встретиться в «21». В четыре часа дня ресторан был почти пуст. Они сели за столик возле бара и в течение часа отвели душу, проклиная Робина Стоуна. Крис почувствовал себя лучше.

— Во всяком случае, мы получили предложения от других телекомпаний. А вот это настоящий неудачник.

Они увидели подошедшего к стойке Дипа Нелсона.

Ден улыбнулся.

— Он приходит сюда один почти ежедневно.

Миллер пожал плечами.

— Что еще остается делать безработному, жена которого стала звездой?

— Как дела у вас? — спросил Кристи.

— Скажем так: сейчас главное — переждать и выжить. А этот белокурый баран может стать моим спасательным кругом.

— Дип Нелсон?

— По-моему, он очень одинок. Я купил права на...

— Дип Нелсон — конченный человек. Займитесь его женой.

— Паули не имеет влияния на Робина. А Дип, по какой-то загадочной причине, обладает им.

— Верно.

Вид у Кристи стал задумчивым.

— В Калифорнии все говорят об этом. Люди намекают на то, что их что-то связывает. Сами знаете, это город гомиков.

— Да пусть они хоть тайно поженятся — мне плевать. Я хочу воспользоваться правами на ...

— Вы намерены вернуться на телевидение в качестве продюсера?

— Продюсера и продавца готовых передач, — заявил Ден.

— Я знаю об этом бизнесе все. Но я хочу работать в «Ай-Би-Си». Хочу стать свидетелем того, как взорвется великая Машина любви. Тогда я снова займу свое место, став сильнее, чем прежде.

Крис кивнул.

— Вы хотя бы имеете планы на будущее.

Ден рассмеялся.

— Кристи, вы всего добились. У вас большой дом в Калифорнии, куча денег. Вы попали в компанию Элфи. Живете в свое удовольствие.

— Это Этель живет в свое удовольствие, — вздохнул Кристи. — Она получила все, о чем мечтала. Но я чувствую себя не в своей тарелке. Каждый вечер мы встречаемся с Элфи или идем на какой-нибудь прием. Теперь у меня нет даже Эдди и Кенни. Им по душе Нью-Йорк. Они получили работу в «Си-Би-Эс». Делают там новое эстрадное шоу.

— Вероятно, вы их переросли, Крис. Вы смогли высоко взлететь. Попали в высший свет.

— Это, по-вашему, называется «высоко взлететь»? Мне надоело смеяться над остротами Элфи и наблюдать за тем, как он смотрит телячьими глазами на какого-нибудь актера, в которого влюблен. Мы все должны плясать под дудку мистера Найта. Этель приходит в ярость, когда я называю ее «куколка». Я должен называть всех «любовь моя». Как вам это нравится? Я провожу время с мужчинами, которые говорят друг другу «любовь моя».

Внезапно на простоватом лице Кристи появилась натянутая улыбка.

— Слушайте, я не вправе жаловаться. Как вы сказали, у меня есть куча денег. А главное, я получил сына, Кристи Лейна-младшего.

Он вытащил бумажник, набитый фотографиями улыбающегося пухлого малыша.

— Что бы ни выкинула Этель, все равно я останусь в выигрыше. Она подарила мне ребенка. Это для меня — самое главное. Я живу ради моего сына. Он — моя нежданная награда.

Затем Кристи посмотрел на часы.

— Мне пора возвращаться в отель. В «Плазу». Элфи указывает, где я должен останавливаться. Вы бы видели мой «люкс» — наверно, именно в нем жил Линкольн. В половине седьмого мне звонит Этель: она подносит малыша к телефону; иногда он воркует в трубку. Чудо, а не сын!

Ден проводил его взглядом и заказал новый martini. Затем послал записку Дипу, до сих пор сидевшему у стойки. Прочитав ее, Дип подошел к Миллеру.

— Зачем нам обоим пить в одиночестве? — сказал Ден. — Мы можем посидеть вдвоем.

— С какой это стати? — спросил Дип. — Вы — тот тип, который поднял шум, когда Робин устроил меня в «Шоу Кристи Лейна».

— Я сделал э
сколько недель кр
Дип сел на сту
— Люди всегд
— я неужив
— Позвольте
— Я жду зво
— Вы по-пре
— Вот так.
Дип крепко с
— Тогда поче
Люди говорят, чт
Глаза Дипа с
— Не смейте
хотите знать, это
Лейна! Да, это та
но я не забыл о
мы выступали в
Я сижу и жду у
— Как долго
— В Нью-Й
в течение года.
исполнять ее.
— Почему в
— Чтобы на
— Вы нужн
— Вы хотит
— Я хочу, ч
— Что имен
— Вы прово
стью на ТВ. Н
как Робин Стоу
це концов Роби
Он ведет себя
С радостью пл
ющих. Его выс
Если у вас ест
— Я не ну
Ден продем
— Два неу
стать совладел
— Я не ра
— Где вы
— Я собира
— Можете
Дип улыба
— Я могу

— Я сделал это, чтобы спасти вашу репутацию. Иначе через несколько недель критики растоптали бы вас.

Дип сел на стул.

— Люди всегда готовы уничтожить кинозвезду. Охотно называют ее бездарностью. Но когда я пою — особенно перед живой аудиторией — я неуязвим для критики.

— Позвольте мне угостить вас, — сказал Ден.

— Я жду звонка от Робина. Сейчас я лишь балуюсь пивом. Мы с ним сегодня крепко вмажем.

— Вы по-прежнему близки?

— Вот так.

Дип крепко сцепил два пальца.

— Тогда почему он ничего не делает для вас? — спросил Ден. — Люди говорят, что вы для него всего лишь мальчик на побегушках.

Глаза Дипа сердито вспыхнули.

— Не смейте так говорить! Робин полностью доверяет мне. Если хотите знать, это я сказал Робину, что ему следует выгнать Кристи Лейна! Да, это так, Робин собирался оставить его еще на один сезон, но я не забыл о том, как Кристи обращался со мной и Паули, когда мы выступали в шоу. Он считал нас грязью. Я ничего не забываю. Я сижу и жду удобного момента для расплаты!

— Как долго будет идти шоу вашей жены?

— В Нью-Йорке — до июня. Затем она будет гастролировать в течение года. Я поеду с ней. Для меня ввели роль брата. Я буду исполнять ее.

— Почему вы согласились на маленькую роль? — спросил Ден.

— Чтобы находиться возле Паули. Я ей нужен.

— Вы нужны ей, как пятое колесо телеге, — заметил Ден.

— Вы хотите, чтобы я съездил вам по физиономии?

— Я хочу, чтобы вы кое-что поняли.

— Что именно?

— Вы проводите вечера с человеком, обладающим огромной властью на ТВ. Никто не имеет таких возможностей в этом бизнесе, как Робин Стоун. И вы должны успеть этим воспользоваться. В конце концов Робин лопнет, как мыльный пузырь. Я наблюдаю за ним. Он ведет себя как человек, одержимый жаждой самоуничтожения. С радостью плодит врагов. Он словно испытывает терпение окружающих. Его высокомерие и энергия порождены психической болезнью. Если у вас есть голова на плечах, вы меня выслушаете.

— Я не нуждаюсь в советах неудачника, — зло произнес Дип.

Ден продемонстрировал улыбку чеширского кота.

— Два неудачника — большая сила, нежели один. Вы бы хотели стать совладельцем передачи?

— Я не разбираюсь в этом бизнесе.

— Где вы сегодня обедаете?

— Я собирался обсудить это с Робинсом.

— Можете освободить вечер?

Дип улыбнулся.

— Я могу сделать все, что захочу.

— Тогда пойдете. У меня встреча в «Буазине» с Питером Кейном из фирмы «Джонсон и Харрис». Вы еще не подписали контракт на гастроли с Паули?

— Нет. Я жду новый вариант сценария.

Ден поставил свою подпись на счете.

— Едем. Вы будете слушать и помалкивать.

— Никто не смеет так разговаривать со мной.

— А я смею. Потому что я намерен сделать вас очень богатым человеком.

В «Буазине» Дип потягивал разбавленный бурбон. Ден и Питер Кейн пили martini.

Ден сразу выбрал темой беседы карьеру Дипа. Кейн неожиданно проявил к ней интерес. Все сошлось на том, что беспощадность критиков Дипа была обусловлена их неприязнью к Робину.

— Бедный Дип унаследовал всех врагов Робина, но не приобрел ни одного его друга, — объяснил Ден.

— Разве у Робина есть друзья? — спросил Питер Кейн. — У него нет даже постоянной девушки. Я слышал, Аик Риан иногда устраивает для него праздники секса — Робин обожает заниматься любовью втроем. Скажите, Дип, он голубой?

— Ему хватает девушек, — ответил Дип.

— Я считаю, что он погубил вашу актерскую карьеру, — серьезным тоном заявил Питер Кейн. — Все знают, что Робин Стоун — ваш лучший друг. Уж если он вас не использует, думают люди, значит, вы действительно ни на что не годны. Он сильно навредил вам, не пригласив ни в одно большое шоу.

— Мне это не приходило в голову, — медленно произнес Дип. — Может быть, поэтому я не получаю предложений.

Он стал молча слушать, как мужчины обсуждают различные передачи других телекомпаний. Когда обед закончился, Питер Кейн повернулся к Дену.

— Я заказал зал для просмотра. Нам следует поторопиться.

— У нас есть новый сценарий, — пояснил Миллер Дипу. — Он принадлежит мне, Питер представляет мои интересы. Мы сделали пробную постановку. Это недорогой шпионский сериал с Виком Грантом в главной роли. Я хочу, чтобы вы посмотрели пилот и сказали, нравится ли он вам.

У Дипа упало настроение. Когда-то Вик Грант был звездой и работал по контрактам, но за последние два года он не снялся ни в одной стоящей картине.

Ден расписался на счете, и они отправились в просмотровый зал фирмы «Джонсон и Харрис». Дип посмотрел боевик. Грант выглядел неплохо, но Дип знал, что он сам сыграл бы эту роль лучше — он был словно создан для нее. Тогда бы он снова оказался на вершине!

Когда зажегся свет, Ден посмотрел на Нелсона.

— Понравилось?

— Думаю, из этого можно сделать нечто, — с энтузиазмом заявил Дип.

— Спустимся вниз. На другой стороне улицы есть тихий бар. Мы сможем обсудить там детали, — предложил Питер.

— Я с вами, друзья, — сказал Дип.

Они сели за дальний столик. Дип заказал неразбавленный бурбон и одним залпом опустошил бокал. Если Ден и Питер видят в нем крутого, отчаянного детектива, ему не следует потягивать имбирный эль или пиво.

— Мы запросим сто двадцать пять тысяч долларов за серию, — сообщил Ден. — Постановка будет обходиться нам еженедельно в девяносто тысяч. При десяти процентах комиссионных наш недельный доход составит тридцать тысяч долларов; эту сумму разделим на троих.

— Вы хотите сказать, что я получу треть прибыли вместо гонорара? — спросил Дип.

— О, я думаю, мы можем дополнительно назначить и постоянный оклад — скажем, тысячу в неделю плюс расходы на офис.

— Зачем мне офис?

— Вы создадите свою фирму. Если вашу долю проводить по бухгалтерской книге как зарплату, все уйдет на налоги. Моя компания называется «Денмилл» — вы придумаете название для своей. Если хотите, я попрошу моего юриста помочь вам.

Дип едва поспевал за ходом мыслей Дена.

— Почему я должен доверять вашему юристу?

— Потому что вы будете получать все доходы и переводить долю на счет «Денмилла».

— Где мы будем снимать? Здесь или в Лос-Анджелесе?

— Это решит «Ай-Би-Си». У них есть большие студии в Л.-А., но я бы хотел для создания соответствующей атмосферы отснять ряд сцен на улицах Нью-Йорка.

— Как, «Ай-Би-Си» уже купила сериал? — спросил Дип.

— Нет, но я надеюсь на это.

Дип восторженно закивал головой.

— Да, я знаю, что великолепно справлюсь с этой ролью.

Ден и Пит переглянулись. Потом Ден заговорил:

— Не сомневаюсь, в этом, но у нас контракт с Виком Грантом на два года. Он сделал пробную запись с условием, что если сериал будет куплен, он получит эту роль.

— Тогда что я здесь делаю? — спросил Дип.

— Вы можете заставить Робина купить его.

Дип начал подниматься, но Ден схватил его за руку.

— Сядьте! Скажите, вы согласны всю жизнь оставаться посредственным актером или хотите превратиться в миллионера?

Дип бросил на Миллера гневный взгляд.

— Вы весь вечер просите ремня.

— Дип, посмотрите правде в глаза, — вмешался Питер. — Вы не добились успеха. Во всяком случае, на телевидении. У вас был шанс. Почему бы вам не поумнеть и не заработать настоящие деньги? Престижнее быть продюсером и владельцем программы, чем актером.

— Почему вы уверены, что «Ай-Би-Си» купит сериал? — внезапно спросил Дип.

Ден сузил глаза.

— Кажется, вы хвастались всем в «Пристанище Дэнни», что Робин у вас в кармане. Пора это доказать. Заставьте его купить сериал. В январе заканчивается демонстрация нескольких передач. Чтобы заинтересовать Робина, пообещайте ему треть доходов. Вы сможете заплатить ему наличными, путешествиями или загородным домом.

— Не возникнет ли осложнений с властями?

— У нас есть великолепный специалист по налогам. Существует много способов списать треть прибыли. Если Робин захочет «кадиллак», мы используем машину в нескольких сценах. Покупаем дом, чтобы снять в нем несколько эпизодов. Создаем интерьер и оставляем мебель. Если он пожелает получить наличные, мы придумываем фиктивные статьи расходов. Это уже наши заботы.

— По-вашему, я должен пойти к Робину и все ему изложить напрямик?

Ден пожал плечами.

— Очевидно, вы знаете, как с ним обращаться.

— И какую сумму получит каждый из нас?

— Одна треть составит десять тысяч.

— А как быть с Питом?

— Я лишь хочу, чтобы агентство получило комиссионные, — сказал Питер. — Заключив эту сделку с Робинсом Стоуном, я получу должность вице-президента. Это все, что мне нужно.

Дип уставился в пространство.

— Я хочу, чтобы в титрах я значился как продюсер.

Ден рассмеялся.

— Все поймут, что это липа.

— Мне плевать. Паули не поймет. Зрители — тоже. Моя фамилия будет выведена более крупным шрифтом, чем Вика Гранта. Это произведет впечатление на Паули.

— Хорошо, — согласился Ден. — Я буду исполнительным продюсером. Вас назовем главным продюсером.

Дип улыбнулся.

— Прежде всего дайте мне гарантийное письмо, где будет сказано, что мне причитается две трети доходов. Вдруг после того, как я уговорю Робина купить сериал, вы вздумаете избавиться от меня?

— Завтра утром я составлю это письмо, — пообещал Ден.

В середине следующего дня Дип встретился с Робинсом в «Улане». Письмо Дена лежало у актера в кармане. Он заговорил насчет пробной записи сериала лишь после того, как Робин приступил ко второму мартини. Дип пересказал сюжет, изобразил главного героя и завершил все ударной фразой: «А треть доходов попадет прямо в твой карман».

Робин схватил его за лацканы пиджака и притянул к себе.

— А теперь слушай меня, простофиля. Дентон Миллер разбогател на подобных сделках, управляя «Ай-Би-Си». Я прогнал всех

агентов, которые имели с ним дела. Не пачкай мое имя сомнительными аферами.

— Значит, никаких шансов? — упавшим голосом произнес Дип.

— Я не беру взятки!

Робин повернулся к Нельсону.

— Если у тебя есть стоящий пилот, покажи его мне. Пусть он окажется хотя бы наполовину так хорош, как ты описал, и я пущу фильм в эфир немедленно, передвинув другие передачи. Если Ден хочет поставить в титрах твое имя, это его дело.

Дип улыбнулся с облегчением.

— Так ты не сердишься?

— Только за то, что ты судишь обо мне по себе. Я постоянно ищу новые материалы. Не вижу причин, по которым ты не мог бы стать продюсером. Восхищаюсь твоим гангстерским мышлением. Если я куплю эту вещь, и ты официально станешь продюсером, всю основную работу возьмет на себя Ден. Но если ты будешь сидеть сложа руки, я возьму назад мои слова о твоих умственных способностях. Вникай во все, изучи рабочий процесс, следи за операторами, не допускай превышения сметы — это главная причина снижения прибыли. Присматривай за музыкантами и графиком съемок. А что касается дележки доходов на три части — забудь об этом. Весь навар оставьте себе. Ну, отстегните что-нибудь агенту.

Робин посмотрел запись вместе с Дипом. Когда пилот закончился, Робин встал.

— Великолепно! Скажи Дени — я покупаю.

Расставшись с Робинем, Дип совершил длинную прогулку. Актер решил, что он презирает Робина Стоуна. Он также ненавидел Дентона Миллера и всех людей, живущих на земле. Как случилось, что он угодил в такое положение? Жена, ставшая звездой, обращалась с ним, как с прислугой. Робин и Ден заявляли ему в лицо, что он плохой актер. Куда исчезло сияние успеха? Дни, когда он входил в комнату, и она становилась светлей? Когда женщины осаждали его? Теперь они куда-то пропали. Паули запретила ему приближаться к девицам из шоу — они не хотели знакомиться с Робинем Стоуном. Но он должен был поставлять Робину девок — на этом держалась их дружба. Робин своеобразно относился к женщинам — Дип не забыл, как он избил однажды шлюху. Девушки жаловались на скупость Робина — он водил их лишь в «Улан» и «Стик», а потом тащил в койку. И если они не потакали его прихотям, он отправлял их домой, не дав денег на такси. Вздыхнув, Дип направился в «Сарди». Он часто заглядывал туда в часы ленча, выискивая для Робина молодых доступных актрис. Конечно, Робин никогда не просил познакомить его с кем-то, но он всегда бывал доволен, когда Дип, подмигнув, заявлял: «Дружище, я для тебя кое-что припас — эта птичка знает свое дело!»

Как он докатился до такой жизни? Теперь все изменится. Он снова поднимется наверх. Тридцать тысяч в неделю на двоих... Почему на двоих? Ден не узнает об отказе Робина брать свою долю. Он, Дип, возьмет себе две трети плюс оклад. Скажет, что Робин попросил наличные; их специалист по налогам скроет эти деньги. Он будет

еженедельно класть эти десять тысяч в банковский сейф. Никаких налогов! Он разбогатеет. Черта с два он будет околачиваться на съемочной площадке, следя за операторами и изучая работу продюсера, — пусть этот жулик Ден Миллер оправдывает свою долю. Он, Дип, возьмет свои две трети и устроит себе праздник. Он пустит слух о том, что Робин берет взятки. Тогда любой человек, желающий продать видеоматериал Робину, будет обращаться к нему, Дипу, и предлагать две трети — одну для него, одну для Робина. Он обретет большую власть. Паули будет целовать его в задницу. Перестанет отказывать ему, ссылаясь на усталость. Скоро он завоюет такое положение, что сможет сам дать ей работу. Внезапно его настроение упало. Паули! Господи, она была его болезнью. Он не мог освободиться от нее. Порой был готов убить Паули. С какими бы эффектными девушками он ни встречался, лишь она одна по-настоящему заводила его. Он даже как-то устроил оргию с Робинем и одной девушкой. Смотрел, как она сосет член Робина, и ничто в нем не шевельнулось. Когда дошла очередь до Дипа, он смог что-то сделать, лишь представив, что перед ним Паули. А эта девка была чертовски хороша собой! Ладно, он подождет, когда его имя и фамилия загорятся на телеэкране, когда фильм пойдет в эфир. Через две-три серии Паули поймет, кто мужчина номер один в этом городе.

Робин пустил в эфир пробную постановку нелсоновского «Парня по имени Джонс» в январе вместо первой снятой с показа передачи. Контракт был согласован, Ден принял все условия, и теперь Дипу оставалось только ждать сентября и первого шоу, которое потерпит крах.

В июне Паули отправилась на гастроли, а Дип остался в Нью-Йорке. Ее отношение к мужу изменилось, когда она узнала о том, что он будет получать десять тысяч в неделю. Дип умолчал о других десяти тысячах, которые он собирался класть в сейф. В длинных письмах, которые он получал от нее, Паули не забывала писать о том, как она скучает по нему.

В сентябре состоялись премьеры нескольких передач. Один из сериалов, выбранных Робинем, сразу принес «Ай-Би-Си» успех. Два других имели посредственный рейтинг, но у Робина была надежная дневная программа. Новая «мыльная опера» стала сенсацией, и обе телеигры, похоже, обретали популярность. Одно из двух сомнительных шоу, безусловно, к январю будет снято. Робин заменит его сериалом Дипа и тем самым окончательно расплатится с актером за все оказанные им услуги. Он подумал о Дипе... Сначала актер действительно нравился ему. Дип обладал искренностью и жизнерадостностью. Это привлекало Робина. Но прошло несколько месяцев, и Робин увидел, что Дип позволяет жене обманывать его и хамить ему. Уважение, которое он испытывал к актеру, сменилось отвращением. Дип не мог не знать, что Паули изменяет ему. Вначале Робин пытался вправить Дипу мозги, пробудить в нем мужское самолюбие. Для этого он обращался с ним, как с прислугой. Он надеялся, что Дип взбунтуется и обретет утраченную силу. Но Дип безропотно мирился со своим положением.

Чем больше
меньше ему хоте
к кому-нибудь.
подобие романа,
к очередной деву
развлечениях. Д
так безразличны
Глядя на трах
способность что-то
ствует в его по
пришел в ярост
Управление «Ай
прикасался к с
тевших страни
нется Грегори
от Джудит пр
хорошо и часа

Остины т
считала так: к
возвращении
зывать впечат
дящих по тра
Возможно, о
интересных л
он уже не сч
себе и Джуди
живает прем
говорила муж
медовый мес
решимости л
во что бы то
полтора года

Она хоро
веденные в
никого вид
период регр
ленная реа
лечебницы,
первоклас

Он сотв
Она рассчи
самом деле
щина, но
волшебник
за ушами,
для нее з
знал об оп
прическа

Чем больше думал Робин о зависимости Дипа от Паули, тем меньше ему хотелось заводить постоянную девушку, привязываться к кому-нибудь. Каждый раз, когда у Робина начиналось какое-то подобие романа, он вспоминал Мэгги, и у него пропадал интерес к очередной девушке. Нет, пусть уж Дип заботится о его временных развлечениях. Девушки, которых поставляли ему Дип и Аик, были так безразличны Робину, что он стал практиковать любовь втроем. Глядя на трахающегося Айка, он сам возбуждался и обретал способность что-то сделать. Он ощущал, что Мэгги постоянно присутствует в его подсознании. Признавшись однажды себе в этом, он пришел в ярость. Он никогда не будет принадлежать одной девушке. Управление «Ай-Би-Си» поглощало все его время. Робин уже год не прикасался к своей книге. Вчера вечером он сложил триста пожелтевших страниц в папку и убрал ее в шкаф. Интересно, когда вернется Грегори? Произойдет ли это вообще? Последняя открытка от Джудит пришла в августе из Канна. Грегори чувствовал себя хорошо и часами играл в «железку».

Остины тихо вернулись в город в конце сентября. Джудит рассчитала так: когда они вновь обустроятся дома, об их официальном возвращении будет объявлено во всеуслышание. Она не хотела смазывать впечатление обычной картиной с изображением людей, сходящих по трапу с борта корабля. Они устроят грандиозный прием. Возможно, она даже арендует зал в «Плазе», пригласит самых интересных людей, прессу... Грегори вновь обрел свое обычное «я»; он уже не считал, что у него рак. Он даже иногда что-то доказывал себе и Джудит в постели. Миссис Остин чувствовала, что она заслуживает премии Академии — она разыгрывала бурную страсть, говорила мужу, что он — самый лучший любовник на свете. Даже в медовый месяц она не проявляла такого энтузиазма. Она была полна решимости любыми средствами поставить Грегори на ноги. Хотела во что бы то ни стало вернуться в Нью-Йорк. Они провели в Европе полтора года!

Она хорошо использовала это время. Первые три месяца, проведенные в Лозанне, Грегори чувствовал себя так плохо, что не хотел никого видеть. После сорока сеансов шоковой терапии начался период регрессий, когда он даже мочился в постель. Затем — медленная реабилитация... Джудит сняла небольшую квартиру возле лечебницы, и пока ее не пускали к Грегори, она отдала себя в руки первоклассного специалиста по пластической хирургии.

Он сотворил чудо, хотя сначала Джудит испытала разочарование. Она рассчитывала, что превратится в двадцатилетнюю девушку. На самом деле она выглядела теперь, как тридцативосьмилетняя женщина, но очень красивая и ухоженная. Доктор оказался просто волшебником. Конечно, остались мелкие морщинки возле глаз и шрамы за ушами, но она закрывала их волосами. Сам Видаль-Сессон создал для нее эту великолепную пышную прическу. Грегори ничего не знал об операции. Он сказал, что она выглядит прекрасно и что новая прическа совершила чудо. Она улыбнулась. Неужели он не заметил,

как изменились ее щеки и подбородок? Он даже не обратил внимание на то, что груди Джудит заметно поднялись. Не разглядел тонкие рубцы возле лобка, оставшиеся после подтяжки бедер.

Грегори тоже выглядел хорошо. Его волосы снова порыжели, он загорел и стал стройнее, но его не тянуло к работе. Они провели дома неделю, и он ни разу не заглянул в офис. Каждый день он придумывал себе новое оправдание. Сегодня надо сходить к портному — он потерял четыре килограмма, и старые костюмы висели на нем. Завтра следует проверить лошадей. В начале второй недели Джудит буквально прогнала мужа из дома, заставив его отправиться в «Ай-Би-Си».

Когда он ушел, она позвонила Робину. Джудит нарочно выжидала. Он знал об их возвращении — Грегори несколько раз говорил с ним по телефону. Робин, очевидно, удивлен ее молчанием. Тем сильнее он обрадуется...

Его прямой телефон не отвечал. Джудит испытала разочарование, но оставлять сообщение не было смысла. Он, вероятно, на совещании. В три часа она, наконец, застала его. Он, похоже, обрадовался ее звонку. Робин провел все утро с Грегори; он сказал, что мистер Остин прекрасно выглядит.

— Когда я смогу тебя увидеть? — спросила Джудит.

— В любое время, — тотчас ответил он. — Когда Грегори будет удобно, я поведу вас обоих обедать.

— Я имею в виду другое, Робин, — тихо произнесла она. — Я хочу увидеть тебя одного.

Он замолчал.

— Ты меня слышишь, Робин?

— Да...

— Когда мы встретимся?

— Завтра в шесть, у меня.

— Я приду. Скажу Грегори, что отправилась на благотворительный прием. Тогда я смогу не торопиться домой. Грегори сразу после обеда засыпает.

Джудит пошла в новый салон красоты, находящийся в районе Восточных Шестидесятых улиц. Она не могла пойти в свой старый салон, где ее все знали. Тогда шрамы за ушами стали бы сенсационной новостью для всей Парк-авеню. Девушки, работавшие в салоне, всегда сообщали ей о том, кто недавно сделал подтяжку.

Она заняла кабинку в новом салоне, назвав себя миссис Райт. Джудит была уверена в том, что никто ее не узнал. Почему ее должны узнать? Последний раз фотография Джудит появилась на обложке «Женской одежды» год назад. Что ж, она за несколько месяцев вернет себе былые позиции. Лежа на кушетке, Джудит поняла, что массажистка нащупала шрамы. Эта стерва завидует ей — сама она не в состоянии позволить себе такую роскошь. Джудит посмотрела на женщину. Ей было лет тридцать пять: широкие бедра, пальцы, обожженные краской для волос, варикозные вены на ногах. Как этому несчастному созданию не испытывать ненависти к женщине, способ-

ной потратить три тысячи долларов, чтобы избавиться от нескольких морщинок?

Улыбнувшись, женщина отвела Джудит в другую кабинку, где ей должны были уложить волосы. Листая «Харперс», Джудит услышала донесшийся из-за перегородки шепот:

— Можешь рассчитывать на большие чаевые, Дикки — это миссис Грегори Остин под вымышленным именем со свежими рубцами от подтяжки. Не задень их.

Джудит нервно курила, пока стройный молодой человек накручивал ее волосы на толстые бигуди. Она заметила, что он смотрит на ее уши.

— Мне в прошлом году оперировали сосцевидный отросток, — небрежно пояснила она.

Парикмахер кивнул.

— Моему соседу по квартире делали то же самое, — сочувственно произнес он.

Джудит расслабилась под феном. Когда Дикки расчешет ее волосы она наложит новый макияж. На ней было восхитительное белье, которое она купила в Париже. Слава Богу, шрамы под грудями не заметны. Подтяжки груди и бедер были безболезненными, но ее мучения оказались не напрасными. Сегодня она разденется и предстанет перед Робинсом. Она может дать бой любой стюардессе!

В половине шестого Джудит покинула косметический салон. Она не хотела идти пешком, боясь испортить прическу. Она выглядела великолепно — Видаль так замечательно постриг ее, что даже Дикки сумел восстановить форму. Она дала ему десять долларов на чай. Джудит уже несколько лет не находилась в таком приподнятом настроении. Ей хотелось кричать... петь. Но она всего лишь зашла в аптеку, чтобы убить время за чашечкой кофе. В начале шестого она села в такси и поехала к Робину.

Консьерж бросил на нее небрежный взгляд. Джудит была уверена, что ее трудно узнать в больших солнцезащитных очках. Конечно, он не узнал ее — она отсутствовала так долго.

Учащенно дыша от волнения, она нажала кнопку звонка. Робин открыл дверь, кивком головы пригласил Джудит войти и вернулся к телефону. Господи, какая холодная встреча! Он говорил с Калифорнией о рейтинге, ужасно напоминая Грегори. Она обвела взглядом комнату. Джудит была здесь лишь однажды, но весь год часто переживала заново те минуты их близости. Каждое слово, каждый предмет мебели запечатлелись в ее памяти. Она чувствовала себя немного дискомфортно в новом белье. Открытый бежевый лифчик и маленькие кружевные трусики врезались в кожу. Но любое неудобство оправдывает себя, когда она, раздеваясь, увидит его лицо. Она собиралась делать это медленно, неторопливо. На Джудит был костюм — Вален-тино превзошел самого себя, создавая его. Шелковую блузку на пуговицах не придется снимать через голову. Накладные ресницы, изготовленные на заказ, надежно держались на глазах.

Робин положил трубку, подошел к Джудит и сжал ее руки. Попытался улыбнуться, но на его переносице остались хмурые складки.

— Проблемы? — спросила она.

— Родди Коллинз.

— Кто это?

Теперь он улыбнулся по-настоящему.

— Ты не только долго отсутствовала, но и, ручаюсь, не смотрела «ящик» с момента своего возвращения.

— Да. И Грегори, благодаря тебе, — тоже.

Он сел и предложил ей сигарету. Возле его глаз снова появились складки.

— Родди Коллинз — наша новая звезда. Его сериал попал в первую десятку. Это вестерн. Он играет роль шерифа, который обращается с пушкой быстрее всех на свете. Загорелый красавец ростом в сто девяносто сантиметров. Я только что узнал, что Коллинз — гомосексуалист.

Джудит пожала плечами. Она хотела, чтобы Робин обнял ее. Он расхаживал по комнате, едва замечая женщину. Его голова была занята мыслями, связанными с телефонным разговором.

— Разве личная жизнь звезды не принадлежит ей самой? — спросила Джудит.

— Конечно, пока она остается личной, мне плевать, с кем он спит. Но трахаться с мальчиками — этого ему мало. Он разъезжает по городу в женской одежде, высматривая из окна автомобиля потенциальных партнеров. Представь себе такую картину — стодевяносто-сантиметровый супермен, известный всей Америке, заходит в бар в платье со шлейфом, чтобы снять какого-нибудь парня.

Она начала смеяться.

— Это не смешно, Джудит. Какой-то тип на двадцать сантиметров ниже Коллинза оскорбился и заехал ему по физиономии. Вмешалась полиция. Туда помчались наши адвокаты. Мы заставили трех человек засвидетельствовать, что он сделал это на спор; они якобы наблюдали за ним. На сей раз мы замяли скандал, но мы не можем постоянно опекать Коллинза.

— Робин, я так долго жила вне этого мира. Чувствую, мне придется снова привыкать к нему. Но не сейчас, во время нашей первой встречи?

Он посмотрел на Джудит так, словно видел ее впервые.

— Конечно. Хочешь выпить?

— Да.

Она была согласна на все, лишь бы растопить лед.

Он приготовил два разбавленных виски.

— Грегори отлично выглядит, — сказал Робин, протягивая ей бокал. — Я рад, что он оставил за мной руководство телекомпанией, но ты должна пробудить в нем интерес к делам.

— Разве он не интересуется ими?

— Нет. Сегодня он собрал всех сотрудников на совещание и заявил, что гордится мной. Завтра он играет в гольф. Послезавтра едет смотреть новых лошадей.

Она пожала плечами.

— Теперь это твоя телекомпания, Робин.

— Да,
— То
— Дж
всю власт
тридцать
Но у него
нравится
отстаиват
на пользу
что телек
новался.
Она по
— Пр
тебе изве
— Дж
туацию. Я
любят. Ес
забудут. Г
шись, он
и тогда т
на дух м
телеигры.
каждый д
Она пр
— Ты
Робин
— Да
не было в
— Мн
Он под
его шею.
— Не
— Это
Он уб
трубку.
— Ал
слышал о
вид, будт
какое вре
минут буд
— Ты
— Ди
ходкой.
Робин
— Он
компании
— Кто
— Это
продюсеро

— Да, верно, — тихо согласился он.

— Тогда позволь Грегори заниматься гольфом и лошадьми.

— Джудит, я думал, что, вернувшись, он попытается снова взять всю власть в свои руки. Я приготовился к схватке — программа на тридцать процентов состоит из передач, найденных лично мною. Но у него совершенно пропал вкус к работе. Это ненормально. Мне нравится Грегори. Я хочу работать с ним, обмениваться идеями, отстаивать их в споре, когда он будет не согласен со мной. Это пойдет на пользу нашей программе. К тому же люди начинают говорить, что телекомпания уже стала моей — я не хочу, чтобы Грегори волновался.

Она поставила свой бокал и ласково поглядела на Робина.

— Предоставь мне позаботиться об этом. Ведь «Ай-Би-Си», как тебе известно, и моя телекомпания тоже.

— Джудит, тебе легко так говорить, но ты еще не осознала ситуацию. Я не даю интервью. Если верить прессе, меня не очень-то любят. Если Грегори не начнет сражаться бок о бок со мной, его забудут. Пока он отсутствовал, все было прекрасно, но если, вернувшись, он не закатает рукава, газетчики не пройдут мимо этого факта, и тогда телекомпания действительно станет моей. Один репортер на дух меня не переносит. Я помешал ему стать ведущим нашей телеигры. Этот жирный слизняк ненавидит меня. Он писал обо мне каждый день, называя Машиной любви.

Она прищурила глаза.

— Ты не хочешь оправдать прозвище?

Робин отпил виски.

— Дай мне немного передохнуть. Ты плавала на Ривьере. У меня не было времени, чтобы вырваться на уик-энд в Гемптон.

— Мне кажется, ты полон сил, Робин.

Он подошел к Джудит и поднял ее с дивана. Она обвила руками его шею. Внезапно зазвонил телефон.

— Не подходи к нему, — сказала Джудит.

— Это линия «Ай-Би-Си»!

Он убрал ее руки со своей шеи и поспешил к аппарату. Снял трубку.

— Алло? Да. Ты шутишь, Дип? Ден видел? Нет, я никогда не слышал о Престоне Слевитте. Ах да, это сценарист, у которого такой вид, будто он никогда не моется. Действительно хороший, да? На какое время ты заказал просмотровый зал? Ладно, через двадцать минут буду там.

— Ты должен куда-то идти? — изумленно спросила Джудит.

— Дип Нелсон отыскал фильм, который может оказаться находкой.

Робин взял свой бокал и допил его содержимое.

— Он говорит, что я имею шанс всех опередить. Другие телекомпании смотрят его завтра.

— Кто такой Дип Нелсон? — удивленно произнесла Джудит.

— Это долгая история, детка. Он — бывшая кинозвезда, ставшая продюсером. Мы приобретаем сериалы у него и Дена Миллера.

Он протянул руку, помогая подняться с дивана.

— Слушай, тебе лучше спуститься первой. Я выйду через несколько минут.

— Когда я тебя увижу?

— Я позвоню завтра, около одиннадцати.

Небрежно поцеловав Джудит, он проводил ее до двери. Она чувствовала, что мысленно он уже находится в просмотровом зале. Спустившись на лифте, Джудит села в такси. Дома она застала Грегори, готовящим мартини. Он искренне обрадовался, увидев ее.

— Как хорошо, что ты так рано вернулась. Я нашел твою записку и испугался, что мне придется есть одному. Господи, как ты красива.

Она взяла мартини и выпила его с отсутствующим видом. Внезапно ей пришло в голову, что Робин никак не прокомментировал изменения в ее внешности.

К часу дня, не дождавшись звонка от Робина, Джудит пришла в ярость. Сейчас у него, вероятно, встреча за ленчем — значит, до трех он точно не позвонит. Но он обещал позвонить в одиннадцать! Конечно, он мог быть занят. Джудит нервно ходила по своей спальне. Она уже наложила макияж, но все еще была в пеньюаре. Она надеялась, что он пригласит ее на ленч — длинный спокойный ленч с беседой о прошлом. Теперь остается только коктейль. Она сможет провести с ним время до девяти часов. Объяснит в записке Грегори, что возникли какие-то осложнения, связанные с проведением благотворительного бала.

Устроившись на кровати, Джудит принялась раскладывать пасьянс. Она загадала — если выпадет пять карт, он позвонит в четыре и просто поговорит с ней. Если десять — это произойдет в три. Пятнадцать — пригласит ее выпить. Двадцать — предложит провести вместе вечер. Если пасьянс получится, он скажет ей, что влюблен в нее, и все будет так, как она мечтала.

Выпало восемь карт. Она снова разложила пасьянс. На сей раз выпало пятнадцать карт. Нет, это несправедливо. Она повторит все в третий раз и отнесется к результату серьезно. Теперь не выпала ни одна карта. Господи, неужели это значит, что он вовсе не позвонит?

К пяти часам Джудит потеряла надежду. Она набрала номер его прямого телефона. Никто не отвечал. Значит, Робина нет в кабинете. Грегори, вернувшись домой в шесть часов, застал жену в пеньюаре.

— Мы куда-нибудь идем? — спросил он, заметив ее безупречный макияж.

— Я бы хотела куда-нибудь пойти, — сказала она.

Он еле заметно улыбнулся.

— Мы долго отсутствовали. Люди не знают, что мы вернулись.

— Ты прав. Наверно, мне пора обзвонить знакомых.

Он вздохнул.

— А мне нравится такая жизнь. Мы можем спокойно пообедать и посмотреть ТВ.

— Что, по-твоему, я лежала в течение полутора лет? — тихо спросила Джудит.

Он виновато посмотрел на жену.

— Хорошо. Надень что-нибудь красивое, и мы пойдем в «Колони».

— Одни?

— Вдвоем.

— Как это будет выглядеть? — спросила она. Все решат, что у нас не осталось ни единого друга.

— Возможно, это так, Джудит. У большинства людей нет друзей, разве ты этого не знаешь?

— Ерунда, нас всегда куда-то приглашали.

— Ох уж эти приглашения, — устало произнес Грегори. — Премьеры, вечеринки после спектаклей. Ответные приглашения. Мы надолго выпали из этого мира.

— Давай вернемся в него, — решительно заявила она.

Он пожал плечами.

— Хорошо, займись этим. Светская жизнь всегда держалась на тебе.

Она думала об этом, лежа вечером в постели. Как возродить прежнюю жизнь? У нее не было по-настоящему близких подруг — только приятельницы, с которыми Джудит встречалась за ленчем, обсуждала наряды, проводила благотворительные мероприятия. Иногда выслушивала их жалобы. Джудит ни с кем не была абсолютно откровенна и никогда не выпадала из светского круга. Поток приглашений на обеды, премьеры, выставки, благотворительные балы казался нескончаемым. Внезапно она поняла, что их светская жизнь вращалась вокруг работы Грегори. Перед очередной бродвейской премьерой они получили билеты от продюсера, который хотел подписать контракт с «Ай-Би-Си» или пристроить свою звезду в какое-нибудь телешоу. Известные актеры, приезжая в Нью-Йорк, звонили Грегори и приглашали куда-нибудь чету Остинов. После их возвращения из Европы телефон молчал. Но в этом она, Джудит, была виновата сама. Она думала только о Робине. Завтра она возьмется за дело. Возможно, устроит небольшой обед. Позвонит Долорес и Джону Тайронам. Они всегда были в курсе всех светских событий.

Долорес обрадовалась, услышав голос Джудит.

— О, моя дорогая, как замечательно, что вы вернулись. Вы идете на вечеринку, которую устраивает на следующей неделе Джоан Сатерленд?

— По правде говоря, Долорес, я еще ни с кем не говорила. Первый звонок сделала тебе. Мы только успели разобрать чемоданы.

— Вы, думаю, ужасно устали от приемов в Европе. Я умираю от любопытства. Вы виделись с Грейс, когда были на юге Франции? Я слышала, ее гала-концерт пользовался громадным успехом.

— Мы в это время находились на Капри.

— О, тогда, наверно, вы попали на бал Корды? Он, конечно, был великолепен?

— Я расскажу тебе все при встрече. Мечтаю услышать твой рассказ о вашей жизни и о друзьях, которых я так давно не видела.

Вероятно, вы прекрасно провели время, раз вас так долго не было! Грегори повезло — его телекомпанией руководит потрясающий человек. Скажи мне, Джудит — о нем ходят совершенно невероятные слухи, — это все правда?

— Что ты имеешь в виду?

— Говорят, он — бисексуал и участвует в оргиях. Его постоянно видят с некогда знаменитым красивым киноактером, мужем Паули Нелсон.

— Кто такая Паули Нелсон?

— Дорогая, ты многое пропустила, Паули — самая громкая бродвейская сенсация прошлого года. Похоже, Робин — весьма развращенный человек. Я мечтаю с ним познакомиться.

— Что ж, я собираюсь устроить небольшой обед и пригласить его к нам. Как насчет этой недели?

— Дорогая, у нас заняты все вечера до следующего четверга. Но через две недели ты должна обязательно устроить обед и пригласить Робина Стоуна. Перезвони мне и сообщи дату — я запишу ее в свою книжечку. О, дорогая, звонит другой телефон, и Фредди пришел укладывать мои волосы. Боже, через час я должна быть в «Ля Гренуй»

Джудит сделала еще несколько звонков. Подруги миссис Остин радовались ее возвращению в Штаты, но все они были сегодня заняты. Они болтали о новостях сезона, пребывая в уверенности, что Джудит и Грегори завалены приглашениями. Значит, обед в «Колони» не состоится. Ей следует устроить большой прием у них дома.

Джудит выбрала первое октября. Снова позвонила Долорес. Та только что собиралась уходить. Долорес заглянула в свою книжечку.

— Дорогая, только не первое октября! В этот день открывается «Новый Королевский клуб». Вы, конечно, стали его членами? Посмотри почту — я уверена, вам прислали бланк для вступления. Почему не устроить ваш прием, скажем восьмого числа? Мы в этот день свободны — я помечу в книжечке, а ты перезвони на всякий случай. Дорогая, я должна бежать, но, разумеется, мы еще увидимся до восьмого октября.

Джудит набрала номер Бетси Эклунд. Восьмое октября! Разве Джудит не идет на закрытый вернисаж и торжественный обед в галерею Бернера? Ожидается прибытие герцогини Виндзорской. Джудит следует просмотреть почту — она, несомненно, найдет там приглашение.

Джудит положила трубку и уставилась на корреспонденцию, лежащую на сервировочном столике. Всевозможные счета, реклама из «Сакса», письма сестры. Невероятно! Про Остинов все забыли! Ее планы зависят от того, свободны или нет Долорес и Бетси! Прежде она просто назначала дату и отдавала список гостей секретарю. Приходили все люди, получившие приглашения. Теперь она вынуждена подстраиваться под их светскую жизнь. Неужели за полтора года все могло так измениться?

Часы показывали половину первого. Джудит не знала, что ей предпринять. Решительными движениями руки набрала номер

Робина. Он снял трубку после третьего звонка. Джудит услышала мужские голоса — похоже, у него в кабинете были люди.

— Да, — без эмоций в голосе произнес Робин. — Извини, что не позвонил — на меня свалилась масса дел. Я могу перезвонить тебе сегодня во второй половине дня или завтра утром?

Джудит положила трубку. Что теперь делать? Она должна встретиться с ним. Увидев ее, он не останется равнодушным. Джудит помнила, как восхищенно смотрел он на нее, когда она вошла в его квартиру, пока не зазвонил проклятый телефон.

Она как бы случайно столкнется с ним! Да, это было правильным решением. Сегодня! Вероятно, в час дня он отправится на ленч, а вернется около двух. Она в это время пройдет мимо здания «Ай-Би-Си».

Джудит тщательно выбирала свой туалет. Надела бежевое пальто и соболиное боа. Без десяти два она прибыла к зданию «Ай-Би-Си». Подошла к автомату и позвонила Робину в кабинет. Секретарша спросила, кто это говорит.

— Мисс Уэстон из фирмы «Нильсон», — ответила Джудит.

— Он может вам перезвонить, мисс Уэстон? Он должен скоро вернуться.

— Нет, я сама перезвоню.

Джудит повесила трубку. Хорошо, значит, он еще на ленче. Возле здания «Ай-Би-Си» находился книжный магазин. Она сделала вид, будто разглядывает обложки. Она будет стоять там до возвращения Робина. Заметив его, отойдет от витрины и якобы случайно столкнется с ним. Джудит подождала десять минут. Как долго можно рассматривать обложки? Дул сильный ветер — слава Богу, она закрепила волосы лаком. Вдруг швейцар заметил и узнал ее? Джудит начала мерзнуть. Глаза женщины заслезились. Потекла тушь. Возле двери было зеркало. Она увидела, что тушь попала на зрачки. Нижние накладные ресницы исчезли с одного глаза. Проклятье — волосы натуральных блондинок с годами темнеют, а ресницы остаются светлыми. Она вытащила платок. Под глазами появились черные полосы от туши. Она попыталась стереть их.

— Что-то попало в глаз?

Она обернулась. Это был Робин.

Сейчас, при дневном освещении, когда его глаза находились возле лица Джудит, косметическая операция показалась ей глупым фарсом. Но она заставила себя улыбнуться.

— Просто тушь и ветер. У меня было свидание за ленчем, день показался мне чудесным, я решила пройтись пешком и отпустила машину. И вдруг точно попала в зиму.

— Поймать тебе такси?

— Пожалуйста, — стараясь скрыть свое отчаяние, сказала Джудит.

Они подошли к проезжей части; он поднял руку.

— Джудит, я хотел позвонить тебе, но увяз в делах.

— Понимаю, но...

Возле них остановилось такси. Джудит разозлилась — когда

нужно, машин нет, а этот кретин подлетел так быстро, словно готовился к «Индианаполису-500». Робин открыл дверь.

— Я позвоню тебе, Джудит.

Добравшись до спальни, миссис Остин бросилась на кровать и залила слезами свои новые накладные ресницы.

В пять часов она проглотила таблетку снотворного, которым пользовался Грегори, и написала ему в записке, что у нее разболелась голова. Проваливаясь в сон, она думала о том, разгадал ли Робин ее маленькую хитрость.

«Случайная» встреча обеспокоила Робина. Он размышлял о ней до конца рабочего дня. Он заметил, что был резок с секретаршей, неприветлив с Энди Парино и просто груб с Джерри Моссом, пригласившим его выпить в «Улане». Вернувшись домой, он приготовил себе мартини и попытался смотреть телевизор. Но Джудит не выходила у него из головы. Ее жалкое объяснение потрясло его — бедняжка в своем отчаянии дошла до того, что стала искать с ним «случайной» встречи. Господи, как это произошло? Неужели Китти испытывала такое со своими молодыми людьми?

Робин взял газету. Он не станет беспокоиться об этом. Аманда хотела его, многие девушки ждали его звонка — девушки, не имевшие двойных городских особняков и мужей, владеющих телекомпаниями. Но то были девушки, а не пятидесятилетние женщины, решившиеся на пластическую операцию... Он испытал потрясение, увидев ее гладкую, ровную кожу, как у Китти... черт возьми, многие пятидесятилетние богатые женщины делают подтяжку — почему он должен чувствовать себя виноватым перед Джудит?

Он полистал газету в надежде освободиться от этих мыслей. Внезапно наткнулся на фотографию улыбающегося Дипа Нелсона. Прочитал заголовок: «Свежая кровь на ТВ». Интервью Дипа звучало неподражаемо. «ТВ нуждается в свежей крови, поэтому Робин Стоун поспешил купить новый сериал, который мы создаем с Деном Миллером. Беда ТВ заключается в том, что там развелось слишком много людей, ни черта не смыслящих в настоящем шоу-бизнесе».

Робин бросил газету на пол. Подошел к телефону и набрал номер Дипа.

— Больше никаких интервью, — рявкнул он. — Ты слишком много болтаешь. Отныне пусть твоя продукция говорит сама за себя. Это приказ.

— О'кей, дружище. Но я по-прежнему считаю, что ты совершил ошибку, не купив тот другой фильм, который я тебе показал. Он обречен на успех.

— Это дерьмо.

— Ты сегодня в чудесном настроении.

Робин опустил трубку. Налил себе неразбавленной водки. К одиннадцати часам уже был сильно пьян.

На следующее утро Джудит проснулась со смутным ощущением того, что произошла какая-то серьезная неприятность. Затем она

вспомнила
глаз. Было
лошадей. В
в спальню
вставать с
Она откры
нейшее сн
Она хотя
звонка, кот
Средств
Джудит хо
тяжелой, и
Она усл
издалека. Д
вательно, н
она просп
— Здра
Это был
окончатель
— Я те
— Нет
Почему
— Я т
нуть.
— То
— Нет
Джудит
— Мн
Ты не хоч
— С у
— Отл
— Луч
позвонить
Она,
Чашка че
таблетку!
Джудит
двух чаш
тумане. Н
лосы раст
закрепить
но она д
ход событ
нит снова
Джудит
благодар
Когда
голова. О
руки Джу

вспомнила события вчерашнего дня, и слезы снова брызнули из ее глаз. Было девять часов. Грегори отправится в Уэстбери смотреть лошадей. Впереди у Джудит целый день. Она на цыпочках прошла в спальню мужа. Его там не оказалось. У Грегори было ради чего вставать с постели — лошади и гольф. А у нее — только пустота. Она открыла шкафчик с лекарствами. Эти зеленые пилюли — сильнейшее снотворное. Она взяла еще одну пилюлю. А почему бы и нет? Она хотя бы проспит весь день — это лучше, чем лежать и ждать звонка, который скорее всего не прозвучит.

Средство подействовало быстро. Вчера вечером она не пообедала. Джудит хотела позвонить и попросить чаю, но ее голова уже стала тяжелой, и она вскоре заснула.

Она услышала телефонный звонок. Ей показалось, что он донесся издалека. Джудит постаралась прогнать сон. Телефон звонил требовательно, настойчиво. Она схватила трубку. Боже, половина пятого — она проспала весь день.

— Здравствуй, Джудит.

Это был Робин, он все-таки позвонил ей. А она еще не проснулась окончательно.

— Я тебя потревожил? — спросил он.

— Нет, нет, у меня был тяжелый день.

Почему ее голова не проясняется?

— Я только что вернулась домой и попыталась немного вздремнуть.

— Тогда я кладу трубку.

— Нет, я уже проснулась.

Джудит сожалела о том, что ее голос был по-прежнему сонным.

— Мне удалось расправиться с большей частью моей работы. Ты не хочешь выпить?

— С удовольствием.

— Отлично. Встретимся у меня дома через полчаса?

— Лучше через час, — быстро ответила она. — Мне должны позвонить по поводу благотворительного бала.

Она, шатаясь, выбралась из кровати и позвонила горничной. Чашка черного кофе поможет ей. О, Боже, зачем она приняла эту таблетку! Он позвонил ей! Он хочет ее видеть!

Джудит потягивала кофе, сидя перед туалетным столиком. После двух чашек голова еще не прояснилась. Все происходило точно в тумане. Но ее рука не дрожала; она сможет наложить макияж. Волосы растрепались; Джудит собрала их в пучок. Пытаясь надежно закрепить его, уколола затылок. Возможно, они и не лягут в постель, но она должна быть готовой ко всему. Она не будет форсировать ход событий... Робин позвонил! Он хотел видеть ее. Значит, он позвонит снова.

Джудит объяснила в записке Грегори, что ее пригласили на благотворительный коктейль, который может закончиться поздно.

Когда Джудит позвонила в дверь Робина, у нее слегка кружилась голова. Он был в рубашке, с чуть ослабленным галстуком. Сжав руки Джудит, провел ее в комнату. Затем нежно поцеловал в губы.

Внезапно с неведомой ей прежде страстью она обняла Робина и впилась в его губы. Он взял ее за руку и повел в спальню. Ей казалось, будто все происходит во сне. Звуки были приглушенными, ее движения — замедленными, однако ничто не сдерживало Джудит. Она медленно разделась и встала перед ним. Он вытянулся на кровати и привлек Джудит к себе. Любовь с Робинем вдруг показалась Джудит самым естественным занятием на свете. Она приняла его объятия так, словно знала Робина всю жизнь.

Джудит вернулась домой в половине десятого. Грегори смотрел телевизор, сидя в кровати. Она обняла мужа.

— Дорогой, извини, что я не смогла пообедать с тобой.

Улыбнувшись, он потрепал ее по голове.

— Возвращаешься к светской жизни?

— Немного. Собрание тянулось бесконечно, потом мы с небольшой компанией отправились выпить в «21», и не успела я глазом моргнуть, как уже...

— Все в порядке. Я попрошу принести тебе обед?

Она покачала головой.

— Я выпила две «Кровавые Мэри». Сразу же лягу спать.

Джудит была голодна, но она испытывала потребность остаться наедине со своими мыслями. Еще она хотела поскорей завершить вечер и уснуть — завтрашний день снова принесет встречу с Робинем. Только это имело значение.

В последующие недели вся жизнь Джудит была сосредоточена вокруг телефона. Робин обычно звонил в одиннадцать. Чтобы застраховаться от встреч с Джерри и Дипом, Робин сменил «Улан» на «Марш Стик». Она называла это заведение «нашим местом». В те дни, когда он не мог встретиться с ней, она проходила мимо этого ресторана — его вид заново убеждал ее в реальности происходящего. Иногда они отправлялись к нему домой; вчера она отвезла его в аэропорт — он должен был посетить Калифорнию. Джудит носила свои новые европейские туалеты и обдумывала зимний гардероб. Грегори хотел провести зиму в Палм-Бич. Отлично. Она будет ссылаться на необходимость визитов к стоматологу, на работу по отделке интерьера. Сможет, возвращаясь в город, проводить с Робинем целые ночи. Доктор Спинек дал ей чудесный гормональный препарат — ночные приступы потливости исчезли. Что касается храпа — она просто не будет спать. Как можно спать, имея возможность всю ночь провести в объятиях Робина, встать и позавтракать вместе с ним! Конечно, она сделает вид, будто проснулась чуть раньше его, и освежит макияж. Купит сумку из крокодиловой кожи, в которую поместится все необходимое...

Она не стала прилагать усилий к тому, чтобы возродить свою светскую жизнь. Джудит охладела к ней... Самым важным событием стали звонки Робина. Иногда Джудит пугала сила ее чувства, потребность постоянно видеть его. Она по-настоящему влюбилась. Ночью она давала волю своим фантазиям — Грегори скоростно умирает без страданий, Робин утешает ее, и, выждав подходящий срок, они женятся.

Замужество! Она села в постели. Выйти за Робина! О, Боже, смерть бедного Грегори, даже воображаемая — это ужасно. Но она любила Робина. Именно о такой любви пишут в романах. Она действительно существует. Все последние романы Джудит побледнели в сравнении с нею. Робин был для Джудит всем. А Грегори не собирался умирать — силы возвращались к нему.

Что, если она разведется с Грегори? Нет, это невозможно, тогда Робину пришлось бы уйти из «Ай-Би-Си». А почему бы и нет? Он сказал ей, что хочет написать книгу — он уже закончил первый вариант. Она была посвящена великим мужчинам, поднявшимся на вершину после падения: генералу де Голлю, Уинстону Черчиллю... Робин считал истинными победителями тех, кто способен встать на ноги после сокрушительного поражения. Легко победить один раз. Но повторная победа — это то, что отличает удачливого человека от подлинно великого.

У нее есть немало денег. Даже если она ничего не возьмет у Грегори, стоимость ее ценных бумаг превышала полмиллиона. По данным «Д и Б», Робин владеет большим состоянием. Они могут отправиться на Майорку, купить там дом... Она оградит его ото всех. Они будут гулять по берегу океана, плавать на яхте, а вечерами сидеть у камина; он будет читать ей рукопись.

Чем больше Джудит думала об их будущем, тем сильнее захватывала женщину эта идея. Внезапно она испытала потребность срочно обсудить ее с Робинем. Он любит ее — она была уверена в этом. Они встречались постоянно в течение шести недель. Вечерами, когда ее не было с ним, он смотрел телевизор. Джудит часто, укрывшись в своей спальне, звонила ему. Ни разу не легла спать, не пожелав ему спокойной ночи — он всегда оказывался дома. Она обожала, лежа в темноте и зная, что Грегори крепко спит в другой комнате, говорить Робину о своей любви. Конечно, он никогда не открывался ей и не делал никаких признаний. Он был человеком иного склада. Но всегда произносил напоследок: «Спи спокойно, моя дорогая».

Она посмотрела на часы. Уже полдень — значит, в Чикаго одиннадцать. Вчера вечером она говорила с Робинем, находившимся в Лос-Анджелесе. Сегодня он прилетает назад. В четыре часа самолет направляется в Чикаго.

Внезапно Джудит вскочила с кровати. Она встретит его в чикагском аэропорту. Они полетят в Нью-Йорк вместе, и она все ему скажет. Джудит оставила записку Грегори. Ей надо на день съездить в Дерин... К счастью, Грегори возвращался домой таким усталым, что после обеда сразу же засыпал.

Она прибыла в Чикаго к четырем часам, прошла в зал для особо важных лиц и попросила произнести его фамилию по радио. Он примчался к справочному бюро, слегка задыхаясь. Увидев ее, от изумления потерял дар речи.

Она бросилась в его объятия. Пусть их увидят — ей было наплевать на все. Отныне они всегда будут вместе. Пока самолет направляется, они выпили. Впервые Джудит радовалась тому, что Робин воспользовался самолетом телекомпаний. Он был удивлен ее не-

ожиданным появлением, но она чувствовала, что Робин рад ему. Она не делилась с ним своими планами, пока самолет не взял курс на Нью-Йорк. Как ни странно, Робин сам помог ей начать разговор.

Взяв Джудит за руки, он сказал:

— Все замечательно, но ты никогда не должна поступать так впредь. Пилот, конечно, узнал тебя. Мы не должны причинять боль Грегори.

— Я забочусь о Грегори — именно поэтому хочу сделать все быстро и решительно. Робин, я собираюсь попросить у него развод.

Он принялся молча разглядывать облака, которые плыли под самолетом.

— Я нужна тебе, Робин?

— Мы и так вместе. Зачем делать больно Грегори?

— Я хочу выйти за тебя замуж.

Он сжал ее руки.

— Джудит, я не хочу жениться.

Увидев слезы на глазах женщины, Робин добавил:

— Я никогда не хотел жениться. Ни на тебе, ни на ком другом.

— Робин, у нас все получится. Ты сможешь уйти из «Ай-Би-Си», заняться книгой. Я буду рядом с тобой... У нас могла бы быть замечательная жизнь, Робин. Пожалуйста, не говори «нет». Подумай об этом. Я прошу тебя об одном — подумай!

Он улыбнулся. И снова взял ее за руки.

— Хорошо, мы оба крепко подумаем. Оставим пока эту тему. Робин подошел к маленькому бару, налил виски.

— За нас, — сказала она, поднимая бокалы.

— За тебя, Джудит. Я не хочу причинять тебе боль. Пожалуйста, поверь в это.

Она прижалась к нему.

— О, Робин, я бы хотела, чтобы этот полет длился вечно.

Он не позвонил ей на следующее утро. Сначала это не обеспокоило ее. Она сидела в спальне и ждала. В половине четвертого сама набрала его номер. Он снял трубку после второго гудка.

— Извини, что я не позвонил, — сказал Робин, — но утром мне пришлось присутствовать на нескольких совещаниях. За время моего отсутствия скопилось масса дел.

Она засмеялась.

— У тебя люди в кабинете? Когда они уйдут?

— Похоже, я буду занят до конца дня.

— Я могу прийти к тебе домой в шесть часов?

— Нет. До семи часов у меня деловые встречи, затем я должен посмотреть наше новое шоу. Сегодня состоится премьера.

— Я бы хотела посмотреть его с тобой.

— Я буду смотреть его дома у спонсора. Потом он устраивает небольшой прием. Могу я позвонить тебе позже?

В его голосе появились ноты раздражения.

Она положила трубку. Робин не позвонил ей. Она пообедала с Грегори. Он был уставшим и заснул во время демонстрации нового

шоу. Она глядела на экран, зная, что Робин сейчас тоже находится возле «ящика» — от этого он странным образом становился ближе к ней. Прием, вероятно, будет скучным. Она бывала на вечеринках у спонсоров...

Утром она прочитала рецензии. Шоу «Ай-Би-Си» назвали обреченным на успех. «Таймс» опубликовала восторженный отзыв; газета отметила, что Робин Стоун сделал телекомпании инъекцию адреналина. Но дневные издания встревожили ее. Вчерашнее мероприятие оказалось вовсе не скромной вечеринкой. На прием, проходящий в «Радужном зале», были приглашены все знаменитости. В центре полосы находились фотографии. На одной из них Робин был запечатлен сидящим между звездой музыкальной комедии и фотомodelью. Он усмехался, слушая актрису. Но сильнее всего сердце Джудит пронзило то, что Робин держал фотомodelь за руку. Это убедительнее любых слов свидетельствовало о том, что они были вместе!

Джудит неделю ждала его звонка. Очевидно, Робин занят — не мог же он преднамеренно избегать ее. Наконец она в отчаянии набрала номер его прямого служебного телефона. После второго гудка равнодушный голос сообщил ей, что номер изменился. В ее душу медленно закрался страх — нет, он не осмелится! Не может быть! Джудит позвонила ему домой. Снова услышала равнодушный голос: «Извините, номер заменен. Нет, мы не можем сообщить его вам. Он не значится в справочнике».

Ее тело стало ватным. Он скрывался от нее! Джудит, заплакав, уткнулась лицом в подушку. В эту ночь она пролежала без сна до рассвета. Ей хотелось уничтожить Робина! Она заставит Грегори уволить его!

Джудит начала свою атаку утром.

— Он увел телекомпанию у тебя из-под носа. Мы стали изгоями — ты понимаешь это? Робин Стоун получает все приглашения вместо нас!

Грегори спокойно выслушал ее. Потом сказал:

— Джудит, мне шестьдесят два года. Акции никогда еще не поднимались в цене так высоко. К началу следующего месяца они будут стоить два номинала. Телекомпания сейчас на гребне успеха. И я не собираюсь снова влезать в дела, когда они идут так хорошо. По правде говоря, меня устраивает возможность периодически убеждать в том, что с «Ай-Би-Си» все в порядке, и снова возвращаться к гольфу или лошадям.

— А что делать мне, пока ты проводишь время на ипподроме — весь день сидеть дома? Вечером, когда я хочу куда-нибудь пойти, ты чувствуешь себя уставшим.

— Я считал, что ты увлечена своей благотворительной деятельностью. Последние несколько недель ты казалась вполне счастливой.

Она отвела глаза в сторону.

— Сколько благотворительных приемов я могу посетить? (На самом деле она уже давно в них не участвовала.) Я не могу ходить на них бесконечно. Люди начинают спрашивать себя, а стоит ли чего-нибудь мое имя в списке устроителей. Нас нигде не видят. К своему

стыду, я должна признать, что нас не приглашают на престижные мероприятия.

— Неужели ты еще не устала от них? Везде одни и те же лица; женщины в платьях от знаменитых модельеров доказывают что-то друг другу.

— Нет, мне нравится выходить в свет.

— А я нахожу это смертельно скучным. Мне казалось, что ты что-то поняла в последнее время. Теперь ты хочешь, чтобы я уволил Робина Стоуна, потому что его приглашают на приемы вместо нас. Джудит, ты ведешь себя, как ребенок.

— Я — не шестидесятидвухлетний импотент! — закричала она.

Он вышел из комнаты. Джудит замерла. Затем слезы потекли по ее новому, красивому, омоложенному лицу. О, Боже, простонала Джудит. Она причинила боль Грегори. Из-за кого? Из-за Робина Стоуна! Она побежала в свою спальню и кинулась на кровать. О, Боже, Робин ее бросил! Он специально дал себя сфотографировать с этой девушкой. Перечеркнул все мечты Джудит. Она никогда больше не обнимет Робина, не прикоснется к нему своим телом... Ее рыдания усилились. Внезапно Джудит почувствовала, что ее гладят по голове. Грегори сидел на кровати возле жены.

— Не плачь, милая, я не сержусь. Я знаю, что ты не хотела меня обидеть.

Повернувшись, она прильнула к нему.

— О, Грегори, я люблю тебя.

— Знаю. Дай мне немного окрепнуть. Я еще не готов вернуться к такому тяжелому занятию, как управление телекомпанией. Зимой мы поедем в Палм-Бич. Ты хорошо проведешь там время — я тебе обещаю.

Она медленно кивнула.

— Грег, ты не импотент.

Джудит предприняла отчаянную попытку возродить свою светскую жизнь, но потерпела полный крах. Разочарование и злость почти заглушили боль от потери Робина. Но каждый вечер она смотрела на телефон, вспоминая их чудесные свидания и то время, когда она звонила ему и шептала в трубку нежности. От воспоминаний на глаза Джудит наворачивались слезы; уткнувшись в подушку, она пыталась заглушить рыдания.

Она решила отправиться в Палм-Бич, не дожидаясь рождества. Джудит не осмелилась устраивать свой традиционный «яичный коктейль» — все отправлялись в Акапулько, на Багамы или на приемы к другим людям, внезапно оказавшимся в центре светской жизни.

Когда Джудит думала о Робине, в ее душе любовь смешивалась с ненавистью. Прилетев в Палм-Бич, она бесспорно прогуливалась по саду, раскладывала пасьянсы и изводила себя воображаемыми сценами любви, которой Робин предавался с какой-нибудь молодой и красивой девушкой.

Но в жизни Робина не было никаких красивых девушек. Он работал по десять часов в день, стремясь не пропустить вперед кон-

курентов. Сериал Дипа должен был пойти в эфир в феврале. Актер ежедневно звонил Робину:

— Хочешь развлечься, дружище?

Иногда Робин позволял ему сопровождать себя в «Алан». Порой, часов в десять вечера, почувствовав себя неуютно в четырех стенах, он мог позвонить Дипу и сказать:

— Встретимся около моего дома. Я хочу прогуляться.

— Приятель, на улице ноль градусов, я уже лег в постель.

— Ты ждешь?

— Ладно, дай мне десять минут, чтобы одеться.

В свободное время Дип сидел у Денни, окруженный агентами. Конечно, он подумает, что можно сделать — Робин никогда не покупает передачу, не посоветовавшись предварительно с ним. Дип наслаждался своей новой властью. Он отомстил всем отвергшим его когда-то агентам, заявив им, что ни один их клиент не появится на «Ай-Би-Си». И многие верили тому, что он имеет такое большое влияние на Робина Стоуна. «Мужчина сделает все ради своего любимого», — сказал один агент.

Как ни странно, Ден Миллер оспаривал эти слухи. Он громко смеялся, когда кто-то намекал на гомосексуальную связь Робина с Дипом. Стоун получает от Нелсона вовсе не любовь, а наличные, они делят взятки между собой, объяснял Миллер.

Слухи докатились до Палм-Бич. Увидев сериал Дентона Миллера, продюсером которого значился Дип, Грегори позвонил Клиффу Дорну.

— Фильм весьма хорош, — сказал Остин, — но когда этот жалкий актеришка появляется в титрах как продюсер, это порождает кривотолки. Я не верю в гомосексуальную версию, но тут пахнет взятками.

— Я тщательно изучил контракт, — устало сказал Клифф. — Если тут и была взятка, то она тщательно замаскирована. Я пришел к Робину и спросил его, как случилось, что он купил сериал у Дипа. Он мне ответил следующее: «Клифф, если вы принесете мне хороший материал, я куплю его даже у вас».

Грегори положил трубку. Джудит сидела во время разговора рядом с мужем.

— И что ты намерен делать? — спросила она.

Грегори пожал плечами.

— Сейчас я собираюсь сыграть в гольф.

Казалось, ничто не может остановить Робина. «Лайф» опубликовал статью о нем. В ней приводились высказывания о Робине различных людей, работавших с ним, и девушек, с которыми он встречался. Одна стюардесса заявила, что Робин — настоящая Машина любви. Фотомодель назвала его самым романтичным мужчиной, которого она знала. Подающая надежды актриса сказала, что он — большой ноль. Цитировали также слова Мэгги Стюарт: «Никаких комментариев». Известность Робина росла, но он словно не замечал ее. Он ходил в кино с Дипом, иногда встречался в «Улане» с Джерри, обедал

в одиночестве в «Стик Плейс», но большую часть времени работал. Именно Джерри обратил внимание Робина на растущую враждебность Грегори. Они стояли возле стойки «Улана», и Джерри спросил:

— Как часто ты советуешься с Грегори, покупая новые передачи?

— Никогда, — ответил Робин. — В этом не было нужды. Сейчас я просматриваю передачи для середины сезона. Я приглашу его взглянуть на те шоу, которые выберу.

— Ты слишком много берешь на себя, — сказал Джерри.

Робин ничего не ответил. Он сосредоточил все свое внимание на льдинке, плавающей в бокале.

— Он дал тебе шанс, — заявил Джерри. — Если ты хочешь остаться на своем теперешнем месте, тебе следует время от времени делать вид, будто ты советуешься с ним.

— Кажется все знают, что «Ай-Би-Си» — телекомпания Робина Стоуна, — медленно произнес Робин.

— Да, верно.

Робин улыбнулся.

— Пусть Грегори попробует забрать ее у меня.

— Что ты имеешь в виду?

— Я ничего не боюсь. Я не стремился получить эту телекомпанию, но теперь, когда она стала моей, я не собираюсь возвращать ее Грегори на блюдечке. Ему придется вступить со мной в схватку, чтобы вернуть себе «Ай-Би-Си».

Джерри как-то странно посмотрел на Робина.

— Знаешь что? Кто-то сказал, что ты одержим жаждой самоуничтожения. По-моему, это верно.

Робин рассмеялся.

— Ты иди к своему психоаналитику, а я пойду к своему.

К апрелю осенняя программа была составлена. Когда Робин собрался покинуть свой кабинет, туда ворвался Дип.

— Слушай, у Паули завершаются гастроли. Завтра она приезжает в Нью-Йорк. У меня есть отличная идея, которую я еще не обсуждал с Деном. Вместо того, чтобы приглашать для каждого шоу новую девушку, давай используем Паули. Сделаем ее постоянным действующим лицом. Что скажешь?

— Не выйдет.

Робин сел в кресло и, демонстрируя нетипичную для него терпимость, объяснил:

— Слушай, Дип, давай не будем экспериментировать. Паули может выбрать для себя бродвейский мюзикл — Аик Риан мечтает заполучить ее в свое новое шоу.

— Но Паули создана для ТВ.

— Слушай, побеспокойся о своей собственной карьере. Любой сериал когда-то кончается. Ты должен найти что-то новое. У Дена Миллера есть идея, которая кажется мне великолепной.

Глаза Дипа потемнели.

— Ты шутишь! Этот подлый негодяй действует за моей спиной. Мы заключили договор — все доходы делятся пополам.

— Это зафиксировано на бумаге?

— Нет, мы св
Робин рассмея
— Примените
Глаза Дипа су
— Я ему отпл
Затем его наст
...сь мальчишеска
— Эй, как на
...е появляешься.
Робин покачал
— Завтра я у
...ибудь известного
Риана есть сцена
найду подходяще
Улыбка исчезл
— Чем ты об
— О чем ты
Дип сел на кр
— Слушай, д
...имой не дашь с
еще одну шлюху
Робин схватил
— Слушай, с
тебя. Если бы Де
бы не добился.
Подумал, что ты
есть хорошая пере
пеха, я выбрасыва
Он отпустил Д
— Чего ты з
готов убить за те

Прибыв в оте
— Уже один
причина твоего з
— Сейчас два
И если у меня ес
К тому же речь
завтра в девять?
— Скажи —
— Мне надо
и одиннадцатью.
— Извини, я
— Мэгги, у м
Она зевнула.
— Тогда гово
— О'кей. Нач
Мэгги невесел
— Ты прав —
13 ж. Сюзанн

— Нет, мы связаны джентльменским соглашением.
Робин рассмеялся.

— Применительно к вам оно немногого стоит.
Глаза Дипа сузились.

— Я ему отплачу.

Затем его настроение внезапно изменилось. На лице Дипа появилась мальчишеская улыбка.

— Эй, как насчет того, чтобы пойти со мной к Дэнни? Ты нигде не появляешься. Люди могут забыть о том, что мы с тобой друзья.
Робин покачал головой.

— Завтра я улетаю на Западное побережье. Хочу найти какого-нибудь известного актера для фильма, который задумал Ден. У Айка Риана есть сценарий сериала, который я, возможно, куплю, если найду подходящего исполнителя главной роли.

Улыбка исчезла с лица Дипа.

— Чем ты обязан Айку?

— О чем ты говоришь?

Дип сел на край стола и улыбнулся.

— Слушай, дружище, Большой Дип тебя неплохо изучил. Ты зимой не дашь снега человеку, если ты ему ничем не обязан. Что, еще одну шлюху избил где-то?

Робин схватил его за галстук.

— Слушай, сукин сын, — я никому ничего не должен, включая тебя. Если бы Ден Миллер не принес мне хороший пилот, он ничего бы не добился. Я обрадовался тому, что ты нашел себе занятие. Подумал, что ты сможешь начать новую карьеру. Если у Айка Риана есть хорошая передача, я ее покупаю! Но если товар друга не имеет успеха, я выбрасываю его из программы, как любой другой! Запомни это!

Он отпустил Дипа. Улыбнувшись, Нелсон поправил галстук.

— Чего ты завелся? Большой Дип тебя любит. Да я любого готов убить за тебя! Таких друзей, как я, нажить непросто.

Прибыв в отель «Бeverли Хиллз», Робин тотчас позвонил Мэгги.

— Уже одиннадцать часов, — сказала она. — Какова бы ни была причина твоего звонка, я слишком устала, чтобы слушать тебя.

— Сейчас два часа по нью-йоркскому времени, — заметил он. — И если у меня есть силы говорить, то у тебя есть силы меня слушать. К тому же речь идет о деле. Ты позавтракаешь со мной в «Лоджии» завтра в девять?

— Скажи — в одиннадцать, и я подумаю.

— Мне надо посмотреть две пробные постановки между десятью и одиннадцатью.

— Извини, я не хочу вклиниваться между твоими делами.

— Мэгги, у меня к тебе серьезное предложение.

Она зевнула.

— Тогда говори сейчас.

— О'кей. Начну с того, что я видел твой последний фильм.

Мэгги невесело засмеялась.

— Ты прав — он может стать для меня последним.

— Она ужасна. Но ты выглядишь великолепно. Я хочу, чтобы ты снялась в новом телесериале.

— Почему?

— Потому что там есть роль для тебя.

— В таком случае позвони моему агенту. Его зовут Хай Мендел. Телефон найдешь в справочнике.

И Мэгги положила трубку.

Робин несколько дней занимался просмотром пилотов. Пусть Мэгги остынет. Но ему хотелось увидеть ее... Не раз он протягивал руку к телефону, но тотчас одергивал себя — он чувствовал, что они не могут встретиться, позаниматься любовью и вновь расстаться. А матриархат его не устраивал.

Это была одна из беспокойных одиноких ночей... Робин решил, что острее всего одиночество ощущается ночью, в Лос-Анджелесе. В Нью-Йорке он мог выйти на улицу и погулять. Но стоит человеку появиться ночью на одной из обсаженных деревьями улиц Беверли Хиллз, как к нему немедленно подъедет полицейская машина. Никто не ходит пешком по Лос-Анджелесу в поздний час. В будни весь город замирает после десяти вечера. Конечно, он всегда мог найти себе девушку — бар «Поло» был забит честолюбивыми «звездочками» и агентами, которые боялись Робина и в то же время мечтали попасть ему на глаза. Внезапно он почувствовал усталость... Ему все надоело... Почему бы не отдать телекомпанию Грегори и уйти? Но куда, ради чего?

Телефонный звонок прервал его мысли. Он посмотрел на часы. Половина восьмого. Слишком поздно для делового звонка. Телефонистка сообщила, что звонит мистер Милано. Робин не сразу понял, кто это. Потом его лицо озарилось улыбкой.

— Соедините, — радостно попросил он.

— Робин! Я так счастлив, что нашел тебя.

— Серджио, рад слышать твой голос. Где ты, черт возьми?

— Я только сегодня прибыл в город и из газет узнал, что ты тоже здесь.

— Господи, ты уже говоришь, как актер. Я слышал, что ты снимался в Риме. Что произошло с тобой потом?

— Я получил большой шанс — со следующей недели начинаю сниматься здесь в новой картине. Мне доверили главную роль. Я — актер, Робин. Правда, это замечательно?

— Что ты делаешь сейчас?

— Говорю тебе — съемки начинаются на следующей неделе.

— Я имею в виду — в эту минуту?

Серджио помолчал.

— Робин, я встретил человека, который мне очень дорог...

— Желаю счастья. Рад за тебя, Серджио.

— Я обедаю с ним сегодня. Его зовут Элфи Найт.

— По-моему, вы отличная пара, — добродушно сказал Робин.

— Выпьешь со мной завтра? — спросил Серджио.

— Договорились. Пять часов, бар «Поло».

— Я приду, — сказал Серджио.

Робин
чтобы пос
На экр
момент, к
тофель, Р
едва не по
же был Д
шоу. Оно
персонаж
Милле
— Ди
для следу
Робин
Этот идис
на полун
с Серджи
вит запис
Робин
отправило
лицом по
— Я
сегодня д
ем постоя
тацию.
— Эт
— Я
Робин
— У
Ден с
— М
вашу поз
— К
Все м
Ден
— Я
На м
менело,
— Н
слово —
Он у
— Т
Роби
— Д
больше
Дип
ногу, ож
поверну
— П
— В

Робин попросил принести обед в номер и включил телевизор, чтобы посмотреть шоу Дипа.

На экране появилась рекламная вставка. Шоу началось в тот момент, когда официант принес обед. Принимаясь за печеный картофель, Робин увидел лицо Паули. Оно занимало весь экран. Робин едва не подавился. Он же запретил Дипу использовать Паули! Где же был Ден? Робин оттолкнул сервировочный столик и стал смотреть шоу. Оно было плохим. Попытка сделать из Паули постоянный персонаж погубила передачу. Робин позвонил Дену.

Миллер был удивлен.

— Дип мне сказал, что это ваш приказ. Уже сделана запись для следующей недели. Я подписал с Паули контракт на весь сезон.

Робин бросил трубку и позвонил Дипу. Линия оказалась занятой. Этот идиот, очевидно, принимает поздравления. Робин заказал билет на полуночной рейс. Внезапно вспомнил о завтрашнем свидании с Серджио. Он даже не знал номера его телефона — ладно он оставит записку метрдотелю «Поло».

Робин прибыл в аэропорт Кеннеди в восемь часов утра и тотчас отправился в офис. Вызвал к себе Дипа и Дена Миллера. С каменным лицом потребовал убрать Паули после второго шоу.

— Я не могу так поступить с ней, — возразил Дип. — Она сегодня дает важное интервью. Паули уже заявила прессе о своем постоянном участии в шоу. Если она уйдет, это подорвет ее репутацию.

— Это приказ, — отрезал Робин.

— Я — владелец шоу, — упрямо произнес Дип.

Робин повернулся к Дену.

— У вас обоих равные права!

Ден с любопытством уставился на него.

— Мне принадлежит один голос из трех, и я поддерживаю вашу позицию.

— Кто владеет второй третью?

Все молчали.

Ден посмотрел на Робина.

— Я думал, она ваша.

На мгновение вид у Дипа стал испуганным. Затем его лицо окаменело, он напрягся, словно готовясь к физическим действиям.

— Нет, дружище, мне принадлежат две трети, так что последнее слово — за мной.

Он улыбнулся.

— Так что вопрос решен. Паули остается.

Робин встал и посмотрел на Дипа.

— Дип, однажды ты оказал мне услугу. Окажи еще одну. Никогда больше не приближайся ко мне.

Дип церемонно раскланялся и ушел. Ден нервно передвинул ногу, ожидая реакцию Робина. Он удивился, когда Робин невозмутимо повернулся к нему и сказал:

— Похоже, вам не избавиться от Паули. Желаю удачи.

— Вы не сердитесь на меня? — спросил Ден.

— Я возмущен тем, что вы сочли меня способным на такую низость.

— Как это отразится на судьбе моего нового шоу? — спросил Ден.

— Дип в нем участвует?

— Нет.

— Тогда сделка остается в силе.

С появлением Паули рейтинг шоу стал падать. В июне Робин исключил его из программы. Дип остался не у дел. Однако появление Паули на телеэкране помогло ей получить роль в кино. Дип полетел вслед за женой в Калифорнию, а Робин сосредоточился на передачах осеннего сезона.

Грегори Остин назначил на ноябрь собрание акционеров. Оно должно было состояться на Западном побережье. Обычно он прилетал туда с Клиффом Дорном дня на три, но на этот раз Грегори решил провести там целую неделю. Джудит требовались развлечения.

Грегори смотрел на фотографию Робина, помещенную на обложке «Ньюсуик». Он понимал, что акционеры считают Робина своим богом. Для них он, мистер Остин, был частично ушедшим в отставку стариком. Но он чувствовал себя прекрасно и хотел снова взять бразды правления в свои руки. Он предпринял несколько осторожных попыток вернуть себе власть, но пока что его усилия не увенчались успехом. Робин выслушивал рекомендации Грегори — но только выслушивал. А потом продолжал гнуть свою линию. Пока что эта линия была верной. Рейтинги держались на высоком уровне. «Ай-Би-Си» стала телекомпанией Робина Стоуна.

Но Грегори не сдавался. Он отлично провел летом время в Куоге, хотя Джудит там скучала. Господи — человек тратит тридцать лет жизни на то, чтобы создать телекомпанию и существование по своему вкусу, а после какой-то болезни и полутора лет отсутствия застает на прежнем месте новую цивилизацию.

Он испытывал жалость к Джудит. Грегори видел шрамы за ее ушами. Неужели она считает его слепцом, не способным заметить, что ее груди внезапно поднялись?

Грегори догадался, что она, очевидно, сделала операцию, когда он проходил курс лечения электрошоком. Она была так внимательна к нему во время его болезни. Конечно, после возвращения она нуждалась в развлечениях. А он не оправдал ее надежд. Он признавался себе в том, что не без удовольствия отдал телекомпанию в руки Робина. Сначала ему нравилось, что решения принимаются без его участия. Он наслаждался летним отдыхом в Куоге и делал вид, будто не замечает, как тяжело вздыхает Джудит по вечерам, когда они смотрели телевизор. Но по возвращении в город именно ее состояние заставило его в конце концов начать действовать.

Джудит стала проводить целые сутки в кровати. Иногда каждые четыре часа принимала снотворное. В такие дни Грегори приглашал к жене сиделку, а ночью спал в ее комнате. Он боялся, что она устроит

пожар и сгорит — Джудит не расставалась с сигаретами. Поднимаясь изредка с кровати, она бродила по дому без макияжа, в старом халате. Она отказывалась появляться на людях. Он предложил Джудит сводить ее в «Эль Морокко». Она не хотела идти туда вдвоем. Хорошо, он попросит Мориса Юшителя устроить для нее прием в верхнем зале. Джудит разрыдалась: «Никто не придет». В отчаянии он позвонил в Швейцарию своему врачу, доктору Брагалову, и объяснил ему, что у Джудит — запоздалая реакция на нервный стресс, вызванный его болезнью. Грегори попросил порекомендовать ему какого-нибудь врача в Штатах, способного помочь ей.

Доктор Брагалов посоветовал обратиться к доктору Галенсу. Когда Грегори обрисовал Галенсу ситуацию, врач пожелал видеть мистера Остина каждый день. Как ни странно, доктор не хотел видеть Джудит. Грегори согласился. Они говорили о периоде, когда Грегори был парализован, обсуждали его интимную жизнь с Джудит. Грегори поведал врачу о шрамах за ушами жены, о рубцах на ее теле. Он был уверен, что она пошла на это не для того, чтобы нравиться другим мужчинам, — это непохоже на Джудит, секс мало что для нее значит. Грегори считал, что она решилась на операцию ради того, чтобы вернуть себе статус королевы «Женской одежды».

Но доктор Галенс настойчиво возвращался к их сексуальной жизни. Однажды Грегори выпалил: «Слушайте, она вышла замуж девушкой. Я боялся шокировать ее. Она никогда не проявляла склонности к экспериментам. Так было всегда. Позже она стала почитывать все эти руководства и в последние годы предпринимала неумелые попытки разнообразить наш секс французской любовью. Но я никогда не шел на это: она — не та женщина. Мне не нужны развлечения на стороне. Холостяком я испробовал столько вариаций, что мне хватит до конца жизни. Меня устраивало то, что Джудит хотела простого секса без всяких изощрений. К тому же она обожала нашу жизнь, находила ее захватывающей и...

Он внезапно замолчал. Господи! Вот в чем дело! Страх! Его страх! Все связано с «Ай-Би-Си» и Джудит. Ей нравилась та жизнь, которую они вели. Он любил Джудит — нет, он боготворил ее. Несмотря на свое ворчание по поводу «яичных коктейлей», он испытывал безумную радость от того, что Джудит принадлежала ему. Вносила в его жизнь красоту и изящество. Присутствуя на торжественных обедах и понимая, что она создала вокруг него этот прекрасный мир, он втайне боялся потерять его. Другой мужчина? Нет, секс не слишком интересовал Джудит. Деньги? Они всегда у него будут. Болезнь? Да, болезнь могла уничтожить все.

И вот это случилось: он потерял Джудит. Теперь она одержима жаждой самоуничтожения. Но разве не то же самое произошло и с ним, когда по возвращении он делал вид, что наслаждается праздностью, позволив Робину управлять телекомпанией. Внезапно ему все стало ясно. Он может поставить Джудит на ноги. Это будет нелегко. Но в нем возродился бойцовский дух.

Прежде всего он должен вернуть себе власть над «Ай-Би-Си». Грегори немедленно начал действовать. Он пришел к Робину и заявил

ему, что все решения, касающиеся программы на следующий год, должны согласовываться с ним. Робин посмотрел на него с кривой усмешкой на лице.

— Почему? — спросил Стоун.

Грегори смутился под холодным взглядом Робина.

— Слушайте, Робин, благодаря мне вы превратились из репортера в президента этой телекомпании. Я горжусь вами, хочу с вами работать. Вы — мой парень.

Он пытался говорить искренне и дружелюбно.

Глаза Робина стали стальными.

— Я принадлежу самому себе! — выпалил он. — Почти два года я управляю тут один. Я не могу спрашивать у вас разрешения на каждом шагу. Если вы считаете это необходимым, найдите себе другого парня!

Что ж, Грегори сумел найти замену Робину, но он не мог отдать его другой телекомпании. Однако каждый раз, когда он глядел на Джудит, решимость Грегори крепла — его несчастная печальная жена прошла через все эти операции и по его вине оказалась в вакууме. Он должен взять бразды правления в свои руки.

Грегори возлагал большие надежды на поездку в Лос-Анджелес. Ему не хотелось будоражить акционеров — он изберет выжидательную тактику. Грегори делал безумную ставку на то, что поредачи Робина окажутся неудачными, и курс акций упадет. Грегори приходилось молить Бога о больших потерях для «Ай-Би-Си». Только тогда ему удастся получить телекомпанию назад.

Доктор Галенс считал, что путешествие улучшит состояние Джудит, если она не будет все время сидеть в отеле. Грегори вызвал к себе Калли и Хейса. Он попросил их осветить в прессе прибытие Остинов на Западное побережье и позаботиться о том, чтобы они получили приглашения на все солидные приемы. Его задевала необходимость таких мер, но благополучие Джудит было для Грегори важнее всего. Калли и Хейс сделали свое дело; несколько приглашений уже пришли по почте. Джудит перестала глотать секонал, покрасила волосы и полностью обновила для Калифорнии свой гардероб. Возможно, несколько насыщенных недель навсегда выведут ее из летаргии.

Они должны были отправиться на Запад в воскресенье. В пятницу Грегори позвонил жене и спросил ее, в какое время она хочет вылететь.

— Я должна ответить немедленно? — спросила Джудит. — Скажи им, пусть приготовят самолет к полудню.

Он поручил секретарше позвонить пилоту. Женщина сделала удивленное лицо.

— Мистер Стоун два часа назад сел на самолет.

— Что?

— Он полетел в Лас-Вегас на уик-энд, чтобы посмотреть каких-то исполнителей. Затем он отправится на Западное побережье для участия в работе совета директоров. Я думала, вы в курсе...

— Я забыл, — тотчас сказал Грегори.

Он откинулся на спинку стула. Как Робин осмелился забрать самолет? Он вызвал Клиффа Дорна.

Клифф вздохнул.

— Слушайте, Грегори, что значит «как он осмелился»? Самолет — собственность компании, которой он руководит. Вам известно, как называют этот самолет на Мэдисон-авеню? «Летающая кровать»! Робин переделал салон таким образом, что его часть превратилась в спальню с кроватью от стенки до стенки. Он редко отправляется в полет без девушки. Я не в силах уследить за ним, и часто не знаю, где он.

— Мы должны положить этому конец, — сказал Грегори.

— К сожалению, когда вы заболели, Джудит отдала ему всю власть. Я много раз хотел уйти отсюда. Но я знал, что этим только подыграю ему. Поставив шефом юридического отдела своего человека, он прикончил бы нас.

— Мы и так мертвы, — тихо сказал Грегори.

— Нет, он сам роет себе могилу.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Грегори.

— Это должно случиться — посмотрите, как он ведет себя в последние месяцы. Принимает безумные решения, дьявольски рискует. Он пустил в эфир две передачи, которые должны были провалиться, а они вдруг прошли на ура.

— Он такой же, как все, — медленно произнес Грегори. — Помешан на власти.

— Нет, по-моему, ему нужна не власть. С одной стороны, он хочет, чтобы его имя сверкало повсюду, с другой — сам забрасывает его грязью. Признаюсь — я не раскусил Робина. Ходят слухи, что он — гомик, однако у него всегда есть девушка. Говорили, что он берет взятки. Я потратил недели, проверяя это, и ничего не нашел. Меня смущает один факт. Есть такой актер — Серджио Милано. До последнего времени Робин посылал ему триста долларов в неделю. Я узнал об этом, потому что наши с Робинем налоговые инспектора — двоюродные братья. У Серджио Милано роман с Элфи Найтом.

— Значит, вы полагаете, что Робин — бисексуал?

— Похоже. Серджио еще не поднялся наверх, хотя он уже получает неплохие роли. Мистер Милано — смазливый итальянец. Он зарабатывает достаточно, чтобы не нуждаться в помощи Робина. Возможно, он перестал брать у него деньги, став любовником Найта.

— Слушайте, мы можем собрать доказательства? Я не знаю, как это делается, — смущенно произнес Грегори.

— Я уже принял нужные меры. Мой человек сядет на хвост Робину, как только мистер Стоун приземлится в Калифорнии. Я считаю, это наш долг перед акционерами. Мы не можем держать на этом посту человека, которому грозит преследование за аморальное поведение.

— Клифф, я не хочу скандала. Одно дело — избавиться от Робина, другое — сломать ему жизнь. Я не пойду на это.

Клифф улыбнулся.

— Грегори, мне нужен лишь письменный рапорт. Мы что-то откопаем. Затем представим материал Робину. Ему тоже не нужен скандал. У него есть родственники. Сестра Робина — известная светская дама из Сан-Франциско. Он достаточно умен, чтобы понять: любой публичный скандал будет означать конец его карьеры на ТВ. Мы скажем, что он нуждается в помощнике. Разделим власть. Вы придумаете новую должность. Пусть Робин останется президентом «Ай-Би-Си». Мы вернем Дена Миллера. Ограничив полномочия Робина, вы сможете принимать окончательные решения.

Грегори кивнул.

— Я бы хотел вернуть Дена Миллера. Я могу управлять им. Но согласится ли он делить власть с Робинем? Именно это послужило причиной его ухода.

— Нет, он ушел, оказавшись в подчинении у Робина.

— А если Робин перейдет в другую телекомпанию? — спросил Грегори.

— Те письменные свидетельства, которые мы получим, не позволят ему сделать это.

— Мы не можем ничего предпринять, пока у нас нет этого рапорта, — сказал Грегори.

— Мы обязательно что-нибудь раздобудем. Если не в эту поездку, так в следующую. Возможно, даже в Нью-Йорке. Я обратился в хорошее агентство, у них есть люди во всех городах. А пока наберемся терпения.

Грегори кивнул. Затем начал обдумывать, как лучше преподнести Джудит известие о том, что они полетят на побережье рейсовым авиалайнером. Она отреагировала удивительно спокойно.

— Ненавижу этот самолет. Продай его.

Робин приземлился в Лос-Анджелесе в воскресенье, под вечер. В отеле его ждала пачка записок. Ему звонили агенты, кинозвезды и управляющие филиалов «Ай-Би-Си». Все присылали Робину спиртные напитки — его номер напоминал переполненный бутылками бар. Он просмотрел сообщения: одно было от Серджио.

Робин налил себе водки. «Поло», конечно, забит сотрудниками «Ай-Би-Си», а также акционерами. Там он не появится. Он позвонил Серджио.

— Робин, в следующем месяце я пришлю тебе чек — верну все «пособие», которое ты присылал мне. Я только что подписал великолепный контракт с «Сенчери Пикчерс».

— Забудь об этих деньгах, ты только увеличишь мои налоги. Ты оказался хорошим другом, когда я нуждался в нем. Деньги, вырученные от продажи виллы, когда-нибудь кончатся.

— Правительство забрало так много, — грустно сказал Серджио. Затем он оживился.

— Робин, сегодня Элфи устраивает грандиозный прием. Начало в шесть. Пожалуйста, приходи.

— Я не впишусь в вашу компанию.

— Это не такая вечеринка. Там будут все.

Серджио засмеялся.

— Господи, Робин, я на пути к успеху — не могу компрометировать себя. В моем контракте есть пункт, касающийся морального облика. То же самое — у Элфи.

— Я о другом. Это мне и в голову не пришло. Я хотел сказать, что в Голливуде я чужой. Извини, приятель. Веселитесь без меня. Кстати, ты живешь с Элфи?

— Нет, у него маленький дом. Я остановился в «Мелтон Тауэрс». Возможно, когда-нибудь мы купим дом на двоих. Это моя мечта.

— «Мелтон Тауэрс». Я знаю одну девушку, которая живет там — Мэгги Стюарт.

— О, да. Я иногда вижу ее в лифте. Она очень красивая.

Положив трубку, Робин позвонил в «Мелтон Тауэрс». Мэгги ответила после первого гудка.

— О, Супермен и его Летающая кровать. Я узнала из газет, что ты должен прилететь сюда.

— Мэгги, я хочу тебя видеть.

— Я только что кончила записывать телеигру — на сегодня третью. Завтра меня ждут две другие. Мне сшили пять туалетов, и я изо всех сил стараюсь быть находчивой, веселой и остроумной. Я — персонаж в дневном стиле. Признаюсь, ничто не действует так скверно на моральные устои девушки, как роль в дневном стиле.

— Я хочу видеть тебя, — повторил он.

— Я это уже слышала.

— Тогда почему треплешься о ерунде?

— Потому что я сошла с ума. Знаешь, почему? Потому что я тоже хочу видеть тебя. Это значит, что я психически больна — сама прошу меня выпороть.

— Хочешь прийти ко мне? Мы попросим принести обед в номер. Или пойдем в «Маттео»?

— Ты приходи ко мне, — медленно произнесла она. — Я сняла грим, мои волосы не уложены. У меня есть в морозилке сосиски и банка фасоли.

— Иду.

— Подожди хотя бы час. Я хочу принять душ и обрести отчасти приличный вид.

Робин налил себе водки, включил телевизор и вспомнил о Грегори Остине. Прилетел ли он? Наверно, следует ему позвонить. Затем Робин пожал плечами. Черт с ним, с Грегори — он увидит его на совете директоров во вторник.

Грегори сидел в просторной гостиной коттеджа номер восемь. На сей раз они выбрали отель «Беверли Хиллз», хотя обычно он предпочитал «Бель Эйр», где было меньше шансов встретить кого-нибудь из сотрудников телекомпании. Например, сегодня вечером, в шесть часов по местному времени — часы Грегори показывали девять утра — позвонил Клинт Мердок. Грегори валился с ног от усталости. Клинт был отставным генералом и влиятельным членом совета директоров. Миссис Мердок видела Остинов у стойки администратора.

Они не хотят пообедать в гостиничном ресторане? У Грегори не было выбора — генерал был слишком важной фигурой, отказ мог его обидеть. Ладно, это будет недолгий обед. Он вернется в коттедж к полуночи. Грегори зевнул. У него еще есть время вздремнуть... Они договорились встретиться с генералом в восемь. Надо сказать об этом Джудит. Миссис Мердок была скучной особой, но Джудит хотя бы получит возможность надеть одно из ее новых платьев. Может быть, они заглянут в «Поло» и выпьют там. А с завтрашнего дня каждый вечер их будут ждать на каком-то приеме. Калли и Хейл оправдали свою еженедельную тысячу. Грегори надеялся, что Джудит будет счастлива.

Она вошла в гостиную.

— Не знаю, что делать. Комната для глажения закрыта.

— Ее откроют завтра утром.

Джудит улыбнулась.

— Придется надеть платье из золотого ламе. Это моя единственная немнущаяся вещь.

— Сегодня?

Она помахала приглашением.

— Оно лежало здесь, когда мы приехали. Элфи Найт устраивает большой прием — там будут все.

— Джудит, начиная с завтрашнего дня, мы будем ходить на приемы каждый вечер. Но сегодня мы обедаем с генералом Мердоком и его женой.

— С генералом Мердоком? Я бы не согласилась обедать с ним, даже если бы мне было нечего делать. И уж тем более я не собираюсь ради него пропускать прием у Элфи Найта!

Грегори встал с кресла и попытался обнять жену.

— Джудит, он мне нужен. Мердок может оказаться полезен на совете директоров.

Гримаса презрения исказила ее черты.

— Конечно. Мы просидим с ними несколько часов, я буду поддерживать идиотскую беседу с миссис Мердок, а ты — слушать рассказ генерала о его последней рыбалке. Робин Стоун никогда бы не опустился до этого. Он-то пойдет к Элфи Найту. Там будут все!

Вырвавшись из объятий мужа, она бросилась в спальню. Грегори испугался, увидев, что Джудит направляется в ванную.

— Джудит, что ты делаешь?

Она держала в руках флакон со снотворным.

— Я приму две таблетки! Не желаю сидеть и слушать этих скучных людей. Если я засну, то не буду чувствовать себя несчастной из-за того, что пропускаю одну из лучших вечеринок в городе.

Он вырвал у нее флакон.

— Я не могу отменить встречу с генералом. Но если этот прием так для тебя важен, иди к Элфи. Я придумаю какое-нибудь объяснение для генерала.

— Я не могу пойти на прием одна, без мужчины.

Она протянула руку к снотворному.

— Пожалуйста, отдай таблетки, Грег. Я не вынесу обеда с этими людьми.

— Нет, я найду тебе спутника.

Он вдруг повернулся к ней.

— Возможно, Робин Стоун согласится повести тебя.

Джудит ничем не выдала своего волнения.

— Я уверена, у него уже есть дама.

— Это не мешает ему сопровождать тебя.

Грегори подошел к телефону. Ему очень не хотелось обращаться к Робину с просьбой. Но он подумал о Джудит. Черт возьми, он же не просит переспать с ней.

Услышав голос Робина, Грегори сразу перешел к делу.

— Робин, сегодня у какой-то кинозвезды состоится вечеринка — кажется, у Элфи Найта. Да, миссис Остин получила приглашение, она полагает, что там будет интересно. Она давно не присутствовала на этих голливудских сборищах. К сожалению, я договорился пообедать с одним членом совета директоров. Я буду вам весьма обязан, если вы согласитесь сопровождать миссис Остин.

Джудит следила за лицом Грегори, пытаясь увидеть на нем какой-то знак. Тишина показалась ей зловещей — очевидно, Робин объяснял причину своего отказа...

— Я тоже так считаю, — ответил Грегори, — но сделайте это ради меня. Да, понимаю. Послушайте, Робин, вы можете, не отменяя вашей встречи, сходить к Найту. Обычно эти приемы завершаются к девяти или десяти часам. Я буду вам очень признателен...

— Ради Бога, перестань уговаривать! — закричала Джудит. Она вырвала трубку из руки мужа.

— Робин, это Джудит. Забудьте об этой просьбе! Это была идея Грегори, не моя.

— Ты действительно хочешь пойти туда, Джудит? — спросил Робин.

— По-моему, это будет забавная вечеринка. Мне кажется, я нуждаюсь в некоторой дозе развлечений. Но я не хочу заставлять вас идти туда.

— Я ненавижу голливудские приемы. Послушай, Джудит, тебя устроит, если мы отправимся к Элфи поздно — скажем, часам к десяти?

— Чудесно. Я успею немного вздремнуть.

— Хорошо. Я позвоню тебе из вестибюля.

Положив трубку, она попыталась скрыть свою радость. Ему не хотелось идти, но он согласился ради нее. Значит, у него еще остались какие-то чувства. Она предоставила ему возможность отказаться. И он, вероятно, уже назначил свидание какой-то девушке, а теперь отменит его, чтобы провести вечер с ней, Джудит. Она подошла к Грегори и поцеловала его.

— Твои наемные работники по-прежнему спешат выполнять любое твое распоряжение.

Грегори испытал облегчение, увидев Джудит радостной.

— Нет, он подчинился не мне. Робин не устоял перед тобой. Ты всегда повелевала мужчинами, Джудит.

Она была так счастлива, что ей хотелось быть доброй ко всем.

— Ты не обидишься на меня за то, что я не пойду на обед с Мердоками?

— Разумеется, нет. Я скажу им, что путешествие свалило тебя с ног. Они не узнают, что ты была на приеме у Найта. Их-то, ручаюсь, не пригласили.

Она поцеловала его в голову.

— Я намажу лицо кремом и полежу в ванне. Потом немного посплю. Разбуди меня перед уходом.

Пустив воду, Джудит запела. Она снова увидит Робина. Она чувствовала, что он тоже хочет встретиться с ней. Ну, конечно. Она отпугнула его разговором о женитьбе. Она даст ему понять, что принимает правила игры. Никаких ультиматумов. Она будет видеть его каждый день в течение этой недели — они, несомненно, приглашены на одни и те же вечеринки. Вернувшись в Нью-Йорк, они снова начнут ходить в «Стик Плейс» и... О, Боже, какая замечательная штука жизнь!

Робин взял на прокат автомобиль и подъехал к дому, где жила Мэгги. Он попал в затруднительное положение, но в голосе Джудит звучало отчаяние. Он прервал их роман, когда она заговорила о браке, и думал, что она уже завела кого-то. Но наигранная гордость — Джудит заявила, что он не обязан вести ее к Найту, — показалась ему мольбой о помощи. У него не хватило духу отказаться.

Он размышлял об этом, когда ехал по Бульвару Заходящего Солнца. Почему он жалеет Джудит? Он ни к кому не испытывал никаких чувств. Кроме Мэгги — черт возьми, он хотел ее! Это обыкновенное физическое желание. И он восхищался ее самообладанием. Она дала ему сдачи. Мэгги — это вызов. Она не походила на мягкотелую Аманду, в глазах которой всегда таилась печаль. Мэгги была бойцом. Девушкой в его вкусе. Но Джудит — чем он ей обязан? Почему урезал свой вечер с Мэгги? Это беспокоило его. Он отогнал от себя эти мысли, припарковавшись на маленькой стоянке возле «Мелтон Тауэрс».

Мэгги выглядела усталой, но все равно была божественно красива. Он заметил синеву под ее глазами. Она сильно похудела, но почему-то стала для него еще более желанной.

Они поели за кофейным столиком. Он помог ей убрать посуду. Потом она почти смущенно повела его в спальню. Робина изумила нежность, которую она пробудила в нем... после, держа ее в объятиях, он испытывал небывалое удовлетворение — впервые за много лет. Господи, если бы они могли прийти к какому-то компромиссу. Он хотел, чтобы она была постоянно рядом, но не осмелился просто пригласить ее к себе. Поглаживая волосы Мэгги, Робин впервые всерьез задумался о браке. У них может получиться, если она не будет держать его на привязи. Однако, как ни странно, он не мог представить, с кем бы ему захотелось изменить Мэгги. Господи, скоро придется встать и везти Джудит на этот чертов прием. Он украдкой поглядел на часы. Без четверти девять — время еще есть.

— Мэгги?

— Ммм?

Пошевелившись, она уткнулась лицом ему в шею.

— У тебя есть какие-то планы насчет твоей карьеры? Помимо участия в телеиграх?

— Я хочу сняться в фильме, который задумал Элфи Найт.

— Мое предложение сыграть главную роль в телесериале еще в силе.

— Я предпочитаю кинокартину.

— Ты уже сделала какие-то шаги?

Она потянулась через Робина к сигаретам, лежавшим на тумбочке.

— Я написала записку Элфи, и Хайл закинул удочку. Элфи сказал, что возьмут меня, если не найдет суперзвезду. Я слышала, он хочет пригласить Элизабет Тейлор. По-моему, у меня нет шанса.

— Вероятно, я смогу тебе помочь в этом вопросе. Но почему бы тебе не сняться в телесериале? Ты приобретешь известность, заработаешь хорошие деньги, а Элфи все равно не приступит к съемкам до следующего года.

Мэгги посмотрела на него.

— А ты будешь тем временем раз в несколько месяцев прилетать сюда, чтобы потрахаться со мной и поговорить о моей карьере?

— Я буду проводить здесь немало времени.

— Это значит, что мы будем много трахаться и много разговаривать.

Она поднялась с кровати.

— А чего хочешь ты, Мэгги?

Мэгги замерла на середине комнаты. Свет из ванной падал на ее тело. Робин видел, что глаза Мэгги рассерженно сверкнули.

— Я хочу тебя! Сегодняшний вечер восхитителен, но утром я буду, как всегда, ненавидеть себя. Почувствую, что я для тебя — всего лишь удобная калифорнийская подстилка.

Он мгновенно вскочил с кровати и обнял Мэгги.

— Черт возьми, ты знаешь, что это не так. Любая девушка в этом городе — моя, потому что я могу дать ей работу.

— Ты только что предложил мне лакомый кусочек — главную роль в сериале. И за это я должна быть готова прибежать к тебе по первому звонку! Боже, это что-то из дешевого кино! Скажи, кто та нью-йоркская девушка, которая всегда готова по твоему сигналу примчаться в «Улан»? А чикагская? Наверняка она существует — там ты управляешь «Летающую кровать».

Он отстранился от Мэгги и надел трусы. Она взяла халат, закурила и стала наблюдать, как Робин одевается.

Внезапно он улыбнулся.

— «Летающая кровать» — так, значит, называют мой самолет?

— Ты не читал предпоследний номер «Совершенно секретно»?

— Что это такое?

— Скандальный журнал. Твоя фотография попала на его обложку. Тебе уделяют внимание не только «Ньюсуик» и «Таймс», но и многие другие издания. Если верить «Совершенно секретно», тебе

все равно, кто сопровождает тебя в «Летающей кровати» — мужчина или женщина, лишь бы твой спутник умел классно трахаться!

Он ударил Мэгги по лицу. Она залилась слезами. Затем упала в его объятия.

— Господи, Робин, почему мы пытаемся уничтожить друг друга? — произнесла она, всхлипывая.

— Ты мне не безразлична, Мэгги, и я хочу, чтобы ты взялась за эту работу.

— Мне не нужен гонорар!

Слезы текли по ее лицу.

— Как ты не понимаешь? Мне нужен только ты!

— Я у тебя есть! Ни одной женщине я не принадлежал в такой степени, как тебе. Я до сих пор ношу, точно гомик, твое кольцо с анком.

Она ничего ему не ответила.

— Обручальное кольцо все изменит? — спросил он.

— Да.

— О'кей.

— Что — «О'кей»? — спросила она.

— О'кей, мы поженимся.

Робин посмотрел на часы — стрелки показывали четверть десятого. Ему пора было ехать за Джудит, но он хотел договориться обо всем с Мэгги.

— Ты станешь миссис Робин Стоун. Но я сохраню за собой право уходить, когда мне надо. Например, сейчас мне пора уезжать.

Она посмотрела на него.

— Что?

— Я должен сопровождать даму на прием.

Мэгги изумленно уставилась на Робина. Отпрянула от него, точно он ударил ее.

— Ты явился сюда, зная, что у тебя впереди свидание, что ты выпрыгнешь из моей постели и помчишься к другой женщине?

— Все обстоит иначе. Эта дама — миссис Джудит Остин.

— Это ничего не значит. Она далеко не монашка.

— Мэгги, давай не будем впутывать сюда миссис Остин.

— О, она выше этого!

Мэгги рассмеялась.

— Ты хочешь быть свободным, однако стоит миссис Остин щелкнуть пальцами, как ты бежишь к ней. Так ты стал президентом «Ай-Би-Си»?

— Я уйду, Мэгги. Не хочу слышать от тебя слова, в которые ты не веришь. Я позвоню тебе завтра.

— У нас нет завтрашнего дня.

Ее глаза сверкнули.

— Ты так не думаешь, Мэгги.

Она отвернулась. Робин знал, что Мэгги плачет. Он подошел к ней и обнял ее.

— Мэгги, ты мне дорога. Господи, как я могу доказать это? Я прошу тебя выйти за меня замуж. Если ты согласна тер-

петь меня таким, какой я есть, все прекрасно. Я хочу быть с тобой.

— А я хочу быть нужной тебе, Робин,— всхлипывая, сказала она.— Я уже состояла в браке с человеком, которому была не нужна — разве что как мать будущего наследника. Ты меня понимаешь, Робин? Я люблю тебя так сильно, что мне страшно. Я страдала, когда Хадсон обманывал меня, хотя я никогда его не любила. Но я бы не пережила твоего предательства. Знаешь, я пыталась забыть тебя. С Энди, Адамом, с партнерами по фильмам. Но ничего не добилась. Я не хочу, чтобы ты женился на мне, считая, что делаешь мне одолжение. Ты должен нуждаться во мне, хотеть делить со мной все — мысли, любовь, проблемы. Не только постель. Неужели ты не понимаешь, Робин? Я хочу быть нужной тебе.

— Похоже, мы не договоримся,— нетерпеливо произнес он, потом как-то странно улыбнулся. Видишь ли, детка, я ни в ком не нуждаюсь.

Она медленно кивнула, признавая свое поражение.

— Однажды Ден Миллер сказал это о тебе.

— Значит, я недооценивал его интеллект.

Робин шагнул к двери.

— Ты возьмешься за ту работу?

— Нет.

— Выйдешь за меня?

Она покачала головой.

— На твоих условиях — нет.

Он открыл дверь.

— Я проведу здесь четыре или пять дней. Если ты изменишь свое решение по любому из этих вопросов...

Она посмотрела на него глазами, полными слез.

— Не звони мне больше, Робин! Никогда!

— Ты это серьезно?

Мэгги кивнула.

— Да. Пока не сможешь сказать мне, что я нужна тебе.

Она подождала, когда за ним закроется дверь лифта. Потом бросилась на кровать и заплакала.

Робин вошел в вестибюль «Бeverли Хиллз» за одну минуту до десяти часов. Спустя пять минут, поблескивая золотой парчой, там появилась Джудит. Никогда еще она не выглядела столь прекрасно и не пробуждала в нем такого сочувствия. Он вспомнил Мэгги с ее волосами, стянутыми в «хвост», и синевой под глазами. И все же Робин чувствовал, что никогда больше не сможет заниматься любовью с Джудит.

Он заставил себя радостно улыбнуться, направившись к ней.

— Ты посрамишь всех кинозвезд.

— Это моя единственная немнущаяся вещь. Меня сто раз видели в ней на нью-йоркских вечеринках.

— А у меня всего лишь взятый на прокат «ремблер». Он для тебя недостаточно элегантен,— сказал Робин, ведя Джудит к машине.

Заняв переднее сиденье, она прильнула к Робину.

— Этот автомобиль мне нравится больше, чем лимузин.

Джудит взглянула на Робина, который вел машину в сторону пологих холмов.

— Робин, я по тебе скучала,— тихо сказала она.

— Такая красивая женщина, как ты, не должна скучать,— легкомысленным тоном заметил он.— Джудит, посмотри на вывеску с твоей стороны. Дом Элфи стоит на улице Ласточек — тут везде птичьи названия.

— Мы на Соловьиной улице,— сказала она.

— Значит, мы едем правильно. Где-то здесь должен быть крутой поворот.

Она сосредоточила свое внимание на дорожных знаках.

— Я поступила, как ребенок,— медленно произнесла Джудит.

— Когда?

— Ну, прилетев в Чикаго, чтобы встретить тебя.

— По-моему, это был рискованный, но очаровательный поступок.

— Я много думала, Робин. Я не могу причинить боль Грегори, он нуждается во мне.

— Славная девочка. И ты, кажется, нуждаешься в нем.

— Нет, мне нужен ты.

— А, вот улица Ласточек. Похоже, вот этот дом, возле него стоят «роллс-ройсы» и «бентли».

Когда Робин припарковался, к ним подъехала патрульная машина.

— Вы сюда, мистер? — спросил полицейский.

Робин кивнул.

— Кажется, тут вечеринка.

Офицер засмеялся.

— Меня посылают сюда в третий раз. Передайте Элфи Найту — я его поклонник, он имеет право повеселиться, но в соседнем доме спит маленький ребенок.

— Я приму меры,— обещал Робин.

Он помог Джудит выйти из машины.

Полицейский посмотрел на нее оценивающим взглядом, потом повернулся к Робину.

— Кажется, я вас где-то видел. Ваше лицо мне знакомо. Ну конечно! Я всегда смотрел «Взгляд», пока его вели вы. Вас зовут Робин Стоун, да?

— Верно.

— Тут собрались все городские знаменитости. Знаете, вам следует вернуться к этой передаче. Вы мне нравились. Вы ничем не хуже Хантли и Бринкли.

— Теперь он ведет «Хэппенинг»,— с гордостью собственницы сообщила Джудит.

— К сожалению, последнее время я часто дежурю по вечерам, и мне не удастся смотреть ТВ.

Когда Робин зашагал по дорожке, полицейский негромко окликнул его:

— Мистер Стоун, можно вас на минутку — одного?

Робин заколебался. Джудит, улыбнувшись, кивнула. Он вернулся к патрульной машине.

— Послушайте, мистер Стоун. Я знаю, что эта дама — не ваша жена. Она для вас слишком стара.

Робин бросил на офицера холодный взгляд. Подождал, пока тот не заговорил снова.

— Я вовсе не собираюсь вмешиваться в ваши дела. Просто хочу вас предупредить — вдруг это чья-то жена...

— Я вас не понимаю, — сказал Робин.

— Я все замечаю. Разговаривая с вами, я увидел «хвост».

— Что?

— «Хвост». По-моему, вы подцепили «хвост». У вас какие-то проблемы?

— Не больше, чем обычно.

— Пока мы беседовали, по улице проехал какой-то тип. Он развернулся и покатил в обратном направлении. Потом снова сделал разворот и припарковался неподалеку. Я его узнал. Это детектив из сысканого агентства.

— Может быть, он следит за кем-то из гостей. Я сопровождаю эту леди по просьбе ее мужа.

Полицейский пожал плечами.

— Возможно, он ведет наблюдение за одним из соседних домов. Ждет, когда оттуда выйдет чей-то муж. Но это точно «хвост».

— Только не мой, — сказал Робин. — Все равно спасибо!

И он поспешил за Джудит.

Войдя в дом, он увидел на лице Серджио такое удивление и восторг, что почти обрадовался своему приезду. Робин узнал нескольких известных режиссеров, знаменитых актеров и привычное множество «звездочек». Кто-то обнял его и чмокнул в шею. Это была Тина Сент-Клер. Он представил Джудит Серджио, Элфи и Тине. Затем взял два бокала и подвел миссис Остин к дивану. Большой сиамский кот продефилировал по комнате и посмотрел на Робина. Потом, заурчав, прыгнул к нему на колени.

Элфи едва не уронил свой бокал.

— Господи, Робин, вот это сексапильность! Слаггер всех ненавидит.

— Слаггер!

Услышав голос Робина, кот замурлыкал. Робин почесал его за ухом.

— Как он попал к вам?

— Кота отдал мне Айк Риан. Слаггер принадлежал его жене. Айк так много путешествует, что бедный кот часто рыскал по помойкам. Я обожаю котов. Слаггер не любит чужих, но вы — исключение.

— Нет, мы со Слаггером старые друзья.

Он погладил шею кота и заметил ошейник с серебряным жетоном.

Тина Сент-Клер встала перед ансамблем и принялась покачивать бедрами, многозначительно глядя на Робина.

— Приглушите барабаны, — сказал Робин Элфи. — Я только что избавил вас от визита полицейского.

— О, этот красивый офицер. Похоже, он воспользовался жалобой соседей как предлогом прийти сюда. Лично я убежден, что он голубой,— заявил Элфи.

Джудит улыбнулась Робину.

— Нам вовсе не обязательно здесь оставаться,— шепнула она.

— Уже скучаешь? — спросил он. — Или эти люди не в твоём вкусе?

— Когда ты со мной, мне никто больше не нужен. Я бы предпочла выпить у тебя в номере.

— Я думал, ты хотела пойти на прием.

— Да, хотела. А теперь хочу побыть с тобой.

— Мы обидим Элфи и Серджио. Он — мой старый друг.

Робин медленно потягивал мартини, разговаривая с Серджио и Элфи. Джудит оказалась среди актеров. Робин решил задержаться здесь допоздна — тогда у них не останется времени выпить в его номере.

К полуночи гости стали расходиться. Джудит подошла к стоявшему у бара Робину. Натянута улыбнулась.

— Я дала тебе возможность пообщаться с этими двумя мальчиками. Теперь моя очередь. Выпьем перед сном.

— Что ты предпочитаешь?

— То, что у тебя есть.

— У Элфи богатый выбор спиртного. Назови.

— Я не хочу пить здесь,— раздраженно сказала Джудит.

К ним приблизился Элфи.

— Какие проблемы, любовь моя?

Робин сдержал усмешку. Элфи был одним из немногих актеров, сторонившихся ТВ. Фамилия миссис Остин ничего ему не говорила. Она улыбнулась.

— Никаких проблем. Я просто сказала Робину, что нам пора возвращаться.

— Если вы устали, дорогая, я могу попросить кого-нибудь подбросить вас домой.

Джудит, не обращая внимания на Элфи, повернулась к Робину. На этот раз ее голос прозвучал твердо.

— Робин, я хочу вернуться в отель.

Робин раскованно усмехнулся.

— Элфи, вы слышали, что сказала леди? Кто едет в сторону гостиницы «Бeverли Хиллз»?

— Джонни живет на Норт-Каньон. Эй, Джонни, когда ты собираешься ехать?

— Скоро,— ответил молодой человек.

— Вот ваш водитель, любовь моя,— сказал Элфи, обращаясь к Джудит.

— Как вы смее!

Она повернулась спиной к Элфи.

— Робин, отвези меня домой.

— Обязательно, но не сейчас. Я еще не допил свое.

Элфи взял в баре бутылку водки и протянул ее Робину.

— Кажется, она недостаточно холодная.

Джудит посмотрела на Робина, наполнявшего свой бокал.

— Робин, я хочу уехать отсюда — с тобой.

— Слушайте, любовь моя, — сказал Элфи, — ни один человек не может получить все, что он хочет. Я, например, в настоящий момент хотел бы жениться на Серджио и завести детей. К сожалению, это невозможно.

Сверкнув глазами, Джудит поглядела на Робина.

— Тебе нравится общаться с этими дегенератами!

— Мне нравится проводить время с моими друзьями.

Он отошел от нее и направился к дивану. Элфи и Серджио последовали за ним.

Джудит прислонилась к бару. Такого с ней еще не бывало. Презрительная усмешка Элфи... они обращались с ней, как с заурядной дамой полусвета. Ее, миссис Грегори Остин, желания игнорировались. Она налила себе щедрую порцию виски. Часы, висевшие над баром, громко тикали в тишине. Внезапно она заметила, что почти все гости ушли. Лишь Робин и два этих гомика сидели на диване. Он поступал так нарочно, чтобы унижить ее. Она слезла с высокой табуретки. Лежавший на полу предмет привлек внимание Джудит. Это был золотой браслет. Она прочитала выгравированную надпись, и ее губы медленно скривились в улыбке. Джудит держала браслет в руках брезгливо, точно боясь испачкать пальцы. Она подошла с ним к мужчинам.

— Теперь я понимаю, почему мне предложили уйти. Вы трое хотите остаться одни, да?

Мужчины с любопытством посмотрели на Джудит. Элфи, увидев браслет, вскочил с дивана. Его пальцы машинально коснулись запястья. Потом он шагнул к Джудит, но она отпрянула назад.

— Сука — он был на моей руке. Где ты взяла его?

— Нашла на полу возле бара.

Джудит помахала браслетом перед Элфи.

— Вероятно, замок сломался. Очень интересный браслет.

Серджио быстро встал с дивана и направился к женщине.

— Отдайте ему браслет.

Она тотчас спрятала его в свой бюстгальтер.

— Теперь он там, куда вы, голубые, не осмелитесь забраться.

Робин медленно поднялся.

— Вероятно, ты забыла обо мне. Я не боюсь женской груди.

— Ты тоже гомик.

Однако Джудит сделала еще один шаг назад.

— Для нашей Машины любви девушки служат ширмой. На самом деле ты предпочитаешь мужчин. Браслет это подтверждает.

— Какое отношение ко мне имеет браслет Элфи?

— Это ты объясни мне, — игриво сказала она. — На внешней стороне пластины выгравировано «Серджио», на внутренней — «От Робина Стоуна», Рождество, Рим, 1962». Но носил его Элфи. Поэтому ты хотел остаться, Робин? Чтобы разобраться с Элфи, который увел у тебя любовника?

Серджио виновато посмотрел на Робина.

— Это тот браслет, который ты купил в Риме. Помнишь, ты разрешил мне выгравировать на нем все, что я захочу? Я всегда носил его. Он был и остается самой дорогой мне вещью. Но Элфи дал мне свой браслет.

Серджио протянул руку, показывая золотой браслет, похожий на первый.

— Элфи он достался от матери. Это — самая дорогая для него вещь. Поэтому мы обменялись браслетами.

Элфи кивнул.

— Я очень им дорожил, Робин.

Джудит откинула голову назад и рассмеялась.

— Это — самая трогательная сцена, которую я когда-то видела. Кажется, мне пора. Уверена, Грегори придет в восторг от моей находки. Скандальной прессе она тоже понравится. Возможно, мы даже успеем обнародовать новость до заседания совета директоров, которое состоится во вторник. Мы проследим за тем, чтобы ты, Робин, стал безработным.

— Джудит, мне плевать на мою должность в «Ай-Би-Си». Если ты обиделась на меня — действуй, как тебе угодно. Но не впутывай сюда Серджио и Элфи. Ты можешь испортить их карьеру.

Она посмотрела на него и засмеялась.

— Мне это нравится все больше и больше.

Джудит повернулась к Элфи.

— Думаю, желтая пресса будет счастлива узнать кое-что о тебе, любовь моя!

Злобно сверкнув глазами, она направилась к двери.

Серджио бросился за ней. Элфи первым схватил Джудит и оттащил ее на середину комнаты. Робин устремился вперед, чтобы разнять их, но Серджио опередил его. Джудит затравленно озиралась по сторонам. Внезапно увидела сверкающего «Оскара». Схватив его, она ударила им по голове шагнувшего к ней Серджио. Он рухнул на пол.

— Сука! — закричал Элфи. — Он потерял сознание! Ты убила его! О, Боже, Серджио...

Опустившись на колени, он зарыдал над итальянцем.

Джудит побежала к двери, но Элфи поймал женщину.

— Нет уж, постой!

Он ударил ее по лицу. Робин поднял Серджио и положил его на диван. Он слышал, как кричит Джудит. Робин знал, что Элфи бьет ее, но был уверен — она понесет лишь моральный ущерб. В первую очередь его волновало состояние Серджио. Он достал из бара лед и положил его к голове друга.

— Будь осторожен! — крикнул Элфи. — У него может быть трещина в черепе.

Робин повернулся, взглянул на Джудит и бросился к ней. Ее губа была рассечена, из носа текла кровь. Парик съехал на бок и в сочетании с избитым лицом создавал комический эффект. Робин попытался вмешаться, но Элфи успел за волосы оттащить Джудит в сторону. Парик каким-то чудом еще держался на голове женщины. Джудит пронзительно визжала. Робин схватил Элфи за руку и заставил его

отпустить миссис Остин. Платье Джудит порвалось, обнажив часть ее бюстгалтера. Браслет выскользнул оттуда и упал на пол. Элфи поднял его. Затем влепил Джудит еще одну звонкую пощечину.

Робин обнял миссис Остин. Она, всхлипывая, прильнула к нему.

— Извини, Джудит, — прошептал он. — Но если женщина ведет себя, как бездомная кошка, с ней и обращаются соответствующим образом.

Они замерли, услышав звонок и стук в дверь.

— Откройте! Полиция! — прозвучал громкий голос.

— О, Боже, — Джудит снова всхлипнула. — Это убьет Грегори. Посмотрите на меня.

— А я? — закричал Элфи. — А Серджио? Пресса погубит нас... все из-за тебя, стерва!

Джудит прижалась к Робину.

— Спаси меня. Боже мой, спаси меня, и я никогда больше не совершу зла.

— Она больше не совершит зла! Ты можешь спрятаться за свои миллионы. А как быть мне? В моем контракте есть пункт о моральном облике!

Элфи плюнул в нее.

Робин, прижав Джудит к себе, свободной рукой схватил Элфи:

— Элфи, я тебя выручу, но при одном условии: Мэгги Стюарт получит главную роль в твоём фильме.

— Какой фильм? Завтра нас выгонят из города.

— Джудит!

Чуть отстранив от себя Джудит, он посмотрел на ее окровавленное лицо.

— Ты скажешь, что я напился и стал приставать к тебе. Порвал твоё платье. Серджио бросился к тебе на помощь. Я попытался ударить его, но он увернулся, и мой кулак попал на тебя, — это объяснит, почему твоё лицо разбито, — затем я ударил Серджио.

— А что делал я? — спросил Элфи.

— Вы защищали Джудит, и я врезал вам.

Робин крепко заехал Элфи кулаком в челюсть. Элфи издал вопль. Робин еле заметно улыбнулся.

— Извини, дружище, но если ты защищаешь леди, будь готов получить по физиономии.

Робин заметил, что в дверь перестали стучать. Он понял — полиция пытается забраться в дом через задний вход.

— Ну, все помнят свои слова? К нам идет Закон...

Он обернулся — полиция проникла в дом через веранду спальни. Джудит в панике метнулась к двери. Распахнула ее. Фотовспышки ослепили женщину. Репортеры ввалились в комнату. Джудит бросилась к Робину, затем, увидев прессу и полицию, шарахнулась от него. Услышала, точно сквозь сон, объяснения Элфи.

— Произошло всего лишь досадное недоразумение. Мистер Стоун задержался, чтобы поговорить со мной о Мэгги Стюарт — я хочу снимать ее в моей картине — мы выпили по несколько бокалов. Робин, похоже, перебрал. Он не отдавал себе отчета в своих

действиях. На трезвую голову он не стал бы приставать к миссис Остин, она годится ему в матери.

Джудит поджала распухшую губу.

— Слушай, ты, жалкий маленький...

— Спокойно, — сказал Робин. — Скажем так — я сегодня выступил неудачно.

Прибыла «скорая». Все смотрели на доктора, склонившегося над Серджио.

— Что с ним? — с тревогой в голосе спросил Элфи.

— Вероятно, всего лишь сотрясение мозга, — сказал врач. — Точно без рентгеновского снимка сказать нельзя.

Он покачал головой.

— У вас, киношников, жестокие забавы.

Полицейский, которого Робин уже видел, взял его под руку и обиженно посмотрел на него, как бы говоря: «А я-то уважал вас». Элфи пригласили в отделение в качестве свидетеля. Джудит отказалась написать обвинительное заявление, но ее тоже увезли, несмотря на протесты женщины.

В полиции все прошло рутинно, за исключением присутствия множества газетчиков. Робину показалось, что в отделении собрались все городские репортеры плюс оператор местной телестудии. Робин не прятался от камер, но закрывал собой Джудит. Когда один пронырливый фотограф протиснулся между ними и попытался заснять распухшее лицо миссис Остин, Робин разбил его фотоаппарат. Другие репортеры запечатлели эту сцену, но полиция тотчас восстановила порядок. Элфи отказался выдвигать обвинения.

— В конце концов я первый его ударил. К тому же он выпил, — заявил актер.

Доктор сообщил по телефону, что Серджио вне опасности — он отделался легким сотрясением мозга. Робин заплатил штраф за нарушение спокойствия и выписал репортеру чек за порчу камеры. Потом полиция всех отпустила.

Робин подвез Джудит к «Бeverли Хиллз». Он остановил машину на улице Полумесяца.

— Мы можем пройти здесь, минуя вестибюль. Я провожу тебя до коттеджа.

— Робин...

Он посмотрел на нее. Под глазом Джудит образовался кровоподтек, на опухших губах женщины запеклась кровь.

— Приложи к лицу холодный компресс, — посоветовал он. — Завтра у тебя под глазом будет настоящий «фонарь».

Она коснулась его щеки.

— Что мне сказать Грегори?

— То же, что заявила полиции.

Джудит взяла Робина за руку.

— Робин, ты сочтешь меня сумасшедшей, но я действительно тебя любила.

На ее глазах появились слезы.

— А теперь я погубила тебя.

— Нет, детка, я сам сделал это — возможно, вовремя.
Он проводил ее до коттеджа. Внутри домика было темно.
— Я не стану будить Грегори, — произнесла Джудит. — Расскажу ему все завтра.
— Спи спокойно, Джудит.
Она на секунду прильнула к нему.
— О, Робин, почему это должно было случиться?
— Иди в дом, — прошептал он. — Там твое место.
Он направился в свой номер. Выключил телефон, лег на кровать и заснул, не снимая одежды.

В семь утра Клифф Дорн разбудил Грегори телефонным звонком.
— Господи, Грегори, — сказал юрист, — я чуть не упал в обморок, когда узнал новость. Как она?
— Кто?
— Джудит.
Грегори посмотрел на часы, стоявшие на тумбочке.
— О чем, черт возьми, вы говорите?
— Грегори, вестибюль полон репортеров. Ваш телефон был отключен — вы попросили телефонистку вас не беспокоить, — но я уговорил ее соединить меня с вами под мою ответственность. Вы видели утренние газеты?
— Ради Бога, объясните. Я только что открыл глаза. О чем вы говорите? При чем тут Джудит.
— Робин Стоун избил ее.
— Что?!

Грегори бросил трубку и побежал в спальню Джудит. Она спала, уткнувшись лицом в подушку. Он осторожно коснулся ее руки. Джудит что-то пробормотала и проснулась. Потрясенный Грегори уставился на жену.

— Джудит, что с твоим лицом? У тебя синяк под глазом! Что случилось?

— Ничего.

Она попыталась спрятать свое лицо, прижав его к подушке.

Он заставил ее сесть.

— Звонил Клифф. В вестибюле — репортеры. Кажется, в газетах что-то напечатали. Что произошло?

— Закажи кофе, — произнесла она. — Все не так страшно, как ты думаешь.

Грегори поспешил в свою спальню.

— Джудит чувствует себя нормально. Немедленно приходите ко мне и захватите газеты.

Затем он попросил принести кофе. Джудит, наконец, встала с кровати и появилась в гостиной.

— Мне вовсе не так плохо, как может показаться, — сказала она, смущенно улыбаясь.

— Объясни мне, что случилось.

— Рассказывать особенно нечего. Робин много выпил. Внезапно он накинулся на меня. Серджио поспешил мне на помощь. Робин

попытался ударить его, но итальянец пригнулся, и кулак угодил в меня. Затем Робин нокаутировал Серджио. Приехала полиция. Вот и все.

— Это все? Посмотри на себя! Почему ты не вызвала меня? Или Клиффа Дорна?

Джудит отхлебнула кофе.

— О, Грег, ты преувеличиваешь важность происшествия. Полиция всех нас отпустила. Если хочешь знать, Робин даже привез меня сюда.

— Он привез тебя!

— Да, он протрезвел.

Услышав звон дверного колокольчика, Джудит торопливо встала.

— Это, вероятно, Клифф. Я не хочу, чтобы он видел меня.

И она удалилась в спальню.

Клифф принес газеты. Грегори поморщился, увидев первые полосы с большими черными заголовками. Все они были вариациями на одну тему.

«Машина любви избивает жену владельца телекомпании. Гранитный кулак Стоуна. Ночь, когда Машину любви охватил амок».

Все публикации были похожи одна на другую. Грегори стал рассматривать фотографии. Все, кроме Робина, прятались от камер. Только Стоун выглядел невозмутимо. На его лице даже была легкая усмешка.

Клифф сидел с таким видом, точно он присутствовал на похоронах. В дверь постоянно звонили — посыльный приносил телеграммы от нью-йоркских знакомых Джудит. На востоке день уже заканчивался — к этому времени весть и фотографии дошли до всех уголков страны.

Грегори ходил по комнате.

— Откуда все стало известно прессе?

— Один человек предупредил газетчиков. Он не знал, что тут замешана Джудит. Это детектив, следивший за Робинсом с момента его прибытия в Калифорнию.

Из своей спальни показалась Джудит. Она замазала жидкой пудрой кровоподтек под глазом и теперь выглядела вполне сносно, только губы ее оставались распухшими. Она даже попыталась улыбнуться Клиффу.

— Я познакомилась с жизнью Западного побережья. И все наши друзья вдруг вспомнили о том, что мы еще существуем. Грегори, представляешь, они находят, что я все равно выгляжу великолепно. Ты бы почитал эти телеграммы. Пегги Эштон хочет устроить большой прием в мою честь. Она назвала меня женщиной века — двое мужчин подрались из-за меня.

Ее улыбающееся лицо светилось детской радостью.

— Мы должны подготовить заявление для прессы, — сказал Клифф.

— Конечно, Робин уйдет из «Ай-Би-Си». Прискорбно, что все так произошло, — он бросил взгляд на Джудит, деловито вскрывавшую телеграммы, — но теперь у нас есть аргумент для совета директоров.

— Нет. Он останется,— произнес Грегори.

Джудит и Клифф посмотрели на него.

— Мы должны замять это дело. Представить его недоразумением. Мы заявим, что Робин вовсе не пристаивал к Джудит. Скажем, что она оступилась и упала с лестницы. Придумаем что-нибудь.

— Нет! — сказала Джудит. — Я не позволю изобразить меня душой, а Робина — героем. Он пристаивал ко мне, это так!

Она выбежала из комнаты.

— Она права,— сказал Клифф. — Опровержение только подогреет интерес к происшествию. Увольте Робина, и через несколько дней все забудется.

— Он останется! Позвоните Дентону Миллеру и предложите ему вернуться на прежнюю должность. Скажите Дену — он будет работать с Робинсом. Они разделят власть поровну, и никто из них не сможет принимать решения без моего одобрения. Я беру бразды правления в свои руки.

— Грегори, вы, вероятно, потеряли рассудок. Вы же искали повода избавиться от Робина. Вот он! — заявил Клифф.

— Я хотел вернуть себе телекомпанию, и я получил ее. К тому же я попросил Робина сопровождать Джудит на эту вечеринку, исполняя ее желание. Теперь, во всяком случае, она воздержится от общения с чуждой ей средой. Но я не собираюсь отдавать Робина на съедение волкам.

— Я считаю, что вы совершаете большую ошибку,— сказал Клифф. — Ни одна телекомпания не возьмет его к себе — он попадет в «черный список».

— Меня не интересует ваше мнение,— отрезал Грегори. — Я плачу вам за юридические консультации. Робин Стоун слишком много сделал для «Ай-Би-Си», чтобы выбросить его на улицу из-за одной безумной ночи. Шум скоро утихнет. Мы перенесем заседание совета директоров на послезавтра. А я пока изучу отчет и зачитаю его. Вызывайте Дена. Во время моего выступления он и Робин будут сидеть у меня за спиной, как два моих главных помощника.

Робин проснулся от стука в дверь и обвел взглядом комнату. Он по-прежнему лежал поперек кровати. Неуверенной походкой Робин добрался до двери. Клифф Дорн вошел в номер и бросил на кофейный столик пачку газет.

Робин взял их. Все выглядело хуже, чем он предполагал.

— Я только что был в коттедже у Грегори,— сказал Клифф. Робин кивнул.

— Я полагаю, он хочет моей отставки.

— Да, разумеется, но он вас жалеет. Он пригласил Дентона Миллера заменить вас, но вы можете оставаться, пока не подыщите себе новое место. Так вы хотя бы сохраните лицо.

Робин подошел к столу и написал несколько строк.

— Я думаю, это следует сделать так,— сказал он. — У меня сейчас нет контракта с «Ай-Би-Си». Его срок уже истек. Вот мое заявление об уходе. Вы можете выступить в качестве свидетеля.

Он протянул Клиффу бумагу и ручку.

Юрист улыбнулся.

— По правде говоря, я давно ждал этого момента.

— Я улечу первым рейсом, на который попаду. Загляну в мой кабинет в Нью-Йорке и очищу стол. Да, Клифф, здесь — программа передач на весну, а также рейтинги, перспективные планы, отчет, с которым я собирался выступать на совете директоров.

Робин вручил Клиффу кейс.

— Я верну его вам в Нью-Йорке.

— Оставьте «дипломат» себе. Вы подарили его мне на рождество в прошлом году.

Робин подошел к двери и распахнул ее.

Грегори Остин уставился на заявление Робина об уходе. Покачал головой.

— Вы сказали ему, что я хочу, чтобы он остался, Клифф?

— Он написал это еще до моего прихода, — ответил юрист.

Грегори пожал плечами.

— Что ж, он только что по доброй воле ушел с телевидения. Будь проклята его гордыня! Если бы он остался работать с Деном, все бы забылось... Возможно, мне следует поговорить с ним.

— Если ты это сделаешь, я уйду от тебя, — внезапно заявила Джудит.

Мужчины изумленно посмотрели на нее.

— Я хочу, чтобы он исчез из нашей жизни. Я не шучу, Грегори. Остин кивнул.

— Хорошо, Клифф, скажите Дену, что все остается в силе. Я хочу, чтобы место Робина занял Сэмми Тибет. Сэмми — хороший человек. Но ему далеко до Робина. Вряд ли у нас появится кто-то, похожий на мистера Стоуна.

— Зачем тебе Сэмми Тибет, если Ден возвращается? — спросила Джудит.

Грегори улыбнулся.

— Я хочу иметь в телекомпании двух мужчин, готовых вцепиться друг другу в глотки.

Клифф кивнул и вышел из номера.

Робин собрал вещи и направился к двери, но тут зазвонил телефон.

— Мистер Робин, вам звонили из сотен газет. В вестибюле вас караулят репортер и фотограф из «Таймс». Если вы не хотите встречаться с прессой, воспользуйтесь выходом на улицу Полумесяца.

— Спасибо, милая. Вы соедините меня с «Мелтон Тауэрс»? Это жилой дом, но там есть коммутатор.

— Да, я знаю номер. Мистер Стоун, я по-прежнему восхищаюсь вами, несмотря на все эти публикации. В наше время не часто встретишь человека, способного подраться из-за женщины сразу с двумя соперниками. По-моему, это романтично.

Девушка засмеялась, потом соединила Робина с «Мелтон Тауэрс».

Мэгги сняла трубку после двух гудков. Ее голос был сонным. Он понял, что она еще ничего не знает.

— Просыпайся, соня, тебя уже ждет на студии твоя телеигра.

— Она начинается в час дня... Робин!

Она мгновенно проснулась.

— Ты звонишь. Значит ли это... ?

— Это значит, что я улетаю в Нью-Йорк, Мэгги, часовым рейсом. После долгой паузы она сказала:

— Ты звонишь, чтобы сообщить об этом?

— Да. И я хотел сказать тебе, что я не...

Он замолчал.

Внезапно ему показалось лишним объяснять Мэгги, что он не приставал к Джудит и не бил ее. Он почувствовал, что Мэгги сама поймет это. Ему просто хотелось попрощаться с ней перед отлетом.

— Мэгги, я...

Но она положила трубку.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Декабрь, 1968

Дип Нелсон спешил на ленч в «Сарди» с номером «Эстрады» в руке. Войдя в ресторан, он почувствовал обретенную им власть. Он был Дипом Нелсоном, бродвейским продюсером, а Робин Стоун — человеком из далекого прошлого. С момента большого скандала миновал год; никто не знал, куда делся Робин и что с ним. Он просто исчез. Дип выбрался на поверхность. Вернулся в мир шоу-бизнеса. Если не актером, то ведущим бродвейским продюсером. У Джо Каца, который хотел, чтобы Паули сыграла в его постановке главную роль, не было иного выхода, как сделать Дипа сопродюсером. Мюзикл стал величайшим хитом на Бродвее. Дип останавливался у каждого столика и показывал всем восторженные отзывы, опубликованные в «Эстраде». Люди слушали его. Они уже читали «Эстраду» и знали, что у Паули роман с партнером по шоу.

Кристи Лейн, сидя в самолете, просматривал номер «Эстрады». Его лицо расплылось в широкой улыбке. Затем он вырвал из страницы короткую заметку: «Кристи Лейн, Этель Лейн и Кристи Лейн-младший возвращаются из Лос-Анджелеса в Нью-Йорк».

Он сложил бумажку и спрятал ее в блокнот.

— Первое упоминание о Лейне-младшем в «Эстраде». Я положу его вместе с сообщением о рождении нашего сына.

Этель улыбнулась, держа малыша на руках.

— Мы устроим после премьеры грандиозный прием. К нам прилетят Элфи, Серджио и половина Голливуда.

Кристи кивнул, откинулся на спинку сиденья и попытался задремать. Идея сделать мюзикл на Бродвее будоражила Кристи. Он даже был готов работать с Айком Рианом. Пока что все шоу Риана имели успех. И Аик умел ставить людей на место. Когда Дип Нелсон попробовал навязаться к нему в сопродюсеры, Аик тотчас послал его к черту. Тогда Дип заключил договор с Джо Кацем. Паули стала

звездой. Надо отдать должное Дипу — он многому научился у Робина Стоуна. Забавно — Робин был когда-то сильнее всех, а потом вдруг испарился в мгновение ока. Внезапно Кристи вспомнил Аманду — теперь он мог думать о ней без душевной боли. Она превратилась в туманное воспоминание. Этель дала ему единственное, о чем он по-настоящему мечтал, — сына. Кристи счастливо улыбнулся.

Этель, прижимая к себе малыша, поцеловала его в макушку. Удивительно — она забеременела, чтобы оказывать давление на Кристи. А теперь ребенок был для нее единственным действительно дорогим ей существом. Всю свою неизрасходованную любовь она изливала на него. Но она не допустит, чтобы он стал маменькиным сыночком. Сумеет вовремя предоставить ему свободу. Ее малыш должен стать счастливым человеком. Бродвейская премьера Кристи произведет сенсацию. Этель была довольна своей жизнью. Она стала названной матерью Элфи и Серджио, хозяйкой Голливуда. Ее мечты, родившиеся в Хэмптрэмке, практически осуществились. Она не вышла замуж за красавца-киноактера, но она имела Кристи и достаточно свободного времени для развлечений на стороне. Однако мужчины не приближались к миссис Кристи Лейн. Очевидно, ее слишком уважали. Господи, нельзя получить все...

Дентон Миллер прочитал опубликованные в «Эстраде» рецензии на свое новое шоу. Они были убийственными. Высоким оставался лишь рейтинг старых передач, выбранных Робинем Стоуном. Робин ворвался в мир ТВ, как метеор, но быстро сгорел. Ден напоминал об этом Сэмми Тибету каждый раз, когда тот начинал поднимать голову. Тибет был талантлив. Ему, Дену, следует внимательно приглядывать за ним — второго Робина он не переживет. Да и сам Грегори не допустит повторения случившегося. Мистер Остин снова был на коне и правил стальной рукой. Он собирался отменить новое эстрадное шоу, которое Ден в сентябре запустил в эфир. Ден предвидел это событие. Оно произойдет завтра на еженедельном совещании. Ден закурил сигарету. Язва напомнила о себе. Он посмотрел на потолок и обещал себе бросить курить, если завтра его не уволят из «Ай-Би-Си». Прочитал ли Грегори «Эстраду»?

Грегори видел «Эстраду». Но сейчас он смотрел на свежий номер «Женской одежды». Обложку журнала украшала фотография Джудит. Он с любовью разглядывал изображение жены. Грегори каждый раз вздрагивал, вспоминая снимок Джудит, появившийся когда-то на первых полосах всех лос-анджелесских газет. Как ни странно, Джудит вернулась в Нью-Йорк знаменитостью. Неделю она замазывала глаз жидкой пудрой. Исчезновение Робина Стоуна создало вокруг Джудит новую ауру. Это лишний раз доказывало непредсказуемость женщин. Джудит снова оказалась в гуще светской жизни. Господи, на этой неделе каждый вечер занят приемом или премьерой. Грегори внезапно вспомнил, что в пять часов его ждет примерка нового костюма у портного. Джудит также заставила его заказать велюровый смокинг для их «яичного коктейля». В этом году он будет еще более

грандиозным, чем прошлогодний. Грегори посмотрел на фотопортрет Джудит и улыбнулся. Она никогда не выглядела лучше и никогда не казалась более счастливой...

Все они читали «Эстраду», но никто не заглянул в литературный раздел, где была опубликована маленькая заметка следующего содержания: «Робин Стоун, бывший президент телекомпании «Ай-Би-Си», только что завершил работу над книгой, которая выйдет в издательстве «Эссендес» к концу весны».

Мэгги Стюарт поднялась на борт самолета британской авиакомпании «БОС», летевшего в Лондон. Она тоже везла с собой номер «Эстрады», открывавшийся статьей о ее отказе сниматься у Элфи Найта. Но когда авиалайнер оторвался от взлетной полосы, она читала не «Эстраду». Мэгги в очередной раз перечитывала телеграмму:

«Отель Дорчестер Лондон Англия

Мисс Мэгги Стюарт Мелтон Тауэрс Беверли Хиллз Калифорния

Ты нужна мне Робин»

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ.	5
Часть первая. АМАНДА	6
Часть вторая. МЭГГИ	173
Часть третья. ДЖУДИТ	281

Литературно-художественное издание

ЖАКЛИН СЬЮЗАНН

МАШИНА ЛЮБВИ

По заказу МП «Дельта»

Художественный редактор Т. П. Короленко
Технический редактор И. А. Омельченко
Корректоры В. Л. Светличная, Н. С. Калинина

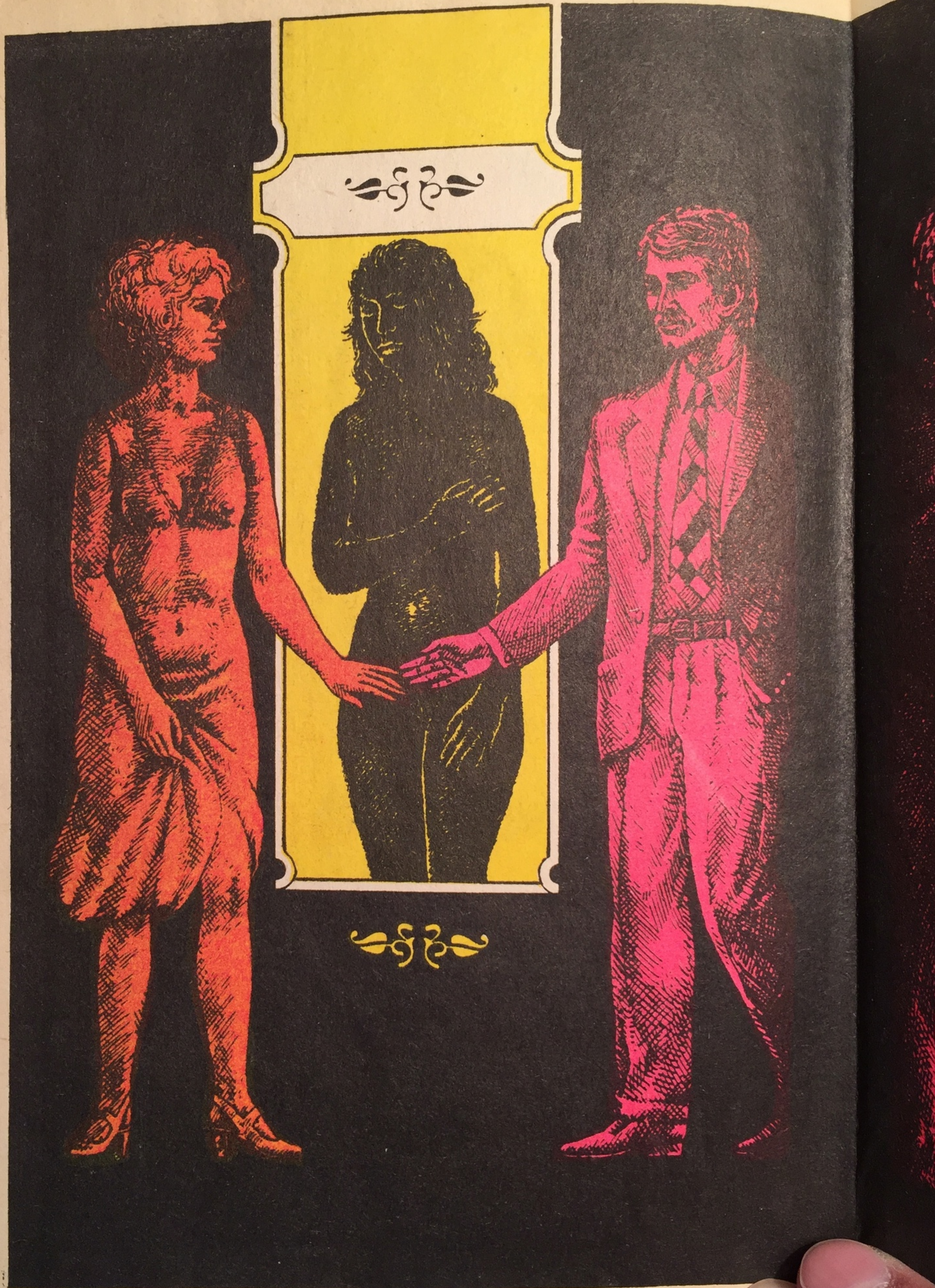
Сдано в фотонабор 18.08.92. Подписано в печать 02.10.92. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага
типогр. № 2. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 25. Усл. кр.-отт.
26,25. Уч.-изд. л. 26,28. Изд. № 2228. Зак 2-202.

Издательство «Основа» при Харьковском государственном университете.
310005 Харьков, пл. Восстания, 17.

Харьковская книжная фабрика «Глобус».
310012 Харьков, ул. Энгельса, 11.

90¹/₁₆. Бумага
Усл. кр.-отт.

ситете.

Человек создал машину.
Машина не ведает любви, ненависти
и страха; она не подвержена
язвам, сердечным приступам
и душевным волнениям.

Возможно, человек способен выжить,
лишь превратившись в машину.

Некоторым это удается...

Иногда эта метаморфоза происходит
незаметно для самого индивидуума...

Робин Стоун был красивым мужчиной.
Он умел улыбаться одними губами.
Он умел думать, не испытывая эмоций.
Он умел заниматься любовью...

Робин Стоун был Машиной любви.

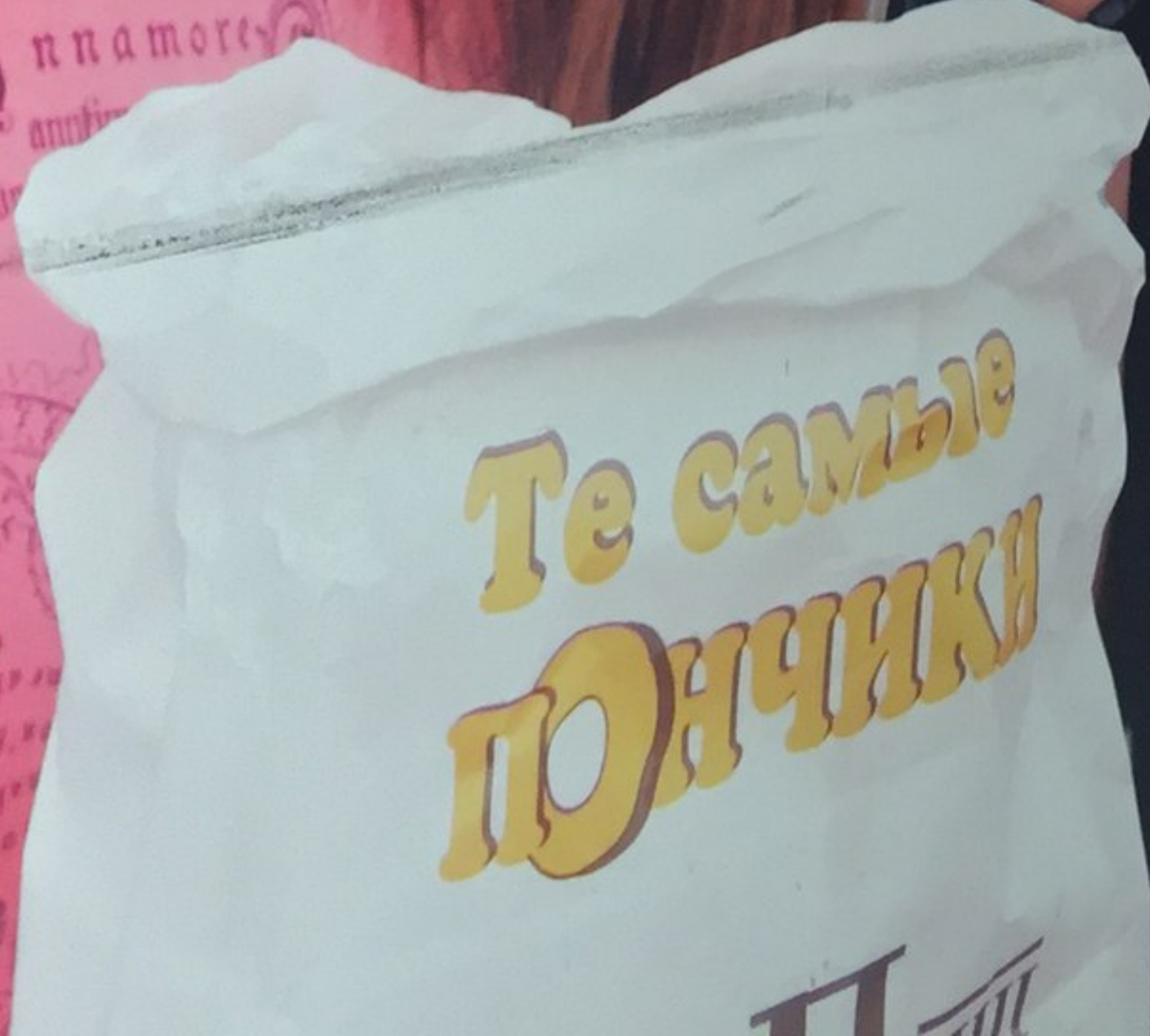
W. A. H. H.
H. O. H. H.

MANHATTAN

BOOKS

Рус Пыш

TOP DONATE:
DANIEL - 516 330,12 RUB

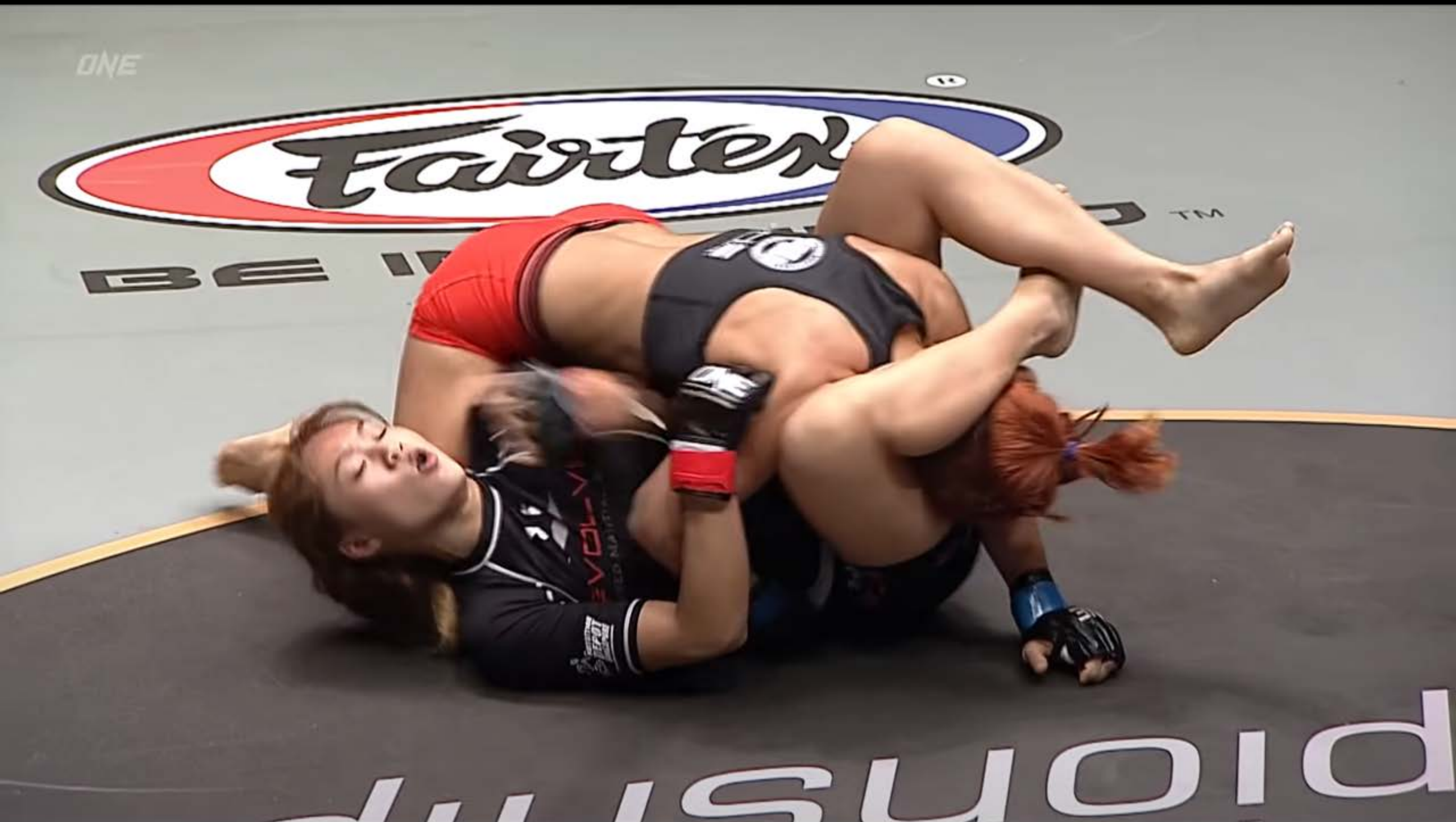
👍 1194

МАЙСКАЯ ПОЛОСОЧКА

This Fight Ended With A NASTY Rear-Naked Choke 🤯

ONE

RE:SHOW
24/7 RESIDE

Lupo: Los objetivos han sido capturados.

Активация Windows

Чтобы активировать Windows, перейдите в раздел "Параметры".

